
Генерал
КУТЕЛОВ

· БЕЛЫЕ ВОИНЫ ·

Сергей Яковлевич

Генерал
КУТЕПОВ

МОСКВА «ПОСЕВ» 2009

Военно-историческая серия «Белые войны»

*Издается по благословению
Святейшего Патриарха
Московского и Всея Руси
Алексия II*

Генерал Кутепов

М.: НП «Посев», 2009

Автор проекта серии – *А. Н. Алекаев*

Научный редактор серии – кандидат исторических наук *В. Ж. Цветков*

Координатор проекта – кандидат исторических наук *Р. Г. Гагкуев*

Седьмая книга серии «Белые войны» посвящена одному из самых известных военачальников белого юга – генералу Александру Павловичу Кутепову (1882–1930). Основу издания составил очерк одного из ближайших сослуживцев А. П. Кутепова генерала Б. А. Штейфона. Довоенные годы, Первая мировая (Великая) война, Гражданская война, Галлиполи, жизнь в эмиграции – обо всех этапах жизни А. П. Кутепова генерал Штейфон подробно рассказывает на страницах не публиковавшегося ранее очерка. Помимо него в первую часть книги – «Борьба генерала Кутепова», входят воспоминания сослуживцев и людей, хорошо знавших Александра Павловича. Отдельный раздел первой части составляют документы и материалы (большинство из них публикуется впервые), посвященные как жизни самого А. П. Кутепова, так и воинских частей, в истории которых он сыграл большую роль – Лейб-гвардии Преображенского полка, частей 1-го армейского корпуса белых армий юга России.

Во вторую часть книги – «Судьба генерала Кутепова», вошел очерк историка В. В. Голицына, в котором предпринята попытка на основе неопубликованных ранее материалов прояснить детали похищения и убийства генерала А. П. Кутепова в январе 1930 г.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации и частных коллекций.

Составители и редакторы издания – Р. Г. Гагкуев, В. Ж. Цветков,
при участии В. В. Голицына

Художественное оформление – В. Н. Карпухин, Е. Г. Клодт

Заказы и отзывы направлять по адресу
107497, Москва, ул. Петровка, д. 26, стр. 2, пом. 96, О А Кузнецовой,
тел. (495) 625-92-48, e-mail posevru@online.ru,
Р. Г. Гагкуеву – rg@rusk.ru

© Некоммерческое партнерство «Издательское,
исследовательское и просветительское
содружество “Посев”», 2009

© А. Н. Алекаев, проект серии, 2009

© Р. Г. Гагкуев, В. Ж. Цветков, составление книги,
редакция, примечания и комментарии, 2009

© В. В. Голицын очерк «Похищение и убийство
генерала А. П. Кутепова», 2009

© Д. Трофимов, портрет А. П. Кутепова, 2009

© В. Н. Карпухин, Е. Г. Клодт, оформление, 2009

ISBN 978-5-85824-190-4

Предисловие редактора

«Пение похвальное приносим ти, страстотерпче Александре,
устне сердца смиренно любовь отверзающее,
Богу укрепляшему и прославляшему тя зовем: Аллилуйя».
Кондак Святому мученику Александру Каталитскому

Книга об Александре Павловиче Кутепове не первая в литературе, отражающая его боевую службу, отдельные страницы насыщенной военной биографии. Генерал Кутепов, бесспорно, – один из самых авторитетных, уважаемых военачальников Белого движения на Юге России, достойный продолжатель боевых заветов Российской Императорской армии. Участие в Русско-японской войне, служба в Лейб-гвардии Преображенском полку, где он прошел путь от командира Государевой роты до командира полка. Фронтовые будни Второй Отечественной войны. Беспрекословная верность Престолу и попытка остановить разгорающийся пожар революционного бунта в Петрограде в феврале 1917-го. Командование Корниловским ударным полком и легендарным 1-м корпусом Добровольческой армии, включавшем Корниловцев, Марковцев, Дроздовцев и Алексеевцев, командование 1-й Русской армией в Крыму, командование добровольческим корпусом в Галлиполи и Болгарии, руководство Русским общевоинским союзом – все это вехи его славного жизненного пути.

На всех занимаемых должностях Кутепов отличался удивительной цельностью характера, последовательностью поступков. Подобно мощному монолиту, стальному стропилу выносил он на своих плечах все тяготы и лишения Белой борьбы. Крестный путь ради спасения Отечества был пройден им будто на едином дыхании.

Отметим символическое совпадение судьбы генерала и земной жизни Святого мученика Александра Каталитского – небесного покровителя Александра Кутепова. Александр Каталитский жил в царствование императора Диоклетиана. Он и его брат были кузнецами. Не желая участвовать в казнях первых христиан, они сами приняли мученическую кончину, смертью своей запечатлев непоколебимую верность Господу Нашему Иисусу Христу.

Кондак святому мученику гласит: «Спаситися хотяй всем человеком, и в разум истинный прийти, иже на крови мучеников Церковь свою основавый, Христос Бог наш, избравый тя, Александре, во основание новыя храмины своея, да сущия в ней верно вопиют: Аллилуйя».

Такой была и биография Кутепова. Подобно древнему кузнецу, он выковал себя, свою волю, свою веру. Выковал и свой корпус, сделав его стержнем, основой Добровольческой армии. Дважды, после «Новороссийской катастрофы» 1920 года и эвакуации Крыма, ему приходилось спасать своих солдат и офицеров. Спасать не от большевистских пуль и снарядов, а от греховного маловерия, малодушия, сомнений и колебаний. Но выстоял корпус, очистился и укрепился, став под суровыми ударами молота блестящей, несгибаемой сталью.

Но трудным, тернистым был его путь военной карьеры. Не сразу удалось Кутепову поднять боевой дух добровольцев после Крымской эвакуации 1920 года. И здесь ему помогли соратники. Воспоминания одного из них – генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона стали основой этой книги о Кутепове, задуманной и подготовленной в 2007–2008 гг.

Как и святой мученик Александр, Кутепов не изменил своей вере и своим убеждениям. У него не было ни малейших попыток пойти на «соглашение» и «примирение» со своей совестью, отказаться от борьбы. Как и святой мученик Александр, Кутепов знал, что его ждет гибель в этой борьбе. Но, зная это, ни разу не отступил, не отошел в сторону, не отрекся от своего Креста. Проявил бесстрашие в исповедании Веры, готовность «претерпеть до конца». И мученической своей кончиной показал пример своим последователям в Белом воинстве, членам Русского общецарского союза, своим соратникам.

Сегодня, постепенно восстанавливая и осозная правду, ради которой погиб генерал Кутепов, мы убеждаемся в сложности, противоречивости истории нашего Отечества XX столетия.

Есть и другой, весьма значимый символ. После освобождения Харькова белыми войсками, 16 июня 1919 года, Преосвященный епископ Феодор благословил генерала и вверенных ему солдат и офицеров Чудотворным Образом Божией Матери, именуемым Озерянская. Эта икона стала Одиитрией 1-го армейского корпуса. Вместе с генералом Кутеповым она покинула Россию. Затем Чудотворный Образ таинственно исчез и до сих пор не обретен.

Можно верить, что второе обретение Чудотворного Образа все же произойдет. Можно верить и в то, что будет найдена могила генерала Кутепова, будут установлены исполнители и организаторы его убийства.

Символично и оформление этой книги. Крест – как символ крестного пути русского воинства отразился в знаках, которые по праву носил Александр Павлович. Как выражение преемственности Русской Императорской армии и Русской армии 1920 года совместились Андреевский крест в знаке Лейб-гвардии Преображенского полка, Мальтийский крест в знаке Марковского полка и равноконечный черный Галлиполийский крест. Не случайно, очевидно, двумя самыми любимыми униформами генерала Кутепова были форменная гимнастерка с золотыми погонами Преображенцев и гимнастерка с черными погонами Марковского полка.

Составители книги выражают глубокую признательность за предоставленные материалы и фотографии, а также помощь в подготовке книги и консультации директору Государственного архива Российской Федерации С. В. Мироненко, руководителю Отдела документов по истории Белого движения и эмиграции ГА РФ Л. И. Петрушевой, директору Российского государственного военного архива В. Н. Кузленкову, специалистам Российского государственного военно-исторического архива Т. Ю. Бурмистровой, М. С. Нешкину и всем сотрудникам архивохранилищ, А. А. Марову (Череповец), Военно-историческому клубу 13-го пехотного Белозерского полка (Вологда), Л. И. Кудрявцевой (Москва), И. И. Фризену (Германия), М. Дидье (Франция), В. Колесову (Франция), А. С. Пученкову (Санкт-Петербург) и В. Г. Чичерюкину-Мейнгардту (Москва).

В. Ж. Цветков,
 научный редактор серии «Белые войны»,
 главный редактор альманаха «Белая Гвардия»

часть первая

**БОРЬБА
ГЕНЕРАЛА
КУТЕПОВА**

ГЕНЕРАЛ А. П. КУТЕПОВ

В истории русской смуты имя Александра Павловича Кутепова занимает свое почетное место. Не подлежит сомнениям, что в представлении современников ни один белый вождь не воспринимается таким понятным и внутренне прямолинейным, как генерал Кутепов. Его трагическая, таинственная гибель не может не вызывать самых искренних сочувствий. В настоящее время личность и деятельность А. П. Кутепова являются уже достоянием истории. И будущему историку русской национальной борьбы предстоит, казалось бы, не слишком сложная задача – обрисовать духовный облик покойного белого вождя.

В действительности личность Александра Павловича, во всех ее разновидностях, гораздо сложнее, чем представляется современникам. В его характере сочетались черты иногда поразительных противоречий, и в этом смысле личность Александра Павловича может быть весьма любопытной для психолога.

Автор настоящего исследования в течение ряда лет был ближайшим сотрудником генерала Кутепова. Настолько близким, доверенным и полномочным, что при историческом анализе деятельности Александра Павловича, в ее наиболее ярком периоде, имена генерала Кутепова и генерала Штейфона неотделимы друг от друга.

В дальнейшем, после 1924 года, когда Александр Павлович переехал в Париж, прекратились служебные отношения обоих генералов, но частная связь оставалась неизменной. Многочисленные письма, какие в течение шести лет парижского периода своей жизнедеятельности писал Александр Павлович генералу Штейфону, составляют чрезвычайно ценный биографический материал, а потому широко использованы в настоящем труде.

В силу близких, многолетних служебных и частных отношений с Александром Павловичем генерал Штейфон является, несомненно, единственным лицом, какое знало и угадывало генерала Кутепова лучше и достовернее, чем кто-либо иной.

Подобное знание и налагает обязанность стремиться сохранить для истории облик генерала Кутепова наиболее близким к истине.

1939 год
Югославия
Б. А. Штейфон

ГЛАВА ПЕРВАЯ

А. П. Кутепов родился 16 сентября 1882 года* в скромной семье провинциального чиновника. Его детство и ученические годы прошли в Архангельске, среди суровой природы, закалившей его тело и положившей несомненный отпечаток на его душевные свойства.

Скромное материальное положение его отца и многодетная семья приучили мальчика к умеренной жизни и привили ему те спартанские вкусы, какие в дальнейшем так были присущи Александру Павловичу.

По окончании Архангельской гимназии Кутепов поступает в августе 1902 года во Владимирское военное училище в Петербурге.

Строгий режим училища нелегко усваивался юношей, выросшим в условиях далекой, глухой провинции, еще хранившей много привычек патриархального уклада. Однако для Александра Павловича военная служба являлась не рассудочным выбором жизненной профессии, а искренним и самым сильным влечением его характера. Подобное влечение и помогало молодому юнкеру не только быстро освоиться с училищной жизнью, но и быстро войти во вкус военного уклада.

Гимназическая подготовка давала возможность успешно преодолевать теоретический курс. И Саня Кутепов учился прекрасно. Его слабой стороной было строевое обучение, то есть тот камень преткновения, какой обычно трудно преодолевается всеми молодыми людьми, попавшими в военное училище из гражданских учебных заведений.

Однако та настойчивость, то волевое упорство, какие являлись отличительной чертой генерала Кутепова, были свойственны и юн-

* Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

керу Кутепову. Ночью, когда здоровая, утомленная дневной работой молодость так сладко спит, Александр Павлович вставал, забирался в отдаленные темные коридоры и там в одиночестве проделывал все те строевые упражнения, какие ему не давались во время занятий. Однажды ночью его застал за подобными упражнениями дежурный офицер:

- Что вы здесь делаете, юнкер?
- Ружейные приемы, господин капитан!
- В 2 часа ночи?
- Так точно, господин капитан!

Дежурный офицер заинтересовался столь необычным юнкером, расспросил, в чем дело, похвалил за старание, но отправил спать...

Этот незначительный эпизод обратил внимание училищного начальства на юнкера Кутепова. Добившись своего и прекрасно усвоив строевую технику, Александр Павлович оканчивает училище фельдфебелем в 1904 году. Год войны с Японией, когда Русская армия воевала в Манчжурии.

Подпоручик Кутепов выходит в 85-й пехотный Выборгский полк, находившийся на театре военных действий. Он жаждет боевых переживаний и полон военного пыла.

По прибытии в полк Александр Павлович просит о назначении его в охотничью команду, то есть в ту часть, на какую возлагались наиболее опасные поручения. Ряд боевых наград, и в том числе орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, свидетельствовал о доблестной работе молодого офицера.

Все указания военной службы Александра Павловича говорят о той напряженной гимнастике воли, которая постепенно создала ему тот волевой фундамент, на котором в дальнейшем и базировалось его мировоззрение.

По возвращении с войны судьба готовила Александру Павловичу резкое изменение его служебной карьеры: 18 ноября 1906 года он был прикомандирован, а через год и переведен в Лейб-гвардии Преображенский полк.

В мирное время служба и жизнь гвардейского офицера значительно отличались от уклада армейской среды. К тому же даже в гвардейском быту Преображенский полк занимал привилегированное положение «первого полка» Российской армии. Подобное положение объяснялось той близостью к Трону и ко Двору, которая неизменно существовала на протяжении 200-летнего существования этой воинской части.

Император Николай II, в бытность Наследником Престола, командовал батальоном Преображенского полка, любил «свой полк», напоминавший ему дни молодости, и в повседневной жизни обычно носил форму этого полка. Таким образом, кроме официальной близости к Монарху, полк был связан с особой Государя еще и иными, более интимными отношениями. При указанных условиях служба в Преображенском полку была почетна, но в то же время налагала и тяжелые обязанности.

Как известно, уклад жизни Царской Семьи отличался большой простотой, скромностью, задушевностью и, за исключением официальных торжеств, был лишен пышности Императорского Двора. Государь и Государыня питали склонность к семейной жизни и ревниво охраняли свое право на спокойный уют Царскосельского дворца. Столь скромные вкусы и привычки Царской Семьи, в силу понятных психологических причин, передавались и тем, кто составлял частное и служебное окружение Царя. Поэтому и жизнь гвардейских частей была проникнута скромностью и умеренностью.

Однако особое служебное и общественное положение Лейб-гвардии Преображенского полка налагало на него ряд обязанностей представительного характера – дворцового, полкового, светского и т. п. Правда, владея богатыми угодьями и капиталами, полк всемерно облегчал материальное положение своих офицеров, но все же невозможно было представить преображенского офицера, живущего только на свое офицерское жалование.

В подобную привилегированную семью попадает подпоручик Кутепов, не обладавший ни знатностью рода, ни средствами, ни связями. Попадает в силу случайно сложившихся обстоятельств.

Как последствие настроений 1905 года, в одном из батальонов Лейб-гвардии Преображенского полка проявилось брожение среди солдат. Оно ознаменовалось незначительными эпизодами, но так как произошло в таком полку, как Преображенский, то было решено примерно наказать виновный батальон. Зачинщики были преданы суду, а остальной батальон в полном составе был отправлен в село Медведь Новгородской губернии, где и перешел на положение дисциплинарной части. Офицеры этого батальона были тоже отправлены в Медведь за то, что и не сумели, и не успели предотвратить возникшего брожения.

Таким образом, создалась необходимость на место опального батальона сформировать в спешном порядке новый. Полк не обладал возможностью выполнить такую задачу наличными силами

своего офицерского состава, а потому в армейские части были направлены предложения желающим перейти на службу в Лейб-гвардии Преображенский полк. При этом, конечно, требовалось, чтобы желающие удовлетворяли запросам выдающейся аттестации и соответствовали тем условиям, какие вообще предъявлялись офицерам, выходящим в Гвардию.

Как прекрасный строевой офицер и к тому же отличившийся на войне, подпоручик Кутепов и был переведен в Лейб-гвардии Преображенский полк. Процесс перевода армейского офицера в Гвардию был таков: офицер сперва прикомандировывался к гвардейскому полку, то есть продолжал числиться в своем армейском полку и носить свою армейскую форму. За время годичного прикомандирования офицер тщательно «изучался» во всех отношениях и, если результаты такого изучения были благополучны, то затем уже переводился.

Таким образом, если подпоручик Кутепов, в силу естественно-го для его возраста недостатка жизненного и служебного опыта, мог и не представлять истинных условий жизни такого полка, как Лейб-гвардии Преображенский, то в период прикомандирования он достаточно полно осознал те условия, в каких ему предстояло служить.

Уже в Галлиполи, то есть в зрелые годы своей жизни, Александр Павлович любил повторять: «Я прошел три школы – строевую службу в Лейб-гвардии Преображенском полку, Черноморское губернаторство и Галлиполи». Ввиду такого признания представляется любопытным задержаться на периоде пребывания Кутепова в Преображенском полку. Такое исследование не только выявит основные черты его характера, но и даст данные для уразумения, под давлением каких факторов сформировалось мировоззрение генерала Кутепова.

Выше уже указывалось, что полковая среда Лейб-гвардии Преображенского полка была средой во всех отношениях привилегированной, аристократичной. Круг частных, внеслужебных отношений, в котором протекала личная и светская жизнь офицеров полка, была ограничена хотя и неписанными, но вполне определенными требованиями традиций, привычек и условностей. Все это мало чем напоминало Александру Павловичу архангельскую патриархальность быта или скромные условия армейской жизни. В столь новой и чуждой обстановке нетрудно было растеряться и более опытному, более бывалому человеку.

Служебные требования не страшили молодого Кутепова: он знал «назубок» устав и был прекрасным строевиком. К тому же на его груди был редкий в то время для подпоручика орден Святого Владимира с мечами и бантом. Награда, уже обеспечивающая служебные симпатии! Несравненно больше затруднений встретилось в области материального обеспечения и светского характера. Но тут Александру Павловичу помогают как приобретенный ранее волевой закал, так и здравый смысл «архангельского помора».

После неудачной Японской войны Русская армия переживала период действительно великих реформ. Чуткая совесть армии остро чувствовала позор поражений и осознавала свою долю вины в Маньчжурских неудачах. Дальневосточный опыт был вдумчиво использован и осуществлен в ряде благодетельных реформ. Никогда армия не училась так старательно, так жадно, с таким горением духа.

В этот светлый период жизни Русской армии, когда гвардейские части стремились быть образцовыми во всех отношениях, огромная работа совершалась, конечно, и в Лейб-гвардии Преображенском полку. Своим здравым смыслом Александр Павлович понял, что, не обладая средствами, связями, светскими наклонностями, он может упрочить свое новое положение только служебными качествами. И упрочить тем легче, что строевая служба наиболее увлекала подпоручика Кутепова. Четкая регламентация уставных требований и взаимоотношений вполне соответствовала природному прямолинейному уму и характеру Александра Павловича, и он проводит все время в казармах, ревностно выполняя свои офицерские обязанности. В его близости к солдатам не было, однако, ни тайного, ни явного заигрывания. Наоборот – он строг и требователен, но всегда заботлив и человечен.

Во время перерыва занятий он с увлечением обсуждает в офицерском собрании подробности занятий и высказывает точное знание всех отраслей строевого обучения. По четвергам в Собрании армии и флота устраивались доклады и лекции, посвященные разбору и выводам недавней войны, перспективам реформирования вооруженных сил. Кутепов – усердный посетитель таких собраний.

Скоро в полку создается, а затем и укрепляется мнение, что Кутепов занят только службой и интересуется только службой. Усвоенная еще в училище строевая выправка внедряется в Кутепова-преображенца настолько глубоко, что до конца дней Александра Павловича она была его характерной и неизменной особенностью. Подобная уставная внешность не была, однако, только служебным

стилем. Он пользуется ею и в частной жизни, и тем гарантирует себя от промахов светского характера.

Александр Павлович не пьет, равнодушен к изысканной пище, не имеет никаких других слабостей. А так как к тому же он «занят только службой» и «говорит только о службе», то это избавляет его от необходимости участвовать в светских развлечениях, к каковым вообще склонна молодежь. В итоге настойчиво и упорно Кутепов создает себе независимое положение в полку и с достоинством живет на свои скромные материальные ресурсы. Более того: своим «стилем» он увлекает и других. Ему подражают, усваивая его строевую ухватку.

В чине поручика он уже настолько авторитетен*, что позволяет себе открыто осуждать проявления снобизма, каковые, наряду с петербургским обществом, были свойственны и многим молодым гвардейским офицерам. Следует отметить, что другому (кроме Александра Павловича) не простили бы подобных осуждений, особенно если «другой» был переведен из армии и не обладал средствами и связями...

Насколько Александр Павлович был ценен своим начальством** как отличный офицер, можно судить по перечню тех должностей, какие он занимал, будучи младшим офицером: помощник начальника учебной команды, начальник пулеметной команды, начальник команды разведчиков. Полковая «табель о рангах» представляла такие должности только лучшим офицерам.

Перед Великой войной штабс-капитан Кутепов – начальник полковой учебной команды. Эта должность как нельзя больше соответствовала характеру и наклонностям Александра Павловича и, конечно, не случайно он в своей дальнейшей службе часто вспоминал о ней. Эта должность была доказательством его служебного авторитета наставника, его строевых способностей и помогала укреплению его положения в Лейб-гвардии Преображенском полку.

* Во время Великой войны, в декабре 1916 г., полковник А. П. Кутепов на общем собрании офицеров полка был выбран в суд чести и в состав его распорядительной комиссии (Российский государственный военный архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1157. Л. 328), 1 апреля 1917 г. Кутепов вновь был переизбран в суд чести уже в условиях начавшейся «демократизации» армии (Там же. Д. 1277. Л. 7). Здесь и далее – примечания составителей.

** См. в разделе «Документы и материалы» характеристику и аттестацию А. П. Кутепова, данные ему непосредственным начальством (С. 356–357).

В этот период, то есть с ноября 1906 по июль 1914 года, у Александра Павловича благодаря природным особенностям и воздействию окружающей среды закрепляется глубокое осознание долга, что, в свою очередь, прививает ему убежденную добросовестность в исполнении всех принимаемых на себя обязанностей.

В этот же период проявляется и его главная черта, о которой мало кто подозревал: удивительное угадывание границ своих духовных сил. Он верно расценивал предел своих возможностей и этой своей интуицией руководствовался всю жизнь. К сожалению, столь завидная способность утеряла свою остроту в последний период его деятельности. И, несомненно, что подобное снижение интуиции стало одной из причин его трагической гибели...

Всю Великую мировую войну Александр Павлович проводит в строю, за исключением тех периодов, когда ранения отправляют его в тыл. По свидетельству его сослуживцев, все, кто близко знал Кутепова в мирное время, были убеждены, что на войне он будет героем. Александр Павлович не обманул этих ожиданий, и Лейб-гвардии Преображенский полк гордился его подвигами. Три ранения*, Георгиевское оружие**, орден Святого Георгия 4-й степени*** и

* Первое ранение А. П. Кутепов получил в бою 20 августа 1914 г. при деревне Владиславовке Люблинской губернии – ружейной пулей в ногу ниже колена. Второе – 31 марта 1915 г., в бою при деревне Корытке Ломжинской губернии, осколком снаряда в верхнюю часть правой ступни (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 875. Л. 149 об.). Уже 12 мая Кутепов прибыл в полк и вступил в командование 4-й ротой (Там же. Д. 951. Л. 44). Третье ранение было получено в бою 27 июля 1915 г. при деревне Петрилово Владовского уезда, ружейной пулей в левый пах. Кутепов возвратился в полк 20 октября 1915 г., вступив в командование Его Величества ротой и временное командование 1-м сводным батальоном (Там же. Д. 957. Л. 30).

** Пожалование Георгиевским оружием по удостоению местной Георгиевской думы приказом по Особой армии последовало 4 сентября 1916 г. (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1157. Л. 252); утверждение награждения приказом по армии и флоту произошло 26 февраля 1917 г. (Там же. Д. 1278. Л. 37).

*** Постановление Георгиевской думы о награждении капитана А. П. Кутепова орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени было утверждено командующим 1-й армией 31 октября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Л. 46). 26 сентября 1916 г. Высочайшим приказом было утверждено пожалование Кутепова орденом за то, что «что 27 июля 1915 г. в бою у деревни Петрилово, когда немцы после усиленной подготовки артиллерийским огнем тяжелых орудий захватили окопы одной из рот, он, находясь в частной поддержке, не имея возможности по условиям

представление к ордену Святого Георгия 3-й степени – награде, для штаб-офицера чрезвычайно редкой (представление не получило утверждения ввиду революции)*, свидетельствуют о боевой работе штабс-капитана, капитана и полковника Кутепова**. Назначение командиром роты Его Величества, командиром 2-го батальона, а затем и полка – вот его служебные этапы***.

Во время революции Александр Павлович остается прежним примерным офицером, всегда готовым жертвовать собой. В то время, время снижения всякого авторитета, полковник Кутепов еще продолжает импонировать развращенной солдатской массе своим строевым стилем, сохраняет доверие у солдат-преображенцев****.

боя получить указаний, по собственной инициативе перешел в контратаку и, несмотря на значительные потери, выбил противника с нашей позиции и восстановил положение, причем хотя был тяжело ранен, продолжал руководить боем до вечера» (Там же. Д. 1157. Л. 226).

Полный список наград Кутепова см. в разделе «Документы и материалы» (С. 362).

Помимо указанных в записке наград 27 ноября 1916 г. Государем Императором было объявлено полковнику Кутепову Высочайшее благоволение за отличия в делах против неприятеля (Там же. Д. 1157. Л. 340).

* Наградной лист А. П. Кутепова к ордену Святого Георгия 3-й степени см. в разделе «Документы и материалы» (С. 387–397).

** За время Великой войны А. П. Кутепов дважды производился в следующий чин: Высочайшим приказом от 3 сентября 1915 г. штабс-капитан Кутепов произведен за выслугу лет в капитаны, со старшинством 10 августа 1915 г. (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 957. Л. 7); Высочайшим приказом от 25 ноября 1916 г. капитан Кутепов на основании приказа по Военному ведомству № 563 (1915 г.) произведен в полковники (Там же. Д. 1157. Л. 336).

*** Согласно приказам по Лейб-гвардии Преображенскому полку за время Великой войны А. П. Кутепов последовательно назначался: с 19 июля 1914 г., по расформировании учебной команды, командиром 4-й роты (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 818. Лл. 42–42 об.); с 23 августа 1915 г. – командиром Его Величества роты (Там же. Д. 955. Л. 27); с 8 ноября 1915 г. принял во временное командование 1-й батальон полка, продолжая командовать Его Величества ротой (Там же. Д. 958. Л. 4); с 30 июня 1916 г. – назначен командиром 2-го батальона (Там же. Д. 1150. Л. 25); с 28 января по 10 февраля 1917 г. – временно командовал полком (Там же. Д. 1274. Л. 38; Д. 2583. Л. 11); с 27 апреля 1917 г. приказом по армии и флоту назначен командиром полка (Там же. Д. 1278. Л. 14).

**** Судя по приказам по Преображенскому полку, в которых на протяжении 1916 г. неоднократно отмечается удовлетворительная подготовка и внешний вид нижних чинов, к началу 1917 г. полк находился в хорошем со-

Осенью 1917 года Александр Павлович командует Лейб-гвардии Преображенским полком, и на его долю выпадает морально тяжелая обязанность ликвидировать полк, которым он так гордился. Он принимает меры, чтобы спасти от гибели наиболее дорогие реликвии полка и исторически ценное имущество; под различными предложениями отправляет офицеров в тыл; разрешает преданным полку солдатам и унтер-офицерам ехать домой, а затем отдает 2 декабря приказ о временном расформировании Лейб-гвардии Преображенского полка*.

Выполнив все, что повелевал ему долг, полковник Кутепов чувствует себя обломком кораблекрушения среди хаоса русской революции. Конечно, он ни в какой степени не принимает революции. Он органически ей враждебен по своему духовному складу, он продолжает оставаться начальником учебной команды.

«Поморский характер» предпочитает действия и не склонен к празднословью и длительным колебаниям. Узнав о возможности

стоянии и боеспособности, готовясь к предстоящей весенней кампании. Достигалось это неуклонным вниманием офицеров к подготовке. Еще будучи временно командующим полком в январе–феврале 1917 г., Кутепов обращал особое внимание на надлежащий вид чинов полка и их подготовку, добиваясь необходимого результата: «В последнее время встречал много нижних чинов, небрежно одетых, без кокард и без погон. Предписываю господам ротным офицерам и начальникам команд осмотреть обмундирование и снаряжение и воспользоваться временем резерва для приведения этих вопросов в полный порядок и однообразие» (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1274. Л. 44). Однако уже в марте ситуация стала быстро меняться, был учрежден полковой комитет, начались братания нижних чинов с противником. Так, командир полка генерал А. А. Дрентельн в приказах неоднократно обращал внимание на недопустимость братаний с врагом: «Пора Вам твердо знать, что всякие переговоры с противником, какой бы они характер ни носили, идут нам во вред и не должны иметь место. Допущенный беспорядок ставлю на вид командиру 2-го батальона (полковнику А. П. Кутепову. – *Прим. сост.*) и предписываю выяснить виновных и наложить на них взыскание. Подтверждаю, что всякий враг, направляющийся из своих окопов, должен быть встречен нашим огнем» (Там же. Д. 1276. Л. 41).

* Как такового последнего приказа по полку А. П. Кутепов не отдавал. После его отъезда на Дон полк формально продолжал существовать еще несколько месяцев. Новым выборным командиром полка стал подпоручик И. С. Зыбин, за подписью которого проводилась демобилизация нижних чинов полка в распоряжение уездных воинских начальников. Последний сохранившийся приказ по Преображенскому полку датирован 8 февраля 1918 г. (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1381).

начать борьбу с большевиками на юге России, Кутепов пробирается через Киев в Ростов. Он чувствует и понимает, что только в обстановке новой борьбы он выправит тот «внутренний вывих», какой причинила его духовной сущности революция.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Для Кутепова Гражданская война началась еще в самом начале революции. Его участие в подавлении уличных беспорядков в февральские дни 1917 года дает наглядное представление о личности Александра Павловича*.

В те роковые для России дни (26 февраля – 1 марта 1917 года)** петербургская власть переживала полную растерянность. Положение могло бы еще исправиться, если бы находившиеся во главе управления лица показали хотя и самую небольшую энергию и решимость против бунта. К несчастью, и главный начальник Петроградского округа генерал Хабалов***, и последний петроградский градоначальник генерал Балк**** были совершенно бесцветными, пассивными фигурами. В своем публичном докладе, сделанном в 1925 году в Белграде, генерал-майор Балк весьма подробно рассказывал о последних днях царского Петрограда. Докладчик яв-

* См. материалы подраздела «А. П. Кутепов и Преображенцы в революции 1917 г.» в разделе «Документы и материалы» (С. 401–420).

** Речь идет о Февральской революции 1917 г.

*** **Хабалов Сергей Семенович** (1858–1924). Генерал-лейтенант, наказной атаман Уральского казачьего войска в 1914–1916 гг. Командующий войсками Петроградского военного округа во время Февральской революции. В ходе начавшихся беспорядков в городе не проявил должной инициативы и утратил контроль над ситуацией; большинство войск отказалось ему подчиняться. Был арестован, освобожден после Октябрьского переворота. В 1919 г. переехал на белый юг, в 1920 г. эмигрировал в Салоники.

**** **Балк Александр Павлович** (1866–1957). Русский государственный деятель. С 1906 г. – помощник Варшавского обер-полицеймейстера. В 1915 г., после занятия Варшавы германскими войсками, переведен в Москву. С ноября 1916 г. – градоначальник Петрограда. С началом беспорядков в столице передал всю полноту власти командующему войсками Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалову. Арестован, освобожден в июне 1917 г. Участник Белого движения. В эмиграции в Югославии, возглавлял объединение Вольнского полка и Белградский отдел Общества русских офицеров. Скончался в г. Сан-Паулу (Бразилия).

но не понимал, какой суровый приговор своей административной деятельности выносил его же собственный доклад. С чувством спокойного удовлетворения повествовал Балк о том, как ежедневно устраивались длительные совещания с целью «обсудить положение в столице». Маловольные, растерявшиеся правители Петрограда теряли драгоценное время и, не решивши ничего на утреннем совещании, – назначали вечернее совещание. И на каждом таком совещании все понимали, что необходимо применить силу против бушующей «улицы». Ее и применяли, но в столь слабой мере, столь бездарно, что «улица» неизменно одолевала.

В разгар событий и при поисках «решительного человека» Хабалов и Балк узнали, что в Петрограде случайно находится Лейбгвардии Преображенского полка полковник Кутепов, офицер мужественный, волевой и решительный, безусловно преданный Престолу*. Как за последнюю соломинку хватаются за Кутепова. Ему дается задание объединить действия военной силы в центральной части столицы и водворить там порядок.

Александр Павлович отлично понимает, что все сроки уже упущены, что преступный маразм высшей столичной бюрократии фактически уже передал город бушующей черни, но верный присяге, долгу, приступает к выполнению полученного приказа...

Таким образом, свое участие в Гражданской войне Александр Павлович начал уже в февральские дни. Его невольное и случайное участие в петроградских событиях показывает, каким высоким моральным авторитетом пользовался уже в то время молодой начальник. Факт сам по себе примечательный!

Отправившись после развала фронта и расформирования полка в Ростов, Александр Павлович привозит туда те же чувства, какие привозили и остальные добровольцы: сознание необходимости начать борьбу с большевиками и глубокую, непримиримую ненависть к большевикам. В Ростове он одним из первых записывается в организацию генерала Алексева**. Он не подчеркивает

* А. П. Кутепов в дни февральских событий находился в Петрограде в отпуске. Примечательно, что и во время октября 1917 г. Кутепов также отбыл из полка в отпуск (с 6 октября по 5 ноября) (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1285. Л. 13; Д. 1286. Л. 6).

** **Алексеев Михаил Васильевич** (1857–1918). Генерал от инфантерии, генерал-адъютант, один из основателей Белого движения. Участник Русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн. В Великую войну: с июля 1914 г. – начальник штаба армий Юго-Западного фронта;

своего прошлого служебного положения и готов принять любое назначение, но при условии, чтобы оно было боевым.

30 декабря 1917 года он назначается «начальником гарнизона г. Таганрога и его района». А когда казачьи части, занимавшие Донецкий бассейн, покидают последний, то на полковника Кутепова возлагается задача обороны подступов к Таганрогу и Ростову. С небольшими силами юнкеров и офицеров, окруженный со всех сторон явными и тайными большевиками, кутеповский отряд ведет с 10 января по 1 февраля 1918 года неравную, но героическую борьбу. Изнемогая в непосильных боях на фронте, Александр Павлович узнает, что в тылу восстало несколько тысяч рабочих Балтийского завода. Кутепов просит поддержать его присылкой подкреплений из Ростова, но громадный, богатый город, живущий своей беззаботной, отдельной жизнью только потому, что впереди его защищает кутеповский отряд, дает фронту всего... 60 человек.

Как в февральские дни 17-го в Петрограде, так и в январские дни 18-го под Ростовом на полковника Кутепова возлагается явная невыполнимая задача. В обоих случаях он искупительная жертва!

с марта 1915 г. – главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта; с августа 1915 г. – главнокомандующий армиями Западного фронта. В августе 1915 г., после того как Император Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, назначен начальником штаба Ставки Главковерха. Как начальник штаба фактически руководил всеми военными операциями Русской армии вплоть до Февральской революции. С апреля по май 1917 г. – Верховный главнокомандующий Русской армии. Пытался предотвратить развал армии, выступал против советов и солдатских комитетов в армии. Во время выступления генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 г., чтобы спасти «мятежников», согласился возглавить Ставку и произвести арест Корнилова и его сподвижников. После Октябрьского переворота выехал в Новочеркасск, где стал одним из главных руководителей зарождавшегося Белого движения. Под его руководством в конце 1917 г. начала свое формирование Алексеевская организация; Верховный руководитель Добровольческой армии. Провел большую работу по организации не только Добровольческой армии, но и всего антибольшевистского сопротивления на территории Европейской России (особенно антисоветского подполья в крупных городах). Выступал за восстановление монархии. При этом считал, что провозглашение этого лозунга в 1918 г. в условиях еще «непережитой революции» связано с немалым политическим риском. Скончался 8 октября 1918 года от воспаления легких.

Начинается легендарный Первый поход. Александр Павлович командует 3-й офицерской ротой Марковского полка*. Это единственная рота в Добровольческой армии, где весь внутренний порядок поддерживается по уставу. Поддерживается потому, что Кутепов органически не выносит распущенности, морального неряшества, «коекакства». Через войну и революцию он пронесет неизменным свое мировоззрение строевого офицера, свои убеждения начальника учебной команды. В этом была его моральная сила!

В мартовских боях под Екатеринодаром Добровольческая армия переживает опасный кризис. В упорных, бесконечных боях за овладение городом, как тоненькая восковая свечечка на ветру, тают и без того поредевшие части добровольцев.

Слышен ропот: «Корнилов угробит всю армию!..»

Кутепов измучен, как и другие, но, находясь в первой линии, с отчаянными усилиями сдерживает контратаки красных. 30 марта гибнет в бою доблестный командир Корниловского полка – полковник Неженцев**. Смерть любимого командира тяжело переживается корниловцами. Еще тяжелее усваивает эту гибель сам Корнилов***, ибо в лице Неженцева теряет верного друга, безгранично ему преданного.

* До 13 (26) июня 1918 г. полк носил название Офицерского, и только после смерти его первого командира – генерала С. Л. Маркова, согласно приказу Главнокомандующего Добровольческой армией ему было присвоено наименование «Марковского».

** **Неженцев Митрофан Осипович** (1886–1918). Полковник, участник Первой мировой и Гражданской войн. Первый командир Корниловского ударного полка. Во главе него принял участие в 1-м Кубанском «Ледяном» походе Добровольческой армии. Погиб 30 марта 1918 г. во время штурма Екатеринодара.

*** **Корнилов Лавр Георгиевич** (1870–1918). Русский военачальник, генерал от инфантерии, военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь, один из основателей Белого движения. Герой Русско-японской и Первой мировой войн. В Великую войну с августа 1914 г. начальник 48-й пехотной («Стальной») дивизии. Весной 1915 г. был взят в плен, из которого бежал в июле 1916 г. С сентября 1916 г. – командир 25-го армейского корпуса Особой армии генерала В. И. Гурко. В феврале 1917 г., еще до начала Февральской революции, кандидатура Л. Г. Корнилова на пост командующего войсками Петроградского военного округа была одобрена Императором Николаем II. Пытался остановить развал войск; в апреле отказался от должности командующего округом, назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. После неудачного июньского наступления, в котором тем не менее отличилась его 8-я армия, назначен главнокомандующим

В тогдашней сложной и тяжелой обстановке генералу Корнилову не так легко найти замену убитому командиру. Корнилов знает, что Корниловский полк имеет не только боевое, но и политическое значение. С глубокой скорбью прощается Корнилов со своим покойным другом и приказывает вызвать к себе полковника Кутепова.

В ночь на 31 марта последний раз в жизни встречаются Корнилов и Кутепов. Оба молчаливы, оба сосредоточены.

– Я вызвал Вас, чтобы назначить командиром Корниловского полка, – глухим голосом сказал Главнокомандующий.

– Слушаюсь, Ваше Высокопревосходительство!

Несколько кратких вопросов о положении на фронте, столько же кратких ответов и Кутепов уходит. На следующий день Корнилов убит...

Новый Главнокомандующий генерал Деникин* во имя спасения армии прекращает Екатеринодарскую операцию, и после тяже-

армиями Юго-Западного фронта; генерал от кавалерии. С 19 июля 1917 г. – Верховный главнокомандующий Русской армией. Стремясь восстановить дисциплину в армии и порядок в стране, с ведома главы Временного правительства А. Ф. Керенского, в конце августа 1917 г. направил к Петрограду 3-й кавалерийский корпус, чтобы предоставить в распоряжение правительства надежные войска в случае вооруженного восстания большевиков. Уже после выступления корпуса А. Ф. Керенский переменял свою позицию и под давлением Петроградского совета объявил Корнилова мятежником, сместив с поста Главнокомандующего. Вместе с поддержавшими его офицерами находился в заключении в тюрьме в г. Быхов. С конца 1917 г. – находился на Дону, один из вождей Белого движения, организатор и первый командующий Добровольческой армии. Погиб во время Первого Кубанского похода во время штурма Екатеринодара 31 марта 1918 г.

* **Деникин Антон Иванович** (1872–1947). Генерал-лейтенант, один из вождей Белого движения. Участник Русско-японской и Первой мировой войны. С началом Великой войны назначен генерал-квартирмейстером штаба 8-й армии. С сентября 1914 г. – командир знаменитой «Железной» 4-й стрелковой бригады (затем дивизии); с сентября 1916 г. – командир 8-го армейского корпуса 4-й армии Румынского фронта. В апреле 1917 г. назначен начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего; в июне–июле 1917 г. – командовал армиями Западного фронта, в июле–августе 1917 г. – армиями Юго-Западного фронта. За поддержку выступления генерала Л. Г. Корнилова был отстранен от должности и арестован. Один из организаторов Добровольческой армии, которую возглавил после гибели генерала Корнилова весной 1918 г. Осени 1918 г. – Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и заместитель Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. В марте 1920 г. после Военного совета в Сева-

лых испытаний армия выходит из большевистского кольца и располагается на отдых.

В течение всего 1918 года положение генерала Деникина очень тяжелое. Впереди продолжение борьбы с врагом, обладающим обширными силами и средствами. Добровольческая армия неизменно испытывает нужду во всем. Авторитет Главнокомандующего подтачивается явными и тайными разногласиями с генералом Алексеевым, с полковником Дроздовским*, с Кубанской радой, с донским командованием. Но главная опора генерала Деникина – армия, и, в частности, Корниловский полк полковника Кутепова.

Политические исповедания Деникина и Кутепова во многом не совпадали. Первый, всегда примыкавший к либеральным течениям, признавал те или иные «завоевания революции». Второй – убежденный монархист, верный Присяге, всем своим солдатским существом отвергавший революцию. Несмотря на таковые свои убеждения, уже в тот период Гражданской войны у Александра Павловича проявилась особенность, в дальнейшем еще более обострившаяся: насколько Деникин был упрям в своих взглядах, насколько Деникин бывал мелочен при отстаивании своих убеждений либерального интеллигента довоенного времени, настолько Кутепов был склонен к терпимости. Умом и общим развитием Деникин, конечно, во много раз превосходил Кутепова, однако у Александра Павловича был силен здравый смысл. Он понимал, что главное – это победить большевиков, а затем уже «спорить» о формах правления. Поэтому он не придавал значения своим по-

стополе сдал должность Главкома ВСЮР генералу П. Н. Врангелю и выехал за границу. Проживал в Великобритании, Бельгии, Венгрии, Франции, США. В Зарубежье отошел от активной политической жизни, работал над пятитомным изданием «Очерков русской смуты» и другими работами, посвященными истории Русской армии и Гражданской войны.

* **Дроздовский Михаил Гордеевич** (1881–1919). Генерал-майор, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В 1917 г. – полковник, командир 60-го пехотного Замосцкого полка; исполняющий должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии. В конце 1917 – начале 1918 г. сформировал на Румынском фронте Отряд добровольцев, с которым выступил на соединение с Добровольческой армией, находившейся в это время в Первом Кубанском походе. Преодолев сложнейший 1200-верстный переход, соединился с ней, составив в Добровольческой армии 3-й бригаду (позднее 3-я пехотная дивизия). Принял участие во 2-м Кубанском походе. Скончался от полученной в боях под Ставрополем раны в начале 1919 г.

литическим разногласиям с Деникиным и в пределах своих возможностей до конца поддерживал своего Главнокомандующего.

В течение 1918 года Александр Павлович доблестно командует полком и является примерным исполнителем распоряжений вышше. Необходимо указать, что в условиях того периода командование полком осуществлялось преимущественно личным примером.

Личный пример начальника всегда почитался в военном деле фактором мощным. Однако эта воинская добродетель остается добродетелью лишь при разумном применении. В Добровольческой армии, сперва по необходимости, а затем как установившаяся традиция, личный пример играл огромную роль и постепенно эволюционировал в сторону несомненного зла. Зла потому, что в силу чисто психологических воздействий старший начальник, находясь в цепи стрелков, невольно сосредотачивал все свое внимание на том ограниченном пространстве, где он находился и где подвергался опасности. Он воспринимал обстановку боя сквозь призму узко субъективных впечатлений и на участке, доступном лишь его непосредственным чувствованиям. Он становился психологически близоруким и, как следствие, – терял управление боем.

История Добровольческой армии знает много классических примеров, когда старшие начальники добровольно превращались в командиров рот или взводов и, увлеченные азартом непосредственного командования, срывали хорошо задуманные операции. Находясь в Добровольческой армии, Александр Павлович, вообще склонный по свойствам своего характера быть всегда примером своим подчиненным, крепко усвоил принципы добровольческого управления. Лично храбрый, он питал понятное уважение к храбрости других. Постепенно он усвоил взгляд, что раз человек храбрый в бою, то тем самым он приобретает право на полное доверие и уважение абсолютно во всех иных случаях жизни. Александр Павлович добросовестно упускал из вида, что революция и Гражданская война создали довольно обширный класс кондотьеров, людей несомненно отважных, но по своей моральной сущности явно беспринципных, а часто и порочных.

В дальнейшей служебной деятельности, в частности в последний период жизни, у генерала Кутепова бывали случаи, когда он выказывал доверие и без колебания давал ответственные и секретные поручения явным авантюристам. И только потому, что подобные проходимцы когда-то выказывали храбрость в бою. Никакие доводы, никакие доказательства, ни даже многочисленные личные доказательства не могли парализовать эту его слабость. К такой

особенности Александра Павловича, являвшейся одним из противоречий его характера, необходимо будет вернуться еще не раз. Ибо это была воистину его роковая черта...

Кубанский период Гражданской войны в полной мере удовлетворял тем чувствам, с какими Александр Павлович ехал на юг, то есть желанию борьбы с большевиками и жажде мести за гибель Родины. Война того периода велась обеими сторонами с высшим проявлением жестокости и в полном смысле на уничтожение.

На Кубани красные вырезали у пленных белых «лампасы» и «погоны», скальпировали, зимой обливали раненых водой и совершали сотни иных жестокостей. К чести белой стороны надо отметить, что за исключением редких случаев, несомненно, патологического характера, добровольцы не прибегали к подобным жестокостям. Они расстреливали красных без садистских жестокостей.

В отношении красных полковник Кутепов не знал сожалений. Он уничтожал большевиков с твердым сознанием государственной в том необходимости. Ложный сентиментализм не был свойственен его душе!

Во время 2-го Кубанского похода, когда полк находился на отдыхе, Александру Павловичу доложили, что его желает видеть какой-то офицер.

– Просите!

Вошел незнакомый ему офицер, с Георгиевскими крестами на груди:

– Я прапорщик Кирпичников*. Желая поступить в Корниловский полк. Вы должны меня знать.

* **Кирпичников Тимофей И.** (?–1918). Старший унтер-офицер учебной команды запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка, один из инициаторов перехода батальона на сторону революционных сил в ходе начавшихся в Петрограде в феврале 1917 года беспорядков. По его словам, во время восстания он «дня четыре-пять... командовал батальоном, все караулы были от... [него], пока не был выбран [командиром батальона] прапорщик Кониченко». Приказом командующего Петроградским военным округом генерала Л. Г. Корнилова № 120 от 1 апреля 1917 года за участие в революционных событиях произведен в подпрапорщики и награжден Георгиевским крестом 4-й степени. О своем участии в Февральской революции рассказал в воспоминаниях: *Кирпичников Т. И.* Восстание Л[ейб]-г[вардии] Волынского полка в феврале 1917 г. // *Былое.* 1917. Кн. 5–6 (27–28) (сокращенный вариант воспоминаний был опубликован в журнале «Огонек» (1927. № 11. С. 4–5)); *Его же.* Восстание Волынского полка в феврале 1917 г. // Ленинград. 1931. № 2. С. 73–76.

На лице Кутепова появилось недоумение. Прапорщик вынул из кармана толстую пачку журнальных и газетных вырезок:

– Вот тут написано обо мне и имеются мои портреты. Я тот унтер-офицер учебной команды Лейб-гвардии Волынского полка, который начал революцию.

Полковник Кутепов действительно «знал» Кирпичникова, как «знала» его и вся армия. В февральские дни 1917 года, во время беспорядков в Петрограде, учебная команда Лейб-гвардии Волынского полка* получила приказание выступить из казармы для подавления беспорядков. Когда команда строилась, а начальник команды отдавал последние распоряжения, унтер-офицер Кирпичников выстрелом из винтовки убил перед строем начальника команды и взбунтовал команду. С началом революции Кирпичников был объявлен «героем революции» и его наградили за совершенный «подвиг» несколькими Георгиевскими крестами и произвели в прапорщики**. Керенский публично восхвалял Кирпичникова и от себя лично навесил ему лишний Георгиевский крест. Весь этот долго длившийся ужас производил на офицеров кошмарное впечатление.

* Запасной батальон Лейб-гвардии Волынского полка, ставший одним из «пионеров» революции, сыграл немалую роль в успехе восстания в Петрограде. Избранный командиром батальона уже 1 марта один из первых выборных в армии командиров прапорщик Кониченко 5 марта в приказе по полку объявлял: «Дорогие друзья и товарищи Волынцы! На Вашу долю выпало счастье первыми принять участие в освободительном движении, быть искрой, охватившей пожаром всю нашу необъятную матушку-Россию. В этом пожаре сгорел старый ненавистный строй. Честь и слава Вам за это, герои Волынцы! Память о Вас не умрет в потомстве. Теперь, товарищи, на развалинах старого необходимо как можно скорее создать новый свободный порядок, и в этой трудной работе я призываю Вас быть также первыми и докончить начатое Вами славное дело» (РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 16. Лл. 21–21 об.).

** Производство Кирпичникова в подпрапорщики и награждение его Георгиевским крестом 4-й степени, согласно приказу № 120 от 1 апреля 1917 года командующего Петроградским военным округом генерала Л. Г. Корнилова, состоялось не за убийство своего командира. Согласно приказу, Кирпичников был награжден за то, что «27 февраля, став во главе учебной команды батальона, первым начал борьбу за свободу народа и создание Нового Строя, и, несмотря на ружейный и пулеметный огонь в районе казарм 6-го запасного саперного батальона и Литейного моста, примером личной храбрости увлек за собой солдат своего батальона и захватил пулеметы у полиции».

Судьбе было угодно, чтобы прапорщик Кирпичников встретился с полковником Кутеповым. Нетрудно представить, с каким чувством переживал Александр Павлович эту встречу...

– Так вы тот унтер-офицер Кирпичников, который застрелил своего начальника команды?

– Да, я самый, – самодовольно ответил «герой революции»*.

– Прекрасно! – Растянуто произнес Кутепов, что обыкновенно служило верным признаком его сильнейшего возбуждения.

– Уведите прапорщика, – приказал Александр Павлович адъютанту.

Через несколько минут во дворе раздались выстрелы...**

* Картина убийства начальника учебной команды запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка штабс-капитана И. С. Лашкевича до сих пор остается не вполне ясной. В воспоминаниях самого Т. И. Кирпичникова сведений о том, что именно он убил Лашкевича, нет. Можно предположить, что если это действительно было так, то в воспоминаниях, запись которых была сделана по горячим следам в ночь на 28 февраля и в марте 1917 года, когда эйфория от произошедшего у участников революции была еще велика, он постарался бы не забыть об этом «выдающемся» факте своей биографии. По словам Кирпичникова, 27 февраля после построения команды в казарме и проявления ею неповиновения, по подготовленному им накануне сговору, он «приказал Лашкевичу выйти из коридора. Он вышел и пошел во двор быстрыми шагами к батальону. Раздались выстрелы из окон. Лашкевич был убит при выходе из ворот на улицу». Не проясняют ситуацию с убийством И. С. Лашкевича и документы по батальону. Единственное упоминание о Лашкевиче в связи с восстанием содержится в приказе по запасному батальону Волынского полка № 64 от 7 марта 1917 года, согласно которому штабс-капитан И. С. Лашкевич исключался из списков полка как «убитый во время освободительного движения», без каких-либо дополнительных подробностей (РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 16. Лл. 28–29 об.).

** Убийство И. Т. Кирпичникова, хотя бы даже и мотивированное его «революционным прошлым», в описании Штейфона выглядит очевидным «самосудом». Кутепов не отдавал приказа о расстреле, да и не мог бы это сделать единолично, без соответствующего решения военно-полевого суда. Убийство Кирпичникова косвенно подтверждает наличие в рядах 1-го армейского корпуса неформальных структур, осуществлявших террор в отношении тех, кого подозревали в «революционности» (см. подробнее: *Цветков В. Ж.* Возникновение и деятельность «самочинных» структур контрразведки на белом Юге России в 1918–1920 гг. // Исторические чтения на Лубянке, 2007. М., 2008. С. 54–65 и электронную версию статьи на форуме). Еще одним примером подобного самосуда может служить убийство бывшего командующего Московским военным округом полковника К. И. Рябцева при его аресте в Харькове в июле 1919 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С освобождением Кубани от большевиков главное командование вступило в период длительных и серьезных конфликтов с Кубанской радой. В связи с этими осложнениями Новороссийское побережье, как область безоговорочного подчинения Добровольческой армии, приобретало особое политическое значение. С очищением Черноморской области от большевиков являлась необходимостью поставить во главе управления областью человека, во всех отношениях преданного Добровольческой армии. Выбор соответствующего кандидата осложнялся теми соображениями, что область, по существу, была территорией, еще не окончательно замиренной. Поэтому в лице Черноморского губернатора надо было совместить и энергичного администратора, и авторитетного военного начальника.

Генерал Деникин остановил свой выбор на полковнике Кутепове, и последний был назначен 13 августа 1918 года черноморским губернатором. Подобный выбор покажется, на первый взгляд, странным, ибо во всей своей предшествующей службе Александр Павлович не имел никакого касания к вопросам гражданского управления. Однако генерал Деникин знал, что он делает, и назначение полковника Кутепова черноморским губернатором было в то время решением и благоразумным, и дельным.

В Черноморской области вопросы собственно гражданского управления отнюдь не доминировали. Практически они могли быть разрешены назначением опытного вице-губернатора.

Но зато в лице полковника Кутепова вновь освобожденная и пока еще единственная российская территория возглавлялась ярко выраженным носителем добровольческих идей. По соображениям внутренней политики это было важно и необходимо.

Затем, Новороссийск постепенно становился главной базой внешнего снабжения, и Александр Павлович являлся тем лицом, которое, несомненно, могло импонировать иностранцам. В то же время он был и надежным военным начальником.

Те неизбежные недочеты, какие были присущи губернатору Кутепову, особенно первое время, с избытком восполнялись энергией и здравым смыслом молодого администратора. Здравый смысл и такт подсказали ему его поведение. Он понял, что было бы неразумным играть роль опытного и знающего губернатора. Александр Павлович поступил иначе: стал учиться, несколько не скрывая своей неподготовленности.

С присущей ему энергией он окунулся в гущу повседневной работы. Подобные практические уроки быстро ввели его в курс дела и дали непосредственное представление о местных нуждах. По ночам он сидел в своей губернаторской канцелярии и прилежно знакомился с нужными ему законоположениями. Он охотно и с вниманием выслушивал советы опытных людей, но все дела решал по своему усмотрению.

Черноморское губернаторство явилось хорошей школой для Александра Павловича. Оно расширило его кругозор, ранее ограниченный рамками исключительно строевых интересов. Образование военного училища, достаточное для того, чтобы быть прекрасным строевым офицером, нуждалось тоже в пополнении. Перегруженный работой Александр Павлович, конечно, не мог располагать временем и возможностями для более или менее серьезного образования. Но в данном случае ему помогали его большая память и умение быстро разбираться даже в сложных и незнакомых вопросах.

К тому же, несмотря на историческую сложность того периода, мировоззрение руководителей Белого движения было прямолинейным, а потому и упрощенным. Подобное обстоятельство являлось чувствительным злом Белой идеи, но в то же время значительно облегчало технику власти. В итоге полковник Кутепов вполне успешно справлялся со своими новыми обязанностями.

Задачи черноморского губернатора, выполнявшего функции гражданского администратора и военного начальника, потребовали и соответствующей структуры органов управления. Для выполнения военных предначертаний была создана должность начальника штаба военного губернатора, занимаемая офицером Генерального штаба. Эту должность при полковнике Кутепове (Кутепов был произведен в генерал-майоры 12 ноября 1918 года) занимал полковник де Роберти. Тот Н. А. де Роберти*, о котором так много писалось в связи с похищением генерала Кутепова и с которым он встречался в Берлине незадолго до своего трагического конца.

* **де Роберти Николай Александрович** (1878 – после 1930). Участник Первой мировой войны, подполковник (1916); к концу войны – начальник штаба 39-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР с июля 1919 г., начальник штаба 1-й пехотной дивизии, полковник. Попал в плен, служил в РККА. Штатный преподаватель тактики Школы красных коммунаров. С 1922 г. в распоряжении Главного управления военно-учебных заведений. В 1920–1930-е гг. был агентом ОГПУ. Сообщал белой эмиграции о возможности похищения главы РОВСа генерала А. П. Кутепова. Расстрелян.

Де Роберти провел Великую войну в штабе Кавказской армии, зарекомендовав себя добросовестным работником и скромным человеком. Революция, по-видимому, сильно потрясла его моральные устои, и по общему свидетельствованию, де Роберти новороссийского периода был неузнаваем.

Должность начальника штаба военного губернатора была нормальной должностью для штаб-офицера Генерального штаба. Между тем назначение на эту должность вскружило голову де Роберти, он стал высокомерным и заносчивым.

Приобретая столь невыгодные качества, де Роберти усвоил и чуждые ему ранее привычки: вошел во вкус хорошего стола, хорошего вина, хороших сигарет и проч. Стал «наслаждаться жизнью»! Такие привычки требовали и соответствующих расходов, недоступных скромному бюджету добровольческого офицера. К тому же де Роберти имел семью.

Молва о том, что начальник штаба губернатора любит широкую жизнь, была усвоена теми дельцами, которые стали появляться в Новороссийске. Сперва появились «подарки» вином, закусками и проч., а потом и «деловые предложения». Катясь вниз, де Роберти стал совершать служебные подлоги, выдавая незаконные разрешения на вывоз из Новороссийска хлеба и товаров. Дело открылось, выяснилось, что и жена де Роберти тоже причастна к спекулятивным махинациям, и они оба были преданы суду и оказались в Новороссийской тюрьме.

Преступления де Роберти были хорошо известны генералу Кутепову, однако, по непонятному противоречию его характера, он все же весной 1919 года принял его в свой корпус на должность начальника штаба дивизии, когда о де Роберти было возбуждено следствие и он распоряжением Ставки должен был покинуть Новороссийск.

В Добровольческой армии ни у кого не было сомнений в виновности де Роберти, и виновности удивительно грязной, однако, будучи уже председателем Русского общевойскаского союза, генерал Кутепов, зная отлично аморальный облик де Роберти, все же вошел в сношения с ним. Одна из тайн человеческой души, каких было немало у Александра Павловича...

После черноморского губернаторства генерал Кутепов назначается 13 января 1919 года командиром 1-го армейского корпуса, с частями которого и принимает участие в операциях против большевиков. В январе 1919 года в личной жизни Александра Павлови-

ча совершается важное событие: он женится. Женится неожиданно, внося в это интимное дело черты своей индивидуальности.

Штаб 1-го корпуса случайно попадает в Екатеринодар, и квартирному штабу указывается дом, в котором может поместиться командир корпуса. Квартирьер выбирает для генерала Кутепова одну комнату, в которой уже живет барышня, близкая знакомая домовладельца, приехавшая с севера и оставшаяся на Кубани ввиду невозможности вернуться домой. Барышня – Лидия Давыдовна Кют энергично отстаивает свою комнату и крайне недовольна вселением генерала в их дом. Через несколько часов приезжает «препротивный генерал» и происходит знакомство. А через короткий срок барышня и генерал обвенчались. Л. Д. Кутепова любила вспоминать необычные подробности своей свадьбы: Александр Павлович выступал из Екатеринодара и потребовал от невесты, чтобы все свадебные приготовления «были сделаны в два счета».

В лице Лидии Давыдовны судьба послала Александру Павловичу любящую жену и преданного друга. Лидия Давыдовна боготворила свое «Солнышко», как она всегда называла мужа, а Александр Павлович отвечал ей столь же глубокой и нежной привязанностью.

При современном кризисе брака семейная жизнь Кутеповых была безоблачно счастлива.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Зима и весна 1919 года были периодом величайшего напряжения всех сил Добровольческой армии. В то время как в кровавых, тяжелых боях завершалось очищение Кубани и Северного Кавказа от большевиков, оборона Донецкого бассейна переживала свою Голгофу.

Наступлению на Харьков предшествовала перегруппировка армий. В связи с расширением задач и масштаба борьбы главное командование признало необходимость выполнить ряд организационных мер. Войска, предназначенные для выполнения задуманной Московской директивы, составили армию Май-Маевского*. Глав-

* **Май-Маевский Владимир Зенонович** (1867–1920). Генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В Великую войну начальник штаба пехотной дивизии, корпуса, начальник пехотной дивизии, командир 1-го гвардейского корпуса; генерал-майор. В Добровольческой ар-

ные силы этой армии – вся пехота с приданными ей артиллерией и частями конницы – образовали 1-й корпус генерала Кутепова.

Известно, что у генерала Деникина не установились добрые отношения со многими его старшими и ближайшими помощниками. Виною тому были и личные особенности сотрудников, и тяжелый, упрямый характер самого А. И. Деникина. В частности, во взаимоотношениях Деникина и Врангеля* наблюдалась особенная неровность, переходящая временами в открытую неприязнь. В своих мемуарах оба бывшие главнокомандующие не щадят друг друга.

мии с 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С ноября 1918 г. – начальник 3-й пехотой дивизии. С февраля 1919 г. – командир 2-го армейского корпуса; с апреля – командующий Донецкой группой войск; в мае–ноябре – командующий Добровольческой армией, находившейся на острие наступления ВСЮР; генерал-лейтенант. С 26 ноября 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего. Умер 30 октября 1920 г. в Севастополе.

* **Врангель Петр Николаевич** (1878–1928). Барон, генерал от кавалерии, один из вождей Белого движения. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Начало Великой войны встретил командиром эскадрона Лейб-гвардии конного полка. В 1915 г. – командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска; в 1916 г. – начальник 2-й бригады Уссурийской конной дивизии; в 1917 г. – генерал-майор, начальник 7-й кавалерийской дивизии. С августа 1918 г. в составе Добровольческой армии. Занимал последовательно должности командира бригады 1-й конной дивизии, командира 1-го конного корпуса; генерал-лейтенант. С января 1919 г. – командующий Кавказской Добровольческой армией; в июне, командуя частями Кавказской армии, взял Царицын. Неоднократно обращался с рапортами и письмами к Командующему ВСЮР генералу А. И. Деникину, требуя поддержки его планов реорганизации фронта и тыла. С 26 ноября до 21 декабря 1919 г. командовал Добровольческой армией. В феврале 1920 г. приказом Главкома ВСЮР уволен в отставку и выехал в Константинополь, однако, согласно решению Военного совета в г. Севастополе 22 марта 1920 г. избран на должность Главнокомандующего и назначен на нее Деникиным. Встав во главе Русской армии (переименованы ВСЮР с апреля 1920 г.), начал проводить активную политику реформ. С августа 1920 г. – правитель Юга России. После неудачных боев в Северной Таврии, во главе войск и беженцев покинул Крым в ноябре 1920 г. В апреле 1921 г. в Константинополе сформировал и возглавил Русский совет, претендовавший на роль единого русского правительства в Зарубежье. С 1922 г. жил в г. Сремски Карловцы (Югославия). В 1924 г. создал Русский общевоинский союз (РОВС), призванный объединить все русские военные организации и структуры Зарубежья, но Верховное руководство всеми воинскими силами было передано Великому князю Николаю Николаевичу. С сентября 1927 г. переехал в Бельгию, в Брюссель,

В числе прочих, предопределивших подозрительное отношение Деникина к Врангелю, играла немалую роль и повышенная военная зависть Деникина. В своих воспоминаниях он определенно подозревает Врангеля в намерении присвоить себе «белого коня» при ожидаемом тогда торжественном въезде в Москву. Подобная подозрительность оказывала несомненное давление при выборе старших начальников для действий на Московском направлении.

Подчиняя Александру Павловичу все «цветные войска»*, то есть главное ядро своей армии, Главнокомандующий тем самым выявлял и степень своего ему доверия. В представлении Деникина – Кутепов был только прекрасным, дисциплинированным, исполнительным строевым начальником, не имевшим вкуса к политике. Таковым действительно и оставался Александр Павлович на всем протяжении Гражданской войны.

Он старательно отгораживался от всего, что не было его прямой обязанностью как строевого начальника. Настолько старательно, что, зная о пагубности влияния на ход освободительной борьбы генерала Май-Маевского, Александр Павлович остается почти безучастным свидетелем развивающегося зла**.

Когда после занятия белыми войсками Харькова генерал Май-Маевский окончательно замкнулся в роковой круг своих

вернувшись к профессии горного инженера. В 1928 г. завершил работу над двумя томами «Записок», отражающих период его жизни с 1917 по 1920 г. 12 апреля 1928 г. скоропостижно скончался в Брюсселе после неожиданной болезни. По одной из версий отравлен большевистским агентом. Торжественно похоронен в Свято-Троицком соборе в Белграде.

* Речь идет об именных полках белых армий юга России, получивших в 1918 г. именное шефство своих первых командиров – генералов С. Л. Маркова и М. Г. Дроздовского, а также основателей Белого движения – генералов Л. Г. Корнилова (Корниловский ударный полк был создан еще во время Первой мировой войны в 1917 г.) и М. В. Алексеева. «Цветные» полки (нередко называемые так за форму с элементами разных цветов), по сути, стали гвардией белых армий.

** Оценка поведения генерала В. З. Май-Маевского Штейффоном довольно характерна для немалой части офицерства Добровольческой армии, общественных и военных кругов белого Юга. Но нельзя не учитывать и того, что именно благодаря боевой работе Май-Маевского были проведены успешные операции по обороне Донбасса, наступлению Добровольческой армии на Москву летом–осенью 1919 г. (подробнее см.: *Кручинин А. С. «Тот самый тучный алкоголик?» // Родина. 2008. № 3.*

страстей, а благодаря его попустительству добровольческий тыл уже показывал следы разложения, Кутепов, осуждая в частных разговорах Мая, служебно оставался бездейственным. Насколько можно было судить на основании интимных бесед, подобное непротивление злу объяснялось главным образом дисциплинированностью и служебной лояльностью Александра Павловича*. Конечно, такие добродетели весьма почтенны, однако в период наступления на Москву, когда решался исход исторической борьбы с большевизмом, необходимо было помнить, что командир корпуса не только может, но и обязан усвоить кругозор более широкий, чем рядового строевого офицера.

Вообще непротивление злу в областях морали было необъяснимой чертой Александра Павловича. Будучи сам человеком высоких моральных достоинств, он удивительно легко примирялся с нарушением морали и этики другими, если это были лица, служебно близко связанные с ним. Примеры де Роберти, Май-Маевского, Достовалова и других наглядно иллюстрируют подобное заключение...

В силу особых условий, в каких зародилась, а затем и действовала Добровольческая армия, ее наиболее жизненными, действенными, а потому и влиятельными органами оказались Ставка и полк. Промежуточные инстанции – армия, корпус, отряд, дивизия – оставались звеньями преимущественно рефлекторных действий и по существу были, главным образом, единицами организационного и тактического характера.

* А. П. Кутепов к тому времени уже во второй раз оказывался в подчинении генерала В. З. Май-Маевского. В первый – в 1917 году, в пору командования Василием Зеноновичем 1-м Гвардейским корпусом, когда сам Кутепов стоял во главе Преображенского полка. Май-Маевский хорошо знал Кутепова по июльским боям Гвардии, ставшим ее «лебединой песней». К тому времени относится блестящая аттестация Александра Павловича, рекомендовавшая его к назначению вне очереди на должность командира бригады, подписанная в августе 1917 г. в числе других и его комкором Май-Маевским (см. в разделе «Документы и материалы» аттестацию А. П. Кутепова (С. 357). Примечательно, что сам Май-Маевский оставался во главе разваливающегося Гвардейского корпуса уже после того, как Кутепов в декабре 1917 г. покинул свой полк. Один из последних приказов Май-Маевского по корпусу датирован 21 января 1918 г. (РГВИА. Ф. 2583. Д. 1381. Л. 30). Можно предположить, что «служебная лояльность» Александра Павловича к вредным привычкам Май-Маевского во многом подкреплялась общим боевым прошлым двух генералов.

В нормально устроенных вооруженных силах армия, корпус и т. д. имели свое самостоятельное значение, ибо обладали функциями снабжения, а при определенных действиях – резервами.

В Добровольческой армии (Вооруженных силах Юга России) вопросы снабжения разрешались преимущественно порядком самоснабжения. Малочисленность же действующих войск, ясно не соответствовавшая масштабам борьбы, лишала возможности армию, корпус и т. д. иметь свои резервы и тем активно участвовать в решении боевых задач.

Добровольческий полк был независимой тактической и организационной единицей, которая сама себя комплектовала, снабжала и обычно самостоятельно выполняла свои боевые задачи. Чем лучше воевал полк, тем он был богаче и тем большей фактической независимостью он пользовался. Бывали случаи, когда части отказывались принимать начальников, назначенных помимо их желания.

В условиях подобной глубоко пагубной «удельной системы» воздействие высших инстанций было незначительным. К тому же руководители высших инстанций обычно сами бывали командирами полков, а потому прочно усваивали неписанные добровольческие законы-традиции, природу каковых питали своеволие, падение дисциплины и система незаконных реквизиций.

Такие причины и оказали свое воздействие на то обстоятельство, что военно-творческие усилия Александра Павловича в Добровольческой армии проявлялись несравненно более рельефно в должности командира полка, чем командира корпуса. В оперативных приказах командира 1 корпуса за 1919 год мы не найдем черт, характеризующих творческую индивидуальность генерала Кутепова.

По своей военной ценности приказы эти могут быть отнесены к двум категориям. В первой – период от Донецкого бассейна до занятия Харькова включительно – чувствуется военная зрелость, вдумчивость и методизм. Во второй – нередко встречается стратегическое легкомыслие, авантюризм и отсутствие понимания обстановки. Столь резкое отличие объясняется тем, что в первый период начальником штаба был опытный, солидный, уравновешенный и знающий генерал Агапеев*. Приказы второго периода создавались

* **Агапеев Владимир Петрович** (1876–1956). В Первую мировую войну – генерал-майор, начальник штаба 35-го армейского корпуса и Польского корпуса. В Добровольческой армии к ноябрю 1917 г. – организатор

уже другим начальником штаба – генералом Достоваловым*, человеком авантюристического склада, безыдейным продуктом смутного времени.

Личное воздействие командира корпуса на войска проявлялось слабо и сводилось преимущественно к поездкам на фронт. Но так как фронт корпуса был велик и все время находился в движении, то естественно, что и посещения командира корпуса не могли быть частыми. Так, например, Белозерский пехотный полк, находившийся в составе 1-го корпуса, около полудня видел у себя генерала Кутепова только два раза. Этими приездами да благодарственными телефонограммами за боевую службу и истощивалась связь полка с командиром корпуса.

Однако когда начался отход армий к югу, когда в дни тяжелых испытаний потребовалась великая воля начальников и войск, Александр Павлович вновь находит себя.

Все те застарелые болезни, наличие которых упорно не замечало главное командование и многие другие недалёковидные старшие начальники, сыграли свою роль и привели к развалу армии.

В своем рапорте, поданном 9 декабря 1919 года Главнокомандующему, генерал Врангель, только что сменивший генерала Маймаевского, так описывает отход своей армии:

Харьковского центра Добровольческой армии. В феврале–июне 1919 г. – начальник штаба 1-го армейского корпуса, генерал-лейтенант. С августа 1919 по март 1920 г. – представитель при союзном командовании в Константинополе. В эмиграции проживал в Югославии; в годы Второй мировой войны служил в Русском корпусе. После окончания войны проживал сначала в Чили, затем в Аргентине. Умер в Буэнос-Айресе.

* **Достовалов Евгений Исаакович** (1882–1938). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну в чине полковника занимал должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии. В декабре 1917 г. – помощник начальника штаба Крымских войск. В Добровольческой армии с весны 1918 г., служил в штабе 1-й дивизии. С ноября 1918 г. – начальник Сальского отряда Донской армии. С августа 1919 г. в распоряжении штаба Главнокомандующего ВСЮР; генерал-майор. Осенью 1919 г. занимал должность обер-квартирмейстера Добровольческого корпуса, в марте 1920 г. – начальник штаба Добровольческого корпуса. В Русской армии начальник штаба 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. – 1-й армии, генерал-лейтенант. В Галлиполи – в управлении 1-го армейского корпуса. Выехал в 1922 г. в Грецию, оттуда вернулся в РСФСР. Служил в РККА, расстрелян в 1938 г.

«...Бесперывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы неимоверно разрастались. Расстройство армий увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой “самоснабжения” войск.

Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением своих частей и обращая в свою пользу захваченную военную добычу.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все, что не могло быть использовано на месте, и отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров – некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тыл... К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание денег которыми производилось на глазах армий...

Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми...»

В период отхода белой армии к югу, когда фатально рушились все стратегические комбинации генерала Деникина, когда паралич стихийно охватывал все стороны государственной армейской жизни, задержать развал и спасти хотя бы то, что еще можно было спасти, могла только частная инициатива.

На долю генерала Кутепова выпадает тяжелейшая обязанность исправлять чужие грехи и ошибки.

Ко времени отхода армии от Харькова, то есть к концу ноября, в 1-м корпусе числилось около 2600 штыков (согласно рапорту генерала Врангеля № 010464). Другими словами, корпус генерала Кутепова равнялся малочисленному полку военного времени. От «цветных» полков, справедливо считавшихся численно наиболее сильными, остались лишь остатки. Так, каждый Корниловский полк был сведен в один батальон. Дроздовская дивизия составила всего три роты! Оба Марковских полка сохранили лишь кадры, и как части небоеспособные отправлены в тыл. За крайним изнурением конского состава почти вся артиллерия выбыла из строя...

При таком составе генерал Кутепов, занимая официально должность командира корпуса, фактически снова превратился в командира полка. Подобное снижение роли производит, однако, благоприятное воздействие на Александра Павловича, и до эвакуации

Новороссийска он уподобляется Багратиону под Шенграбеном*: героическими усилиями прикрывает отход. В этот трагический период выявились его железная воля и сверхчеловеческая энергия.

Вместе с тем, в тот период командиру корпуса приходилось проявлять всю полноту своей власти, и притом в формах наиболее суровых. Своим солдатским сердцем он понимал, что прикрывает не только армию, но и Белую идею от их гибели. И те толпы обезумевших людей, какие уходили к Новороссийску, возлагая все свои надежды на стойкость генерала Кутепова, и те, кто своей жертвенностью помогали ему выполнить свой долг, часто не понимали суровости командира корпуса, а иногда и его жестокости. Не понимали, что и суровость, и жестокость вызывались крайней необходимостью.

К тому же молва создавала легенды и единичные случаи обращения в правила. В итоге генерал Кутепов не пользовался популярностью; его уважали, но боялись.

Среди общего принижения авторитета власти, среди анархии отхода и сопряженных с нею своеволий «боязнь» была и тем единственным воздействием, какое могло дать сколько-нибудь положительные результаты.

История эвакуации Новороссийска и сопряженная с ней агония Вооруженных сил Юга России не входят в рамки настоящего исследования. Необходимо, однако, подчеркнуть то, что если по прибытии в Крым остатки белых войск и сохранили еще известную боеспособность, то этим обстоятельством они были обязаны генералу Кутепову в значительной степени.

Обезумевшим людям, штурмовавшим пароходы, казалось, что вооруженная борьба окончилась. Большинство начальников было того же мнения. Главнокомандующий пребывал в состоянии крайней волевой приниженности. Поэтому при эвакуации одни без сожаления, другие озлобленно бросали оружие, патроны, снаряжение. И в Крыму высаживались уже не воины, а в массе – толпа.

* Речь идет о действиях арьергарда Русской армии во время войны с Францией 1805–1807 гг. В 1805 г., когда армия М. И. Кутузова совершала стратегический марш-маневр от Браунау к Ольмюцу, арьергард под командованием П. И. Багратиона провел ряд успешных боев, обеспечив планомерное отступление главных сил. Сражение у м. Шенграбен 4 (16) ноября 1805 г. стало своеобразным началом битвы при Аустерлице. Арьергард под командованием генерала Багратиона задержал наступление французских войск, в несколько раз превосходивших русские войска.

Генерал Кутепов оставался одним из немногих начальников, которые сохранили присутствие духа и веру в возможность дальнейшей борьбы. А потому принимал все меры, чтобы подчиненные ему войска погрузились с оружием и с остатками своих артиллерийских и интендантских запасов.

Вдумчиво суммируя результаты деятельности генерала Кутепова от Новороссийска до Орла, надо признать, что на высших должностях он, по-видимому, не чувствует той уверенности в своих силах, какая была ему присуща на более низких строевых ролях. Его стратегическое творчество является отражением мировоззрений и способностей его начальников штабов. В этот период жизни Александра Павловича выявляется более или менее рельефно главная и основная его сущность: он практик, прекрасный практик, но мир творческих идей, синтетические способности чужды ему. Он предпочитает командовать и избегает управлять. Но когда в понятной обстановке ему необходимо выполнить понятное ему задание, Александр Павлович не знает колебаний. В таких условиях его волевые центры источают неиссякаемую энергию, а его солдатское сердце подсказывает ему и верные решения. Период отхода от Харькова к Новороссийску является периодом выявления его необычайной волевой мощи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

После эвакуации Новороссийска, эвакуации, полной трагизма и ужаса, в Крым было переброшено около 25 тысяч добровольцев и около 10 тысяч казаков. Все части прибыли в полном расстройстве. По свидетельству генерала Врангеля, «казаки были совершенно деморализованы». Они были собраны в районе Евпатории для приведения в порядок, причем ввиду их настроений у них было отобрано и то небольшое оружие, какое у них уцелело.

Генерал Деникин переживал полный упадок своих духовных сил. 20 марта 1920 года он отправил генералу А. М. Драгомирову письмо: «Три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю Военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование».

Решив покинуть пределы России, генерал Деникин не пожелал назначить преемника своей властью, а настоял, чтобы его заместитель был избран собранным Военным советом. Численно важнейшую группу участников совета составляли представители Добровольческого корпуса во главе с генералом Кутеповым. Естественно, что их мнение предопределило исход выборов нового Главнокомандующего.

Не подлежало сомнению, что пройдет та кандидатура, какую поддержит «армия», то есть Добровольческой корпус, как часть, по сравнению с другими, сохранившая наибольшую боеспособность.

В те дни никто, конечно, не согласился бы принять избрание, не будучи уверенным в поддержке Добровольческого корпуса. Таким образом, в вопросах избрания нового Главнокомандующего генералу Кутепову как командиру корпуса принадлежала центральная роль.

В момент избрания никакие иные соображения, кроме военной авторитетности кандидата, не могли иметь место. Решающее слово принадлежало армии, а армия, чуждая политиканству, а тем более закулисным комбинациям, желала генерала, вполне авторитетного для нее как военного вождя. Таковыми в то время были только два лица – Врангель и Кутепов. Оба волевые, но по своей духовной сущности почти полные противоположности.

Все те прискорбные и болезненные разногласия, какие существовали между Деникиным и Врангелем, имели несомненной первопричиной повышенную чувствительность обоих генералов. Их распря закончилась, как известно, принудительным отъездом Врангеля в конце февраля 1920 года из армии в Константинополь. Врангель был выслан.

Перед самым отъездом за границу Врангель написал Главнокомандующему пространное письмо, о котором в дальнейшем свидетельствовал сам, что оно было «написано под влиянием гнева, грешило резкостью, содержало местами личные выпады».

Ныне история знает, что это письмо содержало во многом несправедливую и грубо пристрастную картину действий Главнокомандующего и его штаба.

25 февраля генерал Деникин ответил на это письмо так, как он в тот момент чувствовал: «Ваше письмо пришло как раз вовремя – в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все ду-

ховные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды, Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для какой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты. Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете. Когда-то, во время тяжкой болезни (тиф – зимой – весной 1919 г. – *Прим. сост.*), постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло».

Содержание этого необычайного письма показывает, с какими чувствами относился Главнокомандующий к Врангелю. Вместе с тем Деникин, конечно, знал, что избрание Врангеля его преемником обеспечено, если Кутепов поддержит таковое избрание.

Руководствуясь личными соображениями, Деникин, быть может, предпочел бы передать власть Кутепову: Александр Павлович верно шел за ним в течение всей борьбы и воплощал многие черты добровольчества, столь любезного сердцу Деникина. Однако, как указывалось ранее, Кутепов обладал той интуицией, какая мудро подсказывала ему предел его возможностей.

И Александр Павлович благородно уклонился от каких-либо предварительных воздействий, дабы не ставить свою кандидатуру в преемники уходящему Главнокомандующему.

На Военном совете генерал Кутепов решительно поддержал генерала Врангеля.

Новый Главнокомандующий не мог, конечно, не понимать, какую роль сыграл в вопросе его избрания командир Добровольческого корпуса. В то же время он твердо знал, что судьба Крыма, в особенности первое время, тесно связана с Добровольческим корпусом как силой, наиболее боеспособной и лояльной. С последней данной необходимо было особенно считаться, ибо в Донском штабе существовала нескрываемая оппозиция, возглавляемая бывшим командующим Донской армии генералом Сидориным* и его на-

* **Сидорин Владимир Ильич** (1882–1943). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении начальника штаба Западного фронта, замести-

чальником штаба генералом Кельчевским*. Что касается Крымского корпуса, то его начальник – генерал Слащев** уже в то время был человеком явно ненормальным.

Подобная обстановка выдвигала генерала Кутепова как силу, основную в политических и военных расчетах крымского Главнокомандующего.

Человек крупного государственного ума, большой творческой фантазии, гибкого мышления и солидного образования (генерал Врангель окончил Горный институт и Академию Генерального штаба), Врангель обладал чертой, не всегда приятной для его подчиненных, но почтенной для вождя: он выдвигал своих сотрудников и рас-

тель председателя Союза офицеров армии и флота; полковник. В ноябре 1917 г. участник вербовочных антибольшевистских организаций в Петрограде и Москве. С конца 1917 г. на Дону, начальник полевого штаба атамана А. М. Каледина. В декабре 1917 – январе 1918 г. начальник штаба Северного фронта Донских войск, с января – начальник штаба походного атамана. Участник Степного похода. В апреле–мае 1918 г. – начальник штаба Донской армии; уволен в отставку с производством в генерал-майоры. С февраля 1919 г. – командующий Донской армией, генерал-лейтенант. В марте–апреле 1920 г. – командующий Донским корпусом. Вышел в отставку. В эмиграции проживал в Болгарии, Югославии, Чехословакии. Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

* **Кельчевский Анатолий Киприанович** (1869–1923). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну с конца 1915 г. был генерал-квартирмейстером штаба 9-й армии; генерал-майор. С сентября 1917 г. – командующий 9-й армией Румынского фронта; генерал-лейтенант. В 1918 г. – в Гетманской армии. С ноября 1918 г. – в Донской армии; в ноябре – начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта; с февраля 1919 по март 1920 г. – начальник штаба Донской армии. В марте–апреле 1920 г. – начальник штаба Донского корпуса; в апреле снят с должности и отстранен от службы. В эмиграции жил в Германии.

** **Слащев Яков Александрович** (1885–1929). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну офицер Лейб-гвардии Московского полка; полковник, командир полка. В Добровольческой армии с января 1918 г.; в июне – начальник штаба отряда А. Г. Шкуро; с июля – начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии. С апреля 1919 г. – начальник 5-й пехотной дивизии, с августа – 4-й пехотной дивизии; генерал-майор. С ноября 1919 г. – командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. – 2-го армейского корпуса. С августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего, генерал-лейтенант. По окончании Гражданской войны в эмиграции; с декабря 1920 г. в отставке. Вернулся в РСФСР в 1921 г., служил в РККА. Убит 11 января 1929 г. в Москве троцкистом Лазарем Коленбергом.

ставался с ними, руководствуясь исключительно соображениями, насколько полезен данный человек в данной обстановке. В обстановке Крыма Кутепов был соратником абсолютно полезным, а потому Врангель неизменно подчеркивал свои к нему дружеские чувства.

Органические болезни, какими страдала Добровольческая армия (Вооруженные силы Юга России), усиленные новороссийской эвакуацией, были занесены в Крым. Генерал Врангель энергично принялся за оздоровление армии. В этом важном деле самым энергичным и действенным его помощником был генерал Кутепов.

Он вновь стал применять уже испытанный метод – воздействие страхом. Оставаясь внутренне и внешне прежним – подтянутым начальником учебной команды, враждебным распушенности и порокам, Кутепов крепкой рукой подтягивает свой корпус. Он запомнил печальные уроки Харькова и не желает их повторения. Несколько суровых расправ создают в Крыму молву, что «Кутепов вешает на фонарных столбах Симферополя»*.

Такая молва была фантастическим преувеличением, но она имела и свои хорошие стороны. «Широкие натуры» уверовали, что генерал Кутепов не поцеремонится с ними, и сжались. Сжались, но не настолько, чтобы позабыть о прежних вольностях, и истории крымских комендатур хранят немало случаев тяжелого нарушения дисциплины.

* Данные репрессии, действительно, носили публичный характер и проводились в соответствии с решениями военно-полевого суда Добровольческого корпуса. Применение публичных казней, хотя и должно было «укрепить дисциплину» в частях корпуса и «устрашить» потенциальных противников белой власти, вызвало правомерное недовольство городского самоуправления. Городской голова Симферополя А. С. Усов заявил протест против подобного характера работы военно-полевой юстиции. Генерал П. Н. Врангель отклонил обвинения городского головы (Усов в ответ заявил о своей отставке), однако 6 апреля 1920 г. под очевидным влиянием происходивших в Симферополе событий новый Главком ВСЮР издал приказ (№ 2994), запрещающий «возбуждение уголовного преследования» только по указанию воинского начальника, усиливались полномочия следственных органов. Приказом № 3023 от 14 апреля 1920 г. были созданы специальные военно-судные комиссии для борьбы с «разбоями и кражами, которые, помешав в прошлом победоносному движению вперед Русской армии, могут препятствовать и теперь, озлобляя население и разлагая элементы армии» (подробнее см.: А П Правосудие в войсках генерала Врангеля Константинополь, 1921).

Все же борьба со злом велась, и имя Кутепова стало именем устрашающим. Тыловые города, а в особенности Севастополь и Симферополь, уже не имели вида той распушенности и откровенного бесстыдства, какими отличались Харьков, Ростов, Курск...

Оздоровление и реорганизацию крымской армии надлежало производить в крайне спешном порядке. Подобная спешность вызывалась не только соображениями обороны, но и обстоятельствами чрезвычайного политического значения. Как известно, перед отправлением генерала Врангеля из Константинополя в Крым он был ознакомлен с нотой Британского правительства, адресованной генералу Деникину:

«Верховный совет находит, что продолжение Гражданской войны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении в Европе.

Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой в настоящем положении обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии как для населения Крыма, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутые убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятным для России, Британское правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения по получении согласия на то генерала Деникина и предоставило бы в его распоряжение и распоряжение его ближайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское правительство, оказывавшее генералу Деникину в прошлом значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное его предложение будет принято. Однако если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжать явно безнадежную борьбу, то в этом случае Британское правительство сочло бы для себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь, какую бы то ни было, генералу Деникину. 2 апреля (20 марта) 1920 года».

Столь ультимативное требование англичан, обращенное к генералу Деникину, естественно, было обязательным и для его премника. На Военном совете 22 марта в Севастополе генерал Врангель заявил, что в случае его назначения Главнокомандующим он

считает наиболее целесообразным «затягивать переговоры (с англичанами), а тем временем закрепиться, привести армию и тыл в порядок...»

Высказанное в ноте 2 апреля (20 марта) решение британского правительства было подтверждено 29 (16) апреля новым указанием, что «продолжение войны генералом Врангелем имело бы роковой исход и не могло бы быть поддержано нами никакой материальной помощью».

Вышеприведенные исторические справки дают наглядное представление о тех трудностях, какие ожидали генерала Врангеля при продолжении им вооруженной борьбы. В той крайне трудной политической игре, какую вел в те дни новый Главнокомандующий, дабы отстоять русское национальное дело, его главная ставка делалась на скорейшее усиление боеспособности крымской армии. Поэтому понятно, что осуществление расчетов генерала Врангеля в значительной степени зависело от того, в какой мере справляется генерал Кутепов с поставленными ему задачами.

Обстоятельства показали, что в распоряжении крымского командования для реорганизации армии оказалось только около двух месяцев. Срок малый, принимая во внимание состояние войск после эвакуации.

О том, в какой мере было достигнуто выздоровление, можно было судить лишь в новых боевых столкновениях. И таковые начались 25 мая.

Возобновление вооруженной борьбы показало, что реформированная Русская армия* снова обрела дух активности и тот большой порыв, какой ей был присущ на всем протяжении от Кубани и до Орла. Особенно сильное впечатление на иностранных представителей, состоявших при Главнокомандующем, произвел разгром конного корпуса Жлобы в боях 12–20 июня**. Военное предприятие, удивительное по искусству замысла и по красоте исполнения!

* В 1920 году, после поражения и отступления Вооруженных сил Юга России в Крым, новым Главнокомандующим П. Н. Врангелем все белые силы были перереформированы 22 марта (4 апреля) в Русскую армию, которая просуществовала до ноября 1920 года – эвакуации белых сил из Крыма.

** Речь идет о разгроме в июне 1920 г. в Северной Таврии 1-го конного корпуса РККА под командованием Д. П. Жлобы, действовавшего летом 1920 г. против Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

Как непосредственный результат военных успехов было сообщение французского правительства, возглавляемого Мильераном*, о том, что «правительство Республики решило признать “де-факто” правительство Юга России и отправить в Севастополь дипломатического представителя». Это было большое политическое и моральное достижение.

В той сумме воздействий, следствием которых были успехи Русской армии в Крыму, на долю генерала Кутепова должны быть отнесены серьезные заслуги. Рассматривая военную деятельность Александра Павловича в крымский период, нетрудно убедиться, что предыдущий опыт в значительной степени расширил его кругозор старшего начальника. В его руководстве войсками наблюдается уже известная военная зрелость, что в соединении с неослабевающей кутеповской энергией и дает победные результаты. Личный пример по-прежнему применяется им, но уже не как прием кустарного управления, а как полезная воспитательная мера.

В Крыму генерал Кутепов – командир корпуса, а с 4 сентября – командующий 1-й армией. Ограниченность крымского театра военных действий и непосредственное руководство Главнокомандующим всеми операциями лишало старших начальников стратегической инициативы и оставляло за ними лишь свободу в тактических областях.

Мощная и нервная энергия генерала Врангеля проявилась во всех отраслях крымского управления и естественно, что динамика его творчества заглушала всех его помощников. В тот период Врангель горел творческим вдохновением. Однако, несмотря на подобные свойства Главнокомандующего, у подчиненных ему начальников оставалось немало возможностей для проявления и своей инициативы, и своих дарований. Со стороны как белых, так и красных борьба на фронте велась все время в темпах чрезвычайно быстрых. В течение всякой операции обстановка менялась так часто, а иногда и неожиданно, что только воздействием частных начальников можно было выполнить директивы Ставки.

* **Мильеран Александр** (1859–1943). Государственный и политический деятель Франции. Первый социалист, вошедший в 1899 г. в состав правительства в качестве министра торговли и промышленности; в январе–сентябре 1920 г. председатель Совета министров и министр иностранных дел, в сентябре 1920 – июне 1924 г. президент Французской Республики, в 1925 и 1927 гг. депутат Сената; один из активных организаторов отправки французских войск в Россию.

В Крымский период в лице генерала Кутепова мы встретили, как уже указывалось, военачальника опытного и зрелого. Со всею очевидностью выяснилось, что основные черты характера Александра Павловича в дополнении с той практикой, какую он имел в прошлом, окончательно определили его истинное призвание, выявили качественную ценность его способностей.

Молодой юнкер, который старательно выдвигал ружейные приемы в темноте училищных коридоров, превратился через 18 лет в выдающегося генерала-практика.

Все победы Русской армии в Крыму тесно связаны с именем генерала Кутепова. Когда осенью 1920 года в Северной Таврии создалось тяжелое положение и Русская армия принуждена была начать отход, на генерала Кутепова вновь выпадает обязанность сдерживать натиск врага и выиграть время для эвакуационных мероприятий; он сознает трагический смысл событий и дает пример высокого осознания долга.

Александр Павлович понимает ту душевную драму, какую переживает Врангель, и, со своей стороны, ничем не осложняет настроений Главнокомандующего. А между тем он мог поставить Ставке в упрек многое: и плохое снабжение армии, и недостаточность новых формирований, и отсутствие тыловых укреплений, и еще и еще... * Мог с полным основанием повторить многие из тех обвинений, какие сам Врангель предъявлял Деникину в период развала Вооруженных сил Юга России...

Известно, что по сравнению с эвакуациями всех белых армий на всех белых фронтах крымская эвакуация была проведена чрезвычайно организованно. И если эта эвакуация – неоспоримая и высокая заслуга Врангеля, яркое доказательство его организационного таланта, то надо признать, что своим успехом Главнокомандующий много обязан генералу Кутепову. Это он, Кутепов, дал возможность Врангелю перенести все напряжение ума и воли на организацию эвакуации. Это он, Кутепов, своими арьергардными боями вы-

* Еще в апреле 1920 года, накануне наступления Русской армии в Северной Таврии, А. П. Кутепов направляет П. Н. Врангелю письмо, в котором обращает особое внимание на необходимость проведения ряда мер (прежде всего – обеспечения армии личным составом), без которых «вся наша операция не может носить серьезный характер и будет иметь тяжелые жертвы и пагубные последствия для всего нашего дела». Полностью текст письма см. в разделе «Документы и материалы» (С. 455–456).

играл время, необходимое для погрузки. С полной обоснованностью можно утверждать, что если благодаря главным образом Кутепову произошло назначение Врангеля на должность Главнокомандующего, то в еще большей степени Врангель был обязан Кутепову тем, что так достойно и с такой честью закончил крымский период своего Главнокомандования.

И когда 20 ноября на константинопольском рейде был отдан приказ Главнокомандующего о производстве Александра Павловича в генералы от инфантерии, то это было вполне заслуженным официальным свидетельством доблести и благородства генерала Кутепова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В деятельности Кутепова Галлиполи занимает особое место. Ни один период его жизни не может сравниться с галлиполийским периодом. Галлиполи явилось суммированием всех его духовных достижений, уже осознанных ранее, и там же зародились и проявились новые черты его новых склонностей.

Каждый историк, который пожелает заняться исследованием жизни и деятельности Кутепова как белого вождя, обязан будет изучить галлиполийский период с большим вниманием.

Только тщательное исследование этого периода даст возможность понять сложную сущность Александра Павловича и найти психологические причины его трагического конца.

С 4 по 7 ноября 1920 года прибывали из Крыма корабли на константинопольский рейд – 130 тысяч русских внезапно появились на Босфоре. Только что потерявшая Родину, пережившая все ужасы революции и Гражданской войны, эта голодная, страдающая от холода и жажды масса растерянно смотрела на Царьград – вековую русскую мечту*.

* Основная часть Русской армии после эвакуации расположилась в лагере на полуострове Галлиполи, вблизи турецкого города Гелиболу. Части 1-го армейского корпуса под командованием генерала от инфантерии А. П. Кутепова насчитывали 26 596 человек. Сюда входили «именные» полки (Корниловский, Марковский, Дроздовский и Алексеевский), 1-я кавалерийская дивизия (четыре полка и Гвардейский конный дивизион), 1-я артиллерийская бригада, Технический полк, Железнодорожный батальон, а также шесть военных училищ и три офицерские школы. Лагерь просуществовал до мая 1922 г.

К их главному, всецело их поглощавшему сознанию, что красный ужас остался позади, немедленно стало присоединяться ощущение своей бесправности. Французский сержант со всей грубостью, свойственной французам, кричал на заслуженного генерала, а наглый английский матрос подмигивал русской девушке, в голубых глазах которой еще таился ужас только что пережитой эвакуации...

Впереди полная неизвестность, и, судя по первому приему иностранцев, печальная неизвестность. Решительно все – от примитивного калмыка до профессора с мировым именем, убеждались на каждом шагу, что в представлении иностранцев они не более как ненужные, не имеющие никакой ценности вещи. Их могут взять и перебросить с одного парохода на другой, могут отправить в Сербию, а затем, передумав, снять на Принцевых островах... Не было тех унижений, каких не пережили тогда несчастные русские люди. Интеллигент и крестьянин, мужчины и женщины, генерал и солдат, правый и левый – все и в острой форме почувствовали, что за ними уже нет Великой России, что они только «обломки кораблекрушения», лишенные элементарных человеческих прав.

Заполняя палубы, трюмы, все уголки пароходов, несчастные изгнанники быстро поняли, что значит потерять Родину... В обстановке тяжелых моральных переживаний и длительных лишений быстро исчезали все внешние признаки культуры и стихийно проявлялись черты первобытности. Длинной, непрерывной лентой стояли мужчины и женщины в очереди перед уборной... Из-за полкружки воды или куска хлеба шли ожесточенные споры и ссоры... В невероятной тесноте этого людского закона умирали и рождались... С катастрофической быстротой снижались все этические и правовые понятия, и без того уже значительно поколебленные революцией и Гражданской войной.

В столь кошмарной обстановке оказалась Русская армия на чужбине. Она страдала и морально разлагалась, как и остальное беженство. Молодой подпоручик, пользуясь силой молодости, грубо отталкивал старика-полковника от чана с кипятком и тут же разряжался площадной бранью в сторону маленькой девочки, пытавшейся заступиться за своего дедушку. Зверь и хам торжествовал во всей своей оголенности!

Несмотря на то, что крымская эвакуация прошла в большом порядке, остатки армии по прибытии в Константинополь оказались в состоянии хаотичном. Только немногие части и, главным образом, военные училища сохраняли относительный порядок. Если

«цветные» части еще группировались около своих начальников, то множество позднейших формирований растворились в беспорядке последних боев, отхода и всевозможных испытаний. Чины одной и той же части находились на разных пароходах и не имели связи друг с другом. Начальники были разъединены с подчиненными, имущество оторвано от войск. Среди общего угасания националистических чувствований, среди забот о личной участи и сокрушенной готовности подчиниться своей нерадостной участи снова и неожиданно для большинства прозвучало имя России. На маленьком катере, с развевающимся Андреевским флагом, как звездочка, прорвавшаяся среди туч, появился Врангель. Он объезжал пароходы, поддерживал, напоминал, что борьба за Родину не окончилась, звал хранить в своих сердцах Россию. В сущности, он не говорил ничего утешительного, ибо сам ничего не знал. Он только напоминал о возвышенных идеалах, звал к продолжению борьбы за Родину, указывал, что после Голгофы придет и Воскресение. Это не были захватывающие слова трибуна. Да и не в словах была суть! Врангель верил, и свою веру переливал в измученные русские души. Он отъезжал от парохода, а вслед ему смотрели уже просветленные глаза и неслость истеричное «ура». В свои восторженные крики люди вкладывали и всю тоску пережитого горя, и затаенную радость победы... Объезжая корабли, Врангель передавал русским людям свою веру и в то же время производил «смотр» своим войскам, стараясь угадать, какие потенциальные силы еще хранит Русская армия.

Своим большим умом он понимал, что торжествующий в мире рационализм будет считаться только с реальной силой и что идеалы права и правды ценятся только с реальной силой и менее всего потревожат совесть европейских людей, глубоко захваченных идеями материалистической философии.

И если своей интуицией Врангель верно угадывал сущность европейской алчности и ту обстановку, в какой предстоит ему жить и работать, то опытом генерала понимал, что прибывшие из Крыма войска отнюдь не являются армией. Армию надо было создать снова!

Вернувшись после объезда кораблей на крейсер «Генерал Корнилов», где он имел пребывание, генерал Врангель отдает 21 ноября 1920 года* приказ о реорганизации эвакуированных войск. Все остатки русских войск, за исключением казаков, сводятся в состав 1-го армейского корпуса и направляются в Галлиполи. Во главе

* Далее все даты приводятся по новому стилю.

корпуса назначался генерал Кутепов. Этим приказом была намечена лишь схема будущей организации, осуществление которой возлагалось на командира корпуса. Таким образом, вся огромная, сложная работа предстояла в будущем – в Галлиполи.

Сознавая значение факта сохранения русской вооруженной силы, Кутепов еще до приказа Главнокомандующего отдает свой приказ 18 ноября (вторая годовщина прихода к власти Колчака):

«Приказ по войскам 1-й армии
№ 1
Константинополь. “Алмаз”

§ 1

Приказываю в каждой дивизии распоряжением командиров корпусов всем чинам, за исключением офицеров, собрать в определенное место оружие, которое хранить под караулом.

§ 2

В каждой дивизии сформировать вооруженный винтовками батальон в составе 600 штыков с офицерами, которому придать одну пулеметную команду в составе 60 пулеметов.

§ 3

К исполнению приступить немедленно и об исполнении донести».

По своему замыслу приказ № 1 был первым действенным актом, стремившимся создать среди хаоса организационного разложения вооруженные части, в каковые неминуемо должны были влиться элементы, наиболее морально сохранившиеся. Так как Русская армия насчитывала в своем составе около десятка действовавших и формирувавшихся пехотных дивизий, то представлялось возможным создать вооруженное ядро в пять-шесть тысяч штыков, вокруг которого в дальнейшем могли бы сгруппироваться все те, кто не вошел в состав дивизионных батальонов.

Кроме своего прямого назначения – создать организованные части, приказ № 1 имел еще иное, хотя и скрытое, но более глубокое содержание.

С момента прибытия русских судов на Босфор союзное командование вообще, а французское в особенности, стало стремиться рассматривать весь состав крымской эвакуации только как гражданских беженцев.

19 ноября на французском крейсере «Вальдек Руссо» состоялось совещание верховного комиссара Франции и командующих французскими оккупационными корпусами и флотом – с одной стороны и генералом Врангелем и генералом Шатиловым* – с другой стороны.

На этом совещании было подтверждено прежнее соглашение о том, что Франция берет под свое покровительство прибывших русских, принимая в залог на покрытие ожидаемых расходов наш военный и торговый флот.

Французы настаивали на полном разоружении русских войск и на сдаче им всего русского оружия. Естественно, что Врангель горячо отстаивал противоположную точку зрения. В итоге было достигнуто компромиссное решение: опасаясь, что войска, лишённые организации и дисциплины, превратятся в опасную толпу, верховный комиссар признал желательным сохранить за войсками их организацию и иерархию, а чтобы дать возможность русским начальникам поддерживать необходимую дисциплину, было разрешено оставить армии 1/20 ее оружия. В это число не входили офицеры, оружие которых сохранялось при них**.

* **Шатилов Павел Николаевич** (1881–1962). Генерал от кавалерии. В Первую мировую войну в 1914 г. – начальник штаба 7-й и 8-й кавалерийских дивизий; подполковник. С января 1915 г. – помощник начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта; полковник. С августа 1916 г. – начальник штаба 2-й Кавказской кавалерийской дивизии; с декабря – командир Черноморского казачьего полка. С сентября 1917 г. – исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба Кавказского фронта; генерал-майор. В сентябре – декабре 1917 г. находился в заключении в тифлисской тюрьме за поддержку выступления генерала Л. Г. Корнилова. В Добровольческой армии и ВСЮР с конца 1918 г.; с января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конных корпусов; генерал-лейтенант. В июле–декабре 1919 г. – начальник штаба Кавказской армии; с ноября 1919 – по январь 1920 г. – начальник штаба Добровольческой армии. В феврале уволен со службы и эвакуирован в Константинополь. С марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР генерала П. Н. Врангеля; с июня 1920 г. – начальник штаба Русской армии, генерал от кавалерии. В эмиграции состоял при генерале П. Н. Врангеле; в 1924–1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС. Умер в Аньере (Франция).

** Эвакуация из Крыма в ноябре 1920 года позволила спасти не только кадровые части южнорусских белых армий, но и жизни тысяч «гражданских» беженцев. Русская армия сохранила свою структурную организацию

Если генерал Врангель и имел бы самые искренние желания дать верховному комиссару Франции точные данные о численности своих войск, то он не в силах был бы это сделать. Все цифры могли быть только приблизительными.

Во всяком случае, для командира оккупационного корпуса как для специалиста, привыкшего к нормальным штатам, представлялось вполне убедительным заявление генерала Врангеля, что в Русской армии осталось лишь по одному вооруженному батальону на дивизию.

Принимая во внимание русские стремления сохранить возможно больше оружия, будет понятным, что, отдавая свой приказ № 1, генерал Кутепов отнюдь не собирался ограничиться 600 винтовками на дивизию.

Указанный приказ редактировал начальник штаба 1-й армии генерал Достовалов. Еще раньше указывалось, что Достовалов был человеком легкомысленным. И приказ № 1 по своей военной и стилистической малограмотности вполне характеризует Достовалова. Составленный непродуманно, наспех и без необходимой ясности, этот важный документ сыграл свою печальную роль, лишив войска значительной части оружия.

Прежде всего, оказалось, что вместо по крайней мере восьми вооруженных батальонов было сформировано только четыре. Редактор приказа как начальник штаба армии не мог не знать положения своих войск и обязан был развить 2-й параграф. Затем, этот же параграф совсем не определил число офицерских должностей, ограничившись лишь общей фразой «в составе 600 штыков при офицерах». Между тем имелась полная возможность создать усиленный штат офицеров и снабдить их оружием, что являлось нормальным даже в условиях Великой войны.

О кавалерийских и артиллерийских частях, а их было много и хорошего состава, Достовалов вообще забыл упомянуть... Как не вспомнил и о многочисленных технических войсках и военных училищах.

Вызывает недоумение и параграф 1-й, предписывавший «собрать в определенное место оружие». Этот пункт могли выполнить только

и, в отличие от частей Северо-Западной армии, подразделений Северной армии и ВСЮР, оказавшихся в 1919–1920 гг. на территории иностранных государств, была в значительной степени автономной от местной (французской) администрации (в отношении командования, внутреннего управления, сохранения части вооружения).

те начальники, которые сохранили еще управление своими частями. Но если одна группа чинов одной и той же части находилась на «Саратове», другая – на «Рионе», а начальник на третьем пароходе, причем никто друг о друге ничего не знал, то ясно, что приказание выполнялось «по крайнему разумению»: часть оружия бросали в море, а другая часть где-то сваливалась и потом была забрана французами.

В общем, французское командование сгрузило с крымских пароходов: 45 000 винтовок, 350 пулеметов, 12 000 000 ружейных патронов, 330 000 снарядов, 60 000 ручных гранат.

Вообще все это ответственное дело было проведено «по-достовазовски»: важно было только написать – «к исполнению приступить немедленно и об исполнении донести».

Впоследствии в Галлиполи и в Болгарии, когда корпус переживал тяжелые кризисы, генерал Кутепов не раз сетовал на неудачное выполнение его мысли сохранить в войсках возможно большие запасы оружия и патронов.

Когда распространилось известие, что 1-й корпус направляется в Галлиполи, едва ли кто имел представление о нем. Знали это название лишь по неудачным операциям англичан во время Великой войны. Неведомыми путями распространился слух, что в Галлиполи имеется палаточный лагерь, оставшийся от войны, но что место там сплошь малярийное.

Скептики добавляли:

– Никто оттуда не выйдет. Все там передохнем!

Однако так как в Константинополе было скверно и холодно, то уход в Галлиполи прельщал многих – все-таки юг!

21 ноября на многих пароходах служилась всенощная. Был канун праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Неожиданно на рейде началось оживление, и пароходы с войсками 1-го корпуса прямо во время службы стали медленно разворачиваться и двигаться в направлении Дарданелл...

Так начался крестный галлиполийский путь!

Наутро, 22 ноября, показалась какая-то унылая казарма, затем маяк, а потом стали вырисовываться развалины небольшого городка. Приблизились маленькие грязные постройки с грязными, бедными домишками. Города в сущности не было, как не было и пресловутого «юга». Полное и тяжелое разочарование!

Первыми прибыли на галлиполийский рейд пароходы «Херсон» и «Саратов». Пока совершались карантинные формальности, генерал Кутепов сошел на берег. Французский комендант майор

Вейлер встретил русского командира корпуса надменно, с явным подчеркиванием, что он здесь первое лицо, и отныне русские войска подчиняются ему...

Генералу Кутепову нетрудно было убедиться, что в маленьком, пострадавшем от войны и землетрясения городке корпус не может разместиться. Вейлер сообщил, что для русских войск отведен лагерь в восьми километрах от города. Никто из французов там не бывал, а потому все сведения майора сводились к тому, что в районе будущего лагеря протекает речка, а потому «не предвидится недостатка в воде».

Сев на предложенную французами лошадь, генерал Кутепов отправился лично осматривать «лагерь». Грязную, первобытную дорогу пересекали многочисленные лощины и балки. После утомительного пути Александр Павлович добрался до небольшой долины с пологими скатами, пронизанной небольшой речушкой с грязной водой. Слева доносился унылый рев морского прибоя. Справа и впереди тянулись безлесные, неприветливые горы. Шел дождь и дул сильный норд-ост. И мужественное сердце могло сжаться при виде столь печальной картины!

Не было и признаков палаточного лагеря. Была только первобытная лощина...

– И это все?! – вырвалось у генерала.

Еще в городе французский комендант предупредил генерала Кутепова, что перевозных средств нет ни у французских войск, ни у населения, а потому все необходимое для устройства лагерей надо будет переносить на руках.

Молча и хмуро смотрел Александр Павлович на будущую стоянку своих войск. Да и о чем спрашивать, когда было ясно, что следует рассчитывать только на русские силы. Несомненно, что только поморская душа Александра Павловича, привыкшая с детства к унылости северного пейзажа, не поддалась в те минуты приступу безнадежного отчаяния.

Все безрадостные новые впечатления затаил в себе Александр Павлович и, вернувшись на пароход, никому не сказал о своих переживаниях...

В дальнейшем изложении, дабы дать возможно точную зарисовку духовного облика генерала Кутепова, необходимо особо внимательно задержаться на трех основных отделах его галлиполийской деятельности: военно-организационной, сношениях с иностранцами и связи с зарубежными общественными кругами. Такая

систематизация, хотя и не строго выдержанная ради цельности впечатлений, даст полное представление об Александре Павловиче.

С утра 23 ноября началась разгрузка пароходов. Проходила она медленно и с большими трудностями: ввиду мелководной бухты людей и имущество приходилось перевозить на турецких фелюгах.

С первого же момента выгрузки обнаружилась французская безалаберность, суетливость и их чудовищный бюрократизм. Потребовалось двое суток, чтобы французское интендантство приступило к выдаче продовольствия и палаток, хотя и было заблаговременно предупреждено о прибытии русских войск. Лейтенанты и сержанты суетились в своих складах, что-то считали, записывали, потом снова пересчитывали и снова записывали.

Ошалевшие от долгого пребывания в угольных трюмах и от качки люди – грязные, вшивые, голодные, расположились тут же у пристани, заполнили ближайшие улицы и грязные греческие кофейни. У кого была валюта, те жадно набрасывались на хлеб, халву, инжир. Кто не имел денег, а таких было большинство, те продавали вещи. Конечно, греки скупали вещи за бесценок, а свои товары продавали втридорога.

Первые дни и ночи большинство проводило на открытом воздухе, под дождем, подставляя спины резкому норд-осту. Только немногие счастливицы нашли приют в греческих и турецких домах.

Надо признать, что в противоположность французскому бездушию галлиполийское население встретило русские войска радушно, а в дальнейшем продолжало относиться с большой душевностью. По справедливости, нельзя было обвинять жителей, что они воздерживались в первые дни принимать в свои дома русских. Ведь многие из числа бывших на фронте не раздевались более двух месяцев и все давно не мылись. Поэтому все без исключения были грязны и полны насекомыми. К тому же бушевала эпидемия тифа, и больные валялись тут же на улицах.

Впрочем, если даже все городские дома были бы отданы русским, все равно мы не поместились бы в Галлиполи.

Войска в своей массе были одеты плохо, многие не имели шинелей. За время боев и отхода обувь сильно изнашивалась. В итоге процент больных был очень высокий. Уже все знали, что будущий лагерь находился в восьми километрах от города и что туда надо все тяжести тащить на себе.

Тот нервный подъем, какой давал силы в последних боях и при отходе из Северной Таврии, в боях на Перекопе и при эвакуации,

подъем, возбужденный инстинктом самосохранения, катастрофически снизился еще в Константинополе. В Галлиполи наступил полный упадок всех физических и душевных сил. Люди теряли с каждым часом остатки энергии. Сплошная толпа мрачно двигалась по улице. Больные и окончательно ослабевшие духом апатично сидели на своих узлах, брошенных в грязь. Чувствовалось, что они уже безразличны и к дождю, и к холоду, и к голоду. Отчаяние овладевало толпой!

Армии как таковой не существовало. Вместе с отчаянием зародилась злоба, греховная, нерассуждающая, против всех: кто был чуть теплее одет, кто ел хлеб или сидел в отвратительной кухмистерской и пил какую-то бурду.

При подобных настроениях, естественно, что стала проявляться злоба и против начальников. Всем казалось, что кто-то не умеет распоряжаться, что если французы не выдают продовольствия, то нужно поступить «очень просто»: разогнать их штыками... Каждому казалось, что «начальство обязано» было дать ему сухое, чистое белье, накормить, поместить в теплую комнату. Все видели, знали, но никто не проникался сознанием, что это самое «начальство» тоже грязно и полно вшами, также мокнет под дождем и норд-остом, и тоже близко к отчаянию*.

Когда французское интендантство стало, наконец, выдавать продукты, то потребовались длительные уговоры, чтобы заставить этих голодных людей пойти получить и принести продовольственные выдачи. Шли утомительные перебранки на тему «почему должен идти я, а не другие?» Еще более невыносимым положение делалось, когда надо было получать палатки, переносить их на себе за восемь километров и там в лагере устраиваться.

Каждый понимал, что только собственными усилиями можно было улучшить свое тяжелое положение, но никто не желал уходить из города в дождь, грязь и ветер осенней непогоды. Не желал

* Состояние психологической надломленности, потери веры в возможность продолжения «борьбы с большевизмом» было характерно для многих чинов Русской армии. Схожее состояние было после эвакуации Новороссийска в марте 1920 г. Поэтому жесткие, во многом даже жестокие меры по наведению дисциплины, проводимые Врангелем и Кутеповым, были необходимы и оправданны не столько для восстановления боеспособности (в 1921 г. это было уже менее актуально), сколько для сохранения веры в правоту Белого дела, в то, что «борьба не закончена».

не потому, что им владела злая воля, а просто потому, что уже не хватало собственных сил преодолеть апатию.

Люди покидали свои части, растворялись в толпе, заполнявшей город, и начальники теряли над ними власть. У большинства не было никаких внешних отличий ни их чина, ни их части. К тому же корпус был сформирован только несколько дней назад, в него влились все остатки армии, а потому начальники не знали своих подчиненных, а подчиненные – начальников. Тысячи людей вообще не знали, в какую часть они теперь входят.

Для того чтобы отправить команды за палатками или продуктами, была необходима вся настойчивость начальников, требовались угрозы. Правда, угрозы уже не пугали. Нервы не реагировали ни на какие устрашения. Всем казалось, что «хуже не будет», а многие считали:

– Лучше сразу подохнуть, чем такая жизнь!

Когда один из немногих сохранивших энергию полковник, с охрипшим от крика голосом, выхватил револьвер и грозил застрелить офицера, не желавшего выполнить приказ, то толпа мгновенно приняла сторону неповиновавшегося офицера. Поднялись винтовки, защелкали затворы, и только вмешательство более хладнокровных и менее озлобленных предотвратило кровопролитие.

И среди такого развала единственной еще признаваемой властью оставался генерал Кутепов. Промокший и голодный, он появлялся всюду, стремясь создать хотя бы какой-нибудь порядок, создать хотя бы какую-нибудь организацию. Приходил Кутепов, и что-то делалось. Уходил – руки снова у всех опускались.

Создавшееся положение не могло, однако, долго длиться. Безвыходность положения побудила наиболее активные натуры приняться за устройство новой жизни. Люди долга и воли стали увлекать и более слабых. Стали проявляться признаки «доброй воли». Часть войск отправилась в лагерь и стала там устраиваться.

Но тут на смену ушедшим разгрузились новые пароходы. Многотысячная, грязная, лохматая, бездельная толпа продолжала заполнять город.

В боковой улице образовалась толкучка, где все продавалось и все покупалось. Это было вполне жизненное явление, так как только продажей вещей можно было бы добыть деньги. Однако очень скоро толкучка стала и злом: наряду с собственными вещами стали продавать и казенное обмундирование, и даже оружие... В то время

в Турции расширялось революционное движение Кемаль-паши*, и турки охотно скупали любое военное имущество, переправляя его затем в Малую Азию.

Немедленно по высадке в Галлиполи генералу Кутепову предстояло разрешить массу сложных вопросов первой необходимости. Надо было организовать довольствие и создать кров. Надо было открыть лечебные учреждения, так как сыпной тиф свирепствовал. Одновременно с лечением больных необходимо было принять предохранительные меры для здоровых, а потому устроить бани и дезинфекционные камеры. В тяжелой черной работе, когда все требовалось таскать на себе, одежда быстро изнашивалась, а восточная липкая грязь съедала обувь. За отсутствием запасов обмундирования надо было организовать починочные мастерские. Смертность усиливалась, и нужно было хоронить. Женщины и дети семей офицеров требовали особо внимательных забот.

А так как носителем власти признавался только командир корпуса, то все к нему обращались, все ожидали от него указаний и распоряжений. И Александр Павлович проявлял изумительную, сверхчеловеческую энергию и деятельность. С раннего утра до поздней ночи он был в движении. Первый день показал, что он всю-

* После поражения Османской империи в Первой мировой войне, подписания Мудросского перемирия (30 октября 1918 г.) и Севрского мирного договора (10 августа 1920 г.) территория Турции оказалась разделенной между Францией, Англией и Грецией. Греческие войска заняли западную Анатолию, началась Греко-турецкая война. В сентябре 1919 г. в г. Сивасе состоялся Всетурецкий конгресс, на котором был избран Представительный комитет под председательством генерала Кемаль-паши. Комитет провозгласил «освободительную войну» против «оккупантов» Антанты и объявил о непризнании правительства султана. Тогда, при поддержке Англии, Греция начала военные действия против «кемалистов». Кемаль-паша пошел на сотрудничество с Советской Россией и в марте 1921 г. в Москве заключил договор о сотрудничестве. Король Греции Константин I начал войну под лозунгами «восстановления Византийской империи». В течение весны–лета 1921 г. греческие войска успешно наступали на столицу кемалистов Анкару. Турецким войскам удалось остановить продвижение греческих войск в сражении на р. Сакарье и отбросить их правый фланг. В октябре 1921 г. правительство Кемаль-паши признали Франция и Италия. Части Русской армии, по предложению Главкома генерала П. Н. Врангеля, предполагалось использовать против кемалистского правительства.

ду необходим, и он желал быть всюду. Это было и полезно, так как его появление подбадривало всех.

В то же время подобная система работы, или, правильнее – подобная бессистемность работы, имела и свои существенные недочеты. Например, командир корпуса находился на хлебопекарне, а в это время его искали по городу десятки должностных лиц, не знавших, где хлебопекарня. Курьеры бегали по городу, находили хлебопекарню, но там уже не заставали генерала Кутепова, а куда он ушел – не знали... В итоге терялось время, взвинчивались и без того напряженные нервы и задерживалась работа.

К счастью для дела, командир корпуса имел в лице корпусного врача доктора Треймана, а затем и в представителе Американского Красного Креста майора Дэвидсона незаменимых помощников. Усилиями этих двух лиц, при содействии остальной прекрасной медицинского персонала скоро была налажена сеть лечебных заведений, устроены бани и дезинфекционные камеры, организовано питание женщин и детей.

Вообще же говоря, генералу Кутепову приходилось все создавать заново, с ничтожными средствами, но в широком масштабе. И при полном административном равнодушии французов, а иногда и при прямом их противодействии.

Еще в Крыму, в преддверии эвакуации и предугадывая положение своих войск на чужбине, генерал Врангель приказал заготовить, а затем и погрузить запасы продуктов, обмундирования и мануфактуры. Однако по прибытии кораблей в Константинополь французы вместе с забранным ими русским оружием завладели и всем остальным имуществом Русской армии.

Французы тогда конфисковали: 1) продовольствия: зерна – 300 000 пудов, сахара – 20 000 пудов, чая – 17 000 пудов, табака – 1500 пудов, разных продуктов – 50 000 пудов; 2) обмундирования, белья, мануфактуры: шинели, френчи, брюки – 42 000 пудов, рубах и кальсон – 340 000 пар, носков – 640 000 пар, полотенец – 285 000 штук, обуви – 58 000 пар, кожи – 592 000 килограмм, перчаток – 53 000 пар, одеял – 140 000 штук, сукна и мануфактуры – 810 000 мешков.

Пользуясь тяжелым положением русских, «благородная Франция» отобрала у нищих изгнанников их последние запасы, и благодаря этому 1-й корпус находился в весьма бедственном положении... Громадная и напряженная работа командира корпуса по организации хозяйственно-санитарного обслуживания была лишь

частью общей деятельности генерала Кутепова. Он понимал, что его основная задача – возродить дух войск. Военных беженцев превратить в армию.

На каждом шагу он встречал примеры деморализации, а его солдатский инстинкт подсказывал ему всю важность восстановления дисциплины, ибо войска без дисциплины – опасная вооруженная толпа.

И Александр Павлович со всей прямолинейностью своего характера принялся за возрождение дисциплины. Комендантом Галлиполи был назначен бывший командир Самурского полка генерал Звягин*, храбрый офицер, имевший в армии отличную боевую репутацию, генерал Звягин был сторонником воздействия «примером начальника». Подобными приемами он командовал полком. Такие же приемы решил он применить и в должности коменданта. Началось с отдания чести. Так как в Галлиполи честь не отдавалась никому, кроме командира корпуса, то, проходя по улицам, Звягин демонстративно брал руку под козырек, полагая, что деморализованная толпа поймет и устыдится, что вот он, генерал, «отдает честь» встречным офицерам, а ему никто не отвечает.

В густой толпе, постоянно толкавшейся по улице, вообще никто не обращал никакого внимания на чины, а потому те, кому Звягин демонстративно козырял, искренне не замечали столь наивной и бесцельной демонстрации. А если и замечали, то полагали, что «кто-то (именно – кто-то!) здоровается, вероятно, со своим знакомым».

Иногда комендант останавливал проходящих мимо вопросом:

– Почему не отдаете мне чести?

Обычно следовал ответ:

– У нас в полку не принято отдавать чести!

И отвечали с глубокой убежденностью в правоте своего довода.

Тогда Звягин начинал «разъяснять» идеологическое значение чести, то есть произносил правильные, но лишние, ненужные слова, ибо они никого не увлекали.

* **Звягин Михаил Андреевич** (? – погиб до 1945). Генерал-майор. В Первую мировую войну полковник, командир 108-го пехотного Саратовского полка. С 1919 г. в Добровольческой армии: в октябре командир Самурского полка, в апреле 1920 г. – полковник, командир Алексеевской бригады, начальник десанта у Геническа. В Русской армии начальник 6-й пехотной дивизии, генерал-майор. В эмиграции комендант города Галлиполи до 29 января 1921 г. В эмиграции в Болгарии и Югославии. Служил в Русском корпусе.

В итоге комендантская деятельность генерала Звягина, не поддержанная никакими яркими действиями и лишенная организации, не дала никаких результатов.

Впрочем, результаты были, но только отрицательные: толпа на практике убедилась, что и новая командная инстанция – комендант города, столь же бесплотная и неавторитетная, как и остальные.

Было бы несправедливым обвинить Звягина в недостатке доброй воли выполнить желание командира корпуса и укрепить дисциплину. Психологически Звягин был отражением господствующих настроений, то есть добровольческих тенденций. Его прежнее военное мировоззрение было деформировано Гражданской войной, а потому более соответствовало убеждениям толпы, чем взглядам генерала Кутепова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Философия дисциплины и приемы ее практического осуществления вырабатываются под влиянием весьма глубоких факторов психологического, этнического и исторического порядка. Дисциплина всякой армии будет жизненной лишь тогда, если она соответствует национальному характеру и бытовым особенностям. Поэтому немецкая дисциплина так резко отличается от французской, а та и другая отличаются от дисциплины американской армии.

Философия дисциплины Русской армии создавалась на протяжении двух столетий и ее идейные обоснования покоились на глубоком и мудром знании русской души и русского характера. Как только в 1917 году были поколеблены философские основы дисциплины, так немедленно начался развал армии, а затем и ее скоротечная агония.

Добровольческая армия (Вооруженные силы Юга России), начиная и ведя борьбу с большевиками в силу разнообразных причин, усвоила многие навыки революционного времени. В итоге дисциплина белой армии показывала все признаки пагубного смешения старых и новых революционных понятий.

Прежде всего, в белой армии был серьезно поколеблен основной устой русской национальной дисциплины – понятие о начальнике и подчиненном. В результате исчезла необходимая в таком вопросе четкая определенность. Взаимоотношения чинов армии приняли характер неопределенный, а часто и ярко революционный.

Понятие о начальниках стало восприниматься чрезвычайно примитивно и условно.

Назначение офицеров на должности рядовых нанесло добровольческой дисциплине сокрушительный удар и стало великим злом. Зло, конечно, было не в том, что офицеры исполняли обязанности рядового. Зло заключалось в том, что добровольческая практика явочным порядком лишила офицеров-рядовых их офицерских прав и тем разрушила одну из основ дисциплины – чинопочитание. В результате офицерская этика стала катастрофически снижаться, нередко до пределов полного ее забвения и даже отрицания*.

* Достаточно интересные замечания о специфике добровольческой дисциплины содержатся в статье полковника Генерального штаба И. Ф. Патронова «Старая и новая дисциплина», опубликованной в «Военном сборнике Общества ревнителей военных знаний» (Белград, 1921. Кн. 1. С. 239–240). «Антагонизм между старшими офицерами дореволюционной армии и новыми добровольческими сказывался всюду и не мало способствовал подрыву дисциплины. Старые офицеры с пренебрежением относились к новым молодым полковникам и генералам (были случаи, что в течение одного года капитаны становились генералами), называя их “вундеркиндами” и не желая им подчиняться. Молодые же были уверены, что лишь они призваны спасти Отечество и что возвышению своему они обязаны только своим способностям (пока недоказанным)... До сих пор многие задаются вопросом, каким образом Добровольческая армия, давшая столько подвигов самопожертвования и доблести, оказалась в отношении организации и дисциплины столь несовершенною, что в сравнении с ней старая армия представляет недостижимый идеал. Одной из причин этого является всеобщее разложение после революции. Принимая во внимание этот новый фактор, вождям необходимо было слишком много предвидеть. Между тем, забыты были даже прежние уставы... В некоторых органах печати поднимались протесты против того режима, который установил в Галлиполи генерал Кутепов. Между тем, принимая во внимание ту крайнюю степень разложения, в которой очутилась армия после эвакуации (разложение – неизменный спутник поражений), следует признать, что это был единственный способ для сохранения остатков армии. Иначе она превратилась бы в преступную толпу и, конечно, не могла бы быть эвакуирована в славянские страны. Общее благо требовало суровых мер. В таких случаях идея и воспитание, дающие основу для сознательной дисциплины, меркнут и на сцену выступает принудительное начало, которым обязан пользоваться всякий начальник для общего блага. Конечно, такое внезапное усиление принудительных начал делает дисциплину недолговечной, непрочной, но это уже другой вопрос...»

Армейская практика быстро давала убеждение, что начальник – понятие временное, часто случайное и, во всяком случае, не принципиальное, а резко персональное. Четкость и ясность взаимоотношений совершенно снизилась: подпоручик командовал ротой, а полковник был у него рядовым.

Уже в Галлиполи начальник штаба корпуса генерал Достовалов грозил генералам, не занимавшим должностей, что «Вот прикажу штабс-капитану Чижову, чтобы он устроил Вам шеренговое учение, да повторил отдавание чести...»

Естественно, что столь своеобразная дисциплина совершенно поколебала значение чина, что, в свою очередь, привело к крайнему снижению авторитета начальника и офицера.

После вышеприведенного разъяснения будут понятны ответы офицеров и солдат генералу Звягину на его вопрос – почему они не отдают ему чести: «У нас не принято отдавать чести!»

Инстинктом прежнего начальника учебной команды генерал Кутепов понимал, что неотдание чести знаменует в русском военном быту падение дисциплины. А без наличия дисциплины невозможно было справиться с многочисленной толпой, разлагавшейся с каждым днем.

В подавляющей массе начальники частей, так же как и их подчиненные, утратили душевное равновесие. Радиус их командного воздействия был ограниченным, а потому галлиполийская толпа была лишена эмоционального воздействия.

Убедившись скоро, что старательные усилия коменданта города генерала Звягина не дают никаких результатов, генерал Кутепов принялся сам «наводить порядок». Стал лично подвергать аресту за неотдание чести, за отсутствие погон, за неряшливый вид.

Однако его героические усилия давали ничтожные результаты. Происходило это потому, что и в этой сфере его деятельности не было никакой системы. Галлиполийской стихией можно было овладеть только с помощью планомерной организации, а ее как раз и не было в кипучей деятельности Александра Павловича. Тысячи не отдавали чести, не носили погон и, за исключением единиц, одеты были грязно и неряшливо. Однако за подобное массовое нарушение правил военной службы несли наказание только те, кто попался на глаза командиру корпуса.

Царил элемент случайности: за одно и то же служебное нарушение накладывались генералом Кутеповым различные наказания. Один за неотдание чести отделялся замечанием, другой

арестовывался на двое суток, третий – на пять суток. Причем размеры наказания определялись не степенью вины, а настроением командира корпуса.

Столь бессистемные усилия восстановить дисциплину только озлобляли и без того душевно неуравновешенных людей. Усиливался ропот и все более и более проявлялась ненависть к генералу Кутепову. В его действиях, не подкрепленных положительными достижениями, видели только несправедливость и излишнюю жестокость.

Со своей стороны Александр Павлович тоже убеждался, что его настойчивые усилия водворить дисциплину не достигали цели. Добросовестно признавая неуспех своих усилий, он, однако, не уяснял причины неудачи и со свойственной ему настойчивостью продолжал идти по ложному пути.

4 декабря с очередным транспортом прибыл в Галлиполи Генерального штаба генерал Штейфон*. В лице его на всем протяжении галлиполийского строительства генерал Кутепов приобрел ближайшего помощника... В тот декабрьский период усилия и внимание командира корпуса раздваивались: надо было дать порядок

* **Штейфон Борис Александрович** (1881–1945). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну в 1914 г. – исполняющий должность помощника начальника разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии; капитан. В 1915 г. – на прежней должности в полевом штабе генерала Н. Н. Юденича; подполковник. Принимал активное участие в подготовке и проведении штурма Эрзерума в январе 1916 г. В июле 1916 г. – штаб-офицер для поручений при штабе 1-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР с весны 1918 г.; с апреля в Харьковском вербовочном центре Добровольческой армии. Осенью 1918 г. – начальник штаба 3-й пехотной дивизии. С началом 1919 г. – командир 13-го пехотного Белозерского полка, начальник штаба Полтавского отряда. С декабря 1919 г. – начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. При его участии генералу Н. Э. Бредову удалось добиться переброски интернированных в Польше русских войск через Румынию в Крым. В мае 1920 г. возвратился в Крым в Русскую армию; находился в штабе 3-й армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего вплоть до эвакуации Крыма; генерал-майор. Галлиполиец, комендант города и лагеря в Русской армии, генерал-лейтенант. В эмиграции проживал в Югославии. В годы Второй мировой войны – начальник штаба и командир Русского корпуса. Умер в Загребе. Автор книг «Бредовский поход», «Кризис добровольчества» и других работ (часть из которых до сих пор не опубликована), а также статей в периодике Русского зарубежья.

главной базе корпуса – в городе и одновременно устраивать лагеря. Обе задачи были одинаково важными и спешными.

Считая, что с городом он справится сам, Александр Павлович немедленно по прибытии генерала Штейфона назначил его комендантом лагерей, с приказом «дать там порядок». Назначая коменданта лагерей, командир корпуса дал ему свободу действий и права начальника дивизии, то есть следующей после себя самого инстанции. Генерал Штейфон подчинялся непосредственно командиру корпуса и получил доверительное право в потребных случаях распоряжаться именем командира корпуса. Право, каким никто в Галлиполи не пользовался.

Большинство начальников и войск знали генерала Штейфона лишь заглазно как бывшего начальника штаба дивизии в Донецком бассейне, затем как командира Белозерского пехотного полка и как начальника штаба Бредовского похода. Он был известен как единственный офицер Генерального штаба, пожелавший командовать полком, и его боевая репутация в сочетании с высшим военным образованием давали ему должный авторитет. Вообще же говоря, его назначение комендантом лагерей никого не интересовало и никому не imponировало.

Прежде чем приступить к исполнению своей должности, генерал Штейфон сформировал аппарат управления и наблюдения, выбрав лично хорошо ему известных людей. Ко времени прибытия коменданта в лагерь последний только устраивался. Несмотря на краткий срок пребывания войск в лагерях, они были невообразимо загажены, и это обстоятельство наглядно свидетельствовало о распушенном состоянии войск.

В короткий срок лагерь был очищен, а к 18 декабря, то есть ко дню первого приезда в Галлиполи Главнокомандующего, лагерь уже имел вполне приличный вид, на что и обратили внимание как генерал Врангель, так и сопровождавший его французский адмирал де Бон*.

Комендант лагеря не вводил никаких новшеств, а тем более от себя-типа. Он лишь настойчиво и неуклонно требовал от войск исполнения устава. Благодаря такому порядку комендантская служба сразу же приобрела систему, плановость и охватила одновременно все стороны лагерной жизни.

* **де Бон**, адмирал, командующий Восточно-Средиземноморской эскадрой французского флота

Конечно, невозможно было требовать, чтобы войска, вообще отвыкшие от исполнения уставов, а к тому же и деморализованные, могли быть приведены в полный порядок за короткое время. Важно было направить работу войск по верному пути, а мерами дисциплинарного и воспитательного воздействия оживить их заглохший дух.

И генерал Кутепов, а по приезде и генерал Врангель были весьма довольны очевидными результатами комендантской деятельности генерала Штейфона. Генерал Кутепов, обычно сдержанный в одобрениях, подчеркивал свое полное удовлетворение состоянием лагерей:

– За лагерь я теперь спокоен!

Но если в лагерях жизнь и порядок явно налаживались, то в городе не замечалось никакого улучшения.

Однажды в лагерях, уже после отъезда Главнокомандующего из Галлиполи, между командиром корпуса и комендантом лагерей произошел нижеследующий разговор:

– Да, Ваше Превосходительство, трудно работать: нет людей! Вчера я накрутил генералу Г. Вместо того, чтобы подавать пример другим, он пьянствует в городе со своими офицерами. За лагерь я теперь спокоен, а вот в городе порядка нет. Я сам всех цукаю и арестовываю. Кстати, сколько у Вас арестованных? – спросил Александр Павлович.

– Четыре человека Ваше Высокочтимое!

– Как четыре? А я арестовываю десятками, а толку нет.

Лицо Александра Павловича выражало полное недоумение. Чувствовалось, что он озадачен.

– Ну, а на полковых гауптвахтах много арестованных?

– Не могу знать. Я не вхожу во внутренние дела частей.

Время шло, но в городе не замечалось улучшения. Чем суровее становился командир корпуса, тем хуже шло дело.

Бредовский отряд по возвращении из похода в Крым был расформирован, и его состав поступил на пополнение крымских частей. 13-й пехотный Белозерский полк*, находившийся в Бредовском отряде,

* 13-й пехотный Белозерский полк – возрожденный во ВСЮР полк Русской Императорской армии. Сформирован в марте 1919 г. при Дроздовском полку. Особенностью полка было то, что его солдатский состав на 80–90% состоял из пленных красноармейцев, бежавших из Красной армии, или мобилизованных. Полк принял участие в знаменитом Бредовском походе. Расформирован в апреле 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в батальон и влит в состав 1-го Марковского полка.

был тоже расформирован. В конце концов в Галлиполи белозерцы оказались во всех «цветных» полках. По прибытии генерала Штейфона в лагерь они навещали его как своего прежнего командира полка.

Однажды, еще до Нового года, к генералу Штейфону явились несколько белозерцев и попросили разрешения доложить ему сведения секретного и важного характера.

– Ваше Превосходительство, разрешите быть с Вами совсем откровенными. В частях заметно большое недовольство против командира корпуса. Нам стало известно, что в N полку составила группа офицеров, которые сильно агитируют за то, чтобы арестовать командира корпуса и потребовать от Главнокомандующего назначения вместо генерала Кутепова другого начальника.

– Подобные настроения существуют только в N полку или в других частях?

– Недовольство существует всюду, а что касается заговора, то точно мы не знаем.

– Какие же причины недовольства Кутеповым? Его строгость?

– На строгость, Ваше Превосходительство, никто не обижается. Все понимают, что порядок необходим и что все так распустились, что без строгостей нельзя подтянуть. Обижает несправедливость. Вот вчера три наших офицера были в городе – носили хлеб для роты. Они на улице засмотрелись и не отдали чести командиру корпуса. Генерал Кутепов арестовал штабс-капитана М. на пять суток, а другим даже ничего не сказал.

– Надо было не засматриваться, а отдавать честь!

– Это, конечно, верно, но все же несправедливо. За несправедливость и не любят командира корпуса. Да мы пришли к Вам не жаловаться, а доложить о заговоре. Это что же такое будет, если арестуют генерала Кутепова? Главнокомандующий говорил на смотре об объединении, и вдруг случится такой скандал. Мы посоветовались друг с другом и решили доложить все откровенно.

Выслушав этот доклад, генерал Штейфон приказал своим посетителям переговорить с белозерцами, находящимися в других частях, и узнать, имеются ли заговорщики в других полках.

На другой день был дан ответ, что намерение арестовать командира корпуса существует только в одном полку, но что нелюбовь и непопулярность генерала Кутепова – явление общее.

Генерал Штейфон отправился в N полк и сообщил командиру полка о настроении его офицеров, указав на всю преступность не только подобных действий, но даже мыслей о таких возможностях.

Командир полка был сильно смущен.

– Не обращайтесь внимания, Ваше Превосходительство, на такие слухи. Это только болтовня. Я сам проведу расследование, и будьте спокойны, что ничего не случится.

Не ограничиваясь разговором с командиром полка, генерал Штейфон, встретив одного из участников заговора, без предисловий заявил ему:

– Если я еще один раз услышу, что Вы болтаете глупости о командире корпуса, то даю Вам слово, что Вы и сочувствующие Вам будут расстреляны.

NN побледнел:

– В чем дело, Ваше Превосходительство? Я не понимаю, о чем Вы говорите!

– Отлично понимаете, в чем дело, и не забывайте, что я свое обещание исполню.

Через несколько дней после этого разговора генерал Кутепов заболел тифом. Железная натура Александра Павловича и уход Лидии Давыдовны помогли преодолеть болезнь без особых осложнений. Все же во время болезни положение Александра Павловича бывало тяжелым.

За время его болезни галлиполийский хаос усилился еще больше. В течение последнего года болезнь генерала Кутепова была единственным периодом, когда он получил возможность спокойно разобраться в том каскаде разнообразных впечатлений, какой им воспринимался. Между тем было над чем задуматься!

Способность Александра Павловича угадывать пределы своих возможностей продолжала сохраняться, и он не мог не сознавать, что в его работе имеется какой-то дефект. Как не мог не сознавать, что, несмотря на свои сверхчеловеческие усилия, его главная задача – водворить порядок – продолжала оставаться неосуществимой.

Уже в дальнейшем, спустя несколько месяцев после своей болезни, когда Галлиполи являло все величие своей духовной красоты, Александр Павлович, вспоминая время своей болезни, признавался, что тогда он «много думал»: «Я никогда в жизни так много не думал, как во время своей болезни...»

Однако едва ли в те дни напряженных размышлений Александр Павлович мог угадать свою сущность, угадать, что природа, наделив его в большой степени здравым смыслом и выдающейся волей, не дала ему творческих способностей. Он был прекрасным

исполнителем, но его ум не обладал синтетическим свойством, обуславливающим самостоятельность творчества.

Поэтому вся прошлая деятельность Александра Павловича неизменно находилась в полном и прямом взаимодействии с качественной ценностью получаемых сверху директив, а в своей идейной части носила характерные черты интеллектов его помощников.

В деле водворения порядка и в применении воспитательных методов Александр Павлович был предоставлен собственным силам, и беспомощность его усилий была для всех очевидна. В то же время хозяйственное строительство давало прекрасные результаты, ибо в хозяйственных областях командир корпуса имел помощниками не только хороших администраторов, но и хороших организаторов.

Наступившая новогодняя ночь (1921 года) принесла генералу Кутепову много сильных огорчений. Перед Новым годом было впервые выдано жалование – всем без различия по две турецких лиры. Благодаря полученным деньгам встреча Нового года прошла очень шумно и буйно. «Широкие натуры», а таких было много, в знак салюта Новому году открыли стрельбу из револьверов и винтовок. В строевых частях даже трещали пулеметы. Пьяные люди стреляли, куда придется и как придется, а потому во всех направлениях свистели пули*.

Тщетно больной командир корпуса отправлял приказания генералу Звягину прекратить это безобразие (Кутепов особенно дорожил патронами, запас которых был незначительным), напрасно посылал для водворения порядка чинов своего конвоя, никто не обращал внимания на приказы командира корпуса и коменданта города, и пьяный разгул со стрельбой продолжался всю ночь.

Впервые после революции 1917 года столкнулся Александр Павлович со столь открытым и массовым игнорированием его как начальника. И этот факт произвел на него глубокое впечатление.

* Косвенное подтверждение данного эпизода имеется у В. В. Шульгина в его записках «1920»: «Вдруг выстрел... Один, другой, третий... Что это?.. Здесь, там, справа, слева, со всех сторон. Что это?.. Все затихло... Вот опять разгорелось... охватывает кругом... Что это?.. Треск винтовок становится сплошным и заглушает долгий вой сирен. Что это? Это мы, русские, замороженные сплошным туманом, среди набатного рева в смертельном страхе тоскующих чудовищ, в тяжелых мучительных судорогах перебойно бьющих биений, – празднуем свой русский Новый год... Празднуем... Ну и Слава Богу... если есть силы праздновать...» (*Шульгин В. В.* Дни. 1920. Записки. М., 1989. С. 532).

Он поразил его! Если до новогодней ночи Александр Павлович знал, что Звягин и прочие начальники не имеют должного авторитета в глазах войск, но в то же время был глубоко убежден, что его личный авторитет, его власть – непоколебимы. Новогодняя ночь лишила его таких иллюзий.

Лишь только почувствовав облегчение от болезни, генерал Кутепов, еще слабый и неокрепший, поспешил вступить в фактическое командование корпусом. Тот горький осадок, какой скопился в его душе, нашел выход в новых строгостях. Он не мог забыть Нового года и в разговорах часто возвращался к той печальной ночи. Но скоро жизнь приготовила для него новое, еще более тяжелое испытание!

Командир корпуса решил устроить на Крещение церковный парад, справедливо полагая, что это торжество внесет известное оживление в мрачную галлиполийскую жизнь и поднимет настроение. На этот парад были приглашены все иностранные представители. Молебен, парад и предложенный после него завтрак прошли удачно, и генерал Кутепов был весьма доволен.

Вечером того же дня в лагерях встретились начальник пехотной дивизии генерал Витковский и генерал Штейфон. Их связывали прежняя совместная служба, тождество политических исповеданий. За кружкой чая, под унылый вой шакалов, они коротали мрачный лагерьный вечер. Оба они интересовались политическими исповеданиями старших начальников корпуса, так как оба не знали многих начальников. За разговором было решено пригласить на следующий день всех начальников, начиная от командиров полков, чтобы в непринужденной беседе всем ближе познакомиться друг с другом.

На следующий вечер все собрались. Была музыка. Быстро создалось дружное, душевное настроение. И когда генерал Витковский предложил тост за Россию, раздались голоса: «Гимн! Гимн!»

Оркестр заиграл гимн. Все встали и впервые после рокового февраля 1917 года слушали торжественные звуки Державного Гимна, глубоко волновавшие душу. Бесправные изгнанники, в тяжелой обстановке Галлиполи все остро воспринимали недавнее величие своей Родины... По старой традиции офицерских собраний присутствовавшие запели «Боже, Царя храни» под аккомпанемент оркестра.

И вдруг, совершенно неожиданно за палаткой, где происходило собрание начальников, раздались выстрелы, какие-то крики, и

на крышу палатки посыпались камни. Выйдя узнать, в чем дело, генерал Штейфон заметил группу дроздовцев, собравшихся на передней линейке своего полка. Они возмущенно кричали, бросали в палатку камнями и стреляли: выражали свой протест против исполнения гимна.

При появлении своего командира полка, генерала Туркула*, они разбежались. Стрелявшие и буянившие отлично знали, что в палатке находились генерал Туркул, безрукий герой-дроздовец генерал Манштейн, начальник дивизии Витковский и все старшие начальники лагеря. Стрельба по начальникам была фактом неслыханным в истории южно-белой армии. Фактом, показавшим, каких пределов достигло разложение...**

Этот случай был наутро должен командиру корпуса, и нетрудно представить, какое впечатление он на него произвел. А для верного понимания тогдашней обстановки необходимо добавить, что генерал Кутепов никак не реагировал на эту неслыханную историю, ибо понял свое бессилие.

* **Туркул Антон Васильевич (1892–1957).** Генерал-майор. В Первую мировую войну – штабс-капитан 75-го пехотного Севастопольского полка. Участник похода Яссы – Дон Отряда полковника М. Г. Дроздовского. С апреля 1918 г. – командир офицерской роты. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1919 г. командовал офицерским батальоном 2-го Дроздовского полка, 1-м Дроздовским полком. В Русской армии с августа 1920 г. – начальник Дроздовской дивизии, генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции организатор и глава Русского национального союза участников войны. Во время Второй мировой войны, в 1945 г. – начальник управления формирования частей Русской освободительной армии; командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 г. жил в Германии, скончался в Мюнхене.

** Пение гимна «Боже, Царя храни», как свидетельствует очевидец и участник этого события генерал Б. А. Штейфон, вызвало подобную «реакцию» со стороны чинов Дроздовского полка. Данное свидетельство принципиально важно, поскольку в части эмигрантской и современной российской исторической публицистики (в частности, в книге генерал-майора И. К. Кириенко) этот эпизод клеветнически трактуется как «обстрел» палатки чинами Корниловского ударного полка, якобы выразивших свои антимонархические, республиканские симпатии, обусловленные влиянием «генерала-республиканца» Л. Г. Корнилова. В действительности в подобной акции менее всего нужно видеть некую политическую подоплеку, а всего лишь характерное для Галлиполийского лагеря в конце 1920 – начале 1921 гг. состояние крайнего разложения дисциплины, сопровождавшееся потерей авторитета командного состава.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Одновременно с устройством войск Александру Павловичу пришлось, с момента высадки, вступить в сношения с французами, воздействие которых на русские войска всегда и во всем ощущалось. Это воздействие, явное или тайное, иногда усиливалось, иногда уменьшалось, но всегда оставалось неблагоприятным, обостряясь нередко до состояния нескрываемой враждебности.

Если генерал Врангель, находившийся в Константинополе, был полномочным руководителем внешней политики армии, то практически на долю генерала Кутепова выпала нелегкая обязанность приспособляться в Галлиполи к сложным изгибам французской политики.

С момента прибытия армии в Константинополь стала очевидной необходимость выяснить и оформить два кардинальных вопроса, предопределявших дальнейшие судьбы армии: ее правовое положение и ее содержание.

Как известно, французское правительство неизменно стремилось рассматривать эвакуированные войска только как беженцев. В подобном взгляде были солидарны все французские кабинеты. Основное задание оставалось неизменным, менялись только способы выполнения.

Примерно до марта 1921 года преимущественное внимание русского и французского командования было обращено на устройство войск, то есть на снабжение их продовольствием и кровом. Политическая сторона дела, сильно интересующая обе стороны, невольно отходила на второе место.

Первая французская власть, с которой генерал Кутепов обязан был вступить в непосредственные сношения, был французский командант Галлиполи майор Вейлер. В силу ли поспешно составленных первоначальных инструкций своего начальства или в силу свойств характера, но майор Вейлер сразу усвоил тон начальника в сношениях с командиром корпуса и войсками. Подобное направление, естественно, передалось и вниз по французской иерархической лестнице. В результате создались натянутые отношения, ежедневно ухудшаемые свойствами французского характера – грубостью, высокомерием и крайним формализмом.

Главной причиной постоянных недоразумений была интендантская часть. Более месяца французское интендантство не могло установить величину ежедневного рациона, и только 27 декабря

майор Вейлер сообщил размер пайка, назначенного для «русских беженцев»: хлеб – 500 грамм, мясо – 250 грамм, овощи – 100 грамм, жиры – 20 грамм, сахар – 20 грамм, чай – 7 грамм.

Подобный паек, да еще в зимнее время и при наличии тяжелого физического труда, был явно недостаточным, в особенности в части, касающейся хлеба, овощей и жиров.

Настояния генерала Врангеля об увеличении рациона и о включении в его состав табака и спичек (французы забрали, как указывалось раньше, 1500 пудов табака высших сортов, вывезенных из Крыма), успеха не имели. В письме от 24 января командир французского оккупационного корпуса писал: «Обращаю Ваше внимание на то, что выдаваемые рационы значительно выше тех, которые Советы выдают в России Красной армии...»

Скудость питания отягчалась еще и тем обстоятельством, что французское интендантство выдавало продукты без взвешивания, а на глаз или по весу, указанному на упаковках. Упаковка тоже, как правило, была не в порядке, и продуктов всегда оказывалось меньше, чем свидетельствовали надписи. Для характеристики порядков французского интендантства и его галлиполийского возглавителя майора Вейлера не лишним будет указать, что на складах не имелось весов, что впрочем, шло на пользу французскому глазу...

Несомненно, что подобные порядки были следствием недобросовестности и злоупотреблений. Причем Вейлер принципиально не признавал никаких жалоб на своих подчиненных. Только после решительного протеста командира корпуса, подтвержденного Главнокомандующим в Константинополе, французы немного присмирили. Скоро был смещен и Вейлер. На его место был назначен полковник Томассен. Уже немолодой офицер колониальных войск, имевший обширный жизненный и служебный опыт, он был умнее и тактичнее Вейлера. К тому же, естественно, что он не имел желания портить свою служебную карьеру по примеру Вейлера.

Он, по-видимому, понял (о чем проговаривались его офицеры), что ему, скромному армейскому офицеру, трудно понимать все изгибы французской политики в русском вопросе. К тому же он знал, что «генераль Вранжель» имеет немало друзей в кругах верховных комиссаров, делавших политику на Ближнем Востоке.

Вся деятельность Томассена в Галлиполи показала его незаурядное умение лавировать среди противоположных и часто непримиримых интересов двух в основе своей враждебных стран. Русские в Галлиполи считали себя армией, и в этом вопросе, вне за-

висимости от их юридического правового положения, не шли ни на какие компромиссы. В то время как для французов они были только «refugiés russes»*. Томассен просто вышел из положения: в отношениях с генералом Кутеповым он считал его командующим корпусом, а «русских беженцев» расценивал как войска. В донесениях же своему начальству он называл русские войска «refugiés». Верховный комиссар, конечно, был осведомлен о дипломатии Томассена, но предпочитал, чтобы в глазах Парижа у него было «все благополучно».

Тот же Томассен, сделав визит генералу Кутепову, счел необходимым посетить и русский лагерь. По-видимому, ему требовалось донести командиру оккупационного корпуса, что, приняв должность, он во всех отношениях ознакомился с положением «русских беженцев». О своем намерении посетить лагерь Томассен сообщил в порядке частного отношения генералу Штейфону. Ввиду того, что оповещение было дано помимо командира корпуса и в форме случайного разговора, комендант лагерей никак не реагировал на приезд Томассена. Войскам было приказано делать вид, что они не замечают французского коменданта.

Никем не встреченный и никем не сопровождаемый, Томассен объехал лагерь верхом. Он понял молчаливую демонстрацию и на следующий день написал командиру корпуса, что он «объехал русский лагерь и приветствовал русские знамена...» В дальнейшем Томассен был в лагерях только два раза и только как приглашенный гость.

Особенную корректность и подчеркнутое внимание выказывали русскому командованию французские моряки во главе с благородным адмиралом де Боном, большим другом национальной России.

На галлиполийском рейде всегда находился французский миноносец, и при своих сменах командиры миноносцев неизменно бывали с визитом у генерала Кутепова.

В общем, благодаря желанию обеих сторон избегать трений и такту подполковника Томассена постепенно изгладилась та острота отношений, какая была создана неумелым поведением Вейлера.

Мелкие недоразумения продолжали, конечно, иметь место, и главным образом между русским и французским интендантствами на почве различных хозяйственных счетов. Впрочем, к русскому благополучию, скоро был назначен и новый интендант – лейтенант

* Русские беженцы (фр.).

Дюмон, человек культурный и благожелательный. В общем же в первый период Галлиполи французская тенденция рассматривать Русскую армию только как беженцев была достоянием по преимуществу лишь «высокой политики». Русская трагедия была еще слишком на виду у всего мира, и Верховный комиссариат в Константинополе не мог не сознавать, что вне зависимости от соображений политики необходимо прежде всего как-то успокоить русских людей.

С представителем местной гражданской власти – греческим префектом Галлиполи сразу установились благожелательные отношения. Еще до прибытия русских войск французы совершенно игнорировали греческую администрацию, делая это весьма грубо и демонстративно. Поэтому в лице русских войск греческий префект видел друзей по несчастью. В пределах своих возможностей он охотно шел навстречу всем пожеланиям генерала Кутепова.

Греческий митрополит Константин, пастырь редкой душевной доброты и христианской благожелательности, всем сердцем сочувствовал русскому горю, но его возможности были еще меньшими, чем префекта.

Турецкий муфтий, человек мудрый и почтенный, и турецкие старшины, в силу своего политического бесправия никаким авторитетом не пользовались. И французы, и греки с ними совершенно не считались. К русским же они относились благородно.

Что касается представителя американского Красного Креста майора Дэвидсона, то все его сочувствие было на русской стороне. Французов он не любил и относился к ним презрительно. Не уважал за их глубокое мещанство духа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Стрельба по начальникам, о которой было указано в главе 7-й и которая произвела столь сильное впечатление на генерала Кутепова, окончательно убедила его в том, что разложение достигло крайних пределов. Необходимо было принять какие-то решения и избрать какие-то новые средства для восстановления дисциплины, ибо применяемые меры явно не давали результатов.

18 января генерал Штейфон был вызван телефонограммой к командиру корпуса. В этом не было ничего необыкновенного, ибо подобные вызовы по делам службы практиковались и ранее.

На этот раз командир корпуса сообщил генералу Штейфону о своем решении назначить его комендантом города: «Я знаю, что это будет Вам не по душе, но мне нужен, наконец, порядок. Вы видите, что здесь делается...»

Для генерала Штейфона подобное предложение было полной неожиданностью, и он попросил разрешить подумать, прежде чем даст свой ответ.

К указанному времени генерал Штейфон имел в прошлом 20-летний служебный опыт, опыт трех войн – Японской, Великой и Гражданской, и высшее военное образование. Большую часть Великой войны он провел в непосредственном общении с таким ярким и самобытным талантом, как генерал Юденич. По службе в больших штабах был искушен в деятельности большого масштаба. В ролях строевого и штабного характера в Гражданскую войну хорошо знал и светлый, и темный лик добровольчества. Гражданская война не поколебала его прежнего военного мировоззрения, а наоборот, укрепила веру в пагубность импровизаций. Ни работы, ни ответственности он не боялся. Причины, побудившие Штейфона обдумать предложение командира корпуса, прежде чем дать тот или иной ответ, были отнюдь не личного характера. Войска, прибывшие в Галлиполи, вместе с историей своей героической борьбы, актами доблести и жертвенности привели и все те недочеты и органические пороки, какие породило добровольчество и особые условия Гражданской войны.

Основным и главнейшим злом Гражданской войны стало полное забвение права, полное притупление ощущения законности. Авторитета власти не было. Массы все более проникались уверенностью, что, потеряв Отечество, они тем самым освободились от всяких обязанностей. Карамазовская формула – «все дозволено» – глубоко проникла в психику войск. Крещенская стрельба по начальникам служила тому полным доказательством.

В представлениях генерала Кутепова и генерала Штейфона понятие дисциплины было отнюдь не одинаково.

Генералу Кутепову казалось, что если войска будут отдавать честь, носить погоны и примут опрятный вид, то тем самым будет упрочена дисциплина. Для генерала Штейфона все эти факты представлялись лишь внешним выражением дисциплины, важным и целесообразным только при условии, что войсками будут усвоены принципы права. Процесс морального разложения мог быть остановлен, а затем и изжит при условии, если будет изменено ложное мировоззрение войск, созданное психологией добровольчества.

Генерал Штейфон прочно верил в моральную силу светлых сторон русской души, но отдавал себе отчет в том, какое сопротивление окажут застарелые болезни. К тому же, и это было главным, он опасался, что при осуществлении своего плана оздоровления войск он не найдет полной и совершенно искренней поддержки командира корпуса. А успех мог быть лишь при условии, что не будут допущены никакие компромиссы.

Это опасение и побуждало генерала Штейфона отказаться от должности галлиполийского коменданта. В то же время он понимал, что генерал Кутепов – последняя ставка в Галлиполи, что потому его необходимо всемерно поддерживать. Необходимо поднять его авторитет, а для этого надо было переложить на кого-то другого весь одиум* будущей борьбы за возрождение дисциплины.

На следующий день комендант лагерей снова пришел к командиру корпуса, доложил ему свои взгляды и не утаил своих опасений.

Выслушав с глубоким вниманием, генерал Кутепов ответил:

– Как Вам известно, я был в Добровольческой армии с начала ее формирования и прекрасно знаю все наши недостатки. Я хочу, чтобы на должности коменданта было лицо, которое энергично повело бы борьбу со всеми этими недостатками. Во всех своих начинаниях Вы найдете во мне полную поддержку.

– Без полной поддержки Вашего Высокопревосходительства ничего не выйдет. Но все же прошу меня уволить и избрать иное лицо. Вам самому будет удобнее работать с комендантом, обладающим более сильными добровольческими чертами, чем я**.

– Да вот я имею теперь «Бороду» (у генерала Звягина была большая борода, и его в армии называли «Борода», к чему все привыкли), как Вы выражаетесь, «с добровольческими чертами», а толку нет.

Этот разговор так взволновал генерала Кутепова, что он встал из-за стола и отошел к окну. Постояв в молчании, Александр Павлович быстро повернулся и сказал глухим, приниженным тоном:

* Одиум (англ.) – ненависть, антипатия, пятно.

** Генерал Б. А. Штейфон с полным основанием мог считать себя недостаточно наделенным «добровольческими чертами», если понимать под ними как весьма своеобразную «добровольческую дисциплину» (порочность которой Штейфон неоднократно отмечал), так и отсутствие стажа службы в строевых частях ВСЮР. Штейфон не был «первоходником» (не участвовал в 1-м Кубанском «Ледяном» походе) и присоединился к Добровольческой армии лишь во второй половине 1918 г. До того времени он возглавлял Харьковский вербовочный центр Добровольческой армии.

– Поймите, что кроме Вас, мне некого назначить!

После подобного признания генерал Штейфон должен был принять назначение. Однако на следующий день снова пришел к командиру корпуса, чтобы совершенно точно выяснить и свои будущие полномочия, и взаимоотношения с генералом Кутеповым.

– Ваше Высокочтимейство, вчера я принял Ваше предложение, а сегодня опять пришел, чтобы доложить о том главном, что постеснялся высказать раньше. Опасался, чтобы Вы не поняли меня превратно. Прошу выслушать с полным доверием и разрешить говорить мне без дипломатических подходов.

-- Пожалуйста, я Вас слушаю.

– Понятно, что я еще не успел обдумать план своей будущей работы, однако ее основная цель ясна: укрепить заглохнувшее чувство законности. Думаю, что осуществить эту задачу возможно только при условии, если я буду руководствоваться уставами Императорской армии и потребую точного их исполнения от других.

– Вполне с Вами согласен!

– Очень рад. Вы знаете, как всеми забыта законность, поэтому нетрудно предугадать, какое общее сопротивление я встречу, когда начну ее восстанавливать. Ввиду этого я прошу Вас дать мне обещание, что я могу рассчитывать на всемерную поддержку Вашей власти, если моя окажется недостаточной.

– Можете не сомневаться! Я Вам это уже обещал.

– Теперь перейду к наиболее щекотливому вопросу: я полагаю необходимым упрочить в первую очередь авторитет власти вообще, а командира корпуса в особенности. Ваши усилия водворить дисциплину не дали желаемого результата. Создавшееся в Галлиполи положение настолько серьезно, что считаю себя вправе задать Вам вопрос: прав ли я, предполагая, что Вы предложили мне должность коменданта после того, как убедились в неуспехе всех иных мер воздействия, в том числе и Ваших лично?

Генералу Кутепову было нелегко ответить на подобный вопрос, но он нашел мужество ответить откровенно.

– Да, Вы угадали!

– Благодарю Вас за откровенность. Никто не любит всегда карающей руки. До сих пор ею были Вы, но это не принесло пользы и лишь колебало Ваш авторитет. Я настоятельно прошу Вас отказаться от взятых на себя комендантских обязанностей и предоставить только мне быть комендантом. Скоро Вы убедитесь, что это

будет полезнее и для дела, и для Вас лично. Иначе не будет целостности системы, а без системы, разнообразными невозможно осуществлять то страшно трудное задание, какое Вы возлагаете на меня.

Генерал Кутепов молчал. Его лицо изображало внутреннюю борьбу. В словах генерала Штейфона он справедливо угадал осуждение своих методов управления. Никто не говорил с ним так откровенно.

– Поверьте, Ваше Высокопревосходительство, что мне крайне тяжело обращаться к Вам с подобной просьбой. Но от успеха моей работы зависит будущее корпуса. Вы должны это понять.

Александр Павлович продолжал молчать. Затем просветлел и улыбнулся:

– Так Вы желаете, чтобы я не арестовывал, даже если мне не отдадут чести?

– Никак нет. Никто не смеет лишить Ваше Высокопревосходительство Ваших прав. Вы можете и должны наказывать, но пусть войско почувствует, что Вы арестовываете как командир корпуса, а не как комендант. Вы не можете не понять истинного смысла моих слов. Повторяю: никто не любит постоянно карающей руки. Пусть этой рукой буду я, а не Вы. Только подобными мерами управления можно упрочить Ваш авторитет.

Генерал Штейфон взволновался и говорил повышенным голосом.

Александр Павлович понял его и довольно рассмеялся.

– Не успел я Вас назначить комендантом, как Вы меня уже цукаете... Дай Бог Вам успеха, только побольше твердости и поменьше сентиментальности!

Конечные галлиполийские достижения были настолько велики и так запали в душу галлиполийцам, что заслонили истинное представление о первом периоде. Между тем, чтобы верно представить тогдашнюю обстановку, надо напомнить, чем было Галлиполи в то время.

В своих заметках генерал Штейфон говорит так:

«Я вышел из штаба уже галлиполийским комендантом. У дверей штаба корпуса толпились офицеры и солдаты. Они читали вывешенные приказы и списки полученных писем. Многие смотрели на меня, но никто ни чести не отдал, ни дороги не уступил. Идет, мол, генерал... Ну и что? Мало ли их тут! По грязной улице бродила толпа. По-прежнему тоскующая, грязная, лохматая и бездельная. В переулке галдела толкучка.

Решил по пути в лагерь зайти поесть в офицерском гарнизонном собрании. Там накурено, грязно. Посетители в фуражках и папах. Общий вид – низкопробной харчевни.

Я сел за свободный столик, покрытый засаленной скатертью. За соседним столом обедали двое. У обоих нет никаких внешних знаков отличия, но один называет другого “полковник”. Улавливаю слова: “Можно загнать... Константинополь... Лиры...”

Во время моего обеда вошел в собрание молодой офицер. Фуражка лихо заломлена, на лоб нарочито спущен большой кок напояженных волос – мода Гражданской войны. Руки в карманах. Оглянувшись, он подошел к моему столу, бросил на него свой хлыст и сел напротив меня. На погонах две звездочки: подпоручик или корнет.

Он не спросил у меня разрешения сесть за занятый мною столик, не спросил не только как подпоручик у генерала, но просто как посетитель, пришедший после меня.

Не снимая фуражки, заложив ногу за ногу, он шумно закурил и крикнул в пространство:

– Барышня, стакан вина!

Я молча ел и наблюдал. Выйдя из собрания, натолкнулся на двух пьяных. Они стояли у дверей греческого ресторана и о чем-то препирались, пересыпая разговор площадной бранью... Снова толпа, непролазная грязь...»

В докладе князя П. Д. Долгорукова* Комитету политического объединения князь так описывает свои галлиполийские впечатления первого периода:

* **Долгоруков Павел Дмитриевич** (1866–1927). Князь, активный деятель кадетской партии. В 1896–1898 гг. – камер-юнкер Императорского Двора, с 1902 г. – статский советник. Один из основателей Союза земцев-конституционалистов (1903), Союза освобождения (1904) и партии кадетов. На 1-м съезде кадетской партии избран в ее ЦК. Депутат II Государственной Думы от Москвы, председатель комиссии по народному образованию. Товарищ председателя партии кадетов в 1909 г. В годы Первой мировой войны – начальник передового отряда Всероссийского Союза городов. После Февраля 1917 г. – сторонник сильной единоличной власти, способной вывести Россию из кризиса, участник Государственного совещания в Москве. Участник октябрьских боев 1917 г. в Москве, депутат Всероссийского Учредительного собрания. После ареста и заключения в Петропавловской крепости в феврале 1918 г. вернулся в Москву, где руководил организационной работой ЦК кадетской партии. Один из организаторов Всероссийского национального центра, товарищ председателя. Председатель Ростовского отделения ЦК ка-

«Это военный лагерь, а не лагерь беженцев. При благоприятных условиях – это кадр будущей военной мощи. Но, присмотревшись ближе и поговорив – очевидно, что при теперешних условиях армия висит на волоске (подчеркнуто в докладе. – *Б. III.*) и может легко превратиться в беженцев, в банду, расплыться... Теперь почти поголовное стремление покинуть Галлиполи, попасть в Константинополь, в Германию, где бы то ни было устроиться. Таких, мне представляется, большинство...»

Профессор Даватц* – галлиполиец и восторженный поклонник Галлиполи, рассказывает в своей книге:

«Необходимо отметить, что суровые меры, принимаемые генералом Кутеповым, встречали глубоко скрытое, молчаливое, но несомненное неодобрение. Его боялись и трепетали. В глазах многих солдат и офицеров он представлялся жестоким, даже ненужно жестоким... Но командир корпуса, рискуя стать совершенно непопулярным, упорно и упрямо вел свою линию...»

Имея чрезвычайные полномочия командира корпуса и располагая полной свободой в своих действиях, новый галлиполиийский

детской партии. В 1920 г. руководитель Севастопольского отдела кадетской партии, глава «Объединения общественных и государственных деятелей». После эвакуации Крыма в 1920 г. в Константинополе. В 1921 г. вошел в состав Русского совета; на совещании ЦК партии кадетов в Париже критиковал «новый курс» председателя партии П. Н. Милюкова за его «союз с социалистами». Организатор, товарищ председателя Национального комитета. С 1922 г. в Софии, готовил выборы в Русский совет; в конце 1923 г. – в Праге. Работал в составе комитета Союза городов. Предпринял две «вылазки» на территорию СССР – в 1924 и 1926 гг. Во время последней был арестован ОГПУ и расстрелян в июне 1927 г.

* **Даватц Владимир Христианович** (1883–1944). Приват-доцент Харьковского университета, профессор Харьковских Высших женских курсов, математик. Редактировал газету «Новая Россия», был гласным Харьковской городской думы. В 1919 г. поступил добровольцем в команду бронепоезда «На Москву». В 1919–1920 гг. проделал боевой путь от Ростова до Новороссийска, воевал в Крыму. В составе 2-й батареи 6-го бронепоездного дивизиона был в Галлиполи. Стал одним из основателей Общества Галлиполийцев. В 1921 г. произведен в подпоручики. Редактировал (вместе с М. А. Суворинным) в Белграде газету «Новое Время». Автор книг «На Москву» (Париж, 1921), «Русская армия на чужбине» (Белград, 1923; в соавторстве с Н. Н. Львовым), «Годы. Очерки пятилетней борьбы» (Белград, 1926). В годы Второй мировой войны поступил в ряды Русского корпуса. Погиб в ноябре 1944 г. во время налета союзной авиации на г. Сиеницы в Югославии.

комендант стал систематически осуществлять свою программу. Вместо эпизодических наскоков на случайных нарушителей дисциплины была поведена планомерная борьба.

Комендантский аппарат был создан заново из людей энергичных и понимавших замысел генерала Штейфона. Аппарат был сконструирован так, чтобы одновременно овладеть всеми комендантскими функциями. Сам генерал Штейфон поселился в комендантском управлении

Город был разбит на участки, и каждый участок наблюдался круглые сутки специальными юнкерскими дозорами при офицерах. Там, где было необходимо – ставились часовые.

Благодаря налаженной системе всякое приказание коменданта стало настойчиво проводиться в жизнь. И ни одно нарушение дисциплины и порядка не проходило без возмездия. Войска быстро почувствовали, что пришла твердая власть.

Когда был установлен полицейский час, дабы положить предел пьянству и разгулу, в 8 часов 5 минут вечера комендант и его помощники выходили на улицу, и каждый встреченный, не имевший на то разрешения, приглашался в комендатуру. Приглашались не только младшие чины, но и генералы, любившие пображничать. С последними генерал Штейфон был особенно суров.

Русское гражданское население было подчинено коменданту и выполняло все обязательные постановления. Суровыми мерами на толкучке был наведен порядок.

Десятки арестованных наполнили гауптвахты Галлиполи возмущенно взывало, «зверь бесился», но это обстоятельство не смущало нового коменданта. Он понимал, что психология развала будет реагировать только на власть. Власть яркую, суровую, очевидную.

Через три дня после вступления в должность коменданта на улицах и в ресторанах после 8 часов уже не было никого. Это был крупный успех, ибо впервые в Галлиполи приказание было исполнено в массовом порядке. Когда через три дня командир корпуса прошел по городу в 8 с половиной вечера, то на следующий день сказал восхищенно:

«Вчера прошел по всему городу и никого, кроме дозоров, не встретил. Ловко!»

Днем комендант лично и несколько раз обходил город, и всякий неотдавший честь или допустивший какое-либо служебное нарушение немедленно арестовывался. Понимая, что один в поле не воин, комендант стал наблюдать, кто из солдат и обер-офицеров не

отдавал чести встреченным штаб-офицерам или генералам. Тут же на месте подзывались и тот, кто не отдал чести, и тот, кто ее не потребовал. Один арестовывался, а другому делался выговор. Подобный прием, восстанавливавший престиж чина, дал прекрасные результаты. Через несколько дней у коменданта появились сотни добровольцев и идейных помощников – штаб-офицеров и генералов. Некоторое время спустя такая же система и с тем же успехом была применена и к обер-офицерам в отношении солдат.

В итоге, что не удавалось раньше, было налажено сравнительно скоро и в полной мере. Система давала свои результаты!

С первого дня была введена и регламентация наказаний: за одни и те же преступления накладывались и однородные взыскания. Решительно все дисциплинарные наказания комендант назначал лично, и подобным порядком было покончено с несправедливостью. А главное, скоро все убедились, что благодаря организованности комендантского надзора ни одно нарушение порядка и дисциплины не проходило незамеченным.

В первые же дни вступления генерала Штейфона в должность произошли два случая, оказавшие на войска сильнейшее впечатление.

Из дома греческого митрополита было сообщено, что туда зашли пьяные офицеры Дроздовского полка и скандалят. Немедленно был послан плац-адъютант с дозором, которому было приказано во что бы то ни стало доставить буянов в комендантское управление. Скандалившие офицеры, не привыкшие к воздействиям, отказались подчиниться требованию плац-адъютанта: «Какой там комендант? Кто смеет арестовать нас – дроздовцев, да мы покажем ему и т. д.»

Доставленные в комендатуру, они долго буйствовали на гауптвахте. Наутро все виновные были преданы военно-полевому суду при комендантском управлении. Протрезвившись и узнав о предстоящем суде, они сообщили о случившемся своему командиру полка.

Скоро пришел в комендатуру генерал Туркул «выручать своих» и обратился с просьбой к коменданту.

– Ваше Превосходительство, вчера мои офицеры, кажется, немало пошутили, и Вы их арестовали. Пожалуйста, отпустите их, а я сам накручу им хвосты.

Генерал Штейфон знал Туркула еще капитаном в Донецком бассейне и был расположен к этому доблестному офицеру. Но

в данном случае столкнулись два противоположных мировоззрения. Компромиссов быть не могло!

– Ваши офицеры не «немного пошутили», а вели себя безобразно, забравшись в дом греческого митрополита. Я предал их военно-полевому суду, а Вам могу выразить лишь свое удивление: вместо того, чтобы способствовать восстановлению порядка и дисциплины, Вы просите за тех, кто срамит Ваш полк. Удивляюсь Вашему обращению.

Туркул был сильно смущен, извинился и немедленно отклонялся. Конечно, о встреченном приеме он рассказал другим, и в дальнейшем уже ни один командир полка не решался обращаться с подобными просьбами.

В тот же день виновные были судимы и разжалованы в рядовые. Приговор был комендантом утвержден, копия приговора была вывешена в городе и сообщена телефонограммой в полк. Расклеенный по городу приказ коменданта, объявлявший приговор, читался с великим изумлением. Ибо изумление, что появилась уверенная в себе власть, царило в те дни над всеми иными настроениями.

Другой случай произвел еще более сильное впечатление: солдат Технического полка договорился с местным зубным врачом-греком приходить к нему ежедневно для хозяйственных услуг. Факт сам по себе характерный. Прослужив у грека дней десять и осмотревшись, солдат ограбил врача и нанес ему тяжелые ранения, от которых грек и скончался.

Преступник был немедленно задержан и доставлен в комендатуру и в тот же день судим военно-полевым судом, приговорившим его к расстрелу. В 9 часов утра было совершено преступление, а в 9 часов вечера приговор был приведен в исполнение. Быстрое раскрытие преступления и столь же быстрая, суровая расправа, при соблюдении всех следственных и судебных норм, произвели потрясающее впечатление не только на войска, но и на местную администрацию и население...

Примечательно, что убийство русским солдатом греческого подданного не вызвало никаких осложнений. Греческий префект был вполне удовлетворен русской юстицией. Явочным порядком русский суд был признан как правомочное учреждение и таковым оставался до конца Галлиполи. Если раньше, когда генерал Штейфон арестовывал за мелкие нарушения, общественное мнение, не понимавшее смысла ведущейся борьбы, было склонно расценивать его как власть докучливую, то после разжалования буянов-дроз-

довцев и расстрела солдата-убийцы стал проявляться желаемый психологический перелом. Войска прозрели, что в лице коменданта ведется систематическая и беспощадная борьба против всякого нарушения законности. Люди стали понимать, что всеми забытый закон начинает приобретать свой авторитет.

Каждое утро комендант города бывал с докладом у командира корпуса. Видя результаты новой системы, генерал Кутепов без возражений удовлетворял все предложения генерала Штейфона. Он был только явно недоволен исходом дела об убийстве врача-грека:

– Почему Вы утвердили смертный приговор, а не представили его мне на утверждение?

– Потому, что это мое право и моя обязанность!

Александр Павлович промолчал, но пристально посмотрел на своего помощника...

Как только что было указано – желаемый психологический перелом совершался. Генерал Штейфон учитывал, что ему приходится иметь дело с войском, родившимся в жестоких условиях Гражданской войны и считавших подобные условия – нормальными. Он понимал, что только суровая, но действовавшая законными методами власть может быть авторитетной и иметь воспитательное значение. Принятая истина давала успешные результаты, а потому она и была продолжена.

Особенно напряженные усилия были направлены на искоренение наиболее пагубного дела – пьянства и пьяных дебошей. В этом вопросе комендант был безжалостным и всех виновных без снисхождения предавал военно-полевому суду, заседавшему первое время почти каждый день. Было применено правило, не имевшее исключения: кто унижал офицерское достоинство, тот не может быть офицером!

Одновременно с мерами дисциплинарного воздействия были приняты меры санитарного порядка. Город был разделен на участки, и в каждом имелся свой районный комендант из числа солидных, энергичных штаб-офицеров, обязанный следить за чистотой. Видя, как быстро город приводится в порядок, греческий префект предоставил генералу Штейфону право требовать от жителей соблюдения правил санитарии и, по заявлениям русского коменданта, штрафовал жителей за грязь и неряшливость. Факт небывалый, вероятно, со дня основания города. Улицы подметались, а газоны поливались, дворы и дома очищались.

Систематическими мерами дисциплинарного и судебного воздействия дисциплина войск внешне быстро восстанавливалась.

Однако галлиполийский комендант понимал, что наружный порядок, видимая покорность отнюдь не знаменуют духовного возрождения. Для этого последнего необходимы были и меры духовного порядка. Поэтому, когда частной инициативой была намечена организация лекций, генерал Штейфон немедленно всем своим авторитетом поддержал это начинание и убедил командира корпуса оказывать полное содействие морально-просветительной работе. Первоначально читались лекции по истории церкви, русской истории, истории русской литературы. Первая лекция имела успех и привлекла много слушателей. На следующих люди стояли, прижавшись друг к другу, и затаив дыхание, слушали рассказы о мученической борьбе за чистоту православия патриарха Никона, о жертвенных подвигах в Смутное время, о духовной красоте Лизы Калитиной*. В темном, холодном помещении, голодные и бесправные изгнанники полагали, что и в нищенском обиходе Галлиполи они владеют величайшими духовными ценностями. Что с ними их церковь, их история, их литература. Что никакими воздействиями французов невозможно лишить их гордости считать себя сынами Великой России... После таких лекций расходились просветленными и возвышенными**.

К числу сильнейших моральных воздействий, способствовавших очищению галлиполийской души, необходимо в первую очередь отнести воздействие церкви. С первых же дней прибытия корпусное духовенство, руководимое архимандритом Антонием, организовало глубоко умирительные церковные службы, а затем очень скоро – духовные лекции-концерты.

* Лиза Калитина – героиня романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859).

** Культурная жизнь в Галлиполи развивалась достаточно интенсивно. Главной ее целью было сохранение русской православной традиции, поддержание веры в правоту Белого дела. В лагере корпуса регулярно проводились богослужения, были устроены полковые церкви. Несмотря на нехватку бумаги, выходили машинописные и рукописные журналы («Алексеевец» и др.). Перед бойцами выступала Н. В. Плевницкая. В Галлиполи было создано два самодеятельных театра (в городе и в лагере), проводила матчи футбольная команда. Дети офицеров и гражданских беженцев обучались в созданных в лагере детском саду и Гимназии имени генерала Врангеля. В рамках начавшейся так называемой «русской акции» из лагеря в Прагу для продолжения обучения были отправлены студенты – чины корпуса.

Церковь была той главной силой, которая спасала людей от первоначального отчаяния и направляла внимание в сторону высоких идеалов.

Необходимо отметить и большое влияние, какое оказывали в галлиполийском быту русские женщины. Героически перенося все лишения, они были неизменными сторонниками порядка и принадлежали к числу духовно крепких элементов, которые искренне приветствовали энергичную борьбу за восстановление дисциплины и порядка. Воистину надо признать, что галлиполийки показали от начала до конца всю красоту и возвышенность русской женщины...

15 февраля 1921 года в Галлиполи прибыл Главнокомандующий. Он был поражен достигнутыми результатами. Поражен до такой степени, что счел необходимым прибегнуть к своего рода демонстративному выражению своих чувств. Вечером, за ужином в кавалерийской дивизии, в присутствии всех начальников, он встал и обратился к генералу Штейфону:

– Ваше Превосходительство, генерал Кутепов доложил мне о Вашей блестящей работе по должности коменданта Галлиполи. Порядок, который я наблюдал в городе, показал мне, каких больших результатов достигли Вы за столь короткое время. Я рад в присутствии всех начальников выразить Вам свою благодарность.

Главнокомандующий продолжал:

– Я знаю, что Вы доблестно командовали Белозерским полком. Я знаю Ваше большое желание иметь форму этого полка. Сейчас этого полка нет, и я не могу зачислить Вас в его списки. Все же жалую Вам право носить его форму.

Подобное демонстративное свидетельствование Главнокомандующим заслуг галлиполийского коменданта еще более укрепило его авторитет и стало признанием верности избранного им курса.

Скоро после вторичного посещения генералом Врангелем Галлиполи в город прибыл командир французского оккупационного корпуса генерал Шарпи. Человек надменный, сухой и неизменно подчеркивающий, что он имеет дело не с русскими войсками, а с беженцами.

Не признавая русской военной иерархии, он подчеркивал свое игнорирование русских начальников. Исключение было сделано только для коменданта города. В сопровождении генерала Кутепова и подполковника Томассен он прибыл в комендатуру «с визитом».

Томассен обратился к нему со словами:

– Генерал, я вновь свидетельствую о прекрасной энергии генерала Штейфона.

Шарпи сделал любезное лицо и произнес, обращаясь к русскому коменданту:

– Господин генерал, я наблюдал в городе большой порядок и дисциплину и мне приятно это засвидетельствовать. Особенно я удовлетворен той энергией, с какой Вы заботитесь о чистоте города...

Несомненно, что церемониал подобного визита был разработан раньше с целью показать внимание командира оккупационного корпуса к вопросам порядка и дисциплины.

На Пасху корпус держал свой первый, серьезный экзамен. Помня новогоднюю ночь, генерал Кутепов очень опасался, что и в Пасхальную ночь повторится такой же разгул.

В Страстную субботу в городе было вывешено объявление:

«Приказ

коменданта г. Галлиполи

1) В Пасхальную ночь разрешается беспрепятственное хождение по городу до утра; 2) Воспрещаю всякую стрельбу. За неисполнение этого распоряжения виновные будут преданы военно-полевому суду как за неисполнение моего приказания.

Комендант города

Генерального штаба генерал-майор Штейфон»

Прошла Пасхальная ночь и... не раздалось ни одного выстрела. Не произошло ни одного скандала, хотя все Галлиполи весело разговлялось. И войска, и новая система выдержали экзамен блестяще. Командир корпуса сиял!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вопрос о правовом положении армии чрезвычайно озабочивал в первое время Главнокомандующего и войска. Им представлялось неоспоримым, что в зависимости от того или иного решения вопроса зависит дальнейшая судьба армии. В свой первый приезд в Галлиполи (18 декабря 1920 года) генерал Врангель в своей речи к войскам объявил, что великие державы готовы признать армию и сохранить ее военную организацию.

Однако этим надеждам не суждено было исполниться. С приходом к власти кабинета Бриана* французское правительство стало настойчиво осуществлять свое решение расценивать эвакуированные войска как беженцев**.

Новый командир оккупационного корпуса генерал Шарпи стал энергично проводить в жизнь взгляды своего правительства. Но первая же его попытка обращаться с войсками как с беженцами и игнорировать генерала Врангеля как Главнокомандующего окончилась неудачно: Шарпи издал приказ о переселении Донского корпуса из района Чаталджи на о. Лемнос. Казаки не пожелали исполнить распоряжение, данное в обход генерала Врангеля, и разогнали чернокожих сенегальцев, присланных для их устрашения. С обеих сторон оказались раненые. Когда Шарпи обратился к русскому Главнокомандующему с просьбой о переезде донцов, последние повиновались генералу Врангелю и перебрались на остров без инцидентов.

Уже после этой истории Шарпи секретным порядком оповестил французских комендантов: «Нам действительно необходимо, чтобы русское командование сохраняло известный авторитет для того, чтобы помочь нам поддержать порядок и дисциплину, но при условии, если этот авторитет не препятствовал бы нам в деле эвакуации беженцев...»

Случай в Донском корпусе убедил генерала Шарпи, что русские войска вовсе не беженцы, но даже без оружия сохраняют

* **Бриан Аристид** (1862–1932). Французский государственный деятель и дипломат; 11 раз занимал пост премьер-министра и 25 раз – министра. В 1921–1922 гг. занимал должность премьер-министра; с 1925 по 1932 г. – министр иностранных дел. Выступал за поддержку стран-лимитрофов, представлявших «санитарный кордон» против Советской России. После поражения в 1931 г. на президентских выборах отошел от политической деятельности.

** Несмотря на то, что Франция была единственной страной, официально заявившей о признании врангелевского Правительства Юга России «де-факто», в 1921 г. ее политическое руководство стало склоняться к необходимости постепенного сближения с Советской Россией. Заключение торговых соглашений, не говоря уже о дипломатическом признании советского государства, требовало отказа от поддержки противобольшевистских сил, их разоружения и перевода «на беженское положение». По своему статусу они становились уже не воинскими частями, а обычными «гражданскими» колониями и группами.

свою потенциальную силу. Наглые и грубые с пассивными и слабыми, французы, убедившись в способности сопротивления русских войск, перешли к системе «измора». Уже 24 января генерал Шарпи писал начальнику штаба Главнокомандующего: «Я обращаю Ваше внимание на важность или тягость расходов, понесенных Францией ради содержания в продолжении двух месяцев русских беженцев из Крыма... С нашей стороны было проявлено огромное напряжение, которое, кажется, не было достаточно оценено, принимая во внимание слабость наших средств и нашего состава...»

Начиная с этого времени, генерал Шарпи, что так характерно для французского рационализма, всю свою политику в отношении русских войск основывает на у страшении голодом. «Благодарная Франция» искренне не понимает, что как ни важен паек для голодных русских людей, однако имеются такие моральные мотивы, заглушить которые не могут никакие факторы материального порядка.

Дабы иметь правильное представление, в какой мере справедливы ссылки французов на благотворительный характер их помощи русским, необходимо отметить, что те запасы, какие были сгружены с русских пароходов, составили по оценке комиссии сумму в 69 075 888 франков.

В эту сумму не вошли оружие, снаряды и весь южнорусский тоннаж, что само по себе намного превышало приведенную оценку.

В то же время, по смете французского интендантства, суточная стоимость пайка, выдаваемого русским войскам, обходилась от 2,97 франков (январь) до 1,88 франков (сентябрь), а в среднем равнялась 2,28 франка.

Всего в Галлиполи, а Галлиполи было наиболее крупным средоточием русских, было выдано до 8 000 000 рационов, что может быть оценено около 18–19 миллионов франков.

Подобная краткая статистика свидетельствует, как лицемерно рекламировала Франция характер своей помощи русским националистам, а потому нетрудно представить, как озлобляло вечное подчеркивание французами своих «великодушия и благородства». Французское правительство спекулировало самым беззастенчивым образом на русском несчастье...

Система измора проводилась французами на всем протяжении Галлиполи. 15 января были уменьшены дачи консервов и муки, а в марте было объявлено, что с 1 апреля французское интендантст-

во и вовсе прекращает выдачу каких-либо продуктов. Последнего, правда, не произошло, но после 20 апреля рацион был значительно сокращен и по справедливости мог быть назван голодным: хлеба – 400 грамм, консервов – 200 грамм, овощей – 80 грамм, жиров – 20 грамм. Одновременно с давлением с помощью голода французское командование стало применять систему бесстыдных реклам, соблазнявших голодных людей уехать в Совдепию или в заморские страны. Надеюсь, что под давлением нужды и ложных посулов русские войска постепенно расплытятся, а политика Бриана приобретает лишний козырь в своей игре с большевиками. Для иллюстрации приемов, какими пользовались французы, достаточно привести несколько документов:

«Сообщение французского командования русским беженцам

После эвакуации из Крыма русские беженцы без помощи Франции должны были бы погибнуть от холода и болезней. Из человеколюбия, не имея в виду никакой политической цели, Франция приняла на себя заботу о беженцах и содержит их уже почти пять месяцев.

Это содержание обходится Франции в 40 миллионов франков в месяц. За пять месяцев его потрачено почти 200 миллионов франков, тогда как гарантии, данные русским командованием, и заключающиеся в судах, сырье и т. д., представляют собой едва 30 миллионов франков (в “официальном сообщении” от 17 апреля 1921 г. размер “гарантий” определялся в сумме уже свыше 50 миллионов франков. Французы сами запутались во лжи. – Б. Ш.).

Франция счастлива тем, что она могла спасти около 100 тысяч русских, но, будучи сама сильно изнурена войной, она не может продолжать приносить столь тяжелые жертвы.

Для всех русских беженцев является вопросом достоинства и чести принятие предложенных им способов выйти из положения беженцев и честно добывать своим трудом средства к существованию. Независимо от этого вопроса чести, для беженцев является также вопросом насущной необходимости обеспечить себе честное и достойное существование трудом, так как французское правительство вынуждено рано или поздно прекратить их содержание».

«Объявление французского командования русским беженцам

Господин Серебровский, представитель Бакинского нефтяного комитета, сообщил французскому командованию следующее: Ба-

кинская нефтяная промышленность нуждается в рабочих руках и просит вас соизволить разрешить военным Русской армии, кроме офицеров, отправиться в Баку, где они будут работать в нефтяных предприятиях и на Каспийском море.

Даем абсолютную гарантию, что они не будут преследоваться и что по окончании летнего сезона, который начинается 20 мая, будут отправлены по своим домам.

Они будут пользоваться жалованием и содержанием, как и остальные рабочие Баку, и согласно правилам профессиональных союзов. В настоящее время нуждаемся в 6000 рабочих.

В ближайшее время пароход будет послан для принятия беженцев, желающих принять условия, которые им предложены для отправки в Баку.

Уверяем беженцев, что они могут свободно выражать свое мнение, не боясь преследования...»

«Важное объявление

По распоряжению верховного комиссара Французской Республики на Востоке и командира оккупационного корпуса доводим до сведения русских беженцев, что французское правительство решило отменить в скором времени всякие кредиты на их содержание. Беженцы должны, таким образом, выбирать одну из следующих альтернатив:

- 1) Вернуться в Советскую Россию.
- 2) Отправиться в Бразилию.
- 3) Добывать пропитание своими средствами.

Французское правительство, не желая быть свидетелем нового выступления армии Врангеля против советской власти, не видит больше разницы между гражданскими и военными беженцами. Всякий, кто захочет воспользоваться одним из предложенных выходов, может быть удовлетворен.

В качестве справки сообщается русским беженцам.

1) Что их соотечественники, недавно высадившиеся в Новороссийске, были приняты без затруднений; 2) что в Бразилии, стране здоровой и заселенной многими европейцами, они могут быть уверены, что найдут средства к существованию и останутся русскими подданными.

Пароход “Решид-паша”, идущий с Лемноса в Одессу, пробудет в Галлиполи 28 марта, имея 250 свободных мест.

Русские беженцы, желающие вернуться в Россию или отправиться в Бразилию, должны записываться.

Полная дисциплина, свойственная русским в Галлиполи, дает уверенность, что все предполагаемые операции будут выполнены в полном порядке»*.

В «официальном сообщении» французского правительства от 17 апреля 1921 года говорилось: «Генерал Врангель образовал в Константинополе своего рода правительство и претендует на то, чтобы сохранить на положении армии вывезенные из Крыма войска. Он оказывает сопротивление всем мерам, которые военные французские власти принимают для того, чтобы положить конец расходам, взятым на себя правительством Республики с чисто гуманитарным желанием не дать умереть крымским беженцам от голода и нищеты. Он не только не понимает, что мера эта внушена заботой о подлинных интересах беженцев, но оказывает постоянное давление на своих прежних солдат, для того чтобы внушить им не следовать нашим советам... Франция уже израсходовала свыше 200 миллионов, из которых едва ли четверть была покрыта пароходами и товарами, принадлежавшими южнорусскому правительству... Все русские, находящиеся в лагерях, должны знать, что армии Врангеля больше не существует, что их бывшие начальники не имеют больше прав отдавать им приказания, что они совершенно свободны в своих решениях и что впредь им не может быть предоставлено продовольствие. Франция, которая помогала ценою больших затруднений и тяжелых жертв, пришла к пределу возможного в этом отношении».

Нелегко решить, чего больше в этих документах – лжи, бесстыдства или лицемерия?!

Таким образом, вопрос о правовом положении русских войск был разрешен совершенно определенно: армия не признавалась и расценивалась как беженство.

Однако ко времени второго приезда генерала Врангеля в Галлиполи уже стало проявляться «галлиполийское чудо». Деморали-

* «Возвращение в Совдепию» стало одним из способов «распыления» эвакуировавшихся подразделений Русской армии в 1921 г. Показательна отправка в Советскую Россию казаков из состава Донского и Кубанского корпусов. Высылка шла под предлогом расформирования Русской армии и должна была быть добровольной. Однако, на практике, французская администрация настаивала на принудительной эвакуации, заявляя о необходимости «разгрузки Лемноса», острова, на котором располагалась большая часть казачьих частей. В общей сложности на пароходах «Дон» и «Решид-паша» в Советскую Россию было отправлено около 6 тысяч казаков, небольшая часть из них была отправлена в лагеря или расстреляна.

зованная толпа быстро превращалась в армию. Армия стала сама себя признавать, и тем притупилась острота желаний, чтобы ее признали другие.

Своим проникновенным умом генерал Врангель быстро оценил создающуюся обстановку, чем и объясняется та демонстрация, какую он показал в отношении галлиполийского коменданта за ужином в кавалерийской дивизии.

В этот период времени генерал Кутепов продолжал быть непопулярным. Фактически отстранившись от дисциплинарно-воспитательных усилий, он отдался главным образом хозяйственному устройству войск, показывая в этом деле громадную настойчивость, знания и опыт.

Непопулярность сурового и, как казалось войскам, несправедливого командира корпуса поддерживалась еще и молвой о начальнике штаба корпуса генерале Достовалове. Александр Павлович, будучи сам образцовым семьянином и человеком высоких моральных качеств (религиозным, не пил, не курил, не имел решительно никаких слабостей), со всей строгостью преследовал моральную распушенность других, но в то же время он был способен искренне не замечать того, что делалось у него на глазах. Или точнее – замечать, но не придавать значения.

Командир корпуса прекрасно знал, что в штабе корпуса, в комнате начальника штаба живет дама, что начальник штаба позволяет себе и пить, и играть в карты с подчиненными... Что начальник штаба высказывает мнения, недопустимые в его должности...

Подобное поведение генерала Достовалова, в представлении общественного мнения, было прямым и соблазнительным вызовом. К тому же, по своему душевному складу Достовалов был циником и не любил себя вообще стеснять.

В дальнейшем своим переходом к большевикам и скандальным выступлением на процессе Конради* в качестве свидетеля со стороны Советов он без прикрас выявил всю свою сущность. Как человек

* **Конради Мориц Морицевич** (1896–1934). Капитан. Учился в Петроградском технологическом институте, но в 1916 г., не закончив обучения, ушел добровольцем на фронт. В 1917 г. – поручик, командир роты. После 1917 г. воевал в рядах Добровольческой армии, адъютант начальника Дроздовской стрелковой дивизии генерала А. В. Туркула. Дослужился до чина капитана. В 1921 г. вернулся в Швейцарию и работал в одном из торговых домов Цюриха. В марте 1923 г. отправился в Женеву и

совершенно беспринципный, Достовалов был равнодушен к идеологическим стремлениям белого командования и любил повторять в Галлиполи, что «все равно французы скоро разгонят всю эту лавочку». Слова не только странные, но и преступные в устах начальника штаба!

Генерал Кутепов знал все это и равнодушно мирился. Одна из необъяснимых тайн его характера: периодическая утрата морально-го чутья!

Ко всем неблагоприятным отзывам о генерале Достовалове скоро присоединились слухи о каком-то некрасивом его участии в деле расхищения денежных ценностей казначейства, эвакуированного из Крыма.

Находившиеся в Галлиполи лица, знавшие об этой истории, не стесняясь, высказывались о причастности Достовалова, а затем один из генералов подал рапорт Главнокомандующему, в котором дело о расхищении казначейства связывалось с именем Достовалова.

В какой мере был виновен начальник штаба в этой истории, сказать трудно. Во всяком случае, какая-то доля вины, и вины корыстной, по-видимому, имелась, так как Главнокомандующий не признал возможным дальнейшее пребывание Достовалова на должности начальника штаба, и он был смнен.

Перед Пасхой Достовалов быстро и для всех неожиданно покинул Галлиполи, причем его отъезд был обставлен такой таинственностью, что все Галлиполи заговорило, что «Достовалов бежал»... Слухи о бегстве поддерживались и тем обстоятельством, что бывший начальник штаба уехал не пароходом, как это делали все, а сухим путем на Радосто, что было совершенно необычно, крайне

вместе со своим однополчанином А. П. Полуниным начал подготовку к покушению на представителей советской делегации в Берлине. Однако покушение не состоялось, и Конради вернулся в Швейцарию. В мае 1923 г. застрелил советского полпреда в Италии В. В. Воровского во время Лозаннской конференции в качестве акта «мести за участие Воровского в убийстве Царской Семьи». Процесс над Конради и Полуниным был выигран его защитниками. Одним из адвокатов был Я. С. Гуревич, бывший сенатор, участвовавший также в защите митрополита Вениамина (Казанского) в деле о «сопротивлении изъятию церковных ценностей» и вынужденный уехать из Советской России. После убийства Воровского советское правительство разорвало дипломатические отношения со Швейцарией. С 1931 г. Конради состоял на службе в рядах французского Иностранного легиона.

неудобно, а потому и странно. После его отъезда к его преемнику приходило несколько лиц с жалобами, что Достовалов увез с собой доверенные ему этими лицами валюту и ценные вещи.

Досушая молва не замедлила приплести к фактической неприглядности Достовалова и много явно вымышленных узоров. В общем же служебная близость командира корпуса к столь загадочной личности, как Достовалов, конечно, не способствовала усилению авторитета генерала Кутепова*.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На освободившуюся должность начальника штаба Главкомандующий предполагал назначить по выбору командира корпуса командиров в старших генеральских чинах. Однако только что пережитая история с Достоваловым, в свое время назначенным Ставкой, побудила Александра Павловича заместить должность своего начальника штаба лицом по своему выбору.

Когда после отъезда Достовалова комендант города, не знавший ничего об отъезде, пришел с очередным докладом, то командир корпуса, выслушав доклад, попросил генерала Штейфона остаться и заявил: «Генерал Достовалов сегодня утром уехал из Галлиполи и больше сюда не вернется. Я хотел бы видеть Вас своим начальником штаба» (еще в Крыму, летом 1920 года, генерал Кутепов, будучи командующим 1-й армией, предлагал генералу Штейфону должность генерал-квартирмейстера своего штаба).

Генерал Кутепов настаивал, чтобы Штейфон немедленно вступил в исполнение новой должности, и в тот же день отдал соответствующий приказ.

Избрав генерала Штейфона своим начальником штаба, командир корпуса не пожелал, несмотря на настойчивые просьбы, освободить его от должности коменданта, хотя отлично сознавал, что исполнение двух таких должностей одним лицом было непосильно.

* О генерале Достовалове в эмиграции имелись противоречивые оценки. Сотрудничество с советской разведкой многие были склонны относить еще к осени 1919 г. Другие считали, что Достовалов перешел на службу советской власти по идейным соображениям, и связывали это с распространением идеологии «сменовеховства», позиции которой разделялись авторами журнала «Война и мир», выходившего в 1922–1924 гг. в Берлине, среди которых был и Достовалов (*Прянишников Б.* Незримая паутина. Нью-Йорк, 1979. С. 25–27).

Должность начальника штаба является прямой специальностью офицера Генерального штаба, и в такого рода деятельности генерал Штейфон имел обширный и разносторонний опыт. Поэтому техника новых обязанностей его нисколько не озадачивала. Зато занимало и беспокоило обдумывание тех руководящих идей, какие, по его мнению, надлежало с пользой для дела принять как основу дальнейшего галлиполийского строительства.

Размышляя о причинах своих успехов в роли галлиполийского коменданта, генерал Штейфон пришел к заключению, что основным фактором такого успеха послужило восстановление законных норм.

По своей природе всякая революция служит разрушающим началом. Прежде всего, она грубо рушит старые правовые нормы и доказывает необходимость заменить их новыми. Когда образуется новое право, оно фактом своего существования останавливает процесс революции.

Начиная с 1917 года, в течение последующих трех лет русское военное творчество в областях идей являло полное смешение старых и новых понятий.

Как уже указывалось, белые армии, в силу сложных и разнообразных причин, усвоили не только революционную практику, но и обширный круг революционных идей. В итоге в зависимости от того, какого качества идеи преобладали в данный период, белые военные организмы переживали время либо своего быстрого расцвета, либо не менее быстрого развала. Военное дело подчиняется неизменным тысячелетним законам и не терпит импровизаций, нарушающих эти законы.

И когда галлиполийский комендант в области дисциплинарных идей вернулся к старым уставным положениям, то этим он придал воинской дисциплине, в ее философском и практическом понимании, необходимую ясность, четкость и логическую стройность. А так как прежняя мудрая дисциплина наиболее соответствовала духовному складу русского характера, то проводимая система и дала богатые результаты.

Генералу Штейфону представлялось совершенно необходимым одухотворить всю деятельность корпуса своей основной идеей: выходом из революции.

Невозможно было сидеть между двумя стульями. Необходимо было сделать шаг вперед или шаг назад. Шаг вперед знаменовал восприятие революционных идей с их логическим завершением – большевизмом.

Шаг назад возвращал в область военных идей, практическая ценность которых была приобретена вековым опытом. Конечно, возвращение к старым нормам и формирование строгого военного мировоззрения не только не исключало, но обязывало вносить поправки за счет неизбежного прогресса идей и форм. Но подобные поправки принимались не в виде революционной динамики, а только как естественная и здоровая эволюция.

Свои идеи о выводе Галлиполи из революции генерал Штейфон доложил командиру корпуса. Даже вне зависимости от философских обоснований уже внешнее выражение мысли о виде формулы «выход из революций» вполне соответствовало склонностям Александра Павловича, и он ответил: «Я строевой офицер и признаюсь, что мало интересовался философией. Но с революцией надо давно покончить. Действуйте, а я буду Вас всячески поддерживать».

Подобными путями была надумана и принята к исполнению главнейшая галлиполийская идея, осуществление которой и дало в итоге «галлиполийское чудо».

Должность коменданта и начальника штаба были должностями, охватывающими все стороны галлиполийской жизни. Соединение этих двух должностей в лице генерала Штейфона, наделенного к тому же исключительными полномочиями, создавало, хотя и в скрытом виде, но вполне точное представление о диктатуре.

Хотя по свойствам своего характера генерал Штейфон никак не стремился подчеркивать свое особое, не сравнимое ни с каким из других начальников положение, все же войска скоро почувствовали его «диктатуру», и в Галлиполи прочно укоренилось мнение, что «Кутепов все делает, как скажет Штейфон».

Подобное мнение было, однако, несправедливым. Генерал Кутепов обладал сильной волей и ревниво оберегал свои права. Он только угадывал пределы своих возможностей. Поэтому ему и импонировали творческие усилия его ближайшего помощника. Александр Павлович признавал его интеллектуальные преимущества, сознавал превосходство его образования, знаний и своим здравым смыслом понимал, что проводимая система даст желаемые результаты. В разбор же идеи как самоценности он не входил, ибо по своей сущности был только практик-исполнитель.

К тому же в волевых характерах обоих генералов было много общего, что и сближало их не только служебно, но и в порядке частных отношений.

Однако только генерал Штейфон знал, как иногда бывал «труден» генерал Кутепов и как он нуждался в умном руководителстве. Было много примеров, когда, обсудив с начальником штаба какой-нибудь вопрос, командир корпуса принимал решение и приказывал заготовить приказ в духе такого решения. И вот когда через два-три часа генерал Штейфон подавал ему на подпись отпечатанный приказ, Александр Павлович сконфуженно заявлял:

– А я передумал и решил так-то.

– Почему?

– Да у меня сегодня был NN и говорил по этому вопросу.

При этом называлось совершенно неавторитетное имя случайного посетителя, чаще всего из цикла первопоходных* знакомств. Так как Александр Павлович в подобных случаях был крайне упрямым, то оставалось только произнести:

– Слушаю. Как прикажете.

Через несколько дней, а часто и на следующее утро, командир корпуса возмущался:

– А NN подвел меня. Я его за это здорово расцукал!

– Охота была Вам слушать его с самого начала?

– Да я знал NN в Первом походе (или под Курском), он отлично командовал ротой. Храбрый офицер. Правда, любил выпить и побуйнить!

Бороться с подобными правилами логики было не под силу даже генералу Штейфону...

Все эти безответственные влияния были тем большим злом, что нельзя было никогда угадать, когда, с чьей стороны и по какому поводу они проявятся.

Экзамен, какой держал корпус в пасхальную ночь, показал, что дисциплина и порядок восстановлены в значительной степени. Необходимо было перейти к следующим этапам строительства: усилить воспитательное давление и заняться обучением, дабы корпус усвоил в полной мере необходимые ему военные качества. Подобное усвоение представлялось тем необходимее, что натиск французов стал приобретать опасный характер. Демагогические приемы, к каким прибегало французское командование, можно было парализовать только моральной зрелостью войск. Убежденный сторонник военно-

* Речь идет о первопоходниках – участниках 1-го Кубанского похода (февраль–апрель 1918 года), наиболее героического этапа борьбы Добровольческой армии

го просвещения, начальник штаба разработал обширную программу организации самых разнообразных просветительных курсов и школ.

Александр Павлович не входил в обсуждение таких вопросов:

– Это дело Ваше – Генштаба, а я буду проверять строевое обучение!

Уже упоминалось, как снизила Гражданская война уровень даже элементарных военных знаний. Забывались, в полном смысле, азы военного дела, а когда вспоминались и применялись, то этим гордились, как крупным творческим достижением.

Ввиду почти полного отсутствия в частях уставов и руководств, первой заботой нового начальника штаба стало размножение литографским способом необходимых пособий.

Затем у генерала Штейфона возникла мысль – напомнить всем начальникам истинные приемы ведения войны и наглядно показать, не задевая самолюбий, как кустарны были методы Гражданской войны и как мало они соответствовали понятиям о военном искусстве.

Для этой цели в штаб Главнокомандующего была послана просьба прислать какие-либо новинки военно-книжного рынка, трактующие вопросы современной тактики и организации. В то время совершенно не было работ русских авторов, и приходилось удовлетворяться книгой Пфейфера «Взгляды на боевую подготовку пехоты для атаки».

Книга, скоро полученная, была быстро переведена на русский язык и затем прочитана в присутствии всех начальников, начиная от ротных командиров. Чтение произвело сильное впечатление и стало могучим толчком для дальнейшей работы военной мысли.

Были организованы ежедневные занятия в поле, тактические собеседования и игры. В течение месяца создался ряд курсов, имевших заданием охватить всю офицерскую массу. Для солдат были открыты школы грамотности и учебные команды.

В итоге в Галлиполи действовали: 1) Штаб-офицерские курсы при штабе пехотной дивизии; 2) Курсы для подготовки ротных командиров; 3) Офицерские курсы при Константиновском военном училище; 4) Военно-образовательные курсы при Корниловском полку; 5) Курсы для младших офицеров Марковского полка; 6) Офицерская артиллерийская школа; 7) Обер-офицерские артиллерийские курсы; 8) Курсы офицерской кавалерийской школы; 9) Офицерская инженерная школа; 10) Радиотелеграфная школа; 11) Военно-артиллерийские курсы (для штаб-офицеров и генералов); 12) Гимнастическая школа.

Если принять во внимание, что, кроме того, имелись шесть военных училищ (три пехотных, одно артиллерийское, одно кавалерийское, одно инженерное), Высшие общеобразовательные курсы, Курсы иностранных языков, гимназия и детская школа, то надо признать, что все Галлиполи училось чрезвычайно прилежно и усидчиво.

Начальник штаба постоянно и лично инспектировал постановку военно-учебного дела, вкладывая в эту отрасль своей деятельности много любви и энергии.

В вопросах воспитательного воздействия была осуществлена тоже огромная работа.

По указаниям епископа Вениамина (Федченкова)* и архимандрита Антония** во всех полках, в военных училищах и в гимназии

* **Вениамин** (в миру **Иван Афанасиевич Федченков**) (1880–1961). Митрополит, один из крупнейших деятелей Русской Православной Церкви. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1917 г. был избран членом Поместного собора Православной Российской церкви. Участвовал в работе Украинского Верховного собора в Киеве. В феврале 1919 г. был хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии, и определен на должность настоятеля Херсонесского монастыря в Одессе. Возглавил военное и морское духовенство Русской армии. Руководил служением военных священников, выезжал на фронт, принимал участие в организации дней всенародного покаяния, крестных ходов. В Константинополе вошел в состав Высшего церковного управления за границей, а также стал членом образованного при генерале П. Н. Врангеле Русского совета. В 1920–1921 гг. служил в Болгарии, участвовал в работе Карловацкого Собора (1921). Поддержал известную «декларацию» митрополита Сергия (Страгородского). Определением Временного патриаршего синода от 22 ноября 1933 г. был назначен архиепископом Алеутским и Северо-Американским с оставлением экзархом Московской патриархии в Америке. В годы Второй мировой войны выступал за победу над нацизмом, возглавил Медицинский комитет помощи России, был членом Международного комитета помощи России. В 1944 г. был приглашен в СССР на Поместный собор для участия в избрании и интронизации патриарха Алексия I (Симанского). В 1948 г. окончательно вернулся в СССР и был назначен на Рижскую кафедру. В 1951–1955 гг. возглавлял Ростовскую кафедру, а в ноябре 1955 г. получил назначение быть митрополитом Саратовским и Балашовским.

** **Антоний** (в миру **Алексей Павлович Храповицкий**) (1863–1936). Митрополит Киевский и Галицкий, крупнейший деятель Русской Православной Церкви, духовный писатель. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию; в 1890 г. стал ее ректором. С 1892 г. возглавлял Московскую духовную академию. Состоял членом Государственного совета и Свя-

были устроены церкви и организованы церковные хоры. Произносились весьма глубокие по смыслу и сильные по форме проповеди, велись беседы, создавались братства...

На курсах в различных школах неизменно вспоминалась и изучалась Россия. Столь ненормальный в белых армиях офицерский быт подвергся коренным изменениям: все офицеры уравниены в своих основных офицерских правах; для поднятия этики введены суды чести и дуэли; воспрещены практиковавшиеся ранее незаконные наказания; при назначениях на должность требовались не только заслуги, но и соответствующий чин; разработана система аттестации на основе коллегиальных обсуждений; штаб-офицеры и генералы, не занимавшие должностей, составили штаб-офицерские и генеральские резервы, подчиненные генералу Штейфону, и др.

Для водворения законности в областях хозяйственных по настоящую начальника штаба особыми комиссиями были обследованы все хозяйственные учреждения. При обнаружении недочетов, а тем более преступлений, виновные без снисхождения отрешались от должностей или предавались корпусному суду.

Все руководящие приказы по корпусу составлялись лично начальником штаба, и в них постоянно стали встречаться напоминания:

«Вновь напоминаю, что мы являемся последним и единственным кадром Русской армии и должны напряженно и неустанно готовиться с честью выполнить свое назначение...»

«Каждая войсковая часть будет крепка лишь тогда, когда она дисциплинирована, воспитана и обучена. Только такая часть может противостоять всяким испытаниям...»

«Наш долг перед Родиной обязывает нас быть сплоченными, дисциплинированными и обученными...»

тейшего синода в 1906–1907 гг. и в 1912 г. На Всероссийском Поместном Церковном соборе в ноябре 1917 г. был одним из кандидатов на Патриарший Престол. С 1918 г. – на юге России, участвовал в Белом движении, выступал против создания Украинской автокефальной церкви. После эвакуации из Крыма жил в Югославии. Стал главой Временного высшего церковного управления за границей (ВВЦУ). Возглавлял Архиерейский синод Русской Православной Церкви за границей. Выступал за восстановление монархии в России, активно поддерживал правые политические организации, благословил Приамурский Земский собор 1922 г. и генерала М. К. Дитерихса. Делегат Русского Зарубежного съезда от Югославии. Жил в г. Сремски Карловцы. Категорически осудил декларацию митрополита Сергия и его последователей.

Осенью, когда уже проявилось и закрепилось возрождение корпуса, начальник штаба написал и понес предложить командиру корпуса даже необычный приказ:

«Из поступающих ко мне докладов установлено, что среди некоторых чинов корпуса продолжает еще существовать привычка к сквернословию. Считаю, что 1-й корпус должен быть образцом во всех отношениях и подавать пример высокого нравственного развития и воинской вежливости, – запрещаю употребление в разговорах бранных слов».

Генерал Кутепов прочитал, улыбнулся, но подписал без колебаний. Оба они – и командир корпуса, и начальник штаба крепко верили в лучшие стороны русской души.

Большое воспитательное значение имели смотры и парады, вызванные к жизни генералом Кутеповым. Начальник штаба был равнодушен к этой подробности военного обихода, но командир корпуса их любил и наслаждался ими. А главное, он угадывал их несомненную пользу.

Недавние картины зимнего разложения были памятны всем: и войскам, и французам, и местным жителям. С наступлением тепла, благодаря неукротимой энергии командира корпуса в хозяйственных областях и при щедром содействии американского Красного Креста, корпус был одет однообразно, что придавало ему воинский и щегольской вид. Из американских больничных халатов и простыней были пошиты гимнастерки, а из перекрашенных одеял – шаровары и фуражки. С наступлением сухой погоды уладился и сапожный вопрос.

И когда на первом весеннем параде войска вышли в строй по форме и парадно одетыми, когда гремели оркестры, встречавшие командира корпуса и тихо развевались знамена, впечатление было потрясающим. В тот момент создалась гордость собою и всем достигнутым.

Тогда, в те часы приподнятого настроения, каждый мог с полным основанием повторить слова Пьера Безухова, что «он был порочным только потому, что он как-то случайно запамятовал, как хорошо быть добродетельным». А поняв, как хорошо быть добродетельным, – войска, начальники и вообще все русские люди, находившиеся в Галлиполи, тем самым осознали свой долг, свое галлиполийское назначение.

Душа, всколыхнувшаяся сперва под воздействием суровой дисциплины и тяжкого, непрерывного труда, а затем в силу воздей-

ствий уже воспитательных продолжала светиться, как лампадочка перед ликом умученной Родины.

И лучшим показателем быстрого оздоровления служила та буйная самодеятельность, какая проявилась в Галлиполи и какая уже была характерной особенностью того периода. Каждый день приносил что-либо новое, отрадное и «добродетельное». Во всем изумительном блеске проявилась разнообразная талантливость русской природы. С полным правом можно было сказать, что из ничего делали все!

В первое время изнурительный труд казался непереносимым. И только один генерал Кутепов угадывал, что в труде спасение. Труд помог галлиполийцам не только устроиться, но он очистил и просветил душу. Ибо трудясь – страдали, а страдая – очищались во спасение...

В предыдущем изложении уже подчеркивалось, что А. П. Кутепов был наделен в большой степени здравым смыслом. Это качество восполняло нередко пробелы его образования и расширяло его кругозор строевого офицера. Не всегда надеясь на свои интеллектуальные силы, он развил в себе добродетель быть не только терпимым к чужим мнениям, но и схватывать мысли других. В практической деятельности это была ценная черта, до некоторой степени восполнявшая отсутствие способностей мыслителя и организатора. Восприняв живую идею и уверовав в целесообразность, Кутепов проникался ею и со свойственной ему настойчивостью осуществлял таковую.

Приняв формулу «выход из революции», генерал Кутепов, не вдаваясь в ее философские и психологические тонкости, прекрасно усвоил пророческий смысл этой идеи. К тому же «шаг назад» из революции означал возвращение к прежним военным понятиям, возвращение к тому, что было понятно и дорого: то есть к мировоззрению старого офицера.

Формула, предложенная начальником штаба, как нельзя больше пришлась по сердцу командира корпуса. Однако ее практический успех был бы не столь велик, если бы идеи, положенные в программу галлиполийского строительства, разделялись только командиром корпуса и его ближайшим помощником. Несомненно, что программа отвечала тем сокровенным, а быть может, несомненным чаяниям, какие таились в душах галлиполийцев.

Галлиполийская масса по своему духовному составу была разнообразной. В ней переплетались самые разнообразные убеждения

и чувствования: яркое патриотическое горение и беспринципное кондотьерство; утонченные устремления профессора-эстета и тупая обывательщина; яркий индивидуализм и безнадежная тусклость; политические убеждения – правые и левые...

Однако было одно общее, что всех роднило и объединяло. И это общее было – любовь к Родине. У одних яркая, пламенная, у других – затаенная, инстинктивная. Или, быть может, даже не любовь к Родине, а тоска по Родине.

Покинув Крым, люди с момента прибытия в Константинополь постигли, что за ними уже нет силы и авторитета их Отечества, что в глазах иностранцев они уже превратились в беженскую пыль...

Принятая программа галлиполийского строительства не только стремилась, но, очевидно, для всех превращала «беженскую пыль» в Русскую армию, сохранившую черты Русской государственности. Столь чудесное превращение удовлетворяло национальную гордость и воскрешало надежды, еще недавно совсем потускневшие. Недавно опустившиеся, морально увядшие люди, возлагавшие все свои надежды на помощь и призрение извне, почувствовали себя духовно сильными и признали самих себя. Русская государственная идея вновь засветилась в Галлиполи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Трудно угадать, когда и в каких лабиринтах человеческого духа зарождается популярность. И решительно невозможно определить время начала того процесса, какой постепенно изменил отношение галлиполийцев к генералу Кутепову. Факт нелюбви, даже ненависти к командиру корпуса, наблюдаемый в первый период, был неоспоримым. Несомненно, что перемена отношений стала незримо зарождаться со дня назначения генерала Штейфона галлиполийским комендантом. Возникла новая волевая и карающая власть и отвлекла на себя эмоции войск. Весь одиум борьбы, естественно стал переноситься на галлиполийского коменданта.

Командира корпуса продолжали считать суровым, но в его действиях уже не наблюдалось несправедливости. Он перестал «досаждать», и нелюбовь постепенно стала заменяться равнодушием.

Это был уже успех!

Равнодушие, в свою очередь, способствовало проявлению чувства справедливости. Ежедневно наблюдая неутомимость и энер-

гию командира корпуса, стремившегося – и это было очевидно всем – возможно лучше устроить их жизнь, войска стали видеть, что генерал Кутепов заботливый начальник, входящий во все мелочи повседневного обихода.

А когда денщик командира корпуса продавал на толкучке и за гроши обыденные вещи своего генерала, то это мелкая житейская подробность умиляла и побуждала ранее озлобленных людей посмотреть на своего комкора более душевно, по-человечески...

Стал заметнее натиск французов... И когда многие готовы были признать французов силой неделимой, когда генерал Достовалов, начальник штаба корпуса, вещал, что «французы все равно скоро разгонят эту лавочку», то всем становилось ясно, что «неодолимая сила» встречает несокрушимое упорство командира корпуса. И Кутепов стал постепенно восприниматься не как докучливый начальник, а как защитник взвешенной национальной идеи. Пусть он не умел выражать яркими словами воодушевлявшую его идею, это не имело значения, ибо огрубевшие натуры больше доверяли своему инстинкту, чем ярким словам. Весной, когда уже совершалось пробуждение галлиполийской души, генерал Кутепов был вызван Главнокомандующим в Константинополь. Заместителем остался генерал Витковский*, человек мужественный, высоких моральных достоинства и отнюдь не суровый. Техникой повседневного существования продолжал ведать генерал Достовалов.

Не представляется, конечно, возможности установить, кто и в силу каких побуждений первым высказал предположение:

– А что, если французы не пустят командира корпуса в Галлиполи?

* **Витковский Владимир Константинович** (1885–1978). Генерал-лейтенант. Первую мировую войну начал в Лейб-гвардии Кексгольмском полку; в 1917 г. полковник, командир 199-го пехотного Кронштадтского полка. Участник похода Яссы – Дон в составе Отряда полковника М. Г. Дроздовского. С июня – командир Солдатского батальона; с июня 1918 г. – командир 2-го Офицерского стрелкового полка; с ноября – командир бригады 3-й дивизии. В 1919 г. – генерал-майор, начальник 3-й дивизии. В Русской армии командовал 2-м армейским корпусом, а с октября 1920 г. – 2-й армией; генерал-лейтенант. В Галлиполи занимал должность начальника 1-й дивизии и заместителя генерала А. П. Кутепова. С переездом в Болгарию в 1921 г. – командующий войсками 1-го армейского корпуса и председатель Общества галлиполийцев. После Второй мировой войны выехал в США, где был членом правления Конгресса русских американцев.

И это предположение мгновенно, как электрическая искра, облетело все Галлиполи. Возможность «остаться без Кутепова» представлялась уже непереносимой. С одной стороны, она больно задевала национальное самолюбие, с другой – все как-то внезапно поняли, какой волевой силой был генерал Кутепов. Находившийся вдали начальник стал представляться не только желанным, но и необходимым. К тому же в то время еще сохранял свою остроту вопрос о признании армии Францией.

– Если Кутепова не пустят, значит, не признают!

Пассажирский пароход, совершавший рейсы между Константинополем и Галлиполи, приходил один раз в неделю. И когда на горизонте стал вырисовываться знакомый силуэт парохода, все Галлиполи высыпало на берег.

– Едет или не едет?

А когда на палубе показалась коренастая фигура командира корпуса, толпа ахнула. Это вырвался вздох облегчения...

Но Александр Павлович был сумрачен. Молча сел с комендантом в автомобиль и отправился в штаб корпуса. По пути больше расспрашивал генерала Штейфона о галлиполийских новостях, чем сообщал свои. Толпа шарахнулась к штабу корпуса.

Через полчаса, направляясь домой, вышел из штаба корпуса генерал Кутепов. Он поздоровался с многотысячной толпой, окружавшей штаб. И по тому, как старательно и дружно ответили, нетрудно было угадать, что толпа возбуждена и что между ней и вернувшимся начальником установилась незримая, но прочная связь.

Видя тысячи устремленных на него глаз, генерал Кутепов почувствовал, что необходимо что-то сказать. И он произнес несколько в общем-то обыденных слов.

– Слушайте начальников... Сохраняйте единение... И корпус наш будет сохранен...

Тогда важны были не слова, а тон, какими они были сказаны. Почувствовав в тоне Александра Павловича прежнюю энергию и прежнюю несокрушимую веру, толпа ответила громовым «ура». Это был первый в Галлиполи триумф генерала Кутепова. И долго затем, до ночи, в разных местах неожиданно вспыхивало «ура» – кто-то и где-то бурно выражал свои настроения...

В этот день возвращения впервые и в стихийной форме выявилась вера войск в своего командира корпуса. Естественно, что желаемый перелом подготавливался раньше, и «разлука» была лишь тем внешним толчком, какой ускорил назревавший процесс.

Однако настоящая популярность и закрепление веры пришли позднее. Причем решающее значение оказал знаменитый в истории Галлиполи приказ № 323.

Институт беженства создавался в Галлиполи явочным порядком, еще в первые дни после высадки. В суматохе крымской эвакуации вместе со строевыми частями перемешались и военнослужащие, чье пребывание в Галлиполи было следствием сугубо случайных причин. Это были люди или беспринципные, или с ярко выраженными обывательскими настроениями. Часть таких мещан духа попала в Галлиполи. Естественно, что галлиполийский уклад жизни ни в какой мере их не удовлетворял, а потому они и стремились выехать с обратными пароходами.

Другая категория беженцев пополнилась людьми морально почтенными, но слабыми духом. Их поколебленная воля не выдерживала тяжелых испытаний.

Третью категорию составляли подданные новых государственных образований.

Все эти разновидности и составляли тот контингент лиц, который, главным образом, и отзывался на предложения французского командования покинуть Галлиполи. Впрочем, был известный процент и людей авантюристического склада, которых привлекала возможность посмотреть заморские страны и попытать счастья.

Зло беженства заключалось, конечно, не в уходе известного числа людей из Галлиполи. Те, кто собирался покинуть армию, смущали других, более крепких духом.

Командир корпуса не препятствовал отъезду желающих. Он лишь создал особый беженский батальон, куда и выделялись из частей люди, собравшиеся ехать. Целью такого батальона была изоляция беженцев от армии. Практически подобная мера не достигала своей цели, ибо беженцы, оставаясь в беженском батальоне, продолжали сохранять всю свободу общения и вели сознательную и бессознательную агитацию.

К тому же французское командование в своем стремлении разложить войска не останавливалось ни перед какими приемами. Оно набирало среди морально опустившихся людей своих платных агентов, которым и поручало вести работу по разложению. Несколько таких офицеров были обнаружены корпусной контрразведкой и понесли должное наказание. Во всяком случае, борьба с подобными агентами была трудная. Не всегда можно было установить – беженец агитатор или французский агент?

В общем, надо признать, что принимавшиеся против разлагающихся течений меры были только паллиативными. И каждое новое объявление французского командования, предлагавшее отъезд, вносило в ряды галлиполийцев нервность и создавало нежелательные перебои в процессе духовного оздоровления. Многие начальники частей склонялись к применению насильственных мер. Их психология, извращенная Гражданской войной, решала просто столь сложный вопрос: воспретить отъезды и все.

Командир корпуса решительно отвергал подобные меры, но радикальных средств, способных парализовать зло, не находил.

Покуда французы соблазняли отъездами в Совдепию и в морские страны, главная масса войск оставалась в общем спокойной. Войскам было известно желание Главнокомандующего перевезти корпус в Сербию.

В представлении всех Болгария и Сербия были землей обетованной, и переезд туда ожидался с великим нетерпением.

Французы учли такую тягу и решили ее использовать. В середине мая они объявили, что прибывает пароход, который возьмет желающих переехать в Болгарию и Сербию. Такое предложение вызвало необычайное смятение умов. Переезд в славянские страны одиночным порядком представлялся как выход из положения, и выход без особых сделок с совестью: «Все равно корпус переедет туда, и мы опять будем вместе со своими частями!»

Командование корпуса не могло, однако, согласиться с подобным обывательским рассуждением, ибо понимало, что переезд явочным порядком надуман французами с целью ликвидировать корпус как организованную военную силу.

Генералу Штейфону стало очевидно, что французы нащупали, наконец, самое чувствительное место и что это обстоятельство грозит катастрофическими потрясениями. Необходимо было применить какое-то сильное противоядие. Обдумывая создавшееся положение, он пришел к заключению, что самым действенным средством может быть лишь моральное воздействие. Психологической атаке французов следовало противопоставить подобную же силу.

Глубоко веря в силу национальных чувствований большинства, он, ни с кем не советуясь и руководствуясь только своей интуицией, составил нижеследующий приказ, который и решил предложить командиру корпуса:

«Приказ 1-му армейскому корпусу
№ 323

Я имею основание полагать, что французское командование намеревается продолжить отправление желающих уехать из Галлиполи.

Возможно, что будут предложения ехать в Сербию или Болгарию. Главнокомандующий желает перевезти в Сербию 1-й армейский корпус целиком, и потому отправление отдельных людей и групп ведет лишь к разложению частей.

В настоящее время 1-й армейский корпус является единственной крепкой Русской силой, на которую обращены надежды всех, кому действительно дорого Русское дело.

В полном сознании своей ответственности перед Родиной я не могу допустить развала вверенного мне корпуса.

Согласно приказу Главнокомандующего отправление в Сербию должно производиться только целыми частями, ибо только при таком порядке перевозки мы не расплывемся и сохраним себя как воинскую силу, с которой будут считаться.

Приказываю:

1) Всех, кто пожелает исполнить предложение французского командования и тем прикрывает свои личные шкурные интересы в тяжелые дни армии, – перевести на беженское положение и предоставить им свободу отъезда.

2) Всех слабых духом, вносящих в ряды войск рознь, сеющих нелепые слухи, – перевести на беженское положение.

3) Списки лиц, указанных в 1-м и 2-м пунктах, представить мне к 27 мая.

4) Всех записавшихся выделить в отдельные команды и перевезти затем в беженский батальон, снабдив каждого удостоверением за подписью командира части и печатью с указанием, что данное лицо переведено в разряд беженцев.

5) Отправление беженцев на пароходе должно производиться каждый раз по получении на то моего приказа, в полном порядке, командами, при старших.

6) Если после произведенной записи будут находиться желающие ехать самовольно, то таковых распоряжением начальников частей предавать военно-полевому суду, ибо они остались в рядах армии, не руководствуясь исполнением долга и любовью к Родине, а в целях разложения войск.

Только единением, дисциплиной и полнейшим порядком мы спасем Русское дело и сохраним незапятнанным светлое имя Русской армии.

Приказ этот прочесть в ротях, эскадронах, батареях, командах, госпиталях, хлебопекарнях и мастерских.

Генерал от инфантерии...»

В соответствии со своей основной программой – выходом из революции, генерал Штейфон считал, что составленный им приказ нанесет решительный удар добровольческой идеологии – главнейшему злу белых армий. Злу потому, что дело спасения национальной идеи определялось как добровольное решение, что находилось в полном противоречии с принципами государственности. Практически же добровольчество приводило к тому, что формула «служу потому, что хочу», постепенно подменялась другой, более вредной – «служу, как хочу...»

Написавши приказ, начальник штаба отправился к командиру корпуса и без предварительных разъяснений просил прочитать свой приказ. Хорошо изучивши Александра Павловича, генерал Штейфон быстро понял, какое сильное впечатление произвело его предложение. Генерал Кутепов стал багроветь:

– А Вы не боитесь, что слишком много уйдет в беженцы?

– Не боюсь и верю в здравый смысл войск.

– Мера крайне решительная. Я возьму Ваш приказ и дома его хорошо обдумаю. Завтра утром дам ответ. Знает кто-нибудь о Вашем приказе?

– Только Вы да я.

– Хорошо. Никому о нем не говорите!

– Ваше право обдумать приказ самостоятельно. Лично я убежден, что в войсках пересилит чувство долга.

– Я тоже думаю, что победит чувство долга, но все же слишком решителен Ваш проект. А если его смягчить?

– Нет. Его надо принять целиком или отвергнуть. Компромиссные решения – всегда половинные решения!..

На следующее утро, придя в штаб, генерал Кутепов сейчас же пригласил к себе начальника штаба:

– Я всю ночь думал и решил подписать приказ. Прикажете сейчас же его перепечатать и немедленно разослать войскам. Один экземпляр пошлите Главнокомандующему.

– Слушаю!

Так был издан этот знаменательный приказ. Он произвел впечатление нежданно разорвавшейся бомбы. Все пришло в движение, и два дня страсти кипели. Прибегали в штаб потерявшие голову начальники и докладывали:

– Все собираются уходить в беженский батальон.

Прибежал Скоблин*, командир Корниловцев, и взволнованно говорил начальнику штаба:

– Ваше Превосходительство, что же это такое? Надо немедленно прекратить это переселение народов. Все уходят. Доложите командиру корпуса.

– А у Вас много записалось в беженцы?

– У меня немного, около 100 человек, но говорят, что у Марковцев уходят два батальона.

– А Марковцы говорят, что у них записалось мало, но зато у Вас ушло больше половины.

– Никак нет, Ваше Превосходительство, это сплетня!

– Заверяю, что и Ваш доклад о Марковцах тоже сплетня.

Скоблин смутился и как-то сразу скис:

– Ну, Слава Богу!

На предложение начальника штаба отправиться к командиру корпуса и доложить свои впечатления Скоблин отказался:

– Нет уж, я побегу к своим, а то еще цукнет!

Через три дня выяснилось, что в разряд беженцев перечислилось около двух тысяч человек. В подавляющей массе корпус остался верным долгу. Ушли слабые, малoverные. Сильные и волевые остались в войсках.

* **Скоблин Николай Васильевич** (1894–1938?). Генерал-майор. В Первую мировую войну прапорщик 126-го пехотного Рыльского полка; в 1917 г. вступил в 1-й ударный отряд (позднее – Корниловский ударный полк), командир батальона; штабс-капитан. В Добровольческой армии с момента образования. В 1918 г. последовательно – командир роты, батальона и командир Корниловского ударного полка; полковник. В 1920 г. – начальник Корниловской ударной дивизии, генерал-майор. В Галлиполи – командир Корниловского полка, сформированного из остатков дивизии. В 1923 г. в Болгарии был отрешен генералом П. Н. Врангелем от командования полком; в 1929 г. восстановлен во главе объединения Корниловского ударного полка генералом А. П. Кутеповым. В эмиграции проживал во Франции. По наиболее распространенной версии завербован в конце 1920-х гг. ГПУ и участвовал в 1937 г. в похищении председателя РОВСа генерала Е. К. Миллера.

Наиболее опасная карта французов была бита. Если, докладывая свой приказ командиру корпуса, генерал Штейфон не хотел давить на его совесть, а потому умышленно воздержался от подробных разъяснений своих намерений, то после подписи он разъяснил свою идею:

– Мало того, что мы покончим с беженством, но теперь мы спускаем все расчеты французов.

– Вы правы, а мне это как-то не пришло в голову. Вот теперь они будут беситься, что мы их перехитрили...

И действительно, когда в дальнейшем выпускались соблазнительные приглашения французов куда-нибудь ехать, когда прибывали пароходы за желающими покинуть Галлиполи, войска корпуса оставались спокойными и знали, что все это их не касается. Больше того: по человеческой слабости каждый оставшийся гордился в душе своим поступком и, в ответ на зазывание французов, проявлял еще большую стойкость.

Со дня объявления приказа № 323 корпус, переживший опасную, но благотворную операцию, превратился в силу несокрушимую и таковой оставался до конца своего пребывания в Галлиполи.

Этот приказ высоко вознес авторитет генерала Кутепова, и с 27 мая его популярность стала неоспоримой.

Когда, посещая войска и замечая какие-либо провинности, командир корпуса говорил: «Вот отправлю вас “в гости” к генералу Штейфону», то в ответ слышал добродушный смех или шуточный ответ:

– Я у него уже гостил...

Французы поняли, что намечаемый ими план не удался, и мало интересовались теми, кто записался в беженцы. Многим беженцам удалось покинуть Галлиполи только после ухода корпуса. Ввиду моральной твердости русских французское командование снова вернулось к старому способу – измору, и командир оккупационного корпуса в энергичных выражениях предупреждал, что в самом непродолжительном времени будет прекращена выдача продовольствия.

Командование корпуса не придавало серьезного значения таким угрозам, ибо не представляло, чтобы даже алчные французы могли бы обречь тысячи людей, с женщинами и детьми, на голодную смерть.

Однако допускалось, что, пользуясь пребыванием генерала Врангеля в Константинополе, французы могут его арестовать и куда-нибудь увезти, могут применить и иные устрашающие меры. Обсуждая в интимных беседах подобные возможности, генерал Кутепов и генерал Штейфон стали постепенно склоняться к мысли

о необходимости, в крайнем случае, прибегнуть в какой-нибудь яркой демонстрации.

Таковой представлялось движение походным порядком из Галлиполи на Константинополь.

В условиях того времени подобный план имел шансы на успех. Кемаль-паша, фактически господствовавший в Азиатской Турции, только ожидал благоприятного момента занять Константинополь. Греки тоже мечтали о таком занятии. Среди верховных комиссаров, опекавших Царьград и проливы, существовали серьезные разногласия. Международный гарнизон Константинополя был невелик и состоял из колониальных войск слабой боеспособности. Только что пережившие войну, державы-победительницы более всего опасались каких-либо вооруженных конфликтов.

Таким образом, теоретически план был исполним. Скоро, однако, наметились и благоприятные политические возможности.

В начале лета генерала Штейфона посетил прибывший в Галлиполи греческий майор, начальник жандармерии. Майор пришел с визитом, сочувствовал печальной судьбе русских и как бы вскользь упомянул, что греки, как и русские, не любят французов.

– О, эти каналы французы!

Майор был с визитом у генерала Кутепова, выражая и ему свои чувства «к русским братьям».

И у генерала Кутепова, и у генерала Штейфона появилось подозрение, что жандармский майор в действительности офицер генерального штаба.

Майор уехал, но скоро опять вернулся и, побывав у генерала Кутепова, вполне определенно заявил, что в случае нужды русские всегда могут рассчитывать на сочувствие греков. В дальнейшем, более откровенном разговоре выяснилось, что если корпус начнет движение из Галлиполи сухим путем, то греческая администрация окажет содействие продовольствием, перевозочными средствами и прочим...

В тот период, когда шли эти разговоры, русский офицер случайно нашел и доставил в штаб корпуса записную книжку, потерянную кем-то из французских офицеров. В этой книжке содержались данные о фортификационных укреплениях Галлиполийского полуострова, причем приведенные заметки не оставляли сомнений, что подобная мера направлена против греков.

Записная книжка была передана греческому префекту, который, оценив ее значение, сейчас же пришел благодарить, возмущенно повторяя: «О, эти свиньи, французы!»

Префект спешил отправить записную книжку в Афины, вновь примчался майор и вновь заверил в готовности греков помогать, если потребуется, русским войскам. Таким образом, продовольственный вопрос, каковой в плане похода был летом наиболее слабым, разрешился как будто благополучно. Одновременно, дабы приучить французов к ночным движениям русских войск, в программу занятий были введены ночные маневры и сборы по тревоге*.

Французы догадывались, что у русских ведутся какие-то тайные приготовления, и, в свою очередь, решили устроить маневры. В задачу последних входило показать, что выход из Галлиполи (Булаирский перешеек) может быть прегражден огнем миноносца. Для вящей выразительности на эти маневры был приглашен русский генерал Генерального штаба, убедившийся впрочем, что ввиду топографии местности Булаирский перешеек не берется под огонь. Вывод очень ценный для русского командования...

Вся описанная подготовка велась в полной тайне, и о задуманном плане знали только командир корпуса и начальник штаба. Войскам лишь было сообщено, что, за отсутствием тоннажа, не исключается возможность отправления корпуса в Болгарию походным порядком.

А в июле обстановка еще более осложнилась, и командир корпуса признал своевременным ознакомить ответственных начальников с планом возможного движения на Константинополь.

Несомненно, что подобный план был чистейшей авантюрой и преследовал сугубо демонстративную цель: обратить внимание на белые войска, притесняемые Францией, недавней союзницей, так много обязанной национальной России.

На собрании начальников командир корпуса ознакомил их с намеченным планом «Константинопольского похода», каковое и встретило общее сочувствие. Слишком велика была ненависть к французам.

* Противоречия между Францией и Грецией в 1921 г. были обусловлены стремлением французской дипломатии включить Грецию в состав Малой Антанты и, с другой стороны, очевидной необходимостью заключения соглашений с правительством Кемаль-паши. После поражения греческой армии при Сакарии глава французской сенатской комиссии по иностранным делам Франклин Буйон подписал 20 октября в Анкаре франко-турецкий договор, предусматривавший прекращение военных действий, эвакуацию французских войск из Киликии, предоставление Франции железнодорожной концессии. Сепаратный Анкарский договор вызывал недовольство со стороны Англии и Греции, считавших его нарушением союзнических обязательств.

На случай, если поход будет решен, давалась директива:

1) Авангард – дроздовцы генерала Туркула – должны были внезапным налетом обезоружить сенегальский батальон.

2) Главные силы – генерал Витковский – остальные войска и семьи следуют за авангардом.

3) Арьергард – генерал Штейфон – все военные училища захватывают французского коменданта, его штаб, городские французские караулы и команды. Прерывают связь Томассена с миноносцем. Захватывают все интендантские склады и эвакуируют их.

4) Взятые снаряжение, оружие и патроны передаются войскам, им же, при проходе через город, раздается довольствие на три дня.

5) Движение совершается форсированными маршами. Семьи и больные пользуются перевозочными средствами.

6) Предписывалось войскам избегать кровопролития при действиях против французского гарнизона.

7) Соответствующим начальникам предписывалось заблаговременно произвести разведку в пределах их задач и принять подготовительные меры.

Ввиду важности и секретности принятого решения начальник штаба корпуса был командирован в Константинополь для доклада Главнокомандующему.

Генерал Врангель одобрил план и со своей стороны дал дополнительные инструкции.

В августе командир корпуса был вызван Главнокомандующим, причем стало известно, что французы могут не разрешить ему вернуться в Галлиполи. Понятно, что подобная возможность сильно беспокоила генерала Кутепова. Особенно волновал его вопрос о заместителе. По старшинству таковым являлся инспектор артиллерии корпуса генерал-лейтенант Репьев*. Человек старый, мало энергичный и для войск совершенно неавторитетный. В Галлиполи

* **Репьев Михаил Иванович** (1865–1937). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну генерал-майор, начальник 166-й пехотной дивизии и временно исполняющий должность командира 18-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1918–1919 гг. находился на должностях инспектора артиллерии Астраханского корпуса, 1-го армейского корпуса, 5-го кавалерийского корпуса, а также в резерве чинов при штабе Главкома ВСЮР, генерал-лейтенант. В 1920 г. в Русской армии – инспектор артиллерии 1-й армии, а затем всей армии вплоть до эвакуации из Крыма. В Галлиполи инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса. В эмиграции жил в Болгарии, Югославии, затем во Франции.

он еще мог оставаться заместителем, так как практически командование корпусом все равно оставалось за генералом Штейфоном. Но в случае начала активных действий Репьев никак не годился.

Командир корпуса разрешил вопрос о замеществе по-своему, с кутеповской решительностью. В день отъезда он вручил начальнику штаба собственноручно подписанный им приказ:

«Приказ 1-му армейскому корпусу
№ 1-К

На время моего отсутствия в командование корпусом приказываю вступить начальнику штаба корпуса Генерального штаба генерал-майору Штейфону.

Генерал от инфантерии Кутепов»

Передавая приказ, командир корпуса дал и словесную инструкцию:

– Вот Ваш приказ о замеществе. Храните его в полной тайне и объявите, когда признаете нужным. Это на случай похода. А пока за меня остается Репьев.

– Слушаю, но здесь имеются начальники выше меня чином. Кроме Репьева – Витковский и Барбович*. Ваш приказ может создать осложнения.

– Приказ Вы объявите, если начнутся военные действия, а тогда не время считаться со старшинством. К тому же по должности Вы равны им и Ваше назначение не противоречит уставу. Я могу доверить корпус в столь сложной обстановке только Вам.

* **Барбович Иван Гаврилович** (1874–1947). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну командир эскадрона в 10-м гусарском Ингерманландском полку; полковник (1916); в 1917 г. – командир полка. После демобилизации в 1918 г. жил в Харькове, отказываясь поступить на службу в украинскую армию. Организовал конный отряд из бывших однополчан (66 гусар и 9 офицеров), во главе которого выступил в октябре 1918 г. из Чугуева на соединение с Добровольческой армией. С января 1919 г. в Добровольческой армии и ВСЮР; с марта – командир 2-го конного полка, временно исполняющий должность начальника конной дивизии в Крыму, командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, командир 5-го кавалерийского корпуса, генерал-майор. В Русской армии в 1920 г. командир Конного корпуса, генерал-лейтенант. В Галиполи – начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции проживал в Югославии. С 1933 г. – начальник 4-го отдела РОВСа. С 1944 г. – в Германии, умер в Мюнхене.

– Слушаю!

Генералу Репьеву командир корпуса указал:

– В случае осложнения с французами начальник штаба имеет мои секретные инструкции, которые приказываю выполнить точно.

По отъезде Александра Павловича сильно заинтригованный временно командующий корпусом выразил желание познакомиться с секретными инструкциями на случай осложнений, но генерал Штейфон твердо доложил, что эти инструкции могут быть объявлены только в момент их осуществления. Старик Репьев поворчал, но так как он был человеком мирным и добродушным, то быстро успокоился.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Прекращение вооруженной борьбы в Крыму и последующая эвакуация создали резкий перелом европейской политики в русском вопросе. В связи с этим в либерально-демократических кругах русской эмиграции создались новые течения и образовались новые группировки.

Еще 2 февраля 1921 года в Париже было собрано совещание под председательством старшины русского дипломатического представительства М. Н. Гирса*, при участии Маклакова**, Бах-

* **Гирс Михаил Николаевич** (1856–1932). Барон, потомственный дипломат, гофмейстер, тайный советник. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени. После окончания войны служил в Министерстве иностранных дел (с 1878 г.). Был российским послом в Бразилии, Китае, Баварии, Румынии, Турции, Италии. Инициатор русско-французской военной конвенции 1893 г. После октября 1917 г. деятель Политического совещания в Париже (1919–1920); с 1920 г. представлял правительство генерала П. Н. Врангеля во Франции. С 1921 по 1932 г. возглавлял Совет послов, претендовавший на роль официального центра высшей российской власти; председатель Финансового совета. Противник сотрудничества с созданным в Константинополе Русским советом. С 1923 г. председатель Комитета попечительства о русских детях во Франции.

** **Маклаков Василий Алексеевич** (1869–1957). Русский политический деятель, один из лучших адвокатов России. Выступал защитником на процессах М. Бейлиса и Н. Э. Баумана, юрисконсульт отделения Московского банка П. П. Рябушинского, депутат Государственной Думы II–IV созывов. С 1906 г. один из лидеров партии кадетов. С февраля 1917 г. – комиссар

метьева* (посла Временного правительства в Америке) и Бернацкого**. На этом совещании было признано, что южная армия утра-

в Министерстве юстиции Временного правительства, с июля – посол Временного правительства во Франции, с 1919 г. – член Русского политического совещания, затем глава Центрального управления по делам русских беженцев во Франции. С 1924 г. руководитель Русского комитета объединенных организаций (Эмигрантского комитета) в Париже. Во время Второй мировой войны занимал антигерманскую позицию; в апреле 1941 г. был арестован гестапо (пять месяцев содержался в тюрьме). В феврале 1945 г. посетил советское посольство в Париже в составе делегации русских эмигрантов; в марте был избран почетным председателем Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией. Но вскоре решительно дистанцировался от любых контактов с советскими властями и отошел от эмиграции, занимавшей «просоветские» позиции.

* **Бахметьев (Бахметев) Борис Александрович** (1880–1951). Русский политический деятель. Участник студенческого движения, член РСДРП. В 1906 г. был избран в состав ЦК партии от меньшевиков. В 1911 г. защитил докторскую диссертацию, работал преподавателем Политехнического института. С началом Первой мировой войны работал в составе Красного Креста; с 1915 г. принимал участие в работе Особого совещания по обороне и Центрального военно-промышленного комитета. После февраля 1917 г. назначен товарищем министра торговли и промышленности во Временном правительстве. С апреля 1917 г. – управляющий российским посольством в США. В 1918–1920 гг. – выступал сторонником обширной военной помощи России. При его содействии белым армиям (главным образом Восточному фронту адмирала А. В. Колчака) было отправлено военного снаряжения на сумму около 50 млн долларов. Глава Политической комиссии Русской политической делегации, образованной после прекращения деятельности Русского политического совещания в июле 1919 г. После поражения основных белых фронтов соглашался с бесперспективностью продолжения военного противостояния с Советской Россией. Активно поддерживал деятельность Совещания членов Учредительного собрания в январе 1921 г. Вышел в отставку в апреле 1921 г. и продолжал жить в США как частное лицо. На свои средства основал Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете, известный сегодня как Бахметевский архив.

** **Бернацкий Михаил Владимирович** (1876–1943). Русский экономист, политический деятель. Приват-доцент, профессор Киевского университета и Санкт-Петербургских Политехнического и Технологического институтов. В 1906 г. издал брошюру «К аграрному вопросу», в которой поддерживал курс реформы П. А. Столыпина. После февраля 1917 г. назначен управляющим отделом труда Министерства торговли и промышленности Временного правительства; с конца июля стал управляю-

тила свое значение, а правительство, возглавляемое генералом Врангелем, прекратило свое существование*.

По мнению Гирса, французское правительство было лишено возможности содержать Русскую армию как таковую. Поэтому необходимо армию перевести на беженское положение и создать об-

щим Министерства финансов; с конца сентября – министром финансов. В июне 1917 г. – один из организаторов радикально-демократической партии, выступал за введение в российской промышленности государственного контроля и милитаризации транспорта. Был арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами последнего состава Временного правительства. В 1918 г. выехал на Юг России, где вошел в состав Особого совещания при Главкоме ВСЮР генерале А. И. Деникине в качестве управляющего финансами. Занимал эту должность последовательно во всех правительствах белого Юга России до ноября 1920 г. После эвакуации из Крыма возглавлял «Деловой комитет», занимавшийся сбором средств в пользу Русской армии. После переезда из Константинополя в Париж отошел от поддержки генерала П. Н. Врангеля и, войдя в состав Финансового совета при Совещании послов, выступал за перевод армии на беженское положение. В 1926 г. работал в финансовой кампании «Российское центральное объединение» по сбору средств в фонд Великого князя Николая Николаевича.

* Дипломатический корпус Русского зарубежья сформировался после февраля 1917 г., когда на смену многим представителям Императорской России пришли не профессиональные дипломаты, а известные политические деятели (В. А. Маклаков, Б. А. Бахметев, К. Д. Набоков и др.). До конца 1920 г. дипкорпус поддерживал Белое движение и организационно подчинялся власти Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и его министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Позднее он признавал власть генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля как формальных преемников Верховного правителя. Но, после эвакуации Русской армии из Крыма и отсутствия реального центра общероссийской власти, главы дипломатических миссий провозгласили о создании этого центра в форме Совещания (Совета) послов, образованного 8 февраля 1921 г. В учредительном документе о его создании отмечалось: «Единственным органом, основанным на идее законности и преемственности власти, объединяющим действия отдельных агентов, может явиться Совещание послов...» При этом в отношении генерала Врангеля и структур, ему подчиненных (Русский совет, Русская армия), отмечалось, что их существование в качестве организованной военной силы нецелесообразно, требует значительных средств, и необходимо добиваться их перехода на «беженское положение». Это не могло удовлетворить Врангеля, убежденного в неизбежном возобновлении вооруженной борьбы с Советской Россией и в сохранении с этой целью армии и гражданских управлений бывшего Правительства Юга России.

щественное объединение, в руках которого и сосредоточить заведывание беженской помощью.

Посольское совещание 2 февраля, преследуя официально гуманитарные задания, фактически стремилось лишить генерала Врангеля его роли возглавителя Национальной борьбы и образовать новый зарубежный политический центр. Таковой центр, внешне выполняющий задачи благотворительного характера, неминуемо принял бы на себя и политическое представительство русской эмиграции. В соответствии с подобными настроениями был создан Земско-городской комитет под председательством князя Львова*.

Естественно, что ни генерал Врангель, ни поддерживающие его круги зарубежной общественности не могли примириться с проектами парижского демократического объединения. Страсти разгорались.

В те дни печальных разногласий Крамарж** писал: «Признаюсь, что редко картина общественной жизни производила такое

* **Львов Георгий Евгеньевич** (1861–1925). Князь, известный политический деятель. Участвовал в подготовке съезда «Союза Освобождения» в ноябре 1905 г., вошел в состав Тульского комитета кадетской партии. Депутат I Государственной Думы от кадетской партии. Поддерживал контакты с масонскими ложами «Возрождение», «Полярная Звезда». В своих политических взглядах отстаивал принципы обновления России на путях реформ и широкой общественной деятельности. С началом Первой мировой войны возглавил Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, а после объединения со Всероссийским союзом городов – объединенный Земгор. Активно выступал за смену состава Совета министров и введение ответственного министерства. После февраля 1917 г. назначен первым председателем Временного Всероссийского правительства. 7 июля, после провала июньского наступления на фронте и выступления большевиков в Петрограде, ушел в отставку. После прихода к власти большевиков скрывался в Тюмени. В феврале 1918 г. был арестован, бежал в Омск, где дождался прибытия белых войск. После установления власти Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака направился в США для поиска средств для поддержки Белого движения. Назначен Колчаком главой Русского политического совещания в Париже (однако его полномочия не были признаны). Создал беженские Биржи труда, в которые переводились значительные средства Земгора. Скончался в большой бедности.

** **Крамарж Карел Петрович** (1860–1937). Чешский общественный деятель, один из лидеров партии младочехов, первый премьер-министр независимой Чехословакии в 1918–1919 гг. Выступал за сближение Австро-Венгрии с Россией. Основатель Национально-демократической партии (1918), активный борец с большевизмом. В 1919 г. разработал законода-

грустное и тяжелое впечатление, как после поражения Врангеля. Вся Россия в руках большевиков, нигде нет просвета, а русские люди за границей не могут понять, что бедной, измученной Родине нужно нечто совсем иное, чем прежние губительные лозунги и старые дразги, которые уже сделали свое дело – погубили Россию... Спорить сегодня о том, кто имеет больше права говорить именем русского народа – думцы или члены Учредительного собрания с его жалкой историей, которую лучше не вспоминать – совершенно излишне...»

Эти слова верного друга России и полно, и правдиво характеризуют тогдашнюю сумятицу.

В противовес Земско-городскому комитету в Париже был образован в Константинополе Русский совет как представительный орган при Главнокомандующем*.

Надо признать по существу спора, что права на возглавление или авторитетное представительство всегда определяются не словесными притязаниями, а наличием реальных ценностей: силы, средств или солидной материальной поддержки.

Больших средств или мощной иностранной протекции практически не было ни у одной спорящей стороны. Но генерал Врангель обладал военной силой, то есть одной из тех ценностей, какие могли подкрепить его авторитет как вождя. Поэтому естественно, что из-за армии началась борьба. А так как армия наиболее сильно и ярко была представлена в Галлиполи, то Галлиполи стало идейным центром борьбы.

До Галлиполи все интересы А. П. Кутепова ограничивались миром строевых и боевых интересов. Политикой он не интересовался, к чтению газет особой склонности не имел, а потому его осведомленность в общественно-политических вопросах была невелика. Его не-

тельный проект «Основы Конституции Российского государства», в котором выступал за сохранение в России унитарного государства. Оказывал всемерную поддержку русским эмигрантам.

* Речь идет о создании генералом П. Н. Врангелем и его константинопольским окружением органа, призванного выражать общероссийские интересы, альтернативного Совецанию послгов. Данные проекты осуществились после образования в июне 1921 г. Русского совета. Признавалось необходимым добиться «объединения всех политических и общественных организаций за границей для продолжения борьбы с большевизмом... сохранения остатков Русской армии до того времени, когда вооруженные силы снова потребуются...»

посредственные связи с представителями общественности были случайны и носили характер частных отношений. Можно совершенно определенно утверждать, что Александр Павлович не имел никакого вкуса к общественно-политической деятельности.

Борьба, которая загорелась вокруг Галлиполи, не могла, конечно, не захватить генерала Кутепова даже против его воли. Со дня высадки корпуса в Галлиполи стали наезжать представители различных политических группировок. Одни приезжали как видные друзья армии, другие желали «вложить персты своя», чтобы поверить, третьи с тайной надеждой найти следы разложения или доказательства «каторжного режима», как однажды высказался о лагере Милюков*.

Как глава галлиполийских войск, как «хозяин» Галлиполи, Александр Павлович должен был принимать званых и незваных гостей. Первым посетил Галлиполи князь Павел Долгоруков. Ему – яркому представителю интеллигентского романтизма, человеку крупного интеллекта, Кутепов, конечно, мало импонировал. К тому же приезд Долгорукова пришелся на период сильного разложения войск. В свою очередь, и князь не произвел благоприятного впечатления на Александра Павловича. Впечатление было скорее отрицательным. Обращаясь к войскам, Долгоруков простодушно говорил о пацифизме, о мире всего мира, высказывал надежду, что наступит время, когда «перекуют мечи на орала». Конечно, подобные слова мечтателя, к тому же не подкрепленные ораторским искусством, не могли увлечь ни генерала Кутепова, ни войска.

* П. Н. Милюков с весны 1920 г. стал выступать против продолжения вооруженной борьбы с советской властью (так называемая «новая тактика», изложенная в статье «Что делать после Крымской катастрофы?»). Он считал необходимым сосредоточить усилия на внутреннем преодолении большевизма и использовании позитивных достижений советской власти (земельная реформа, местное самоуправление), ликвидации политической монополии большевистской партии. Милюков также допускал возможность заключения политического союза с представителями левых партий (эсеров и меньшевиков), участвовал в проведении совещания бывших членов Учредительного собрания, вошел в состав Исполнительной комиссии совещания. По отношению к «новой тактике» парижская группа кадетов раскололась, и Милюков вместе с группой единомышленников организовал в июне 1921 г. «Парижскую демократическую группу партии народной свободы» (с 1924 г. переименована в Республиканско-демократическое объединение).

Еще менее приятное впечатление произвело на Александра Павловича знакомство с другим общественным деятелем – господином Краевичем. Последний в роли уполномоченного Всероссийского Земского союза и Союза городов прибыл в Галлиполи для оказания помощи больным, детям, женщинам и для налаживания культурно-просветительной работы. Молодой человек радикального образа мыслей Краевич не обладал тактом и очень скоро по прибытии стал остро обсуждать и критиковать действия командира корпуса.

Сам Александр Павлович так рассказывал свое с ним объяснение: «Я познакомился, позвал его, расцукал и приказал немедленно отправляться в Константинополь, где и доложить своему начальству, что таких господ мне не надо. А когда господин Краевич стал распространяться о своей независимости и что он не намерен выполнять моих распоряжений, то я заявил ему, что повешу его, если он будет разводить здесь революцию».

Краевич действительно «немедленно убрался», а на его место прибыл новый уполномоченный действительный статский советник Резниченко* со своим помощником камергером Суриным. Оба были люди солидные, тактичные, с огромным жизненным опытом и сумели установить с командиром корпуса наилучшие отношения.

«Новая общественность», как называл их Александр Павлович, быстро сроднилась с галлиполийским укладом. Они оказали много содействия по устройству семей, больных, по организации лекций, библиотек, курсов. Александр Павлович был искренне расположен к ним.

Со своей стороны, Резниченко и Сурин, окунувшись в галлиполийскую работу, оценили волевые качества командира корпуса и в докладах по своей линии немало содействовали возбуждению общественного интереса к личности Александра Павловича. Когда проявилась галлиполийская самодеятельность, Александр Павлович был невольно увлечен ее буйной стремительностью. Хотя сперва он относился настроенно к проявлениям общественной инициативы:

* **Резниченко Сергей Васильевич** (1872–1940). Подпоручик Лейб-гвардии Павловского полка (1893), в отставке с 1897 г. Действительный статский советник, работал в переселенческом управлении Министерства земледелия. Делегат Зарубежного съезда от русской эмиграции Болгарии. В 1924–1926 гг. – пропагандист из политического окружения Великого князя Николая Николаевича в Болгарии. Позже проживал во Франции. Умер в 1940 г. в Шарантоне близ Парижа.

– Как бы опять не стали разводить здесь революции!

Однако, скоро убедившись, что «революции» не замечается, а наоборот, выходит хорошо, Александр Павлович увлекся «общественной» работой. А это увлечение вовлекло его в сношение с новым и ранее мало ему ведомым миром: тоже галлиполийцами, но в то же время по основной своей специальности людьми высокой культуры – профессорами, доцентами, преподавателями, писателями и т. п. Это, конечно, были, с точки зрения строевого мировоззрения Александра Павловича, – «шляпы». Он «цукал» их за длинные волосы, за отсутствие строевой выправки, за незнание уставных тонкостей, но уважал за идейность, за волевым закалом. Ведь имея полную возможность уехать и устроиться по своим специальностям, они стоически переносили все лишения галлиполийской жизни. К тому же, вообще они были людьми милыми, воспитанными.

В общем, обе стороны были довольны друг другом. Командиру корпуса нравилось общение с культурными «шляпами», а «шляпам» – доступность и добродушный «цук» командира корпуса. «Шляпы» невольно открывали генералу Кутепову новые горизонты и вызывали в нем ранее неведомые вкусы и склонности.

Большое значение в умонастроениях Александра Павловича сыграла «Устная газета», устроенная культурными силами галлиполийской общественности. Она, талантливо веденная, быстро завоевала общие симпатии, и ее сеансы привлекали тысячи «читателей». Она служила связью галлиполийцев с внешним миром. К тому же «Устная газета» была прекрасным агитационным средством и проводником галлиполийских идей: любви к Родине, верности долгу и торжеству духа над материей.

Главный наплыв гостей в Галлиполи наблюдался уже летом и осенью, то есть в период наибольшего духовного расцвета. Программа приемов была одна и та же. Прежде всего гостей поражали дисциплинированность и порядок. Затем самое сильное впечатление производили парады. Несмотря на разность политических оттенков, в Галлиполи приезжали, прежде всего, русские люди, и их не мог не волновать прекрасный вид русских войск, живо воскрешавших в памяти недавнее величие России. Остро чувствовалось всеми, что эти войска были убежденными защитниками Русской государственной идеи.

После парада объезжали лагерь, госпиталя, училища, гимназию с детским садом, санаторий, мастерские. Показывали полковые

храмы, где все было создано громадным трудом и любовью, семейные общежития и библиотеки, гинекологическое отделение и кладбища. Показывали все, что было создано русским творчеством. Гости, после знакомства с городом и лагерями, предоставлялась полная свобода: они могли ходить куда угодно, говорить с кем угодно и о чем угодно.

Вечером показывался корпусной театр, прекрасно поставленный, принимая во внимание галлиполийскую бедность. В следующие дни гости присутствовали на сеансе «Устной газеты», на гимнастических праздниках, посещали лекции различных курсов и углубляли свое знакомство с галлиполийским бытом.

Накануне отъезда командир корпуса предлагал скромный ужин из продуктов интендантства, во время которого пели лучшие войсковые хоры. Пели волнующие песни. Редко кто без слез мог слушать «Двенадцать разбойников» или «Не плачь о нас, Святая Русь...»

За ужином говорили речи. Все приехавшие любили и умели говорить, а среди них встречались даже такие первоклассные ораторы, как Карташев*. Естественно, что, находясь под свежим впечатлением галлиполийских достижений, ораторы, отдавая должное командиру корпуса и войскам, быть может, и бессознательно для

* **Карташев Антон Владимирович** (1875–1960). Философ и богослов, политический и общественный деятель, член кадетской партии. В 1917 г. занимал должность обер-прокурора Священного синода и министра вероисповеданий Временного правительства. Вел активную работу по подготовке Поместного собора Русской Православной Церкви в августе 1917 г. После прихода к власти большевиков активно участвовал в политической деятельности, поддерживал идею создания Северо-Западного фронта. Входил в состав Всероссийского национального центра (отделение в Петрограде). В январе 1919 г. выехал в Финляндию, где встал во главе Русского комитета (Политического центра). Поддерживал кандидатуру генерала Н. Н. Юденича в качестве командующего Северо-Западным фронтом. Входил в состав Русского политического совещания при генерале Юдениче. Позднее председатель Русского национального собрания, Русского национального комитета в Париже. Поддерживал генерала П. Н. Врангеля в его борьбе по сохранению Русской армии как организованной силы в борьбе с советской властью. С 1925 г. занимал должность профессора Богословского Свято-Сергиевского института в Париже. Автор многотомной «Истории русской Церкви», фундаментального труда по истории и философии Православия в России.

себя, форсировали свои ораторские способности. Их слова могли кружить и очень крепкую голову. Впрочем, в Галлиполи было так много яркого, увлекательного и оригинального, что гости бывали искренне взволнованы.

Когда приехавшего Карташева пригласили на «Устную газету», он был сильно удивлен, что там читались выдержки из «Последних новостей» и как раз те выдержки, в каких говорилось об ужасах Галлиполи, о «кутеповских застенках». Сидя в первом ряду, Карташев все время оглядывался назад, желая убедиться, какое впечатление на слушателей производит такое чтение. И был буквально ошеломлен, когда в местах, где милюковская газета писала о «галлиполийском гнете»*, тысячная толпа отвечала единодушным смехом...

– Да, – обратился он к начальнику штаба, сидевшему рядом с ним. – Я не предполагал, что у вас такая свобода печати. Это очень умно придумано.

А затем, возвращаясь из лагеря в город, говорил генералу Штейфону.

– Я поражен галлиполийскими достижениями. Теперь я убедился, что значит просвещенная дисциплина, и какая это сила. Ваш командир корпуса произвел на меня большое впечатление. Он, по видимому, равнодушен к политическим проблемам. Впрочем, это и к лучшему, иначе он утерял бы цельность и непосредственность своей природы.

Когда штатские люди выражали свое одобрение военным достижениям Галлиполи, это было приятно слушать. Однако всякий специалист больше ценит одобрение тоже специалиста. В сентябре около недели прожил среди войск генерал В. Д. Кузьмин-

* На позицию эсеров в отношении вооруженного сопротивления советской власти большое значение оказали события 18 ноября 1918 г. – ликвидация Уфимской директории и установление власти Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Часть партии перешла на позицию, выраженную формулой: «Ни Ленин, ни Колчак», другие считали наиболее важным ведение вооруженной борьбы против «белой власти» (подготовка терактов на белом Юге, организация восстаний в белой Сибири и на Дальнем Востоке). После окончания военных действий в Таврии позиция эсеровской партии в отношении Русской армии сводилась к признанию бесперспективности любых форм вооруженного сопротивления (статьи «Армия последышей реакции» в альманахе «Воля России» и др.).

Караваев*, известный профессор военно-юридической академии и не менее известный общественный деятель. Наблюдая галлиполийские достижения и оценивая их как военный, он так суммировал свои впечатления:

«Галлиполи произвело на меня сильное, яркое впечатление. Я поехал туда в предположении, что увижу остатки былой Русской армии, а вернулся в сознании того, что в Галлиполи заложено основание кадров будущей новой Русской армии. Особенно мое внимание остановила на себе та сознательность, какая царит в Галлиполи как следствие проведенной крепкой дисциплины...»

Суждения общественных деятелей о галлиполийской работе, как побывавших в Галлиполи, так и не бывших там, суждения благоприятные, а часто и цветистые, расположили Александра Павловича к представителям национально-мыслящих группировок. И обратно – зарубежная общественность постепенно усваивала имя генерала Кутепова. Происходило взаимное ознакомление и сближение.

В конце июля 1921 года был выпущен «Меморандум ЦОКа» (Центрального объединенного комитета) за подписями главноуполномоченного Красного Креста сенатора Иваницкого**, председате-

* **Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич** (1859–1927). Юрист-криминолог, общественный деятель, писатель. В 1888 г. – военный следователь военно-окружного суда Петроградского военного округа; в 1890–1904 гг. – профессор Военно-юридической академии, генерал-майор. В 1903–1904 гг. – гласный Петербургской городской думы, один из организаторов «Союза земцев-конституционалистов», член кадетской партии, член масонской ложи. Депутат Государственной Думы I и II созывов. Во время Первой мировой войны член Петроградского комитета Всероссийского союза городов. В 1917 г. – сенатор, участник Московского совещания общественных деятелей, депутат Предпарламента. В 1919 г. входил в состав Русского политического совещания при командующем Северо-Западным фронтом генерале Н. Н. Юдениче. С осени 1919 г. в эмиграции в Париже. Член Русской академической группы, преподаватель уголовного права на русском отделении Сорбонны, член Центрального комитета по обеспечению высшего образования русских юношей за границей.

** **Иваницкий Федор Иванович**. Политический деятель, член партии эсеров. Член Финансового совета при Совещании послов, входил во Всероссийский национальный центр. В 1920 г. – член бюро «Временного объединения в Севастополе членов комитета партии народной свободы». Эмигрировал в ноябре 1920 г. в Константинополь. Возглавил Комитет помощи беженцам, затем переехал в Югославию. Выступал за перевод армии на «беженское положение» и сокращение финансирования воинских частей.

ля главного комитета Земского союза Хрипунова* и председателя главного комитета Союза городов Юренева**. Авторы «Меморандума» обращались «ко всем беженцам» и доказывали необходимость распыления лагерей Галлиполи и Лемнос. Подчеркивая, что такое распыление соответствует желаниям французов, к которым русские должны-де питать вечную и незабываемую благодарность...

Галлиполийскому уполномоченному Земского союза было предложено распространить указанный «Меморандум ЦОКа» среди войск, чего, конечно, господин Резниченко выполнить никак не мог. Он ответил Хрипунову, что «в Галлиполи сейчас находится армия, а не беженцы. Эта армия может уйти в Сербию или нет, но по-

* **Хрипунов Алексей Степанович** (1882–1975). Известный земский деятель. Накануне и в годы Первой мировой войны занимал должности главноуполномоченного, а затем председателя Всероссийского земского союза. Во время военных действий находился на Западном фронте. В 1918 г. один из организаторов и активных участников Совета государственного объединения России в Киеве. Участник Белого движения. В 1920 г. эмигрировал в Германию, затем во Францию. В 1921 г. – представитель Главного управления Красного Креста в Константинополе. Организатор и председатель внепартийного Национального объединения русских в Германии, член Торгово-промышленного союза. В 1920–1921 гг. продолжал работу в Земгоре; член комитета помощи российским гражданам за границей. С декабря 1924 г. состоял членом Комитета по сбору пожертвований в Фонд спасения Родины, был казначеем Лицейского объединения во Франции. Участник Зарубежного съезда, на котором был избран заместителем председателя Центрального объединения.

** **Юренев Петр Петрович** (1874–1943) Политический деятель, активный участник либерального движения. С 1906 г. член кадетской партии, с 1911 г. в составе ее ЦК. Работал в составе Московской городской думы, председатель ее железнодорожного отдела, автор проекта московского метро. В годы Первой мировой войны участвовал в деятельности Московского комитета Всероссийского союза городов, Московского военно-промышленного комитета. С 1917 г. – товарищ московского городского головы. Член Временного правительства, министр путей сообщения. Высказывался против поддержки кадетами выступления генерала Л. Г. Корнилова. Депутат Предпарламента. Председатель московского отделения Союза инженеров. Один из организаторов антисоветской кампании саботажа. В 1918 г. выехал в Одессу, где входил в состав Всероссийского национального центра. В 1919 г. – председатель Союза городов при Добровольческой армии. В Зарубежье руководил организацией детских приютов и гимназий. Продолжал работать в составе Земско-городского комитета и Союзе русских инженеров.

ка что она остается армией, и сейчас, после пережитого, оскорбить ее «Меморандумом ЦОКа», в котором она трактуется только беженством, просто говоря – нельзя».

«Меморандум ЦОКа» был, конечно, актом полнейшей политической беспринципности и вызывал моральную брезгливость своей угодливостью французам. Практическое его значение было ничтожным, однако в дальнейших судьбах А. П. Кутепова этот документ сыграл печальную роль.

Те, кто занимаются политикой, считают компромисс одним из инструментов своей профессии. Так случилось и с А. С. Хрипуновым. Изменились обстоятельства, побудившие его выпустить «Меморандум ЦОКа», и он круто изменил свой взгляд. Хрипунов прибыл в Галлиполи и... «не находил слов» выразить «свою гордость русского человека» галлиполийским достижениям... За традиционным ужином Хрипунов цитировал балладу галлиполийца Критского*:

– Так было всегда и во все времена – только потомки из брошенных камней в пророков алтари небесам воздвигали, – обратился затем непосредственно к генералу Кутепову:

– Вы не пророк, алтарь Вам не воздвигнут, но памятник Вам поставят наверняка!

Не подлежит сомнению, что подобными словами Хрипунов стремился сгладить тяжелое впечатление своего «Меморандума» о распылении армии. Как не подлежит сомнению и тот факт, что такие слова были все же приятны Александру Павловичу.

Если люди, искушенные в общественной и политической работе, как, например, Хрипунов, так резко меняли тактику, то есть не разбирались в сложной обстановке того времени, то естественно, что неопытному в таких делах и прямолинейному Александру Павловичу было не под силу правильно оценить цветистую словесность. Однако и искренние одобрения, и нарочитая лесть делали свое дело. Под их воздействием деформировался прежний цельный

* **Критский Михаил Александрович** (1882–1969). Окончил юридический факультет Московского университета. С началом Первой мировой войны поступил добровольцем на фронт в артиллерию В Добровольческой армии и ВСЮР поручик, сотрудник разведки 1-го армейского корпуса. В эмиграции – сотрудник генерала А. П. Кутепова. Автор и составитель книг «Генерал Кутепов» (Париж, 1934), «Корниловский ударный полк» (Париж, 1936), а также многих статей в периодике.

духовный облик Александра Павловича. Он стал ощущать тяготение к новым склонностям, к новому виду деятельности.

Умеренно-либеральные круги Русского зарубежья, выказывавшие внимание генералу Кутепову, видели в нем творца Галлиполи – человека сильной воли и выдающегося военного организатора. Их только смущала репутация Александра Павловича как крайнего монархиста, который, правда, не подчеркивал своих убеждений, но и не скрывал их.

Однако под воздействием ряда факторов, проявившихся вследствие соприкосновения генерала Кутепова с общественными деятелями, соприкосновений, по существу, чисто внешних, он перенял у них некоторые новые мысли и приемы, ранее ему совершенно несвойственные. Так, отвечая Хрипунову на его лесть, командир корпуса, говоря о будущей роли армии, заявил, что «Армия должна занять Москву, а затем» – Александр Павлович сделал паузу – «взять под козырек».

Подобные слова в устах генерала Кутепова были, по меньшей мере, странными и непонятными. Естественно, что они вызвали настороженность одних и положительное одобрение других. Эти слова необходимо запомнить, так как они породили в дальнейшем немало неожиданных последствий и оказали сильнейшее воздействие на Александра Павловича.

Сам генерал Кутепов не придавал им тогда никакого значения, и для него они были только понравившейся ему фразой. По крайней мере, на другое утро, при докладе начальника штаба, он, улыбаясь и, видимо, вполне довольный собою, спросил генерала Штейфона.

– А хорошо я вчера за ужином поддел нашу общественность?

– Думаю, Ваше Высокопревосходительство, что Вы больше поддели себя, чем общественность!

Александр Павлович перестал улыбаться и недоуменно спросил:

– Как так?

Если армия, после занятия Москвы, «возьмет под козырек», то это знаменует совершенно определенную демократическую программу и будет вполне отвечать чаяниям Милокова и компании.

– Не понимаю Вас!

– Слушаю. Скажу иначе – «беря под козырек» после занятия Москвы, то есть после уничтожения большевиков, армия тем самым будет ожидать от кого-то указаний о своей судьбе, то есть быть ей монархической, республиканской или диктаторской. Лично я считаю, что после занятия Москвы армия имеет полное право на решающий

голос. Только наивные люди или политические охальники могут уверять, что «после занятия Москвы» народ, мол, выскажет свою волю. При том расстройстве, которое достанется в наследство от большевиков, невозможны никакие волеизъявления, хотя бы в силу чисто технических препятствий. Да и вообще говоря, термин «Учредительное собрание» совершенно скомпрометирован самими левыми...

– Ну, Борис Александрович, Вы меня совсем не поняли! Что же, по Вашему мнению, я стою за республику?

– Вы-то не стоите, но многие поймут Вас превратно!

Александр Павлович насупился, и разговор на эту тему прекратился.

Через несколько дней командир корпуса с супругой и начальником штаба были на детском празднике. Сидели за столом, окруженные учителями гимназии и пили чай. Александр Павлович вспоминал, как много ему благодаря Японской, Великой и Гражданской войнам пришлось исколесить по России.

– Знаю теперь географию России на 12 баллов.

А затем, повернувшись к генералу Штейфону, добавил:

– Вот если в России будет республика, то выйду в отставку и буду учителем географии.

Штейфону было ясно, что такие слова, подчеркнутые интонацией, дополняли недавний разговор об армии и «kozyрьке»*.

* Монархические настроения в Русской армии были достаточно сильны, но, несмотря на это, большинство признавало правильность принципов «непредрешения» и сохранения «военной диктатуры как основы для последующей реставрации монархии» и в эмиграции. Однако эволюция политической программы Белого движения в 1921–1922 гг. происходила в направлении незамедлительного провозглашения монархического лозунга. Результатом работы Съезда хозяйственного восстановления России в Рейхенгалле стало провозглашение монархического принципа Православного государства, а также «законного Царя из Дома Романовых». Для решения организационных вопросов Съезд избрал Высший монархический совет под председательством Н. Е. Маркова II. Из наиболее авторитетных, здравствующих особ Царской крови Государыня Императрица Мария Федоровна и Великий князь Николай Николаевич отказались встать во главе монархического движения. Они отмечали незавершенность следствия о гибели Царской Семьи, что не позволяло окончательно решить вопрос о «персональном возглавлении» Царствующего Дома, а также на необходимость предварительного решения вопроса о форме правления Всероссийским Земским собором.

Несмотря на подобное разъяснение, сказанная фраза полюбилась Александру Павловичу, и он не раз ее повторял как в Галлиполи, так и в дальнейшем. Следствием ее было повышение общественного интереса к генералу Кутепову. Не только либеральным, но даже радикальным кругам он стал представляться более приемлемым, чем раньше.

С другой стороны, «kozyрек» произвел отрицательное впечатление на генерала Врангеля. Ему, убежденному стороннику военной диктатуры, слова командира корпуса представлялись прямым вторжением в область прерогатив Главнокомандующего. Вторжением нежелательным, вредным и... подозрительным. И когда через некоторое время генерал Штейфон был по служебным делам в Константинополе, Главнокомандующий спросил его иронически:

– А Александр Павлович произносит речи на политические темы?

– Когда?

– Да вот, собирается брать в Москве под козырек!

Генерал Штейфон не считал возможным обсуждать действия своего начальника и ответил шутливо:

– Сперва надо взять Москву!

Генерал Врангель был человек властный и импульсивный. Он любил власть, ибо власть была той стихией, в какой наиболее полно проявился его большой государственный ум и таланты государственного деятеля. И он ревниво оберегал свою власть и ее прерогативы.

Пока генерал Кутепов оставался только генералом, отлично выполняющим свои обязанности, до тех пор Главнокомандующий видел в нем своего верного и полезного помощника. Он не скупился на всевозможные выражения своей признательности по адресу командира 1-го корпуса, ибо понимал, что авторитет Главнокомандующего находится в прямой зависимости от состояния войск 1-го корпуса. Поэтому творческие достижения Галлиполи укрепляли политическое положение генерала Врангеля. Усиление популярности генерала Кутепова среди войск тоже соответствовало видам Главнокомандующего, но усиливающееся внимание общественных кругов к личности Александра Павловича, а особенно его слова о «kozyрьке», были не по душе генералу Врангелю.

Врангелю не были свойственны жадность или мстительность, но, ведя крупную политическую игру, он умел выводить из игры тех, кто казался ему лишним, а, тем более, вредным.

Осенью, когда была решена перевозка войск из Галлиполи в славянские страны, совершенно неожиданно для себя генерал Кутепов получил с очередной константинопольской почтой официальное уведомление генерала Врангеля о его намерении расформировать 1-й корпус, а генерала Кутепова назначить инспектором войск. В прилагаемом частном письме Врангель доказывал, что подобное намерение вызывается как общими соображениями, так и личными удобствами Александра Павловича. В конце письма сообщалось, что генерал Штейфон может быть назначен начальником Константиновского военного училища.

Прочитав в своем служебном кабинете это распоряжение Главнокомандующего, генерал Кутепов немедленно пригласил начальника штаба:

– Прочитайте!

Никогда, ни раньше, ни потом Штейфон не видел Александра Павловича таким взбешенным. Он был вне себя и явно не владел собой.

– Вы что же, согласны принять Константиновское училище?

– Конечно, нет. Назначение Вас инспектором, без органа управления, это – явная опала. Она касается нас обоих. Если Вы остаетесь не у дел, то и мой долг разделить Вашу участь.

– Очень хорошо! Благодарю Вас. Что же, по-вашему, означает этот выпад Петра Николаевича?

– Ясно, что Вы и я ему больше не нужны!

– Прекрасно, прекрасно.

Глаза Александра Павловича метали молнии.

– Пожалуйста, сейчас же дайте мне на подпись приказ о расформировании корпуса и объявите его войскам.

– Ваше Высокопревосходительство, было бы благоразумнее не отдавать такого приказа. Напишите Главнокомандующему и откровенно укажите, что его распоряжение Вы считаете обидным.

– Нет, я решил отдать приказ о расформировании.

– Воздержитесь, очень прошу Вас. Ведь Главнокомандующий только сообщает о своем намерении расформировать корпус, и ни к чему такая резкая демонстрация с Вашей стороны.

– Я решил отдать приказ, и Вы меня не отговорите.

– Подождите хотя бы до завтра и тогда решите.

– Нет, я желаю сейчас же выпустить приказ. Если Вы не желаете написать такой приказ, я прикажу старшему адъютанту Скабичевскому это сделать.

– Слушаю. Приказ будет готов через $\frac{1}{4}$ часа.

Подписав приказ, командир корпуса, как буря, унесся домой.

У себя на квартире Александр Павлович, конечно, продолжал кипеть гневом. Он жаждал действенного протеста. Через $\frac{1}{2}$ часа он позвонил по телефону начальнику штаба:

– Вы будете писать Кусонскому?*

– Как раз пишу ему!

– Пожалуйста, сообщите ему, что я отдал уже приказ о намерении Главнокомандующего расформировать корпус, и отправьте ему приказ для доклада.

– Слушаю, я так и делаю.

Через час командир корпуса снова позвонил начальнику штаба.

– Написали письмо Кусонскому?

– Написал.

– Я сейчас зайду к Вам. Хочу прочитать, что Вы ему написали.

Штейфон писал о том, какое сильное впечатление произвело на командира корпуса намерение расформировать корпус, что подобное решение воспринято Александром Павловичем как сильнейшая обида, и что уже об этом объявлено войскам...

Нетрудно представить, как были ошеломлены и войска решением Главнокомандующего. Войска все время твердили о необходимости сохранить корпус как организованную единицу. Для этой задачи было затрачено много тяжелых усилий и вдруг оказалось, что корпус будет расформирован...

* **Кусонский Павел Александрович** (1880–1941). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну занимал ряд штабных должностей в 8-й армии, в 1917 г. служил в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. Стоял у истоков формирования Добровольческой армии. С июля 1918 г. – генерал для поручений при Главнокомандующем; с января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии. В 1920 г. в Русской армии возглавлял гарнизон Симферополя, штаб 3-го армейского корпуса, затем штаб 2-й армии. После эвакуации армии из Крыма служил заместителем начальника штаба Главнокомандующего. В начале 1920-х гг. член Русского совета, начальник штаба РОВС в Сремски Карловцах. С 1922 г. жил в Париже, служил под началом генерала Кутепова, в 1934–1937 гг. заведовал канцелярией РОВС. С марта 1937 г. – сотрудник Комитета по координации действий благотворительных и гуманитарных организаций во Франции. С 1938 г. жил в Бельгии, 22 июня 1941 г. арестован гестапо, умер в концлагере.

Через несколько дней генерал Кутепов отправился в Константинополь. Напрасно генерал Врангель отказывался от своего намерения, напрасно уверял в своих чувствах Александра Павловича, Кутепов не смог простить этой обиды. Конечно, все осталось по-старому, корпус не был расформирован, но доверие Александра Павловича к Врангелю было подорвано...*

Со своей стороны и Главнокомандующий не забыл демонстраций командира корпуса с преждевременным опубликованием приказа о расформировании, которое так и не осуществилось. Врангель понимал, что со стороны Кутепова это был явный и умышленный выпад...

С тех пор между Главнокомандующим и его прежде столь верным помощником уже не было прежней ясности отношений. Наружно оба сохраняли якобы дружеские чувства, продолжали быть на «ты», но образовавшаяся трещина постепенно уширялась в пропасть, которую уже никак нельзя было засыпать...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Если бы историк пожелал написать биографию частной жизни Александра Павловича, то задача была бы трудной и неблагоприятной. Личная жизнь была удивительно бедна фактами и эмоциями.

Его молодость прошла в обстановке сурового аскетизма, принимая во внимание особенности столичного быта и положение офицера Лейб-гвардии Преображенского полка. Уже в зрелые годы, вспоминая свою молодость и полковую жизнь, Александр Павлович никогда не мог рассказать о тех развлечениях или шалостях, которые бывали в жизни всякого молодого человека.

В силу особых условий, о которых говорилось в 1-й главе, он, со дня поступления в военное училище, был увлечен только службой и сопряженными с ней интересами. Привязанный к своему Преобра-

* Решение о переформировании корпуса диктовалось отнюдь не личными симпатиями или антипатиями генерала П. Н. Врангеля, а очевидной невозможностью сохранения прежней военной организации, в условиях не прекращавшегося давления на военно-политическое руководство Русской армии со стороны Франции, а также отсутствием перспективы возобновления военных действий на территории Советской России в обозримом будущем (ради чего и сохранялись военные структуры южнорусского Белого движения).

женскому полку, он любил вспоминать о нем, любил рассказывать эпизоды из полковой жизни, но действующими лицами в таких рассказах бывали всегда другие, а не он. И не потому, что Александр Павлович не хотел говорить о себе, а потому, что о себе нечего было сказать. Личные воспоминания были только служебные.

Чтение, театр, музыка, не говоря уже о балах, танцах, не увлекали его. В его полковых воспоминаниях никогда нельзя было обнаружить, что у него были близкие друзья, такие друзья, о которых радостно вспомнить в зрелом возрасте.

И можно утверждать совершенно обоснованно, что у Александра Павловича вообще не было друзей в глубоком смысле этого слова. Были сослуживцы, были знакомые, были почитатели. По мере того, как расширялось его служебное положение, расширялся и круг таких лиц. Но друзей, какие приобретаются в ученические годы, в годы совместной службы, а тем более на войне, у него не было.

Александр Павлович довольно скоро сходил на службе с сослуживцами, подчиненными и начальниками, но когда приходило время расставаться, отходил от них равнодушно. Вообще, в его отношениях к людям всегда существовала какая-то внутренняя сдержанность, что, несомненно, было следствием основной черты его характера – замкнутости.

Даже с генералом Штейфоном, который в зрелые годы Александра Павловича был лицом наиболее близким, авторитет которого очень ценился, которому разрешалось многое, о чем другие не могли и помыслить, но и с ним существовал этот холодок.

Правда, подобный недостаток был присущ и генералу Штейфону. И когда, например, почувствовав, что по старогвардейской привычке Александр Павлович намеревается предложить ему выпить на брудершафт, Штейфон как бы вскользь упомянул, что не одобряет перехода на «ты».

Другой раз, в присутствии всех старших начальников, командир корпуса, подумав, что штаб корпуса не разослал своевременно приказа, выразился иронически:

– Ну, это напутал штабец!

Генерал Штейфон вышел, принес доказательства, что штаб корпуса все выполнил своевременно, и холодно доложил:

– Я начальник штаба, а не штабца, и Вашему Высокопревосходительству прекрасно известно, что вверенный мне штаб работает безукоризненно!

Генерал Кутепов добродушно улыбнулся:

– Кажется, начальник штаба обиделся на меня...

Однако если оба генерала не были склонны к дружеской простоте, то в служебных делах командир корпуса доверял генералу Штейфону неограниченно. Так, например, когда начальник штаба подавал на подпись приказ, Александр Павлович обычно сперва подписывал, а затем уже читал...

Штейфон был тем единственным человеком, конечно, кроме Лидии Давыдовны, которого Александр Павлович доверчиво, и не стесняясь, спрашивал, возвращаясь с какого-нибудь праздника:

– Как я сегодня говорил? Вам, Борис Александрович, со стороны виднее. Я ведь не «оратель».

С большой охотой выслушивал замечания и советы и не менее охотно им следовал. Оставаясь наедине со своим начальником штаба, Александр Павлович вспоминал своих родных – братьев и сестер, называя их уменьшительными именами, хотя Штейфон лично их и не знал, рассказывал об их жизни, и в такие минуты голос его становился задушевым, а глаза увлажнялись:

– Мне, как старшему, после смерти отца рано пришлось взять на себя все заботы об их воспитании и образовании.

И чувствовалось, как он любил семью, как она ему близка и дорога.

В Галлиполи был брат Александра Павловича – Борис Павлович, полковник Гвардейского железнодорожного полка. Человек воспитанный, милый и настолько скромный, что многие и не подозревали, что в Галлиполи живет брат командира корпуса. Александр Павлович относился к нему нежно, как хороший старший брат к младшему, но в то же время искренне хотел, чтобы тот в чем-нибудь провинился и попал на гауптвахту. Это была своего рода мания:

– Буду очень доволен, Борис Александрович, если Вы арестуете Бориса, – часто говорил он генералу Штейфону.

В общем, надо признать, что единственным и настоящим другом Александра Павловича была его жена Лидия Давыдовна. Однако в его семейной жизни существовало строгое разделение областей служебных и личных. Первая не касалась Лидии Давыдовны, а во второй Александр Павлович с неизменным рыцарством предоставлял ей решающий голос:

– Как прикажет начальство!

По натуре Александр Павлович был добрым человеком. Его суровость была следствием служебного долга. Часто казалось, что он суров потому, что гораздо добрее, чем хотел бы это показать.

Самым любимым удовольствием Александра Павловича и Лидии Давыдовны в Галлиполи было посещение детского сада и гимназии. Командир корпуса знал всех детей по именам, любил с ними шутить, и дети радостно тянулись к нему. Частые детские праздники, устраиваемые командиром корпуса, объяснялись в равной степени желанием порадовать как детей, так и себя. Лидия Давыдовна любила детей не меньше, и в доме Кутеповых всегда была детская возня, ребята смеялись и плакали, играли и засыпали. Когда кто-нибудь из детей заболел и приходилось помещать его в лазарет, Александр Павлович каждый день навещал больного ребенка, интересуясь всеми подробностями болезни. Лидия Давыдовна, человек огромной доброты и большой женской души, постоянно о ком-нибудь напоминала своему супругу:

– Солнышко, надо помочь таким-то...

В Галлиполи было много нужды, бедности. И хотя средства командира корпуса были невелики, отказа не было никому.

...Летом 21-го года силы и здоровье генерала Штейфона стали сдавать от непосильной работы по выполнению двух самых трудных должностей – начальника штаба корпуса и коменданта Галлиполи. Александр Павлович заметил это и пришел ему на помощь с большим тактом и заботой. Он вызвал полковника Ястржемского, с которым жил и столовался Штейфон, дал ему денег и приказал:

– Кормите лучше генерала и не говорите ему ничего, а когда деньги выйдут, доложите, я дам еще...

Когда Штейфон узнал причины улучшения своего питания и, поблагодарив Александра Павловича, решительно отказался от помощи, командир корпуса вызвал корпусного врача и распорядился:

– Делайте, что знаете, но поставьте на ноги начальника штаба.

Но при всех своих заботах о Штейфоне на главное «лекарство» – освобождение от должности коменданта – не соглашался. В данном случае вопрос шел о пользе службы, и Александр Павлович был непреклонен.

Кроме доброты, Александр Павлович был весьма набожным человеком. Внешне это выражалось в прилежном посещении богослужений, всегда торжественных, несмотря на скудость обстановки походных церквей. Сколь ни была утомительна или длительна служба, генерал Кутепов всегда стоял «смирно» и с полным благоговением.

Внутренне его вера претворялась в покорность Промыслу Божьему. Поэтому он всегда был убежденно храбрым человеком, ибо верил, что нельзя изменить то, что предопределено свыше.

Несмотря на бдительное наблюдение, все же в Галлиполи проникали большевистские агенты. И начальник корпусной контрразведки постоянно докладывал о необходимости принять те или иные меры предосторожности. Когда начальник штаба впервые доложил командиру корпуса о необходимости принять меры предосторожности, Александр Павлович спокойно и просто ответил:

– Я знаю, что за мною охотятся. Если Вам кажется необходимым меня охранять, то делайте это. Лично я не слишком верю в силу охраны. У Плеве и Столыпина были все возможности себя охранить*, а вот охрана их не уберегла. Что суждено, того не избегнешь.

– Вы правы, Ваше Высокопревосходительство, – от судьбы, конечно, не уйдешь. Однако неблагоприятно искушать судьбу. Вероятно, и на войне Вы не стояли бесцельно на бруствере, а когда обстреливали «чемоданами», то прятались в блиндаж.

– Это, конечно, верно, но все же я отношусь спокойно к возможностям покушения.

Несмотря на скептическое отношение Александра Павловича к этому вопросу, генерал Штейфон всегда принимал все доступные ему меры охраны своего начальника. Основная мера была та, что никогда и ни при каких обстоятельствах Александр Павлович не оставался один. Всегда явно или скрытно, но около него были верные люди. Уже в Велико Тырнове (Болгария), где стоял штаб корпуса, были получены сведения, что местные коммунисты решили забросать генерала Кутепова ручными гранатами, когда он будет проезжать на вокзал или с вокзала. Последний был за городом, а в одном участке пути горы нависали над дорогой. Чтобы не нервировать командира корпуса, генерал Штейфон ничего не докладывал Александру Павловичу, но ко времени проезда высылал на подозрительные горы людей, а сам садился вместе с генералом Кутеповым в автомобиль и в нужных местах давал знаки шоферу, чтобы тот ускорял ход.

Кроме покорности судьбе, внутренняя религиозность Александра Павловича проявлялась и в его трогательном внимании к памяти усопших. В Галлиполи имелись три кладбища: одно городское и два в лагерях. На главном, городском, был воздвигнут величественный памятник, созданный волнующим душу замыслом: каждый

* Речь идет о террористических актах против министра внутренних дел Российской Империи В. К. Плеве (15 (28) июля 1904 г.) и премьер-министра П. А. Столыпина (1 (14) сентября 1911 г.).

галлиполиец, по приказу Кутепова, собственноручно принес камень для этого памятника...

Но подобное отношение к памяти усопших Александр Павлович проявлял не только в Галлиполи. В Велико Тырнове, найдя остатки какого-то забытого кладбища, он сумел разузнать, что это было кладбище русских воинов, погибших в войну 1877–1878 годов. И он немедленно приступил в постановке здесь братского памятника. Будучи в Белграде, уже не у дел, гуляя за городом, он нашел одинокую, тоже забытую русскую могилу. Организует добровольный сбор средств и на собранные деньги ставит памятник, лично входя во все детали его установки*.

Для всесторонней оценки личности А. П. Кутепова представляется весьма существенным выяснить, был ли он честолюбив? Все данные, имеющиеся и о его жизни, и о его привычках, свидетельствуют, что он не обладал таким честолюбием, какое могло быть сочтено чертой, доминирующей в его характере. У него имелось только нормальное честолюбие, какое свойственно людям вообще, а военным в частности. Его, конечно, тешили служебные успехи, но по всей справедливости надо признать, что главным стимулом его служебной деятельности был долг. Во имя долга он работал, во имя долга он всегда готов был жертвовать собой. А потому он и был беспощаден к тем, кто забывал свой долг.

Всего правильнее будет признать, что, не обладая повышенным честолюбием, Александр Павлович был крайне самолюбив. Самолюбие толкало молодого помора возможно скоро и лучше усвоить в училище строевую технику. Самолюбие подсказало избрать в Преображенском полку «строевой тон» и «строевую внешность», чтобы не были заметны его материальные и иные «светские» недочеты.

И та обида, которую он испытал, узнав о намерении Главкомандующего расформировать корпус, обида, какую он никогда не

* Памятник в Галлиполи был поставлен на кладбище русских воинов, захоронения которых на полуострове были еще с XVII века. Напоминавший по форме каменный курган-надгробие (автор проекта – подпоручик Н. Н. Акатьев), памятник был построен и освящен 16 июля 1921 г. (разрушен землетрясением 1949 г.). Памятная доска, установленная на фронте, гласила: «Упокой, Господи, душу усопших. 1-й корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–1921 гг. и 1854–1855 гг., и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену». При непосредственной поддержке Правительства Российской Федерации памятник был восстановлен в 2008 г.

прости́л генералу Врангелю, лучше всего свидетельствует о его громадном, нередко болезненном самолюбии. В дальнейшем эта черта проявится еще не раз, и не раз ее проявление окажет решительное воздействие на поступки генерала Кутепова.

У себя дома, как хозяин, Александр Павлович был всегда очень радушным, милым и привлекательным. Кутеповы жили крайне скромно, дорожили своей домашней независимостью и довольствовались ограниченным кругом знакомых. И этот круг составлялся исключительно по личным симпатиям и вне всякой зависимости от таблицы о рангах.

Многолюдные приемы бывали только два раза в год – 23 марта, в день ангела Лидии Давыдовны, и 28 сентября, в день ангела Александра Павловича. Но и на таких приемах всегда все было хоть и просто, но очень душевно*.

Вообще, в домашнем обиходе Кутеповых чувствовался крепкий, старый быт: в каждой комнате находились большие и маленькие иконы, на божнице хранились пасхальные яйца и страстные свечи, в кануны праздников обязательно зажигались лампы, а на Пасху устраивался стол. В каждой мелочи их семейного уклада проявлялась привязанность к святой старине и большая простота. Где бы ни устраивались жить Кутеповы, всегда чувствовалось, что они устроились для себя, сообразно своим вкусам, привычкам, и менее всего думая о том, «что скажут другие».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В биографии Александра Павловича Галлиполи стало высшим, наиболее красочным расцветом его деятельности. В активе его дальнейших служебных усилий уже не наблюдается достижений, хоть сколько-нибудь похожих на галлиполийские.

Естественно, что возникает вопрос, чем объяснить подобное явление? Тем более что последующие этапы его деятельности открывали ему гораздо большие возможности. Чтобы выяснить этот центральный вопрос, необходимо вдумчиво анализировать те види-

* День ангела А. П. Кутепова – 28 сентября (11 октября) память мученика Александра Каталитского (кузнеца); Л. Д. Кутеповой – 23 марта (5 апреля) память мученицы Лидии Иллирийской (из Лидии в Малой Азии).

мые и скрытые противоречия, какие обнаружались в деятельности Кутепова уже в галлиполийский период.

Исследование деятельности Александра Павловича в этот период убеждает, что в его лице мы встречали сильного волевого генерала, с высокоразвитым чувством долга и весьма деятельного администратора. Однако его административным способностям не доставало той творческой изюминки, которая превращает просто администратора в настоящего организатора. В галлиполийских условиях у командира корпуса резко обозначилась основная черта его работы: отсутствие системы. Подобный недостаток, несомненно, порождался отсутствием синтетических способностей.

Прекрасный практик, генерал Кутепов не имел дара творческой фантазии, а его интеллект не имел влечения к дисциплинированному мышлению. Идея, как самодовлеющая величина, не представлялась ему ценностью, необходимой при творческих усилиях. Он был искренне убежден, что его прошлый служебный опыт – работоспособность и личный пример – качества, вполне достаточные для созидания.

В подобных ошибочных взглядах на сущность творчества сказывались как недостаток образования, так и условия предыдущей службы. На ролях младших и средних начальников от Александра Павловича требовались только храбрость и исполнение чужого замысла при наличии тактической, то есть ограниченной по своей сущности инициативы.

Дальнейшие, уже ответственные должности командира корпуса и командующего армией тоже не дали ему солидной практики в областях творческой работы, ибо подлинное творчество осуществлялось высшей инстанцией, то есть Ставкой, и дополнялось затем усилиями специалистов – начальника штаба и других лиц. Традиционная коллизия при сотрудничестве старшего начальника, лишённого должного военного образования, и начальника штаба – офицера Генерального штаба.

Мы знаем, что лишённые системы и творческого замысла титанические усилия генерала Кутепова не дали желаемых результатов в первый период Галлиполи и привели корпус к большому развалу, до стрельбы по начальникам включительно, а командира корпуса – к сознанию своей беспомощности.

Несомненно, что в Галлиполи Александр Павлович под свежим впечатлением и личных переживаний, и общих достижений давал верную оценку своим возможностям. Подтверждением тако-

го предположения служат как те исключительные полномочия, какие он дал Штейфону, так и ряд иных личных его признаний.

Перед окончательной эвакуацией Галлиполи Главнокомандующий приказал командировать начальника штаба корпуса в Болгарию для разрешения там ряда вопросов, вызванных прибытием войск. Накануне своего отъезда генерал Штейфон пришел на квартиру генерала Кутепова, чтобы проститься с ним и с Лидией Давыдовой. Понятно, что все трое с волнением вспоминали все прожитое в Галлиполи: общие страдания роднят, быть может, больше, чем общие радости! При прощании взволнованно обнял генерал Кутепов своего начальника штаба и сказал с глубоким чувством:

– Я никогда не забуду, Борис Александрович, что Вы сделали для меня. По меньшей мере, половиной всех достижений я обязан Вам. Я видел и знаю, как все тяжелое Вы принимали на себя, а все свои заслуги стремились приписать мне. Постарайтесь теперь отдохнуть и набраться сил. В Болгарии нас ожидает тоже большая работа.

Лидия Давыдовна утирала платочком глаза:

– Спасибо Вам, Борис Александрович, что Вы всегда так сознательно оберегали Солнышко...

Подобные чувства сохранялись, по-видимому, и в дальнейшем, так как уже в 1923 году, то есть два года спустя, Александр Павлович подарил генералу Штейфону книгу о Галлиполи с надписью: «Всегда буду вспоминать, глубокоуважаемый Борис Александрович, с большой благодарностью Вашу огромную работу в Галлиполи, которая принесла столько пользы воспитанию 1-го армейского корпуса на чужбине».

Однако если к концу Галлиполи Александр Павлович справедливо оценивал свои способности в областях военно-организационного творчества, то в то же самое время у него проявился вкус к широкой и разнообразной деятельности. Вопросы только военные уже не увлекали его так, как раньше. Если раньше генерал Кутепов старательно отмежевывался от всякого участия в общественно-политической работе, неизменно подчеркивая, что он только боевой генерал, то в Галлиполи подобный взгляд значительно изменился.

Галлиполийское отражение внешней и внутренней (партийно-эмигрантской) политики было, конечно, только рефлекторными отражениями внегаллиполийских настроений. Командиру корпуса приходилось быть только исполнителем воли и намерений Главно-

командующего. Но все же, несмотря на такое положение, от генерала Кутепова требовалась и собственная инициатива в пределах его компетенции.

Проявленные им воля и решимость импонировали французам и внушали доверие грекам. Достигнутые результаты постепенно укрепляли Александра Павловича в убеждении, что политическая работа является отнюдь не такой сложной и непостижимой, какой представлялась ему раньше. Александр Павлович добросовестно не учитывал того, что ему приходилось действовать в сфере крайне ограниченной, а главное, что его усилия подкреплялись иными, более сильными возможностями генерала Врангеля. Впоследствии, уже в парижский период жизни, он сильно разочаровался в своих дипломатических способностях и на личном опыте убедился, что приемы, применяемые им при воздействиях на французского коменданта Галлиполи или на греческого майора, не имели успеха в областях настоящей, большой политики.

Вкус к общественной деятельности пробудился также в Галлиполи. И в этой области благодаря успехам, по преимуществу чисто внешним, Александр Павлович почувствовал себя более уверенным. А главное, утерял ту тайную робость, какую обычно испытывали строевые офицеры перед техникой общественной деятельности. Ведь мир общественных взаимоотношений и взаимодействий был для офицеров миром совершенно незнакомым.

Отвращение к «словесности», какое питал Александр Павлович после революции, когда в словах «погибла Россия» постепенно стало подменяться тяготением к фразе. Особенно, когда он убедился, какое впечатление произвели его слова: «Армия должна взять Москву... а затем взять под козырек».

В итоге создалось оригинальное положение: правая общественность считала генерала Кутепова бескомпромиссным монархистом, тогда как либеральные группировки видели в нем непредрешица. Подобная двойственность, конечно, способствовала усилению популярности Александра Павловича за пределами Галлиполи, но рано или поздно должна была создать серьезные идеологические и практические осложнения. Тем более что макиавеллизм был вовсе не свойственен генералу Кутепову.

Уже указывалось, что неудачная фраза о «козырьке» была сказана без задней мысли и только ради красного словца. Однако она может быть объяснена и более глубокими психологическими причинами. Обладая громадной волей, Александр Павлович обладал

в то же время свойством, казалось, несовместимым с волевым законом: он легко поддавался сторонним воздействиям. И притом воздействиям нередко, казалось бы, несовместимым. Поэтому формула генерала Штейфона – «выход из революции», спокойно уживалась с явно революционным содержанием «козырька»...

Пробудившимся вкусом к общественно-политической деятельности не ограничивались новые склонности и новые занятия генерала Кутепова. Его ненависть к большевикам не могла мириться с вынужденным прекращением активной борьбы. Человек глубоко действенный, он жаждал найти возможность снова вредить врагу. Противобольшевистская работа сосредотачивалась в руках Главнокомандующего. Только генерал Врангель обладал аппаратом и средствами вести такую борьбу.

Мысль убить Ленина и Троцкого владела тогда помыслами всех русских патриотов. Естественно, что такая мысль увлекала и Александра Павловича. К сожалению, те люди, какие предлагали ему свои услуги для этого святого дела, редко соответствовали подобному назначению. Большею частью это были типичные искатели приключений, которым не сиделось в Галлиполи. Получив возможности и средства, они добивались до одного из пограничных государств и там застревали. А предварительно и в Галлиполи, и по пути, сообщали «по секрету» десяткам людей, что «посланы Кутеповым убить Ленина...» Создавался нелепый фарс, вредный и для самого Александра Павловича, ибо порождал о нем мнение как о человеке неделовом*.

Несколько раз на этой почве были горячие схватки между начальником штаба и командиром корпуса:

– Ваше Высокопревосходительство, зачем Вы послали NN? Ведь он пьяница и человек ненадежный!

– Он храбрый офицер и обещал мне не пить!

Никакие уговоры не помогали, ибо Александр Павлович был глубоко убежден, что он «умеет выбирать людей», хотя многочисленные, можно сказать, бесчисленные факты свидетельствовали об обратном: он-то и не умел выбирать людей!

* Первые группы для ведения антисоветских акций в Советской России были созданы в корпусе генерала А. П. Кутепова вскоре после эвакуации в Галлиполи. Подробнее документация об их деятельности см., в частности: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. Исход. М., 1998.

Генерал Кутепов лично ведал отправлением людей в Совдепию, сам выбирал, сам хлопотал о визах, сам выдавал деньги и т. п. И эту свою работу ревниво оберегал от всех, хотя по складу характера не имел никаких способностей к конспиративной работе. Только иногда сообщал начальнику штаба, что он «посылает» или «уже послал».

Несмотря на то, что командир корпуса от всех «закрывался рукой» в своей конспиративной работе, многие не только знали о ней, но знали и самое секретное – кого Александр Павлович командирует в Совдепию. Причем узнавали чрезвычайно просто, благодаря тому, что командир корпуса не был знаком даже с элементарными правилами конспиративной техники.

В Галлиполи, да и в дальнейшем, все штабные суммы находились в полном распоряжении генерала Кутепова. Он один обладал правом производить какие бы то ни было выдачи. В то же время начальник штаба ведал отчетностью по движению штабных сумм. Все поступления и выдачи проводились в приказах по штабу.

Когда генерал Штейфон просматривал поданные ему на подпись приказы о движении штабных сумм, заметил впервые выдачу 100 лир «по личному указанию командира корпуса», то, естественно, заинтересовался, кому выдана такая крупная, по галлиполийскому масштабу, сумма?

– Капитану NN.

– А кто такой капитан NN?

Помощник начальника штаба невозмутимо ответил:

– Арап! Командир корпуса, по-видимому, посылает его в Совдепию. Он что-то болтал, когда получал деньги.

Оказалось, что генерал Кутепов, подготавливая в глубокой тайне подобную командировку, призывал казначея или старшего адъютанта и приказывал:

– Выдайте NN столько-то лир, возьмите у него расписку, но в журнале укажите, что деньги выданы по моему личному указанию.

В штабе корпуса было немало офицеров, давно в нем служивших и хорошо знавших всех «арапов». Естественно, что когда такому «арапу» выдавалась крупная сумма, да еще без указания ее назначения, то становилось понятным, что это секретная командировка. И не менее просто было решить, что командировка «особого назначения», ибо для легальных служебных командировок генерал Кутепов не выбрал бы «арапа». В штабе корпуса были опытные психологи и умели быстро расшифровывать и не столь простые задачи...

В общем, конспирация командира корпуса была крайне несерьезной. Однажды Александр Павлович поделился с начальником штаба:

- Отправил вчера в Совдепию прекрасного офицера.
- Надежного?
- Да, это «пистолет». Я его давно знаю. И дело сделает, и не попадетсЯ.

Недели через три из Константинополя сообщали, что «пистолет» набуянил в каком-то притоне и был арестован. При нем оказалось только несколько лир, а остальные он «потерял»...*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Переезд и приезд генерала Кутепова в Болгарию был поводом для шумных и даже величественных манифестаций. Уже в Константинополе национально настроенные русские круги устроили Александру Павловичу парадную встречу. Впрочем, присутствие там генерала Врангеля несколько раздваивало внимание, и приветственные речи относились к обоим генералам.

По прибытии в Варну Александр Павлович стал объектом шумных и горячих чувств. Большая в то время русская колония в Варне объединилась с русофильскими болгарскими элементами и встреча носила характер пышный, торжественный и как бы всенародный. В лице генерала Кутепова видели борца за русскую государственную идею. Александр Павлович не ожидал такого бурного к себе внимания и был взволнован. Однако, имея уже в Галлиполи навык к публичным выступлениям, он удачно справился со своей нелегкой ролью. Александр Павлович не был оратором, и его речь, конечно, нельзя было и сравнивать как по содержанию, так и по форме с речами таких мастеров, как Деникин и Врангель. Но он брал «строевым стилем». В итоге создавалось должное впечатление: говорил солдат и с солдатской прямоотой. Он говорил немного, но всегда о России, и в его словах чувствовалась крепкая вера в тор-

* По неформальной военной терминологии того времени «арап» – подчиненный, выполняющий приказы вышестоящего начальника и обязанный полностью следовать полученным указаниям. «Пистолет» – человек, известный своей дисциплинированностью и надежностью в выполнении порученного задания.

жество национального дела. Этой своей верой он и увлекал слушателей. «Строевой стиль» дополнял остальное.

После Варны генерал Кутепов отправился в Софию, чтобы представиться царю Борису, побывать у военного министра и выяснить некоторые интересовавшие его вопросы. Правительство Стамбулийского*, несмотря на свое сочувствие большевизму, все же не могло первоначально не считаться, принимая Русскую армию, что это войска национальной России, которая освободила Болгарию.

Благодаря искусству П. Н. Шатилова русским войскам был дан статут, вполне охранявший их самостоятельность: корпус сохранял оружие, организацию, суды. Только в отношении последних была сделана оговорка, что ввиду того, что болгарские законы не имеют наказания смертной казнью, таковая не должна быть применима и русскими судами.

Содержание войск брало на себя главное командование. Со своей стороны, болгарское правительство предоставляло помещения. В общем, настроение войск было бодрым. После Галлиполи и ненавистных французов Болгария воспринималась, как нечто близкое и почти родное. Волновали памятники войны 1877–1878 годов, волновали исторические названия – Систово, Плевна, Шипка, волновала болгарская военная форма, много напоминавшая русскую недавнего времени. Отношение жителей раздваивалось: старшее поколение было приветливо, благожелательно, молодежь, зараженная большевизмом, смотрела косо.

Войска наслаждались по-своему: вдоволь ели хлеб и не мерзли. Общее удовлетворение дополняло и жалование, которое стало отпускаться всем чинам из сумм Главнокомандующего. За много лет боевой и кочевой жизни люди впервые отдохали, не думая о завтрашнем дне.

Штаб корпуса расположился в Велико Тырново, живописном и уютном городке у подножия Балкан. Кроме управления корпуса

* Лидер Болгарского земледельческого союза Александр Стамбулийский (Стамбулинский) возглавил республиканское правительство в мае 1920 г. и более трех лет находился во главе государства. Выступал с поддержкой Советской России, хотя не поддерживал идей объединения с болгарскими коммунистами. Весной 1921 г. в Болгарии началась аграрная реформа, в ходе которой был установлен земельный максимум крестьянской собственности (до 30 га), установлены льготные кредиты для деревни и другие мероприятия по поддержке сельского хозяйства.

в Тырнове находились Сергиевское артиллерийское училище, Гимнастическая школа, госпиталь и некоторые хозяйственные управления.

Задержавшись в Софии, командир корпуса приехал в Тырново уже после прибытия туда штаба. На вокзале ему была устроена парадная (уставная) встреча и, таким образом, город немедленно узнал, что прибыл старший русский начальник. Потом, когда командир корпуса совместно с начальником штаба был с визитом у Тырновского митрополита, владыка говорил, что он намеревался совместно с городской администрацией быть на вокзале и встретить генерала Кутепова, но из Софии запретили так поступить.

Скоро по приезде в Тырново Александр Павлович пожелал «ближе познакомиться с населением». В обширном помещении местного кинематографа был устроен торжественный спектакль, состоявший из лучших номеров обширной галлиполийской программы. Все, что было видного или заметного в городе, присутствовало на «русском празднике». Корпусная труппа устроилась в очень приличном городском театре, и ее постановки привлекали местное болгарское общество.

На Богоявление русские войска совместно с болгарскими принимали участие в крещенском параде. Воспользовавшись случаем, командир корпуса наградил Георгиевскими крестами нескольких ветеранов Освободительной войны 1877–1878 годов.

Подобными мерами генерал Кутепов довольно быстро приобрел известность среди населения, а оппозиционные Стамболийскому группировки не преминули вступить в связь с русским командованием корпуса, в надежде использовать русских в качестве силы явно противокommунистической.

Незнакомый со своеобразными особенностями балканского характера и балканской политики, Александр Павлович стал увлекаться своей ролью, значение которой он явно преувеличивал. После Галлиполи он склонен был считать себя человеком, уже опытным в политической работе.

Во всяком случае, зима и весна проходили спокойно, и главное внимание командиром корпуса было обращено на устройство войск. Что касается войск, то они прекрасно держали свой новый экзамен: во всех частях порядок и дисциплина были на должной высоте. Всюду шли занятия по программам, разработанным начальником штаба корпуса.

В целях информации войск при штабе корпуса была создана газета «Информационный листок штаба 1-го армейского корпуса»,

печатавшаяся в местной типографии и рассылавшаяся бесплатно всем частям. Это было полезное и необходимое дело. Усердным и способным редактором оказался Борис Павлович Кутепов.

Одновременно начальником штаба было осуществлена его давнишняя мечта: организовано печатание уставов и иных руководств, отсутствие которых крайне осложняло вопросы обучения. Таким образом, 1-й корпус в Болгарии продолжал показывать свои творческие способности.

Спокойный, что вся текущая работа по устройству и развитию корпусной жизни находится в твердых руках начальника штаба, генерал Кутепов обратил свое преимущественное внимание на инспектирование войск. Он постоянно объезжал войска, знакомясь с новыми условиями их жизни.

Во время таких поездок начальнику штаба предоставлялось право не только отдавать распоряжения именем командира корпуса, но и выпускать приказы по корпусу. По возвращении из поездок Александр Павлович подписывал уже выпущенные приказы. Войскам же приказы разъяснялись, конечно, за подписью генерала Кутепова.

К весне, когда войска уже устроились, командир корпуса и начальник штаба получили возможность некоторого отдыха. У Александра Павловича появилось свободное время, и в его занятиях возникли новые интересы. Начальник штаба нередко заставал его увлеченным писанием писем. В связи с усиливавшейся известностью Александра Павловича заметно возростала и его личная переписка. Ему писали как новые знакомые, так и те, кто желали с ним познакомиться. Им начинали интересоваться и Великий князь Николай Николаевич, и Великий князь Кирилл Владимирович.

Однажды, когда генерал Штейфон зашел в кабинет командира корпуса, чтобы поговорить и покурить, Александр Павлович сидел нервный, красный.

– Вы, кажется, в расстройстве чувств?

– А вот получил сегодня письмо от Великого князя Кирилла Владимировича и решил ответить ему резко, что не признаю его прав на Престол*.

* Прежде опубликования акта о «блюстителстве Российского Престола» от 26 июля 1922 г. в газете «Темпс» (9 августа) появилась заметка, в которой говорилось о принятом Великим князем решении и о том, что «он обращается к благородным стремлениям великого народа, раздавленного чудовищным рабством». Он ждет, что «мощный голос этого народа нашел бы

- Зачем же резко?
- Обязательно резко! Чтобы не заблуждался!
- Конечно, это Ваше дело, но лично я не взял бы на себя смелость обсуждать вопросы Престолонаследия...

Александр Павлович был озадачен.

Этот и другие факты убеждали, что сознательно и бессознательно генерал Кутепов втягивается в область новых интересов.

Впрочем, новые увлечения скоро были заглушены все более и более осложняющейся обстановкой в Болгарии. Правительство Стамболийского быстро эволюционировало в сторону большевизма. Такая перемена не замедлила сказаться в отношениях к русским войскам. Стали поступать доклады войсковых начальников об арестах отдельных офицеров. Из Софии приходили секретные предостережения от русских представителей о намерении правительства нарушить статут и значительно ограничить права армии как таковой. В ряде городов наиболее радикально настроенные околийские (уездные) начальники требовали, чтобы русские войска не производили строевых занятий и не выходили с оружием.

В ответ на это командир корпуса давал указания избегать конфликтов и исполнять требования болгарской администрации. Да-

отражение в решениях Земского собора, и чтобы просветленная Европа с радостью ожидала воскресения России». В самом же акте отмечалось, что «до того времени, когда Изволением Господним и на счастье возрожденной Родины нашей Законный Государь возьмет нас под благостную десницу Свою, Русские люди не могут оставаться более без Возглавителя... Посему и за отсутствием сведений о спасении Великого князя Михаила Александровича, Я, как Старший, в порядке Престолонаследия, Член Императорского Дома, считаю своим долгом взять на себя возглавление Русских освободительных усилий в качестве Блюстителя Государева Престола...» Манифест вызвал серьезные разногласия среди монархических групп, особенно среди тех, кто в качестве Блюстителя выдвигал Великого князя Николая Николаевича. Великий князь Кирилл Владимирович, будучи прямым потомком Императора Александра II (линия потомков Императора Александра III оборвалась после гибели Царской Семьи Императора Николая II), имел права на Престол согласно Закону о Престолонаследии, утвержденному Императором Павлом I. Странники Великого князя («легитимисты», «кирилловцы»), считали, что его права на Престол бесспорны. При этом сам Кирилл Владимирович считал необходимым признать Николая Николаевича в качестве Верховного главнокомандующего, при сохранении действовавшего генералитета Русской армии. Позднее, 31 августа 1924 г. Великий князь официально провозгласил себя Главой Императорского Дома.

бы события не застали корпус врасплох, генерал Кутепов собрал в Тырнове всех начальников с целью предупредить о возможности новых репрессий и дать свои указания.

Еще до съезда начальников командир корпуса пришел к заключению, что в случае, если болгарское правительство предъявит требования, какие могут угрожать существованию корпуса как военному организму, то останется один выход – вооруженное выступление.

В случае вооруженного противодействия русским войскам такой план имел все шансы на успех: согласно мирному договору, Болгария могла иметь только семитысячную армию. Запасы оружия и вообще военного имущества были крайне ограничены. За выполнением этих постановлений следили союзные контрольные комиссии. Правда, Болгария имела войска в скрытом виде, под названием трудовых дружин, и располагала некоторым количеством спрятанного от контроля оружия. В общем, болгарские военные силы (явные и тайные) не представлялись силой серьезной. К тому же, ввиду своего тяжелого международного положения, болгары не рискнули бы выявить свои скрытые кадры и запасы*.

Имелись указания, что многочисленные противники Стамбульского охотно поддерживают русское выступление, ибо оно давало им возможность свалить земледельческую партию и взять власть в свои руки. Таким образом, общая обстановка вполне благоприятствовала намеченному плану. Что касается его военного исполнения, то таковое не представляло трудности: болгарские гарнизоны были лишь вкраплены в массу русских войск. Разоружить их внезапным нападением являлось делом легко исполнимым.

После выступления предполагалось объявить, что русское выступление преследует единственную цель – охраны статута, и что русские войска отнюдь не намерены вмешиваться во внутренние

* Согласно подписанному в предместье Париже Нейи мирному договору (27 ноября 1919 г.), Болгарии запрещалось иметь вооруженные силы, превышающие 20 тысяч человек. Пребывание вооруженных формирований Русской армии на территории Болгарии считалось фактором нарушения условий договора. Уже 17 февраля 1922 г. начальник гарнизона Софии полковник Личев отдал приказ, которым запрещалось ношение оружия всем чинам Русской армии, предписывалась его передача в цейхгаузы болгарской армии. Это предложение мотивировалось стремлением «избежать каких-либо оснований для вмешательства со стороны находящихся здесь военных представителей Антанты».

болгарские дела. Было ясно, что в случае успеха выступления правительство Стамболийского неминуемо падет, а приход к власти умеренных элементов упрочил бы положение русских войск.

Собранным начальникам были даны соответствующие инструкции, и было условлено, что по получении телеграммы от командира корпуса войска одновременно приступают к выполнению данной директивы. В плане открытого выступления все было ясно и понятно, за исключением весьма важного и, несомненно, центрального вопроса – как отнесется Главнокомандующий к плану командира корпуса?

Русское вооруженное выступление в Болгарии явилось бы европейским скандалом и могло бы повлечь за собой серьезные последствия. Естественно, что без санкции Главнокомандующего генерал Кутепов не мог решиться на подобное предприятие.

К тому же его сдерживал и начальник штаба. Генералу Штейфону представлялось, что выступление в Болгарии могло быть опасным для дальнейших судеб белой армии. И хотя было очевидно, что европейская политика переживала период явной волевой слабости, все же необходимо было учитывать, что и «слабые» репрессии Европы могут быть губительными для русских войск.

Для сохранения статуса корпус мог прибегнуть и к иным, более умеренным, чем вооруженное выступление, демонстрациям. Во всяком случае, политические комбинации командира корпуса или начальника штаба носили все следы провинциализма, ибо, проживая в Тырново и не обладая никакой политической ориентировкой, они в основу того или иного плана клали только свои личные догадки. При решении столь важного вопроса требовалась более солидная и авторитетная компетенция, и таковой могла быть только компетенция Главнокомандующего.

Решение командира корпуса и намеченный план были сообщены в Софию и при содействии тамошних российских представителей переправлены генералу Врангелю. К этому времени русские были стеснены в свободе передвижения, русская корреспонденция подвергалась перлюстрации, на железных дорогах совершались обыски русских и проч. Поэтому связь штаба корпуса с Главнокомандующим была очень сложна.

Коммунисты нагнали с каждым днем, и правительство явно шло у них на поводу. Военным министром в кабинете Стамболийского был полковник Тополужников, воспитанник русской Академии Генерального штаба и типичный балканец. Он заверял генерала Штей-

фона и генерала Вязьмитинова* – представителей генерала Врангеля в Софии – в своих русофильских чувствах, а фактически энергично и старательно выполнял политику земледельческой партии.

С одобрения Стамболийского в Софии был создан большевистский «Союз возвращения на Родину». Благодаря средствам союза широко развил свою деятельность, играя на чувствах тоски по Родине. Агитация имела известный успех среди беженцев, а отчасти и среди рядовых казаков. В галлиполийских частях агитация встречала сильное противодействие, и ее воздействие проявилось только осенью. В общем, корпус стойко выдерживал все натиски и тем доказал всю силу галлиполийского закала.

Испытания, каким подвергался 1-й армейский корпус в Болгарии, вновь всколыхнули национально настроенную русскую эмиграцию, и генерал Кутепов вновь привлекал к себе общее внимание. Недели две спустя после отправления Главнокомандующему секретного доклада о плане вооруженного выступления в штаб корпуса неожиданно прибыл епископ Вениамин, исполнявший обязанности протопресвитера армии.

Командир корпуса и начальник штаба встретили владыку и после первых приветствий перешли в кабинет командира корпуса. Епископ Вениамин сообщил, что он привез генералу Кутепову секретное приказание Главнокомандующего, но добавил: «Тут у вас в Болгарии очень беспокойно и, опасаясь обыска, я уничтожил пакет, который вез. Память у меня хорошая и я, прежде чем сжечь пакет, выучил его содержание. Генерал Врангель разрешил мне так поступить».

Память владыки оказалась действительно хорошей, и он рассказал содержание приказания. Главнокомандующий одобрял план командира корпуса, но только как крайнюю меру. Указывалось, что в случае нужды войска могут перейти походным порядком в Югославию, и что такой переход не встретит, по-видимому, препятст-

* **Вязьмитинов Василий Ефимович** (1874–1929). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну – командир 6-го Сибирского армейского корпуса. В Добровольческой армии с 1918 г. – в должности начальника отделения штаба. С октября 1918 г. – начальник части Генерального штаба Военного и Морского отделов ВСЮР; с января 1919 г. – начальник Военного управления ВСЮР, военный и морской министр Правительства Юга России (1920 г.). В 1920 г. в Русской армии – начальник Военного управления до эвакуации Крыма. В 1921 г. – военный представитель Русской армии в Болгарии. С 1923 г. жил в Югославии, возглавлял комиссию по делам русских беженцев. Активный деятель РОВСа. Умер в Белграде.

вий. Пашич* уже поставлен в известность о возможности исхода русских войск из Болгарии, и возражений с его стороны не было. По словам архиепископа Вениамина, у генерала Врангеля создалось впечатление, что в случае выступления корпуса сербы используют случай и займут Западную Болгарию, а румыны – северную. Главнокомандующий желал, чтобы в случае выступления его уведомили заблаговременно, дабы он имел время содействовать такому выступлению. Другими словами – чтобы своевременно предупредить Пашича. Таким образом, санкция Главнокомандующего имелась, и оставалось хладнокровно выждать развертывания событий.

Обстановка между тем усложнялась с каждым днем. Болгары потребовали сдачи всего русского оружия. Это был удобный случай приступить к выполнению плана, ибо требование болгар в корне нарушало статут. Но командир корпуса пошел на компромисс: приказал выдать болгарам негодное оружие, а исправное – спрятать в надежные места. В результате болгары произвели в Тырнове обыск в некоторых штабных командах и конфисковали обнаруженное оружие.

Проявленная командиром корпуса слабость повлекла новые ультимативные требования болгар: была воспрещена деятельность русских судов и потребовано обследование лиц, отбывающих наказание по приговорам этих судов. И эти требования были исполнены! При этом произошел интересный случай, рисующий моральный уровень войск: за месяц перед тем два солдата конвоя командира корпуса забрались в крестьянский дом и унесли два окорока и прочую снедь. Их быстро нашли и предали корпусному суду, который приговорил их к каторжным работам, как за вооруженный грабеж. Все ими взятое было в целости возвращено потерпевшим.

По состоявшемуся еще ранее соглашению русские власти получили право передавать в болгарские места заключений для отбы-

* **Пашич Никола (Николай Петрович)** (1845–1926). Югославский политический деятель, лидер сербской радикальной партии, в 1891–1918 гг. министр иностранных дел и премьер-министр Сербии (в 1891–1892, 1904–1911 и в 1913–1918 гг.). Возглавлял сербскую правительственную делегацию во время работы Парижской мирной конференции в 1919–1920 гг. В 1921–1926 гг. занимал должность премьер-министра и министра иностранных дел Королевства сербов, хорватов и словенцев (с перерывом в 1924, 1925 гг.). Выступал за активное сотрудничество с Антантой, поддерживал идею помощи белым правительствам в России.

тия наказаний тех лиц, кои были приговариваемы к долгосрочному заключению, а следовательно, и к лишению воинского звания. Ввиду такого порядка виновные конвойцы и были отправлены в Тырновскую тюрьму.

Согласно распоряжению об освобождении арестантов (таковых в корпусе было четыре человека и все уголовные) были освобождены и конвойцы. С должным разъяснением: «Ваше начальство теперь не имеет над вами власти. Никаких начальников больше нет, и вы свободны». Прием явно большевистский! Тем более что конвойцы отбывали наказание за преступление, совершенное против болгарских подданных.

Выйдя из тюрьмы, арестанты пришли к начальнику конвоя, рассказали о своем освобождении и заявили, что добровольно желают отбыть свое наказание, так как понимают, что своим поведением опозорили себя. Их содержали на дисциплинарной гауптвахте, а затем, по ходатайству командира корпуса, они были помилованы Главкомандующим.

Болгарская администрация узнав, что освобожденные из Тырновской тюрьмы содержатся на гауптвахте, командировала жандармского офицера с требованием «освободить заключенных». И жандарм был очень удивлен, когда бывшие конвойцы объяснили ему:

– Добровольно желаем отбыть наказание!

Этот случай вызвал в городе сенсацию: говорили о «русской душе», вспоминали Достоевского.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Усиливающиеся репрессии очень беспокоили командира корпуса. Он понимал, что система уступок лишь поощряет дальнейший натиск. И упускал удобный случай.

Необходимо было считаться с тем, что успех выступления обусловливается не только военным исполнением. Необходимо было выбрать и соответствующую психологическую обстановку, чтобы создать благоприятное отношение к факту русского выступления. Когда в Тырнове был подло, из засады убит болгарскими коммунистами юнкер Сергиевского артиллерийского училища, это был очень удачный предлог для выступления. Болгарское общественное мнение не скрывало своего осуждения этого убийства. В министерстве были смущены. Иностранные дипломатические предста-

вители в Софии, осведомленные об убийстве мальчика-юнкера, высказывали свое возмущение*.

При подобных настроениях вооруженное выступление получало бы свою логическую обоснованность. К сожалению, генерал Кутепов не нашел в себе решимости и ограничился демонстрацией: устроил погибшему юнкеру парадные похороны.

Необъяснимые колебания владела Александром Павловичем. Он нервничал, хмурился и сам себя подбадривал: «Если так будет продолжаться, необходимо будет выступить!»

К этому времени уже произошла встреча Стамболийского и Чичерина** на Генуэзской конференции, и те настроения, какие проявились на этой конференции, давали все основания предполагать, что болгарский натиск на русские войска будет продолжаться с новой силой.

* Осложнившаяся в 1922–1923 гг. в Болгарии ситуация разрешилась вооруженным выступлением конспиративной военно-политической организации «Народный Сговор», объединявшей блок правых партий во главе с А. Грековым и А. Цанковым, а также «Союза офицеров» и «Военной лиги», имевшей контакты с царем Борисом III в ночь с 8 на 9 июня 1923 г. В результате свершившегося переворота было арестовано правительство социал-демократического «Земледельческого Союза». Болгарская армия поддержала выступление. Премьер-министр А. Стамболийский был убит, и к власти пришли болгарские консерваторы во главе с А. Цанковым. Представитель Русской армии в Болгарии генерал И. А. Ронжин направил докладную записку военному министру, в которой приветствовал «новую власть, являющуюся символом законности и порядка».

** На Генуэзской конференции в Генуе 10 апреля 1921 г. советская делегация, возглавляемая народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериным, выступила с программой, содержащей призыв к правительствам Европы о сокращении вооружений и возможности «параллельного существования старого и нарождающегося нового строя», «экономического сотрудничества между государствами, представляющими две системы собственности». На вопрос об отношении к старым долгам Чичерин, от лица советского правительства, заявлял о готовности их признания лишь в том случае, если страны Антанты компенсируют убытки, понесенные Советской Россией во время интервенции и Гражданской войны (около 40 млрд рублей золотом). При невозможности восстановления прав собственности бывших владельцев Чичерин заявлял о перспективах введения концессий для иностранных инвесторов в рамках нэпа. Но данные предложения были отклонены представителями стран Антанты. Предложения советской делегации о всеобщем сокращении вооружений также не вызвали поддержки у иностранных участников. Тем не менее, во время работы конференции

Весьма правдоподобно предположение, что одну из причин колебания Александра Павловича в вопросе выступления надо искать в том давлении, какое оказывал на него генерал Шатилов, находившийся в Софии и бывший противником выступления. Человек быстрого и гибкого ума, Шатилов периодически бывал склонным к скептицизму и не всегда умел верно разгадать обстановку. Во всяком случае, если Александр Павлович решился бы осуществить свой план, то Шатилов не мог бы удержать его.

Генералу Штейфону, который знал своего начальника как никто его не знал, казалось, что волевые слабости командира корпуса объясняются создавшимися в то время внутренними противоречиями самого Александра Павловича: оставаясь первым мужественным генералом, он, отравленный ядом общественных похвал, уже дорожил своей популярностью. Он не хотел ею рисковать в случае неуспеха. И подобное опасение было им однажды высказано:

– Разделяет меня наша общественность, если выступление со-
рвется.

До Галлиполи подобные мысли не могли бы его смущать, хотя бы потому, что просто не пришли бы ему на ум, а в Болгарии они его беспокоили.

События, однако, развивались своим порядком, и, как часто бывает с людьми колеблющимися, генерал Кутепов внезапно оказался уже во власти событий.

В силу мер предосторожности командир корпуса обычно не посещал в Тырнове болгарских властей и в потребных случаях командировал для переговоров начальника штаба.

11 мая, около 11 часов утра, в штаб корпуса пришел болгарский офицер и сообщил, что начальник гарнизона просит к себе командира корпуса по спешному и важному делу. Командир корпуса ответил, что сейчас командирует начальника штаба, но офицер вновь повторил, что необходимо личное присутствие Александра Павло-

Советской Россией был достигнут и ряд дипломатических успехов. Министр иностранных дел Германии В. Ратенау выступал за восстановление торгово-промышленных контактов Германии с Советской Россией. Был подписан Советско-германский договор, обеспечивавший легализацию экономических и политических контактов. Встречи Чичерина с представителями болгарских социал-демократов также способствовали, в перспективе, расширению межгосударственных контактов и косвенно угрожали существованию на территории Болгарии частей Русской армии.

вича. Ожидая от болгар всякой каверзы, генерал Кутепов был в нерешительности.

– Что желает сообщить мне начальник гарнизона?

– Он имел сейчас разговор с военным министром по телефону и должен передать Вам этот разговор.

На дальнейший вопрос Александра Павловича «гарантируется ли ему безопасность, если он пойдет к начальнику гарнизона», офицер заверил, что «начальник гарнизона задержит Вас, господин генерал, не больше, как пять минут.

Командир корпуса дал свое согласие, и офицер удалился.

Александр Павлович был взволнован и приказал начальнику штаба:

– Я пойду, но не уверен, что начальник гарнизона не выкинет какого-нибудь фортеля. Пожалуйста, передайте сейчас же приказание Сергиевцам (Сергиевское училище помещалось в одном здании со штабом корпуса), чтобы они немедленно достали винтовки (оружие было скрыто от болгар) и приготовились. Если через 20 минут я не выйду от начальника гарнизона (начальник гарнизона помещался в 200 шагах от штаба корпуса), то берите Сергиевцев и идите меня выручать. Действуйте тогда быстро и решительно.

– Слушаю. Не беспокойтесь. Если Вас болгары задержат, то через 22 минуты мы ворвемся к начальнику гарнизона.

Здания, в которых располагались Сергиевцы и болгары, были одного и того же казарменного типа, с выходами на передний и задний фасады. Немедленно оба выхода из помещения начальника гарнизона были взяты под наблюдение, а училищу было приказано по команде генерала Штейфона броситься побатарейно к каждому выходу, ворвавшись в помещение болгар, захватывать оружие. Одновременно десять юнкеров с генералом Штейфоном бегут на второй этаж, где находится канцелярия начальника гарнизона, и освобождают командира корпуса.

Через десять минут Сергиевцы были готовы и стояли с винтовками у выходов, ожидая приказа. Училище замерло, как тигр перед прыжком...

Начальник штаба стоял у окна с часами в руках и курил.

Через 15 минут влетел запыхавшийся наблюдатель:

– Ваше Превосходительство, идет командир корпуса!

– Один?

– Так точно, один!

Через две минуты генерал Кутепов уже здоровался с юнкерами, и слышались его приказания:

– Распустить училище и заниматься своим делом.

Александр Павлович рассказал начальнику штаба, что начальник гарнизона передал ему желание военного министра поговорить сегодня в час дня по телефону. Связь с Софией имел только аппарат полицейского начальника, куда и надо было пойти к указанному времени генералу Кутепову. Военный министр высказал командиру корпуса свое огорчение по поводу участвовавших недоразумений и выразил уверенность, что если Александр Павлович приехал бы в Софию, то встретившись, они оба, конечно, сумели бы сговориться к обоюдному удовольствию. Полковник Тополужников добавил, что сейчас у него находится генерал Шатилов, который тоже считает личную встречу наиболее полезной. Генерал Кутепов признал весьма желательной такую встречу, но потребовал от военного министра гарантии, что против него не будут приняты какие-либо насильственные меры и он снова вернется в Тырново. Тополужников решительно заверил в полной неприкосновенности Александра Павловича.

В общем, командир корпуса был доволен как телефонным разговором с военным министром, так и предстоящим свиданием. Сообщая все эти подробности генералу Штейфону, Александр Павлович добавил:

– Только не совсем мне понравилось настояние Тополужникова, чтобы меня сопровождал болгарский офицер.

– Не кажется ли Вам, Ваше Превосходительство, что такой спутник дается Вам в качестве конвоира? Это мне не по душе!

– И мне не по душе, но не стоило спорить ради такой мелочи. Мне же будет удобнее – никто не будет беспокоить в пути.

Уже выходя из дома на вокзал, он поделился с начальником штаба своими сомнениями:

– А что, если меня задержат в Софии?

Вместе с командиром корпуса ехал и его адъютант, которому генерал Штейфон приказал прислать условную телеграмму, если с генералом Кутеповым не все будет благополучно. Своим заместителем командир корпуса оставил генерала Штейфона.

На другой день, около часа дня, из управления полицейского начальника сообщили, что из Софии вызывают начальника штаба. Прибыв в участок и взяв трубку, генерал Штейфон узнал голос генерала Кутепова:

– Это Вы, Борис Александрович? Узнаете меня?

– Узнаю. Что прикажете?

– Пожалуйста, передайте Лидии Давыдовне, чтобы она собрала все главные вещи и сегодня же выехала в Софию. Понимаете меня?

– Я Вас слышу, но не понимаю, в чем дело.

– Я не могу говорить более подробно. Передайте Владимиру Константиновичу (Витковскому), чтобы он приехал в Тырново с вещами. Он может занять мою дачу. Понимаете?

– Должен ли я Вас понять, что Вы сюда больше не вернетесь? Вы задержаны?

– Да! Я не могу говорить более подробно. Пусть Лидия Давыдовна берет все белье и костюмы. До свидания!

В тот же день была получена телеграмма от адъютанта командира корпуса, условно сообщавшая о неблагополучии. Лидия Давыдовна, крайне удрученная, выехала в тот же день в Софию.

14 мая прибыл генерал Витковский и вступил в командование корпусом. До 16 мая судьба командира корпуса оставалась неизвестной в Тырново. 16-го вернулся адъютант и привез начальнику штаба два письма – от генерала Кутепова и от генерала Шатилова.

Первое гласило:

«София. 14 мая 1922 года. Дорогой Борис Александрович, вероятно, завтра вечером меня отправят в Венгрию. Судя по общей обстановке, необходимо всем иметь побольше выдержки и обдуманности во всех поступках. Французы, сербы и другие очень обеспокоены возможностью столкновения между русскими и болгарами. Вчера мне было смешно слышать, как болгарские власти рассказывали о решении старших начальников в Тырново оккупировать часть Болгарии. Вообще здесь масса всяких вздорных сведений.

Необходимо в ближайшие дни подготовить половину юнкеров к производству. Назначить всюду медицинские комиссии для выяснения людей, не способных к физическому труду; составить подробные списки женщин и детей. При первой возможности – отправьте всех константиновцев прямо в Сербию.

Здесь в Болгарии, вероятно, будут в отношении большевиков держаться немецкой тактики, поэтому особенно им головы поднять не разрешат.

Надеюсь, что это письмо дойдет до Вас. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Владимиру Константиновичу и всему штабу. Моему брату вышлю визу при первой же возможности.

Ваш А. Кутенов»

Шатилов писал несколько иначе:

«Болгары арестовали Александра Павловича и меня и высылают из Болгарии. Так как сербские визы не получены, то нас предполагают кружным путем отправить на Салоники. Настоятельно рекомендую – полное спокойствие. Всякое выступление лишь ухудшит общее положение. Об этом сообщаю Главнокомандующему. Крепко жму руку.

14-V-22 г.

София

Ваш П. Шатилов»

Письмо генерала Кутепова было немного «зашифровано». Во всяком случае, оно требовало спокойствия и не благословляло на какие-либо выступления. То же самое, но гораздо более определенно, писал Шатилов, находившийся на связи с Александром Павловичем.

Второй частью своего письма Александр Павлович определенно подтверждал совет Шатилова, ибо вторая часть касалась таких хозяйственных вопросов, какие вызывались решением Главнокомандующего отпустить часть корпуса на работы. Ощутимое уменьшение средств главного командования требовало перехода к самокупаемости.

Адъютант, привезший письма, доложил, что по прибытии генерала Кутепова в военное министерство он был там задержан, а затем ему сообщили, что по решению правительства он должен покинуть Болгарию. Александру Павловичу предоставили вполне приличное помещение в Grand Hotel du Bulgarie, где относились к нему с полным вниманием, но просили не покидать гостиницу без болгарского офицера.

Высылкой закончился болгарский период деятельности генерала Кутепова. Подводя итоги этой деятельности, мы явно наблюдаем усиление процесса того внутреннего раздвоения его личности, какой начался еще в Галлиполи и какой оказывал значительное влияние на деформирование его духовного облика.

Варненские овации, подкрепленные воспоминаниями о прежних цветистых словах, были несомненным злом, ибо пробудили в Александре Павловиче осознание своей популярности. Это осознание незримо, медленно, но неотступно подтачивало его прежнюю, столь ярко выраженную индивидуальность. В Болгарии Александр Павлович уже не прежний только строевой генерал, его привлекает политика, и он постепенно отравляется ее ядом.

Вся первая половина пребывания в Тырнове характеризуется тяготением к парадности и парадированию, к праздникам и к речам. Та склонность, какая так сильно проявлялась в Париже и какая ничего не дала, кроме вредной шумихи. Военные церемонии чередовались с гимнастическими праздниками, концерты с парадными спектаклями или танцевальными вечерами. Обезеды войск еще более способствовали усилению суетности, ибо фактически превращались в шумные встречи, приемы, проводы. Причем всякая часть, зная, что это приятно командующему, стремилась принять его возможно лучше и параднее.

В итоге популярность генерала Кутепова и среди войск, и среди русской эмиграции, довольно многочисленной в Болгарии, усиливалась. Факт, который необходимо отметить, так как общественные успехи Александра Павловича, несомненно, усиливали тайную ревность Врангеля.

Политическая деятельность Александра Павловича в Болгарии, как известно, не имела успеха. Причина неудачи его политических замыслов (вооруженное выступление) объясняется, главным образом, тем внутренним раздвоением личности, о которой уже говорилось, и что оказывало разлагающее влияние на его волю. Вместе с тем стал тускнеть и ценный, редкий дар Александра Павловича: его былое умение угадывать границы своих возможностей. Прекрасный, волевой генерал, лучший строевой начальник в армии, созданный для деятельности исключительно строевой и боевой, постепенно подменялся общественно-политическим дилетантом.

Весьма показательным фактом, дающим оценку его политическим прогнозам, служит тот взгляд на политику Стамболийского, какой он высказал в письме начальнику штаба от 14 мая: «Здесь в Болгарии, вероятно, будут по отношению к большевикам держаться немецкой тактики, поэтому особенно им головы поднимать не разрешат». Взгляд, не имевший ничего общего с правыми (тырновскими) взглядами Александра Павловича и, конечно, приобретенный только в Софии.

При исследовании галлиполийского периода уже указывалась черта генерала Кутепова, черта, несомненно, сыгравшая роковую роль в его гибели: проникаться явно вздорными доводами случайных собеседников. И для генерала Штейфона не было сомнений, что мысль о «немецкой тактике» болгар внушил ему военный министр. Искренне или нет уверял его в такой тактике Тополужников, не имеет значения. Примечательно, что сам Александр Павло-

вич повторял подобные несуразности. Впоследствии, когда режим Стамболийского усвоил все черты большевистского режима и Болгария пережила гражданскую войну, Александр Павлович признал, что ошибся: «Это меня ввели в заблуждение!»

В общем, надо признать, что с отъездом из Болгарии закончился длительный период жизни Александра Павловича, в котором наиболее полно выявилось его истинное призвание, период, дававший ему наибольшее внутреннее удовлетворение. В дальнейшем генерала Кутепова ожидало расширение его роли, служебные повышения, те или иные, но чисто внешние успехи. Однако уже не было прежней духовной ясности, ибо не было былой цельности характера и воли.

Дабы психологически были понятны последующие настроения Александра Павловича, необходимо хотя бы вкратце изложить течение дальнейших событий в Болгарии, потому что новые настроения генерала Кутепова формировали именно эти события.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Переезд Александра Павловича из Болгарии в Сербию был сопряжен для него со многими неприятными переживаниями: сербы задерживали выдачу виз, и приходилось проживать в Греции в положении, достаточно неопределенном.

Русский Белград встретил генерала Кутепова как творца Галлиполи, к тому же только что пострадавшего за отстаивание национальных идеалов. Главнокомандующий тоже выказывал подчеркнутое внимание, но за внешней любезностью уже не чувствовалось былой искренности. Ни тот, ни другой не забыли злосчастного приказа о расформировании корпуса. К тому же генерал Врангель понимал, что право-общественные круги, в противовес ему, настойчиво выдвигают Александра Павловича как неоспоримого монархиста. Врангель не умел относиться спокойно к любым явлениям, угрожавшим его авторитету. В данном случае Александр Павлович представлялся ему «явлением», если и не угрожающим, то, во всяком случае, подозрительным, а потому и вызывал тайную настороженность Врангеля.

Генерал Кутепов угадывал истинное отношение к нему Главнокомандующего, что его нервировало и побуждало не всегда верно и справедливо расценивать свои слова и поступки генерала Врангеля и его штаба. Особенно нервно воспринял командир корпуса решение Главнокомандующего отпустить значительную часть чинов

корпуса на работы. Подобная мера диктовалась как оскудением казны, так и предвидением генерала Врангеля, что изгнание затянется, а следовательно, армии необходимо дать иное устройство. Теперь ясно, каким даром предвидения обладал Врангель, и как мудро было его решение. Историческая справедливость требует признать, что ни начальники, ни войска не понимали тогда своего Главнокомандующего. Не понимал его и генерал Кутепов.

В это время обстановка в Болгарии была такова: арест и высылка командира корпуса создали в войсках чрезвычайно нервное настроение. По-видимому, понимая, что подобное настроение может быть опасным, болгары временно отказались от дальнейших резких мер. Взамен они, по примеру французов, перешли к системе материальных затруднений.

Большевистская зараза, усиленно прививаемая своей стране Стамболийским, еще более осложняла жизнь войска. Русское имя носилось, на отдельных чинах совершались нападения. Подобное отношение почувствовалось особенно остро, когда согласно приказу Главнокомандующего люди были отпущены на работы. Во многих местах, и преимущественно в селах, «врангелевцев» не принимали на работы, не желали продавать им хлеб и иные продукты. Были случаи, когда бабы отгоняли русских от колодцев, не разрешая даже напиться воды в жаркий день. При таких условиях отпуск чинов на работы представлялся мерой вредной, и в таком осуждении были солидарны все начальники.

Дабы понять начальников, надо вспомнить, что в течение полутора лет главное командование неизбежно внушало мысль о необходимости сохранения корпуса как военно-организованной силы, способной на возобновление вооруженной борьбы с большевиками. В подобном направлении войска воспитывались и обучались!

Понимая, что денежные возможности Главнокомандующего изменились, с чем, конечно, и надлежало считаться, генерал Штейфон писал в Сербию командиру корпуса: «Невозможно совмещать несовместимое – боееспособность корпуса и отпуск на работы. Если мы не имеем возможности в силу тех или иных причин содержать войска казарменным порядком, то надо иметь мужество и признать, что мы прекращаем свое существование как организованная и боееспособная часть».

В дальнейшем изложении будет видно, что генерал Кутепов смотрел на создавшееся положение точно так, как и его начальник штаба. Со стороны представляется непонятным, почему генерал

Кутепов, обладавший в полной мере здравым смыслом, не воспринимал доводов Главнокомандующего в вопросах увольнения людей на работы? По-видимому, в данном случае имело место недоверие Александра Павловича к Врангелю. Несомненно, что Главнокомандующий подробно разъяснял командиру корпуса свои возможности и свои планы, но Кутепов не поверил таким разъяснениям. К тому же отказ от сохранения боеспособности войск знаменовал крушение надежды на скорое возобновление вооруженной борьбы с большевиками. А такое крушение надежд переживалось всеми, как глубокая душевная драма.

Тяжелое самочувствие Александра Павловича еще больше ухудшилось в связи с болезнью начальника штаба. В середине июня генерал Штейфон серьезно заболел, и консилиум врачей признал необходимым спешно перевезти его в шипкинский госпиталь. Заболевший начальник штаба, хотя и оставался среди войск, но, конечно, уже не мог оказывать прежнего воздействия на ход войсковой жизни.

После высылки из Болгарии генерала Кутепова и генерала Шатилова Главнокомандующий признал необходимым командировать в Софию в качестве своего представителя генерала Миллера*. По прибытии в Софию Миллер узнал, что болгарскими властями предпринята высылка и генерала Штейфона и что только внезапная и тяжелая болезнь задерживает осуществление такого решения.

В итоге командир корпуса и начальник штаба «выбыли из строя», и предположительно можно было ожидать, что их отсутствие затянется на продолжительный срок. Принимая во внимание лич-

* **Миллер Евгений Карлович** (1867–1939). Генерал-лейтенант. С начала Первой мировой войны занимал должность начальника штаба 5-й армии, позднее представитель Ставки Верховного главнокомандующего в Италии. С началом Гражданской войны в 1918 г. в Архангельске, член Временного правительства Северной области; с января 1919 г. – генерал-губернатор Северной области; в мае – Главнокомандующий войсками Северной области; с сентября – главный начальник Северного края. С февраля 1920 г. в эмиграции, сперва в Норвегии, затем в Париже. Главноуполномоченный генерала П. Н. Врангеля во Франции. С марта 1922 г. – начальник штаба Русской армии; с ноября 1922 г. – помощник Главнокомандующего Русской армии генерала Врангеля. В 1924 г. – начальник 1-го отдела Русского общевойскового союза. С апреля 1928 г. – помощник председателя, а с января 1930 г. – председатель РОВС. 22 сентября 1937 г. похищен агентами НКВД в Париже, вывезен в СССР. 11 мая 1939 г. расстрелян в Лефортовской тюрьме.

ную и служебную близость обоих генералов, будет понятно, почему Александр Павлович душевно тянулся к своему помощнику. В своем белградском одиночестве, переживая, как ему казалось, крушение наиболее дорогих своих надежд, он мог изливать свои переживания только в письмах к генералу Штейфону. Когда же Александр Павлович узнал, что Штейфон тоже будет выслан из Болгарии, то это обстоятельство еще больше сблизило его с начальником штаба.

Помещенные ниже письма, относящиеся к тому периоду, наглядно выявляют настроения Александра Павловича.

Письмо от 19 июля 1922 года, г. Белград.

«Дорогой Борис Александрович, Лидия Давыдовна и я просим принять Вас наше сердечное поздравление с днем Ангела. Дай Бог Вам побольше здоровья и всяких благополучий в дальнейшем.

Давно не получал от Вас писем, но знаю от корниловцев и других, что Вы поправляетесь и скоро собираетесь возвращаться в Тырново. Вы, конечно, уже ознакомились со всеми последними распоряжениями (переход войск на самосодержание. – *Б. III.*). Все это было вызвано очень многими обстоятельствами, которые при свидании расскажу. Все наши с Вами взгляды устарели и, говорят, теперь не применимы.

Живу за городом вдали от всех и всего (подчеркнуто в оригинале. – *Б. III.*). У П. Н. (Врангеля. – *Б. III.*) бываю довольно редко; вообще мое положение здесь “с мундиром и пенсией”. Базирование идет главным образом на общественность, которая ни к чему не готовится, а только ждет тихой и сладкой жизни у себя на Родине, но, к сожалению, мало болеет душой за Россию. Мне кажется, что командная часть мало беспокоится о положении своих подчиненных; большинство из ушедших на работу после 1 сентября окажутся без куска хлеба и на улице. Вот тогда и начнется развал. Необходимо спешить с общественными работами. Возможно, что здесь с 1 сентября начнут строить Адриатическую железную дорогу, куда потребуется около 40 тысяч рабочих; стараются устроить туда наших, инженеры обещали.

Всегда с большим удовольствием вспоминаю нашу дружную работу. Поклон всем. Храни Вас Господь!

Ваш А. Кутенов

P.S. Отправляю письмо по почте, надеюсь, получите».

Письмо от 5 августа 1922 года, г. Белград.

«Дорогой Борис Александрович, по моим сведениям Вы должны были перебраться в Т[ырново], поэтому свое и Лидии Давыдов-

ны поздравление ко дню Вашего Ангела направил туда, теперь же узнал, что Вы остались на Шипке.

После известных Вам распоряжений, конечно, положение корпуса стало очень тяжелым; я, как и Вы, боюсь, что зима окончательно разрушит всю нашу организацию.

Сейчас все держится только надеждой на скорое возвращение на Родину. На этих днях получил от генерала Архангельского* приказ № 278, в котором П. Н. (Врангель. – *Б. Ш.*) выражает Вам благодарность за Вашу огромную работу в Галлиполи; лично я ожидал другого – производства. Мною было сделано представление (генерал Штейфон не был осведомлен о таком представлении. – *Б. Ш.*) о производстве Вас в генерал-лейтенанты, на что мне было сказано о необходимости подождать окончания “решительных” действий в Болгарии, поэтому этот приказ был для меня неожиданностью.

Очень удивлен многими распоряжениями В. К. (генерала Витковского. – *Б. Ш.*), который не находит нужным даже из приличия запросить меня. Вообще многому приходится удивляться. Представьте себе, генерал Кочкин (генерал, не занимающий никакой должности (сленг). – *Б. Ш.*) делает непосредственно доклад генералу Миллеру; о результатах Вы, вероятно, догадываетесь; поэтому мне с каждым днем становится здесь тяжелее отстаивать интересы корпуса. Жду сюда с нетерпением генерала Миллера. Вы, вероятно, представляете себе мое положение здесь гораздо лучше!?

Пишите. Лидия Давыдовна шлет Вам привет.

Ваш А. Кутенов

P.S. Пока “сидите на Шипке спокойно” и ничего не предпринимайте».

И содержание, и тон писем показывали, сколь мрачны были белградские впечатления Александра Павловича. После того положения,

* **Архангельский Алексей Петрович** (1872–1959). Генерал лейтенант. В Первую мировую войну служил в Главном штабе, с 1917 г. – начальник Главного штаба. С декабря 1917 г. на подпольной работе в Главном штабе Красной армии. Во ВСЮР с февраля 1919 г. находился на разных административных должностях. После эвакуации из Крыма – начальник отделения личного состава, начальник общего отдела и дежурный генерал штаба Русской армии; с 1926 г. – начальник штаба Главнокомандующего генерала П. Н. Врангеля. В эмиграции проживал в Бельгии. В 1938–1956 гг. – начальник РОВС, в 1949–1957 – председатель Совета Российского зарубежного воинства. Умер в Брюсселе.

какое он занимал, после того служебного авторитета, каким он пользовался, ему было нелегко признать себя «с мундиром и пенсией».

В то время Главнокомандующий уже осуществлял переход армии на новое положение, у него уже намечался план будущего Общевоинского союза. В новой схеме армейского бытия Кутепов становился лишним и даже мешающим, ибо уже не было нужды в энергичном, волевом командире корпуса. Генерал Врангель знал хорошо Александра Павловича и точно угадывал, что истинное призвание генерала Кутепова только строевая служба.

И Кутепов, и Штейфон являлись яркими выразителями идеи военизации армии, поэтому – «все наши с Вами взгляды устарели и, говорят, теперь не применимы...»

К тому же, как подчеркивалось раньше, Врангель не забыл «демонстрации» Александра Павловича и, получив возможность, подчеркивал свое к нему безразличие. Подчеркивал по-своему, т. е. умно и выжидая удобного случая для меткого удара. Недаром А. И. Деникин писал ему в феврале 1920 г.:

«Ваши письмо пришло как раз вовремя – в наиболее тяжелый момент... Вы должны быть вполне удовлетворены...»

Но меткий и наиболее чувствительный удар ожидал Александра Павловича еще впереди.

Пока же все распоряжения по Болгарии шли помимо генерала Кутепова, его явно служебно игнорировали. Отказ в производстве Штейфона – это тоже рикошетный удар по Александру Павловичу... Тем более рассчитанный, что Главнокомандующий был, вообще говоря, крайне щедрым в вопросах наград. «Опалой» генерала Кутепова была предрешена и опала начальника штаба, как рельефно выраженного «кутеповца».

В интересах истины необходимо, однако, отметить, что если стороны положение командира корпуса и его начальника штаба расценивалась именно как опала, то фактически это не вполне соответствовало действительности. Врангель, как прирожденный вождь, спокойно расставался со своими помощниками, когда в них не чувствовалось нужды. Так, например, полгода спустя он легко расстался со своим многолетним начальником штаба и близким другом П. Н. Шатиловым. В тот период Шатилов не соответствовал новым видам политики Главнокомандующего и должен был уйти.

В 1922 г. генерал Врангель, осведомленный о направлении европейской политики, угадывал, что вопрос о сохранении Русской армии как организованной силы встречает непреодолимые сопро-

тивления. Его творческая фантазия намечает новые формы зарубежным военным контингентам в виде Общевоинского союза. Он мечтает соединить в этом союзе все военные элементы и, таким образом, создать сильное ядро, вокруг которого будет группироваться национально настроенное беженство. Подобным путем, по мнению Врангеля, будет достигнута организация зарубежной России, что значительно усилит ее моральный авторитет.

В качестве законно-преемственной российской власти генерал Врангель рассматривал себя, как правомочного возглавителя русского национального дела. Естественно, что для осуществления своего плана ему были необходимы сочувствие и поддержка зарубежной общественности.

Александр Павлович, человек с мало развитой интуицией политика и общественного деятеля, не угадывал новой обстановки, а потому и признавал, что «базирование идет, главным образом, на общественность...»*

Едва ли правдоподобно предположение, что холодное отношение Главнокомандующего к командиру корпуса только «обижало» Александра Павловича. Обида, несомненно, была, но к ней добавлялось и иное чувство. Поняв свое положение – «с мундиром и пенсией», он, как человек самолюбивый, предпочел якобы добровольно отойти от белградских интересов. В итоге: «Живу за городом вдали от всех и всего. У П. Н. (Врангеля. – *Сост.*) бываю довольно редко...»

Покуда генерал Кутепов томился в Белграде, повышенно остро воспринимая свое положение, генерал Штейфон благополучно поправлялся, отдыхая в поэтической тиши Шипкинского госпиталя, где все вокруг напоминало героическую борьбу 1877–1878 гг.

В конце июля он решил выписаться и написал о своем намерении генералу Витковскому, временно командовавшему корпусом. Последний немедленно телеграфировал просьбу задержаться на Шипке,

* Создание на основе Русской армии новой структуры, хотя и не имевшей формально статуса вооруженных сил, но позволявшей не только сохранить контакты между бывшими военнослужащими белых армий (в Европе, Азии, Америке), но и, при необходимости, снова развернуться в воинские подразделения, стало главной задачей генерала П. Н. Врангеля после 1922 г. в эмиграции. Данные причины делали необходимым отказ от целого ряда строевых должностей, что и способствовало осложнению отношений со многими известными военачальниками (в том числе и с генералом А. П. Кутеповым). Именно эти причины, а отнюдь не личная неприязнь, стали одними из главных причин осложнений между генералами.

а в письме сообщал, что приезд в Тырново нежелателен и что скоро прибудет на Шипку генерал Миллер, который расскажет обо всем.

Вслед за этим было получено начальником штаба письмо от генерала Миллера:

«Многоуважаемый Борис Александрович!

Мои разведки здесь дали в отношении Вас, к сожалению, отрицательный результат, и Ваша высылка по выходе Вашем из госпиталя может считаться вопросом решенным... Ввиду важности вопроса я предоставил его на рассмотрение Главнокомандующего, считая, что для настроения наших войск важно избежать факта высылки одного из старших начальников, а в случае неизбежности выезда из Болгарии – лучше пусть Ваш отъезд будет по инициативе Главнокомандующего. Последний согласился с моими доводами и на моем письме написал резолюцию: “Прошу генерала Штейфона срочно прибыть в Белград”.

Я завтра буду у сербского посланника и буду просить его о визе. Вероятно, Вы пожелаете все же проехать в Тырново, то буду очень просить Вас не задерживаться там, дабы не доводить дело с болгарам до разговора о необходимости Вашего отъезда, а затем буду ждать Вас в Софии. Службное Ваше положение не меняется: Вы будете считаться во временной командировке; если же обстоятельства здесь изменятся в политическом отношении, то и Вашей командировке наступит конец.

Мне весьма тяжело быть вынужденным сообщить Вам столь неприятную весть; какой-то злой рок преследует меня с тех пор, что я приехал сюда, мне все приходится передавать неприятные и прискорбные известия. Трудно в таких условиях заручиться симпатией и заслужить авторитет среди все новых для меня лиц; но хочу надеяться, что меня никто не заподозрит в каких-либо личных сообщениях. До скорого свидания.

Искренне уважающий Вас

Е. Миллер»*

* Примечание Б. А. Штейфона к письму Е. К. Миллера: «В состав штаба корпуса входило контрразведывательное отделение, руководимое товарищем прокурора поручиком Муравьевым. Естественно, что отделение всемерно боролось с большевистской пропагандой, стремившейся разложить части корпуса. Внутреннеболгарскими делами штаб корпуса не интересовался, встречая со стороны поручика Муравьева энергичный отпор, русские и болгарские коммунисты считали его и генерала Штейфона лицами, срывавшими их разрушительную работу. Ввиду этого коммунистами были использо-

Скоро после письма генерал Миллер лично посетил начальника штаба, рассказав ему в подробностях сложившуюся обстановку. При этом он выказал беспокойство, что генерал Кутепов «без сомнения, будет огорчен» отъездом начальника штаба. По-видимому, уже ходили сплетни, и ими объясняется как заключительная фраза письма Е. К. Миллера, так и его визит в Шипкинский госпиталь.

Приведенное письмо генерала Миллера интересно как документ, разъясняющий истинные причины «командировки» начальника штаба корпуса. Войска, конечно, не знали подробностей и причин отъезда генерала Штейфона, а потому молва быстро принялась плести фантастические узоры. Командир корпуса стал получать письма, в которых попадались фразы: «выслали Вас, Ваше Высочайшее превосходительство, а теперь отозван начальник штаба. По-видимому, Главнокомандующий недоволен корпусом...»

Подобная болтовня, несмотря на ее очевидную нелепость, нервировала генерала Кутепова, заставляя его быть пристрастным, а потому и несправедливым в оценке деятельности Главнокомандующего. К сожалению, и Главнокомандующий, в свою очередь, приписывал Александру Павловичу многое, в чем он не был повинен.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В середине августа генерал Штейфон приехал в Белград. На вокзале его встретил офицер с запиской от командира корпуса: просьба сегодня же побывать у него после обеда.

Генерал Кутепов жил за городом, в грязном, глухом районе, населенном беднотой. Занимал небольшой домик из трех комнат, скудно меблированных.

После первых приветствий по приходе Штейфона и бессвязных разговоров – как доехали? что в Тырнове? – Александр Павлович заявил:

«Главнокомандующий, узнав о Вашем приезде, просил меня сейчас же привести Вас к нему. Он живет в Топчидере, и туда около часа ходьбы. Если не устали – пойдете!»

ваны все связи, чтобы добиться высылки из Болгарии генерала Штейфона и поручика Муравьева. Полковник Самохвалов вел секретную работу в Болгарии по поручению штаба Главнокомандующего. За время нахождения генерала Штейфона в Болгарии он не встречался с полковником Самохваловым, не имел с ним никаких сношений и даже не был с ним знаком».

По дороге в Топчидер разговор не мог иметь интимного характера, так как Александра Павловича сопровождал его адъютант, а на полпути был встречен ординарец Главногокомандующего, посланный с явной целью поторопить приход.

Генерал Врангель занимал двухэтажную, достаточно просторную дачу, прилично обставленную, в которой помещались и лица его свиты, и конвой. Он с нескрываемой горячностью ожидал, куда прибывшие генералы поздороваются с баронессой:

– Потом, потом поговорите, пойдемте.

В течение трех часов, что длился доклад и разговор, генерал Кутепов сидел в стороне и почти все время молчал. Его преимущественно интересовали вопросы, как принят войсками приказ о работах и в какой мере этот приказ снижает боеспособность корпуса. Вокруг этой темы возникали острые споры, что немало удивляло генерала Штейфона, еще не знавшего и не представлявшего истинного характера отношений Главногокомандующего и командира корпуса.

Не меньшую страстность вызвал вопрос – тогда уже чисто исторического значения, ибо все сроки прошли – о вооруженном выступлении в Болгарии.

У генерала Штейфона создалось вполне прочное убеждение, что и Врангель, и Кутепов втайне надеялись, что Штейфон по личной инициативе начнет выступление. Свое убеждение он и высказал Главногокомандующему:

– Мне кажется, что Вы ожидали от меня решение этого вопроса. Если я угадал верно, то, во-первых, следовало меня назначить временно командующим корпусом, а не генерала Витковского, а, во-вторых, дать соответствующие инструкции.

Врангель ответил уклончиво:

– Вопрос о заместителе – дело командира корпуса!

Хотя Главногокомандующий и не высказывал прямо своих мыслей по этому вопросу, как воздерживался и Александр Павлович, все же, сопоставляя этот странный разговор с другими фактами, генерал Штейфон еще более уверовал в справедливость своего предположения. Готовый всегда взять на себя любую ответственность, он, конечно, не задумался бы принять ее на себя и в деле вооруженного выступления. Однако считал, что в столь серьезном вопросе недопустима игра в жмурки, тем более что, покидая Болгарию, Кутепов и Шатилов писали об отказе от выступления.

Во время описываемого разговора произошел небольшой, но характерный эпизод. Необходимо объяснить, что Главнокомандующий часто сетовал, что многие его секретные планы получают огласку.

Кабинет, в котором три старших начальника обсуждали секретные дела армии, находился на втором этаже невысокого здания. Открытые окна выходили на улицу. Генерал Врангель говорил громко, отчетливо, а временами, когда он воодушевлялся, его голос гремел. Штейфон, подойдя случайно к окну, увидел, что внизу скопилось не менее двух десятков офицеров и солдат-конвойцев. Задрав головы, они напряженно слушали, что говорилось в кабинете. Он обратил на это внимание командиру корпуса, а последний – генералу Врангелю.

– Следовало бы закрыть окна, на улице все слышно!

– Не может быть, – рассердился Главнокомандующий, – у меня всегда окна открыты, – и, хотя и с неудовольствием, но закрыл окна.

Вопрос о сохранении тайны был всегда большим местом в армии. И генерал Врангель, и генерал Кутепов часто бывали беспечными в этом важном вопросе.

Например, в Галлиполи, до вступления генерала Штейфона в должность начальника штаба, то есть в течение пяти месяцев, под служебным кабинетом командира корпуса помещались офицеры и солдаты. Они не только решительно все слышали, что говорилось в кабинете, но часто могли и видеть, кто находится у генерала Кутепова, так как в полу имелись большие щели.

И когда новый начальник штаба одним из первых своих распоряжений выселил подкабинетных обитателей, Александр Павлович удивился:

– А мне и в голову не приходило, что там все слышно.

С переездом генерала Штейфона в Белград командир корпуса как-то утерял вкус к строевым делам. Его обострившееся самолюбие воспринимало факты в неверном преломлении. Ему казалось, что с ним «не хотят считаться» – и Главнокомандующий, и его штаб, и генерал Витковский...

В действительности это было не так. Естественно, что генерал Врангель и его штаб сносились непосредственно с генералом Витковским, как нормально и то, что последний пользовался принадлежавшими ему правами. В таком живом деле, как командование войсками, да еще в столь сложной обстановке, какая была в Болгарии, Витковский не всегда обладал возможностью запрашивать мнение командира корпуса.

Не менее естественным было и то обстоятельство, что заместитель и командир корпуса и начальник штаба работали согласно своим индивидуальностям. Такое явление необходимо в областях замещения, но сдавшие нервы Александра Павловича не позволяли ему быть беспристрастным.

Пессимистическое настроение генерала Кутепова, кроме причин чисто служебных, питалось еще и двумя другими факторами. Большой и действенный патриот, солдат по призванию, он болезненно переживал сознание, что отдаляются сроки вооруженной борьбы с большевиками. Поэтому его уже не увлекали обширные замыслы гибкого ума генерала Врангеля, ибо по своей сущности Александр Павлович был только военный практик.

Вторым фактором были явления чисто физиологического характера: организм, переутомленный годами напряженной работы, теперь отдыхал, и это вызывало реакцию. Александр Павлович стал вялым и малоподвижным...

К осени 1922 г. все начальники 1-го корпуса были вызваны из Болгарии и прибыли в Сербию. Их приезд оживил генерала Кутепова, но одновременно и угнетал, как очевидное доказательство конца корпуса в качестве боеспособной единицы. Александр Павлович перестал тешить себя иллюзиями на этот счет, и его мрачное настроение ухудшилось.

В дальнейшем – после большевистской революции в Болгарии, гибели Стамболийского и появления у власти умеренного кабинета Цанкова, русским начальникам было разрешено вернуться назад, но и командир корпуса, и начальник штаба остались в Сербии, ибо фактически корпуса уже не было.

В связи с новой обстановкой Главнокомандующий осуществил свое старое намерение: генерал Кутепов был назначен помощником Главнокомандующего и «начальником Галлиполийской группы» в Болгарии. Обе должности были фиктивными, и положение Александра Павловича «с мундиром и пенсией» упрочилось окончательно. В таком положении он и находился до весны 1924 года.

В течение своего двухлетнего пребывания в Сербии Александр Павлович постепенно отходил от своих «строевых» путей и намечал новые. Верный своим склонностям, проявившимся в Галлиполи и в Болгарии, Александр Павлович по прибытии высланных начальников устроил в Белграде «Галлиполийский вечер», и таковым праздником, организованным в широком масштабе, искусно возбуждал общественный интерес к Галлиполи.

Генерал Штейфон, не любивший подобных парадов, уклонился от присутствия на Галлиполийском вечере, несмотря на настоящие Александра Павловича. В дальнейшем по вопросу о Галлиполи между Кутеповым и Штейфоном создались принципиальные разногласия.

Верный своей идее «выхода из революции» и являясь сторонником регулярных начал в армии, Штейфон считал вредным образованием в армии новой привилегированной группы.

Всегда признавая заслуги первоходников как создателей факта высокого исторического и морального значения, он помнил, какую рознь в армейскую массу в 1919 г. вносило привилегированное положение первоходников. Подмечая и среди галлиполийцев тенденции считать себя «солью» армии, он считал злом подобное направление.

В 1922 году военная эмиграция была неорганизована и представляла собой ряд отдельных групп, нередко тайно или явно враждовавших друг с другом. Еще были остры счеты – кто какой эвакуации, кто «боролся», а кто уклонялся; кто участвовал в том или ином походе, а кто «словчился»... По существу, подобные споры были зачастую неосновательны и всегда вредны. Неосновательны потому, что участие или неучастие в различных этапах Белого движения сплошь и рядом объяснялось не столько доброй волей, сколько служебными или житейскими случайностями. Вредно потому, что вместо столь необходимого единения сил вносило разделение и тем ослабляло идейный фронт врагов большевизма.

Поэтому генералу Штейфону казалось нежелательным, с точки зрения Белой идеи, нарочитое подчеркивание галлиполийских заслуг, создание «галлиполийского клана» как военно-эмигрантской группы, претендующей на первородство. Он не опасался высказывать такие выводы, ибо неоспорима была его роль в галлиполийском строительстве, а потому никто не посмел бы упрекнуть его в каких-либо эгоистических соображениях в данном вопросе.

Александр Павлович стоял на противоположной точке зрения, и в его представлениях о Галлиполи «заслуга» явно доминировала над идеей. Созданный им устав Общества Галлиполийцев, в создании которого начальник штаба участия не принимал, представлял яркий образец полного смешения несовместимых понятий. Формально общество преследовало цели взаимопомощи, поддержания галлиполийских памятников, создание литературы о Галлиполи и т. п. Фактически галлиполийцы должны были образовать в эмигра-

ции сильную, дисциплинированную военную группу, возглавляемую генералом Кутеповым и признающую его своим вождем. Для осуществления своих задач общество управлялось выборными органами, что представлялось Александру Павловичу нормальным.

Подобная структура была противоестественной, ибо выборное начало противоречило духу воинской организации. Создалась своего рода идейная керенщина, принять которую генерал Штейфон никак не мог.

В спорах с Александром Павловичем он так формулировал свою мысль:

«Если наше общество обязано руководствоваться принципом дисциплины, тогда выборное начало неприемлемо. Если Вы желаете сохранить выборное начало, то надо, чтобы общество осуществляло только гуманитарные и культурные задачи. Иначе создастся смешение несовместимых идей».

В итоге этих разногласий генерал Штейфон будучи, по указанию генерала Кутепова, председателем главного правления Общества Галлиполийцев, отказался от должности председателя и совершенно отстранился от дел этого общества. Ему было не по душе ни выборное начало, ни то рекламное направление, какое усвоило Галлиполийское общество*.

* Многочисленные полковые, общественно-политические, ветеранские общества, союзы, объединения, возникавшие в эмиграции, хотя и выполняли задачи сохранения социокультурной среды Русского зарубежья, но препятствовали достижению военно-политического единства в продекларированном политической программой Белого движения противостоянии советской власти. С начала 1920-х гг. о русской эмиграции можно было говорить как о цельном социокультурном феномене, но в политическом отношении – различия в позициях многочисленных структур делали эмиграцию весьма разносторонней. Разделения и расколы не были преодолены и во время работы Всезарубежного съезда 1926 г. в Париже, созванного по инициативе П. Б. Струве. Общество Галлиполийцев было основано еще 22 ноября 1921 г. в Галлиполи в качестве «восприемника» частей 1-го армейского корпуса. Почетным председателем его был генерал А. П. Кутепов, председателем – генерал В. К. Витковский, председателем главного правления – генерал-лейтенант М. И. Репьев, членами правления – генерал-майор А. В. Фок, генерал-майор Н. А. Казьмин, генерал-майор М. А. Пешня, полковник С. А. Мацылев, полковник А. И. Горбач; секретарь – капитан В. В. Орехов (редактор журнала «Часовой»). Печатным органом союза в 1950–1960-х гг. был журнал «Переключка», выходивший в США.

Не желая принимать участия в общественных начинаниях Александра Павловича, он покинул Белград и осенью 1922 г. переселился в Сремски Карловцы, тихий провинциальный городок, где находился штаб Главнокомандующего.

Политическая работа, какую вел по прибытии в Белград генерал Врангель, как и его личность, не встретила одобрения в правых кругах зарубежной общественности. Для последних монархические симпатии Врангеля не казались убедительными. Естественно, что руководители правых партий стремились подчеркивать свои симпатии к генералу Кутепову, ибо видели в нем опору монархическим тенденциям в армии.

Как после крымской эвакуации Врангель явился объектом стремительных атак левоэмигрантских кругов, так начиная со второй половины 1922 г. он вызывал не менее страстные нападки правых. Среди последних возникла мысль, быстро привлекая симпатии широких кругов эмиграции, о необходимости возглавления национальных усилий Великим князем Николаем Николаевичем. Ибо подобное возглавление неминуемо приводило армию к подчинению Великому князю.

Подобные проекты вызвали полное сочувствие генерала Кутепова, но еще больше портили отношения с генералом Врангелем*.

В общем, к концу 1922 г. самочувствие Александра Павловича продолжало быть угнетенным. Неопределенность служебного положения, вынужденное бездействие и распря с Главнокомандующим лишали его прежнего душевного равновесия. Александр Павлович томился, искал выхода из положения, и постепенно у него назревало желание побывать в Париже и посмотреть, «что там делается».

* Политические разделения в среде военной эмиграции в первой половине 1920-х гг. происходили главным образом по линии признания или непризнания законности заявлений Великого князя Кирилла Владимировича. Армейская монархическая среда разделилась на так называемых «николаевцев» (сторонников решения вопроса о форме правления в России на Земском соборе (Национальном собрании) и утверждавших старшинство в Думе Романовых за бывшим Верховным главнокомандующим Российской армии Великим князем Николаем Николаевичем) и «кирилловцев» (сторонников признания законных прав на Российский Престол за Великим князем Кириллом Владимировичем). Организации, союзы «цветных полков» ВСЮР, бывших армейских соединений поддерживали, как правило, права Великого князя Николая Николаевича, а объединения гвардейских полков – права Великого князя Кирилла Владимировича.

Испорченные отношения между Врангелем и Кутеповым, конечно, стали известными в Париже. В кругах, связанных с Великим князем, появилась мысль привлечь на свою сторону Александра Павловича и тем ослабить моральный авторитет Главнокомандующего.

На Новый (1923) год Александр Павлович сообщил доверительно Штейфону, что им получено приглашение Союза Преображенцев приехать в Париж. 20 февраля он писал своему начальнику штаба в Карловцы:

«Относительно моей поездки вопрос, вероятно, окончательно разрешится завтра; надеюсь отсутствовать не более четырех недель».

Среди других вопросов, сопряженных с заграничной поездкой, Александра Павловича интересовал и вопрос о штатском платье (в Сербии русские военные чины носили свою форму). По этому поводу он делился своими намерениями с генералом Штейфоном:

– Сделаю себе русский костюм – косоворотку, поддевку и картуз. Буду в высоких сапогах. Как Вы находите?

– Нет, уж, пожалуйста, не делайте себе такого маскарадного костюма. Не понимаю Вашего желания обращать на себя общее внимание. Приобретите обыкновенный штатский костюм, пальто, шляпу. Будет прилично и хорошо.

В разговор вмешалась и Лидия Давыдовна:

– Вот и я ему говорю то же самое, а ему понравились поддевка и картуз. Только все будут показывать пальцами.

Александр Павлович долго отстаивал свой проект русского костюма, но в конце концов внял советам Лидии Давыдовны и Штейфона.

В двадцатых числах февраля он отправился в Париж. Его смущало незнание языков, но все обошлось удачно. Вернулся он в конце марта – освеженным, бодрым, с большим запасом новых впечатлений. Александр Павлович был впервые в Европе, а потому естественно, что поездка сама по себе представляла для него много нового и любопытного.

Как и следовало ожидать, в русских кругах Парижа он пользовался вниманием. Тогда, как, впрочем, и в дальнейшем, существовала тоска по «сильной воле». В Александре Павловиче признавали сильную волю.

Он был принят Великим князем Николаем Николаевичем и другими особами Императорской Фамилии. Все высказывали ему

внимание и любезности. Его склонность к «шуму жизни» была вполне удовлетворена. Довольно скоро он почувствовал себя уверенным среди новых условий, новых лиц. Потом в Белграде Александр Павлович рассказывал генералу Штейфону:

– Я так всех цукал и держал себя независимо. По-видимому, это нравилось!

Поездка в Париж была «смотринами» Александра Павловича. Он произвел там впечатление «прямолинейного солдата», в политике неискusstного, к ней равнодушного, но человека сильной воли и яркого патриотического горения.

«Такой генерал, как нам надо!»*

В Париже ему не было сделано никаких служебных предложений, но там интересовались – ведется ли какая-либо работа в Советской России, ибо, по мнению окружения Великого князя, генерал Врангель «занят преимущественно только политикой».

Круги, выдвигавшие Александра Павловича, знали, что еще со времен Галлиполи он «ведет работу в Совдепии», и решили поддерживать морально и материально таковую его работу. В итоге Александр Павлович принял на себя известные деловые обязательства.

По возвращении в Белград генерал Кутепов побывал у Главнокомандующего и рассказал ему о своих парижских впечатлениях. При этом, однако, он не проявил охоты к полной откровенности. Врангель, имевший довольно точные представления о том, с кем встречался в Париже Александр Павлович и что он там делал, принял подобное умолчание как игру Кутепова против него.

Фактически этого не было, ибо Александр Павлович вообще не был способен к интригам. Он лишь не желал передавать Главнокомандующему неблагоприятные о нем отзывы его политических и личных противников. Как не желал рассказывать и о полученных им деловых заданиях, справедливо предпочитая не афишировать свою работу.

* Ведущие российские политики и общественные деятели с 1917 г. стремились к установлению временной «твердой власти», способной провести в России Учредительное собрание, а также «навести порядок» в стране. Для этого допускалось введение «военной диктатуры», осуществить которую (в соответствующем военно-политическом окружении) должны были генерал Л. Г. Корнилов, адмирал А. В. Колчак, генерал П. Н. Врангель. Тяготение к волевым, твердым и в то же время политически не ангажированным фигурам проявилось и у эмигрантских политиков к генералу А. П. Кутепову.

Вообще говоря, в этом последнем вопросе он продолжал проявлять прежнюю скрытность и только отдельными намеками иногда сообщал генералу Штейфону:

- Теперь, когда армии нет, надо заниматься работой в России.
- Для этой работы нужны, прежде всего, деньги!
- Деньги найти можно.

Несмотря на желание Александра Павловича сохранить в тайне свою конспиративную работу, скоро в Белграде узнали, чем он занимается. Произошло это главным образом потому, что генерал Кутепов привлекал для своих целей людей, по преимуществу мало или явно несоответствующих.

Так, например, генерал Барбович, начальник кавалерийской дивизии, человек почтенный и серьезный, рассказывал генералу Штейфону:

– Ехал я пароходом из Панчева в Белград. На палубе было много офицеров и вообще русских. Вижу, что около меня крутится какой-то полковник. Кто такой – не знаю! Потом, он подходит ко мне.

– Ваше Превосходительство, разрешите представиться: N гусарского полка, полковник N.

– Очень рад. Чем могу служить?

– Разрешите Вам доложить, что по приказанию генерала Кутепова я отправляюсь в Советскую Россию.

Я возмутился:

– Послушайте, господин полковник, зачем Вам понадобилось докладывать мне об этом? Я Вас не знаю, и если генерал Кутепов рекомендовал Вас, то вероятно не для того, чтобы вы болтали о таком секретном деле.

– Я счел своим долгом доложить Вам как своему начальнику дивизии!

– Считаю такой доклад совершенно излишним и удивляюсь Вам.

Несомненно, что этот полковник рассказал о своей командировке не одному генералу Барбовичу, а многим...

Летом 1923 г. Александр Павлович, будучи в Карловцах, обратился к Штейфону с просьбой:

– Борис Александрович, к Вам полковник Б. Он только что вернулся из Совдепии. Привез много интересных сведений, но не умеет всего рассказать. Поисповедуйте его и изложите затем в докладе, чтобы было систематично и давало бы полную картину его поездки. Мне некогда заняться этим делом. Пожалуйста, помогите мне.

– Слушаю. Пусть полковник придет завтра.

«Завтра» приходит полковник Б. Молодой, скромный, тихий. Посланный Александром Павловичем, он провел в Совдепии около месяца. Около двух недель был в Москве и в ее окрестностях. Три дня знакомился с Петроградом.

Он действительно принадлежал к той категории разведчиков, которые могут многое видеть, но не умеют рассказать. Пришлось вытягивать от него сведения день за днем, а затем их систематизировать. Когда «исповедь» была закончена и генерал Штейфон прочел Б. все записанное, Б. был очень доволен.

«Без Вас, Ваше превосходительство, я не сумел бы рассказать так гладко и подробно. Я докладывал генералу Кутепову, но у нас тогда ничего не вышло. Теперь командир корпуса будет доволен».

Просьба, обращенная Александром Павловичем к своему начальнику штаба, имела, конечно, затаенную цель. Штейфон угадывал, что Александр Павлович, по-видимому, считает Б. своим выигрышным агентом и намерен похвалиться в Париже постановкой своей работы в Совдепии.

Поэтому ему и потребовался хорошо отредактированный доклад. Затем, зная скептическое отношение начальника штаба к той работе, какую он вел уже два года, Александр Павлович по человеческой слабости хотел похвалиться ее постановкой и результатами.

Однако после рассказа полковника Б. скептицизм Штейфона не снизился, но еще более окреп. Несомненно, что своей поездкой Б. доказал свое высокое мужество, и его подвиг неоспорим. Но привезенные им сведения сводились исключительно к наблюдениям внешней жизни советского быта.

Задание, данное полковнику Б., было крайне неопределенное: связаться с кем-нибудь в Красной армии. Такое задание свидетельствовало о наивной неопытности Александра Павловича, ибо подобные связи не заводятся в трамвае или на улице. А если и заводятся, то «сочувствующие» всегда оказываются провокаторами. Б. не были даны явки или вообще связи, что было бы естественно ожидать после двух лет работы.

Встретившись затем с генералом Кутеповым, Штейфон высказав свое сомнение в целесообразности подобных командировок. Сомнение обидело Александра Павловича, и он горячо отстаивал свои приемы.

– Главное, я хочу связаться с кем-нибудь из Красной армии. Тухачевским или с кем-нибудь другим...

– Это, конечно, было бы очень хорошо, но я сомневаюсь, чтобы Тухачевский или какой-либо иной видный красный чин пожелал встретиться с Вашим агентом. Вероятно, такие связи заводятся иначе*.

Со времени этого разговора обиженный Александр Павлович уже не посвящал генерала Штейфона в свою работу, но чувствовалось, что сам он ею доволен и все больше и больше входит во вкус своей роли умелого «конспиратора».

Главнокомандующий знал о новой деятельности генерала Кутепова, но не придавал ей серьезного значения. К тому же весна и лето 1923 г. были для Врангеля периодом очень нервным.

В это время со стороны правых организаций обнаружился сильный натиск, дабы побудить армию официально принять монархические лозунги. В ответ на таковые тенденции генерал Врангель издал 8 сентября приказ № 82, вызвавший большие и длительные страсти.

Этим приказом все существующие офицерские союзы и общества зачислялись в состав армии и поступали, таким образом, в подчинение Главнокомандующему. Затем, приказ № 82 воспрещал всем чинам армии, а следовательно, и вновь подчиненным обществам и союзам, быть членами партий или иных политических организаций. Армия твердо объявлялась вне политики**.

Страсти, вызванные указанным приказом, объясняются тем, что приказ явился ответом на монархические тенденции правых

* Расчеты на то, что в случае начала военных действий против Советской России, а также в условиях неизбежного ослабления социалистических позиций под влиянием нэпа возрастет самостоятельное значение Красной армии и станет возможным контрреволюционный «термидор», были довольно характерны для части военной эмиграции в 1920-е гг. (см., например, записи в дневнике члена Государственной Думы Н. В. Савича за 1922–1923 гг.; опубликовано в книге: *Савич Н. В. После исхода. Парижский дневник 1921–1923 гг.* М., 2008.). Именно стремление «установить контакты с Тухачевским», заполучить РККА в «союзники», а также отсутствие навыков конспиративной работы приводили к серьезным провалам в антисоветской деятельности русской военной эмиграции (операции «Синдикат – 2», «Трест» и др.).

** Приказ № 82 исходил из традиционных для Русской армии принципов невмешательства и неучастия в политической жизни. Русский общевоинский союз не должны были «раздирать» политические противоречия. Однако в 1931 г. в приказе было сделано исключение для членов Национально-трудового союза, вступающих в который получали право и военные.

партий: раз политика в армии воспрещена, то, следовательно, создавалось запрещение, касавшееся всех оттенков политической мысли. В скрытом виде приказ имел в виду и Великого князя Николая Николаевича, ибо возглавление им зарубежного воинства вызывалось политическими соображениями.

Подобный ход Главнокомандующего, избличавший в нем искусного дипломата, встретил со стороны Александра Павловича двойственное отношение. Его солдатский инстинкт осуждал политику в армии, но, с другой стороны, он не одобрял тех тенденций, какие были направлены против личности Великого князя.

Вопрос о подчинении армии Великому князю был для Врангеля вопросом крайне мучительным. Несмотря на свое властолюбие, он, однако, подходил к нему отнюдь не руководимый личными побуждениями.

В случае подчинения к Великому князю переходили как политическое руководство во всех его видах, так и работа внутри России. Генералу Врангелю казалось, что Великий князь, в силу преклонных лет и проявившихся свойств характера, уже не сможет проявлять ни должной деловой энергии, ни необходимой работоспособности. Поэтому национальная работа замрет или будет узурпирована какими-либо лицами или группами.

Для Врангеля не было секретом, что окружение Великого князя и многие партии усиленно выдвигают Кутепова на роль доверенного помощника Великого князя. Зная склонность Александра Павловича поддаваться сторонним влияниям, Главнокомандующий не видел пользы при осуществлении подобного плана. А потому, по свойствам своего решительного характера, противился таковым намерениям.

Генерал Штейфон, проживая в Карловцах, где был и Главнокомандующий, редко встречался с ним. Однажды, весной 1924 г., незадолго до приезда Александра Павловича в Париж, генерал Врангель встретил на улице Штейфона, подошел к нему и любезно осведомился о его здоровье. В подобном внимании не было ничего примечательного, так как Главнокомандующий в отношении Штейфона применял такую же систему, как и к Александру Павловичу: прилично обставлял материально, давал возможность пользоваться курортным лечением, что было необходимо после перенесенной в Болгарии болезни, но от дел явно отстранял.

- Поговорив о погоде, Врангель упрекнул Штейфона:
- Почему Вы никогда не зайдете ко мне поговорить?
 - Не хотел Вас беспокоить!

– Пожалуйста, заходите. А сейчас, что Вы делаете? Гуляете?

– Благодарю Вас. Гуляю.

– Я тоже гуляю. Пойдемте вместе.

Главкомандующий демонстративно взял Штейфона под руку.

– Расскажите, что Вам пишут из Болгарии.

Было ясно, что подобная прелюдия знаменует желание Врангеля о чем-то поговорить, и поговорить доверительно. И действительно, покончив с болгарскими делами, Главкомандующий спросил:

– Часто встречаетесь с Александром Павловичем?

– Когда бываю в Белграде, захожу к нему.

Заговорив об Александре Павловиче, Врангель высказал свое огорчение, что генерал Кутепов «изменился», редко с ним встречается, по-видимому, чем-то недоволен или обижен. «Вообще – не тот...»

– Думаю, Ваше Превосходительство, что Александр Павлович скучает без определенного дела и, насколько знаю, – считает, что и Вы к нему изменились.

Врангель резко остановился и изобразил полное изумление:

– Но почему же? На каком основании? Я полагаю, что и Александру Павловичу, и Вам будет полезно отдохнуть после тяжелой работы в Галлиполи и в Болгарии. И лично на Вас, например, я имею виды! Если Вы увидите Александра Павловича раньше меня, пожалуйста, заверьте его, что я по-прежнему ценю его и никогда не забываю его прошлых заслуг.

– Слушаю.

Затем Главкомандующий заговорил о тех нападках, каким он подвергается со стороны правых групп, и о его праве ожидать, что в подобное тяжелое время его ближайшие помощники будут солидарны с ним и морально его поддержат.

Весь этот разговор создал у Штейфона совершенно определенное заключение: Врангель желает, чтобы все его мысли и слова были сообщены Александру Павловичу.

«Прогулка» продолжалась около двух часов, и, расставаясь, Главкомандующий вновь выразил желание видеть генерала Штейфона у себя.

Через день после прогулки Штейфон был вызван в штаб, где генерал Кусонский передал, что «Главкомандующий просит съездить в Белград и доложить Александру Павловичу сведения, полученные из Болгарии». Сведения не содержали ничего любопытного, но Врангелю, по-видимому, не терпелось, и он придумал эту поездку, чтобы поторопить Штейфона съездить в Белград.

Генерал Кутепов мрачно выслушал Штейфона, передавшего свой разговор с Главнокомандующим. В глазах горел недобрый огонек:

– Удивляюсь Петру Николаевичу. Зачем ему понадобилось высказывать свои чувства ко мне. Его чувства к себе я знаю прекрасно. Передайте ему, если он избрал Вас своим доверенным лицом, что я ему не верю.

В последних словах чувствовалась желчь, и это задело Штейфона.

– Вы хорошо знаете, что я не «доверенное лицо». И Вам не следовало бы говорить со мною так иронически. Я только исполняю поручение Главнокомандующего.

Александр Павлович быстро успокоился, однако эта встреча показала лишний раз, что о примирении Кутепова и Врангеля не может быть и речи.

Когда Штейфон уходил от Александра Павловича, то страсти давно уже улеглись, и он спросил шутливо:

– Так как же прикажете ответить Петру Николаевичу? Вижу, что моя дипломатическая миссия успеха не имела.

Александр Павлович тоже улыбнулся:

– Передайте, что я благодарю его за сведения из Болгарии!

Вернувшись в Карловцы, Штейфон передал Главнокомандующему благодарность генерала Кутепова и уклонился от подробностей. Врангель понял, что «протянутая рука повисла в воздухе»...

Скоро состоялось и официальное назначение Александра Павловича в распоряжение Великого князя.

К тому времени, ввиду отрицательного отношения европейской дипломатии к факту сохранения вооруженной силы, генерал Врангель был принужден принять ряд «камуфляжных» мер с целью замаскировать военную организацию армии: вместо приказов отдавались распоряжения; начальники не должны были именовать себя по должности и прочее. Поэтому и благодарственный приказ генералу Кутепову, отданный по случаю его переезда в Париж, имел уже новую форму:

«Распоряжение генерала Врангеля

№ 14

21 марта 1924 г. г. Сремски Карловцы

§ 1

Генерал от инфантерии Кутепов освобождается от должности моего помощника и начальника Галлиполийской группы в Болгарии.

§ 2

В течение долгих страдных дней генерал Кутепов был моим неизменным сотрудником. В памятные дни отхода Добровольческой армии зимой 1919 года, в незабвенные месяцы борьбы в Крыму летом и осенью 1920 года войска генерала Кутепова вписали бессмертные страницы в историю нашей борьбы. Огромная воспитательная работа в Галлиполи дала возможность сохранить армию в изгнании.

Ныне русские люди за рубежом объединились вокруг имени того, в кого вложено упование сотен тысяч русских людей. Его именем осенена работа национальных русских сил. К этой работе привлекается и генерал Кутепов. В сознании огромной важности предстоящего генералу Кутепову дела я расстаюсь с ним, как непосредственным моим помощником.

Дорогой Александр Павлович! Ныне общее руководство национальным делом ведется уже не мною. Ты выходишь из моего непосредственного подчинения и не будешь уже руководить теми, кого неизменно водил в бой и закаливал в Галлиполи, но верю, что сердце твое останется с нами и, когда протрубят “сбор”, ты снова будешь среди нас.

Генерал Врангель

Скрепил: генерал-лейтенант Абрамов»

С внешней стороны приказ был написан с чувством, восхваляя Александра Павловича и отмечал «огромную важность» будущей парижской работы. Однако этим приказом Главнокомандующий наносил жестокий, обидный удар генералу Кутепову: приказание № 14 исключало его из состава армии!

Будучи в Императорской армии, находясь в белой армии со дня ее формирования в Ростове, пережив с ней все этапы ее крестного пути, генерал Кутепов не мог представить себя вне армии. Между тем это случилось, и фактически Александр Павлович оказался «на беженском положении».

Ко времени издания этого приказа генерал Врангель как Главнокомандующий не был подчинен Великому князю, а потому, состоя при Великом князе, генерал Кутепов не мог считать себя в армии. Врангель и подчеркнул несколько раз в своем приказе «уход» Александра Павловича. Отныне создавались «мы» и «он». «Мы» – в армии, «он» – ушедший из армии!

«Исключение из армии» глубоко и болезненно задело самолюбие Кутепова. Когда он приехал в Карловцы проститься с Главнокомандующим и с прежними сослуживцами, он был крайне угнетен.

Несмотря на гордость, он с глубокой горечью сказал Штейфону: «Вот и дослужился, что меня перевели на беженское положение...»*

Приказание № 14 было продиктовано до известной степени личными мотивами. Однако надо признать, что отчисление Александра Павловича вызывалось и другими, более глубокими побуждениями. В те дни армия переживала крайне тяжелое время. Идея сохранения национальной вооруженной силы подвергалась жестоким ударам. И армия сознательно или инстинктивно, но тянулась к своему Главнокомандующему.

Настроения 1924 года живо напоминали настроения первого дня Галлиполи. Уход кого бы то ни было из армии, отход от Главнокомандующего представлялся тогда нарушением долга.

Теперь подобная психология представляется, быть может, труднообъяснимой. Но тогда такие чувствования считались единственно верными.

* Напряженность отношений между П. Н. Врангелем и А. П. Кутеповым сохранялась довольно долго. Интересно свидетельство полковника С. А. Мацылева, описавшего встречу генералов в феврале 1928 г. (через несколько месяцев Врангель скончался): «Рабочий квартал Парижа со скучными, однообразно-серыми домами. Узкий проход ведет с улицы к небольшому двухэтажному особняку, который расположен, как в колодце, окруженный более высокими домами. Скромный зал, переделанный из когда-то помещавшейся здесь мастерской. Стены украшены национальными флагами и портретами покойного Государя и вождей Белого движения. Один угол зала затянут занавесью – там помещается походная Галлиполийская церковь... Народу много, выделяется плотная, коренастая фигура генерала Кутепова... Входит Врангель... он осунулся и похудел, но по-прежнему в глазах молодой блеск. На несколько секунд он задерживается на лестнице, которая ведет в зал, окидывает его быстрым взглядом и прямо направляется к генералу Кутепову. Все присутствующие знают, что между ними существуют разногласия. Врангель не одобряет ту работу, которую ведет Кутепов в России, считая, что она не даст положительных результатов и лишь вызовет жертвы среди лучших и наиболее активных чинов армии. Все хорошо оценивают всю самоотверженную работу обоих генералов, которые по-разному стремятся к одной и той же цели – освобождению России, но в глубине сердец больно переживают эти несогласия. “Здравствуй, Александр Павлович, – раздался несколько хрипловатый голос Врангеля, – что же, ты теперь меня и узнавать не хочешь?.. На днях захожу в Мэзонетт поздравить, вижу, что ты сидишь с кем-то за столиком, а ты на меня даже и внимания не обратил”... Кутепов улыбнулся и что-то ответил... Лед был сломан...» (Часовой. Брюссель. 1948. Апрель. № 272 (3). С. 12–15).

Все знали, что генерал Кутепов переезжает в Париж для работы при Великом князе, который почитался национальным вождем. Но все же и Великий князь, и Париж представлялись миром иным, отличным от армии. Поэтому понятно, почему после отъезда Александра Павловича многим начальникам задавались недоуменные вопросы:

– Неужели генерал Кутепов ушел из армии? Правда, что генерал Кутепов покинул нас?..

Чуткая совесть Александра Павловича, совесть верного долгу солдата, почитавшего своей обязанностью делить с армией и радость победы, и горечь испытаний, подсказывала ему, что его отъезд в Париж расценивается армией как своего рода компромисс.

Поэтому, прощаясь с генералом Штейффоном в Карловцах, он как бы оправдывался:

– Наверное, будут говорить, что я покинул армию.

С той правдивостью, какая еще существовала между ними, Штейффон ответил мрачно:

– Не только будут говорить, но уже говорят! И мне это больно...

Было очень больно и генералу Кутепову, ибо он-то хорошо знал, что у армии есть своя правда.

И, вероятно, не случайно произошло, что на Белградской пристани провожали популярного в армии начальника только генерал Штейффон и еще четыре человека.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

С отъездом Александра Павловича из Югославии прекратились служебные отношения между ним и генералом Штейффоном. В дальнейшем, до конца дней генерала Кутепова их связывали только личные отношения. По свойствам их характеров ни тот ни другой никогда не афишировали своей близости, и мало кто подозревал, какая доверительная регулярная переписка существовала между ними. Письма Александра Павловича с большой искренностью свидетельствуют о его настроениях и являются чрезвычайно ценными документами при составлении биографии генерала Кутепова.

Парижский период его жизнедеятельности наполняется, главным образом, интересами общественных взаимоотношений и работой в Советской России. По понятным причинам в настоящее время не представляется возможным углубляться в исследование этих областей. К тому же, лично руководя работой в Совдепии, Алек-

сандр Павлович никого в нее не посвящал, а потому многие ее тайны унес с собой в могилу*.

Впрочем, если подробности его служебной деятельности этого периода недостаточны для исследования, то духовный облик самого Александра Павловича, его переживания, методы работы, его индивидуальность в целом могут быть очерчены и полно, и достоверно.

В Париже все было ново и неизвестно для Александра Павловича. Начиная с чуждого языка, огромного города, нового быта и кончая сложными взаимоотношениями эмигрантских партий. И, пожалуй, сложнее всего была личность Великого князя.

В роли младшего офицера Лейб-гвардии Преображенского полка Александр Павлович, конечно, знал Великого князя**, стоявшего тогда во главе Гвардии и Петербургского военного округа.

* «Парижский» период в биографии Кутепова – один из наиболее важных и наименее изученных. При кажущемся разнообразии источников все они показывают, как правило, лишь «внешнюю» картину организации антисоветских акций, оставляя малоизученной их «конспиративную» сторону. Материалы второго раздела нашей книги в какой-то степени позволяют раскрыть проблемы этого периода жизни генерала.

** **Николай Николаевич Романов** (младший) (1856–1929). Великий князь, сын Великого князя Николая Николаевича (старшего), третьего сына Николая I. Генерал-адъютант Свиты Его Императорского Величества, генерал от кавалерии. В 1895–1905 гг. – генерал-инспектор кавалерии. В 1905–1914 гг. занимал должность Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Председатель Совета государственной обороны в 1905–1908 гг. С августа 1914 по август 1915 г. – Верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами России. 23 августа 1915 г. был назначен наместником на Кавказ и командующим Кавказской армией (1915–1917 гг.). После отречения Императора Николая II от престола 2–9 марта 1917 г. занимал должность Верховного главнокомандующего. В 1918 г. получил предложение от генерала М. В. Алексева возглавить Белое движение на Юге России, но не согласился сделать это без официального призвания со стороны Добровольческой армии. В марте 1919 г. выехал за границу. В Зарубежье стал одной из главных политических фигур, вокруг которой предполагалось объединение военных сил, одним из лидеров, претендовавших на «возглавление антибольшевистской борьбы». Почетный член Приамурского Земского собора (1922 г.). С 1924 г. Верховный главнокомандующий всеми российскими воинскими формированиями Русского зарубежья, почетный председатель РОВСа. Осудил манифест Великого князя Кирилла Владимировича. В 1926 г. на Всезарубежном съезде был провозглашен вождем Русского зарубежья.

Общественное мнение, в особенности военное, считало Великого князя человеком волевым, крайне темпераментным и властным. Однако тяжелые переживания Великой войны, крушение Династии, революция и эмигрантская жизнь значительно надломали душевные и физические силы престарелого Великого князя. В 1915–1916 гг., по должности офицера Генерального штаба, Штейфон находился в ближайшем окружении генерала Юденича и имел возможность наблюдать Великого князя, тогда наместника Кавказа, в обстановке парадной и боевой, служебной и частной. Когда в августе 1915 г. Великий князь, по традициям кавказских наместников, въехал верхом в Тифлис, он произвел сильнейшее впечатление своим величественным станом и волевым излучением. Однако в дальнейшем, и это особенно наглядно проявилось в период Эрзерумской операции, у Великого князя – главнокомандующего не оказалось необходимой в те дни воли и решительности. Насколько монолитен был генерал Юденич, настолько колебался и не решался Великий князь.

В 1924 году, в Шуаньи (резиденции Великого князя во Франции), воля его стала еще больше, чем в Кавказский период. Мистицизм, вообще свойственный натуре Великого князя, значительно обострился под воздействием неисчислимых трагических переживаний. Не только власть, но и видимость власти тяготили его. Только настойчивое давление извне побудили Великого князя возглавить национальную работу, а затем, в декабре 1924 года, стать во главе зарубежного воинства.

Если в данном случае уместны исторические параллели, то настроения и чувства Великого князя в эмиграции во многом напоминали душевное состояние Кутузова в эпоху 1812 года. Великий князь крепко верил в воскресение России, но этой вере сопутствовало мистическое непротивление. С твердостью исповедовал он цикл дорогих ему идей, почти не стремясь к их практическому осуществлению.

Молодой, энергичный, желающий работать генерал Кутепов представлялся Великому князю именно тем лицом, на которое можно было переложить «бремя власти», в особенности в областях революционных действий. В Шуаньи Александр Павлович («Кутепов – преображенец») расценивался как человек действий.

По прежней службе в Гвардии он считался «своим», и его монархизм не возбуждал сомнений. Для бывших придворных кругов, сохранявших в глазах Великого князя известный удельный вес, как

и для парижских партийных группировок, он был тоже приемлем, ибо был далек от политики. Все вместе взятое обеспечивало ему радужный прием в тех сферах и кругах, где отныне он должен был работать.

По прибытии в Париж Александр Павлович не имел никаких программ своей новой деятельности. Во-первых, потому, что был вообще равнодушен к программам и системе, а во-вторых, и не представлялось ясным, чем он будет вестись, состоя при Великом князе. Вернее всего можно было определить его роль при Великом князе как консультанта по армейским делам. По мнению «шуан» роль, вполне подходящая для Александра Павловича, ибо кто, как не он, мог почитаться знающим белую армию? То есть то основное ядро военной эмиграции и как раз ту ее часть, с каковой сам Великий князь имел наименьшее знакомство.

Деятельность генерала Кутепова в Париже может быть разбита на три главных периода.

Первый период, наиболее длительный, был со дня приезда, т. е. с весны 1924 г. по весну 1928 г. – времена кончины генерала Врангеля. В эти годы Александр Павлович занимал подчиненную роль, с ограниченными возможностями проявить свою инициативу.

Второй период – с весны 1928 г., когда он был назначен председателем Русского общевоинского союза, до 5 января 1929 г. – дня кончины Великого князя Николая Николаевича.

Третий период – от 5 января 1929 г. до 26 января 1930 г., в течение которого Александр Павлович находился во главе национального дела и оказался, таким образом, преемником Корнилова – Деникина – Врангеля.

Еще в Галлиполи, когда стало осуществляться возрождение дисциплины, по мысли генерала Штейфона была образована комиссия по пересмотру уставов. Уставы царской армии, выпущенные еще до войны, нуждались в исправлениях и дополнениях. Работы этой комиссии были продолжены в Болгарии и использованы при печатании уставов. Однако пересмотр уставов не имел должной систематизации, и генерал Штейфон по приезде в Сербию увлекся мыслью о создании новых законоположений. Но такие вопросы уже не занимали Главнокомандующего. Перед своим переездом в Париж Александр Павлович неоднократно вел со Штейфоном разговоры о том, какими делами заняться ему на новом месте. И генерал Штейфон настойчиво рекомендовал использовать возможности Великого князя для кодификационных работ.

Александр Павлович уверовал в целесообразность такого совета и по прибытии в Париж испросил у Великого князя согласие на организацию таковых работ. По приказанию Великого князя, то есть по предложению генерала Кутепова, в Белграде была собрана комиссия под председательством генерала А. М. Драгомирова, в состав которой был приглашен и генерал Штейфон. Комиссия работала около года и заново отредактировала уставы, имеющие воспитательное в жизни армии значение: дисциплинарный, гарнизонный и внутренней службы.

В письме от 11 июня 1924 г. Александр Павлович писал Штейфону:

«Дорогой Борис Александрович, очень рад, что Вы, написав мне ругательное письмо, почувствовали полное облегчение! ... Очень рад, что Вас привлекли к работе по выработке уставов. Удалось, Слава Богу, двинуть разработку и некоторых гражданских вопросов. Работы пока много!»

Такое направление деятельности своего нового помощника вполне удовлетворяло Великого князя и, таким образом, дебюты Александра Павловича были удачны.

Не меньшее одобрение находил генерал Кутепов и среди правых и умеренных кругов парижской общественности, так как Александр Павлович всецело поддерживал идею подчинения армии Великому князю.

Однако масса новых впечатлений не заглушила в нем тяготения к армии, к прошлым интересам. В пасхальном письме от 21 апреля 1924 г. он пишет своему бывшему начальнику штаба: «...Напишите, как Вы поживаете? ... Вероятно, Вас гнетет бездеятельность; будем надеяться, что скоро наступит время и для нашей с Вами работы...»

«Наша с Вами работа» могла быть только в армии. По ней и томился Александр Павлович. Ушедший из армии, он в своих письмах Штейфону постоянно касался интересов повседневной армейской жизни: «Назначение полковника N меня удивило; из начальства меня никто не запрашивал... Удивлен, что до сих пор приговор по делу NN не утвержден... Если С. не уехал, то передайте ему, чтобы дал мне справку... Очень удивлен, что так несправедливо поступили с М.» и т. д.

Даже в период новой работы Александра Павловича в Париже он не мог забыть прошлого и его волновали былые обиды. В обширном письме от 5 мая 1924 г. он пишет: «Вы должны отлично пом-

нить, что лично я стал отходить от управления моими частями, как только заметил, что этого хотят другие... Из армии я уходить не хотел (выделено в документе. – Б. Ш.), предполагалась только командировка, но вышло иначе! Здесь мне удалось кое-что сделать, поэтому моя совесть спокойна...»

В письме от 16 сентября 1924 г., то есть после полугода пребывания в Париже, продолжает упорствовать неприязнь к Врангелю, но к ней уже добавляются признаки новых разочарований.

«...Если я напишу об этом П. Н., то он, наверное, поступит наоборот... С каждым днем все более и более убеждаюсь, что свои интересы люди ставят выше интересов России, поэтому и появляется такая масса интриг и сплетен!.. Прошу передать привет тем, которые меня не ругают, если таковые в Карловцах есть...»

В письме от 24 декабря 1924 г. слышится тот же лейтмотив: «Для меня последние два года были большой школой, я научился узнавать людей и правильно понимать их слова. Мне кажется, что будущая работа потребует от нас прежде всего знания людей, которых надо будет использовать сообразно их качествам».

В следующем, 1925 году, круг служебных и частных сношений генерала Кутепова расширяется. Произошло это потому, что 1 сентября 1924 г. генерал Врангель образовал Русский общевоинский союз, а в декабре того же года Великий князь Николай Николаевич принял на себя возглавление зарубежным воинством.

Общественно-политические дела интересовали Александра Павловича, и он охотно соприкасался с ними. Наблюдая изнанку парижских дел, Кутепов продолжает разочаровываться и в людях, и в приемах работы. Ему, привыкшему к иной этике, к иным взаимоотношениям, многое представлялось странным, непонятным и неприемлемым. 11 декабря 1925 г. он писал генералу Штейфону: «...Новостей здесь, кажется, мало, я мало знаю, так как держусь от всего подальше и не хочу путаться во все интриги, которые здесь называются политикой.. (выделено в документе. – Б. Ш.)».

Однородные настроения и в письме от 26 апреля 1926 г.:

«...Новостей у нас здесь мало. Общественность вместе с некоторыми нашими военными кругами занялась сплошными интригами, которые почему-то называются политикой. Лично я от всей этой кухни держусь подальше, так как считаю, что таким путем нашего воза сдвинуть нельзя... очень сожалею, что относительно Зарубежного съезда оказался по всем пунктам прав, равно год назад высказывался против съезда...»

Через полгода (2 октября 1926 г.) те же заявления:

«...За всем наблюдаю со страхом и учусь! Должен сказать, что прохожу науку, очень полезную (выделено в документе. – Б. Ш.) для будущей службы...»

Под воздействием подобных впечатлений Александр Павлович все больше и больше замыкается в себе и перестает интересоваться даже военными вопросами:

«...Лично я держусь вдали от всяких зарубежных военных вопросов... от галлиполийских дел я отошел еще в 1924 г. после известного Вам приказа Главнокомандующего (распоряжение генерала Врангеля № 14. – Б. Ш.)... Бываю в родной мне галлиполийской семье только тогда, когда получаю приглашение!»

Грустно следить, как тоскует солдатская душа Александра Павловича в обстановке новых для него взаимоотношений и как увядают его первоначальные надежды. Он, несомненно, переживает тяжелую внутреннюю драму, ибо специфических условий Парижа не принимает его совесть, а от прежних интересов, от прежнего мира он оторван отчислением из рядов армии.

Несмотря на ряд разочарований, генерал Кутепов продолжает верить в возможность благоприятных для русского дела перемен в недалеком будущем. Будучи осведомленным в колебаниях европейской политики, он склонен переоценивать общую обстановку и своими прогнозами делится с генералом Штейфоном:

«Для нас с Вами наступает самый тяжелый период нашего пребывания на чужбине; мне кажется, что наше изгнание продолжится еще около трех-двух лет, так как обстановка складывается пока для нас неблагоприятно», – пишет он в письме от 25 января 1925 г.

«Сдвиг в Европе произошел в нашу пользу, но, к сожалению, еще недостаточный, чтобы сдвинуть наше общее дело с мертвой точки. До интервенции далеко! Мне кажется, что спасение нашей Родины пока можно ждать только от событий в России», – пишет он в том же письме.

«Мне кажется, что события начнут с этой осени разворачиваться быстрее, поэтому положение Совдепии будет ухудшаться с каждым днем, а мы будем приближаться к нашей России (выделено в документе. – Б. Ш.), которую сможем увидеть года через два-три».

В эти сумрачные годы, когда Александр Павлович переходил от разочарований к надеждам и обратно, он находил душевный отдых только в собственной семье. В марте 1925 г. осуществилось заветное желание Александра Павловича и Лидии Давыдовны Куте-

повых – и у них родился сын. Оба они были безмерно счастливы, и в дальнейших письмах Штейфону Александр Павлович постоянно упоминает о своем Павлике:

«Лидия Давыдовна и Павел Александрович (в сообщении о крестинах “Павла Александровича”. – Б. Ш.) шлют Вам привет...»

«Павлик кланяется», «Павлик тоже шлет привет, а он начал уже смеяться и узнавать маму», «Павлик вышлет Вам свою фотографию дополнительно».

В общем, в течение первых четырех лет пребывания в Париже генерал Кутепов не нашел того удовлетворения, какое ожидал, покидая Югославию. Общественная жизнь его явно разочаровала, а ее изнанка вызывала моральный протест.

Общеполитическая обстановка тоже разочаровывает, и он в ней разбирается плохо. Как указывалось раньше, дар предвидения не свойственен Александру Павловичу.

К делам РОВСа он тоже не имел близкого касания и, по-видимому, вообще перестает интересоваться военными вопросами.

В этот период жизни, имея свободное время, Александр Павлович стремится расширить чтением свой кругозор и пополнить недочеты своего военного образования. В одном из писем генералу Штейфону он откровенно признается: «Всегда учитывал свой недостаток и теперь всячески стараюсь пополнить свое военное образование. Военно-научные курсы генерала Головина в Париже открыты, главным образом, при моем содействии...»

Когда у Александра Павловича оказывалось много свободного времени, это всегда были периоды духовной вялости, ибо его натура требовала кипучей деятельности. Его парижские разочарования убедительно свидетельствуют, что по своей сущности он только строевой начальник. Поэтому те области – общественная и политическая, – какие увлекали людей иного склада, не занимают его интересов.

Выбитый обстоятельствами из сферы ему близких и понятных интересов, Александр Павлович уже не проявляет былой энергии, не дает того внутреннего горения, какие характерны для него в периоды настоящей борьбы. Правда, в Париже тоже происходила «борьба», но это была борьба партий, нередко пронизанная греховным себялюбием, интригами, личными счетами. И, конечно, она не могла увлечь такого человека, как Александр Павлович.

Кутепов жаждал работы во имя спасения Родины. Поэтому он и решил даже на такую для него большую жертву, как уход из ар-

мии. Чувствуя тайный укор своих первых соратников за то, что покинул их ряды в дни, особенно тяжкие для армии, Александр Павлович морально страдал, но утешал себя надеждой, что в Париже найдет работу. Действительность, однако, показала, что и парижская политическая работа не слишком отличалась от белградской бездеятельности.

Среди ряда угасших надежд все же сохранялась еще одна – это подпольная, конспиративная деятельность в Советской России, то есть та работа, к которой Александр Павлович давно чувствовал влечение и почитал себя если уж не специалистом такого дела, то, во всяком случае, человеком опытным и искушенным.

Такая убежденность в своих силах, к сожалению, совершенно не соответствовала действительности. Наоборот, подобное заблуждение явилось самым большим, роковым заблуждением в его жизни. Александр Павлович не имел ни одного достоинства, необходимого для того, чтобы руководить конспиративной работой: он сохранял неискоренимую слабость доверять авантюристам, совершенно не знал техники этого дела и весьма плохо разбирался в людях. Сам он был убежден, что его «трудно провести», но уже приводимые ранее факты доказывали обратное.

Даже добродетель конспиратора – скрытность, умение молчать, и та обернулись во вред Александру Павловичу, ибо он избегал кого-либо посвящать в подробности своей разведывательной работы, а потому полагался только на себя.

По прибытии в Париж генерал Кутепов охотно продолжал заниматься работой в Советской России. В помощь ему был назначен генерал Монкевиц. Старый офицер Генерального штаба, человек неглупый, но увлекающийся. С опытом по разведывательной части в прошлом, наделенный апломбом, Монкевиц импонировал Александру Павловичу*.

Об их совместной работе имеется мало фактических данных, ибо свои тайны они унесли с собою. Одно несомненно, что Монке-

* **Монкевиц Николай Августович** (1869–1926). В годы Первой мировой войны занимал должность начальника штаба 4-й армии. С марта по декабрь 1919 г. выполнял поручения в качестве главы Русской миссии в Берлине. С 1925 г. состоял в распоряжении генерала А. П. Кутепова. По одной из версий – покончил жизнь самоубийством, будучи не в состоянии расплатиться по долгам; по другой – убит советской разведкой; по третьей – тайно выехал в СССР, будучи завербованным НКВД.

виц привил Александру Павловичу ложные методы конспиративной работы, развив в нем вкус к приемам в стиле бульварных романов. Монкевиц немало содействовал и закреплению отношений между генералом Кутеповым и пресловутым «Грестом».

Монкевиц кончил свои дни таинственно. Официальная версия считает, что он покончил с собою в горах Швейцарии. Его тело не было найдено, и это обстоятельство окружило его гибель легендами. Упорно держался и держится слух, что самоубийство Монкевица было инсценировано, а что в действительности он якобы перебрался в Совдепию, где и продолжает работать в роли большевистского агента. В какой мере такие легенды соответствуют слухам, трудно судить. Тем более что Монкевицу было бы не так легко «перевоплотиться»: он обладал бросающимся в глаза физическим недостатком (был косой).

Сам Александр Павлович, искренне или нет, поддерживал версию самоубийства, вызванную интимными мотивами.

Потеряв Монкевица, который был дан Александру Павловичу в качестве разведывательного спеца с согласия Великого князя Николая Николаевича, генерал Кутепов выбрал себе нового помощника по личному желанию. Его выбор остановился на полковнике Зайцове. Молодой офицер Генерального штаба, окончивший ускоренные академические курсы во время войны, бывший офицер Лейб-гвардии Семеновского полка, он вступил в белую армию в 1919 г., когда с группой семеновцев перешел из Петрограда в армию генерала Юденича, при приближении последней к Гатчине*. По своим склонностям Зайцов предпочитал кабинетную работу и с увлечением занимался разработкой военно-научных вопросов.

Ко времени назначения Зайцова (1926 г.) генерал Кутепов расценивал себя уже как опытного конспиратора, не нуждающегося

* **Зайцов Арсений Александрович** (1889–1954). Полковник Лейб-гвардии Семеновского полка. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции проживал в Чаталдже, Лемносе. С 1922 г. – в Болгарии, начальник штаба Донского корпуса. В 1924 г. переехал в Париж, сотрудничал с генералом А. П. Кутеповым. С 1928 г. преподавал на Высших военно-научных курсах. Автор крупных работ по истории военного искусства, Гражданской войны в России: «Германский Генеральный штаб» (Белград, 1931), «Очерки новейшей военной истории» (Париж, 1932), «Высшая тактика» (Париж, 1934), «1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны» (Париж, 1934) и др. Скончался в Париже.

в руководстве. Ему был нужен, или, точнее, он считал, что ему нужен только скромный, исполнительный помощник – секретарь, служебный и личный авторитет которого не оказывал бы давление на самого Александра Павловича. К тому же, и это сыграло решающее значение при выборе Зайцова, последний обладал хорошим знанием иностранных языков. Это обстоятельство являлось очень важным, ибо Александр Павлович не обладал способностями к языкам и до конца дней не мог усвоить французской речи. Между тем ему приходилось часто ездить по Европе и встречаться с иностранцами.

Кутепов считал, что Зайцов является как раз таким помощником, какой ему необходим: скромный и старательный исполнитель, знающий языки. Большого от него и не требовалось. Печальный опыт «Треста» и обнаружившаяся при этом сеть провокаций произвели, конечно, впечатление на Александра Павловича, но, по-видимому, вслед за этим у него вновь преобладала вера в свой инстинкт разведчика и убеждение в том, что он «хорошо разбирается в людях».

Как уже указывалось раньше, при упоминании об Обществе Галлиполийцев генерал Врангель допускал в воинских союзах и обществах выборные начала. Последствия не замедлили сказаться значительным обострением в жизни указанных организаций. Приняв в свое ведение РОВС, Великий князь вынужден был отказаться от идеи выборности в ее чистом виде. Выборные председатели обществ были заменены назначенными его приказами. Выборность правлений была сохранена, но назначенным председателям давалось право отвода неугодных им выборных членов правлений.

Смешение идей, положенных в основу управления частями РОВС, как решение компромиссное вызывало лишь новые страсти и создавало полную путаницу взаимоотношений. Появилась партийность, интриги, угрожающие признаки развала.

Из всех стран, от лиц авторитетных и вдумчивых неслись предостережения и указывалось, что РОВС находится «в тупике».

Если в толще РОВС наблюдалась большая неурядица, то не лучше обстояло дело и на верхах: в Париже был Верховный главнокомандующий – Великий князь Николай Николаевич. В Брюсселе – Главнокомандующий генерал Врангель. Два различных мировосприятия, два лагеря с явной настроженностью друг против друга. В итоге – двоевластие...

Особенно печальным было положение в Сербии, где во главе отдела РОВС находился генерал Экк*, человек дряхлый, маловольный, органически чуждый новым условиям бытия армии. Он всю свою жизнь принадлежал к тому вредному типу начальников-попустителей, девиз которых: «Все благополучно!»

Генерал Кутепов понимал грозность положения, создавшегося в РОВС, но не решался вмешиваться в дела союза, так как «все равно из всякого моего распоряжения сделают “гласный” скандал, а это только помешает делу и организации» (письмо Кутепова от 15 декабря 1926 г.).

10 марта 1927 г. он писал генералу Штейфону: «Галлиполийский дух все же держится в наших рядах, благодаря чему единственная в эмиграции организация, которая еще с грехом пополам существует – Галлиполийское Общество».

Отделившись от близкого участия в деятельности в областях военной и общественной, Александр Павлович с тем большим увлечением отдается работе в Советской России. Несмотря на неудачи (Монкевиц, «Трест») он, по-видимому, вполне удовлетворен своей работой.

«Наши дела продвигаются, – пишет от Штейфону 25 октября 1926 г. – События разворачиваются, работа внутренних сил идет успешно, но, конечно, все это происходит не так быстро, как мы бы все хотели. Надо ждать еще года два! Коммунизм в России пережил себя, руководители потеряли почву под ногами, поэтому они замесались и ищут выхода. Разлад в большевистской партии очень сильно углубляется, оппозиция, потеряв часть своих “вождей”, продолжает свою работу...»

Не требуется особой проницательности, чтобы понять, на основании каких данных строит Александр Павлович свои выводы. Ясно, что это его агенты убеждают его, что «работа внутренних сил идет успешно».

* **Экк Эдуард Владимирович** (1851–1937). Генерал от инфантерии. В Первую мировую войну – командир 23-го армейского корпуса. С января 1919 г. – в резерве чинов ВСЮР при штабе Главнокомандующего. В Русской армии в 1920 г. возглавлял Высшую комиссию правительственного надзора. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии; глава Совета объединенных офицерских организаций, до января 1933 г. – начальник 4-го отдела РОВС, представитель Главнокомандующего Русской армии в Белграде.

Весьма характерно и письмо от 14 июня 1927 г., в котором, упоминая, что «советская звезда стала закатываться», Кутепов сообщает Штейффону:

«Был здесь П. Н. (Врангель. – *Б. III.*); всюду бывал, много говорил, но мало кого убедил, что он единственное лицо, которое сможет вывести русский народ на его исторический путь, и т. д. В Галлиполийском собрании устроили, конечно, банкет по случаю его приезда. Прошел банкет очень кисло, поэтому даже в печати решили ничего не помещать. Он страшно боится попасть в число “бывших людей”; до сих пор не может понять, что надвигаются такие огромные события, которые произведут полную переоценку всех ценностей». В постскриптуме добавлено: «Работа разворачивается очень интересно».

Приведенная выдержка свидетельствует, во-первых, о том, что глухая неприязнь Александра Павловича к Врангелю приняла форму хронического чувства. Во-вторых, и это главное, в его словах «единственное лицо» надо угадывать появившуюся ревность соперника, убежденного, что его работа в Советской России является тем оружием, какое наносит большевикам наиболее чувствительные удары. Между тем мы знаем теперь точно, что усилия даже таких доверенных агентов, как госпожа Захарченко-Шульц, были густо пропитаны большевистской провокацией. И Захарченко, думая, что она руководит пресловутым «Трестом», сама фактически была в руках «Треста».

Врангель знал кое-что о «Тресте», был убежден, что это большевистская выдумка. Знал, что Александр Павлович не годится для роли руководителя разведывательной работой в Совдепии. И его приезд в Париж был вызван вполне искренним опасением за судьбы национального дела.

Престарелый Великий князь явно уклонялся от активной работы. Его утомляли партийные разногласия, борьба с Великим князем Кириллом Владимировичем и многое другое.

Таким образом, генерал Врангель имел все данные считать себя действительно «единственным лицом», могущим и способным вести борьбу за освобождение Родины. Равного ему по творческой энергии, государственному уму и дару предвидения в русской военной эмиграции не было. Он был прирожденным вождем, тогда как генерал Кутепов сочетал в себе все качества лишь прекрасного, незаменимого исполнителя.

Заключительная часть письма от 14 июня о «переоценке всех ценностей» представляется со стороны непонятной. В действительности она была отзвуком галлиполийского «kozyрька» и уже со-

держала в себе новое исповедание Александра Павловича – непредрешенчество!

Исповедание, казалось бы, ни в какой степени не свойственное генералу Кутепову, но вполне объяснимое, если принять во внимание склонность Александра Павловича поддаваться внешним воздействиям...

Неожиданная смерть генерала Врангеля выбила из белых рядов самого крупного вождя. Великий князь принял на себя непосредственное управление РОВС, но эти новые обязанности скоро утомили его уже слабеющие силы.

29 апреля 1928 г. Верховный главнокомандующий отдал приказ:

«Генерала от инфантерии Кутепова назначаю председателем Русского общевойскового союза, объединяющего части Зарубежного русского воинства и все существующие воинские организации и союзы.

По всем вопросам, касающимся Русского общевойскового союза, генерал от инфантерии Кутепов докладывает непосредственно мне».

Вслед за этим Великий князь отдает 8 мая 1928 г. второй приказ:

«Начальника моей военной канцелярии генерал-лейтенанта Кондзеровского* подчиняю генералу от инфантерии Кутепову как председателю Русского общевойскового союза».

Этими двумя приказами Великий князь фактически передавал Александру Павловичу все управление зарубежным воинством, оставляя за собой только номинальное руководство. Тяжелое наследство досталось ему.

Новое служебное назначение заставило генерала Кутепова снова вернуться в мир военных интересов, от которых он значительно отошел за последние годы.

* **Кондзеровский Петр Константинович** (1869–1929). Генерал-лейтенант. С началом Первой мировой войны был назначен дежурным генералом при Верховном главнокомандующем (оставался на этом посту при Великом князе Николае Николаевиче и Императоре Николае II). После Февральской революции вошел в число членов Военного совета; в мае 1918 г. уволен по распоряжению Народного комиссариата внутренних дел. С июля 1919 г. – в Северо-Западной армии в должности начальника штаба и помощника главнокомандующего генерала от инфантерии Н. Н. Юденича; с октября – помощник главнокомандующего по должности военного министра. В эмиграции – начальник канцелярии Великого князя Николая Николаевича и председателя РОВСа.

Зная, в каком печальном положении находится РОВС, и зная, что Александр Павлович, при жизни Врангеля, много раз высказывался за необходимость реформ, генерал Штейффон был уверен, что новый председатель РОВС не замедлит принять меры, способные оздоровить союз. Однако Александр Павлович не проявил в этом направлении былой энергии. В конце августа генерал Штейффон написал Александру Павловичу письмо, в котором, ссылаясь не только на личную компетенцию, но и на свидетельства ряда авторитетных начальников, настаивал на необходимости реформ, если «мы желаем» сохранить РОВС действительно «воинским». В своем письме он упрекал Александра Павловича за незнание пульса армейской жизни и за отсутствие «галлиполийской энергии».

Это письмо явно задело генерала Кутепова, и он писал в своих ответах от 17 сентября и 5 ноября 1928 г.:

«Лично я стремился к регулярству с первых дней добровольчества, но, к сожалению, очень многие обстоятельства этому мешали... Зная Вашу преданность армии, я уверен, что Вы всегда сделаете все, чтобы поддержать ее дух и сохранить в ней старые традиции Императорской армии. Из Вашего письма видно, что Вы не угадываете всех трудностей моего положения...» (письмо от 17 сентября).

«...У меня тоже имеется масса хороших мыслей, но, к сожалению, я не имею лично возможности (выделено в документе. – Б. Ш.) провести их в жизнь... Пульс армейский я отлично угадываю, но, к сожалению, не имею возможности поставить на свое место некоторых генералов, которые своими “разговорами” разрушают нашу организацию. В настоящее время необходимо, как никогда, сохранить военную организацию, так как иностранцы теперь интересуются нами (выделено в документе. – Б. Ш.)...» (письмо от 5 ноября).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Положение генерала Кутепова как председателя РОВСа было, конечно, тяжелое. И не только потому, что дела союза были запущенными. Наиболее нервующим являлось то обстоятельство, что в лице многих старых генералов Александр Павлович встречал глухую оппозицию, крайне уродливую по своей сущности. «Отцы» видели в Александре Павловиче представителя «детей», и эта болезненная тема русской эмиграции сказывалась в сильной степени и в армейской среде. Быть может, даже больше, чем в других кругах!

Для «отцов» Александр Павлович был «мальчишкой», и они демонстративно величали его «полковником Кутеповым», выказывая тем свое мнение, что жизнь для них остановилась в феврале 1917 года, и как бы не признавая производство в генералы «законным». Насколько были сильны и нелепы счеты и претензии, основанные на формальном старшинстве, показывает незначительный, но характерный факт: как уже указывалось, во главе сербского отдела РОВС находился генерал Экк. Чтобы иметь представление о его годах, надо объяснить, что в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. он был уже капитаном Генерального штаба.

В Сербии пребывал и генерал Адлерберг*, человек еще более пожилой, чем Экк, и считавший себя «по службе» старше Экка: когда Экк был прапорщиком, Адлерберг был уже штабс-капитаном. Подобные счеты восходили ко времени, близкому к Севастопольской кампании 1855 года.

Адлерберг считал себя обиженным, что Экк, а не он является начальником отдела РОВС, и ворчал, называя Экка «вундеркиндом»! Понятно, что если для «Адлербергов» Экк был вундеркиндом, то новый председатель союза искренне расценивался, как вундервнук...

Галлиполийский генерал Кутепов, конечно, не обратил бы внимания на такую фронду, но парижская атмосфера оказывала свое воздействие и сделала Александра Павловича более политичным. В дальнейшем склонность к компромиссам проявилась еще в большей степени, и подобное приспособление значительно снижало главное качество Александра Павловича – его ярко выраженную индивидуальность. Тем, кто знал Александра Павловича в Галлиполи, было бы дико услышать признание генерала Кутепова, что он «не имеет возможности поставить на место» кого-либо из подчиненных ему чинов!..

В общем, несмотря на свои полномочия, Александр Павлович в течение 1928 г. не проявил энергии в деле управления РОВС.

* **Адлерберг Александр Александрович** (1849–1931). Генерал от инфантерии. Окончил Пажеский корпус в 1870 г., служил в Лейб-гвардии Преображенском и Финляндском полках. Занимал должность инспектора запасных формирований в Российской императорской армии. Во ВСЮР в резерве чинов при штабе Главнокомандующего; инспектор запасных войск. В Югославии занимал должность начальника Загребского района РОВС.

16 декабря генерал Кутепов был спешно вызван в Антиб, на юг Франции, куда приехал Великий князь Николай Николаевич, и, вернувшись в Париж, отдал 19 декабря 1928 г. приказ № 25:

«На время болезни Его Императорского Высочества подлежащие докладу Верховному главнокомандующему вопросы Великий князь Николай Николаевич приказал мне разрешать самостоятельно. Обо всех на этом основании сделанных распоряжениях затем доложить Его Императорскому Высочеству».

О таком приказе необходимо упомянуть потому, что этим приказом генерал Кутепов объявлялся заместителем Великого князя, а после скорострительной кончины Верховного главнокомандующего, последовавшей 5 января 1929 г., Александр Павлович преемственно принял обязанности как главы зарубежного воинства, так и возглавителя национальной борьбы.

С юридической точки зрения, преемственность генерала Кутепова не являлась бесспорной, и это обстоятельство оказало немалое влияние на его дальнейшее поведение. Если уже раньше он не проявлял желания выказывать энергию в вопросах управления РОВС, то в 1929 г. наблюдается еще меньшее желание проявить свою «кутеповскую волю».

Кроме соображений дипломатического характера, подобное снижение волевых импульсов должно быть объяснено и причинами более глубокими и сложными. Несомненно, что к 1929 г. волевые центры Александра Павловича стали сдавать, переутомленные предшествовавшей напряженной и длительной работой. Подобную же волевою усталость можно было наблюдать и у Врангеля в брюссельский период его жизни. История знает много примеров изнашивания воли, и даже такой титан, как Наполеон, не устоял против этого рокового закона.

Если припомнить, какие энергические усилия потребовались для того, чтобы скромный, застенчивый «помор» превратился в офицера Лейб-гвардии Преображенского полка, а затем достиг положения главы национального дела, то будет понятно, какую сильнейшую работу давали за это время волевые центры. И естественно, что они стали сдавать.

За год перед этим заболела Лидия Давыдовна, и ее пришлось оперировать. Болезнь и операция очень волновали Александра Павловича, и когда сейчас же после операции он вошел к жене, ему стало дурно. Александр Павлович был сконфужен тем, что «так оскандалился», объясняя «скандал» сильным запахом наркоза. Не-

сколько лет назад невозможно было бы даже представить, чтобы Александру Павловичу сделалось дурно в силу каких угодно внешних воздействий. Ясно, что случай в клинике доказывает, что к указанному времени сердце Кутепова стало сдавать...

В итоге причины психофизиологического характера и влияли на снижение интенсивности его деятельности. «Дипломатические» побуждения были лишь побочным воздействием.

Обязанности, какие перешли к Александру Павловичу после смерти Великого князя, побуждали его вновь заинтересоваться делами РОВСа. Он понимал, что успех его будущей работы будет во многом зависеть от того, насколько зарубежное воинство сохранит качества сплоченной, дисциплинированной воинской организации.

К сожалению, в деле военных реформ генерал Кутепов стал на путь, ему совершенно несвойственный – путь опросов начальников, собирания мнений и тому подобной бюрократической волоките. Явление тем более странное, что он сам был убежден в необходимости реформ, ибо признавал, что даже наиболее сильная духом и числом Галлиполийская организация «с грехом пополам существует». А несколько месяцев назад (5 ноября 1928 г.) уверял генерала Штейфона, что «пульс армейский я отлично угадываю...»

Подобные противоречия станут понятными, если мы припомним, что Александр Павлович не обладал даром интуиции и, в то же время, был склонен поддаваться воздействиям среды или отдельных лиц. Как в первые месяцы Галлиполи он явно не угадывал «армейского пульса» и шел по ложным путям, так и в Париже, в 1929 году, зная «болезни» зарубежного военного организма, генерал Кутепов не мог найти нужных «лекарств». Переняв приемы парижской общественной работы, в которой слова явно доминировали над действиями, Александр Павлович и уверовал в якобы благодетельный путь анкетных опросов.

В середине января 1929 г. генерал Штейфон написал Александру Павловичу письмо с пожеланием успеха в его новой трудной роли и вновь напомнил о необходимости реформ, дабы вывести РОВС из тупика, в котором он пребывал благодаря ошибкам прошлого управления. В этом письме Штейфон повторял прежние свои взгляды: необходимо упрочить законность, а систему управления основывать на определенных бескомпромиссных идеях. В заключение автор письма выражал надежду, что Александр Павлович вновь обретет «галлиполийскую энергию» и будет считаться с пользой дела, а не с обывательским критиканством. Штейфон ре-

шитительно настаивал на увольнении начальников, явно несоответствующих своим должностям, ссылаясь на вред таких начальников, как генерал Зегелов*.

«Дело» Зегелова было известно Александру Павловичу. И заключалось в следующем: будучи председателем Общества русских офицеров в Югославии, Зегелов опубликовал свое «распоряжение», в котором заявлял, что «все», не состоящие в этом обществе, «не могут рассчитывать» на занятие в будущей России каких-либо служебных или выборных должностей! По-видимому, столь нелепая угроза показалась все же недостаточной председателю Общества русских офицеров, и он усилил ее добавлением, что не члены общества «вообще не могут рассчитывать» в России на какую-либо должность...

Нетрудно представить, как компрометировала подобная чепуха идею РОВСа и авторитет председателей обществ и союзов. Не лишним будет добавить, что в Обществе русских офицеров состояло несколько сот членов, а численность русских в Югославии исчислялась тысячами.

С подобными незаконными выступлениями «представителей» Штейфон и рекомендовал Александру Павловичу бороться. Не менее энергичные меры рекомендовались им и для того, чтобы побудить руководителей обществ исполнять уставы обществ и союзов, каковые часто и грубо нарушались. Основная мысль Штейфона была такова: раз существует устав, его надо выполнять. Если устав данного общества не соответствует своему назначению, то его следует заменить другим, но отнюдь не вводить в управление произвол...

Письмо Штейфона явно задело Александра Павловича, и он ответил:

«29 января 1929 г. Дорогой Борис Александрович! С некоторыми мыслями Вашего письма я был бы вполне согласен, если бы только Вы приняли во внимание, что во всякой сложной организа-

* **Зегелов Александр Александрович** (1858–1939). Генерал от инфантерии. В Первую мировую войну начальник 33-й пехотной дивизии; командир 3-го армейского корпуса 10-й армии В августе 1915 г. переведен в резерв чинов при штабе Двинского военного округа; в октябре – уволен от службы по болезни «с мундиром и пенсией». В 1917 г. покинул Россию. Жил в Югославии, был председателем районного правления Общества офицеров Генштаба 4-го отдела РОВС и председателем Центрального правления Общества русских офицеров в Югославии.

ции, а в особенности воинской, коренная ломка и переустройство должны идти исподволь.

Конечно, очень прискорбно, что многие лица не соответствуют своему назначению, и еще прискорбнее, если на местах в Воинском союзе творятся, как Вы говорите, беззакония, но Вы забываете, что, не имея возможности лично общаться с воинскими организациями, рассеянными по всему свету, мне приходится мириться со многим, так как нет ни одного лица, про которого бы другие не говорили плохо.

Во всяком случае, спасибо Вам за Ваши добрые пожелания.

Напоминаю Вам несколько раз повторяемую мою просьбу – пришлите мне справку, какого числа и за каким номером Вы были назначены мною комендантом города Галлиполи и начальником штаба. Лидия Давыдовна благодарит Вас. Искренне уважающий Вас А. Кутепов».

Высказанные в этом письме мысли были необычны для генерала Кутепова. Не было никакого сомнения, что этот ответ был ему кем-то продиктован. Подобное убеждение основывается на том, что «свой» ответ Александр Павлович прислал позже и в такой форме, которая заставляет предположить о том, как изменился он под влиянием парижской обстановки.

В начале марта генерал Штейфон получил письмо от генерала Стогова*, занявшего после смерти генерала Кондзеровского должность начальника военной канцелярии:

«3 марта 1929 г. Глубокоуважаемый Борис Александрович, вместе с сим особой бандеролью высылаю Вам № 3 Вестника С[ою-

* **Стогов Николай Николаевич** (1872–1959). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну – командир 16-го армейского корпуса, начальник штаба и командующий Юго-Западным фронтом. Служил в Красной армии в должности начальника Всеросглавштаба (май–август 1918 г.). Начальник военной организации Всероссийского национального центра в Москве в 1918–1919 гг., в августе 1919 г. возглавлял штаб Добровольческой армии Московского района. Бежал накануне ареста ВЧК. Во ВСЮР занимал должности начальника укреплений Ростова (сентябрь 1919 г.), начальника штаба Кубанской армии (с января 1920 г.). В Русской армии – комендант Севастопольской крепости и командующий войсками тылового района. В эмиграции жил во Франции. В 1924 г. – помощник начальника военной канцелярии РОВС, с 1930 г. – начальник канцелярии. В феврале 1941 г. – начальник 1-го отдела РОВС. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, Союза Георгиевских кавалеров, почетный председатель Союза российских кадетских корпусов.

за] оф[ицеров] уч [астников] войны, на стр. 26 какого номера Вы и найдете заметку г-на Виноградского.

У меня к Вам большая просьба: в свое время все старшие начальники были запрошены о тех изменениях в Положении о РОВСе, каковые, по их мнению, желательно было бы ввести. Ответы ныне, думается, все получены и сводятся или: а) все обстоит благополучно, или б) уже поистине головокружительные проекты вроде учреждения должностей генер[ал]-инспекторов по родам оружия. Предложений же приемлемых и обоснованных – нет.

Как Вам известно, волею судьбы я теперь состою в в[оенной] канцелярии РОВСа, и меня приведенные выше вопросы не только интересуют с точки зрения вообще военного человека, но и с чисто деловой, т.е. возможности, до некоторой степени, кое-что сделать – хотя бы в виде своевременного доклада А. П. Кутепову.

У меня много бродит в голове мыслей, но так как я не имел чести служить в строю Добровольческой или Русской армии, а также и не был в Галлиполи, то за свои мысли несколько опасаясь.

Так вот, моя просьба заключается в том, чтобы Вы, пользуясь Вашим опытом и думами по затронутому вопросу, были бы так добры и сообщили бы о тех необх[одимых] по Вашему мнению изменениях, о коих я Вам сказал в начале письма.

Пишите, хотя намеками. Надеюсь на свою понятливость.

Знаю, что затрудняю Вас, но почему-то считаю, что Вы сможете мне помочь. Затем, если не очень трудно, то отвечайте мне поскорее.

Искренне Вас уважающий и заранее благодарный

Н. Стогов.

P.S. Будьте уверены, что отнюдь не имею желания выдавать Ваши мысли за свои. Дело ведь общее, но я не премину, при докладе, указать источник той или иной мысли».

Подобное письмо, содержавшее столь печальную характеристику командного состава РОВСа, немало удивило генерала Штейфона. Он был мало знаком с Н. Н. Стоговым и никогда с ним не переписывался.

Вместе с тем, Штейфон, как офицер Генерального штаба, имел известное представление о Стогове, а потому представлялось совершенно невозможным, чтобы Стогов написал это письмо собственной инициативой.

Штейфон был убежден, что полученное им письмо было составлено и отправлено по указаниям Александра Павловича.

В интересах цельности впечатления будет полезным добавить, что, встретившись в дальнейшем с Александром Павловичем в Париже, Штейфон спросил его по поводу письма генерала Стогова:

– Скажите, пожалуйста, Стогов по своей инициативе запрашивал мое мнение о реформе РОВС или Вы ему это приказали?

Александр Павлович смутился и ответил откровенно:

– Да, это он сделал по моему приказанию.

– Почему же Вы не обратились лично?

Кутепов насупился:

– Я не хотел, чтобы говорили, что я сам не сумел справиться и обратился к своему начальнику штаба...

– Но ведь все равно – Вы к нему обратились?

Александр Павлович промолчал...

Штейфон ответил Стогову, высказав ему свои «галлиполийские» мысли, и добавил, что эти мысли хорошо известны генералу Кутепову. Анкеты, какие производил Александр Павлович по вопросам, связанным с РОВСом, вне зависимости от их идейной и практической ценности не имели значения, ибо в 1929 г. Александр Павлович испытывал равнодушие к военным делам. С одной стороны, потому, что организационная работа весьма мало соответствовала склонностям генерала Кутепова, а с другой – он вновь окупался в общественную суетность.

Еще в июньском письме 1927 г. генералу Штейфону Александр Павлович предсказывал «огромные события, которые произведут полную переоценку всех ценностей». С 1927 г., то есть в течение последующих двух лет, как мы знаем, таковых событий не было, но зато стали выявляться совершенно определенные сдвиги в идеологии самого Александра Павловича. Смутное ранее содержание «галлиполийского козырька» совершенно определенно выявилось вновь усвоенной формулой «непредрешенчества».

Парижская и иная общественность, которую генерал Кутепов так сурово аттестовал в предыдущие годы, вновь привлекает его внимание. Создается и закрепляется как характерный фон деятельности Александра Павловича в 1929 году – быт банкетов, встреч, «чашек чая» и прочей суетной говорливости.

Поездки по Европе в целях инспекции превращаются в ряд шумных и вредных манифестаций. Вредных потому, что в деловом смысле они не дают никаких результатов, но в то же время привлекают своей шумихой враждебное к личности Александра Павловича внимание недоброжелателей русского национального дела. Вра-

ги воспринимают в явно преувеличенном виде, в сущности, безответственные банкетные речи и неосновательно приписывают генералу Кутепову планы, не имеющие реального обоснования.

И весьма правдоподобно предположение, что Александр Павлович погиб так безвременно и трагически только потому, что злые силы на основании лишь словесной шумихи переоценили и качества, и возможности генерала Кутепова.

О настроениях Александра Павловича в «медовый месяц» его нового появления в качестве «главы национального дела» свидетельствует письмо от 18 апреля 1929 года:

«Дорогой Борис Александрович! Лидия Давыдовна и я сердечно благодарим Вас за Ваше поздравление и Ваши добрые пожелания. Мы очень тронуты Вашим вниманием.

Своей поездкой в Сербию и Чехию я остался очень доволен. РОВС начинает приобретать все большее значение не только среди наших общественных и политических кругов, но и среди иностранцев. Об общих моих впечатлениях Вы, наверное, читали в интервью, данным мною в газетах “Возрождение” и “Россия и Славянство” ... Очень рад, что Вы не теряете своей постоянной бодрости духа, несмотря на тяжелые условия работы (генерал Штейфон, давно отойдя от дел, служил рабочим на угольном руднике, посвящая свои досуги военно-научной и литературной деятельности. – Б. Ш.). От всей души желаю всего доброго. Ваш А. Кутепов».

Теперь, на фоне четырехлетней давности ясно, как мало соответствовал действительности оптимизм Александра Павловича. Да и тогда, когда в 1929 году он бывал «очень доволен» результатами своих поездок, на местах отнюдь не замечалось такого же удовлетворения.

Объединения эмиграции, каковое приписывали банкетные речи личности Александра Павловича, практически не существовало, ибо оно вообще является делом неосуществимым.

К тому же республиканские группировки (и вполне справедливо!) продолжали считать генерала Кутепова монархистом и не были склонны верить искренности его непредрешенческих тенденций.

Правые же партии проявляли настороженность и разочарование именно благодаря непредрешенчеству.

«Кирилловское движение» легитимистов видело в председателе РОВСа своего несомненного противника.

В вопросах церковных разногласий генерал Кутепов следовал политике Великого князя, считавшего принадлежность к той или иной епархии делом совести каждого верующего. Поэтому Алек-

сандр Павлович в официальных случаях посещал церковь на rue Daug, то есть «евлогиянскую», а в качестве «свободно верующего» ходил или в Галлиполийскую церковь, или на rue d' Odessa, то есть в те, кои признавали юрисдикцию митрополита Антония.

При подобной обстановке не приходилось говорить об объединении как о факте, что так любили отмечать ораторы многочисленных банкетов, встреч и «чашек чая».

Столь же малоценными были результаты достижений и в области внешней политики. Отдельные благоприятные факты тонули в общей явной враждебности долголетнего гегемона Бриана. Мир оставался равнодушным, а демократические круги – и открыто враждебными к русской национальной проблеме.

Впрочем, своей деятельности в областях военной и общественно-политической генерал Кутепов не придавал особого значения. Она была лишь дополнением к закордонной работе, каковая расценивалась Александром Павловичем как главная и наиболее успешная. Ее тайны, как указывалось, он унес с собой в могилу. Однако для суждения о ней все же имеются, хотя и разрозненные, но достоверные факты, восстановив которые, можно восстановить и общую картину.

Летом 1929 г. к генералу Штейфону обратилось весьма известное, почтенное лицо с просьбой порекомендовать нескольких совершенно надежных офицеров, желающих отправиться в Советскую Россию с секретным поручением. Проживая в глуши, Штейфон не счел возможным вести переписку по столь секретному делу и отправился в Белград, где и обратился за содействием к генералу Барбовичу.

Генерал Барбович, доблестный, честный офицер, был начальником кавалерийской дивизии и непосредственно встречался с офицерской средой. Он обещал свое содействие, и было условлено, что на следующий день Барбович приведет нескольких солидных штаб-офицеров, с каковыми Штейфон и переговорит. Назначенная встреча состоялась, и присутствовавшим, не называя никаких подробностей, Штейфон рассказал, в чем дело.

На предложение порекомендовать офицеров для секретной командировки штаб-офицеры ответили молчаливым смущением. Они смотрели на Барбовича, а последний обратился к Штейфону.

– Ваше Превосходительство, Вас, конечно, удивляет наше молчание. Но прежде чем ответить, разрешите узнать, кому нужны офицеры? Генералу Кутепову или они будут посланы в Совдепию другим лицом? И с одобрения генерала Кутепова или нет?

Подобный вопрос не удивил генерала Штейфона, так как, зная собравшихся, он знал, что все они являются наиболее стойкими и активными работниками в РОВСе.

– К этой командировке генерал Кутепов не имеет никакого отношения, и офицеры будут отправлены помимо генерала Кутепова.

Велико было изумление Штейфона, когда в ответ на его заявление все оживились и заговорили свободно:

– Если помимо генерала Кутепова, тогда мы найдем офицеров... Мы колебались дать Вашему Превосходительству ответ, думая, что офицеры нужны генералу Кутепову... По его «линии» трудно было бы найти желающих ехать...

– Но почему же?

– Потому, Ваше Превосходительство, что у генерала Кутепова следуют провалы за провалами. Среди офицеров существует твердое убеждение, что в «линии» генерала Кутепова «не все благополучно».

Крайне озадаченный такими разговорами, генерал Штейфон за время своего пребывания в Белграде проверил, насколько подобное мнение распространено среди офицеров. И убедился, что такое мнение действительно существует.

Во время пребывания Штейфона в Белграде к нему обратились офицеры с просьбой «возглавить работу» и объединить тех, кто желает «работать». Необходимо помнить, что благодаря неурядицам в РОВСе много наиболее энергичных офицеров, продолжая числиться в своих обществах или частях, отошли от союза и образовали ряд тайных групп. В таких тайных организациях было немало жертвенно настроенных людей, пламенно любящих Родину.

По-видимому, вот от таких групп и обратились к генералу Штейфону. Свое обращение они мотивировали так:

«В Общевоинском союзе никакой работы не ведется. Офицерство разлагается, погружаясь в личные дела. Из Парижа никакого руководства не чувствуется. А здесь или дразги, или “чашки чая”, которыми Россию не спасешь...»

Штейфон отклонил предложение. Да и что он мог «объединить» или «направить», проживая в глуши, вдали от Парижа и иных центров?! Но невеселыми белградскими наблюдениями он поделился со своими друзьями, проживающими в других странах, людьми служебно и лично авторитетными. И все они подтвердили, что белградские настроения тождественны с настроениями офицеров во всех их странах. И что система закордонной работы Алексан-

дра Павловича вызывает у лиц служебно к нему близких разочарование, осуждение и опасение. Но что сам Александр Павлович вполне доволен своим руководством и болезненно воспринимает всякую критику в этой области.

Штейфону, любившему и ценившему Александра Павловича, было больно читать такие отзывы. Не менее больно было читать и упреки своих корреспондентов: «Кутепов Вас слушает. Почему Вы не убедите его в ошибочности его путей?»

Конечно, мало кто знал, как энергично, а часто и резко, осуждал Штейфон действия Александра Павловича в своих письмах к нему: и вредную шумиху банкетов, и невозможность совмещать полезную инспекцию с суетой празднословия и беспочвенную веру в интерес иностранцев к русскому делу и многое иное...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

6 октября 1929 г. в Белграде было назначено погребение останков генерала Врангеля. Белград был наводнен русскими. Прибыли из Франции, Германии, Болгарии и иных стран депутации и бывшие соратники покойного Главнокомандующего. Прибыл и генерал Кутепов.

Впервые после пятилетней разлуки встретились Александр Павлович и Штейфон. Встретились накануне похорон генерала Врангеля и проговорили до 3 часов утра. Обоим многое хотелось рассказать и о многом спросить. Александр Павлович изменился: обрюзг, пополнел, постарел. Сперва он рассказал о своих успехах в разных областях и закончил шутиливой фразой:

– Ну, теперь рассказывайте Вы, Борис Александрович, знаю, что будете меня критиковать.

Штейфон не поддержал шутки и ответил серьезно:

– Желаете, чтобы я, как раньше, говорил с полной откровенностью и не умалчивал?

– Конечно!

Все, что знал и думал генерал Штейфон о деятельности Александра Павловича, все он высказал в ту ночь. Едва ли за пять прошедших лет кто-нибудь говорил генералу Кутепову так откровенно. Когда коснулся печального состояния РОВСа, сказал:

– Вы не обижайтесь, Александр Павлович, но у меня создается уверенность, что Вы перестали интересоваться союзом и армейски-

ми делами. Иногда кажется, что Вы в душе даже довольны, что Общевойсковой союз разваливается!

Александр Павлович ничего не ответил. Только мрачно взглянул.

А в том месте разговора, когда Штейфон, коснувшись необходимости реформ, советовал: «плюнуть на обиды, на то, кто что будет говорить, и сменить вредных делу начальников, вроде Экка, Зегелова и других», Кутепов вставил реплику:

– Пришлось бы многих сменить, а прежде всего NN – и назвал фамилию своего главного помощника...

– В Галлиполи и вообще раньше Вы так бы и поступили!

Александр Павлович насупился еще больше и в ответ предложил «попробовать шоколад», лежавший на столе.

Не скрыв Штейфон и своего разговора с Барбовичем и штаб-офицерами, рассказал об офицерских настроениях, о сделанном ему предложении «возглавить», и прочее...

Эта часть разговора острее всего задела Александра Павловича. И что было особенно печально, задело не разочарование в надеждах, возлагавшихся на него, а сомнение в его способностях конспиратора.

Александр Павлович стал нервно доказывать, что он, «конечно, не может раскрыть своих карт», а потому его и «не понимают».

Напрасно Штейфон убеждал, что никто не искушает «раскрывать его карты», что всякому благомыслящему человеку понятна необходимость крайней секретности в подобной работе и что дело не в кадрах, а в системе.

Генерал Кутепов, конечно, не касался подробно своей деятельности в Советской России, но на основании отдельных фраз у Штейфона составилось прочное убеждение, что работа ведется без определенного плана, что, впрочем, вполне соответствовало характеру Александра Павловича.

Свои догадки Штейфон и высказал:

– Вот Вы жалуетесь на ограниченность своих средств и упрекаете парижских буржуев за их эгоизм. Казалось бы, если у Вас мало средств, то при таких условиях бесцельно стремиться покрыть всю Россию своей сетью. Вместо того чтобы направлять своих агентов куда придется, одного в Киев, а другого – в Казань, не лучше ли избрать определенный район и его обрабатывать? Вспомните военное правило – бить кулаком, а не растопыренными пальцами!

– Может быть, Вы и правы, но дело не в этом. Меня интересует Красная армия, и в ней у меня имеются уже хорошие связи. Я вот

поджидаю ответов от красных «главковерхов» и рассчитываю сделать с ними большое дело.

Вступить в связь с кем-либо из «главковерхов» и с их помощью совершить переворот в СССР, это была давнишняя мечта генерала Кутепова. Мечта фантастическая и совершенно беспочвенная.

В общем, у генерала Штейфона составилось совершенно твердое убеждение, что под влиянием банкетной и прочей лести Александр Павлович значительно переоценивает свои успехи в различных областях, если вообще можно было бы усмотреть в его деятельности действительно какие-либо реальные достижения.

Не доверяя собственным выводам, Штейфон, после начатого разговора, проверил свои впечатления в беседах с приехавшими в Белград старшими деятелями РОВСа. И эти новые беседы убедили, что действительность, по-видимому, даже мрачнее, чем это ему казалось.

Генерал Шатилов, хорошо знакомый с парижскими настроениями и близко наблюдавший работу Александра Павловича, говорил:

– Никто из нас не знает, что делает Александр Павлович в Совдепии. Он ото всех таит свои секреты. Все делает сам, и в этом громадная опасность. Несколько раз я пытался доказать ему весь вред такой системы, но Вы же знаете Александра Павловича – он упрям и не желает слушать никаких резонов.

В начале декабря 1929 г. генерал Штейфон приехал в Париж. На второй день приезда посетил вечером Кутеповых. Небольшая, узкая, мрачная улица Rousselet и старый, тоже мрачный дом № 26. Александр Павлович жил на третьем этаже. Крохотная передняя. Дальше столовая, она же приемная. Потом небольшой кабинет Александра Павловича и рядом спальня. Очень скромная квартира и не менее скромная обстановка. Много вещей, знакомых Штейфону по Галлиполи, Болгарии, Сербии. Общее впечатление большой простоты и ограниченности средств. Александр Павлович и Лидия Давыдовна, предупрежденные звонком, встретили Штейфона сердечно, а по своему укладу даже и парадно.

За ужином разговор коснулся парижских квартир, их дороговизны и неудобств. Из столовой вели три двери: одна в переднюю, другая в кабинет и третья еще в какую-то комнату. Эта последняя дверь была закрыта. Штейфон спросил Лидию Давыдовну:

– Значит, у Вас четыре комнаты?

– Нет, три!

– А это, вероятно, у Вас «шпайз» (по сербски «шпайз» – кладовая. – *Б. Ш.*), – указал Штейфон на закрытую дверь.

– Нет, это тоже комната. Она принадлежит нашей квартире, но мы от нее отказались. Надо было платить лишних 300 франков, а это нам не по средствам. Она имеет отдельный вход на лестницу, и хозяин сдает ее от себя.

Это обстоятельство удивило Штейфона. Квартира Кутеповых была настолько мала, что всякий разговор в одной комнате должен быть слышен во всех других. Несомненно, что и в той, о коей идет речь, было слышно решительно все, что говорилось в столовой и в кабинете. Принимая во внимание положение Александра Павловича, столь близкое соседство какого-то постороннего человека нельзя было признать нормальным.

Штейфон и высказал это:

– Как же Вы миритесь с тем, что за стеной живет посторонний человек и, конечно, слышит все Ваши разговоры? А у Александра Павловича, наверное, бывает здесь немало посетителей, и ведутся деловые разговоры. Кто там живет – француз?

– Нет, русский. Мы справлялись о нем, он человек надежный, да к тому же и редко бывает дома.

– Неужели РОВС не может отпустить лишних 300 франков своему председателю, но гарантировать ему изолированность квартиры?

Александр Павлович горячо доказывал, что он не считает себя вправе расходовать «лишние средства». Штейфон знал, как щепетил генерал Кутепов в расходовании казенных денег, очень уважал в нем эту черту, но все же никак не мог согласиться с тем, что ради экономии в 300 франков рядом с главой русского национального дела живет посторонний человек из России, который при желании может все знать, что делается в квартире.

Невольно вспомнилась беспечность Александра Павловича в Галлиполи, когда он совершенно спокойно мирился с тем, что под его служебным кабинетом в штабе жили солдаты и офицеры...

В тот же вечер Штейфон узнал, что для своих развозов Александр Павлович пользуется услугами русских шоферов, предложивших ему бесплатно возить по городу. Всякий день был новый шофер. Подобное предложение, конечно, доказывает прекрасные чувства офицеров-шоферов, но является нарушением элементарных правил охраны. Вообще, за этим первым у Кутеповых ужином выяснилось, просто сказать, возмутительное отношение Александр

ра Павловича к собственной безопасности. Так, например, он стал рассказывать, что не раз «замечал за собой слежку каких-то типов». Одного даже знал в лицо и «несколько дней назад, соскакивая с трамвая, любезно с ним раскланялся».

Рассказывая такие подробности, он был очень доволен собою. Лидия Давыдовна, наоборот, хмурилась и обращалась к Штейфону.

– Меня он не слушает. Скажите ему, Борис Александрович, что береженого и Бог бережет.

Около 11 часов вечера Штейфон собрался уходить. Он не знал города, не умел пользоваться метро и потому спешил. Александр Павлович стал уговаривать остаться, обещая лично проводить до метро.

Когда около полуночи Штейфон уходил, Александр Павлович тоже оделся, чтобы пойти проводить своего гостя, Лидия Давыдовна посоветовала:

– Солнышко, возьми с собою Федора (вестовой генерала Кутепова, преданный человек, много лет служивший у него. – *Б. Ш.*), чтобы не возвращаться одному.

Александр Павлович отказался. Спустились вниз и вышли из мрачной щели Russelet на rue de Sevre. Днем оживленная, многолюдная торговая артерия, ночью она была тихой и пустынной. До метро было около четверти часа хода. Изредка встречались прохожие, да кое-где маячили конные полицейские. Вероятно, под впечатлением разговоров за столом Штейфону стало даже не по себе. Он понял беспокойство Лидии Давыдовны и спросил Александра Павловича:

– И правда, зачем так бравируете? Неужели Вы действительно не опасаетесь ходить в одиночку так поздно?

– Я давно свыкся с опасностью. Да и что может случиться на улице? Ведь это Париж!

В последующие дни, встречаясь с генералом Шатиловым, генералом Кусонским и другими, Штейфон высказал им свое удивление по поводу беспечности Александра Павловича.

РОВС действительно не обладал солидными суммами, однако представлялось неоспоримым, что всегда нашлись бы возможности организовать охрану председателя союза.

Когда разыгралась трагедия 26 января и в управление РОВСом вступил генерал Миллер, немедленно нашлись средства и для собственного автомобиля с постоянным шофером, и для иных мер охраны. Хотя генерал Миллер был и не менее мужественный

солдат, чем генерал Кутепов! В 1917 г. Штейфон был начальником штаба дивизии в корпусе Миллера и знал, какое мужество, храбрость и величие духа проявил он и на виду у неприятеля, и среди бушевавшей тогда солдатни. Но, несмотря на свое мужество, Миллер обладал благоразумием, какого, к сожалению, не хватало Александру Павловичу.

Находясь в Париже, генерал Штейфон встречался со многими лицами, занимавшими в эмиграции видное или руководящее положение. Скоро он убедился, что тот оптимизм, какой проявлял и в письмах, и в ночном белградском разговоре генерал Кутепов, не соответствует действительности. О единении эмиграции говорить не приходилось, ибо каждая партия, каждая группировка считали мудрой и достойной осуществления только свою программу. Да и сам Александр Павлович в смысле «общественно-политических достижений» высказывался в Париже гораздо сдержаннее, чем в Белграде.

Среди различных встреч генерала Штейфона наиболее сильное впечатление на него произвели встречи и разговоры с графом Коковцовым*. Последний почитался в парижских кругах человеком скептического умонастроения. В действительности он лишь вдумчиво и объективно знакомил Штейфона с русскими руководящими настроениями и возможностями.

Президент Французской Республики м-г Думерг** по рекомендации своих друзей пожелал ознакомиться с мыслями генерала Штейфона по русскому вопросу. Он поручил генеральному секре-

* **Коковцов Владимир Николаевич** (1853–1943). Граф, государственный деятель. Служил в Министерстве юстиции (1873–1879), Главном тюремном управлении (1879–1890), Государственной канцелярии (1890–1896). В составе Совета министров графа С. Ю. Витте занимал должность министра финансов Российской Империи (1904–1905). Эту же должность занимал и в правительстве П. А. Столыпина (1906–1914 гг.). После убийства Столыпина в сентябре 1911 г. возглавил Совет министров, оставаясь при этом министром финансов. В 1917 г. выехал во Францию. Сотрудничал с представителями Русского политического совещания, принимал участие в составлении экономических рекомендаций Правительству Юга России (1920) генерала П. Н. Врангеля. С 1922 г. занимал должность председателя Объединения деятелей русского финансового ведомства в Париже, председатель правления Коммерческого банка.

** **Думерг Гастон** (1863–1937). Французский государственный и политический деятель, президент Франции в 1924–1931 гг.

тарю Министерства иностранных дел г-ну Ф. Бертоло, руководившему фактически внешней французской политикой, пригласить Штейфона и выслушать его. Таковая встреча и состоялась в известном историческом кабинете генерального секретаря. Разговор продолжался около часа, и его содержание было доложено м-г Думергу. Предполагалось, что президент Республики примет генерала Штейфона и лично, в частной аудитории.

Обо всех своих встречах Штейфон подробно сообщал Александру Павловичу, а последний, со своей стороны, давал ему советы. Естественно, что генерала Кутепова особенно заинтересовал прием в Министерстве иностранных дел и аудиенция у президента Республики. Подобное внимание к генералу белой армии представлялось совершенно необычным, и до Штейфона никто из эмигрантов не бывал в Министерстве иностранных дел на приеме у столь важного лица, как Бертоло.

Скоро Александр Павлович убедился, что его бывший начальник штаба весьма хорошо ориентируется в действительных парижских настроениях и возможностях. Поэтому уже к концу декабря он в разговорах со Штейфоном отрешился от привычной ему системы «официального оптимизма», каковой придерживался при общении с русскими кругами. Он признался, что сильно разочарован партийным руководством и перестал верить «этим разговорчикам».

В подобном разочаровании и надо было искать падение его интереса к РОВСу.

Таким образом, среди всех обязанностей генерала Кутепова сохранялась непоколебимой лишь иллюзия о «сговоре с Главверхами» в СССР! В этой единственно увлекавшей его области, в деятельности, какая осуществлялась им вполне самостоятельно, ярко проявились все индивидуальные особенности Александра Павловича. И его качества и недостатки! Громадная энергия сочеталась с отсутствием организаторских способностей; осторожность – с доверием авантюристам и провокаторам, здравый смысл – с фантастикой; солдатская доблесть с беспечностью. Только после трагической гибели генерала Кутепова выяснилось, например, что в Берлине он встречался с де Роберти, личностью, казалось бы, достаточно подозрительной. Несомненно, что если Александр Павлович осведомил бы Шатилова или Штейфона или кого-нибудь из офицеров Генерального штаба о своих видах на де Роберти, они, конечно, энергично восстали бы против общения с де Роберти. В Берлине

начальником отдела РОВС был генерал фон Лампе*, человек умный, тактичный, осведомленный. Когда Александр Павлович наезжал в Берлин по своим конспиративным делам, он не встречался даже с Лампе, хотя последний был его непосредственным помощником по управлению РОВСом. Однажды генералы Кутепов и фон Лампе случайно и неожиданно столкнулись на берлинской улице. Лампе так рассказывал Штейфону:

– Вижу, идет навстречу Александр Павлович. Заметив меня, он сделал каменное лицо. Я понял, что он не желает, чтобы я его узнал, а потому и прошел мимо, сделав тоже каменное лицо. Так Александр Павлович и уехал из Берлина, не повидавшись со мною. Между тем как местный житель и человек во многом осведомленный я мог быть ему полезным.

Таясь от генерала фон Лампе, хорошо ему известного своей преданностью национальному делу, Александр Павлович, по-видимому, был крепко убежден, что он сумеет использовать де Роберти.

Еще со времен совместной службы Штейфону хорошо было известно, как мало приспособлен Александр Павлович к роли Савинкова**. Много позднейших фактов подтвердили основательность скептицизма.

* **Лампе фон Алексей Александрович** (1885–1967). Генерал-майор. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 г. – подполковник и штаб-офицер для поручений при штабе 18-го армейского корпуса; в 1917 г. – исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Летом–осенью 1918 г. вместе с полковником Б. А. Штейфоном возглавлял подпольный вербовочный центр в Харькове, который занимался переброской офицеров в Добровольческую армию. В Добрармии с конца 1918 г. Начальник оперативного отдела в группе войск генерала П. Н. Врангеля, затем на той же должности в управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. В 1920 г. выполнял различные поручения генерала Врангеля в Константинополе и за границей; генерал-майор. После эвакуации из Крыма занимал должность военного представителя Русской армии за рубежом в Дании, в Венгрии и с 1923 г. в Германии. Позднее возглавлял 2-й отдел РОВСа в Берлине. С началом Второй мировой войны и роспуском РОВСа в Германии арестовывался гестапо. По окончании войны переехал во Францию; заместитель начальника РОВСа генерала А. П. Архангельского. С февраля 1957 г. и до конца жизни возглавлял РОВС. Скончался в Париже.

** Речь идет о знаменитом революционере-террористе, писателе и публицисте, участнике Белого движения **Борисе Викторовиче Савинкове** (1879–1925), известном своей конспиративной работой.

Уже в Париже дама, хорошая знакомая генерала Штейфона, сообщила ему:

– Борис Александрович, передайте генералу Кутепову, чтобы он был осторожнее. Этой осенью в отеле, где живут мои знакомые; поселилась русская дама m-me NN. Она, не стесняясь, рассказывала, что приехала из России к Кутепову, передавала о своих встречах с ним и болтала о разных подробностях. Говорила, что снова возвращается в Россию. В отеле много русских, и все удивлялись, как может доверять Кутепов таким особам. Потом она уехала, а через некоторое время прислала моим знакомым телеграмму с просьбой побывать у Кутепова и сообщить ему, чтобы он выслал 300 франков, иначе она не может ехать дальше. Какая-то подозрительная дама!

– И что же, ходили Ваши знакомые к Кутепову?

– Да, они были у него, и он сказал, что пошлет деньги.

При первой встрече с Александром Павловичем Штейфон передал ему этот разговор. Александр Павлович нахмурился и рассердился:

– Знаю, что она болтает лишнее. Я же ее цукал!

Приведенный эпизод заслуживает внимания. И, конечно, не потому, что агентом Александра Павловича оказалась болтливая и несерьезная дама, что, впрочем, имеет свой смысл. Описанный факт вскрывает систему закордонной работы. Агент, направляющийся в Советскую Россию, сносится через третьих случайных лиц с генералом Кутеповым, причем в телеграмме беспечно упоминает имя Кутепова. Посторонние люди узнают имя агента, знают его маршрут, знакомятся с заданиями. То есть вклиниваются в ту область конспиративной работы, которая является особенно секретной.

Поэтому понятно, почему генерал Барбович и его штаб-офицеры так решительно отказывались рисковать своими подчиненными, если их будет отправлять в Советскую Россию генерал Кутепов.

Исследование Галлиполийского периода вполне выяснило отсутствие у Александра Павловича организаторских способностей. Прекрасный исполнитель, он, предоставленный собственным силам, нередко проявлял значительную беспомощность.

После трагической гибели Александра Павловича было установлено, что глава национального движения, председатель РОВСа лично сносился со своими агентами, сам посещал конспиративные квартиры, встречался без посредников с приезжавшими из Совде-

пии явно сомнительными лицами. Другими словами, выполнял обязанности, совершенно не соответствующие его служебной и общественной роли.

В результате, когда произошло злодеяние 26 января 1930 года, с гибелью генерала Кутепова внезапно прервалась и связь с той сетью, которая существовала у него в Советской России. Оказалось, что кроме Александра Павловича никто не во что не был посвящен. Правда, многие и весьма солидные данные указывали, что, несмотря на великую энергию Александра Павловича в этом деле, ему не удалось создать в Совдепии ничего существенного.

Неожиданные события, особенно события драматического характера, потрясли воображение современников. Однако часто бывает то, что поражающее своей неожиданностью событие является лишь логическим завершением сокровенно длительного процесса. Так и ужасная гибель генерала Кутепова, несомненно, была подготовлена рядом факторов, порожденных как его индивидуальными особенностями, так и окружающей средой. Последняя ненужной и вредной шумихой привлекала к личности Александра Павловича внимание врагов национального дела и вызывала к нему то озлобление, которое, фактически, не имело серьезного обоснования. И друзья, и враги генерала Кутепова совершали одну и ту же ошибку: слова и беспочвенные планы рекламировали, как дела.

Прекрасный волевой генерал, выдающийся в областях строевых и боевых, человек высоких моральных качеств и патриот неугасимого горения, Александр Павлович волею судьбы принужден был выполнять обязанности, так мало соответствующие его характеру и его дарованиям.

В истории борьбы за освобождение России имя генерала Кутепова навсегда сохранит свою светлую память. Однако, в оценке его деятельности, невольно вспоминаются мудрые слова профессора А. В. Карташева, сказанные в Галлиполи генералу Штейфону:

«Ваш командир корпуса произвел на меня большое впечатление. Он, по-видимому, равнодушен к политическим проблемам. Впрочем, это и к лучшему, иначе он утерял бы цельность и непосредственность своей натуры».

Б. Штейфон
1933 год
Югославия

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. Н. Головин*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЮНКЕРЕ А. КУТЕПОВЕ¹

В 1903 году летом я был приглашен только что назначенным начальником Владимирского военного училища полковником В. М. Вороновым вести курс тактики в одном из классов. Как раз перед этим назначением В. М. Воронов был начальником штаба 37-й пехотной дивизии, в которой я начал свою службу по Генеральному штабу. Во время нашей совместной службы он неоднократно говорил мне, что офицер Генерального штаба только тогда может считаться окончательно подготовленным, когда он проведет несколько лет преподавателем тактики в военном училище. Только обучая, мы сами окончательно обучаемся, любил повторять он. Напомнив это мне, Владимир Михайлович сказал и то, что он ищет новых военных преподавателей, ибо вверенное ему училище вступает в совершенно новую эпоху своей жизни. Дело в том, что в нашем Военном ведомстве только что была произведена коренная реформа: все прежние «Юнкерские училища» были превращены в «Военные училища». А это означало, что вместо прежней сокращенной образовательной программы вводилось обучение в том же объеме, как и в старых военных училищах.

Очень ценя мнение моего первого начальника по службе Генерального штаба, я согласился, а он, в свою очередь, сказал мне, что даст свой лучший класс.

* **Головин Николай Николаевич** (1875–1944). Военный теоретик и историк. С началом Великой войны назначен командиром Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. В 1917 г. – исполняющий должность начальника штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант (1918). Участник Белого движения на Востоке России. С декабря 1918 г. – помощник представителя командования при союзном командовании. В эмиграции во Франции; создатель и руководитель Высших академических курсов в Париже.

Волнение, с которым я приступил к моим первым шагам в военном преподавании, навсегда врезало в мою память впечатление от моего первого общения с этим классом. Я понял, что полковник Воронов, обещая дать мне свой лучший класс, говорил это вовсе не для того, чтобы подбодрить меня вступить на пугавший меня своею трудностью педагогический путь; порученный мне класс действительно был лучшим. Через год, когда вспыхнула война с Японией, из 40 юнкеров этого класса 30 пошли на войну, а 12 из них геройски пали смертью храбрых.

С пафосом нафосита, подбодренный вниманием моих учеников, я вложил всего себя в новое для меня дело военного преподавания. Для того чтобы достигнуть большего идейного единства, на преподавателя тактики было возложено также и преподавание военной истории, так что мне приходилось проводить много времени в общении с моими юнкерами. И тут уже вскоре я не мог не заметить лучшего из этих лучших.

Это был А. Кутепов.

Фельдфебельские нашивки на погонах показывали мне, что он лучший во всех отношениях. Чрезвычайно выдержанный, он всегда и во всем подавал пример дисциплинированности. Простой в обращении со своими сверстниками, он вместе с этим умел поставить себя так, что, когда отдавал распоряжения как фельдфебель роты, эти же сверстники исполняли его приказания точно и беспрекословно. Уже с первых же шагов А. П. Кутепова в роли «военного начальника» нельзя было не предчувствовать в нем настоящего, с сильной волей, военачальника. Указанные мною качества А. П. Кутепова обуславливали то колоссальное моральное влияние, которое он имел на свой класс. Весьма вероятно, что последний во многом обязан своему фельдфебелю тем, что стал лучшим в своем училище.

Влияние А. Кутепова выражалось не только в так называемом внутреннем порядке класса. А. Кутепов заражал своих сверстников и жаждой знания. Много пришлось мне после 1903 года иметь учеников, но смело могу сказать, что столь сильно жаждущих военных знаний, как А. Кутепов, я встречал редко.

Это желание учиться «кутеповского» класса ярко выявилось в задаваемых в конце каждой из лекций и во время практических занятий вопросах. Я усиленно отвечал на них и называл книги, прочтение которых могло осветить спрашивающим заданный ими вопрос. Всегда по вдумчивости вопросов на первом месте стоял А. Ку-

тепов. Скоро он стал моим любимым учеником, так как заниматься с ним было истинным удовольствием.

Когда наступила первая репетиция, А. Кутепов высказал такие знания и такое понимание пройденной части курса, что присутствовавший на репетиции начальник училища счел своим долгом особо поблагодарить его перед всем классом.

На практических занятиях А. Кутепов также был всегда на первом месте. В этом роде занятий он выделялся отчетливостью своего решения и ясностью своих приказаний.

В середине учебного года произошел случай, который очень характерно обрисовал облик Кутепова.

Я пришел на одну из репетиций. В списке юнкеров, которые должны были отвечать, числился и А. Кутепов. Перед тем, как я начал вызов к доскам юнкеров, ко мне подошел А. Кутепов. Он обратился ко мне с просьбой разрешить отложить его опрос до следующего репетиционного дня. По принятому в училище порядку подобные отказы допускались только в случае болезни. На мой вопрос о причине отказа А. Кутепов несколько сконфуженно, но, открыто глядя мне в глаза, тихо сказал мне, что во вчерашний вечер ему неожиданно представился случай быть в театре, и это помешало ему подготовиться. Меня поразила честность его ответа. Сколько учеников позволили бы себе на его месте «спасительную» ложь, сославшись на внезапную «головную боль»... Поэтому в ответ на заявление А. Кутепова я сказал ему, что, хотя формально я должен был бы поставить ему ноль, но я ценю правду его ответа и буду спрашивать его в следующий раз. В следующий раз А. Кутепов блестяще выдержал «заложенную» репетицию.

Впоследствии, когда мы встретились с А. Кутеповым в эмиграции, он сам рассказал мне, что случай с отказом произвел на него большое впечатление. Он очень колебался, сказать ли правду или «защитную неправду». В училище порядки были строгие, и он рисковал полученным полем испортить себе многое. Однако после долгой внутренней борьбы он все-таки решил сказать правду. Идя к моему столу, он был так уверен, что я отнесусь формально, и он получит свой «ноль».

Подобная моральная честность осталась у А. П. Кутепова и во всю его дальнейшую жизнь. И не она ли именно привлекала к нему сердца его подчиненных, товарищей и начальников?

В. В. Свечин* ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ²

*...как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!..*

Белое движение выдвигает Кутепова в первые ряды. Затем Галлиполи, позднее – Париж.

Везде он творит большое ответственное дело, но наступает 26 января 1930 года, и все неожиданно обрывается... В то же время имя генерала Кутепова, избегавшего всегда рекламы, сразу прославляется – он становится мучеником за святую идею Родины. Его имя повторяют уже не одни русские, но и иностранцы, и его нравственный авторитет растет.

Проходит четыре года, а имя Кутепова звучит громче, чем когда-либо, и чем дальше мы отходим от роковой даты 26 января 1930 года, тем все с большим уважением повторяется это славное имя великого борца за Родину, тем популярнее становится оно, обращаясь понемногу в символ жертвенного патриотизма и становясь лозунгом непримиримой борьбы за спасение, счастье и величие России.

* * *

Я познакомился с Кутеповым осенью 1906 года, когда он был переведен в Лейб-гвардии Преображенский полк из 85-го Выборгского пехотного полка.

Прибыв в казармы на Миллионной улице, он, прежде чем идти к командиру полком, явился в канцелярию, чтобы представиться мне, как полковому адъютанту.

* **Свечин Владимир Владимирович** (1871–1944). Офицер Лейб-гвардии Преображенского полка. В 1893 г. зачислен в Лейб-гвардии Преображенский полк, где находился на ряде командных должностей. Флигель-адъютант (1905). С началом Великой войны назначен в особую комиссию по предварительной проверке документов и счетов Первой учебной автомобильной роты. Полковник. В апреле 1917 г. уволен в отставку. В эмиграции проживал во Франции. В 1930-е гг. – заместитель председателя Союза Преображенцев, редактор журнала «Преображенская хроника». Организатор и председатель Общества ревнителей священной памяти Государя Императора Николая II.

Я знал, что ожидаемый из Выборгского полка офицер – незаурядный. Аттестация командира полка, генерал-майора [А. М.] Зайончковского, явно о том свидетельствовала. Помимо обычных казенных выражений: выдающийся и т. п., на сей раз имелись и другие, по которым можно было составить себе более определенное представление о достоинствах аттестуемого.

При таких условиях я был, естественно, к нему расположен, и все же он произвел на меня исключительное впечатление.

Небольшого роста, коренастый, украшенный боевыми отличиями, он представился мне с безупречной воинской выправкой и дисциплинированностью. Проявляя должное уважение к старшему по чину, возрасту и положению, он в то же время держал себя с величайшим достоинством, не проявляя ни тени заискивания или, столь всегда мне противного, подобострастия. При этом он всегда прямо смотрел в глаза.

Не могло быть сомнений – передо мной был настоящий офицер, разумея под этим офицера-рыцаря, не способного ни перед кем унижаться, но способного на подвиги во имя долга.

Кроме того, я видел, что имею дело с человеком честным до мозга костей, у которого слово не должно расходиться с делом.

Пожелав ему счастья и благополучия, я направил его к командующему полком, которого в то же время предупредил по телефону.

– Как Вы его нашли? – спросил меня полковник В. М. Драгомиров. Я ответил: «Это, несомненно, приобретение для полка. Мое впечатление самое хорошее. Кутепов – офицер в лучшем смысле этого слова, на которого можно положиться. За ним, я уверен, люди пойдут и в мирное, и в военное время, куда бы он их ни повел, а это именно то, что в переживаемое время особенно важно и нужно».

Я горжусь этим отзывом, данным мною в 1906 году. Все последующее как нельзя более его оправдало. И в полку в мирное время, и на войне, и в революционные дни в Петрограде, и в дни командования Лейб-гвардии Преображенским полком, и впоследствии, в эпоху борьбы с красными на юге России, Кутепов был всегда неизменно тем преисполненным великого духа воином, за которым люди шли всюду без оглядки.

* * *

Не помню, в каких ротах протекала его служба в первые годы в полку. Кажется, он скоро был назначен помощником начальника учебной команды, но в 1914 году он – начальник учебной команды.

По закону ему надлежало оставаться в составе запасного батальона, но он не из таких, чтобы с этим примириться.

С объявлением мобилизации его геройский дух вспыхивает с новой силой – тыловая служба не по нему, он рвется в бой.

Внимая его ходатайству, командующий полком флигель-адъютант граф [Н. Н.] Игнатъев* назначает его командиром 4-й роты.

Богатый опытом Японской кампании, Кутепов дает ценные советы своим товарищам ротным командирам 1-го батальона и в первом же бою проявляет во главе своей роты чудеса храбрости и дает доказательства глубокого понимания воинского искусства.

Позднее он командует 2-м батальоном, венчает его новыми лаврами, а в 17-м году получает в командование родной полк после того, как распоряжением Временного правительства командир полка свиты Его Высочества генерал-майор [А. А.] Дрентельн** был уволен в отставку.

Времена тяжелые, власть расшатана, анархия бушует на фронте... Армия разваливается, но благодаря железной энергии Кутепова, благодаря тому исключительному авторитету, которым он пользуется среди солдат, авторитету, основанному на уважении к его мужеству, его глубокому знанию службы, его постоянной заботливости о своих подчиненных и никогда не покидающей его, несмотря на чрезвычайную требовательность по службе, справедливости, ему удается удержать дольше других вверенный ему полк от развала и сохранить не только внутренний порядок полка, но и его боеспособность.

* **Игнатъев Николай Николаевич** (1872–1962). Генерал-майор. В Первую мировую войну командир Лейб-гвардии Преображенского полка. В 1915 г. – начальник штаба гвардейского отряда; в 1916 г. – исполняющий должность начальника штаба войска Гвардии; командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии; в 1917 г. – начальник Гвардейской стрелковой, а с апреля – 1-й гвардейской пехотной дивизии. С июля – в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. В 1918 г. служил у украинского гетмана П. П. Скоропадского, командовал 6-й кадровой дивизией. Во ВСЮР с декабря 1919 г. Начальник обороны Одесского района Войск Новороссийской области. В эмиграции проживал в Югославии и Болгарии.

** **Дрентельн фон Александр Александрович** (1868–1925). Генерал-майор. В Первую мировую войну в рядах Лейб-гвардии Преображенского полка; с сентября 1915 г. – командир полка. После Февральской революции вышел в отставку. По окончании Гражданской войны остался в СССР, умер в Вологодской губернии.

Все помнят события, развернувшиеся летом 1917 года под Тарнополем, когда после мгновенного успеха прославленные Керенским революционные полки панически бежали, оставляя неприятелю несметную добычу и предаваясь по пути своего бегства невероятному грабежу и насилию...

В эти грозные минуты Преображенцы со своими вековыми братьями Семеновцами одни, как непоколебимая стена, преграждали путь победителю.

Замечательная повторяемость событий! В 1700 году юные Потешные полки своим мужеством и самоотверженностью спасают от пленения бегущие перед шведами войска герцога де Круа*, а на 217 лет позднее главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал [Л. Г.] Корнилов телеграфирует: «Вся армия позорно бежит, лишь Петровская бригада сражается под сенью своих седых знамен...»

Вступив в ряды Преображенцев в 1906 году, Кутепов одиннадцать лет спустя вписывает в историю полка последнюю страницу его славы, и эта последняя страница является повторением той первой, начертанной под Нарвой.

* * *

Дальнейшая служба Кутепова Родине – это история Белого движения, это та чудесная повесть героизма, жертвенности, страданий и неугасимой веры в конечное торжество правды над ложью, идеи победы Родины над интернационалом, Бога над сатаной, которую, я надеюсь, изложат с беспристрастием и желательной яркостью те, кто имеет для этого все нужные данные, я же хочу сказать лишь несколько слов о Кутепове как офицере, как командире и человеке.

* * *

Для характеристики Кутепова как офицера и командира я приведу то, что мне пришлось слышать о нем от солдат.

– Строг, – говорили про него еще до войны, – но зря человека не обидит; к тому же, нашего брата понимает, можно сказать, насквозь видит, ему не соврешь. Если в чем провинился – лучше пря-

* Речь идет о фельдмаршале герцоге **Карле Евгении де Круа** (1651–1703), поступившем по предложению Петра I в начале Северной войны на русскую службу и назначенном в 1700 г. главнокомандующим русскими войсками под Нарвой, потерпевшими поражения от шведов (сам Круа сдался в плен).

мо говори – виноват. Тогда – ничего, а коли начнешь с ним крутить – тогда беда.

– С ним еще то хорошо, что ему ни фельдфебель, ни взводный – не указ, службу знает, да и сам во все входит и видит, где правда. Одно слово – командир...

Таковы отзывы о Кутепове в мирное время, в военное они еще любопытнее.

– Герой, – отвечали все, кого, бывало, ни спросишь, а что Кутепов? Если же спросишь: что, очень храбрый? – то слышишь: «Да что храбрый, храбростью нас, Ваше Высокоблагородие, не удивишь, – наши господа офицеры все, как есть, храбрые... Этот не то что храбр, а Бог его знает, какой-то особенный. Кругом смерть, ну прям ад иной раз, а он, как ни в чем не бывало – смеется, шутит, нашего брата бодрит...» И опять та же аттестация, что приходилось слышать и в мирное время – службу знает – но теперь во сколько раз знаменательней звучат эти два слова!

Слышал я и такие пояснения:

– Одной храбрости на войне мало, – надо и дело разуметь, иначе толку мало, лишь одни потери... Вот на этот счет капитан Кутепов, дай Бог им здоровья, молодец – ни одного человека зря не погубит. За ним, можно сказать, как за каменной горой.

– Иные господа и храбрые, и вояки хорошие, да горячатся малость – кидаются в атаку, когда еще нельзя – ну, ничего и не выходит... Капитан же Кутепов всегда спокоен, за всеми следит, и за своими, и за неприятелем, а коли прикажет что, так уж знай, что именно так и надо...

Так мне говорили про него не только раненые его роты или батальона, но и другие, когда я посещал лазареты, и то же мне рассказывали мои бывшие солдаты, заходившие ко мне по выписке из лазаретов перед отправкой вновь на фронт – Кутепова все знали.

Такова характеристика Кутепова как офицера и военачальника. Характеристика искренняя и непосредственная. Это не казенная фразеология, это крик души малых сих.

* * *

Мои личные отношения с Александром Павловичем сразу же по его вступлении в полк приняли дружественный характер. Я первый из старых офицеров выпил с ним «на ты», но так как вместе нам в полку пришлось служить недолго – я был в 1917 году «отчислен от фронта» в свиту Его Величества – то я особенно сблизиться с ним за

это время не успел. Произошло это уже после революции, когда я в числе множества беженцев, покинувших при отступлении отряда полковника [А. Г.] Шкуро в сентябре 1918 года Кисловодск, прибыл в Новороссийск, где Кутепов был в то время военным губернатором.

Духовное одиночество, в котором и он, и я, не имевшие никого близкого и оторванные судьбой от всего дорогого, находились в этом ужасном городе, естественно, обусловило наше сближение.

Общность основных убеждений, безутешность горя по Государю, по старой России, ее славной армии и нашему доблестному родному полку, общность дорогих воспоминаний и надежд – все это, естественно, вызывало желание чаще видаться и связывало нас с каждым днем все крепче и крепче. Старые добрые отношения превращались весьма быстро в настоящую, искреннюю и прочную дружбу.

Мы видались почти ежедневно и подолгу беседовали – отводили, что называется, душу друг перед другом и, могу сказать, что тут я, действительно, познал его. Я понял, что это был за человек. Я убедился, что он не только оправдывает составленное мною о нем ранее представление, но и обладает такими качествами, о которых я ранее и не подозревал.

Я знал, что он отличный офицер, что он высоко честный и глубоко порядочный человек, но не знал многого другого, что открыл в Новороссийске.

Прежде всего, я убедился, что Кутепов человек от природы очень добрый.

Многие, быть может, этому не поверят, но я утверждаю, что это было именно так. Я имею для того много доказательств, основанных на отрывках воспоминаний, свидетельствующих о том, что я не ошибаюсь.

Да, он мог быть беспощаден, когда это было необходимо, когда он сознавал, что без крайних мер обойтись нельзя. Но, принимая их, он должен был делать насилие над самим собой во имя долга. Обладая чрезвычайной выдержкой, он скрывал под ледяной маской свои внутренние переживания, но тем болезненнее отзывались они на его сердце, тем более они надрывали его силы.

Немало страдал он от обнаружившейся столь широко после революции человеческой подлости и немало жаловался он на проявляемую на всех ступенях социальной лестницы беспринципность.

Будучи сам в смысле принципов своего рода монолитом, он не мог понять, что люди, еще вчера занимавшие видные места, носившие чины и украшенные орденами, могли так резко измениться...

Сам он, каким был при производстве в офицеры, когда присягал служить верой и правдой Царю и Отечеству, таким и оставался до конца. Подобно древним римлянам, он не знал компромиссов. Для него Родина, которая в его понятиях, как и в понятиях большинства русских людей, не отделялась от Царя, была единственной целью в жизни. Слова великого основателя Преображенского полка, сказанные под Полтавой, были его жизненным лозунгом. Никаких личных интересов у него не было, как не было и личного честолюбия. Для себя он не искал ничего – жила бы и благоденствовала только Россия!

Будучи монархистом до глубины души, и при этом не в европейском смысле этого слова, а в традиционно-русском, он понимал монархию не как определенную форму правления, а как божественный институт.

Царь – Император Всероссийский – был для него Помазанником Божиим, власти коего повиноваться «не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает».

Исповедуя это, он в то же время сознавал, что абсолютизм как постоянный режим более немыслим, и, будучи принципиальным врагом демократического парламентаризма, признавал, что тот порядок, какой был установлен в России после реформ 1906 года, мог бы при незначительных улучшениях вполне обеспечивать как справедливое управление страной, так и всестороннее ее процветание и истинный культурный прогресс.

При всем этом Родина, как я сказал, была для него превыше всего, и потому он готов был служить ей даже при условиях, которые были бы ему не по душе. Он часто говорил:

– Да, я не мыслю Россию могучей и счастливой иначе, как под скипетром своего законного Царя, но я готов служить России при любом режиме, лишь бы во главе правительства стояли не прислужники интернационала, а люди, ставящие себе задачей национальное возрождение России.

– Нужно, – говорил он, – прежде всего спасти Россию, которая истекает кровью и гибнет. Это первейшая и главнейшая задача; а когда это будет сделано, остальное придет в свое время.

* * *

Нелегко было ему в Новороссийске. Порученное ему дело было для него ново. Он сознавал свою некомпетентность в делах гражданского управления и немало этим тяготился. Желая воспол-

нить отсутствовавшие знания, он тщательно изучал законы и, обладая хорошей памятью, он многое скоро познал.

Но одними книгами не восполнишь недостатка школы и опыта, тем более необходимых при отсутствии налаженного административного аппарата, как известно, разрушенного революцией.

Главным же горем его положения было отсутствие надежных сотрудников. Он ни на кого не мог положиться, и ему приходилось принимать особые меры против возможных с их стороны злоупотреблений. Таковы были и управляющий его канцелярией (фамилии не помню), и начальник его штаба пресловутый полковник [Н. А.] де Роберти.

Помню сетования Александра Павловича на общую продажность, отсутствие патриотизма и неспособность и нежелание примениться к новым обстоятельствам.

При таких условиях его служба в Новороссийске – сплошной подвиг. Не имея возможности никому довериться, он хочет сделать все сам... Он подтягивает распущенное офицерство, борется с произволом всевозможных новоявленных начальников, преследует злоупотребления и беспощадно предаёт грабителей и насильников, кто бы они ни были, – полевому суду и, как теперь помню, приходит в негодование от мягкости екатеринодарского начальства, не желающего утверждать приговоры.

– Неужели, – говорил он с горечью, – не понимают, что, не карая со всей строгостью виновных, тем самым поощряют распущенность и преступления?

Минутами он бывал близок к отчаянию. Этот суровый железный человек иной раз недалек был от слез, сознавая трагизм положения.

Вспоминая первых добровольцев, он говорил мне:

– Если бы ты видел, что это были за люди! Прямо, можно сказать, святые. С такими людьми все можно было сделать! – и он рассказывал эпизоды из эпохи начала белой борьбы, ярко характеризующие высокий нравственный облик ее подвижников.

– Увы, – говорил он, – они почти все погибли, а теперь уж не то – с мобилизацией в армию притекли всякие элементы, и среди них много никуда не годных...

– Ты не можешь представить себе, – продолжал Кутепов, – до чего люди опаскудились, ты не поверишь, если я скажу тебе, что седые полковники стояли передо мною на коленях, умоляя простить за то, что служили в Красной армии... А чиновники? Все это люди

20-го числа, лишённые всякого патриотизма и готовые служить кому угодно, лишь бы им больше платили...

Каким ярким пламенем горели в эти минуты наших бесед его глаза, сколько в них было негодования и досады...

Вот именно во время этих долгих бесед я и постиг его – понял его душу, оценил силу его воли и измерил глубину его рыцарской честности и самоотвержения.

* * *

С назначением Кутепова в январе 1919 года командиром 1-го корпуса Добровольческой армии мы расстались.

Встретились мы вновь уже в Париже. Он был все тот же. Ни крушение всех надежд, связанных с белым движением, ни все пережитое во время эвакуации, а позднее в Галлиполи и, наконец, в Болгарии – ничто не сокрушило его могучего духа – он был все тот же. И он был таким не только перед теми, кому должен был давать пример, но и передо мной, лучшим своим другом, которого он любил как никого, и который, он знал, и его так же любил всем сердцем...

Он был все тот же – духовно непобедимый, неизменно бодрый и непоколебимо верящий в конечный успех.

Одно, в чем я заметил перемену и чему порадовался, – это было то, что он, видимо, использовал житейский опыт и многому научился. Он был теперь уже не только храбрый, талантливый и прямолинейный генерал, но и человек с государственным кругозором. Видно было, что он многое прочитал, многое обдумал и много над самим собой поработал.

В Париже наша дружба еще более укрепилась – стала еще сердечнее. Особенно ценил я ее во время поразившей меня тяжелой болезни.

Посещая меня чуть ли не каждый день, он всегда находил слова утешения и ободрения.

Раз, когда я благодарил его за частые посещения, он сказал мне:

– На то и дружба, чтоб в беде поддерживать друг друга, чем кто может; моя же дружба к тебе особенная: я всегда помню, как ты меня обласкал, когда я прибыл в полк. Я, конечно, не показывал тебе своих переживаний, но мне было очень не по себе в первое время, и поэтому твое отношение ко мне тогда я никогда не забуду.

Я привожу эти слова, как я их запомнил, чтобы лишний раз засвидетельствовать сказанное мною выше о высоте его духа и благородстве характера.

* * *

В Париже Кутепова ожидала совершенно особая деятельность, стоявшая, по своему характеру, на противоположном полюсе его прежней боевой жизни. Осторожность и дипломатичность выдвигались теперь на первый план.

Я убежден, что, в конце концов, он справился бы со стоявшей перед ним задачей, ибо подобно многим русским людям, в разные времена нашей истории стяжавшим себе известность, и, несмотря на отсутствие широкого образования, с честью послужившим возвышению России, Кутепов также со своим природным здравым смыслом и чисто русской смекалкой правильно разбирался в труднейших вопросах, и не случись несчастья 26 января 1930 года, он вписал бы в историю России свое имя несравненно еще более яркими делами, чем те, которыми он себя прославил и за которые все истинные патриоты ныне перед ним благоговейно преклоняются.

П. Н. Малевский-Малевич* **А. П. КУТЕПОВ В ЛЕЙБ-ГВАРДИИ** **ПРЕОБРАЖЕНСКОМ ПОЛКУ³**

По окончании лицея весной 1912 года я подал прошение о зачислении меня в Лейб-гвардии Преображенский полк для отбывания воинской повинности и осенью того же года поступил в 14-ю Его Императорского Высочества (принца Александра Петровича Ольденбургского) роту с прикомандированием к учебной команде для прохождения курса на унтер-офицера. Начальником команды в то время был штабс-капитан Александр Павлович Кутепов.

На всю жизнь мне останутся памятными впечатления первого дня в полку. Нас, вольноопределяющихся, собрали в одном из классов команды, где А. П. Кутепов в сжатых, отчеканенных и вместе с тем прочувствованных выражениях поздравил нас с поступлением на Царскую службу и разъяснил нам значение этого шага.

* **Малевский-Малевич Петр Николаевич** (1891–1974). Офицер Лейб-гвардии Преображенского полка. Великую войну провел в рядах полка. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. В эмиграции к 1929 г. в Лондоне, затем проживал в США. На ноябрь 1951 г. – председатель полкового объединения в США. Скончался в Париже.

Слова его о том, что значит слово «солдат», глубоко запали мне в душу. «Священное звание солдата служить верой и правдой своему Государю и Отечеству, быть борцом за Веру и славу, защитником правды и чести, быть христианским воином, в полном смысле этого слова», – вот вкратце чем нас приветствовал в полку Александр Павлович.

За несколько месяцев, что я пробыл в учебной команде, я не только научился глубоко уважать своего начальника, но и искренно его полюбил. Всегда ровный в обращении, строгий без малейшей придирчивости, внимательный и сердечно отзывчивый к нуждам всех своих подчиненных, он не мог не производить глубочайшего на них впечатления своим безукоризненным знанием военного дела, исключительно ясным, интересным и понятным толкованием теории и умением лучше, чем кто-либо, учить «показом». К тому же, будучи ветераном Японской войны (в 85-м пехотном Выборгском полку), Александр Павлович импонировал нам своим боевым опытом, а его примеры из лично пережитого служили живыми иллюстрациями при изучении Полевого устава.

Наиболее ярко запечатлелось в уме его подчиненных то, что Александр Павлович мог делать все то, что он от нас требовал, будь то самые сложные гимнастические упражнения или ружейные приемы, или стрельба на большие дистанции, или фехтование ружьями. Качество это не могло не производить огромного впечатления на нижних чинов, прибывших недавно из деревни и инстинктивно смотревших на офицера, как на «барина» и «белоручку». Александр Павлович являл им пример русского офицера в лучшем смысле этого слова, и этим объясняется настроение веселого, дружного и товарищеского соревнования, которое царило в команде и делало ее образцовой во всей Гвардии как по внешней выправке, так и по развитию личных способностей, расторопности и высокому уровню военных знаний ее питомцев.

Когда по окончании команды я подал прошение и был принят в полк, Александр Павлович очень много помогал мне в приготовлении к офицерскому экзамену, особенно с тактическими задачами, где он неоднократно просматривал и исправлял мои решения. Его умение изображать эти задачи в самом простейшем и понятнейшем виде было мне огромным подспорьем не только на экзаменах, но и впоследствии во время войны, особенно когда я командовал 14-й Его Императорского Высочества и 13-й ротами в 1914 и 1915 годах.

6 августа 1913 года, в день полкового праздника, на Высочайшем смотре я был произведен в подпоручики, и один из первых, кто меня обнял и поздравил, был Александр Павлович. В его приветствии было для меня что-то исключительно радостное; и гордость носить форму офицера старейшего русского полка смешивалась с чувством удовлетворения, что я, ученик Александра Павловича, не «провалил» – единственное неуставное выражение, которое он применял к проштрафившимся своим воспитанникам.

* * *

Настало лето 1914 года. Грозовые тучи медленно сгущались над миром, и, наконец, буря разразилась. 19 июля (1 августа) 1914 года Россия приняла вызов Австро-Венгрии и Германии.

Согласно мобилизации, начальник учебной команды оставался в Санкт-Петербурге командиром запасного батальона. Но как ни почтенна была деятельность тех, кто готовил бойцов в тылу, ясно, что всякий из нас мечтал о том, чтобы выступить в поход с полком. Александр Павлович, не допуская и мысли, чтобы он мог остаться в тылу, немедленно подал соответствующее ходатайство командиру полка и был назначен командиром 4-й роты. Во главе этой роты 20 августа 1914 года под деревней Владиславов во встречном бою с австрийцами Александр Павлович рукопашным боем опрокинул неприятеля и был тяжело ранен.

Едва оправившись от ран, он вернулся в строй и вновь вступил в командование 4-й ротой, пройдя во главе ее Ломжинскую и Холмскую операции весной и летом 1915 года. Во время последней операции Александр Павлович был вторично тяжело ранен.

В 1916 году Александр Павлович был назначен командиром 2-го батальона и произведен в полковники.

1916 год был годом воскресения духа Русской армии. Тяжелые бои осенью 1915 года, когда истощение огнестрельных припасов, винтовок и снаряжения дали возможность немцам потеснить наш фронт за пределы Царства Польского, до Двины и за Буг, не могли не иметь угнетающего влияния на войска. Да и войска уже были не прежние; большая часть офицеров и солдат, обученных в мирное время, пала на полях сражений или выбыла из строя, и наскоро обученные пополнения, не менее доблестные по духу, чем их предшественники, не обладали ни той выучкой, ни той выносливостью, что бойцы 1914 года. Тем труднее и ответственнее была задача начальников. И в этом отношении Александр Павлович проявил свою ис-

ключительную способность сплачивать своих подчиненных, воодушевлять их единым духом и единым порывом. Это особенно сказалося в тяжелые бои лета 1916 года.

В начале июля Гвардия, переданная из резерва Верховного Главнокомандующего в распоряжение генерал-адъютанта [А. А.] Брусилова, была выдвинута на позицию на реке Стоход.

Позиции, занятые противником на западном берегу реки, были постоянного типа и усиливались сильными тэт-де-понами с открытым и болотистым характером восточного берега. Стоходские болота на участке гвардии были везде не менее полверсты шириною, а на левом фланге (на участке 3-й Гвардейской пехотной дивизии) доходили до 1–1/2 верст.

На долю полка 15 июля выпало атаковать тэт-де-пон противника у деревни Райместо, которую и удалось занять к вечеру 15-го с большими потерями из-за совершенно открытых подступов к ней и невозможности окапываться в болоте – цепи наступали по колесу в воде. Были взяты пленные, пулеметы и два орудия.

2-й батальон в этом бою отличился атакой на южную окраину деревни, которую он удержал, несмотря на ожесточенные попытки противника выбить его оттуда.

Но особенно славным боем 2-го батальона под начальством Александра Павловича было взятие леса у деревни Свинюхи 7-го сентября 1916 года.

В этот день полк находился в корпусном резерве и был расположен за правым флангом дивизии. В первой линии находились Лейб-гвардии Семеновский и Лейб-гвардии Измайловский полки. В дивизионном резерве был Лейб-гвардии Егерский полк, занимавший позицию за Лейб-гвардии Измайловским полком.

После сильнейшей артиллерийской подготовки, длившейся весь день 6-го сентября и до рассвета 7-го, Семеновцы и Измайловцы в 5 часов утра 7-го бросились в атаку, выбили противника из нескольких рядов укреплений и заняли: первые – «Грушевидную» высоту (сильный опорный пункт противника), а вторые – часть леса у деревни Свинюхи и окопы к западу от деревни Корытница. Однако на правом фланге Семеновцы не были поддержаны соседними частями; к тому же между ними и Измайловцами оказался довольно значительный прорыв. Противник для восстановления положения произвел две энергичные контратаки – одну с севера, из-за Кухарского леса, в обход правого фланга Семеновцев, другую с юга в обход левого фланга Измайловцев.

Атака на Семеновцев была остановлена их собственными резервами и выдвижением наших 1-го и 3-го батальонов уступом за их правым флангом. На ликвидацию контратаки с юга был израсходован целиком Лейб-гвардии Егерский полк, причем Измайловцы и Егеря вышли на южную опушку леса у деревни Свиноухи. В это время наметилась третья контратака немцев на северную опушку этого леса во фланг и тыл Измайловцам и Егерям.

В резерве на этом участке оставались всего два наших батальона – 2-й и 4-й. Последний, атаковавший в передней линии 3-го сентября, насчитывал едва 400 штыков. 2-му батальону был отдан приказ ликвидировать немецкое наступление.

За все годы войны мне не пришлось видеть ничего подобного выдвижению 2-го батальона и его стремительной атаки, которая смела и погнала перед собой немецкие цепи. Как только его первые цепи показались на горизонте, не менее пяти тяжелых и большое количество легких батарей открыли по нему заградительный огонь. Цепи двигались как бы по огнедышащей горе, ни разу не останавливаясь, ни разу не нарушая порядка выдвижения под артиллерийским огнем. Из командного поста в бинокль было видно, как батальон «лавирует», уходя все время из-под неприятельского огня – «совсем как на маневрах», как отзывались свидетели его марша. Искусному и бесстрашному водителюству Александра Павловича, шедшему посреди построения со своей связью, батальон обязан тем, что он прошел расстояние в одну версту между исходным положением и передовой линией, не понеся сколько-нибудь значительных потерь.

Благодаря тому, что немецкие цепи двигались в прорыв между «Грушевидной» высотой и Свиноухинским лесом, расстояние между 2-м батальоном и ними быстро сокращалось, и скоро огонь противника ослабел, а затем и стих, когда роты 2-го батальона с криками «ура» обрушились на фланг немцев. Атака была до того стремительна и для противника неожиданна, что, почти не оказывая сопротивления, немцы отхлынули назад, оставляя в наших руках многочисленных пленных и пулеметы. Весь участок от «Грушевидной» высоты и до западной опушки Свиноухинского леса оказался в наших руках.

Развивая достигнутый успех, Александр Павлович выбил остатки сил противника из этого леса и этим довершил прорыв неприятельского фронта.

Распоряжением командира корпуса Александр Павлович был назначен начальником всего сектора в лесу с подчинением ему всех частей, в нем находящихся. Присоединив к себе отдельные роты Измайловцев и Егерей, он немедленно организовал закрепление леса за нами и продолжал очищение подступов к реке Буг сильными разведочными партиями. Разведка никаких сил противника не обнаружила, но захватила много пленных из разбежавшихся немецких частей. О впечатлении, которое произвел этот бой на противника, можно судить по тому, что вечером были взорваны мосты через Буг, подожжены склады и взорваны запасы снарядов. Наша воздушная разведка доносила, что обозы противника спешно отступали на запад.

К сожалению, победа 1-й Гвардейской пехотной дивизии, столь блестяще завершенная 2-м батальоном под начальством А. П. Кутепова, не была использована командованием армии. Наш 4-й батальон к вечеру 7-го был выдвинут на помощь 2-му в Свинюхинский лес, и этим окончательно были израсходованы все резервы корпуса. Лишь на следующий день к вечеру подошла 10-я Сибирская дивизия и сменила в лесу части под командованием Александра Павловича. Только 9 сентября было возобновлено наступление на этом участке. За эти 48 часов противник успел подтянуть резервы (две германские дивизии, по донесению нашей воздушной разведки) и организовать оборону. За исключением занятия нами нескольких отдельных укреплений, атака 9-го не удалась. За бой 7 сентября 1916 года Александр Павлович был награжден Георгиевским оружием. Георгиевский крест он получил уже за бой 27 июля 1915 года у деревни Петрилов (Холмская операция), в котором был тяжело ранен, ведя своих людей в контратаку.

* * *

Революция 1917 года застала полк на позиции в Волынской губернии (Козельское направление). Роковое разложение армии сначала лишь медленно проникало из тыла в боевые части, и немало усилий пришлось потратить революционерам и изменникам, чтобы поколебать стойкость, верность долгу и дисциплину Преображенцев. Лишь в июне, когда по распоряжению Совета рабочих депутатов в полк были высланы четыре «революционные» маршевые роты, распропагандированные, состоящие почти исключительно из рабочих-белобилетников и имеющие в своем составе хорошо организованный аппарат пропаганды под главенством большевика

[Г. И.] Чудновского* (впоследствии военного комиссара в большевистском правительстве), разложение коснулось и нашего полка.

2 апреля 1917 года, после того как командир полка свиты Его Высочества генерал-майор [А. А.] Дрентельн был зачислен в резерв чинов, А. П. Кутепов был назначен командиром полка. Должность эта, о которой раньше мечтали все офицеры, была далеко не легкая в революционной обстановке. Преданность Александра Павловича Государю и Монархии была всем известна. К тому же в февральские дни в Петербурге Александр Павлович принимал участие в уличных боях с революционерами и был одним из немногих, кто не потерял головы и исполнил свой долг до конца. В Совете рабочих депутатов даже поднимался вопрос о предании Александра Павловича «революционному суду» как «врага народа».

Кроме того, вновь введенные благодаря слабости Временного правительства солдатские ротные, батальонные и полковые комитеты, которые на бумаге имели право лишь участвовать в обсуждении вопросов хозяйственных и внутренней жизни, на практике вмешивались во все, подстрекаемые агитаторами во главе с Чудновским, создавали бесконечный ряд инцидентов и скандалов и подтачивали воинскую дисциплину. Особенно тяжелый удар дисциплине или, лучше сказать, остаткам ее нанес приезд на фронт А. Ф. Керенского, когда смотр военного министра был обращен в недисциплинированный и разнузданный митинг. Мне saddается, что Керенский не отдавал себе отчета в том вреде, который делали его фронтовые митинги. Власть в его лице являлась в жалком и ничтожном облике. Красное командование, несмотря на всю свою революционность, прекрасно это учло и быстро и решительно прекратило беспорядочные военные митинги, которые оно считало наследием «буржуазной революции» и которые недопустимы в самой демократической армии.

* **Чудновский Григорий Исаакович** (1890–1918). Один из видных участников революционного движения в России. В 1910 г. за революционную деятельность сослан в Сибирь, в 1913 г. бежал за границу. В мае 1917 вернулся в Россию, вступил в партию большевиков. Член корпусного комитета Юго-Западного фронта. В октябре член Всероссийского бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б), член Петроградского ВРК и комиссар ВРК в Преображенском полку. Один из руководителей взятия Зимнего дворца. В ноябре назначен чрезвычайным комиссаром Юго-Западного фронта. Участвовал в борьбе против Центральной рады. Погиб при отступлении советских войск с Украины.

Ко всему этому надо прибавить то почти нескрываемое недоверие, которое проявляло Временное правительство к офицерскому корпусу, не учитывая, с одной стороны, несомненную его патриотичность и преданность Отечеству, а с другой – то разлагающее впечатление, которое это недоверие производило на солдатские массы. Появилось немало и старших начальников, которые или искренне, или, подлаживаясь к новым веяниям, разрушали доверие солдат к строевым офицерам.

Вот обстановка, в которой Александру Павловичу пришлось командовать полком. Несмотря на все это, его личное обаяние, его пример, мужество и преданность долгу совершили чудо. В позорные дни Тарнопольского прорыва, немедленно последовавшего за трагическим и бутафорским «наступлением Керенского», одна Петровская бригада – полки Лейб-гвардии Преображенский и Семеновский и 1-я Гвардейская артиллерийская бригада – не уронила чести русского знамени.

Упорно, шаг за шагом обороняя свои позиции, бригада отходила под напором противника, не поддержанная другими частями 11-й армии, потерявшими вид и дух солдатский.

В эти дни (июль 1917 г.) А. П. Кутепов был особенно на высоте. С глубокой тоской в сердце, кипя гневом на трусов и изменников, губивших Россию, он являл всем пример русского воина, который смерти не страшится и в минуту отчаяния достигает высшего предела напряжения своих душевных сил.

В короткой статье невозможно описать все то, что мы пережили в эти дни. Полк в составе бригады отходил среди моря развращенной и грабившей свои собственные тылы солдатской толпы, бежавшей при малейшем признаке противника или даже при звуке отдаленного орудийного выстрела, выкидывавшей раненых из санитарных повозок и поездов, чтобы самой скорее удрать в тыл. Все усилия кавалерийских и нескольких ударных частей удержать ее не привели ни к каким результатам, и как наша бригада, дерясь с противником каждый день в течение двух недель, вышла из этого ада, я думаю, никто сейчас объяснить не может.

В эту операцию мы потеряли свыше 1000 орудий и на два миллиарда рублей военного материала. Как ни странно, количество взятых пленными было сравнительно невелико – слишком уж быстро бежали, бросая все, «освобожденные от ига Самодержавия» солдаты.

Дальнейшая история командования полком А. П. Кутеповым не представляет военного интереса. Медленно и верно, несмотря на за-

поздальные меры по восстановлению дисциплины в войсках, введенные Временным правительством, армия теряла последние остатки воинского духа и вида. Большевицкая революция застала полк на сторожевой позиции к западу от города Волочиска и не произвела сначала никакого впечатления. О ней знали смутно, а неурядица в тылу уже никого не удивляла. Общее настроение было безнадежное. Интересно, что когда 1 декабря 1917 года, наконец, пришел приказ от большевицкого военного министра через Революционный военный совет 8-й армии произвести в полку голосование «за или против» Советского правительства, то полк объявил себя «нейтральным»...

«Все одна сволочь, – комментировал это событие один немолодой запасной член полкового комитета, – скорей бы пустили по домам». Этой фразой как бы суммировалась вся психология солдатских масс...

После этого пришел приказ о снятии погон и отличий и о выборе начальников. Александр Павлович, «забаллотированный» полковым комитетом, уехал на Дон.

О последующей деятельности А. П. Кутепова на Юге России и в эмиграции я писать не буду, так как после 1917 года мне пришлось встречаться с ним лишь время от времени. Но до гробовой доски я буду хранить память об Александре Павловиче, нелицеприятном и бесстрашном русском воине в лучшем смысле этого слова, рыцаре без страха и упрека и горячо любимом друге, наставнике и начальнике.

В. В. Дейтрих* **ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА** **ПОСЛЕДНИЙ КОМАНДИР⁴**

Имя Кутепова стало нарицательным. Оно означает верность долгу, спокойную решительность, напряженный жертвенный порыв, холодную, подчас жестокую волю и... чистые руки – все принесенное и отданное на служение Родине.

* **Дейтрих-Белуха-Кохановский Владимир Владимирович** (?–1960). Офицер с 1915 г., штабс-капитан Лейб-гвардии Преображенского полка. Георгиевский кавалер. Осенью 1918 г. состоял в русских добровольческих отрядах на Украине (Селешанский отряд и Полтавский добровольческий батальон). Участник Белого движения на Северо-Западе России. Капитан. В эмиграции в 1930-е гг. возглавлял Союз инвалидов и Группу Ливенцев в Греции. Председатель Союза русских инвалидов в Греции.

Более того, Кутепов вошел в историю и вошел в нее необыкновенно.

Похищенный 26 января 1930 года в Париже среди бела дня агентами Советского правительства, он пал искупительной жертвой за всех праздничноболтающих, бранный дух свой разменявших на бранные слова. Необыкновенен был и весь жизненный путь его, так трагически оборвавшийся. Необыкновенен и прост, как необыкновенна и проста жизнь солдата.

Из фельдфебелей Владимирского военного училища выйдя прямо на войну – еще Японскую, – Кутепов сразу же обратил на себя внимание своей чрезвычайной толковостью в боевой обстановке и той заостренной волевой смелостью, как сталь непоколебимой и упругой, которая так поражала впоследствии, в дни Великой войны, нас, его младших офицеров. К концу войны он за боевые отличия уже произведен в поручики. В «производстве» его представление к Георгиевскому кресту...

На обратном пути в Россию Кутепов впервые сталкивается с революцией. Не то в Чите, не то в Иркутске объявлена республика – одна из тех, которыми в злосчастный 1905 год лихорадило заболевшую страну. Начальство растерялось и ушло.

Кутепов, оставленный с эшеленом, сразу выявил себя начальником во всем значении этого далеко не простого понятия. Без колебаний и сомнений, во главе горсти не совсем надежных солдат, он арестовывает стачечный комитет и упраздняет республику. Это удается Кутепову, потому что он хочет и смеет.

Таков был Кутепов, когда, по возвращении с войны, он был принят в Преображенский полк.

I

*«Наш полк – заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю,
Другим оно старо, для нас все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью...»*

Кутепова знают теперь все. Но многие ли из этих всех подумали о том, какое значение имели для него годы его службы в полку? Для тех, кто знает, испытай на себе всю воспитательную силу полковой семьи, где все подчинено вековым традициям нелицеприятия и чести, где весь уклад жизни способствует развитию в человеке чувства ответственности и долга в его высшем напряжении –

восторженной готовности безропотно и просто умереть за Отечество во славу родного полка, – для всех тех будет понятно значение полка в выявлении и раскрытии личности Кутепова.

*«Полк учит нас терпеть безропотно лишения
И жертвовать собой в тылу святого рвенья.
Все благородное – отвага, доблесть, долг,
Лихая удаля, честь, любовь к Отчизне славной,
К Великому Царю и к Вере Православной –
В едином слове том сливается – наш полк».*

По единичным и отрывочным впечатлениям, по передающейся из уст в уста молве нельзя ни почувствовать, ни понять своеобразной личности Кутепова, его редкостной нравственной устойчивости и необыкновенной способности подчинять себе людей, интеллектуально даже значительно выше его стоящих. Кутепова надо пережить, как переживают событие, значительное в целом и яркое по своему развитию и нарастанию. И это тем более, что редко в ком была так обманчива наружность, редко о ком высказывались столь резко противоречащие одно другому мнения, редко кто возбуждал к себе столько злобы и страха, столько доверия, преданности и любви...

За несколько простецкой, осолдатченной внешностью Кутепов скрывал ум гибкий, острый и живой, гораздо более сильный, чем это казалось его случайному собеседнику. Только ум этот у Кутепова был ограничен волей, я бы сказал даже, намеренно ей подчинен. Происходило это потому, что в безволии Кутепову виделась первопричина нравственного разложения человека. И эту волю в себе Кутепов развивал всеми доступными средствами, нисколько не боясь упрека в утрировке. Он рассказывал сам, что молодым офицером заставлял себя вставать зимней петербургской ночью, шел под студеным душ, одевался до последней пуговицы и... вновь раздевшись, продолжал прерванный сон.

Если подобной закалкой Кутепов достиг исключительного развития в себе способности во всяком положении подчинять себя самому себе, то, конечно, не только одной этой способностью определяется ценность его личности, а тем более ее содержание.

Воля есть величайший двигатель в жизни, но она может одинаково легко как направляться на добро, так и уклоняться в сторону зла. И это в прямой зависимости от душевных свойств и нравственного мировоззрения обладателя воли. Сильны волей были и великие праведники, и великие злодеи.

Кутепов сложился под непосредственным влиянием Преображенской традиции. Ей он обязан как внутренним содержанием, так и устойчивостью своего душевного уклада.

* * *

Обычная, нормальная обстановка не способствует полному выявлению человеком всех присущих ему качеств и свойств. Лишь под влиянием событий и положений чрезвычайных, во время которых условности и инерция повседневного уклада перестают играть свою обезличивающую роль, лишь тогда дано личности показать полную меру доступного ей – как в добре, так и во зле. Предельной высотой взлета или низостью падения человека в такие моменты определяется его истинная ценность, его духовный и нравственный масштаб. Этим масштабом и определяется сила влияния человека на его окружающих...

Резкий в суждениях В. Н. Баранов (Георгиевский кавалер, убит 20 августа 1915 г.), считавший, что раз он командует Государевой ротой и носит на плечах Царские вензеля, то, следовательно, он не имеет права ложиться при перебежках...

Всегда элегантный и спокойный граф К. Н. Литке (Георгиевский кавалер, убит 31 августа 1915 г.), своим слегка заикающимся голосом любивший повторять – прежде всего, гааспада, *du bon sens encore du bon sens et toujours du bon sens** – и снобировавший смерть даже тогда, когда она за ним пришла...

А. А. Чернявский (смертельно ранен 20 августа 1914 г.), в предсмертном бреду напевавший слова полкового марша...

Глубокой военной эрудиции герцог Н. Н. Лейхтенбергский** (Георгиевский кавалер, скончался в эмиграции), верхом поведший в контратаку свой 12-й стрелковый Туркестанский полк...

* Здравомыслящие господа, желаем вам здравого смысла и всегда здраво мыслить (фр.).

** Сохранился приказ (№ 161 от 2 июля 1915 г.) по Лейб-гвардии Преображенскому полку, в котором командир полка генерал-майор Н. Н. Игнатьев, прощаясь с получившим новое назначение **Н. Н. Лейхтенбергским** (1868–1928), перечислял его вклад в полковую историю: «Флигель-адъютант полковник герцог Лейхтенбергский вступил в полк рядовым в 1890 г. И с честью носил полковой мундир свыше 24 лет. Проведя первые годы своей службы младшим офицером 15-й роты и батальонным адъютантом, [он] в течение многих лет с выдающейся энергией заведовал оружием, приложив много труда по устройству полково-

Хозяйственный и хлопотливый Н. Н. Квашнин-Самарин (кавалер Георгиевского оружия, скончался в эмиграции), тип московского сырого боярина, приказывавший во время наступления вести себя под руки, чтобы, Боже сохрани, не оступиться и не отстать – он был слабоват ногами...

Мрачной храбрости, всегда с острым словом, Юрий Холодовский (Георгиевский кавалер, убит 7 сентября 1916 г.), сутуловатый и штатский на вид – вот та среда, в которую вошел Кутепов, вот те, с кем он нес службу в полку...

II

В полку Кутепов выдвинулся сразу. И выдвинулся, несмотря на чрезвычайное богатство полка яркими, самобытными характеристиками и во всех отношениях выдающимися офицерами. Его исключительное знание службы в среде, гордившейся с ревнивым самолюбием этим знанием службы, и где, тем не менее, авторитет Кутепова в этой области установился непреерекаемо; его щепетильная строгость к самому себе и заботливость о солдате; его восприимчивость ко всему тому, чем полк дорожил, как традицией; и то скромное достоинство, с которым Кутепов умел себя держать – все это,

го лагерного стрельбища. Командуя с 1902 г. 15-й, а затем Его Величества ротами, [...] герцог Лейхтенбергский не упускал других отделов обучения, с увлечением отдавался обучению рот стрельбе, причем принес большую пользу всему полку, являясь лично отличным стрелком и внося в обучение стрельбой много знаний и новых веяний. Приняв в 1909 г. 4-й, а с осени 1911 г. 1-й батальоны, [он] с увлечением отдался усовершенствованию боевой подготовки командуемых им батальонов. Глубоко образованный в военных науках [...] герцог Лейхтенбергский приложил много энергии к подготовке по тактическому образованию господ офицеров полка, чему немало способствовали организованные им курсы. Во главе 1-го батальона [он] провел славные Люблинские и Ивангородские бои, и лишь расстроенное здоровье принудило его в ноябре 1914 г. принять в командование запасной батальон полка, где его знания, опыт войны и кипучая энергия принесли много пользы. С грустью расставаясь ныне с глубокоуважаемым Николаем Николаевичем как с отзывчивым старшим товарищем и высокообразованным боевым штаб-офицером, прошу его принять от всех товарищей Преображенцев сердечную благодарность за долготелее служение родному полку и горячие пожелания успеха на новом ответственном посту» (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 827. Л. 13).

вместе взятое, окружило его с первых же дней его вхождения в полковую семью глубоким уважением.

– Правильный человек, – часто приходилось мне, будучи еще вольноопределяющимся, слышать о Кутепове мнение солдат, побивавшихся его беспощадной требовательности по службе, но ценивших его заботу о солдатах и его совершенно бесстрастную справедливость.

В полку уверяли, что провинившийся, не дожидаясь разбора дела, сам шел под ружье, безошибочно угадывая, на сколько часов он будет поставлен Кутеповым за свой проступок.

* * *

Мелкий, но характерный факт...

Недели через две после моего прибытия в полк я в качестве конного разведчика дежурил при штабе. Утром рано солдатская почта принесла известие, что по излечении от ран возвратился капитан Кутепов. Вскоре появился и он сам. Я вытянулся и взял под козырек с тем рвением, на какое только способен человек, все военное образование которого заключается в добром желании и в том, что он за два года перед тем окончил университет по юридическому факультету. Кутепов с улыбкой осмотрел меня с ног до головы и поправил мне пальцы.

– Здравствуй, молодчинище...

Я почему-то почувствовал, что я действительно молодец.

– Здравья желаю, Ваше Высокоблагородь... – В этот момент я от души желал здоровья Кутепову,

– Хорошо отвечаешь, – удовлетворенно и точно с удивлением сказал Кутепов и погладил бороду.

Я опять почему-то почувствовал, что действительно хорошо отвечаю.

– Студент?

– Так точно, Ваше Высокоблагородь, студент.

– Охотник?

– Так точно, Ваше Высокоблагородь, охотник.

Кутепов посмотрел мне прямо в глаза.

– Это хорошо, – наконец, сказал он. – Но помни – сейчас в тебе не студент нужен, а охотник. Сумей умереть, если надо. И умри Преображенцем. За Россию умрешь...

В действующем полку это был мой первый разговор с Кутеповым.

* * *

Служебная отчетливость Кутепова, отмеченная его переводом в учебную команду, породила ряд легенд. Одна из них, основанная на истинном происшествии, нашла себе впоследствии даже некоторое письменное выражение.

В 1916 году покойным ныне Вячеславом Вуичем и мной от окопной скуки стал издаваться рукописный журнал на дружеские злобы дня. В этом журнале появился следующий, в подражание Кузьме Пруткову, рассказ, посвященный Кутепову:

«Военачальникова находчивость»

Военачальник некий, отменной храбростью и находчивостью в делах противу неприятеля неоднократно отличившийся, таковые свои качества и в обстановке штיליםганда не преминул проявить.

На ассамблее находясь, девицу некую нрава приветливого, Феодорой Ивановной именуемую, на вальс пригласивши, оной девице столь великое кружение головы учинил, что не в силах будучи на ногах сдержаться, девица сия вовсе к нему припала и отдыха для к креслу подвести себя просила.

Таковой слабостью, однако, не смущенный военачальник строго приказал – выше голову, тверже ногу – каковыми словами девицу подбодривши, конфуза и нареканий счастливо избежал».

Шутка остается шуткой, но нельзя забывать, что кутеповской отчетливости, требовательности и знанию устава полк в значительной степени обязан тем несравненным унтер-офицерским кадром, который, составив костяк полка, способствовал его славе во время войны и замедлил его разложение в дни общего развала.

Отношение солдат к Кутепову выявилось в полной мере в те дни, когда были парализованы в стране все сдерживающие начала. На место благороднейшего А. А. Дрентельна, уволенного [А. И.] Гучковым за его близость к Государю, был к общей нашей радости назначен командиром полка А. П. Кутепов. И хотя всего лишь за несколько недель перед этим он, в бытность в отпуску в Петербурге, во главе небольшого отряда оказал вооруженное сопротивление взбунтовавшейся черни, назначение Кутепова было принято революционной солдатской массой не только спокойно, но и с известным удовлетворением.

Помню, как однажды в полковом комитете, где мы – несколько искупительных жертв – представляли офицерский состав, был неожиданно и в чрезвычайно резкой форме поставлен вопрос одним из прибывших на пополнение полка «маршевиком»: что, мол,

делал полковник Кутепов 27 и 28 февраля в Петербурге и не стрелял ли он там в народ?

Мы требовали снятия этого вопроса с обсуждения, угрожая в противном случае выйти из комитета и заявив о полной солидарности всего офицерского состава полка с его командиром. Мы не создавали себе иллюзий относительно своего влияния, выражение «золотопогонники» уже вошло в обиход. Но вопрос был все-таки с очереди снят и снят, благодаря решительному вмешательству писаря бывшей Государевой роты, которой одно время командовал Кутепов, Ивана Богового, в прошлом народного учителя и чрезвычайно революционно настроенного партийного эсера.

– Такие люди, как полковник Кутепов, – говорил Боговой, – нам нужны. Он не наш, но он честный и правильный человек. Ему нельзя ставить в вину, что он поступал по своей совести. С ним не пропадешь. Старые солдаты его знают...

Старые солдаты, дружно поддержав его, действительно показали, что они знают Кутепова.

Помню и другую картину.

Был конец июня. Полк шел вдоль фронта куда-то на Юг, где Керенский должен был уговаривать Гвардейский корпус, в котором начинал играть все большую роль [И. Л.] Дзевалтовский*, поддержать начавшееся наступление. Я был послан вперед полковым квартирмейстером. Закончив разбивку квартир, я лег под дерево в тени. Не спалось. Жуткое чувство безысходности сдавливало грудь. «Течение болезни правильное – неизбежна смерть...» – упрямо повторял полковник [П. А.] Веденяпин. Вдруг раздался топот, и на карьере с криком – полк сегодня не придет, в полку дивизионный митинг! – пронесся какой-то всадник.

Очень встревоженный, я вернулся в штаб полка, отделенный болотистой долиной от леса, где стоял полк, и откуда доносились какие-то крики. Кутепов сидел, прислонившись к дереву, и молчал, с грустным спокойствием, глядел вперед. С ним рядом был полковой адъютант капитан [П. Н.] Малевский-Малевич. Ординарцы держали лошадей.

* **Дзевалтовский Игнатий Леонович** (1888–1925). Польский революционер. В апреле–августе 1915 г. – курсант Павловского военного училища. Служил в Гвардейском гренадерском полку. В апреле 1917 г. вступил в РСДРП(б), занимался революционной агитацией в войсках. Член Петроградского Военно-революционного комитета, участник Октябрьского переворота.

– Поедем, посмотрим, – сказал Кутепов и, устало пожав плечами, сел на коня. Мы зарысили следом.

В лесу, кроме Преображенцев, были Егеря и довольно много отдельных чинов 2-й дивизии. Нас с угрозой окружили искаженные непонятной злобой лица... Толпа щетинилась штыками. «На штыки Кутепова», – сперва отдельными голосами, а потом все множившимися, неистовствовала толпа, взвинчивая и возбуждая себя своими же криками. Заодно доставалось и нам, офицерам... Было видно, как на поляне сбились офицеры небольшими группами... Кутепов вдруг точно вырос. Холодной решимостью засветился его взгляд и, покрывая голосом крики толпы, он позвал:

– Преображенцы, ко мне!.. Преображенцы, вы ли выдадите своего командира?

Наваждение спало. Мы в один миг были окружены своими людьми. Полк сомкнулся вокруг своего командира...

III

Кутепов, выступив на войну, для него уже вторую, с репутацией блестящего строевика, точно окунулся в родную стихию и сразу завоевал себе репутацию боевого офицера, уже выдающегося во всех отношениях, выдающегося даже среди тех, кто почитаться таковыми могли сами. Мы, младшие офицеры, верили Кутепову слепо. Молодость, хотя и склонна к зубоскальству, поддается, как никто, обаянию отваги. Храбрый офицер, в сущности, тавтология. Кто не храбр, тот не может, не вправе быть офицером. Храбростью проявляется благородная сторона человеческой природы. В храбрости и подвиге – победа духа над тлением... Рыцарство недаром обозначало во все века тот идеал, к которому мужчина должен стремиться.

Кутепов был храбр той волевой храбростью, которая, сознательно преодолев страх смерти, уже не имеет далее, кроме велений разума, задерживающих рубежей. Мы, стараясь изо всех сил быть храбрыми, все-таки сознавали, что Кутепов храбрее нас. Этим объясняется то влияние, которое он как начальник имел над нами в бою.

* * *

27 июля 1915 года в бою под Петриловым, в период отступления от Холма, Кутепов, командуя 4-й ротой, по собственной инициативе перешел из резерва в контратаку, увидев, что немцы, прорвавши фронт, начинают угрожающе развивать достигнутый успех. Эта контратака, ценой потери двух третей личного состава роты и тяже-

лого ранения самого Кутепова, остановила на несколько часов наступление целой Баварской дивизии. О Кутепове заговорили в армии...

Прошел год. Бои на Стоходе ввели Гвардейский корпус в уже захлебывавшееся в крови наступление Брусилова. Полк перебросили на участок фронта Свинюхи – Корытница, нарочно не придумашь второго такого сочетания в названии деревень...

3 сентября наступление наше не удалось. 7-го оно должно было быть повторено.

На нашем участке атаковали Измайловцы, имея нас в резерве. Первые два батальона Измайловцев, выйдя из окопов, наткнулись на неразбитую проволоку и, несмотря на проявленную доблесть, залегли. Командир Измайловского полка генерал [Н. Н.] Шиллинг возобновил артиллерийскую подготовку и сам во главе двух оставшихся батальонов атаковал вторично. Бой достиг критического напряжения...

В затылок Измайловцам стоял наш 2-й батальон, которым командовал Кутепов с приданными ему от 1-го батальона 3-й и 4-й ротами. Кутепов почувствовал приближение решающего момента и, подняв роты из окопов, где путаница ходов сообщения лишала возможности управлять ими в движении, повел батальон правильными цепями, подравнивая их на ходу. Сперва повел батальон уступом за правым флангом Измайловцев, а затем нацелил правее, на лес, в образовавшийся между наступающими частями прорыв.

Величие этого зрелища я никогда не забуду. В нем была жуткая, чисто эпическая простота.

По пологому скату к окутанному дымом от разрывов лесу Преображенские цепи шли, как на учении, без выстрела, в суровом молчании, без перебежек и, не ложась, лишь затягивая и смыкая образовавшиеся в них от огня прорывы. Захлебываясь, визгливо трещали пулеметы... То тут, то там, точно отталкиваясь от разрывов снарядов, поднимались над землей буро-черные столбы дыма, расплывавшиеся в воздухе, как масло на бумаге... Комьями ваты висели в воздухе шрапнели...

Люди падали, а цепи шли. Шли упорной, тяжелой поступью. За второй волной, с группой связи был виден Кутепов. Разрыв... Все исчезло в дыму. Но развеялся дым, и... по-прежнему золотятся на солнце погоны Кутепова. Наступающие цепи в смертоносном ритме продвигаются все дальше и дальше.

Уже погас артиллерийский огонь. Все реже визгливый перелив пулемета. Крики «ура»... Кутепов входит в лес.

Свинюхинский лес называли потом Кутеповским лесом...

* * *

Кутепов командует полком. Июньское наступление 1917 года обрывается катастрофой, воочию доказав, что революция лишила нас победы. Офицеры шли в бой, как на самоубийство – без надежды, с опустошенной душой. И умирали. Умирали с ожесточением и в отчаянии за Родину, предавшую самую себя за «землю и волю». В каком-то диком исступлении митинговали все, митинговали по всякому поводу, все... кроме офицеров. Офицерство, стиснув зубы, молчало...

5 июля мы стояли в деревне Глина Подольской губернии. Ночью я был разбужен отдаленным, но очень интенсивным артиллерийским огнем. Я разбудил своего соседа, полковника З. Подумали. Решили, что конец. Заснули снова.

Утром поползли тревожные вести. В обед нас вызвали в штаб полка и сообщили о наступлении немцев и прорыв у Златой Гуры. Кутепов приказал незаметно все подготовить к срочному выступлению. В 5 часов полк по тревоге был построен при одних подсумках, без ранцев. Кутепов вышел и сказал речь.

Говорил он коротко, нескладными, рублеными фразами. Говорил о Родине, о необходимости победы. Закончил он так:

– С вами говорит ваш старый командир для того, чтобы вы не могли потом сказать, что он не предупредил вас в грозную минуту. Россия в опасности. Все простить можно. Нельзя простить предательства. Преображенцы предателями не были. Пусть шкурники остаются – они не нужны. Полк сейчас выступит и пойдет со мной. В ружье!

Мы шли всю ночь под шквалами проливного дождя. С рассветом 7-го расположились в деревне Мшаны в армейском резерве, ибо противник предполагался далеко.

Солнце еще не взошло, как над площадью перед церковью разорвалась очередь. Цепи противника были в версте от Мшан.

Двумя короткими направленными Кутеповым контратаками немцы были опрокинуты и, жестоко потрепанные, отхлынули назад. Кутепов решил использовать успех. Резервы начали выходить и рассыпаться, когда наблюдение с колокольни показало, что немцы обтекают нас со всех сторон и почти что зашли в тыл. Развивать успех уже не приходилось, надо было думать о том, как избежать катастрофы.

Яркий талант Кутепова и его интуитивная находчивость сразу проявились во всей своей силе. Маневр, задуманный Куте-

повым, был гениально прост, но для успеха требовал от обреченной части, даже при нормальных условиях, чрезвычайной устойчивости. Выведя оставшийся в резерве 1-й батальон через лошину за деревню, Кутепов приказал ему, рассыпавшись по волнистому гребню, во что бы то ни стало держаться до тех пор, пока остальные части полка, ведшие бой, не оттянутся, после чего, пропустив их через себя, прикрывать их отход, удерживая фронтальное наступление противника. Затем в свою очередь начать отход перекатами от рубежа к рубежу... Тяжесть боя, таким образом, постепенно переносилась на 1-й батальон, благополучный выход которого из боя становился в исключительную зависимость от устойчивости и выдержки его состава. На своих офицеров Кутепов, конечно, рассчитывать мог. Но оставались ли солдаты Преображенцами?

С нашего гребня, который мы заняли, несмотря на сильный огонь, почти без потерь, было видно, как роты постепенно стягивались к деревне. Немцы наседали настойчиво и упорно, последовательно занимая только что оставленные нами рубежи.

Палящее солнце, жажда, усталость от бессонной ночи давали себя знать. Дух слабел. В это время мне по цепи передали – «командир полка» – и все подбодрилось. Под ружейным огнем Кутепов, как всегда внешне спокойный, шел вдоль цепи с адъютантом полка полковником Малевским-Малевичем и группой офицеров штаба. Шел, подбадривая людей... Положение было спасено. Я вложил револьвер в кобуру. В это время снаряд разорвался почти у самых ног Кутепова и разбросал всю группу. Момент был ужасен. Он и стоил жизни доблестному С. Н. Мещеринову. Но с каким вздохом облегчения мы увидели, что Кутепов на ногах...

Кутепов остался с нами и оставался до конца.

В сводке Ставки было сказано:

«На всем фронте только в районе Тарнополя полки Преображенский и Семеновский исполняют свой долг».

За операцию под Мшанами полковник Кутепов был представлен к Георгиевскому кресту 3-й степени, получить который ему помешал лишь окончательный развал фронта.

Война умирала. Фронт агонизировал. 21 ноября в штабе полка мы прощались со знаменем, которое было под чехлом тайно споро-то с дзевка и увозилось – мы-то знали куда...

У окна, барабана по стеклу пальцами, стоял Кутепов, и слеза за слезой скатывались у него по бороде. [П. Н.] Малевский-Ма-

левич и [Н. Н.] Вансович рыдали на походной койке мужскими, сухими, душу разьедающими слезами. Спрятав голову в руки, сидел молча офицер, назначенный отвозить знамя. Несколько офицеров – одновременно все мы не могли собраться, чтобы не возбудить подозрения – со злобным отчаянием стояли по углам. Триполитов подошел ко мне и обнял меня. Он дрожал, как в лихорадке.

Голос Кутепова нас вывел из оцепенения. Кутепов дал каждому из нас по частице знамени. Мы ее свято храним на сердце...

*«О знамя ветхое, краса полка родного,
Ты славой бранною венчаешься в бою.
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть – и жизнь отдать свою»...*

* * *

2 декабря 1917 года полк перестал существовать, расформированный приказом своего последнего командира. Демобилизация офицеров, начавшаяся под руководством Кутепова еще в ноябре, когда выяснилось, что мы на фронте больше не нужны России, пошла ускоренным порядком. К чести солдат надо сказать, что нашей демобилизации они не препятствовали. Признанный полковым комитетом «стратегом старого режима» Кутепов смог выехать из полка в Киев и далее на Дон.

* * *

Через крестный подвиг Ледяного похода последний командир Преображенского полка вышел на мученический путь русского патриотизма. Путь этот у Кутепова был до конца освящен любовью к Родине и бескорыстной преданностью долгу. Сквозь тление и разврат междуособной смуты он пронес незатухшим священное пламя самоотвержения и чести, пламя, завещанное Русской армии ее создателем Императором Петром. Кутепов не только пронес это пламя, но и разжигал его в сердцах тех, кто до конца остался верен Родине, кто в смертельной схватке боролся с растлителями народной души.

В Добровольческой армии Преображенский марш заменил гимн, а последний командир Преображенского полка воплотил в себе дух тех, кого Отец Отечества почтил после Полтавы названием Отечества сынов.

В. А. Залюбовский*
КУТЕПОВ⁵

Дорогой незабвенный однополчанин, яркий образец настоящего строгого русского строевого офицера, от самого начала войны и до конца стоящего в первых рядах защитников Государства Российского. Один из многих тысяч строевых офицеров, таких же доблестных рыцарей, честных, верных служак Царю и Родине, и сколько которых незаметно живот свой положило на полях брани Великой войны.

В генерале Кутепове особенно ярко выразилась вся доблесть русского офицера, так как привел ему Господь служить в Лейб-гвардии Преображенском полку, первейшем полку Российской Гвардии и Армии, где под сенью седых боевых знамен уже два с половиной века особенно сильно хранятся и передаются в поколения священные заветы, традиции и доблесть, а также сознание мощи и величия Императорского Государства Российского.

В 1914 году, попав в полк, мы – молодые подпоручики – с волнением являлись командиру 4-й роты штабс-капитану Кутепову по случаю производства в офицеры полка. О нем шла молва, что это самый строгий и «отчетливый» офицер, и невольно каждый из нас подтягивался, отправляясь с визитом.

В 1915 году, в боях под Ломжей, одновременно командуя одной и той же боевой единицей (я временно командовал 5-й ротой 2-го батальона, а штабс-капитан Кутепов – левофланговой 1-го батальона), мы часто встречались и беседовали. Спокойно было иметь на соседнем боевом участке такого надежного товарища!

Темой наших разговоров являлся назревший в те дни Пасхальных праздников 1915 года интересный и сложный вопрос о возможном вреде, именно для нас, русских, неуставного нарушения «состояния войны» с противником, когда солдаты наши, по-детски доверчивые, имели случай видеть в немцах не врага Родины, а обыкновенного человека.

Мы усматривали в этом со стороны немцев продолжение той же войны, но только на другом поле – поле психологического раз-

* **Залюбовский Виталий Анатольевич** (1895 – после 1959). Офицер с 1914 г., капитан Лейб-гвардии Преображенского полка. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции проживал в Чехословакии.

ложения бойца. В каждом к нашим окопам приближающемся немце мы усматривали, кроме того, разведчика с облегченным путем в разведке, ловко жонглирующего доверчивыми русскими душами наших солдат, чтобы возможно лучше обследовать наши позиции и потом, в бою, если понадобится, снять наши пикеты. Поэтому нами в корне пресекались подобные начинания.

Все наши мысли подтвердились потом во всех действиях немцев, делавших на деморализацию врага очень большую ставку...

Помню Кутепова в бою под Петриловым (1915 г.), когда он раненый, при ужасающем ураганном огне противника, заставляет не выносить себя из боя и, лежа на носилках, спокойно продолжает вести командование. Особенно важно было это для поддержания пошатнувшегося духа солдат, так как в наших соседних окопах засел уже атакующий враг, и важно было штыками удержать его, а самим усидеть в непосредственном соседстве с ним.

Помню Кутепова уже генералом, после 1-го Кубанского похода, в Новороссийске, когда заметно стала светить ему звезда.

Помню генерала и в Париже, когда мы встречали «творца Галлиполи» в родном кругу нашей полковой семьи, где «бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Теперь Кутепова нет, но дух его призывает к борьбе, и да будут слова нашего полкового марша – «Тверд еще наш штык трехгранный, голос чести не умолк... Так вперед – вперед наш славный, вперед, первый Русский полк!» – призывом к борьбе и ко всему Российскому воинству, призывом к борьбе и спасению нашей попоранной великой и дорогой Родины...

Верится, что голос чести в нас еще не угас, и за Родину постоим!

Так верил и дорогой Александр Павлович, отдавший все и, быть может, жизнь свою на спасение Отечества.

П. Н. Шатилов

МОИ ВСТРЕЧИ С ГЕНЕРАЛОМ КУТЕПОВЫМ⁶

Посвящая эти страницы памяти генерала Кутепова, я не задаюсь широкими задачами дать в них полное представление о крайне характерной личности Александра Павловича. Это дело будущего историка, свободного в своих выводах от влияния пережитых нами событий. Мне хотелось бы только поделиться воспоминаниями о некоторых встречах с Александром Павловичем и о тех впечатле-

ниях о нем, которые создавались в результате разных событий и переживаний.

Знал я Александра Павловича еще с юношеских лет нашей офицерской службы. Тогда встречались мы редко и имели друг о друге самые простые представления. Во время Японской войны бывали рядом, но не вместе. Не встречался я с Александром Павловичем и в период Великой войны. Зато со времени Гражданской войны наши встречи до самого похищения Александра Павловича агентами ГПУ чередовались с незначительными сравнительно промежутками. Это был период его ответственной деятельности, в течение которой он выявил свой яркий облик смелого, решительного и волевого начальника, неустанного борца за Россию и создателя активных настроений в нашей среде.

Как только что я упомянул, с 1918 года встреч у меня с Александром Павловичем было много, и происходили они в самых разнообразных условиях. Трудно выделить из них наиболее характерные, так как в каждой из них можно было бы найти много того, что выявило бы его облик. Но все же отберу из них те, которые оставили в моей памяти живое и яркое воспоминание.

Впервые в период Гражданской войны я встретился с Александром Павловичем в апреле 1919 года, когда дивизия, которой я командовал, была переброшена из Терской области на Царицынский фронт. Тотчас по выгрузке, на одной из станций перед Торговой, я отправился к командующему фронтом нашей армии, расположенной на левом берегу реки Маныч. Этим командующим был генерал Кутепов.

В деревенской избе одного из близких к Торговой селения я нашел Александра Павловича. После крепкого рукопожатия, последовавшего за моим докладом о прибытии дивизии в его распоряжение, Александр Павлович немедленно подвел меня к карте, изложил кратко обстановку и прочел мне проект своего боевого приказа на следующий день. По этому приказу мне следовало уже на рассвете перейти в наступление и опрокинуть большевистские войска, переправившиеся на левый берег через Бараниновскую гать. Я взмолился и стал убеждать Александра Павловича отложить наступление на день, так как к следующему утру не успеет еще выгрузиться вся дивизия, а, кроме того, надо было дать отдых лошадям после передвижения по железной дороге. Кроме того, я хотел лично ознакомиться на месте с положением и принять вне боевой обстановки те части, которые мне передавались на усиление моей дивизии. Наконец, я не видел для нашего фронта опасности со сторо-

ны большевиков, перешедших Маныч, так как сосредоточение моей дивизии непосредственно впереди и перед обнаженным их флангом делало их дальнейшее продвижение крайне опасным.

Александр Павлович дал мне высказаться, а затем сказал, что распоряжение о наступлении на следующий день он получил от Главнокомандующего в связи с общей обстановкой, и поэтому откладывать наступление не считает себя вправе.

Тут впервые я познакомился с той улыбкой Александра Павловича, которая всегда была необычайно характерна. При суровой его внешности из выразительных орбит выглядывали его веселые глаза со слегка насмешливым оттенком. Спустя много лет изменилась его улыбка, а от насмешливого оттенка складки его губ не осталось и следа. Но подкупающий характер его улыбки сохранился навсегда.

В четверть часа наш разговор о предстоящем наступлении был закончен. Получив короткие, но совершенно ясные ответы на ряд моих вопросов чисто технического характера, я стал прощаться, чтобы до темноты попасть в район сосредоточения дивизии. Александр Павлович поднялся меня проводить и помог мне спуститься по ступенькам его хаты, так как после недавнего ранения я еще передвигался с помощью двух палок. При этом он мне сказал самым простым и сердечным тоном, что, зная о моем серьезном ранении, он не ожидал, что я сам приведу дивизию.

– Теперь, – добавил Александр Павлович, – я совершенно спокоен за успех завтрашней атаки.

Хотя мы с Александром Павловичем были одних лет, но он был произведен в офицеры на несколько лет позже меня. Став теперь моим начальником, он на прощание сказал мне несколько приятных слов по поводу моего старшинства. Я их принял с большим удовлетворением и обещал ему выполнить поставленную мне боевую задачу со всем напряжением.

Я уехал отдавать распоряжения к предстоящему на следующий день наступлению, которое закончилось лихими атаками моих частей и полным поражением противника.

Моя первая встреча с генералом Кутеповым сразу установила между нами известную близость и добрые отношения.

В моей предыдущей службе мне приходилось встречаться со многими начальниками, среди них были выдающиеся, среди них был даже Врангель. Первое мое знакомство с генералом Кутеповым, почти на поле боя, дало мне о нем ясное представление как о боевом начальнике, могущем не только приказать, но и умеющем

сразу уловить для каждого своего подчиненного тот путь, которым он может добиться полного напряжения сил для выполнения отданного приказа. В моем представлении Александр Павлович – один из тех выдающихся начальников, подчинение которым всегда является исключительно ценным.

Впоследствии с Александром Павловичем у меня было много встреч, особенно за Крымский период, когда наши личные отношения сильно укрепились.

Хорошо помню Александра Павловича при эвакуации, во время его кратковременных приездов в Константинополь, а затем по встречам в Болгарии, Сербии и Париже.

Со времени оставления Галлиполи он не находил достаточно-го удовлетворения только в руководстве своим корпусом, особенно со времени перехода его на трудовое положение. Он все время мечтал приложить свои силы к активной деятельности против большевиков.

Наконец эта возможность ему представилась. С принятием Великим князем Николаем Николаевичем верховного возглавления нами он поручил Александру Павловичу руководство работой в России.

Если я останавливаюсь на этом обстоятельстве, то потому, что хорошо помню одну совершенно случайную с ним встречу в Париже.

Это было в 1924 году, когда Александр Павлович во второй раз приехал из Сербии в Париж. Прибыл он по желанию Великого князя.

Как-то вечером я зашел в кафе около Комеди Франсез и увидел за столиком Александра Павловича. Перед ним стояла нетронутая чашка кофе, а он сидел, наклонившись над ней и уперши голову руками. Было ясно видно, что он глубоко задумался над чем-то очень важным. Общий вид его фигуры говорил о каком-то его переживании. Лицо Александра Павловича имело грустное и сосредоточенное выражение.

Подойдя к нему, я спросил, что его озабочивает. Он ответил мне не сразу. Он настолько глубоко ушел своими мыслями далеко в сторону от окружающей его обстановки, что не сразу мог приступить к тому, чтобы поделиться ими со мною.

Оказалось, что он только что вернулся от Великого князя, который предложил ему руководить активной работой против большевиков. Так как ответа Александр Павлович еще не дал, то он и обдумывал, какое решение должен принять. При этом он мне сказал, что испытывает большие колебания. С одной стороны, ему бы-

до грустно расставаться с непосредственным руководством своими соратниками-галлиполийцами, с другой стороны, он сомневался в своих способностях успешно вести поручаемое ему дело, наконец, он не был уверен в достаточности тех возможностей, которые будут ему предоставлены.

– Как будто бы все за то, – говорил мне Александр Павлович, – чтобы не принимать предложения.

Но, вместе с тем, на него влияло чувство долга, которое ему говорило о том, что, раз он признается Великим князем наиболее подходящим лицом для той трудной задачи, которая на него возлагалась, то вправе ли он отклонить даваемое ему поручение? Это время, как мы знаем, оказалось для него одним из самых решительных часов его жизни, от которых зависела его судьба...

Должен при этом добавить, что мне казалось тогда, что Александр Павлович не только не испытывал удовлетворения по поводу сделанного ему предложения, но что он был бы, быть может, доволен таким стечением обстоятельств, которое отвело бы от него этот тяжелый крест.

Скоро наш разговор перешел на другие вопросы, уже только косвенно касающиеся принятия решения о возглавлении им активной работы. Он говорил о своем желании продолжать числиться командиром своих частей, рассказал мне о некоторых его встречах с такими лицами, которые могли бы ему помочь в новой его деятельности, делился некоторыми своими проектами о выполнении той работы, которая ему, быть может, предстоит.

Характерно то, что он ни разу не спросил моего совета относительно того, следует ли ему соглашаться на предложение Великого князя или нет. Видно было, что он сам хотел продумать вопрос до конца и совершенно самостоятельно принять решение.

В конце нашего разговора Александр Павлович оживился. Мне стало ясно, что он чувствовал потребность высказаться. В Париже тогда, вероятно, я был тем единственным лицом, с которым он готов был быть откровенным. Думаю, что разговор со мною его значительно облегчил.

Когда мы стали выходить из кафе, Александр Павлович сказал, что, несмотря на свои сомнения, он все же решает принять предложение, руководствуясь чувством долга. На его лице я опять увидел его подкупающую улыбку, но с оттенком глубокой серьезности.

Как он не стал похож на ту нерешительную и сумрачную фигуру, которую час тому назад я внезапно увидел за столиком кафе.

На следующий день Александр Павлович проехал к Великому князю и доложил ему о своей согласии. Александр Павлович стал на путь активной борьбы в эмиграции.

Вся его дальнейшая деятельность, даже в период принятия им, после кончины Верховного главнокомандующего, обязанностей Великого князя, протекала на условиях исключительного внимания, которое он уделял активизму. Эта его деятельность дала совершенно определенное направление настроениям и действиям всех тех, кто в эмиграции ставил своей целью борьбу с красной властью в Москве. Он погиб на своем посту в самых трагических условиях, которые только могут произойти вне Советской России... Но он, создатель активизма в эмиграции, выполнил и здесь, вне нашей Родины, громаднейшей важности задачу по направлению нашей деятельности в борьбе с большевиками. Если мы еще не ощущаем ее проявлений в полной мере, то не потому, что завещанные Кутеповым пути действия оставлены в стороне, а только потому, что они сопряжены с такими необычайными трудностями, побороть которые не под силу иногда самым решительным людям.

Перехожу теперь к моей последней встрече с Александром Павловичем. Она была за два дня до его похищения. Он недавно вернулся из Берлина. Я к нему зашел на квартиру вечером. Вспоминая эту последнюю встречу, я поневоле сопоставляю ее с той нашей встречей, о которой только что писал. Александра Павловича я нашел в таком же мрачном, скажу даже, в жутком состоянии, в каком много лет тому назад увидел в кафе «Ренессанс». Ясно было, что результаты поездки в Берлин его угнетали. Я почувствовал это с первых же его слов. Он хорошо понял, что один из тех путей, которым он хотел пользоваться для проникновения в России в среду Красной армии, оказался, как он сам выразился, вторым «Трестом». Первый «Трест», то есть организация, созданная ГПУ в России для улавливания нашей агентуры и для проникновения в нашу разведку, несколько лет тому назад причинила Александру Павловичу много затруднений, разрушила часть его связей с Россией, привела к выступлениям против него на страницах одного из парижских русских изданий и вынудила даже просить об освобождении его от ведущейся им работы. Отставка его Великим князем не была принята. Деятельность свою Александр Павлович продолжал вести с полным напряжением, но обнаружение у себя на путях новой провокационной организации, несомненно, сильно повлияло на его внутреннее состояние.

В разговоре со мной Александр Павлович сказал, что он вообще не доверял и раньше этой организации, но что теперь для него стало ясно, что его надежды использовать ее хоть как-нибудь для борьбы с большевиками совершенно неосуществимы. О деталях моего разговора с Александром Павловичем при этом свидании мне приходилось делиться на страницах печати в период розысков его похитителей, поэтому возвращаться к ним я не буду. Хочу только высказать свое впечатление о том внутреннем переживании, которое, как мне казалось, испытывал Александр Павлович в то время.

Для меня совершенно ясно, что в период между его последней поездкой в Берлин и его похищением он переживал очень мрачные для него дни. Делясь, вполне естественно, о своих целях секретного порядка только с теми, кого ему, по каждому отдельному случаю, приходилось ставить о них в известность, он испытывал естественное одиночество. Он не мог поэтому найти в дни наступившего разочарования ни сочувствия, ни моральной поддержки. Он должен был сам находить в себе моральные силы, чтобы дать ответ на те сомнения, которые в нем зарождались. Его внутренний мир не должен был, по характеру его деятельности, выходить из рамок его души. Все мы знаем, как иногда трудно человеку в такие минуты разочарования одному разобраться в своих настроениях, в своих чувствах, в своих мыслях. Особенно тогда, когда эти действия не касаются только себя, но связаны с общим делом, а особенно с таким, в котором на карту ставится жизнь не одного смелого и преисполненного жертвенности русского патриота-офицера.

Мне не раз приходилось задумываться над тем, каким образом Александр Павлович через несколько дней после того, как ему пришлось реально убедиться в том, какими огромными и разнообразными действиями обставляют большевики слежку за его работой, после того, как он сам видел много раз тех агентов-филеров, которые следили за каждым его шагом, как мог он именно в это время быть таким неосторожным, чтобы оказаться во власти ГПУ и в такой обстановке, при которой нельзя было оказать никакого сопротивления.

Я находил только один ответ на собственные вопросы. Только чувство ответственности за то дело, которое он взял на свои плечи, заставляло его после неудачи в одном направлении не отказываться от всякой новой линии, которая давала ему надежду на установление связей в самой России.

Может быть, не за горами то время, когда раскроется правда его похищения. Одновременно мы, может быть, узнаем немало еще

скрытых от нас обстоятельств, связанных с его работой. Многое для нас может оказаться неожиданным, но что будет несомненно – это выявление его смелости, решительности, неугасимой активности и личного мужества, которые Александр Павлович проявлял в эмиграции в своей работе за Россию и которые совершенно такие же, какие он выявлял на полях боев в Великую и Гражданскую войны.

М. А. Пешня* **ПЕРВЫЙ МАРКОВЕЦ⁷**

Я впервые встретился с генералом Александром Павловичем Кутеповым в Каменноугольном районе на станции Дебальцево, куда он приехал ознакомиться с положением боевых дел на фронте только что принятого им Добровольческого корпуса. Это было ранней весной 1919 года. С этого времени, на протяжении следующих двух лет жестокой борьбы с большевиками, наше общение заключалось в рамках чисто служебного характера, поскольку это вызывалось необходимостью по занимаемым мною последовательно должностям – помощник командира полка, командира полка, помощник начальника дивизии в Корниловской ударной дивизии.

Генерал Кутепов, как правило, лично знакомился с положением дел на всем фронте вверенного ему Добровольческого корпуса. Он знал, где назревали боевые кризисы или жестокие бои, лично следил за ними, посещая соответствующие воинские части и их штабы. Беседы почти всегда велись на темы боевого характера текущего дня.

Каждое появление генерала Кутепова на фронте оставляло приятное настроение и у начальства, и в войсках. Александр Павлович своими веселыми фразами, иногда далеко не в веселой обстановке, давал понять и начальникам и войскам, что его вера

* **Пешня Михаил Александрович** (1886–1937). В Великую войну полковник, командир 73-го пехотного Крымского полка. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения на Юге России. С весны 1918 г. в Корниловском ударном полку. На протяжении войны командовал батальоном, 1-м и 2-м Корниловскими полками, бригадой в Корниловской ударной дивизии. С мая 1920 г. – помощник начальника Корниловской дивизии. Осенью 1920 г. – начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (1920). Галлиполиец. В эмиграции проживал в Болгарии, с 1926 г. во Франции.

в Добровольческий корпус безгранична, и тем самым вселял в войска дух собственной мощи и непобедимости. За время Гражданской войны войска полюбили генерала Кутепова как боевого командира корпуса, и он платил тем же своему корпусу за его лихие боевые дела.

При таком духовном взаимоотношении начальника с войсками 1-й корпус эвакуировался в Галлиполи, где условия новой жизни потребовали героических усилий от командира корпуса до последнего солдата, что, естественно, должно было вызвать к жизни строгую дисциплину с присущими ей дисциплинарными взысканиями. Эта область галлиполийской жизни весьма примечательна, интересна и оригинальна. Кто не слышал о гауптвахте с ее особым укладом, пребывание на которой не считалось оскорбительным, и где наказуемый считал для себя за честь высоко нести звание русского воина... Вместе с тем, особая манера в обращении генерала Кутепова с подчиненными не вызвала у них ни обиды, ни горечи и тем более озлобления, если он кого наказывал и наказывал даже сурово.

Мало знающие Александра Павловича или, вернее, не понимающие души этого замечательного человека считали его бездушным и жестоким. Утверждаю, что это не так и голословно.

Став ближе к Александру Павловичу как старшему Марковцу, мне приходилось обнаруживать в нем самые высокие, светлые качества человека, находящие себе подтверждение в разновременных эпизодах как в течение Гражданской войны, так и во время пребывания в эмиграции. Характерная особенность Александра Павловича – скрывать от окружающих его лиц свои радости и свои страдания и только в обществе отдельных лиц, с которыми он был внутренне близок, иногда выявлять жизнь своей души.

Так, с внешней стороны казалось, что все боевые успехи генерал Кутепов принимает, как должное, и мало кто видел в таких случаях его величайшую радость. Но я помню, как я встретил его в деревне Чаплинка по выходу Русской армии с Перекопа в Таврию. При моем приближении для доклада Александр Павлович раньше всего произносит такую фразу.

– Какое Бог посылает нам счастье... Мы выходим в Таврию.

Второй случай.

На стог соломы мы наблюдаем обход нашего фланга большевистской кавалерией и противодействие ему наших пехотных частей (3-й Корниловский полк полковника [В. П.] Щеглова). Алек-

сандр Павлович, наблюдая самоотвержение добровольцев, не удержался от охватившего его восхищения:

– Как они прекрасны... Я был бы счастлив вот теперь идти вместе с ними, чтобы помочь им лично... Как просто, без страха, гибнут драгоценная для России жизни патриота-офицера и рядом с ним русского солдата.

Еще эпизод.

При приближении к Днепру генерал Кутепов прибыл ко мне в штаб рано утром и говорит, что хочет сегодня наступать вместе с нами, абсолютно не вмешиваясь в распоряжения и руководство боем подчиненного начальства. Александр Павлович продвигался за наступающими цепями и, увидев Днепр, перекрестился:

– Вижу родной наш Днепр... Теперь я уеду. – Потери в войсках генерал Кутепов принимал как неизбежное. При каждом посещении штаба он обязательно справлялся о ком-либо:

– Давно не вижу такого-то...

Если он оказывался убитым, набожно крестится:

– Пошли, Господи, Царство Небесное...

Все эти черты, указать на полноту которых нет возможности, далеко не говорят о бездушности человека. В действительности, Александр Павлович те или иные явления воспринимал с глубоким чувством: в известном случае мог бесконечно радоваться или сильно страдать.

Еще одна замечательная черта генерала Кутепова.

Однажды, в решительный боевой момент, когда вопрос касался самого бытия Добровольческой армии, генерал Кутепов на совете войсковых начальников, выслушав их мнения, заявил:

– Я отдам приказ, но если замечу, что он не выполняется, я больше вам не начальник...

В этом случае Александр Павлович всю ответственность брал на себя, отказав в инициативе подчиненным начальникам, могущим тем самым разделить с Александром Павловичем ответственность за судьбы Добровольческого корпуса, а вместе с ним и армии.

По эвакуации 1-го корпуса в Галлиполи генерал Кутепов, чтобы сохранить корпус, ясно представлял, что необходима серьезная работа начальников всех категорий. Корпус необходимо было воспитать в духе регулярности, на очереди стоял вопрос об очищении частей войск от тех вредных навыков, которые проникли в них из аморальной атмосферы в период трехлетней Гражданской войны.

В Галлиполи Александр Павлович имел постоянное общение с войсковыми начальниками на общих собраниях, разрешая на них насущные вопросы. Кроме того, Александр Павлович вызывал к себе персонально тех лиц, советы и опыт которых считал полезными. В этих случаях Александр Павлович умел пробудить интерес собеседника к труду и творчеству. Благодаря общим успехам создавалось Галлиполи – большая школа, где воспитывалась любовь к России, ко всему укладу русской жизни, к разумному порядку и дисциплине.

Изучая Галлиполи, нельзя не познать широкого размаха русской души его создателя – генерала Кутепова, самоотверженным усилием которого было сделано исторически большое русское дело.

Александр Павлович по тем или другим причинам, имея частые беседы с известными лицами, вступал с ними в дружеские отношения, которые затем никогда не нарушались. Я лично чувствовал доброе к себе отношение Александра Павловича, и, когда представлялся случай, мы вели разговоры на самые разнообразные темы. Некоторыми из них я хочу поделиться.

В моей палатке в Галлиполийском лагере, за чашкой чая, Александр Павлович рассказывал эпизоды из Великой войны. Коснулся начала разложения Императорской армии и расформирования командуемого им полка. Особо замечательно из этого разговора следующее:

– Вы знаете, – говорил Александр Павлович, – как я дорожил своим полком. В нем были еще унтер-офицеры, которых я сам учил в учебной команде. Они меня понимали с одного слова, и вот, как лучшую память об этом полку, я храню у себя на груди эмблему его Всероссийской славы...

Александр Павлович расстегнул гимнастерку и показал Георгиевский крест со знамени полка, который носил всегда на цепочке с натальным крестом.

Эту ценность он, несомненно, увез с собою в неизвестность...

В Болгарии, в один из приездов генерала Кутепова в штаб Марковского полка, я встретил Александра Павловича на станции. Мы отправились в город на санях через лесистую гору. По дороге Александр Павлович, осведомившись о жизни полка, сообщил мне, что в одном поезде с ним приехал в город Белградчик министр юстиции, и что он – Александр Павлович – пригласил его посетить полк вместе с собою.

На следующий день Александр Павлович принял почетный караул при винтовках. На параде присутствовал и министр, прибывший с Александром Павловичем. Когда почетный караул взял «накраул», министр, и собравшиеся посмотреть на русских местные болгары сняли шапки. Генерал Кутепов поздоровался, а затем произнес здравицу за Царя Бориса, за генерала Врангеля и за присутствовавшего министра.

Местный фотограф сфотографировал парад. Во время гонений на русских в Болгарии эта фотография являлась доказательством того, что русские не сдали орудия, а отсюда – аресты, высылка и... отставка министра. Причиной же гонений было, конечно, не оружие, а выполнение большевистского плана уничтожения русских военных организаций.

В этот приезд мне удалось переговорить с Александром Павловичем о многом. Мы засиделись у меня на квартире далеко за полночь. Говорить с Александром Павловичем было легко, интересно, некоторые его мысли мы можем рассматривать как его заветы.

Мы вспоминали Галлиполи. Вспомнили, как один французский офицер оскорбил жену русского офицера. Русский офицер вызвал на дуэль оскорбленного. Начальник местного французского гарнизона не разрешил этой дуэли на том основании, что он рассматривает бывших чинов Русской армии как беженцев, состоящих на иждивении французского правительства, вследствие чего вызов французского офицера на дуэль является не только отсутствием понятия об элементарной благодарности, но и дерзким оскорблением должностного лица... Вспоминая этот эпизод, Александр Павлович сказал с волнением:

– Точка зрения офицера, бывшего нашего союзника, меня глубоко задевает. При первой возможности нам необходимо будет с благодарностью вернуть французскому правительству выданные нам в Галлиполи пайки... Будущая Россия не забудет своих долгов и, надеюсь, таровито, по заслугам, отблагодарит своих друзей и недругов за период ее несчастий...

Говорили о будущей России. Александр Павлович остановился на вопросе о воспитании народа:

– У нас есть пример... Бисмарк сказал, что Германию создал учитель... Бисмарк дал хороший урок... Мы ясно должны представлять себе роль офицера и учителя, они должны воспитывать народ в духе патриотизма, в духе любви к родине... Тогда не будет и большевизма.

– У нас – кто в этом виноват, судить не берусь, но на это не следует закрывать глаза – учитель был всегда протестант и револю-

ционер. Влага полуголодную, беспросветную, ничего не обещающую в будущем жизнь, он только озлоблялся. Мог ли он, полуинтеллигент, сознавать свою высокую роль в воспитании молодого поколения в духе патриотизма?

– Кому следует, тот должен это иметь в виду в будущем... Высокого качества офицер и учитель будут только способствовать строительству новой России...

Когда наша беседа близилась к концу, я задал Александру Павловичу такой вопрос:

– Ваше Высокопревосходительство, и мне, и всем Марковцам интересно знать Ваше общее впечатление о Марковском полку после того, как Вы теперь детально ознакомились с его жизнью в Болгарии.

Александр Павлович ответил:

– Большого от Марковцев я не ожидал. О том, что я видел, отдам приказ по корпусу, а в частности скажу вам, что мне было очень приятно провести эти два дня в полковой семье, в которой я на Гражданской войне начал свою боевую службу командиром третьей роты. С тех пор я особенно люблю Марковцев. Они своей доблестью заслужили, что их можно не только любить, но и гордиться ими. Я чувствую с ними какое-то душевное родство. Мне приятна марковская форма, которую почти не снимаю, я окружен Марковцами: мой конвой, мои адъютанты, мой вестовой – Марковцы, да и сам я считаюсь первым Марковцем... Мы все, Марковцы, должны помнить о нашем шефе – генерале Маркове – и довести начатое им дело спасения Родины до конца...

На этом закончилась наша беседа...

В. Х. Даватц ОДИН ИЗ БЕЖЕНЦЕВ⁸

Кончается лето. Все раньше и раньше наступают сумерки. Скошены пожелтевшие поля. Какой-то истомой пышет от летнего солнца. И за вереницей бегущих дней уже видится грядущая осень. Осень...

В ноябрьский день, дождливый, серый и холодный, мы прибыли на этот пустынный галлиполийский берег. Пароходы, грязные, накренившиеся на один борт, облепленные серыми людьми, стояли на рейде... Казалось, что эти люди потерпели аварию. Измученные, озлобленные – с ужасом в глазах, с тяжелым камнем на сердце, –

они прибились к суровому берегу, как прибывает разбитая в щепки шлюпка к враждебным скалистым берегам. Выгрузились.

Разместились кое-как под открытым небом. Заползли в щели развалин. Заполнили могильные склепы. И – под осенним дождем, сумрачные и растрепанные, стали грузить прибывающие палатки, тяжелые мешки с консервами и хлебом, которые чья-то рука послала в это место последнего отчаяния.

Где ты, дорогая Россия? Где ты, наша надежда на освобождение? Вместе с Перекопским валом разбилась наша последняя мечта, на полях Таврии напрасно пролилась благородная кровь. Красная волна захлестнула остатки нашей армии: ее уже нет.

Есть беженцы, потерявшие кров. Есть рабочие, согнувшиеся под тяжестью груза.

И во всех этих согнутых спинах, во всех этих потупленных глазах, в тяжелой походке, в морщинах, избороздивших запыленные лица – видно одно:

Отчаяние!

В это время на берегу то тут, то там, в самой густой толпе, появился генерал в блестящих генеральских погонах. Ходил спокойный, с немного насмешливым взглядом, то суровый, то неожиданно веселый. Людей, которые потеряли все, которым было не до чиновничества и отдания чести, подтягивал, как будто это было на параде. Иногда вдруг останавливался перед проходившей частью и бросал:

– Спасибо, молодцы артиллеристы!

И часть, затаив дыхание, подняв голову, выпрямив спину, тяжело ступая на камни мостовой, отвечала по-солдатски:

– Рады стараться, Ваше превосходительство!

Жизнь говорила: вы – беженцы, вы – конченные, вы – бывшие люди. А генерал все время, каждым своим движением как бы повторял:

– Вы не беженцы, вы солдаты...

* * *

Так нас воспитывали.

И мало-помалу из толпы, пришедшей сюда на кораблях, образовывались войска. Войска, спаянные идеей, подчиняющиеся единой воле. Войска, которые продолжали работать, таскать тяжести, подметать улицы, строить палатки, украшать лагерь: но это были не рабочие, не беженцы, но солдаты.

Войска, которые удивили иностранцев. Благодаря которым в Галлиполи утвердилась русская власть.

* * *

Когда пишут так, как пишу теперь я, то у скептиков возникает вопрос:

– Да, это парадная сторона жизни... Но что стоило это украшение лагеря, эта подтянутость, эта выправка... И для чего все это?

Я помню, как о Шульгине, который с восторгом описывал галлиполийский лагерь, написал кто-то:

– Нас раздражают эти парадные реляции... Нас раздражает эта мишура, приводящая в восторг господ, видящих нашу жизнь из быстро промелькнувшего автомобиля...

Я имею право сказать, что знаю эту жизнь. Знаю ее не из автомобиля. В бесконечные зимние ночи я наблюдал ее дневальным. С неба лил дождь. Выли шакалы. Сапоги хлюпали в невылазной грязи. Для отдыха, после смены, ждала постель на голой земле, постель, на которой кишели паразиты. Утром получался кусок хлеба на весь день, в полдень ожидался обед, похожий на грязные помои. Но я знаю еще больше. В тяжелые дни безнадежных ожиданий я знаю тяжелые разговоры, полные отчаяния и тоски. Я не буду писать о восторге, с которым украшался лагерь; о радости, с которой занимались люди уставами и маршировкой; о понимании всеми задач, которые ставились свыше.

Я слышал, как говорили:

– Надоела эта игра в солдатики!

– Измученных людей гоняют за шесть верст за камнями...

И я видел, как в один незабываемый день потянулись вереницы в беженский лагерь. Они не захотели больше подчинять свою волю чужой! Надоела «игра в солдатики». Над прошлым, полным страданий, решили поставить крест.

И поставили.

Но армия не распалась. Около старых знамен сплотились защитники ее чести. Во имя ее продолжали они страдать, продолжали верить в лучшие дни...

* * *

И опять вспоминается тот, кто с первых же дней, преувеличенно бодрый, часто преувеличенно строгий, обходил толпу, выгрузившуюся на маленькой пристани, «цукал», арестовывал за пустяки, ободрял, подымал упавший дух – и думал об одном только:

– О сохранении армии.

Генералу Кутепову было ясно: удастся сохранить армию – и на клочке земли у Геллеспонта сохранится очаг русской государственности; не удастся – и от всех, кого судьба изгнала из России, останется одно:

– Эмигрантская пыль.

В тот день, когда на рейде стояли еще наши суда под желтым карантинным флагом, он первый сошел на шлюпке на негостеприимный берег. Французы любезно передали ему верховую лошадь – и верхом, под моросящим дождем, он проехал в ту долину, которая в шести верстах от города должна была стать нашим пристанищем.

Он застал там голое поле, покрытое жидкой сметаной грязи. Дул норд-ост и пригибал к земле колючие травы.

– Это все?

– Все!

Сзади, в шести верстах, сидели обезумевшие люди, запертые в трюм. Впереди не было ничего.

Генерал вернулся к войскам. Что пережил он за этот обратный путь? Но подъехал он к городу по-прежнему веселый и бодрый, вошел на пароход, «цукнул» кое-кого по дороге за расхлябанный вид и приказал начать разгрузку.

Казалось, он не жалел этих людей. Казалось, нелепо было на первых же днях устраивать гауптвахту, или Губу. Казалось – нельзя обременять голодных и озябших людей новыми работами.

А он – спокойный и твердый – делал свое дело.

– Меня ругают, – говорил он, – я это знаю. Пусть! Но я знаю, что делаю...

Он мог ошибаться. Но в одном он был чист: он верил в свое дело и не был демагогом. Не искал людской популярности и шел напролом.

* * *

Там, наверху, в далеком Константинополе, совершал великий свой подвиг генерал Врангель. В дни тяжелого отчаяния наши взоры устремляются туда.

Вспоминалось, как в тяжелые дни Крыма он не бросил нас – и до последнего момента то тут, то там появлялся среди своих войск... И любовь, стихийная, возрастающая охватывала нас – и в эти дни беспросветного страдания чувствовалось одно:

– Он там стоит на страже. Он не даст нас в обиду. Он защитит нашу честь...

А в это время генерал, который выгрузился с нами, взял на себя всю черную работу, всю тяжесть нашей повседневной жизни. Когда становилось особенно трудно, он, как будто нарочно, принимал на себя все озлобление толпы, скрытое, может быть, под воинской дисциплиной, брал на себя, чтобы образ его, страдающего на «Лукулле», оставался по-прежнему чистым и светлым.

Чтобы было лицо, которое любили бы. Любили беззаветно, как единого вождя.

– Потому что мы не беженцы, не чернорабочие, но армия.

* * *

А клевета пошла все дальше и дальше. Господа из «Последних новостей» и «Воли России» писали о расстрелах и порках. Писали, как ходит генерал Кутепов по улицам, бьет офицеров палкой. Кусочек греческой земли, где гордо стал развеваться русский флаг, стал называться «Кутепией».

И этому верили.

Верили не только беженцы, разбросанные по всей Европе. Верили не только интеллигенты, не научившиеся ничему и ничего не забывшие. Один видный донской генерал, приехавший в Галлиполи, изумленно спросил:

– А где же виселица?

Он верил в эту виселицу, которая стоит у входа в город. В виселицу, как в символ «кутеповского режима».

Да разве можно было Кутепову обойтись без виселицы?

И ползла клевета, мелкая, злобная, не останавливающаяся перед явным неправдоподобием. Уже писали рассказ его денщика о том, как генерал ходит по комнатам своего дома и – когда он в хорошем настроении – мурлычет себе под нос:

– Боже, царя храни...

А в это время генерал, который вместе с женой помещается в одной маленькой комнате, говорил:

– Мне важно только одно: воля народа. И если я буду знать, что такова его воля, – я, как солдат, буду служить тому строю, который он установит...

Кончается лето...

Уже скоро придется подводить итоги. Куда-то, в славянские страны, пойдем мы для новой жизни.

Нас стало немного меньше. Но по-прежнему развевается русский флаг. И около старых знамен стоит, как почетный караул, Русская армия.

Наступит осень, вероятно, уже в другой стране. Зима и, может быть, лучезарное солнце весны покажет нам путь к далекой Родине. Мы придем к ней не с жадной старого, не с жадной мести. Мы придем услышать и исполнить ее волю.

Ей, России, принесем мы в подарок сбереженные реликвии нашей государственности. Ей отдадим мы наши старые знамена, сохранные в годину лихолетья. К ногам ее положим трехцветные знамена и скажем:

– Суди!

И она рассудит.

И генералу, который принял на себя всю тяжесть жизни, труда, непонимания и клеветы, – скажет, как умеет говорить только она:

– В тяжелые дни ты думал только обо мне...

И. С. Лукаш* КУТЕП-ПАША⁹

У нее ключицы сквозят через белый батист кофточка. Ключицы, как два легких крыла, раскинуты на груди. Мы сидим на полу, на полосатом матрасе. Когда она повертывает голову, я вижу, как вьются над ее белым затылком золотистые каштановые кудерьки. Вьются так же, как давно в Петербурге, когда была она девочкой,

* **Лукаш Иван Созонтович** (1892–1940). Русский писатель, участник Белого движения. Родился в Петербурге в семье ветерана Русско-турецкой войны. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Участвовал в изданиях эгофутуристов, писал очерки для газет «Речь» и «Современное слово», журнала «Огонек». Принял Февральскую революцию, посвятив ее героям серию брошюр. В октябре 1917 г. пережил кризис, определивший перелом в его мировоззрении. Воевал против красных в рядах Добровольческой армии. В Крыму сотрудничал в газетах «Юг России» и «Голос Таврии». Галлиполиец. Эпизоды Гражданской войны отразил в повести «Смерть» и документальной книге «Голое поле», изданных в 1922 году. Издал сборник рассказов «Черт на гауптвахте», повести «Дом усопших» и «Граф Калиостро», роман «Бел Цвет» и мистерию «Дьявол». С 1928 года в Париже. Сотрудник газеты «Возрождение». Написал и опубликовал сборник рассказов «Дворцовые гренадеры» (1928), повесть «Император Иоанн» (1939), романы «Пожар Москвы» (1930), «Вьюга» (1936), «Ветер Карпат» (1938), «Бедная любовь Мусоргского» (1940). Скончался в мае 1940 года в Париже.

носила коричневое платье с кружевным белым передником и ходила в гимназию. У нее был тогда такой маленький, зеленого сафьяна портфель с серебряным ключиком.

Мы сидим на полу. И то, где сидим мы, – не комната, а верхняя площадка деревянной лестницы. Провалены деревянные ступени, и надо очень осторожно поднимать ногу, чтобы не угодить в черные ямы. Ветхие перила трясутся под рукой.

На площадке она и живет. Обмазаны стены серой известкой. Стены в трещинах и зеленоватых лишаях. Я упираюсь головой в приклеенный обрывок зажелтелой газеты. Надо мной печатные черные буквы: «Конец большевикам» – и когда надавишь выгоревший обрывок, он хрустит под моим затылком: обрывками заклеены клопные щели, известка в коричневых помазках крови. Этот серый, полубобаленный греческий дом – настоящий клоповник.

А окна на площадке нет. Нет. Окно вышиблено, и провал в стене полузавешен одеялом. Желтое одеяло корузло здесь и зимой, когда заметал площадку мокрый снег, приходилось отряхать белые горки инея с подушки.

Стоит теперь угрюмая жара. Воздух давит, как накаленный мельничный жернов, а с бурой площади, где стоят грузовые автомобили, метет на площадку колючую серую пыль...

Она здесь живет вот уже скоро год. Она и ее муж – офицер-летчик с синими, чуть померклыми глазами.

Послушай, первый парад был у нас под окном. Осенью, в дождь. Зеленые шинели дымились. Я слушала, как они топчутся под окном. На ногах вместо сапог намотано тряпье, а сапоги расквашены и все пальцы наружу. Стоят по щиколотку в грязи, под дождем. Им командуют – стройся, а они и не знают, как строиться. Они все забыли. Они толкуются и топчутся... Ну такие милые, ну такие родные – ты понимаешь, я плакала.

Смотрю я в ее родные карие глаза и легко и тихо вспоминаю коричневое платье гимназистки и серебряный ключик от зеленого портфеля. Вспоминаю, как зимой она приходила с мороза со своим мичманом, и щеки горели, и морозным дымом пахли каштановые волосы, а на шелковистой бурой лисице таяли бисеринки петербургской изморози...

– А теперь ты видишь, какие у нас щеголи ходят. Все в белых рубахах и все в сапогах. Шаг печатают. Но когда запоют, я всегда плачу. Слов я не слышу, но знаю, что про Россию, и у меня такая тоска, – понимаешь.

Осенний парад был, может быть, в тот день, когда генерал Кутепов верхом в первый раз проехал в лагерную стоянку. Шумел дождь, и влажные, темные лохмотья туч волочились, цепляясь дымно за горы. Конь по брюхо забирался в глинистую вяз дороги.

Для русского лагеря отвели место на земле какого-то турецкого полковника, по долине, у гор, где в большую войну стоял английский лагерь. Англичане звали свою стоянку «Долиной роз и смерти», потому что по расселинам над долинной речкой ползли гибкие заросли алого шиповника и потому что много умирало английских стрелков от укусов змей и москитной лихорадки.

Дымила серым дымом долина. Огляделся Кутепов и сильно ударил коня шпорами в бок и повернул обратно в Галлиполи.

Там, у мола, где пушечным грохотом прокатывался прибой, с ночи стояли выгруженные на берег войска. Подстелив шинели в грязь, лежали тифозные. Солдаты устали, солдаты спали, накрывшись с головой мокрыми шинелями. Там юнкера, топя захламившими ногами, пели. Пели потому, что замерзли, потому, что хотелось выть от голода, и уже трудно было сжимать красные и мокрые, скрюченные холодом пальцы. Ветер и дождь несли смутный вой.

*Мама, мама, что мы будем делать,
Когда настанут зимние холода...*

Песенка о маме была первой русской песней, какую услышал осенний Галлиполи.

– Когда я повернул коня и поскакал назад – я понял, что делать, – рассказывал генерал о первых днях Галлиполи своим близким.

На молу, где бежал стадами белых волков прибой, на холодном дожде вповалку, промокшие до нитки, топтались женщины, дети, солдаты. Это была измученная толпа, голодные, нищие, вываленные из черного нутра транспортов, стонущая на ледяном дожде, поднятая ветром человеческая пыль...

Оборванные погоны, сырые шинели на голову мешком. На молу никто не знал, какая часть, какой полк. На молу все смешалось. И под дождем мокли, дымились и никли свернутые знамена.

Кутепов вошел в толпу. Кто-то не отдал честь. Резко окрикнул Кутепов:

– Честь! Вы беженец или солдат?

Кутепов понял, что без дисциплины не будет и армии, а в дисциплине нет ничего мелкого и неважного, а в дисциплине все важ-

ное и все главное – даже и не поднятая к козырьку рука и непришитый погон. Знал Кутепов, от каких пустяков, от каких мелочей начался великий развал величайшей армии...

И в первые же дни приказал Кутепов кого-то арестовать и посадить на гауптвахту. Он, вероятно, так думал: армию ждет Россия, а чтобы сохранить армию, надобно сохранить дисциплину. Он, вероятно, думал, что так надобно России.

И отсюда, от мола, где все смешалось и поникали знамена, пошла история знаменитой галлиполийской гауптвахты, или Губы в просторечии...

Кутепов решительный, железного закала генерал. Когда был он еще мальчишкой-гимназистом, он на особую стать воспитывал волю: заставлял будить себя ночью, надевал мундир и маршировал, маршировал, борясь со сном. Человек он добрый и простой, у него сощуренная, ласковая усмешка, заразителен его смех и широкое, загорелое его купецкое лицо похоже на окладистый лик столычника московитского. Кутепов – человек простых вкусов и простых ощущений. Весь он широк, низок и приземист. И когда он стоит, он точно врастает в землю. Вся его сила в ногах, и весь он похож на того выросшего в болотную петербургскую гать бронзового битюга, что сторожит с бородатым понурым царем Санкт-Петербурга...

Началась история Губы. Губа – крепкий рычаг армейской жизни, Губа – основной тон воинской лямки и воинского будня.

У квадратной маленькой Галлиполийской бухты, забитой легкими фелюгами, что качают серыми мачтами, а сами, как жеманные птицы, на набережной, где примостились на сером булыжнике низкие стайки соломенных стульев турецких кафе, стоят в выщелых рубахах, с винтовками через плечо усатые русские часовые: за деревянными мостками поднимается выложенная серыми плитами широкая стена Губы.

Рассказывают, что строили серую стену венецианские рыцари. Рассказывают, что в каменном голом каземате, под обросшими черной копотью балками потолка отыскивались запорожские надписи, молитвы Иисусу пленных Остапов.

Все Галлиполи – как пыльный, выжженный солнцем проезжий тракт истории. Здесь Ксеркс порол ржавыми цепями Геллеспонт. Под Галлиполи стояли шатры крестоносцев. На другом берегу залива тянется желтая ленточка домиков греческого городка, где родился, по преданию, Аристофан.

Галлиполи – Город Красоты – стал теперь пустынным Голым Полем, как прозвали его русские солдаты. Пропылили столетия, и раскидалось теперь пыльное кладбище. Всюду – по узким улицам, над белыми площадями, у моря – поднимаются теперь к солнцу сеченные из мрамора белые тюрбаны на покривленных столбах турецких могил.

У серых стен, разрушенных землетрясением и огнем английских кораблей, и над песчаными откосами, сухо шурша, качается бурый репей. Узкие ящерицы вьются, скользя по могильным плитам, где залегла в змеистых завитках арабских букв вековая пыль. Шелестит под шагами выгорелая трава. Беловатый песок жжет подошвы. И всюду сухой шелест репья и ящериц...

А за Галлиполи, до серых, призрачных гор – золотые пшеничные поля, где носятся черными хлопьями галочки стаи. Трепещет воздух тревожным трепетом их крыльев. Серые каменные мельницы, похожие на башни замков, едва шевелят парусиновые круглые крылья, обтянутые по краям бечевой, точно черной паутиной. Шумят у дороги обсыпанные серым пеплом пыли узловатые и суровые платаны. Под ними в полдень отдыхают громадные голубовато-серые волы с раскинутыми белыми рогами. Выкачены у волов добрые, темные и влажные зрачки, и сочатся их морщинистые ноздри, а на мягких серых загривках сверкают под солнцем синие стеклянные бусинки от сглаза.

Оглянешься кругом – золотое mareво, золотая тяжелая пыль, накаленные солнцем белые тюрбаны, а за ними синее море.

Море синее, в белых, трепетных дорожках пены, гулкое ровным дыханием неумолкаемого приборя. Дыхание моря носится над Галлиполи. Отходит – приходит, обивает своей соленой росой серую пыль, грохочет гулким грохотом, точно внизу, у темных камней, покатых, как черепаши спины, где, свистя, льется шумная пена, скачут, гремя копытами, тяжело вздыхающие табуны.

Над синим морем синими призраками виснут горы. Такие нежные, такие синие и такие женственные...

Город Красоты, Галлиполи, где сверкали под солнцем белые перья рыцарских шлемов, где у светло журчащих акведуков торговали рабынями со всего Востока, выгорел в веках и уснул теперь обожженным, пыльным кладбищем.

И только у Губы, в порту, шевелится жизнь. На соломенных стульях, расставив ноги и выкатив животы, обверченные грязными красными кушаками, сидят турки. Чистильщики сапог, чумазые ев-

рейчата-эспаньолы, пристроились у самой воды и звонко барабанят щетками о свои черные лари.

Почистить, почистить... Русс, карашо...

Под холщовыми навесами лавок, где пахнет корицей и луком, на рогах громоздятся зелено-желтые головы дынь, кажут багряные, пухлые щеки помидоры, а из темных, мокрых корзин свисают матовые гроздья винограда.

Белые фелюги, с синими и зелеными узорами по бортам, с легкой лебединой грудью, что ходят и в Афины, и в Одессу, качают в небе стройные мачты. В солнечной воде сплетаются и рябят тени мачт, зеленые и синие полосы, белые паруса...

Протопотали, маслянисто сверкая глянцевыми затылками под сизыми касками, черные сенегальцы – Сережками зовут их русские солдаты. Потряхивая золотыми брелоками цепочки, спешит куда-то грек, сдвинув желтое канотье на затылок, а пот виснет капелькой с горбатого, хищного носа. Весело болтая, прошли коротконогие французы, потные и красные, точно из горячей бани. Печатает шаг, ровно отмахивая руками, взвод белых русских юнкеров.

У порта – городской фонтан. Широкие, темные плиты мостовой всегда мокры и блестят. Вода свежо звучит и сверкает. Радостно звенят ведра и жестяные баклаги...

А в кафе у порта – прохладно. От воды по белому потолку ходят солнечные водянистые разводы. По белой известке стен – свежая роспись: каляны с малиновыми чубуками в золотом плетенье, бутылки, налитые прозрачным, золотистым вином, серебристо-красные попугаи и огромные белые русские ромашки. Живописал русский. Русская роспись во всех турецких кафе у порта.

Вечером в кофейне «Олимпиум», у мола, зажигают четыре медные керосиновые лампы с рефлекторами. И бренчит там вечером на пианино русская офицерская жена старые романсы «Пара гнедых» и «Ах, да пускай свет осуждает»...

А на шаткой веранде, что выходит в море, на поплавке, между облезлых, узких, крашенных в белое столиков ходит русская ресторанная барышня. Подведены ее влажные глаза и губы тронуты кармином, как у всех ресторанных русских барышень в Турции.

Но ее здесь не тронут. Ее здесь не обидят чужие. Ей не исциплют до синяков руки, как щиплют в кафе Стамбула. Она своя, «полковная Маша», идущая с полком походом еще от Ростова и Новороссийска...

Осенью бывали кражи, были и грабежи, а по вечерам на огни кафе выходили из темноты бледные русские солдаты за милостыней.

И был такой случай: в греческий трактир, где выли кошацьи песни загулявшие фелюжники, пришел за милостьюней солдат, а фелюжники затеяли шутку: налили стакан водки, наложили горку медных лепт: вот, русский, бери вино и деньги, только стань на колени.

Солдат пришел с осеннего дождя. В те дни вшивые, оборванные и голодные русские бродяги, вываленные на берег с кораблей, забирались в теплые кафе, к огню, и брали одну чашечку густого, горьковатого кофе на десятерых, лишь бы набраться тепла, лишь бы отогреться. В те дни грохотало море, и холодный дождь прихлестывал к земле спящих вповалку. В те дни стояла у всех на душе студеная, черная ночь.

Русский нищий потоптался, наследил опорками и стал вдруг опускаться на колена. И вот тогда-то такая ресторанныя барышня, офицерская жена, ахнула, заломив руки, смахнула со стола рюмки и горку зазвевших лепт и кинулась к солдату.

– Не смей. Не становись на колени... Ты русский!

И было, вероятно, что-то страшное в ее крике, потому что нищий бежал, а черноусые, заросшие волосом, цепкие, как обезьяны, фелюжники молча поднялись и ушли.

Зовут эту офицерскую жену Викой. У ней стриженные белокурые волосы, пепельная родинка на круглом подбородке и ясные и веселые ямочки, когда она улыбается. В прошлом году она окончила гимназию в Симферополе. Ее Коля заболел туберкулезом, и вот теперь надо работать.

– Ну что же, как-нибудь, как-нибудь. Все терпят, – говорит она и мгновенно краснеет, перебирая худенькими загорелыми пальцами звонкие стаканы.

Было это в декабре. Когда студеная ночь шла у всех в душе. Когда люди бредили опрокинутыми орудийными передками, взорванными броневыми машинами, кровью и дождем и угольными ямами кораблей, где несмываемая черная пыль забирается в каждую бороздку кожи.

Было это в декабре... А теперь нет в Галлиполи русских нищих. Теперь цепкие греки почтительно кланяются, и турки медленно приветствуют русских, прикладывая два пальца к фескам.

Сонные парикмахеры в накаленных солнцем лавчонках, заглядывая на ваше лицо в тусклое, засиженное мухами зеркало, внимательно и любезно будут брать кончик вашего носа двумя пальцами, пахнущими луком и табаком, и спрашивать, как заправские русские парикмахеры:

– Стричь, брить?.. Карашо.

Черные сенегальцы-Сережки не понимают греков, и греки не понимают Сережек. И идет у них между собой разговор на языке русском. Сережки скалят зубы, вращают тихо и ужасно белками и жарко лопочут по-русски:

– Сколько стоит? Дай еще... Иди сюда... Нет хорошо...

Турчанки записывают длинные и плавные русские фразы, что слышат от жильцов-офицеров. Записывают легкими ленточками-каракульками и повторяют их, и хлопают в ладоши, и радостно смеются, слушая непонятную музыку чужого языка.

Гибкие, как кошки, турчанки влюбляются мгновенно и внезапно в русых гяуров, и уже до десяти Аньфэ и Фатим стали женами русских офицеров.

Русский язык – разговорный язык Галлиполи. Маленькие турчанки, коричневые, быстроглазые, похожие на легких блох, метя босыми ножками в пыли и подхватив свои сатиновые шальвары на руки, поют, ужасно визжа, одесскую песенку – не то «Ах, зачем эта ночь», не то «Полюбил всей душой я девицу»...

Греческие ребята, все длинноносые и все с надутыми круглыми животами, с утра играют в солдат и командуют по-русски:

– Смир-рно... ша-гом арш...

Ни русских бродяг, ни русских нищих нет больше в Галлиполи. Есть теперь обедневший русский господин, до щепетильности чисто одетый, большой, сильный, добрый, но очень обедневший, до того, что приходится загонять ему иногда обручальные кольца, пару сапог, колоду карт, американскую рубаху и облезлый мех, вывезенный еще из Москвы. Не без кутеповской Губы обратился русский бродяга в русского господина.

Сам Кутепов, получающий, как и все, по две лиры, как говорят, загнал пару хороших сапог, женины платья и подаренную полком бекешу, а генеральские штаны заметно потерты, но щепетильно чисты.

Он говорил редко, а если говорил – были просты и чисты его слова, как биение сильного сердца. Он говорил: «Мы русские, мы ее последние солдаты, и нас ожидает Россия». И в его простых и ровных словах простого, русского с головы до пят человека каждый слышал биение своего сердца.

Говорил редко, но чего только не делал этот литой солдат. Приказом его суда полковники за пьянство разжаловались в рядовые, назначалось по 15 суток аресту за непришитую пуговицу, за рваную штанину. Для него были равны и офицер, и солдат, и он безжалост-

но, невзирая на лица, смывал всякую грязь, всякий нагар с солдатской чести. Это он навалил на усталых людей глухую лямку строевых занятий, муштры, шагистики, козырянья. Это он взнуздal Галлиполи железным мундштуком железной дисциплины...

Кто хотел уходить – тех не задерживал. Французы стогнали людей в Бразилию, громадный прокоптелый «Решид-паша» много раз тер свой высокий борг у галлиполийского мола и густым, силным гудком звал русских домой, обратно, на Родину.

И уходили. А генерал взял и выдумал еще такой странный приказ. Все желающие могут уйти из армии, за трое суток заявив об уходе. Но если останешься после приказа, конец. Ты солдат, и будет твой уход как предательство, как бегство из линии огня.

Галлиполи ходило ходуном под кутеповским мундштуком.

В дни приказа о свободном уходе из армии были и такие, кто думал, что вся армия разбежится от странных приказов. Говорили: «Кому же достанет охоты пухнуть от фасоли и жрать чуть ли не скорпионов?»

Кутепов только щурил глаза, усмехаясь.

– Ничего. Так надо. Посмотрим.

И ушли в беженцы из тридцати тысяч только три. Победила его стальная вера в стального солдата.

А кутеповские приказы сыпались на оставшихся. Жесткие, солдатские. Выпил человек лишнее, нашумел – Губа на двадцать, на тридцать суток. Молодой солдат стянул на часах из американских ящичков банку сгущенного молока – военная тюрьма.

Все знают Губу. Всех тянула Губа, даже музыкантов, что слишком медлили на параде с тактами полкового марша. Армия тянулась на генеральский блок, армия подтягивалась и незаметно шагнула через Губу, через внешнюю дисциплину, через угрозу военным наказанием. Русских нищих, русских воров и грабителей в Галлиполи нет. За девять месяцев галлиполийского сидения был всего один грабеж да две кражи. Старый русский юрист, знаток законов и преступлений человеческих Кузьмин-Караваев, когда был в Галлиполи, все удивлялся, что за год армейской стоянки не было ни одного преступления против женской чести. Старый юрист говорил, что во всех армиях есть обязательный процент таких преступлений и что Русская армия единственная, где нет солдата, обидевшего женщину... А старый турок Мухмед-Али, что торгует у порта желтым английским мылом и османскими папиросами, тер передо мною друг о друга свои коричневые морщинистые пальцы с обод-

ками серебряных перстней и силился рассказать беззубым запалым ртом, как хороши русские кардаши.

– Я старый аскер. Когда ваш гранд дук князь Микола ходил Стамбул брать – я аскер был. Потом француз стоял. Англез стоял. Рус нет вор, рус нет кулак. Рус хорош, кардаш, рус как мулла.

Круто тянул армию Кутепов, только исподволь, мало-помалу отпуская блок, когда начали его понимать, когда даже нетерпеливые, молодые поручики стали говорить, что без Кутепова распозлась бы армия в человеческую труху.

Был сначала такой приказ: хождение по улицам разрешено до 7 часов вечера, а позже на Губу. Потом разрешено до девяти, до десяти, до одиннадцати, теперь до двенадцати. Так, покоротку, отпускал железную узду генерал.

И все падали по кривой вниз вины губных сидельцев. От грабежа и кражи дошла Губа до дней своего падения, до пьяных дел. Тряхнет по всем десяти конвоец, получив свою лиру за месяц солдатской тяготы. Пьяненький военный чиновник завалится посреди улицы в пыль, распевая надорванным, бабьим голосом жестокий романс... Губа подберет.

Как рассказывают, по утрам в штабе Кутепов, подписывая приказы по корпусу, спрашивает теперь иногда коменданта:

– Ну, сколько у вас на Губу? Много сегодня... Давайте сажать!

И рассказывает, посмеиваясь, армейская молодежь о такой верной примете: когда генерал в форме «дроздов», он добр, без цука, без подтяжки и Губы не будет, когда он в форме корниловцев – всякое может быть – и то и се, а когда наденет марковские погоны, обязательно погонит кого-нибудь на Губу.

Идет Кутепыч по улице. В черных перчатках, в черной гимнастерке. Идет, шагая крепко и широко. С ним шагают безусые адъютантики в ослепительно белых гимнастерках, нежно звякая шпорками.

Коричневые девчонки-турчанки разлетаются напуганной воробьиной стаей.

– Кутеп-паша, Кутеп-паша...

Часовые-сенегалыцы, что, расставив ноги, стоят у домов, над которыми полощутся в синем небе свежие флаги Французской Республики, вскидывают коротко звякающие винтовки и радостно скалят зубы, и держат на караул, и по-русски отдают честь русскому генералу, приставив выгорелые и узкие ладони к вискам. На это Сережкам нет никакого приказа.

И отдают они честь так, по сердечному удовольствию, так же как с радостным увлечением, прищелкивая языком и вращая ужасно глазами, зовут Кутепова «топ рара»: «О, топ рара...»

Кутеп-паша щурит блестящие черные глаза. Смеется. И всем смешно на Сережкино уважение.

Этого широкого в кости, с лысым, крутым лбом, крепкого солдата понял и уважает Галлиполи. На Губе недовольные армейскими порядками сидельцы решили однажды произвести выборы комкора. Выборы вели по всем правилам – прямым, тайным, равным и всеобщим голосованием. Много генеральских фамилий поставили в список. Сидело тогда на Губе пятьдесят человек, и, когда записки были развернуты, все пятьдесят голосов были за генерала Кутепова.

Каменная серая Губа, у которой стоят русские часовые, не застенок и не мрачная тюрьма. На самом деле это что-то особое, галлиполийское, нигде не виданное – это просто Губа...

У Губы из сидельцев выбирается старший по чину, свой начальник гарнизона. У него свои адъютанты, у него свои приказы по Губе.

Комендант города пришел как-то навестить арестованных. Спрашивает:

- Что у вас, новый или старый начальник вашего гарнизона?
- Новый.
- А кто?
- Ну, здравствуйте, пансионеры...

А вечером начальник губного гарнизона издает такой свой приказ:

«Сего числа я вступил в должность начальника гарнизона Губы, и в этот же день комендант города немедленно сделал мне визит, за что и объявляю ему благодарность».

Если арестованных много, Губа вывешивает приказ: «Комплектование нашего гарнизона идет чрезвычайно успешно. Благодарю генерала Кутепова за постоянное пополнение». На Губе такая же дисциплина, как и за ее стеной. Чуть что, начальник губного гарнизона – приказ: «Сего числа поручик обратился с разговором к часовому. Объявляю офицеру выговор за дисциплинарный проступок: с часовыми не разговаривают».

У Губы есть и своя казенная печать – тощая двухголовая птица: одна голова – генерал Кутепов, а другая – комендант города, и каждый сжал в лапе по маленькому офицеру, болтающему и руками, и ногами...

Кутепов навещает Губу в канун всех больших праздников, и тогда дается «амнистия», и губные сидельцы гурьбой шествуют к всенощной...

Есть у Губы и свои поэты. Какой-то капитан, под долгодневным арестом, сочинил целую песенку. Стихи – отчаянные, но на голос поется хорошо, и главное – вся она пронизана насквозь светом галиполийским...

Поет заключенный о суровом и строгом, отзывчивом и чутком генерале, о его борьбе с грязью, разгильдяйством, солдатским пьянством, с общим злом. Поет заключенный, как генерал требовал порядка, уставы армии крепил, как он работал день и ночь и думал о России. Поет и о том, как понял генерала весь корпус, как очистились от зла белые солдаты. И так заканчивается эта песенка галиполийской Губы:

*Ошибок мы не повторим;
Грехи нам наши ясны.
На подвиг братьев вдохновим,
И станет Русь прекрасна...*

Над Губой добродушно посмеиваются, ее не боятся, ее даже любят, как свое, галиполийское. Много раз падавший с машин, с перешибленным носом летчик-наблюдатель полковник Яковлев, маленький, тощенький, очень веселый человек и местный остряк, распевает про Губу веселые песенки на полковых вечерах.

Ходят про Губу, как и про все, карикатуры. Изображен, например, со страшно выпученными глазами «комендант города», а губа у него огромна, растянута и отвисла. И сидят на этой чудовищной губе маленькие, дрожащие, как мышенята, офицерики... Кутепов собрал уже целый архив карикатур на себя.

На «устной газете», под вечер, куда медленно тянутся послушать лекторов белые рубахи, слушают весело газетные небылицы. Лекторы – сухопарые офицеры в очках, из старых студентов, и скорая на язык, ловко звякающая шпорками вчерашняя газетная молодежь, сообщают и «Новости», и «Волю», и выдержки из советских газет. Эти странные солдатские собрания под открытым небом, в какой еще армии они есть?

Ведет «устную газету» черноглазый, уже седой, но по-мальчишески быстрый на ноги представитель земско-городских организаций Резниченко, пронырливый в работе, всюду поспевающий, проталкивающий в армию все – от водопроводных кранов и подошвен-

ной кожи до последних парижских изданий, влюбленный в армию, как шестиклассник-гимназист.

Кутепов сказал, что хочет только правды, и галлиполийская пресса решила говорить правду. Когда по всему миру русские эмигранты впали в розовую истерику под морозный рев пушек с кронштадтских фортов, когда политики, как ошалелые игроки, начали бросать ставки на эволюцию большевизма, на крестьянские восстания, на голод, когда «Общее дело» обещало через две недели поголовное бегство комиссаров из Кремля, здесь, в синих сумерках, сухопарые, очкастые лекторы, загибая тощие пальцы, твердо чеканили:

– Не верьте. Все это или истерика, или выдумка. Не сегодня и не завтра придет освобождение. Крепитесь духом. Не верьте, там ослепли в политической мгле. Там самообман, а правда проста: мы одни, мы полузабыты, и мы должны крепить свой дух.

Кроме живой говорящей прессы, есть еще десяток своих журналов в Галлиполи. Писаны все они тщательно на машинке, бережно вклеены на страницы акварели и карандашные рисунки. Как-то интимны все эти «Лучи», «Лепты артиллеристов», «Сергиевцы», «Развей горе – в голом поле». Журналы полны робких молодых воспоминаний, интимных и грустных историй о молодой любви, добродушных карикатур на дисциплину, голодовку и Губу.

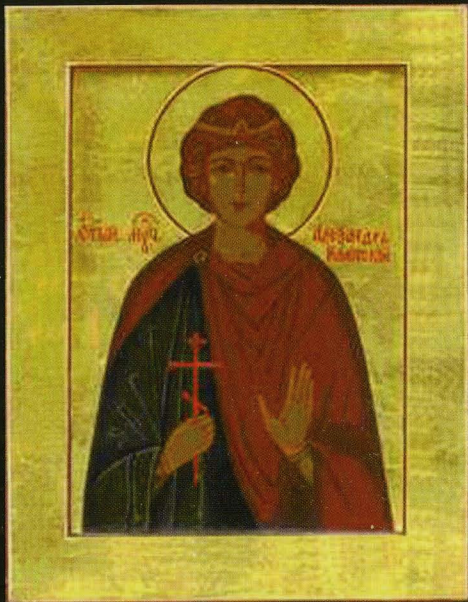
Курсы языков, гимназия, народный университет, библиотеки есть в Галлиполи, и почти каждый вечер там идут тихие собрания – и в городе, где примостился на горе, у коричневых развалин древнего амфитеатра русский гарнизонный театр, и в лагерях, где поставлены свои холщовые театральные балаганы, от которых веером расходятся вверх вырытые в земле квадратные скамьи глиняных русских амфитеатров.

Вечером, когда воздух начинает свежеть, звучит темный Галлиполи. Тянет где-то высокую бархатную ноту корнет-а-пистон. Волной доносится отзвук солдатской молитвы. Мерцающими зрачками у мола в темной воде горят отражения освещенных окон кафе. Трепещут отсветы-лучи, как длинные золотистые ресницы.

Слышны плавные вздохи медных труб. Такие плавные и такие трепетные вздохи, точно мерцание огней в темной воде у мола. Если вслушаться, станет тихо звучать печаль, потому что медные трубы поют старые русские вальсы, поют старые увертюры русских опер.

Волна вечерней молитвы, звучащая печаль меди и огни, огни в темной воде...

Святой мученик Александр Каталитский (Калитский) – небесный покровитель Александра Павловича Кутепова (день памяти 28 сентября (11 октября н. ст.))

Благовещенский собор
г. Череповца, где был
крещен А. Кутепов
(фото предоставлено
А. А. Маровым)

Полковник
А. П. Кутепов с сол-
датами 2-го баталь-
она Лейб-гвардии
Преображенского
полка. 1916 г.
(фото предоставлено
А. А. Маровым)

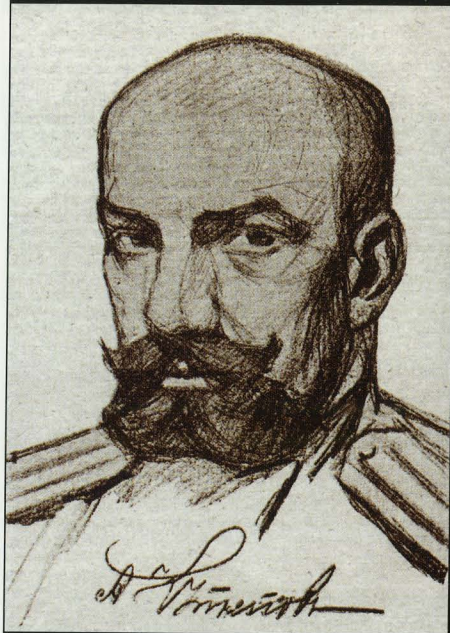
Знак Лейб-гвардии
Преображенского
полка

Полковник А. П. Кутепов во главе 2-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка. 1916 г. (фото предоставлено Ж. Горховым)

Знамя Лейб-гвардии Преображенского полка

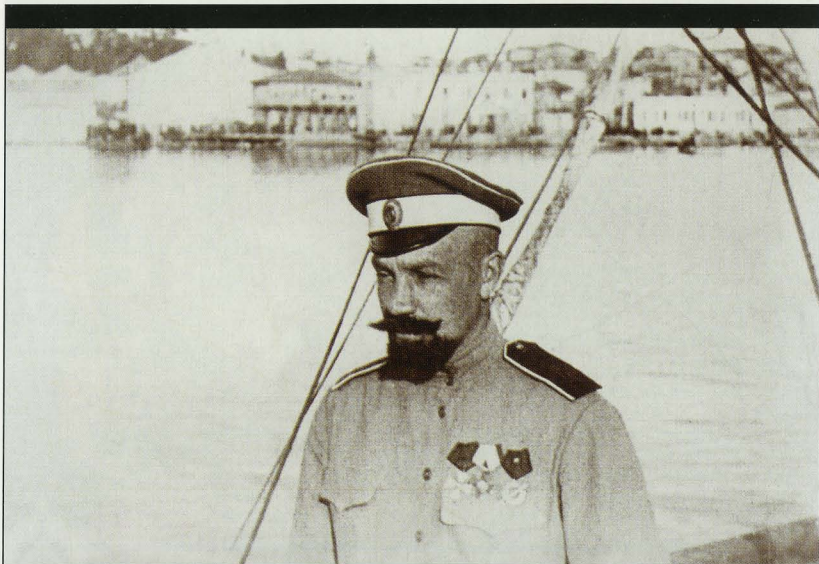

Полковник Кутепов –
губернатор Черноморской
губернии (журнал «Дон-
ская волна»)

Генерал Кутепов во время
парада частей 1-го армей-
ского корпуса в Харькове.
Позади него – командир
Иностранческого полка
полковник Горбатовский.
Июнь 1919 г. (ГА РФ)

Генерал Кутепов в Константинополе (фото представлено Вологодским дроздовским объединением)

Юнкера, солдаты и офицеры в Галлиполи. 1921 г. (фото предоставлено И. И. Фризенем)

Церковь Алексеевского пехотного полка (фото предоставлено И. И. Фризенем)

Вынос плащаницы. Страстная пятница. 1921 г. (фото предоставлено И. И. Фризенем)

Генерал Кутепов у палатки Алексеевского пехотного полка.
1921 г. (фото предоставлено А. Соколовским)

Кутепов среди чинов Марковского артиллерийского дивизиона
(фото предоставлено А. Соколовским)

Кутепов во время посещения детского сада в Галлиполи
(фото предоставлено И. И. Фризенем)

Генералы А. П. Кутепов, Б. А. Штейфон и командир Марковского пехотного полка генерал-майор М. А. Пешня (в центре группы марковцев) в г. Видине (Болгария). 1922 г.
(фото предоставлено И. И. Фризенем)

Генерал Кутепов поздравляет юнкеров с производством в офицеры. Галлиполи. 1921 г. (фото предоставлено И. И. Фризенем)

Начальник штаба 1-го армейского корпуса, комендант Галлиполийского лагеря, генерал-майор Б. А. Штейфон (частная коллекция)

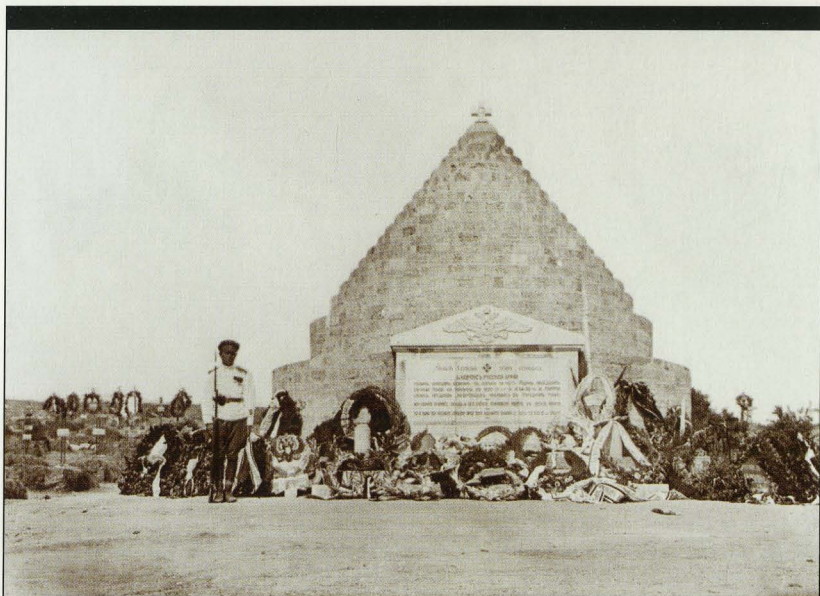
Генерал-майор В. К. Витковский, начальник 1-го армейского корпуса в Болгарии (фото времен боев в Донбассе весной 1919 г.) (журнал «Донская волна»)

Генерал от инфантерии
А. П. Кутепов.
Автограф 5/18 января
1923 г.

Генералы А. П. Кутепов,
Б. А. Штейфон, профес-
сор А. В. Карташев на
молебне перед парадом
в Галлиполи. Вторник
Светлой Седмицы,
Галлиполи. 1921 г.
(фото предоставлено
И. И. Фризенем)

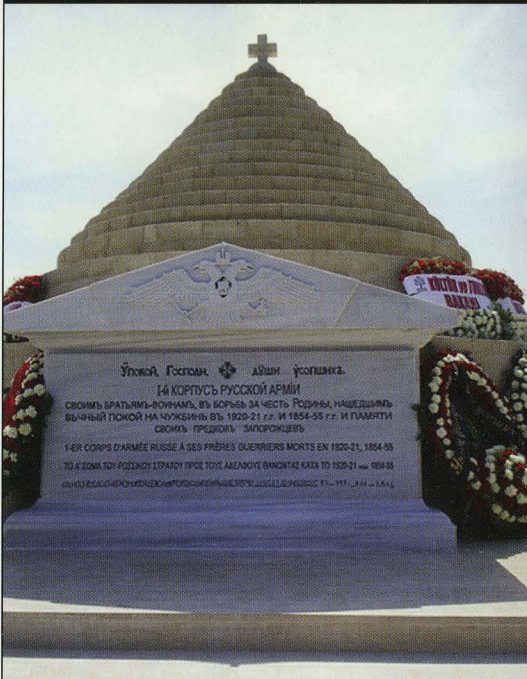

Памятник погибшим русским воинам в Галлиполи 19 июля 1921 г. (фото предоставлено И. И. Фризенем)

Галлиполийский
крест

Памятник в Галлиполи, восстановленный в 2008 г. при участии Фонда Андрея Первозванного и правительства Российской Федерации

А. П. Кутепов в Париже.
1923 г. (ГА РФ)

Л. Д. Кутепова с сыном
Павликом, М. А. Нестерович-Берг и ротмистр
А. М. Изюмов (фото предоставлено В. Г. Чичерю-
киным-Мейнгардтом)

Павлик Кутепов (ГА РФ)

Дорогие
Галин и Миша
Привет
от

Прапа $\frac{11}{X}$ 1936г.

Павлика
Кутепова
Саша

Кутепов среди чинов
Русского общевойскового
союза в Париже. 1929 г.
(фото предоставлено
А. Соколовским)

Дом в Париже на улице
Русселе 26, на третьем
этаже которого
находилась квартира
А. П. Кутепова
(фото предоставлено
В. В. Голицыным)

Символическая могила
генерала Кутепова на клад-
бище Сент-Женевьев-де-
Буа (фото предоставлено
В. Г. Чичерюкиным-Мейн-
гардтом)

Галлиполи вечером звучит В гарнизонном театре идет «На бойком месте», а может быть, «Нора» или «Потонувший колокол» В самом светлом зале Галлиполи, в греческом клубе, где горят газовые лампы, дает концерт Корниловский или Алексеевский полк Во всех полках свои хоры, свои струнные оркестры В земских мастерских наловчились русские музыкальные мастера делать гитары и скрипки из тонкой фанеры консервных ящиков

Галлиполи звучит

В сарае около базара, в центральной библиотеке, где днем за длинными дощатыми столами молча, чуть только покашливая, шестелели страницами завсегдатаи, – выступает вечером художественная студия

Играет лысый, высокий скрипач За ним маленький Яковлев, ласково гримасничая, поет щуплым тенорком песенку о консервах, о галлиполийском Хаз-Булате, загнавшем коня и кинжал за две лиры, о галлиполийских буднях, о Губе, фасоли, слухах

Темный сарай горячо и глубоко грохочет сдержанным смехом На шатких венских стульях, в первых рядах, Кутепов и его жена

Стул под генералом крепко скрипит Кутепов смеется из самого нутра Он смеется широкой, мягкой складкой на затылке и покакивает с хрипцой

– Браво, браво

А на узенькой эстраде уже выстроился белый хор Здесь все белые, все в ослепительных щегольских рубахах, у которых рукава перехвачены длинными обшлагами, как носили в армии при царе Александре III В полдень, когда солнце жарко лижет бронзовые спины, я видел, как стирают эти рубахи на берегу моря

Хор выстроился Свечи снизу освещают лица, и отсветы их блистают в широко раскрытых темных глазах Точно слезы остановились в глазах у певцов

Поют «Часового» Темный сарай затихает, ровно вздохнув с первым вздохом корниловской солдатской песни

Стоит на часах часовой Он устал, он голоден, он один «Слышишь ли, ночь, я один?» И ночь отвечает глубоким дыханием «Слышу» И в дыхании ее поют далекие отголоски «Коль славен», смутно бряцают боевые марши и летит волнующий шелест старых знамен

Поет часовой, что он голоден, устал, но он не опустит винтовку, не уйдет он с поста «Слышишь ли, ночь?»

И отвечает ночь глубоким дыханием: «Слышу». И в ответе ее шепот ветра в просторах полей, тихий гул колоколен, шелест пашен и пенье «Коль славен».

У Кутепова шевелятся короткие солдатские пальцы, поглаживающие колени. В душном сарае проносится горячий трепет дыхания, и под его порывом стелют свечи желтые языки. Влажные блистания свечей в темных глазах певцов.

На дворе, в синей мгле, красными точками мелькают папиросы. Шпоры звякают застенчиво и легонько. Расходятся, чуть светясь, белые рубашки.

Я иду с профессором Даватцом. Есть такой приват-доцент математики, что из Харькова простым солдатом пошел на бронепоезд. Теперь он артиллерийский поручик.

Даватц в мешковатой рубахе, худой, с узким породистым лицом, с седеющей, стриженной головой. Простые офицеры над ним добродушно подсмеиваются: «Дернул раз шнур у боевой пушки – и погиб, помешался от любви к армии».

Даватц – тихий фанатик. Это – жрец армии, и его армейская служба – не служба, а какая-то тихая литургия. Он сам рассказывал, как болела раз у него голова. Нестерпимо болела в тот день, когда в лагерь приехал генерал Врангель.

День был глухой и серый. Высокий, тощий, как жердь, Врангель шел с мола, и вдруг прорвалось солнце, засветив солнечным золотом пыль.

– Я посмотрел на Главнокомандующего, и у меня, знаете, головной боли как не бывало...

Профессор снимает очки, и вижу я его глаза, голубые, чистые, влажные, точно в прозрачной и легкой поволоке слез. Мы идем, разговаривая вполголоса.

– Меня фанатиком называют, энтузиастом. А я говорю, что у меня, как у всех, никакого энтузиазма нет.

Без энтузиазма, поругиваясь, нестерпимо уставая, несут опротивевшие наряды и работы.

Без энтузиазма, разместясь на сваленных грудой камнях, по выжженным пустырям, называемым военными школами, чертят на ржавых кусках железа траектории и проекции.

И конечно, без энтузиазма читают новые приказы генерала Кутепова. Они идут на все и терпят все не потому, что боятся Кутепова, а потому, что хотят так идти и терпеть. Они знают, что только так и через это будет жива армия, они знают, что только так доне-

сут до России свои знамена, пронесенные в веках сквозь кровь и огонь, через поражения и победы. Такова их воля: молча терпеть.

В миру, за Галлиполи, никто и не подозревает, что перед тысячными солдатскими толпами читаются здесь разбитные газетные небыллицы. И кто его знает, не Штаб ли в своих целях разрисовал черным чертом Галлиполи перед Парижем и Прагой.

Там заняли лживую позицию, там делают непоправимую ошибку незнания, потирая ладонью глаза, тихо говорит мне Даватц. Там думают, что Галлиполи построено на обмане и палке, а мы живы только внутренним сознанием своей надобности, и нет у нас ни палки, ни обмана, а правда и дисциплина.

Я смотрю сбоку на чуть выпуклые, близорукие глаза приват-доцента от артиллерии. И вспоминаю его наивный рассказ о головной боли и о Врангеле.

О Врангеле в армии говорят мало. Врангель вне армии, выше ее. О Врангеле не говорят как о командующем. Для Галлиполи он выше командующего. За синей линией моря, где идут рядами, томительно шумя, белые дорожки пены, там перед всем миром Врангель один стоит за Россию и ее армию.

Раз вечером подошли ко мне на улице двое солдат. Оба пожилые, обсохлые и загорелые до черноты. Один светлоусый, а другой с козлиной темной бородкой. Светлоусый, в синих погонах с белой полоской ефрейтора, внимательно оглядел мой помятый серый штатский костюм и сказал несмело:

– А мы у вас спросить хотим... Вы из Константинополя приехали?

– Да.

– Ну что, как там?

– Да что же, плохо.

Постояли. Светлоусый почесал переносицу и кашлянул, точно собираясь признаться в чем-то очень интимном и потому конфузливом. Знаем, что плохо... А генерал Врангель как поживает?

– Насколько знаю, жив, здоров.

– Ну так-то. Чтобы здоров был, дай ему Бог... А то слухи пушают.

Отмахнули мне честь и тронулись от меня оба вместе.

Во Врангеля, как видно, влюблен не только харьковский приват-доцент, и это общее чувство иначе не назвать, как мягкой и бережной влюбленностью, сквозящей во взглядах и улыбке, когда они говорят о Врангеле... Есть в Галлиполи узкоколейка, проложенная русскими руками от лагерей в город для подвоза продуктов.

Две ржавые полосы рельс пролегли в седом бурьяне, переваливаются через песчаные, накаленные солнцем откосы. Русские строители выбрали профиль местности удачно: в лагери низкие, скрипучие и ржавые площадки тянут лошадьми, а из лагерей площадки бегут сами под уклон. Часто, правда, так бегут, что вывертываются с рельс...

Приезжала в лагери жена Врангеля. Худенькая, похожая на английскую мисс, очень веселая и живая, со сверкающей белой улыбкой. Ехала она вагонетками. На узкоколейке, где есть в голом поле стоянки «Дрозды» и «Корниловцы», есть особые коменданты станций. Один из них перед самым городом, когда вагонетки застопорились, рапортует начальнику движения:

– Имею честь доложить, что на вверенном мне участке никаких происш... Баронесса легко прыгивает с площадки и, смеясь, оглядывает молодого офицера.

– Типун вам на язык. Как раз перед вашей станцией наш поезд потерпел крушение: вагонетка перевернулась.

Об этом случае рассказывают с радостной усмешкой, как влюбленные.

Армия любит Врангеля. Армия знает, что Врангель – ее одинокая стена перед всем миром.

А широкоплечий и крутой Кутеп-паша – в самой армии. Это ее нарезной винт, ее крутой и крепкий цемент.

В Кутеп-пашу не влюблены, но Кутеп-пашу теперь понимают и крепко уважают. Понимают в Галлиполи, что Кутеп-паша не самодур и не палач, а верный, непреклонный русский солдат.

Он твердо сжимает свои железные перчатки. Когда он обдумает и отрежет – дело конченное.

У него скошенный, гневный лоб, сощуренные, пристальные глаза и неловкая, но упругая походка. Это сильный человек, не знающий сомнений. Он не любит слов, потому что считает слова ложью и потехой болтунов.

Он думает, вероятно, что рослый гвардеец в медвежьей шапке более нужен России, чем болтуны со скамей конвента.

Он шел по крови. Он и в атаках под огнем шагал так же упруго и вперевалку. Он рубит в щепя. Виселиц не боится. Смертной казни во время войны он отменять не будет.

Он литой и решительный солдат, из тех литых солдат, что делают человеческую историю. За ним чудится зарево пожарищ, черные змеи штурмовых цепей и грохот канонады и гул колоколов...

Он всегда спокоен и чуть насмешлив. И в насмешливости его много солдатской крутой соли.

Как-то французский представитель вдруг официально уведомил генерала Кутепова, чтобы он не беспокоился, если будут произведены примерные боевые маневры французским войскам. Генерал официально ответил:

– Я не беспокоюсь, но необыкновенное совпадение: у меня тоже завтра маневры в боевом снаряжении; не беспокойтесь и вы.

И назавтра галлиполийские юнкерские училища и технический полк вышли на занятия с винтовками и пулеметами. Кутепов на своем постоит. Это все знают.

В самые суровые дни Галлиполи, в дни бразильских посулов, в дни, когда гудок «Решид-паши» манил родным домом, в дни, когда черные дети прекрасной Французской Республики расклеивали приказы, чтобы русские солдаты не подчинялись своим командирам, и в дни приказа о выходе всех желающих из армии – был покоен и чуть насмешлив Кутеп-паша.

Его короткие солдатские пальцы слегка вздрагивают, и он, волнуясь, бледнеет, широко стягивая воздух раздутыми ноздрями, только тогда, когда проносят перед ним истрепанные, свернутые русские знамена.

Он и теперь сидит у себя, суровый Кутеп-паша, наверху, в маленькой, похожей на каюту штабной приемной, куда надо взбираться по крутой свежеструганной лесенке, и, может быть, подписывая приказ, щурит пристальные черные глаза на коменданта:

– Много у вас на Губу? Ну, давайте сажать...

С. Михневич

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ О ГЕНЕРАЛЕ КУТЕПОВЕ¹⁰

Знаменитая галлиполийская Губа. Стоит караул юнкеров. Осмотрели мои удостоверения – я имела право ходить по Галлиполи и ночью как сестра-«фельдшер» на гауптвахте. Окончив формальности, юнкер провел меня вниз. Я стала разбирать сумку, а он прошел по всем помещениям в свою фельдшерскую и громко объявил:

– Господа, пришла сестра! Кто болен, пожалуйста к ней!

Началось наше амбулаторное лечение. Подходит очередь очень нервного, по-видимому, офицера. У него была сыпь на руках, стала перевязывать, а он совершенно сдерживаться не хочет и очень

громко и грубо начинает высказывать свое неудовольствие. Я с ним, стараюсь его успокоить, а он еще больше волнуется. Вдруг раздается команда караульного начальника. Суматоха и тишина. Через секунду слышу хорошо знакомый всем нам, галлиполийцам, голос генерала Кутепова:

– Здравствуйте, юнкера!

Говорю быстро моему недовольному пациенту:

– Тише, не сердитесь, тише!

В этот момент входит генерал Кутепов. Кланяюсь. Он, отвечая мне на поклон, говорит:

– Продолжайте, сестра, вашу работу!

И тут же, моментально взглянув на моего недовольного клиента, спрашивает:

– Вы кто такой? Офицер или институтка? Вам не стыдно? Вас сестра уговаривает, делает Вам в такой обстановке перевязку, а Вы кричите и ругаетесь, стыдитесь! На сколько посажены?

– На шесть суток, Ваше превосходительство!

– Так за это еще от меня шесть! – И пошел дальше вглубь помещения гауптвахты.

Удивительный был человек генерал Кутепов. Быстрый, решительный, требовательный, но в то же время всякий знал, что если за ним не числится каких-либо скверных дел, ему нечего его бояться. Но разгильдяйства, неряшества он не выносил!

* * *

Вспоминается такой случай. На дисциплинарной гауптвахте сидел один солдат Корниловского полка, из кавказцев. Солдатик небольшого роста, болезненный и расхлябанный какой-то. Я его, пока он сидел, лечила. Каждый день перевязки, а то и две в день. Вылечила ко дню его выхода. Потом, правду говорить, забыла я о нем. Вот как-то, идя по улице вблизи Комендантского управления, встречаю этого солдата. Обрадовался ужасно и все захотел высказать свою большую благодарность. Я с ним разговариваю, а сама смотрю – все такой же неряха. И на гимнастерке, на воротнике пуговицы нет. Поднимаю глаза и вижу: приближается от штаба корпуса генерал Кутепов. Он должен вот-вот поравняться – значит, обязательно увидит моего незадачливого клиента. Я повернулась, чтобы его немного закрыть, но разве от таких зорких глаз можно что-то спрятать? Маневр мой, конечно, был замечен. Кого-то из нас, но генерал пожалел. Ответив на мое приветствие, характерным

жестом стал подкручивать ус!!! И сделал вид, что оторванной пуговицы не заметил.

Зато и много вольностей, много дум у сидящих на гауптвахте, конечно, не подследственной, а дисциплинарной он извинял и понимал. Он понимал, что карикатуры на него, на копирование его приказов «в другом духе», распространенное на гауптвахте, не есть злое дело, а только трепетания свободной мысли томящихся в заключении людей. И он не только не запрещал этого, а наоборот, поощрял.

Так, на Губе № 1, которая помещалась наверху в той же самой башне, где много лет назад внизу, в колодце, томились в плену у турок запорожцы и где еще, когда мы были в Галлиполи, видны были в стенах кольца для цепей, где их приковывали – так на этой самой гауптвахте было принято: «Кто дольше всех сидел, тот был начальник гарнизона Губы № 1». И вновь приходящий сейчас же должен был явиться к нему и рапортовать, на сколько суток посажен и за что. «Начальник» же гарнизона направлялся к «генерал-квартирмейстеру», а тот указывал, где ему поместиться. Издавали они приказы по форме настоящих. И когда генерал Кутепов посещал Губу, то «начальник гарнизона» рапортовал, что «во вверенном мне гарнизоне Губы все благополучно». Генерал улыбался в усы. И сейчас же требовал для прочтения приказы. Конечно, там был шарж, и подчас злой, но никогда не было, чтобы он за это взыскивал, запрещал или наказывал. У меня сохранилось «удостоверение» за № 1234. На простой бумажонке, но слева карандашом искусно сделанный герб Губы. На генеральском погоне висят две фигуры спина к спине, головы, в которых нетрудно узнать генерала Кутепова и генерала Штейфона, дальше крылья орла, а в лапах он держит: в одной – офицера с бутылкой в руке, в другой – кавалериста, а в центре фигуры – С. Г. «Святая Губа». Внизу – подписи по форме и по рангу, а сбоку – печати «Святой Губы».

Он видел все это, знал, но ни злобы, ни мелкого преследования – ничего не было. Но стоило ему выйти и встретить шатающегося в пьяном виде офицера или солдата, он его сейчас же отправлял на Губу. Потому что он знал, что так надо. Иначе люди погибнут и натворят того, о чем через несколько лет будут со стыдом вспоминать и мучиться!!! Ведь чего-чего там не было! За что люди не попадали! Я ведь бывала во всех трех гауптвахтах и знала многое из рассказов самих арестованных!!!

* * *

Помню, как-то прихожу на Губу под Комендантским управлением. Вижу знакомого офицера.

– Вы за что попали?

Показывает на своих злосчастных компаньонов и говорит: за то, что «мы японцы».

Я, конечно, ничего не понимаю! Тогда он мне объясняет. Что под этот день кто-то кого-то приветствовал, ну и, как водится, на-приветствовались все зело. Пошли городом по направлению к лагерю. Кому-то пришла фантазия перевесить вывески. Сказано – сделано. Но в это время – патруль из комендатуры. «Вы что делаете?» Молчат. Опять спрашивает. Молчат. Тогда караульный офицер и говорит: «Да что вы не отвечаете, что вы, не русские?!» И получает в ответ: «Нет, мы японцы!» Ну, и забрали несчастных «японцев».

Но бывали случаи, конечно, посерьезней.

Генерал Кутепов на все обращал внимание. Как на серьезное, так и на пустяковое. Мне вспоминается такой случай. В одной части две жены офицеров, прежде бывшие приятельницами, поссорились и даже подрались слегка. Каждый муж подал по начальству рапорт, но командир полка не знал, что с ними делать. И когда генерал Кутепов узнал, то резолюция была такова: «Обоих мужей на тридцать суток на Губу за то, что плохо за женами смотрят».

Так они и отсидели...

А как любил генерал Кутепов свою армию, как он гордился, что он русский, и как хотел он видеть всех нас на высоте! Ведь первая и самая большая забота была его, как армия устроена, что у нее есть!!! Сколько забот было и накормить, и одеть этих бедных, измученных людей, выбитых из нормальной колеи и потерявших Родину!!! Ведь многие так растерялись, что их спасали только привычные слова команды, которые не давали задуматься, не давали распускаться!!! Я знаю, многие находили лишним и парады, и всякую нормальную жизнь в полках, учения и т. д., и т. п. Для чего это? Некоторые этого не понимали. Не понимали, что и эти парады в людях поднимали собственное уважение к себе как к единице целого, русского. Эта «шагистика», эта дисциплина не давали людям распускаться. Это понял генерал Кутепов.

Вспоминаю торжественный момент, когда было открытие памятника, поставленного на кладбище из камня, принесенного каждым самолично. И пишущая эти строки принесла свой камень. Был яркий солнечный день. Кругом войска наши. Все части. Бе-

дые гимнастерки. Все замерло. И мэр Галлиполи, грек, вручает генералу Кутепову акт на землю, где стоит наш памятник. Торжественная, незабываемая минута! Я стояла недалеко и видела хорошо лицо генерала Кутепова, мне его никогда не забыть! На нем была написана гордость, что он русский и почести принимал как должное, – не как генералу Кутепову, а как русскому генералу, воину и Вождю!

С. Е. Трубецкой* ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ¹¹

(Материалы для биографии)

С весны 1924 года и по самый день похищения генерала Кутепова (26 января 1930 года) я служил под его непосредственным начальством, в качестве начальника его «общей» (гражданской) канцелярии.

Некоторые лица, знавшие генерала Кутепова и даже очень хорошо о нем отзывавшиеся, предупреждали меня, однако, что служить с таким начальником мне будет трудно, и что генерал Кутепов, при всех его достоинствах, бывает иногда несколько резок... «Как-то Вы – штатский человек, не привыкший к военной дисциплине, наладите хорошие отношения с таким типичным “солдатом”, – говорили мне некоторые. «Патриот чистейшей воды, великодушный, честный рубака, прекрасный командир воинской части... но другого в нем не ищите», – говорили мне иные.

Однако я слышал и другое: «Кутепов – человек не только железной воли, но и трезвого ума. Он прекрасно понимает, что он не “все знает”, и этим выгодно отличается от многих штабных генералов, более его образованных. Он способен учиться у жизни и будет у нее учиться. Это человек не застывший, а живой и способный к дальнейшему развитию. Он дал уже многое, но, думаю, еще дале-

* **Трубецкой Сергей Евгеньевич** (1890–1949). Князь, сын философа Е. Н. Трубецкого. Доцент Московского университета. Активный участник антибольшевистского подполья. Член Национального центра, военный комиссар Тактического центра. В 1920 г. приговорен к десяти годам тюрьмы. В 1921 г. реабилитирован, в 1922 г. – выслан за границу. Активный деятель Русского общевоинского союза. После 1938 г. занимался публицистикой и переводами. Скончался в Клараре (Франция).

ко не все, что он может дать... Я уверен, что работать с ним Вам будет не только не тяжело, но даже приятно...»

В течение моей шестилетней работы с генералом Кутеповым, которого за это время я научился не только уважать, но и любить, я видел полное подтверждение этой характеристики Александра Павловича.

Да, это был человек не широкого и тонкого образования, но одаренный не только железной волей, но и ясным, трезвым умом и природной русской смекалкой. Он сам, яснее очень многих, видел свои слабые стороны, и некоторые его откровенные признания в своих ошибках или незнании хранятся в моей памяти, как образцы столь редкого у людей умения честно и мужественно судить свои собственные поступки и сознаваться в своих промахах.

Ввиду совершенно неверного представления многих о резкости, чтобы даже не сказать некоторой грубости генерала Кутепова, я считаю долгом засвидетельствовать, что в течение многих лет моей с ним службы я лично видел со стороны генерала Кутепова – неизменный такт и даже больше того – сердечное внимание. Резкость, которую многие ставили в вину генералу Кутепову, считая ее проявлением будто бы природной грубости, была на самом деле лишь методом, который он применял, когда и где считал это целесообразным и в зависимости от того, с кем он имел дело. Я с полной уверенностью могу сказать, что по природе генерал Кутепов был человеком не только не грубым, но даже душевно отзывчивым.

* * *

Я не намерен здесь описывать работу генерала Кутепова в течение последнего периода его сравнительно короткой, но столь полной содержания жизни. Время этому еще не настало.

Тем менее я буду вдаваться в оценку этой деятельности; лучшую оценку ей дали сами его враги – большевики, решившие, что удалить генерала Кутепова – значит, обезглавить самую активную и, следовательно, самую опасную для них часть эмиграции. Самый факт похищения генерала Кутепова большевиками лучше всего свидетельствует о том, что они считали его опасным врагом, а работу его расценивали вовсе не как «бессмысленную игру в солдатки», как иногда пытались представлять ее иные недоброжелатели генерала.

Итак, я ограничусь здесь тем, что из известного мне по моей службе с генералом Кутеповым материала я приведу некоторые выдержки, объективно рисующие взгляды генерала Кутепова по некоторым общим вопросам.

Генерал Кутепов был и считал себя сам – военным, а не политиком или общественным деятелем, но пусть читатель сам судит, правы ли те, кто рисует генерала Кутепова лишь «честным рубакой»...

Для краткости я буду ссылаться на материалы лишь за 1929-й год – последний год деятельности генерала Кутепова.

* * *

Генерал Кутепов был слишком трезвым практиком, чтобы придавать значение детально разработанным «вне пространства и времени» программам будущего государственного устройства России, но он определенно указывал принципы, которые, по его мнению, должны были быть положены в основу будущего строительства освобожженной России.

Вот, например, какие общие положения, в ответ на один запрос, он набросал 3-го декабря 1929 года:

«Возрожденную Россию нужно строить, отнюдь не копируя старую Россию, но и не обрывая связи исторической преемственности с лучшими традициями прошлого.

Коренные вопросы государственного устройства России не могут предрешаться на чужбине. Они могут получить разрешение, лишь принимая во внимание все реальные условия в момент освобождения России.

К работе по восстановлению России должны быть привлечены все живые силы страны. На смену интернациональной, классовой и партийной власти должна прийти власть национальная, внеклассовая и внепартийная. Власть должна встать на защиту прав религиозной, личной и экономической свободы и правопорядка. Прекращение классовой и национальной ненависти и насилия одних над другими и всякого рода самоуправства, предоставление всем народам России права свободного развития их национальных культур – вот главные начала, на которых должна строиться жизнь в возрожденной России.

Надо признать и учесть все глубокие сдвиги, которые революция произвела в жизни русского народа. Стремиться повернуть вспять колесо истории было бы безумием. Возмездия за содеянные

в течение революции преступления против старых законов быть не может. Не только бывшие «советские работники», но даже раскаявшиеся коммунисты не могут быть привлечены к ответственности за их прошлое. Фактические хозяйственные взаимоотношения к моменту свержения большевиков должны быть приняты за отправную точку для дальнейшего законодательного регулирования этих вопросов.

В экономических вопросах во главу угла должен быть поставлен принцип частной собственности. Этим не отрицается возможность сохранения государственного хозяйства в некоторых областях. Но даже для пользы государственного хозяйства необходима конкуренция частного предпринимателя, чтобы не дать государственному хозяйству погрузиться в тину бюрократического застоя. Признание принципа частной собственности при разрешении вопроса о дальнейшей судьбе существующих к моменту падения коммунистической власти промышленных и иных предприятий отнюдь не заставляет искать решения этих вопросов, основываясь только на юридической стороне дела, то есть руководствуясь исключительно дореволюционными титулами владения. При разрешении земельного и фабрично-заводского вопросов право собственности на землю и промышленные предприятия, права, отнятые коммунистами у их прежних законных владельцев, отнюдь не могут служить единственным основанием для разрешения этих сложных вопросов. Они должны быть разрешены под углом зрения прежде всего реальной возможности и государственных потребностей. Старые титулы владения могут послужить лишь одним из элементов в разрешении этих вопросов. Интересы крестьян и рабочих должны быть всемерно приняты во внимание при разрешении аграрного и промышленного вопросов...»

На другой запрос генерал Кутепов отвечал несколько раньше (16 июля 1929 г.) следующее: «После освобождения от коммунистического ига Россия будет нуждаться в периоде диктатуры. В дальнейшем развитии Россия пойдет по пути некоторой децентрализации и широкого местного самоуправления...»

В генерале Кутепове сочетались органический традиционализм и отказ от всякого утопизма. В частности, он был очень далек от всяких «реставрационных» помыслов, которые ему часто приписывались. Генерал Кутепов часто высказывался по этому вопросу; я приведу в виде примера выдержку из его речи в одном из военных объединений в мае 1929 г.

«Действительно, тяжкая участь выпала на нашу долю, – говорил генерал Кутепов, – видеть, как на наших глазах милый нашему сердцу облик старой России ушел в безвозвратное прошлое... На наше поколение выпал и другой тяжелый, но и почетный жребий – с Божьей помощью спасти и возродить наше Отечество.

Какова будет эта новая Россия – мы не знаем, но мы знаем, что она не может быть копией с России прошлого – неизмеримо глубоко пережитые потрясения и социальные сдвиги.

Мы знаем и другое, мы знаем, что крепкое здание государственности нельзя возвести на песке отвлеченных теорий. Здание будущей России должно покоиться на надежном фундаменте, заложенном нашей многовековой и славной историей...»

8-го февраля 1929 г. в беседе (интервью), появившейся на столбцах некоторых органов русской зарубежной прессы, генерал Кутепов, между прочим, заявил: «С каждым годом становится яснее вся глубина сдвигов и изменений в социальном строе России. Каковы бы ни были наши личные симпатии, было бы просто безумием закрывать глаза на действительность. “Реставрация” – только пугало в руках большевистских агитаторов...»

Главная идея и движущая пружина генерала Кутепова была не та или иная политическая программа: он горел жертвенной любовью к России, и идея патриотической борьбы за Родину была основным стержнем его мысли.

Сколько раз, устно и письменно, призывал он всех русских людей сплотиться под национальным трехцветным флагом.

«Мы боремся не за те или иные партийные идеалы, – говорил генерал Кутепов в речи 23 апреля 1929 года, – мы боремся за РОССИЮ. На эту борьбу мы зовем всех русских людей, где бы они ни были – на Родине или за рубежом. Мы зовем к ней и тех наших братьев, у которых под красноармейской шинелью не перестало биться русское сердце. У нас один враг – коммунизм, одна цель – благо Великой России!..»

«...Как русская беженская пыль – мы бессильны, как единая русская эмиграция – мы сила, с которой нельзя не считаться. Укрепить наше единство и создать нашу силу – в наших собственных руках. К этому я призываю всех членов Русского общевойскового союза, и пусть вокруг нашего национального знамени, забыв партийную рознь и вражду, сплотятся все русские люди. Мы не хотим навязать России какие-либо партийные программы. Мы хотим одно – совместно со всем русским народом, ненавидящим

большевиков, освободить Отечество от оков коммунизма и вывести Россию на путь свободного развития, величия и славы», – так писал Кутепов 13 ноября 1929 г., и таких цитат привести можно было бы много.

Генерал Кутепов никогда не становился на оторванную «эмигрантскую» точку зрения: связь с русским народом, страждущим под коммунистическим игмом, он искал всеми путями и всеми способами.

«Мы – часть русского народа. Мы свободны, и поэтому на нас лежит особо ответственная задача в борьбе с поработителями Родины. Наш политический путь ясен. Мы не отрываемся от нашего народа. Мы не ведем какую-то “эмигрантскую” политику», – неустанно повторял генерал Кутепов (речь 25 февраля 1929 г.).

Связь с Россией, прислушивание к биению сердца русского народа, а не прислушивание к эмигрантским настроениям, однако, отнюдь не превращалось у генерала Кутепова, как у многих, в какое-то пассивное выжидание того, что в России как-то «само собой» что-то образуется, а нам, эмигрантам, остается сидеть, сложа руки... Отнюдь нет!.. Пафос генерала Кутепова был пафосом борьбы, борьбы за освобождение России, борьбы всего русского народа, а не одной только эмиграции, но, непременно, и эмиграции.

«Не будем, – призывал он, – предаваться оптимистическому фатализму и ждать, что все совершится как-то само собой. Нельзя ждать смерти большевизма, его надо задушить и освободить Россию! Вот долг всех русских людей. Если большевистская диктатура в России не укрепляется, а колеблется, то не скрещивать руки мы должны, а удвоить наши усилия в борьбе. Если революционные партии, разрушая старую Россию, выбрасывали лозунг – “в борьбе обретешь ты право свое”, то нам, русским патриотам, надлежит всегда помнить, что лишь в борьбе обретем мы свое Отечество» – из речи генерала Кутепова, апрель 1929 г.

Для борьбы требуется, прежде всего, единство, сплоченность и дисциплина. Генерал Кутепов стремился поэтому как можно больше объединить активные элементы эмиграции для борьбы с большевиками. Он призывал для этой великой цели отбросить рознь и партийные пререкания.

Особенно настойчиво подчеркивал генерал Кутепов общенациональную и внепартийную идею, которой должны служить военные организации. В беседе (интервью), данной им представителям русской зарубежной прессы (июль 1929 г.), он говорил: «Ар-

мия стоит вне партий... Чтобы армия была духовно здорова, нужно, чтобы чины ее возвысились над своими партийными убеждениями, нужно, чтобы они забыли о своей партийности и служили лишь общенациональным целям. Это не значит, что армия “аполитична”: она имеет свое определенное политическое лицо, она хочет восстановления национальной России, хочет возрождения Российской Государственности. Независимо от процента монархистов или республиканцев в армии она борется не за те или иные формы государственного устройства, а за возрождение России. Я лично не скрываю того, что считаю для России наиболее подходящей монархическую форму правления; многие чины армии думают так же, но из этого не следует, что наша армия – армия “монархическая”. Если в России после свержения коммунизма установится другая форма национальной власти, защищающей жизненные интересы, честь и достоинство Российского Государства, армия будет не за страх, а за совесть служить России, подчиняясь этой власти, как бы она ни называлась. Еще в 1920 году, в Галлиполи, на вопрос представителя общественных организаций я ответил: Армия должна освободить Россию, а потом взять под козырек. В этом твердом убеждении мы черпаем уверенность, что мы сможем слиться с национально мыслящей частью нынешней Красной армии.

Мы – “белые”, пока “красные” владеют Россией, но как только иго коммунизма будет свергнуто, с нашей ли помощью или без нее, мы сольемся с бывшей Красной армией в единую Русскую армию, и только наша внепартийность и служение общегосударственным целям сделают это слияние возможным, иначе была бы увековечена гражданская война. В нашей печати было правильно отмечено, что сохранение внепартийного характера армии затрудняется тем, что левые элементы эмиграции находятся в оппозиции к военным организациям. Это, конечно, так, и это большая ошибка со стороны левой антибольшевистской части Русского зарубежья. Но я могу удостоверить, что в своем сознании армия никогда не перестанет ощущать себя представительницей России как целого, а не представительницей только тех политических течений, которые ее поддерживают и которым она искренне благодарна за эту поддержку.

Армия, как и сама государственная власть, и все ее представители, должна чувствовать себя представительницей государственного целого, а не отдельных его частей или отдельных классов насе-

ления. И здесь, в зарубежье, когда нет над нами русской государственной власти, армия должна особенно ясно это сознавать.

Враг армии – коммунизм, захвативший Россию. Задача армии – представлять собой всю Россию, восставшую против коммунизма. Все русские люди, отрицающие коммунизм и борющиеся с ним, входят в ту русскую стихию, которую мы стремимся воплотить, ощущая себя общегосударственной Русской армией.

Русское знамя, которое наши вожди с честью пронесли через все испытания, никогда не склонится перед врагами России, но мы не отдадим его и в руки каких-либо политических партий или организаций, как бы они ни назывались...»

Как истинный солдат, думая прежде всего об армии, генерал Кутепов отнюдь не принадлежал к тем военным, которые сторонятся и презирают все штатское. Генерал Кутепов прекрасно понимал все значение общественности и не только не считал нужным уходить и замыкаться в скорлупу каких-то оторванных от жизни военных организаций, но, напротив, считал это вредным и недопустимым.

«Русская армия – плоть от плоти и кость от кости русского народа. Воинские организации не могут жить вполне обособленной жизнью, и для их развития необходима атмосфера общественного сочувствия», – говорил генерал Кутепов (речь 24 апреля 1929 года).

Часто генерал Кутепов высказывал свои взгляды на Красную армию.

«...Вы спрашиваете о моем отношении к Красной армии, – говорил генерал Кутепов 8 февраля 1929 года одному русскому журналисту, – я сражался против Красной армии с самого создания Добровольческой армии и до Крымской эвакуации. В наши дни история развивается быстро: Великий князь Николай Николаевич своим государственным взглядом на вещи приучил нас теперь смотреть на Красную армию не как на врага России, а лишь как на временное орудие в руках ее врагов. Под тяжелым красным покровом в Красной армии зреет русское национальное сознание. Великий князь прозревал день, когда Красная армия перестанет быть “красной” и превратится в доблестную, могучую Русскую армию, с которой сольются воедино те, кто проливал свою кровь за спасение Отечества от ига коммунистов.

Не делайте из этого заявления вывода, что я верю в какую-то “эволюцию” самого большевизма, нет, коммунистический строй

может гнить, но не может эволюционировать. Я верю, что рано или поздно у Русского Народа найдется достаточно сил, чтобы сбросить это иго...»

Генерал Кутепов часто говорил о национализме в противовес большевистскому интернационализму. Иногда его даже упрекали в «великорусском шовинизме». Насколько этот упрек несправедлив, насколько патриотизм генерала Кутепова носил широкий «имперский» характер, видно хотя бы из его речи на собрании представителей политических и общественных организаций 12 мая 1929 г.

«Говоря о русском национальном чувстве, – говорил генерал Кутепов, – я не хочу быть неверно понятым. Я сам великоросс, но я считаю не только неправильным, но и вредным с государственной точки зрения, когда клич – “Россия для русских” – понимается как Россия для великороссов. Россия – не только Великороссия и даже не только – Великая, Малая и Белая Русь, все народы, населяющие ее, без исключения, ее дети. Среди них не должно быть пасынков. Не поглощения русским племенем требует Россия от своих сынов, а любви к общей Матери. Россия не требует того, чтобы грузин или татарин отказались от своей национальной культуры, она не стремится к обезличиванию своих детей.

В нашем богатом языке, к сожалению, утратилось одно слово: “Россиянин”, а между тем это слово нужно и даже необходимо – оно шире, чем слово “Русский”. Все народы, населяющие Россию, независимо от их национальности, прежде всего – Россияне.

Я верю, что освобожденная и возрожденная Россия будет именно – Россия для Россиян!»

Говоря о национальном вопросе, нельзя не упомянуть взглядов генерала Кутепова по еврейскому вопросу. 8 декабря 1928 г. генерал Кутепов писал председателю Союза русских евреев-патриотов И. М. Бикерману: «Мне кажется, что угрожающий рост антисемитизма в Советской России – чувство, во многом понятное для лиц, знакомых с составом политической тамошней власти – должен особенно заботить Ваш союз и вообще всех русских патриотов.

Только сильная национальная власть сможет не допустить или твердой рукой пресечь грядущие погромы, совершенно недопустимые с государственной точки зрения.

Чем дольше будет хозяйничать в России коммунистическая власть, тем страшнее будет взрыв самого дикого антисемитизма. Все евреи, как русские, так и заграничные, должны, наконец, это по-

нять и усвоить, что, так или иначе поддерживая коммунистическую власть в России, они собирают грозовые тучи над головой собственного народа. Они должны понять и то, что в интересах самого русского еврейства надо стремиться к скорейшему свержению в России коммунистической власти и к тому, чтобы этот переворот принял не анархические, а организованные формы. Без этого волна кровавых погромов, по-моему, неизбежна. Не стоит говорить, насколько это было бы губительно для еврейства и вредно для интересов России. Роль русских евреев-патриотов в этом отношении может быть огромна...»

* * *

Не лишен также интереса взгляд генерала Кутепова на события на Дальнем Востоке в 1929 году, во время назревавшего тогда (и позднее разразившегося) военного столкновения между Китаем (Манчжурией) и СССР.

29 апреля 1929 г. генерал Кутепов давал представителю Русского общевойскового союза на Дальнем Востоке указания на случай столкновения между Китаем (возможно, и Японией) с Советской Россией.

«Перед русскими, – писал генерал Кутепов, – встанет вопрос, как им быть? Вопрос очень сложный, так как, с одной стороны, желательно сражаться с властью красного Интернационала, но с другой – нельзя бить по национальным интересам России. Такими интересами я считаю – Восточно-китайскую железную дорогу и русское влияние в Монголии, которое началось задолго до большевиков.

Мои руководящие указания... следующие: без особых гарантий со стороны Китая и Японии, я считаю полезным для русских воздержаться от участия в войне между Китаем (или Японией) и СССР. Однако, я учитываю обстановку у Вас и думаю, что такое воздержание по многим причинам будет для живущих на китайской территории невозможным. Если будет объявлен даже добровольный набор русских, проживающих на китайской территории, они не смогут от него уклониться. Но пусть то будут отдельные русские, а призыва или разрешения на это со стороны русских общественных организаций, без особых условий, дано быть не может... Русские национальные организации могут оказать помощь в борьбе с СССР, вооруженную и дипломатическую (например, соответствующим представлением САСШ), лишь в слу-

чае получения определенных гарантий о ненарушении в борьбе с большевиками национальных интересов России. Конечно, за помощь в борьбе с красной властью Китай и Япония вправе получить известные компенсации. Если Китаю или Японии нужно формальное заявление национальных русских организаций с призывом русских участвовать в борьбе с СССР совместно с Китаем или Японией, то нужно это последним для создания где следует (в САСШ и других государствах) впечатления, что этой войной не нарушаются интересы национальной России. Дать такое заверение можно лишь при получении соответствующих гарантий, без чего мы вправе опасаться нарушения русских интересов и должны делать все, что в наших слабых силах, для возможного их обеспечения (обращение к САСШ и т. д.). Когда я говорю о “гарантиях” соблюдения национальных интересов России, я разумею – соответствующие официальные заявления Китая и Японии и реальную их помощь в формировании значительных и самостоятельных русских отрядов для направления их на русскую территорию для освобождения ее из-под власти большевиков...»

* * *

В вышеприведенных выдержках из документов и публичных речей генерала Кутепова я попытался дать объективное отражение его мысли и политической работы в последний период его деятельности. Периоду этому суждено было трагически оборваться...

26-го января 1930 года большевики дали самое яркое доказательство того, как они расценивали личность и деятельность генерала Кутепова... Россия многое потеряла в нем, и она его не забудет.

А. А. Зайцов

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕНЕРАЛЕ КУТЕПОВЕ¹²

Впервые мне довелось познакомиться с Александром Павловичем в дни празднования столетия Бородинской битвы под Бородино, куда были командированы в числе прочих частей роты Его Величества Лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков.

Август 1912 года. Штабс-капитан Кутепов – начальник учебной команды Преображенского полка.

Второе запавшее в память впечатление – наш первый бой под Владиславовым 20 августа 1914 года. Я с ротой стою в бригадном резерве, Преображенцы наступают. От нас все было видно как на ладони, и первый бой производил впечатление чисто батальной картины. Несут на носилках раненого офицера. Лица не видно, но виден Владимирский крест. Подойдя к резерву, носилки опускают, и мне виден первый раненый – это был командующий 4-й ротой Лейб-гвардии Преображенского полка штабс-капитан Кутепов.

Далее 1916 год. Командующий 2-м батальоном Преображенцев капитан Кутепов сменит мой батальон на позиции под Шельвовым у Луцка. Как всегда строго по форме одетый, точный, спокойный и трезво смотрящий на дело. Именно трезво, без всякого пафоса, громких фраз и бряцания оружием. Александр Павлович был слишком хорошим строевым офицером для того, чтобы рисоваться и стремиться блистать. Я хорошо помню наши беседы в блиндаже при свечке на покрытых соломою нарах. Его критику модных в то время, завезенных к нам с французского фронта и уже устаревших до ввоза новшеств и его чисто практический, основанный на здравом смысле, подход к делу.

Затем революция 1917 года, глубоко и во всем противоречившая всем взглядам, симпатиям и идеалам Александра Павловича. И этой, внушавшей ему всегда столь глубокое отвращение революции, по иронии судьбы, суждено было стать переломом в его жизни. Лишь отличный строевой офицер до революции, после нее он выносятся жизнью в первые ряды борцов против нее. Именно в этой борьбе с революцией он нашел свое призвание, и вся его дальнейшая жизнь проходит под знаком непрестанной, непрерывной и беспощадной борьбы с ней. В этой напряженности его борьбы, заражавшей всех, с ним соприкасавшихся, и был заложен тот ореол, который окружал его имя и который стихийно выносил его на пост вождя вооруженных сил русской контрреволюции.

С самых первых дней революции он в числе, увы, немногих истинно верных долгу до конца принимает участие в вооруженной борьбе с ней на улицах Петрограда в феврале. Я не буду здесь касаться блестящей его роли в этих событиях, описанных им самим незадолго до его похищения. Вернувшись из Петербурга на фронт, он становится командующим Преображенским полком. Исполняя должность начальника штаба нашей дивизии, мне пришлось вместе с Александром Павловичем переживать эти смутные, печаль-

ной памяти дни нашей первой «бескровной» революции. Вопреки нашедшей многих сторонников системе подлаживания к комитетам во имя сохранения армии, полковник Кутепов оставался тем же, каким он был и до революции. И он был прав потому, что в славных боях Петровской бригады в дни общего развала, в июле 1917 г., он со своим полком был душой этих побед. И не столько побед над немцами, которые все равно в тот же день сводились на нет стихийным развалом соседей, сколько побед над духом революции, духом разложения. В борьбе с врагом внешним он боролся и против более страшного врага, разлагавшего армию. До осени он мог сохранить родной полк от развала. Несмотря на нарочитые условия пропаганды большевиков, направленные на разложение полка, полк вновь благодаря своему командиру устоял до конца. Весьма характерно, что большевики для разложения полка послали в то время одного из своих крупнейших агитаторов эмигранта Чудновского, впоследствии убитого при штурме большевиками Зимнего дворца.

В эти трудные, скорбные дни мне часто приходилось говорить с Александром Павловичем. Он ясно видел, что, несмотря на все усилия, борьба с лавиной большевизма на фронте становится непосильной. Как человек дела, он отдавал себе отчет в том, что продолжение борьбы в этих условиях бесцельно. Вопрос борьбы был по-прежнему для него основным, и он только искал точку приложения своих усилий. Как только стали доноситься до нас слухи и вести с Дона, Александр Павлович, не колеблясь, решил ехать туда. Я хорошо помню до сих пор при разговорах с ним в штабе дивизии, куда он часто наезжал, его воодушевление и горячую веру в то, что борьба продолжается, и его надежды на конечный успех. В общем развале он видел только одну точку приложения усилий, только один рычаг борьбы – Дон. Ему претило выжидание и пассивная роль зрителя событий.

Он стремился стать на путь активной борьбы, к которой его тянуло. Большевистский переворот со снятием погон и потом полным развалом делал бессмысленной борьбу на фронте, и, расформировав полк, Александр Павлович решил пробиться на Дон. Несмотря на все трудности, это ему удалось, и он вступил одним из первых в Добровольческую армию.

Роль Александра Павловича в Добровольческой армии слишком известна, чтобы мне здесь ее касаться, к тому же мне не пришлось участвовать в ней непосредственно под его командой.

Описание ряда встреч моих с ним в Новороссийске, Ростове, Мелитополе и в Крыму не могут поэтому добавить ничего нового к тому, что сделано его непосредственными сотрудниками по борьбе в эти годы. Начав с ротного командира в Первом походе, он к концу нашей Гражданской войны – командующий 1-й армией у генерала Врангеля в Крыму. Затем эвакуация и прибытие остатков армии в Турцию. Вооруженная борьба, которой он посвятил столько сил и столько энергии за три года – кончена. Остается лишь горечь изгнания.

И вот, в эти безотрадные дни, когда, казалось, борьба была проиграна, генерал Кутепов создает «Галлиполи», этот символ не умирающей и не сдающейся белой России в лице ее армии.

Общий ход мировых событий, однако, не позволяет найти приложения этой воссозданной генералом Кутеповым вооруженной силе. Начинается расселение армии, и Александр Павлович со своим 1-м корпусом переезжает из Галлиполи в Болгарию. В 1922 г. генерал Кутепов вызывает меня в свой штаб, но, по настоянию большевиков, большевистствующее правительство Стамбулийского высылает Кутепова в Сербию, и я его уже не застаю по приезду в его штаб в Велико Тырново.

В 1923 г. генерал Кутепов снова приезжает в Софию, и, по его вызову, я вечером являюсь в гостиницу «Болгария», в которой он остановился. Свидание это останется памятным для меня навсегда. В своей беседе Александр Павлович поделился со мною своими новыми надеждами. Застой в борьбе и вынужденное выжидание не могли его удовлетворить. Он ищет новых путей, новые приемы борьбы. Видя, что продолжение борьбы возможно только другим путем, он стремится на эти новые пути. Положение его трудное потому, что переход на эти новые пути многим кажется невозможным и внешне как будто порывающим с прежней традицией, в основе которой лежало, прежде всего, только сохранение вооруженных сил. Александр Павлович прозорливо предвидел еще в 1923 г., что новая обстановка требует новых приемов борьбы. В центре всех его мыслей, всей его жизни все та же борьба, которой он посвятил себя с самых первых дней революции. Вопрос лишь в том, чтобы, как в свое время в 1917 г., найти точку приложения усилий. И он ее видит в активной работе. Ей он решает посвятить свою жизнь. Однако это дается ему нелегко. Он видит много недоверия к возможности подобной работы. Работа требует средств, которые достать, как кажется, неоткуда. Где найти нужных людей?

Все это не останавливает Александра Павловича, и его воля к борьбе эти препятствия победит.

Разговор этот воочию меня убедил, что временно прерванная борьба снова возобновится, и что она в верных и твердых руках.

Прошел, однако, почти год, прежде чем Александру Павловичу удалось провести свою идею борьбы. Только в 1924 г. он переезжает в Париж и становится непосредственным сотрудником Августейшего Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича и получает возможность целиком посвятить себя тому делу, к которому он так стремился и которое он сам создал. Борьба, прерванная эвакуацией из Крыма, продолжается, и во главе ее становится генерал Кутепов.

Шесть с лишним лет – с 1924 г. по день похищения 26 января 1930 г. – мне пришлось быть близким, почти ежедневным сотрудником Александра Павловича. Не пришло еще время говорить об этой работе в печати. Да и не нужна Александру Павловичу печатная реклама его работы. Лучшей ее оценкой было то доверие, которое он снискал себе в самых широких кругах эмиграции, и те опасения, которые он вызвал у своих врагов и которые привели к трагедии 26 января.

Став, по кончине генерала Врангеля, председателем РОВСа, он после кончины Великого князя наследует и возглавление всей активной борьбой с большевизмом в России. Окруженный общим доверием, в сознании правоты и верности избранного им пути, Александр Павлович может целиком посвятить себя созданному им же делу активной борьбы. В 1929 г. он становится истинным, общепризнанным вождем русской контрреволюции.

Таков внешний путь его работы в эмиграции, но только близкие знают, ценою каких усилий и ценою какого упорства это удалось Александру Павловичу.

Бывали дни, когда казалось, что борьба непосильна, когда он чувствовал себя одиноким в ней, не находя ни поддержки, ни средств для ее продолжения. Бывали и горькие разочарования, и тяжелые удары судьбы. Бывала и пролитая кровь...

В 1927 г., я помню, как Александру Павловичу приходилось думать и о хлебе насущном, и он уже готовился поступить рабочим в столярную мастерскую. Помню я и те дни, когда, подсчитывая с ним те крохи, которые он с таким трудом собирал на дело борьбы, казалось, что она затихает, что даже его железной энергии не удастся сломить равнодушие и безразличие к ней тех, кто мог бы и не хо-

тел ему помочь. И все же, несмотря на полную неуверенность в завтрашнем дне и на все трения, интриги и препоны, он неизменно, прямо шел к своей цели и вел за собой тех, кому он вселил веру в себя и в свою борьбу до конца.

С каждым годом его работа крепла, и, наконец, в самом конце 1929 г. судьба ему улыбнулась. Он добился ее обеспечения. Казалось и хотелось верить, что наконец его работа развернется так, как он об этом мечтал, и его надежды станут действительностью.

Январь 1930 года. У Александра Павловича самые широкие планы. Все препятствия устранены, открывается самая широкая дорога его работе. Вера в себя, вера в свое дело победили все затруднения, снесли все преграды на пути. А сколько их было! И вот в разгаре его работы, в зените его успехов, его похищают его непримиримые враги.

Последний мой доклад у Александра Павловича в субботу, накануне его похищения. Как всегда в 8 часов утра. У Александра Павловича новые планы, новые проекты. Несмотря на полное разочарование Александра Павловича только что состоявшимся свиданием в Берлине с приезжими из России, он полон веры в успех своей борьбы. На понедельник 27-го, в отличие от обычного порядка, он мне назначает два доклада – утром и днем, так как днем должно состояться свидание в его канцелярии на рю де Карм, которому он придавал большое значение и на котором он приказал мне присутствовать. Выхожу от него в 10 часов и прощаюсь с ним в столовой. Ничто, казалось, не предвещало трагедии на завтра. Конечно, Александр Павлович знал, что он всегда под угрозой, но в этот день он был совершенно спокоен и полон веры в будущее. Увы, это было последнее свидание, и более мне его видеть не пришлось. На следующий день его похитили большевики.

Исчез с арены борьбы страшный для них по своей непримиримости и по своей воле к борьбе противник. Русская контрреволюция потеряла в нем своего вождя.

Потеря невознаградимая.

Величие Кутепова именно в его непреклонной воле к борьбе, несмотря ни на что. Начав ее с первых дней революции, он непрерывно ее вел до конца. Чем больше препятствий, тем сильнее и ярче воля к борьбе. Чем больше ударов судьбы, тем крепче стоит он на своем посту. «Так тяжкий млат, – по словам Пушкина, – дробя стекло, кует булат». И эти слова целиком можно отнести к Александру Павловичу.

Ведя непрерывно борьбу, Александр Павлович всегда интуицией умел находить ту форму борьбы, которая была наиболее действительной для данной эпохи. И найдя ее, он отдавался ей со всей силой своего характера, со всей своей энергией и верой в нее.

Наконец, светлый облик Александра Павловича всегда связывается в моем представлении с тем живым олицетворением им всего русского, которое он так любил и которое так крепко в нем было заложено.

Русский человек до мозга костей, он верил в Россию, и эти мои краткие впечатления мне хочется закончить теми словами, которые так часто провозглашал Александр Павлович и которые так верно отражали его работу, его жизненный путь, его надежды и его жертвенное служение: «За Россию!»

Н. Виноградов **БОРЬБА ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА**¹³

Ростов, Екатеринодар, Каменноугольный район, Харьков, Белгород, Курск, Орел – вот этапы для рядового добровольца. Потом в памяти нет русских городов, точно все потонуло в зимней вьюге, которая провожала нас... И все завершилось Новороссийском. Как-то отдельно стоит Крым.

После Крыма – «Кутепия». Я так бы и назвал Галлиполи. После Галлиполи – нигде и везде, с годами, тянущимися, как тесто.

Мы – кадеты, корниловцы, деникинцы, врангелисты – в России. Здесь, за рубежом, – вранжелисты. Среди вранжелистов – кутеповцы. Это те, кто шли «туда», в Россию.

* * *

В Галлиполи, этом последнем жернове, на котором перемололись остатки Российских армий, у генерала Кутепова и его сподвижников созрела мысль о необходимости перестроить ряды для новой, неведомой еще русскому офицеру и солдату, борьбы с торжествующим коммунизмом. И то, что открывалось перед глазами генерала Кутепова и тех, кто собирался в далекий трудный путь, было полно непреодолимостью, даже безнадежностью. Не было опыта, не было средств, были невероятные технические трудно-

сти... и только была горячая вера в необходимость начать дело борьбы какими угодно жертвами.

И борьба была начата.

О подвигах первых кутеповцев Г. Н. Радковича* и М. В. Захарченко-Шульц** знают все. Не знает тот, кто не хочет знать.

Бесчисленные походы кутеповцев в Советскую Россию принесли делу Кутепова то, чего не хватало, самого главного – опытности. Их походы, их смерть – страшная героическая быль.

Обреченные пробили путь в замуравленную Россию, тернистая тропа на Родину была найдена, и по ней шли кутеповцы искупать болтовню и безделье российской эмиграции.

* * *

В годы после Галлиполи имя генерала Кутепова было именем человека, который один поднял непосильную борьбу против организованного коммунистического государства. К нему потянулась молодежь, готовая принести себя в жертву, а рядовое офицерство только в нем видело единственного человека дела и долга.

Эмиграция знала, что генерал Кутепов «что-то» делает, и одни относились презрительно – «что можно сделать?», другие осуждали – «посылает на смерть», третьи, большинство, были равнодуш-

* **Радкович Георгий Николаевич (Радкевич-Шульц)** (1898–1928). Поручик Лейб-гвардии Егерского полка. В декабре 1918 – 1919 г. – член монархической организации в Петрограде. Участник Белого движения в рядах Северо-Западной армии. Штабс-капитан (1919). В 1920 г. – в рядах Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Галлиполиец, капитан. В эмиграции вошел в состав боевой организации РОВС, в 1924–1925 гг. работал в СССР. С 1927 г. – руководитель боевой организации. Убит (покончил жизнь самоубийством, находясь в окружении) 6 июля 1928 г. во время нападения на ГПУ в Москве.

** **Захарченко-Шульц Мария Владиславовна** (урожденная **Лысова**) (1894–1927). Племянница А. П. Кутепова, жена Г. Н. Радковича. Окончила Смольный институт (1911). В 1915 г. добровольцем ушла на фронт, награждена двумя Георгиевскими крестами. Участница Белого движения. С 1920 г. в эмиграции, один из лидеров боевой организации РОВС. С 1923 г. неоднократно нелегально выезжала в СССР для установления контактов с «Трестом», а после его разоблачения – для проведения террористических актов. В июле 1927 г. после совершения поджога общежития чекистов на Малой Лубянке пыталась бежать за границу. Будучи обнаружена чекистами при попытке перехода границы в Смоленской области, оказавшись в безвыходном положении, застрелилась.

ны к делу борьбы, четвертые и пятые, точно сговорившись с ГПУ, плели сеть лжи вокруг имени и дела генерала Кутепова.

Александр Павлович не раз говорил, что дело борьбы с коммунизмом окружено в эмиграции стеной враждебности. Многие, и генерал Кутепов называл целый ряд видных лиц, вольно и невольно мешавших делу. Много было лиц из бывшего командного состава Русской армии, которые не могли примириться с «выскачкой» Кутеповым и которые всякими способами хотели играть сами какую-нибудь роль. Это желание играть роль, и играть во что бы то ни стало, «занимать положение», – приводило их в явную оппозицию генералу Кутепову и делу борьбы, и было, конечно, только на руку ГПУ.

Лучшими же ценителями генерала Кутепова, его сподвижников и всего дела были коммунисты. Политбюро и ОГПУ знали, ценили и понимали, что перед ними страшный и непримиримый враг, знали, что генерал Кутепов этого дела никогда не оставит и будет вести его до конца дней своих, знали они и людей – кутеповцев, – идущих на них.

Все помнят, что временами открывалась бешеная травля против генерала Кутепова, исходившая из самых разнообразных источников. Генерал Кутепов никогда не только не отвечал на все выпады, но он почти никогда и не говорил об этом. Генерал Кутепов молчал.

* * *

Генерал Кутепов говорил: «Наше дело там – в России. Наша обязанность показать русскому народу, что и мы, сидя здесь в безопасности, не забываем своего долга перед Родиной. В представлении подрастающих в России поколений русский патриот-эмигрант является таким, каким изображают его советские рептилии. Мы должны там, и только там, показать себя и напоминать всем, что мы умеем бороться и умирать».

«Мы должны, – еще говорил генерал Кутепов, – смотреть на походы в Россию, как на наше необходимое и обычное дело, а не как на подвиг. Когда мы проникнемся сознанием, что только совершаем свой долг перед Родиной, нам легче будет переносить все тяготы и лишения, которые пали на нашу долю. Нас немного, очень немного, но эти немногие ценнее и лучше многих тысяч.

Наше дело правое. Оно требует жертв, без жертв лучших русских людей Россия не восстановится, и они необходимы, они будут

всегда. Многие погибли, погибнут еще, погибнем все мы, начавшие, но зерно брошено и плоды будут там – на Русской земле. Надо, чтобы дело наше продолжалось до тех пор, пока в России существует власть интернациональных бандитов».

И если случалось, что генералу Кутепову самому приходилось давать последние наставления перед походом, он говорил коротко, отчеканивая каждое слово, после чего энергично пожимал руку. Не было ни дрожания в голосе, ни лобызаний, ни многозначительных взглядов.

Людей, у которых Александр Павлович замечал сомнение или упадок настроения, он всегда отставлял от похода.

И, быть может, такие «проводы» у некоторых, идущих в путь, оставляли осадок сухости от генерала Кутепова. Иногда эта «сухость» была и при встрече с вернувшимися, если последние делали ошибки. Генерал Кутепов никогда не прощал болтливости, хотя бы и невольной и вынужденной.

«Надо внушить, – говорил Александр Павлович, – что это не мое личное дело, а наше общее, наш долг. Я никого не посылаю, и если идут, то идут добровольно, зная, куда и зачем. Но если ты пошел, иди, как подобает солдату».

Так было внешне, и генерал Кутепов старался у всех на виду не отступать от этой «внешности». Но зато, отправив человека или группу, он всеми своими мыслями переносился к ним. Он по дням исчислял их движение, справлялся об известиях, выражал предположения, оценивал каждого участника и всю операцию.

Надо было близко знать генерала Кутепова и настолько близко, чтобы он не только доверял, но любил и ценил «своего» человека, чтобы при нем можно было, не в ущерб делу, сменить внешность старшего на внешность просто большого русского патриота, взявшего в свои руки тяжелый, опасный и неблагодарный труд.

* * *

Генерал Кутепов к тем, кого он хорошо знал, относился заботливо и бережно – да это и было естественно, так как все «его» были, в сущности, уже смертниками, как и он сам.

«Иногда кругом, – говорил Александр Павлович походникам, – ничего, кроме человеческой подлости, и не видишь, и тяжело становится на душе. В такую минуту я всегда вспоминаю “своих” – и я горжусь вами...»

* * *

Вспоминаю несколько случаев.

Приезжает к генералу Кутепову его офицер – инженер, получивший хорошее место, и просит, пока он свободен, дать ему «командировку».

– Это самое ценное у «моих», – говорил Александр Павлович, – что ни высшее образование, ни материальные выгоды после всех лишений, которые мы все испытали, не сломили жертвенности. Идут не от голода, не от разочарований, а идут по нутру... Настоящие добровольцы!

– Приехал штабс-капитан Б., – рассказывал Александр Павлович, – просится в отправку. Работал три года, скопил деньги, на них и хочет ехать. Генерал Кутепов радостно улыбается и, подумав, добавляет: «Нет, нет, мы можем еще дело сделать...»

Представляется как-то генералу Кутепову офицер его корпуса после окончания университета.

– Ну что, окончили? Трудно было – знаю, но зато и время не пропало... Теперь, – улыбаясь, говорит Александр Павлович, – надо браться за второй университет... за мой.

Генерал Кутепов, смеясь, приводил пример ротмистра К., который после похода политически заметно созрел.

– Разве это не университет? – рассказывал Александр Павлович. – Научился многому. Говорит толково, спокойно, взвешивает каждое свое слово, молчит, когда надо, и знает, что ему делать.

* * *

После потери, после неудачи энергия генерала Кутепова только увеличивалась. Он редко и то очень коротко вспоминал, даже при близких, о погибших, но думаю, что Александр Павлович переживал тяжело: уходили и гибли все лучшие, нужные, незаменимые...

* * *

Не было средств, чтобы начать дело. Но и не было денег, чтобы продолжать борьбу с большевиками. И генерал Кутепов решал, если ждать средства, то дела никогда не будет. Он изыскивал и доставал какую-нибудь очередную тысячу франков, прося ее, как подаяние, у богатых так называемых русских патриотов.

– Ну что же, пусть говорят, что Кутепов попрошайничает, – усмехался Александр Павлович и отсылал выпрошенные франки в нужное место.

Деньги собирались грошами. Давали обычно те, которые сами ничего не имели. К этим деньгам Александр Павлович относился до болезненной щепетильности.

Помню случай, когда пришлось раз обратиться к Александру Павловичу за деньгами для больного походника.

– Специальных денег немного есть, но дать их не могу, они должны быть израсходованы по прямому назначению, а вот у меня есть армейские деньги (то есть пожертвования на армию, на РОВС. – *Прим. автора*), из них могу кое-что дать. И он дает 500 франков.

– Мне принесите расписку, – потом задумывается и добавляет. – Надо нам как-то организовать поступление на работу, чтобы не расходовать лишнего. Я поговорю кое с кем, нельзя ли куда-нибудь его устроить до «следующего раза».

Но часто было, что ни личные переговоры, ни рекомендательные письма от Александра Павловича не помогали устройству его людей в русские предприятия. Редко кто отзывался.

Александр Павлович сразу преображался, если ему добровольно какой-нибудь эмигрантский туз давал деньги «в личное его, генерала Кутепова, распоряжение», а не «по особому назначению». Тогда Александр Павлович при встрече говорил:

– А денег вам не надо? Возьмите, возьмите... Потом отдадите, когда будете работать, – и рассказывал про «тузов», бьющих себя в «патриотическую грудь» и водивших его по ресторанам «поговорить».

– Хожу, обедаю, ужинаю, а у самого за едой сверлит мысль: дал бы лучше деньги, чем угощать.

У Александра Павловича часто не было средств не только поддержать вернувшихся с похода, но и отправить одного человека на необходимое и спешное дело. Ни одна борьба не велась с такими скудными средствами, и только один генерал Кутепов и только он знал, чего стоило ему «находить деньги».

Перед самым своим похищением Александр Павлович радостно говорил:

– Подождите, скоро дела наши поправятся...

* * *

Недостаток средств ощущался во всем. Возникали стихийно, далеко от местопребывания генерала Кутепова, группы определенно настроенной молодежи, которые просили Александра Павлови-

ча их поддержать. Надо было дать немного денег, а их не было. Надо было снять заблаговременно с работы, обучить людей, а часто выходило так, что хватало средств только на поход, да и то все было в обрез.

Все это наводило генерала Кутепова на мысль организовать дело по-другому, но проходило время, а средства не только не увеличивались, но порой и уменьшались, и приходилось опять решать: делать ли с имеющимися возможностями или все бросить. Конечно, генерал Кутепов и кутеповцы принимали первое решение: бороться, бороться во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед чем.

От недостатка средств были, конечно, недочеты в организации, особенно на местах. Нельзя было проехать, посмотреть, проверить группы и одиночек. Надо было посылать своих людей к ним, а приходилось довольствоваться тем, кого выдвинула та или иная группа. И часто было, что группы были хорошие, но руководители не отвечали своему назначению. Часто это были люди более опытные в жизни, но никуда не годные руководители, которые хотели только посылать, но не идти (у генерала же было принципом – руководить может тот, кто прошел уже «школу»), были и трусы, вместе с тем желающие играть роль.

На фоне всего этого и из отдаленных групп выкристаллизовывались люди – настоящие бойцы, которым и поручалось все дальнейшее руководство.

* * *

В невероятной тяготе, которую взял на себя, ведя борьбу с большевиками, генерал Кутепов и только на одного себя, его поддерживало сознание долга, правоты и верности избранного им пути.

Все сведения, которые шли к генералу Кутепову от его же людей, доказывали, что дело его нужно и необходимо России. Помимо точной информации, которой так боятся коммунисты, волны активной борьбы, пронесившиеся ежегодно в разных концах России, пробуждали у замученного и затравленного советского жителя волю к освобождению. Не раз было отмечено, что самоотверженная работа кутеповцев была только сигналом к той борьбе, которая уже исходила от самого населения... Положение в Советской России – это положение в «пороховом погребе».

* * *

В поисках за двумя белогвардейцами (Г. Н. Радковича и Мономахова*) большевики мобилизуют все ОГПУ, все свои отряды – и их не находят, Г. Н. Радкович сам является в их осиное гнездо, идя на верную смерть. Как погиб Георгий Николаевич, неизвестно, но известно, что население Москвы не допускалось в район Лубянской площади целую неделю.

В погоню за уходящими кутеповцами, как это было с М. В. Захарченко-Шульц, Политбюро посылает не только ГПУ, но и воинские части... Это для того, чтобы изловить только одну слабую русскую женщину. Действительно, эта женщина была М. В. Захарченко-Шульц, перед которой трепетало «всесильное око» советского государства, и после смерти которой Ягода признавался в возможности «передохнуть»...

* * *

Коммунисты сразу и верно оценили генерала Кутепова и кутеповцев.

Те, кто шли в Россию, были сильными, храбрыми и убежденными людьми. Их всегда ожидала смерть, и все-таки они ходили по три, по пять и десять раз. И большевики не могли не знать, что человек, прошедший их кордоны, их бесчисленные рогатки, осмотры, обыски, являлся для них человеком страшным. Большевики, сами из подполья, знают, что те условия, в которых они когда-то работали, по сравнению с современными, ими созданными, являются веселой опереткой. Знали большевики и то, что им предстояло при встрече с кутеповцами. Подавляющее большинство кутеповцев дорого продавало свою жизнь.

Самое страшное для кутеповцев – была возможность попасть живыми в руки палачей. Этой участи не избежали некоторые из русских патриотов. Их всегда ожидала медленная смерть с мучительными страданиями...

У пойманных «белогвардейцев» ГПУ добывало нужные ему «сведения». Обреченных заставляли «рассказывать» все, что они знали об организации генерала Кутепова. Но знали они всегда мало, знали только о тех, которые общались с ними и могли расска-

* **Мономахов Дмитрий.** Один из членов боевой организации РОВСа, принимавший участие в ряде акций на территории СССР. Погиб во время выполнения одного из заданий.

зять только о своей группе, об ее предварительной подготовке перед походом и о самом походе. Ни один кутеповец не мог рассказать больше, никто из кутеповцев не знал о других группах, а тем более о численности и намерениях организации. Это знал только один генерал Кутепов.

Генерал Кутепов ни с кем и никогда не делился планами о своей работе, и ни один из сотрудников Александра Павловича не может сказать, что генерал Кутепов был с ним в полной мере откровенен. У Александра Павловича было основным принципом молчание. Он не прощал болтливости и более всего ценил у своих сотрудников способность молчать, причем генерал Кутепов говорил, что и молчать-то надо умеючи. У многих, особенно на периферии, бывал настолько «конспиративный вид», что их за версту можно было отличить.

– Мы все люди, – говорил Александр Павлович, – а дело наше тяжелое и ответственное, и чем меньше будет знать каждый из нас, тем лучше для дела.

В силу такой постановки работы Александра Павловича у захваченных «белогвардейцев» ГПУ добывало немного. Конечно, ни сам генерал Кутепов, ни сподвижники погибших никогда не осуждали тех, у которых в застенках ГПУ была вырвана небольшая правда об организации Кутепова. Можно было только преклонить головы перед новой жертвой в борьбе за освобождение России.

* * *

Все бесчисленные походы со всеми их трудностями при современной жизни в России и все дела, проведенные там, убедили генерала Кутепова и кутеповцев в одном непреложном факте: в существовании на Родине двух враждебных лагерей – одного из организованного коммунистами и другого из неорганизованного всего русского населения. Как бы последнее ни было загнано и скручено коммунистами, оно все-таки оказывает сопротивление своим угнетателям, оказывает и поддержку тем, кто борется с ними.

Прежние революционеры обычно опирались на интеллигентские слои населения, которые почитали своей честью и долгом оказывать всякое содействие разрушителям национальной России. Теперь картина иная. У большинства кутеповцев было правилом избегать не только сношений, но даже и разговоров с бывшими интеллигентами, так как многие из них находятся в услужении ОГПУ. Кутеповцам помогали крестьянин и рабо-

чий. Это знают не только Политбюро и ГПУ, но и рядовые коммунисты. Такая помощь и поддержка не могли не придавать моральной силы генералу Кутепову и кутеповцам в их деле борьбы с большевиками.

ГПУ прекрасно знало, что только при поддержке населения кутеповцы могли в любой момент появиться в Москве и других городах, несмотря на охрану границ, на всю паспортную систему, проверки и обыски.

Население России поддерживает всеми способами борьбу за освобождение Родины, из каких бы источников эта борьба ни исходит.

Поразительным фактом является то, что крестьяне и рабочие, в силу слагавшихся из-за дня в день условий существования в коммунистическом государстве, проявляли безо всякого наставления и обучения умение быстро понимать нужду момента конспиративной работы. Те, кто помогал кутеповцам, не проявляли ни малейшего любопытства, помощь приходила быстро и умело. Помощь эта в большинстве случаев была единоличной...

* * *

За границей распространено мнение о всеисильности ОГПУ. В оценке деятельности этого советского органа эмиграции надо проявлять некоторую трезвость. ОГПУ, конечно, сильная организация, в ее распоряжении имеются неограниченные материальные возможности, но это советское здание все-таки стоит на зыбком фундаменте, раскачиваемом ненавистью советских граждан.

* * *

В деле, которое вел генерал Кутепов, были, конечно, неизбежные опасные стороны. Одной из них было провокаторство.

Среди кутеповцев, то есть людей, близко стоявших к генералу Кутепову, провокаторов никогда не было. Но это не мешало многим обвинять генерала Кутепова в «неблагонадежном окружении». Это была неизбежная ложь вокруг генерала Кутепова, которую плели, вольно и невольно, эмигранты, и которую без сомнения всячески поддерживали московские агенты. Для последних важно было заронить в пугливые головы искру недоверия. Но попытки «втиснуть» своих людей в одну из организаций генерала Кутепова, конечно, были. Был, например, такой случай.

В Россию была отправлена группа из трех человек. На месте, в Москве, выяснилось, что необходимо будет задержаться на долгое время, и старший группы решает остаться с одним помощником, а второго, некоего Х., отсылает с донесением обратно. Х. двигается к границе и по пути проезжает родные места. Соблазнившись желанием повидать своих близких, он их навещает. Его принимают настолько хорошо, что он решаетеся пожить, «чтобы лучше уяснить себе советскую обстановку», и живет две недели, оберегаемый и опекаемый своей семьей. За это время он близко сходитяся, как это было в детстве, со своим братом, тоже бывшим офицером. Х. решает открыть своему брату всю правду. Брат изумлен и восхищен, долго думает над «открытием» и в один день говорит о своем решении переменить свою жизнь в корне и тоже начать борьбу с большевиками. Х. очень обрадован, и оба брата выходят за границу. Прибыв в назначенное место, оба брата встречают теплый прием у местной группы, причем старший группы доносит генералу Кутепову о прибытии советского брата Х. По проверке, советский Х. в прошлом оказывается вполне достойным человеком. Он выражает желание увидеть генерала Кутепова, которому хотел бы изложить свой план борьбы с большевиками. На это Александр Павлович отвечает, что просит изложить этот план письменно и переслать его с оказией, начальнику же группы Александр Павлович предлагает послать двух братьев Х. и еще одного человека в Россию с определенным заданием. Группа вышла и не вернулась. Советский Х. предал брата и спутника. Это выяснилось впоследствии с полной очевидностью.

Бывали и другие попытки «внедрения» в организацию генерала Кутепова. Самым излюбленным методом у ГПУ была следующая схема, которая разыгрывалась, как по нотам, но которая была совершенно знакома генералу Кутепову.

За границу посылались «бывшие люди», которые в прошлом занимали какое-нибудь общественное положение, были политическими деятелями, специалистами, офицерами. Обычно эти люди имели некоторую связь с эмиграцией. Они приезжали по несколько раз в командировку по своей специальности от разных советских учреждений, встречались, иногда как бы случайно, с нужными им эмигрантами, которые, как известно, очень охотно идут на такие встречи, довольно правдиво рассказывали им о жизни в Советской России, не выказывая ни малейших симпатий к коммунистам. В третий, четвертый раз они начинали заводить разговоры о воз-

возможности работы в России, говорили сначала, что надо «что-то делать», а потом намекали, что «они уже кое-что и делают». Дальнейшее зависело от талантливости агента и глупости или осторожности эмигранта...

У агентов ГПУ обычно все сводилось к образованию так называемых «трестов». Большевистские агенты говорили, что у них в России имеются противобольшевистские организации, и что для дела необходимо поддержать ее стойким элементом из эмиграции, что мотивировалось по-разному: то недостатком людей, то трудными советскими условиями, то необходимостью расширить дело и т. п.

За все годы работы Александра Павловича можно насчитать очень много «трестов». Были «национальный», «большой», «немецких колонистов», «приисковый», «комсомольский», «учительский», «лесной», «рабочий», «рыбный», «военный» и т. д. Название обычно отвечало характеристике «треста». Так, при «приисковом», говорилось, что на приисках (указывалось место), куда стекается вольница, есть уже организация, и что при посылке людей можно «раздуть кадило». При «рыбном», на рыбных промыслах, реки, простор и т. д.; при «лесном», на лесных заготовках, много недовольных... Обычно ГПУ принаравливало «трест» к соответствующему моменту, так, например, после гонения на немецких колонистов появились немедленно посланцы от них...

* * *

Генерал Кутепов вел дело борьбы в России по двум направлениям: по следам ГПУ («трестам») и по своим путям, известным только ему самому. Прибегая к дорожкам чекистов, генерал Кутепов считал, что и эти дорожки иногда могут быть полезны.

«Все зависит от походника, – говорил Александр Павлович, – наши средства настолько малы, что у нас нет надежды расширить дело до нужных размеров. Нам не всегда следует отказываться даже от путей ГПУ, которые, конечно, очень опасны, но эту опасность мы знаем. Каждая же побывка в России дает нам нового опытного человека. Это своего рода школа, жестокая школа, но она нам необходима».

Генерал Кутепов всегда предупреждал «своих» о тех путях, которые им предстоят. Делал соответствующий подбор людей, давал точные инструкции и, если пути были сомнительные, то не возлагал на походников никаких заданий, кроме одного – «хорошо присмотреться». Если же пути были «свои», то генерал Кутепов

пов предоставлял походникам полную инициативу, давая лишь общие директивы.

Опыт указал, что первый раз по «тресту» можно было идти без особого риска... В дальнейшем все зависело от способностей посылаемых.

* * *

Близкие люди неоднократно убеждали Александра Павловича быть осторожным, взять охрану и переехать в лучшую квартиру – все такие разговоры поднимались задолго до 26 января 1930 года. А генерал Кутепов, смеясь, отвечал:

– Я уже давно хожу под охраной чекистов, – и рассказывал отдельные эпизоды этого «охранения».

На более настойчивые просьбы генерал Кутепов отвечал строго и упорно отрицательно, и переубедить его не было никакой возможности.

Отказ его по существу вызывался такими причинами:

Первая из них лежала в самой личности генерала Кутепова. Он, взявшись за дело борьбы с большевиками, в сущности, был обреченным человеком, и смело шел навстречу смерти. От этого его нельзя было охранить так же, как нельзя было заставить генерала Корнилова уйти с фермы, а генерала Маркова и генерала Дроздовского – из стрелковых цепей.

Вторая причина та, что генерал Кутепов вел все дело единолично. Всю ответственность брал только на самого себя. Встречался с разными людьми с глазу на глаз и считал, что его охрана во многих случаях, быть может, как раз в самых опасных, будет только мешать.

Третья причина – отсутствие средств даже на борьбу...

* * *

Генерал Кутепов погиб... Боль большая, нестерпимая, давящая и которая никак не проходит вот уже несколько лет...

Генерал Кутепов погиб, но он погиб, как все наши герои – на посту.

Так и должно быть. Генерал Кутепов мог погибнуть только при исполнении своего долга перед Россией, которую он любил превыше всего...

Генерала Кутепова нет, но еще остались кутеповцы. Борьба Александра Павловича будет продолжаться...

Н. А. Цуриков* СЛУГА РОССИИ¹⁴

Кажется, чуть ли не через несколько дней после того, как я попал в Добровольческую армию, еще до зачисления в один из полков 1-го корпуса, я услышал имя генерала Кутепова. Но увидел я его в первый раз только в июне 1920 года, в одном из немецких поселков в Таврии, в котором в этот день находился штаб корпуса.

Было воскресенье. И в саду того дома, где остановился генерал Кутепов, шла церковная служба. Небольшой стол, покрытый белой скатертью, с образом, Евангелием и крестом стоял среди деревьев. Легкий кафельный дым, тонкими струйками клубясь, поднимался к небу. Позднее утро было уже жаркое, но тихое и ясное, и лишь изредка набегал легкий теплый ветерок, чуть колебля листья деревьев и простые садовые деревенские цветы. И, как всегда это бывает, когда церковная служба происходит на воздухе, под открытым небом, она производила какое-то особенное и волнующее, а вместе с тем и душевное впечатление.

Немного впереди небольшой группы офицеров и солдат штаба стоял коренастый, среднего роста брюнет. Он стоял все время почти совсем неподвижно, не переступая с ноги на ногу и не меняя позы, как будто врос в землю, и со стороны могло показаться, что это стоит солдат перед своим начальником... Я не мог с того места, где стоял, разглядеть погоны этого офицера и не знал тогда, какой из себя генерал Кутепов, но как-то сразу догадался, кто это, и понял, что это именно он. Между его внешним обликом и тем, что рассказывали и что я слышал о нем, об этом становой хребте Добровольческой армии, человеке непреклонно суровом и требова-

* **Цуриков Николай Александрович** (1886–1957). Публицист, прозаик, литературовед. Участник Великой войны (в 1915–1918 гг. находился в немецком плену) и Белого движения. В эмиграции жил в Чехословакии, работал в Русском педагогическом бюро, активно сотрудничал в периодических изданиях. В 1928–1934 гг. входил в состав редакционного комитета газеты «Россия и славянство». В июне 1941 г. был арестован гестапо и провел три месяца в тюрьме. В апреле 1945 г. при приближении советских войск к Праге бежал в Германию, где возглавил германский отдел Союза борьбы за свободу России и продолжал печататься в различных крупных изданиях Русского зарубежья.

тельном и к себе, и к другим, не знавшем ни колебаний, ни страха – явно было нечто общее.

Не только у «них», но и у нас много осталось от предшествующей, предреволюционной эпохи, когда ядовитые, сладко влекущие и душистые ароматы, исходившие от своеобразной и уродливой смеси Блока, Сологуба и Кузьмина с Вертинским («По вечерам, над ресторанами», «Ваши пальцы пахнут ладаном»), расслабляли, отвлекали и разлагали русскую молодежь. Но в этом человеке – это я увидел с первого взгляда – не было ни грамма от этой современной ему удушливой смеси-отравы. Его не коснулись никакие «Навыи чары». (Никто не осудит тех, чьи нервы не выдерживали Гражданской войны, но он – думалось мне – уже, наверно, и ведет, и идет в бой без кокаина. Всепоглощающая стихия этого человека – долг.) Но кто же он? Обломок старого? «Древних ратей воин отсталый»? Нет, это представитель той служилой России, которая дожила до самого конца, и сейчас вновь, как уже много раз, опять борется, борется из последних сил с залившей Россию распутной стихией смуты... Вот с такими мыслями шел я к себе на «квартиру» в июне 1920 года.

После этой первой встречи прошло много лет. За эти прошедшие годы я сблизился со многими хорошо знавшими Александра Павловича и близкими ему людьми, внимательно следил за его «зарубежным путем» (Галлиполи – Болгария – Югославия – Франция), с радостью узнал о том, что он приступил к работе у Велико князя Николая Николаевича, но познакомиться пришлось только в январе 1927 года. А в августе того же года, приехав в Париж, я зашел к Александру Павловичу, чтобы передать ему деловое письмо, а он, имея представление не только о моих взглядах, которые к тому времени я успел уже много раз высказать, но и обо мне как о друге его друзей, попросил меня зайти к нему на другой день, и наш разговор затянулся на много часов. Припоминаю, что я начал его с того, что еще в январе 1921 года я говорил одному видному общественному деятелю (и ныне здравствующему) о необходимости быстрого и решительного перестроения с армейской борьбы на революционную, перестроения и психологического, и технического... И в ответ на это Кутепов рассказал мне о своих новых для него и для всего его прошлого мыслях и настроениях в период между Галлиполи и Парижем и о том, что привело его к неотвратимому убеждению в необходимости его работы, иллюстрируя свои мысли рассказом о некоторых событиях, имевших место уже в 1925, 1926 и

1927 годах... Этот чрезвычайно откровенный и значительный для меня разговор произвел на меня огромное впечатление и имел для меня очень большие (политические) последствия, окончательно и бесповоротно укрепив меня в моих взглядах. И, кажется, в тот же день, придя от Александра Павловича домой, весь еще под впечатлением того, что и как он мне рассказал, я написал короткую статью для № 1 газеты «Россия», которую только что стал тогда издавать П. Б. Струве. И в ней я, в сущности, мысленно обращался и к самому Кутепову, и к людям, безгранично ему верившим и бесконечно ему дорогим. В полной мере соответствуя взглядам редактора «России», статья эта была мной и соответственно озаглавлена.

Вот эта статья целиком.

Наше первое слово

Задача все та же, неизбывная, вдохновляющая, безмерно трудная и упоительная: вернуть Родине свободу, а себе – Родину! Пусть господа «эволюционисты», все эти «успокоители» снисходительно и поносительно зовут нас «берсеркерами» и «маньяками». Мы принимаем эти «прозвища», мы не уклоняемся от них и их не стыдимся.

Да, мы «маньяки». Ибо трепещет душа и сердце наполняется острой радостью, когда человека охватывает «мания» освобождения Родины.

И по-прежнему, неустанно, мы будем твердить, что для каждого русского, не потерявшего совести и разума, только это, в меру его сил и возможностей, – есть подлинная и достойная задача.

Только это, и – ничего больше.

Не отвлекая внимания зарубежными пустяками и политическими второстепенностями, прямо глядя вперед, не озираясь по сторонам, мы по-прежнему зываем и зовем к делу борьбы и объединения в целях борьбы.

И вот поэтому-то наше первое слово – ко всем тем, кто здесь и там эту борьбу ведет, к тем, кто сурово и крепко сжимает рукоятку своего меча, кто зорко и пристально, неотрываящимся взором смотрит на смертельного врага, нанося и готовясь еще нанести ему удары, освобождая и спасая Россию.

К ним наше первое слово! Пусть они знают, что все русские патриоты трепетно чувствуют их рядом и вместе с собой, что они не одни, не одиноки, что никогда они не будут забыты, что вся стра-

дающая, но живая громада живой и дышащей, разорванной, но единой России: внутренней и зарубежной, любовно смотрит на них, как на своих лучших и родных детей и сынов, что имена всех тех уже прославленных и еще безвестных, кто погиб в этой борьбе за Россию, будут некогда записаны воскресшей Россией в свои национальные святцы.

К вам – подлинные и бесстрашные, борцы и бойцы за Россию – наш первый братский привет, наши слезы умиления, восторга и любви, к вам – наше первое слово!

Этим нашим основным разговором определились, в сущности, и все последующие отношения, и им, между прочим, было вызвано и составление мною ряда биографий наших зарубежных героев: Захарченко-Шульц, Радковича, Болмасова*, Петерса**, Сольского***, Соловьева**** и, наконец, биографии самого Александра Павловича, напечатанной в № 55 «Россия и Славянство», за полтора месяца до захвата генерала Кутепова его врагами и врагами его России.

Уходя тогда от Кутепова, я невольно сравнивал свое первое впечатление там – в Таврии в 1920 году, с этим – в Париже в 1927 г.

* **Болмасов Александр Борисович** (1896–1927). Участник Великой войны, поручик, старший офицер 3-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона. Участник Белого движения на Севере России, штабс-капитан. С лета 1920 года – в Крыму, в рядах Русской армии П. Н. Врангеля. Галлиполиец. В эмиграции проживал в Болгарии, Финляндии. Член боевой организации РОВСа, восемь раз был в СССР. Расстрелян 23 сентября 1927 г. в Ленинграде.

** **Петерс Юрий Сергеевич** (1905–1927). Родился в Санкт-Петербурге. В эмиграции проживал в Финляндии, окончил гимназию. С 1924 г. в боевой организации РОВСа. В 1925–1926 гг. трижды был в СССР. Покончил жизнь самоубийством, попав в окружение при попытке перехода границы под Смоленском 18 июня 1927 г.

*** **Сольский Александр Александрович** (1904–1927). Родился в Санкт-Петербурге. В эмиграции проживал в Финляндии, окончил гимназию в Перкьярви (1925). С 1927 г. член боевой организации РОВСа. Захвачен чекистами при выполнении боевого задания на территории СССР, в Ленинграде 24 сентября 1927 г.

**** **Соловьев Сергей Владимирович** (1907–1927). Родился в Або (Турку). Окончил Гельсингфоргскую гимназию. С 1926 г. член боевой организации РОВСа. Дважды ходил в СССР. Убит чекистами 26 августа 1927 г. у местечка Пески недалеко от Петрозаводска.

Был ли это другой человек? Изменился ли он за эти годы? Живые люди не могут не меняться.

*«Уж десять лет ушло с тех пор, и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону.
Переменился я...»*

Я не знал его тогда и не мог поэтому по-настоящему сравнивать. Вероятно, он много узнал для себя нового, расширил свой кругозор (он, впрочем, никогда не был у него узок!), но вряд ли по существу изменился. Я говорил с человеком не только ясного и живого ума и широких, творческих патриотических горизонтов, с очень определенными вкусами, с любовью к нашему историческому прошлому, но безо всяких окостенелых предвзятостей, но и с человеком, за каждым словом которого чувствовалось, что у него имеется не только противобольшевистское прошлое, но и настоящее. Здесь есть дело, здесь есть действие. Кутепов это политическая реальность – вот что я тогда увидел и почувствовал, как, вероятно, и подавляющее большинство тех, кто вступал с ним в общение. Именно это было главным и основным в нем самом, и таково же было и впечатление, которое он производил. И именно это и показывало, что он остался в существе все тем же, чем был и тогда, ибо он и здесь, за рубежом, нашел действенный выход для служения России, то есть для продолжения всей своей жизненной линии. Окопы или баррикады, землянки или подполье – это только формы, только способы. Цель же прежняя и одна. И он упорно, твердо и успешно служил этой цели. А они:

*«Твои, Господи, враги
И враги России»*

– отомстили ему, отомстили потому, что ненавидели его Россию, ненавидели и боялись ее верного слугу.

* * *

Генерал Кутепов был человеком глубоко и до конца традиционным, он был типичнейшим представителем служилой России, но молодость его прошла как раз в те страшные годы, которые были наполнены стихией разрушения и ожидания и жадной катастрофы.

Как раз между двумя революциями (1905 и 1917 года) одним из русских поэтов было произнесено страшное и неслышанно кощунственное заклинание, призывавшее гибель:

*«Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя...»*

А уже здесь, за рубежом, совсем недавно, как некое эхо того первого заклинания – предвкушения гибели, как некое «свершилось», мы услышали слова, исполненные какой-то мучительной и терпкой горечи – радости:

«Хорошо, что нет России.»

Было бы просто и нетрудно отбросить эти несправедливые слова и спокойно и молча пройти мимо, если бы они были произнесены иностранцами или русскими, Россию разлюбившими. Но горе в том, что все это гораздо глубже, сложнее и хуже: перед нами тоже «традиция», традиция одержимости и самосжигательства. Из личного действия иступленных, во имя спасения души, она здесь перекинулась и расплеснулась в некую до предела расширенную уже общенациональную (по существу, антинациональную) формулу... всего вернее, ради услады смертным тлением. И потому-то это умышленное состояние и эта стихия гибели и смерти не могут быть побеждены простым презрительным отрицанием и отвержением. Нет. Они требуют сознательного и глубокого преодоления. Они требуют властного и соразмерно сильного противопоставления и противостояния. Традиционной болезни мы должны противопоставить традицию здоровья, сладострастия падения в бездну – радость подъема и восхождения, поэзии умирания, смерти и тления – веру в возрождение и воскресение, заклинаниям одержимых – молитву верующих. Бесноватый – не бес, он жертва беса, одержимый – это тот, кого «кто-то» держит. И если в Евангелии сказано: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Матф. 17:21), то и в отношении этой антинациональной одержимости можно сказать, что «сей род» изгоняется тоже только подлинным постом, настоящей аскезой служения, единоустремленностью к действию во имя освобождения и горячей молитвой с верой, «овеществляющей уповаемое» в воскресение России. И вот, если говорить о нашей поэтической формуле, в противоположность тем, которые я привел выше, говорить о национальной молитве в противоположность ан-

тинациональным волхованиям и заклинаниям, то она – эта молитва – была произнесена еще в первые юношеские годы Российской Империи тем отроком, пришедшим с берега студеного моря, где мрежи он расстилал, который вырос потом в помощника Царей, могучим архангельским мужиком Ломоносовым:

*«Восстань и ходи,
Восстань и ходи, Россия!»*

И этой же самой верой, этой же самой бодрой и здоровой стихией творчества и силы был объят всю свою жизнь, до самого конца, последний командир старейшего Петровского Преображенского полка, своим возглавлением его обязанный не роду, а службе, и тем как бы замкнувший круг и кончивший тем, с чего началась история его полка, крепкий, как будто вырубленный топором из старого дуба, новгородский дворянин – воин Кутепов.

Это они – мужик и воин – то сливаясь и переплетаясь в образе Ильи Муромца, то как бы расходясь и деля свою работу, строили и блюли нашу Великую Россию! Это он – русский мужик – распахал весь безбрежный океан русского чернозема. А когда приходили враги, когда его поля вновь становились Диким Полем, когда приходилось «бросать свою сошку за калинов куст», вставал во весь рост с мечом в руках русский воин крепко и непоколебимо на защите Ее рубежей!

Именно этой стихией, этой старой русской традицией был объят всю свою жизнь русский витязь, русский воин, солдат Великой России генерал Кутепов. Ей он остался до конца верен – этот однолюб России – ей он принес в жертву и свою жизнь. И, думая о его трагической гибели, мы не можем не вспомнить тех замечательных слов Пушкина, которые он вложил в уста жены капитана Миронова, когда она увидела мужа, убитого Пугачевым:

«Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка, не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие, а сгинул ты от беглого каторжника».

За тебя, о Россия, принял он свое мученичество!

* * *

Мы никогда не увидим больше Александра Павловича. И на путях ожидания, ожидания в общеполитическом смысле и ожидания его возвращения к нам – мы никогда ни национально, ни лич-

но (кто любил его) не утешимся... Мы можем найти это утешение лишь в ощущении своей внутренней оправданности перед ним, лишь при сознании выполнения завещания всей его жизни. А для этого надо воспринять образ генерала Кутепова как образ вдохновителя, воскресив его в наших делах.

В лице незабвенного генерала Кутепова мы имеем двойное поучение и двойное вдохновение. Он доказал нам, прежде всего, не только всей своей работой, но и своей трагической гибелью, что нет тех обстоятельств, нет тех сил и нет тех преград, которые могли бы помешать русскому патриоту, где бы он ни находился, действительно служить Родине. Он опроверг этим ту лживую мысль и то пагубное чувство, которые учат и говорят, что, уйдя из России, мы неизбежно вышли из борьбы. Он доказал, что временно оторваться от противника еще не значит капитулировать и сдаться на милость победителя! А вместе с тем, именно благодаря тому, что идейно он не был ни в какой мере профессиональным революционером и всю жизнь боролся с разрушителями России и за историческую Россию, он как раз неразрывно связал ту традицию служения, представителем которой он был, с действительной борьбой, ведущейся из-за рубежа с врагами России за ее освобождение. Командир Гвардейского полка, один из Вождей Белого Движения, офицер, военный прежде всего – стал на путь, революционный по тактике... Размеры его личности, его влияние, его связи с соратниками, его личное обаяние делали этот факт не личным эпизодом, а некоторым символическим актом. Под новые для белых формы подводился старый патриотически-служилый фундамент.

Таково это двойное поучение и двойной вдохновляющий пример (1. Борьба возможна, борьба продолжается, 2. Новые формы – старые цели) этого вернейшего сына России, 26 лет своей трагически короткой жизни отдавшего Ей на служение, незабвенного и первого героя Русского зарубежья – генерала Александра Павловича Кутепова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934. С. 187–190.
- 2 По воспоминаниям его друга и товарища по Лейб-гвардии Преображенскому полку, бывшего флигель-адъютанта Его Императорского Величества полковника В. В. Свечина. Там же. С. 191–199.
- 3 Там же. С. 200–207.
- 4 Там же. С. 208–219.
- 5 Там же. С. 220–222.
- 6 Там же. С. 223–228.
- 7 Там же. С. 247–253.
- 8 Там же. С. 271–276.
- 9 *Лукаш И. С.* Голое Поле // Москва. 1997. № 6. С. 55–92.
- 10 Часовой. Париж. 1933. № 101–102. 1–15 апреля.
- 11 Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934. С. 308–316.
- 12 Там же. С. 317–321.
- 13 Там же. С. 322–329.
- 14 Слово, произнесенное 28 января 1934 года в Париже на торжественном заседании, посвященном памяти генерала Кутепова. Там же. С. 370–376.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Основу раздела «Документы и материалы» составили несколько блоков документов, большинство из которых ранее либо не публиковались, либо знакомы только специалистам.

Открывается раздел документами, характеризующими служебный путь генерала А. П. Кутепова, – самым полным послужным списком, сохранившимся в Российском государственном военно-историческом архиве, составленном на 25 февраля 1917 года, аттестациями Александра Павловича командованием и др.

Одна из наиболее интересных подборок документов – приказы и другие материалы, повествующие о боевом пути А. П. Кутепова и Лейб-гвардии Преображенского полка на фронте Великой войны. Среди них материалы, показывающие взаимоотношение Императора Николая II и Преображенского полка, оценки командованием роли Гвардии на фронтах войны, приказы по полку, в которых особо подчеркивается роль Александра Павловича в военных успехах Преображенцев.

Отдельного внимания читателей заслуживает блок документов, рассказывающих о последних больших боях Преображенского полка в июле 1917 г. во время неудачного для всей Русской армии наступления. Несмотря на общее отступление, Гвардия, и в ее числе Преображенский полк во главе с А. П. Кутеповым в особенности, сохранив воинскую дисциплину, проявили себя с самой лучшей стороны. О личном мужестве Александра Павловича в этих боях и его роли в благополучном для фронта отходе частей свидетельствуют не только приказы, но и материалы наградного листа, представлявшие его к ордену Святого Георгия 3-й степени.

Отдельный блок раздела составили документы и материалы об участии Преображенцев в событиях февраля 1917 г. в Петрограде. Это и рассказ самого А. П. Кутепова о его попытке противостоять революции в столице во главе незначительных сил, и показания

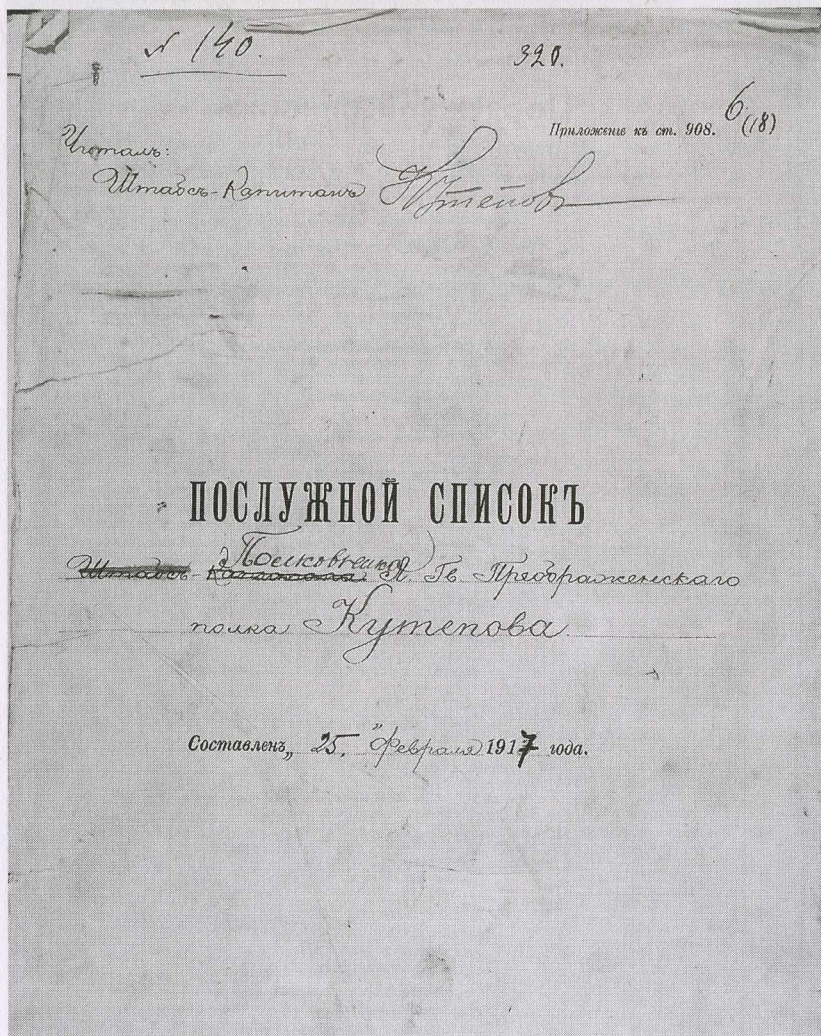
о происходивших в городе событиях подпоручика В. В. Лыщинского-Троекурова, и другие материалы. На их примере видно, как одни из самых образцовых запасных частей Русской армии – запасные батальоны гвардейских частей превратились в своеобразную гвардию революции. Часть документов посвящена отношению к февральским и октябрьским событиям на фронте.

Сравнительно небольшая часть документов посвящена участию А. П. Кутепова в Белом движении. Наиболее интересны из них документы за его подписью. Среди них такой интересный документ, как записка о попытках немецкого командования в период пребывания Кутепова на должности новороссийского губернатора наладить контакты с командованием Добровольческой армии. Особого внимания заслуживает рапорт Александра Павловича на имя Главнокомандующего Русской армией генерала П. Н. Врангеля о причинах неудач наступления Вооруженных сил Юга России на Москву в 1919 г. и мерах, направленных на исправление ситуации в канун нового наступления.

Немалая часть документов и материалов посвящена деятельности А. П. Кутепова в эмиграции. Это, прежде всего, письма Александра Павловича к генералу Б. А. Штейфону, одному из ближайших своих друзей и соратников (они в существенной степени дополняют публикуемый выше очерк Б. А. Штейфона). Практически полностью опубликован в разделе и специальный номер журнала «Часовой», вышедший в феврале 1930 г. сразу после похищения генерала А. П. Кутепова.

ДОКУМЕНТЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ А. П. КУТЕПОВА

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ПОЛКОВНИКА А. П. КУТЕПОВА ЗА 1917 г.¹

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

о службѣ Лейбъ-Гвардіи ПРЕОБРАЖЕНСКАГО полка Полковника Александра КУТЕПОВА представляемаго къ отнесенію старшинства въ настоящемъ чинѣ

„ 1 Января 1917 года.

Родился 1882 года Сентября 16.

Православнаго.

Изъ потомственныхъ дворянъ Новгородской губ.

Холостъ.

Въ Петроградскомъ пѣхотномъ кнѣжескомъ училищѣ до I разряда.

Въ службу вступилъ въ Архангелогородскій резервный баталіонъ рядовымъ на правахъ вольноопредѣляющагося I разряда....1901 г. Іюля 9.

Зачисленъ въ общій классъ Петроградскаго пѣхотнаго кнѣжескаго учил. кнѣж. ряд. званія.... " - Сентября 7.

Переведенъ въ I-й специальный классъ....1902 - Іюля 11.

Кнѣжескомъ унтеръ-офицерскаго званія....1902 - Сентября 7.

Переведенъ во 2-й специальный классъ....1903 - Іюня 20.

Младшимъ Портупей-кнѣжескомъ.... " - Іюля 21.

Фельдфебелемъ.... " - Іюля 11.

Подпоручикомъ въ 85-й пѣх. Выборгскій полкъ....1904 - Августа 9.

со старшинствомъ съ....1903 - " 10.

Прибыль въ полкъ....1904 - Сентября 30.

Командированъ въ г. Новгородъ въ 85-й пѣх. зап. баталіонъ для обученія молодыхъ солдатъ....1905 - Октября 2.

По возвращеніи изъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго полка съ Дальнего Востока вошелъ въ составъ онаго....1906 - Апрѣля 10.

Прикомандированъ Л.-Гв. къ Преображенскому полку для испытанія по службѣ и перевода вполѣд. 1906 - Декабря 13.

Прибыль въ полкъ и прикомандированъ къ полковой учебной командѣ.... " - " 15.

Поручикомъ....1907 - Сентября 10.

со старшинствомъ съ.... " - Августа 10.

Переведенъ Л.-Гв. въ Преображенскій полкъ.... " - Декабря 15.

Зачисленъ въ 5-ю роту.... " - " 17.

Переведенъ во 2-ю роту....1908 - Іюля 14.

Переведенъ въ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА роту....1909 - Сентября 24.

Командующимъ 15-й ротой на законномъ основаніи 1910 - Іюля 16.

Начальникомъ полковой учебной команды....1911 - Сентября 3.

Штабсъ-Капитаномъ....1911 - Декабря 6.

со старшинствомъ съ....1911 - Августа 10.

Переведенъ въ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА роту....1911 - Декабря 6.

Командующимъ 4-й ротой на законномъ основаніи 1914 - Іюля 20.

Командующимъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ротой....1916 - Августа 23.

Капитаномъ....1916 - Сентября 3.

со старшинствомъ съ....1915 - Августа 10.

Утвержденъ въ должности Командира ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА роты....1915 - Октября 27.

Командующимъ 2-мъ баталіономъ на законномъ основаніи....1916 - Іюня 30.

Паровано старшинство въ чинѣ Капитана съ....1915 - Іюля 19.

Полковникомъ....1916 - Ноября 25.

со старшинствомъ....1916 - Сентября 26.

Находился въ походѣ противъ Японіи. Раненъ и контуженъ не былъ.

Находится въ походѣ и дѣлахъ противъ Австро-Германцевъ съ 19-го Іюля 1914 года.

Раненъ у дер. Владиславовъ 20-го Августа 1914 г.

Раненъ подъ Ломжей....1915 - Марта 31.

Раненъ у дер. Петриловъ....1915 - Іюля 27.

За боевныя отличія имѣетъ ордена: Св.Георгія 4-й ст. Георгіевское

оружіе, Св.Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ, Св. Станислава 2 ст. съ

мечами, Св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ, Св. Анны 4 ст. съ

надписью ва „храбрость" и ВЕСОЧАЙШЕЕ благоволеніе.

Командиръ полка,
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генераль-Маіоръ

Дрейсманъ

3361

Полковой Адыютантъ,
Штабсъ-Капитанъ

Машковъ Машковъ

IX.

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ:

когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места служения или должности в другую, с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отравился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия; Всемилостивейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.

Года	Месца	Числа	Числа	Года	Месца	Числа
			мал. ефрейторск.			
			Переведен в 2-й казачий полк	902	Июль	20.
			Удостоен чина капитана	-	-	21.
			Удостоен чина полковника	901	Июль	9.
			Испрошен чин полковника	66	Сентябрь	10.
			По вступлении в службу	-	-	Июль 11.
			Назначен в полк	901	-	6.
			Переведен в 1-й казачий полк	902	Июль	11.
			Произведен в капитана	Сентябрь	10.	
			Назначен в полк	901	Июль	9.
			В отставку	902	-	10.

X.

ВЫТНОСТЬ ВНЕ СЛУЖБЫ:

а) Во временных отпусках: когда уволен и на какое время и явился ли вт. срок, а если просрочить, то сколько именно и призвана ли просрочка уважительной; б) в беззачетном отпуску, сь какого и по какое время; в) для пользования ранг; гдѣ именно, по чьему разрѣшенію, сь какого и по какое время; г) по роду оружія, безъ исполненія служб; д) в плѣну: когда и гдѣ взятъ и когда возвратился на службу; и е) в отставкѣ: когда уволенъ и когда вновь прибыть на службу.

	Года.	Мѣсяца.	Числа.		Года.	Мѣсяца.	Числа.
Въ отпускъ - кактъ. Въ 17 чиселъ съ сѣраминскаго саперскаго д.	904.	Авг.	13.	Изначированъ при измененіи рангъ въ дѣлъ казармъ 2 ^н Гренадерской див- зіи	1914.	Авг.	20.
Въ отпускъ по 10 октасри б. н. съ сѣ- раминскаго сапер- скаго д.	908.	Авг.	15.	Вернулся по из- мененіи рангъ	"	Сент.	24.
Возвратился въ дѣлъ рангъ	Сент.	24.		Изначированъ при измененіи рангъ	1915.	Мая	31.
Въ отпускъ по 10 июня	1910.	Июль	14.	Вернулся по измененію рангъ	"	Мая	12.
Возвратился - Июль 17.	Июль	17.		Изначированъ для плеченія рангъ	"	Сент.	24.
Въ отпускъ по 10 октасри	1911.	Сент.	15.	Въ отпускъ	"	Окт.	20.
Возвратился - Окт. 15.	Окт.	15.		Въ отпускъ по 10 октасри	1914.	Сент.	6.
Въ отпускъ	1912.	Мая	26.	Возвратился въ дѣлъ	"	Июль	4.
Въ отпускъ по 15-е Января	"	Янв.	31.				
Возвратился въ дѣлъ рангъ	1913.	Янв.	12.				

45

IX.

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ:

когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣненія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объявленіемъ, по какому случаю: по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія; Высочайшія и Высочайшія рескрипты. Высочайшія благоволенія.

Года	Мѣсяца	Числа	Года	Мѣсяца	Числа
<p>Высочайшимъ разрѣшено принимать и носить пограндвигательный инженер-техника Пржевальскаго Высочайшимъ указомъ прусскій орденъ короля 4 кл. съ орденомъ на черной ошейникѣ съ тремя или пятью поясами по красной</p>			<p>получилъ въ Дворахъ противъ Могилы награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й ст. съ орденомъ и бантомъ - Мѣс. 28.</p>		
1906	Янв.	16	<p>Въѣздъ въ село Шаташи въ 1906 году. 2-й похотный полкъ 1906 года № 5035, Командировавъ е. в. въ Преображенскій полкъ 1-го кав. кавалеріи по случаю и перевода въ составъ е. в. - Дон. 19.</p>		
1904-1905 г.	Янв.	21	<p>Присланы е. в. въ Преображенскій полкъ 15 Декабря 1906 г. и прикомандированы 1-му кав. кавалеріи по случаю и перевода въ составъ е. в. - Дон. 15</p>		
<p>По возвращеніи въ 1906 году въ Преображенскій полкъ съ Давидомъ въ составъ ордена</p>			<p>Вр. и Д. Макашова по случаю и перевода въ составъ е. в. - Дон. 15</p>		
<p>Высочайшимъ указомъ въ 1906 г. я</p>			<p>Вр. и Д. Макашова по случаю и перевода въ составъ е. в. - Дон. 15</p>		

67

IX.

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ:

когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣненія изъ одного мѣста службы или должности въ другое, съ объявленіемъ, по какому случаю: по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія; Всемилостивѣйшіе рескрипты. Высочайшія благоволенія.

	Года	Мѣсяца	Число		Года	Мѣсяца	Число
Въ и.д. Начальника артиллерійской бригады - съ 908	Сентя	4	14	Декатра отданъ мѣся въ Введеніи произведенъ въ лейтенантъ Касимовъ	1911	Дек.	6
Принимать на до командиръ ославинскій командиръ развѣдыватель	-	-	20	Переведенъ въ 10-й Восточный полкъ	-	Авг.	10
Переведенъ въ 10-й Восточный полкъ	-	-	24		-	Дек.	6
Въ Командирами Кемпировскій полкъ 909	Нояб.	7	18	Въ Командиромъ 10-го Восточнаго полка	1911	Мая	23
Назначенъ командиромъ 15-й роты 1910	Июль	16		Въ Высочайше раз. и военныя ордена Вислицинскій Каролюс-отпеченныя афр. черкаско крестомъ и Кемпировскій	-	Июль	4
Принимать на до командиръ ославинскій 15 роты	-	-	26		-	-	-
Въ Командиромъ 4-й бригады артиллерійской съ 1911	Авг.	24	28	Князь Даниилъ Ивановичъ, Чертковскій	-	-	8
Назначенъ Начальникомъ штаба учебной бригады	1911	Сентя	3	Награжденъ Свѣтомъ ордена Св. Анны 1-й ст. за храбрость	-	-	-
Въ Командиромъ 15-й роты	-	-	13	Данъ на Введеніи мѣсячной пенсии въ память 100-лѣтній войны	-	-	-
Въ Высочайше раз. командиръ 13. 13. 600	-	-	-	за службу Отечественной войны	1911	Авг.	26

8

IX.

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ:

когда в службу вступил и произведен в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и переименования изъ одного мѣста служения или должности въ другую, съ объявленіемъ, по какому случаю: по воѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія; Всемилостивѣйшіе рескрипты. Высочайшія благоволенія.

	Года	Мѣсяца	Числа		Года	Мѣсяца	Числа
Всочайшимъ приказомъ по В. В. отъ 6 сего Декабря отданнымъ по случаю ордена св. Станислава 2 ст.				Принимать на за-конномъ основаніи въ командованіи 4-ю роту	1914	Мая	20
Награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст.	9/12	Дек	6	Возвратился по иу-слеленію полковника въ домъ 20. № 14. по 7 пер. Введенія въ форму и вступить въ командов. 4 роты		Каб.	26
Награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст.	2/11	Июл	21				
Присвоено по 2-й артиллеріи званіе 3-го лейтенанта		Июл	11	Присвоено по 2-й артиллеріи званіе 3-го лейтенанта 18/5 г. за № 77, орденомъ мечетамъ и вѣн-комъ къ императорскому ордену св. Ан-ны 3 ст.			
Въ командованіи 4-ю роты		Апр.	12				1915 Мар. 30
Въ командованіи 4-ю роты		Сен.	12	пр. по линии № 152. № 90/			
Въ командованіи 4-ю роты		Сен.	3				
Въ командованіи 4-ю роты			13				
Въ командованіи 4-ю роты		Сен.	12	Высочайшимъ при-казомъ по В. В. отъ 9 Авг. 1915 г. - награ-женъ мечетамъ и вѣн-комъ императорскому ор-дену св. Станислава 2 ст.		Апр.	9

IX.

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ:

когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣненія изъ одного мѣста служенія или должности въ другую, съ объявленіемъ, по какому случаю: по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія; Всемилостивѣйшіе рескрипты. Высочайшія благоволенія.

	Года	Мѣсяца	Числа		Года	Мѣсяца	Числа
<p>Григорьевъ Кс- сандровичъ Свѣдѣ- нн. отъ 4го Мая 1846. Подполковникъ Горьковский Сру- тиславъ</p>				<p>1840-Войсковой расчетъ исл.отъ право на пенсію отъ 17го Мая 1846 гн.</p>			19 ^{го} Февр 5
<p>Назначенъ товарищемъ суда 1го Мая 1846</p>			18	<p>Телеграфный судъ Свѣдѣнн. на 1846</p>			1846 Февр 4
<p>Назначенъ въ раз- рядъ капитана Кавказъ</p>				<p>Григорьевъ Архимъ и брату отъ 4го Мая 1846. Фавр варо Старишинева Викторъ Николаевичъ Срутиславъ 1846</p>			1846 Февр 4
<p>Полковникъ Григорьевъ Архимъ 1846-1847. 1846. 1847. Свѣдѣнн. прислана по Р. В. 1846. и 1847. и 3. продвигенъ въ Кавказъ Горьковский</p>			23	<p>Григорьевъ Архимъ и брату отъ 23го Сентября 1847. Кавказъ Горьковский Николаевичъ Срутиславъ</p>			11
<p>Вр. Кавказъ Горьковский Срутиславъ отъ 1847</p>			28	<p>Донской Срутиславъ Кавказъ Архимъ и брату отъ 28го Сентября 1847.</p>			
<p>Назначенъ присава Накад Алмаза Вр. С. Свѣдѣнн. прислана отъ 5го Декабря 1846.</p>			9	<p>утвержденъ 26го Февр прислана Горьков- сканъ Срутиславъ</p>			30

Продолжение списков:
взятость при службе:

а) Во временных отпусках: когда уволен и на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и призвана ли просрочка уважительною; б) в безсрочном отпуску, сь какого и по какое время; в) для пользования ранг; гдѣ именно, по чему разрѣшено, сь какого и по какое время; г) по роду оружія, безъ исполненіи службы; д) въ плѣну: когда и гдѣ взятъ и когда возвратился на службу; и е) въ отставкѣ: когда уволенъ и когда вновь прибылъ на службу.

	Года.	Мѣсяца.	Числа.		Года.	Мѣсяца.	Числа.
<p>Коллежій Секретарь 1 чл. 1 чл. вѣд. вѣд. приказъ по дѣлу о назначеніи вѣдѣющаго въ 3-ю классу разсѣлки. (См. въ приказѣ № 116)</p>				И. Селищ. 10.			

12¹³

<p>XI. Холость или женатъ, на комъ, имѣть-ли дѣтей; годъ, мѣсяцъ и число рожденія дѣтей; какого они и жена вѣроисповѣданія.</p>	<p><i>Холостъ</i></p>			
<p>XII. Есть-ли за нимъ, за родителями его, или, когда женатъ, за женою, недвижимое имущество, родовое или благопріобрѣтенное.</p>	<p><i>Не имѣетъ.</i></p>			
<p>XIII. Подвергался-ли наказаніямъ или взысканіямъ, соединеннымъ съ ограниченіями въ преимуществахъ по службѣ; когда и за что именно; по судебнымъ приговорамъ или въ дисциплинарномъ порядкѣ.</p>	<p><i>Не подвергался.</i></p>			
<p>XIV. Бытность въ походахъ и дѣлахъ противу непріятели, съ объясненіемъ, гдѣ именно, съ какого и по какое время; оказанія отличія и полученія въ сраженіяхъ раны или контузіи; особилъ порученія; сверхъ прамыхъ обязанностей, по Высочайшимъ повелѣніямъ, или отъ начальства.</p>	<p><i>Во походахъ и дѣлахъ противу непріятели находився въ войска противу Японіи.</i></p>	<p>Годы.</p>	<p>Мѣсяца.</p>	<p>Числа.</p>
	<p><i>съ 904 Сент. 30 по 905 Октя. 2</i></p>			
	<p><i>Находился при полку прикрывая отходъ 4-го Сибирскаго Ротмуса въ ночь</i></p>			
				<p><i>904 Октя. 1</i></p>

	Годы.	Месяц.	Число.
Во время боя X Армейского Корпуса находившаяся с полком в резерве у дер. Подвазы под сильным Артиллерийским огнем.	1904	Окт.	4.
Во время предполагавшейся ночной атаки у Сасены, находившаяся в окопах в полу дер. Подвазы в ночь с 4-го на 5-е Октября.	"	"	5
Во время генерал-лейтенанта Сухова у д. Сасены.	"	"	1.
Во время автарда отряда Генерал-Майора Данилова между д. Куваза и Хойкайсаза.	1905	Фев.	14
Во отражении войсками Генерал-Майора Данилова атаки на их позиции у д. Куваза и Сойдаза ночью на —	"	"	19
Во время на позициях Генерал-Майора Данилова, ночные поиски охотников у д. Куваза.			
Во отходе войск Генерал-Майора Данилова к позициям на р. Сунае в ночь на 24 февраля и 24 февраля.	"	"	24
Во аррьергардном отходе во отряде Генерал-лейтенанта Ренненкампфа и Генерал-Майора Данилова в фарсированном марше к д. Сунае.			
Ратень и контужены не были.			

X 14

	Годы.	Месяцы.	Числа.
Командированъ съ полкомъ въ гор. Пскову на торжества, по случаю 200-летнего юбилея Псковской победы	с 909	Июль	13
	по "	Июль	5.
Командированъ съ командой разведчиковъ на ст. Окуловка Новгородской губ. для ведения зимнихъ занятий въ поле	910	Апр.	6
Возвратился	"	"	31.
Командированъ съ командой разведчиковъ въ Красное село для занятий въ поле	"	Март.	29
Возвратился	"	Апр.	14
Командированъ на охрану Императорскихъ поездовъ по Варшавской лини съ вост. Западныхъ эк. Вор.	с "	Окт.	29
	по "	Нояб.	4
Командированъ съ ротой съ В. В. Милоства въ гор. Москву, для участия въ Бородинскихъ торжествахъ	с 912	Июль	19
	по "	Сент.	1.
Командированъ съ кавалерийской командой въ Юго-Историч. музей для ознакомления съ содержимымъ работами	с 913	Июль	17
	по -	-	20
Поискъ въ походахъ и дрессажъ противъ австрийцевъ и германцевъ	с 1914	Авг.	10.
Занявъ въ югу въ Австрийскихъ удер. Владимирове	"	"	"
Командиръ полка, Ракетный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, командиръ	1915	Июль	31
Ракетный дотосъ Бесараевъ Майоръ	1915	Июль	27

Полковникъ Адъютантъ,
Подпоручикъ *Мель*

Дел. № 1. М. 1915. 14. 14.

Итого в селъ поселенной елисей
 проширились, Франшировка
 капы и казенной печатно с. в. Пре.
 обнародована полка саратовская
 Шестнадцатъ / 16 / Поименно.

Городъ С. Петербурга. «20» Февраля. 1813 года.

Полковникъ Гурьевъ,
 Подполковникъ

Года.	Мѣсяца.	Числа.
-------	---------	--------

**ЗАПИСЬ В ПОЛЕВОЙ КНИЖКЕ
О ПОВЕДЕНИИ ЧИНОВ 4-й РОТЫ В БОЮ,
СПАСАВШИХ СВОЕГО РАНЕНОГО
КОМАНДИРА ШТАБС-КАПИТАНА
А. П. КУТЕПОВА²**

21 октября 1914 г.

[...]

2. 4-й роты рядового звания Петр Лисица в бою 20 августа под Владиславовым, под сильным огнем и в виду противника, стал выносить на руках тяжело раненого ротного командира штабс-капитана Кутепова*, но был вскоре ранен шрапнелью. § 26 ст. 1 «О награждении орденом Св. Георгия».

3) 4-й роты рядового звания Антон Ковалев в бою 20 августа под Владиславовым, под сильным ружейным огнем и в виду противника стал выносить тяжело раненого ротного командира штабс-капитана Кутепова, но был ранен шрапнелью. § 26 ст. 1 «О награждении орденом Св. Георгия». [...]

**ХАРАКТЕРИСТИКА А. П. КУТЕПОВА, ДАННАЯ
В АТТЕСТАЦИИ ОФИЦЕРАМ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА В 1916 г.³**

Совершенно конфиденциально!

[...]

3. [А. П.] Кутепов**. Честнейший и храбрый солдат, преданный полку до самоубийства и благодарный за все, что ему полк дает. В строевой и внутренней службе незаменим. Во взглядах узковат, и не во всех офицерских вопросах может разобраться. Содержит семью и нуждается в ежемесячном пособии в 100 рублей. [...]

* Речь идет о первом за Великую войну ранении А. П. Кутепова.

** Документ, в котором даны характеристики всем офицерам полка (дата составления и подпись отсутствуют), предположительно составлен в 1916 году командиром полка генерал-майором А. А. Дрентельном.

АТТЕСТАЦИЯ А. П. КУТЕПОВА ЗА 1917 г.⁴

Кутепов Александр Павлович.

Командующий Лейб-гвардии Преображенским полком с 1917 года 27 апреля.

В первом офицерском чине с 1904 года 9 августа, со старшинством с 1903 года 10 августа.

В последнем чине с 1916 года 25 ноября, со старшинством с 1916 года 26 сентября.

Родился 16 сентября 1882 года.

Вероисповедания – православный.

Семейное положение – холост.

Окончил шесть классов Архангелогородской гимназии, Петроградское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду.

Участвовал в походах и делах против Австро-Венгрии и Германии. За боевые отличия имеет ордена: Святого Георгия 4-й степени, Георгиевское оружие, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и меchi к Святому Станиславу 2-й степени.

Аттестация

Обладая боевым опытом двух кампаний, зарекомендовал себя в последних боях Петровской бригады выдающимся командиром полка. Трижды ранен. Имеет все боевые награды до ордена Святого Георгия 4-й степени включительно.

Представлен за бой 7 июля сего года к ордену Святого Георгия 3-й степени. Характера твердого. Выдающийся. Вполне достоин к назначению на должность командира бригады вне очереди.

17 августа 1917 года

Командир бригады

1-й Гвардейской пехотной дивизии

генерал-майор

[П. Э.] Тилло

С аттестацией командира бригады согласен. Выдающийся.

Командир дивизии

генерал-лейтенант

[нрзб.]

Согласен.

Командующий 1-м Гвардейским корпусом

генерал-майор

[В. З.] Май-Маевский

21 августа 1917 года

КРАТКАЯ ЗАПИСКА О СЛУЖБЕ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ А. П. КУТЕПОВА⁵

Родился 1882 г. сентября 16

Вероисповедания православного. Из потомственных дворян Новгородской губернии. В Архангельской гимназии и Санкт-Петербургском военном училище окончил курс по первому разряду. Женат первым законным браком на дочери коллежского советника Лидии Давыдовне Кют, вероисповедания православного. Имеет сына Павла, родившегося 27 (14) февраля 1925 г.

В службу вступил в Санкт-Петербургское военное училище юнкером рядового звания . 1902 г. сентября 1

По окончании училища по 1-му разряду фельдфебелем произведен в подпоручики в 85-й пехотный Выборгский Его Императорского и Королевского Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II полк, находившийся в действующей армии ...

1904 г. августа 9

Со старшинством 1903 г. августа 10

По окончании 16-дневного отпуска прибыл в полк в деревню Хомутун 1904 г. сентября 30

Был командирован в г. Новгород для обучения молодых солдат 1905 г. октября 1

Прибыл к месту командирования 1905 ноября 26

Во время пути участвовал с эшелоном в подавлении восстания в г. Иркутске, Верхне-Удинске и Красноярске.

Прикомандирован к Лейб-гвардии Преображенскому полку 1906 г. ноября 18

Поручиком 1907 г. декабря 6

со старшинством 1907 г. августа 10

Переведен за оказанные боевые отличия в Лейб-гвардии Преображенский полк поручиком 1907 г. ноября 1

- Штабс-капитаном 1911 г. декабря 6
 со старшинством 1911 г. августа 10
- В полку занимал должности: помощника начальника учебной команды, начальника пулеметной команды, начальника команды разведчиков, командующего 15-й ротой на законном основании в течение одного года двух месяцев и начальника учебной команды.
- За расформированием, согласно мобилизационному плану, учебной команды принял 4-ю роту 1914 г. июля 19
- Выступил в поход командиром 4-й роты 1914 г. августа 1
- Капитаном со старшинством 1915 г. июля 19
- Полковником на основании приказа по Военному ведомству, 1915 г. № 563 со старшинством 1916 г. июля 19
- Во время Русско-Германской войны командовал ротой Его Величества, вторым батальоном и Лейб-гвардии Преображенским полком.
- Состоя командиром Лейб-гвардии Преображенского полка в чине полковника, отдал приказ о временном расформировании полка и уехал через Киев на Дон 1917 г. декабря 2
- Вступил в ряды Добровольческой армии 1917 г. декабря 24
- Назначен начальником гарнизона г. Таганрога и его района 1917 г. декабря 30
- После ухода казачьих частей из Донецкого бассейна принял на себя оборону Таганрогского направления и г. Ростова, где с отрядом отбивался от большевиков с 1918 г. января 10
 по 1918 г. февраля 1
- Вызван в Ростов для формирования 3-го офицерского батальона, на укомплектование которого назначены были офицеры Лейб-гвардии Преображенского полка и других гвардейских частей 1918 г. февраля 2

- Принимал участие в обороне г. Ростова, после чего выступил вместе с другими частями Добровольческой армии в 1-й Кубанский поход . 1918 г. февраля 9
- 3-й офицерский батальон переформирован в 3-ю роту 1-го Офицерского полка (в станице Ольгинской) 1918 г. февраля 11
- После соединения 15 марта 1918 г. с Кубанской армией и переформирования Добровольческой армии назначен помощником командира 1-го Офицерского полка 1918 г. марта 17
- После смерти полковника Неженцева назначен генералом Корниловым командиром Корниловского полка 1918 г. марта 30
- Возвратившись на Дон из 1-го Кубанского похода, вышел с Корниловским полком во 2-й Кубанский поход 1918 г. июня 10
- После смерти генерала Маркова под станцией Шаблиевка назначен временным командующим 1-й дивизией 1918 г. июня 12
- С 1-й дивизией участвовал в наступлении на Тихорецком направлении и в наступлении на Кущевском направлении.
- По занятии Кущевки, вследствие возвращения из Москвы генерала Казановича, назначен командиром 1-й бригады 1-й дивизии ... 1918 г. июля 15
- После взятия Новороссийска назначен черноморским военным губернатором 1918 г. августа 30
- За боевые отличия произведен в чин генерал-майора 1918 г. ноября 12
- со старшинством 1918 г. ноября 12
- Назначен командиром 1-го армейского корпуса 1919 г. января 13
- Со станции Прохладной вместе со штабом был переведен на станцию Песчанокопскую и назначен командующим группой на Царицынском направлении 1919 г. апреля 15

Со штабом переброшен в Донецкий бассейн, где вступил в командование частями 1-го армейского корпуса	1919 г. мая 6
За боевые отличия, оказанные во время Харьковской операции, произведен в чин генерал-лейтенанта	1919 г. июня 23
со старшинством с	1919 г. июня 23
Вместе с частями 1-го армейского корпуса совершил отход от г. Орла до г. Новороссийска и далее в Крым, куда прибыл	1920 г. марта 15
Назначен командующим 1-й армией	1920 г. сентября 2
В составе Русской армии эвакуирован из Крыма в Константинополь и далее в Галлиполи	1920 г. ноября 2
Произведен за боевые отличия в генералы от инфантерии	1920 г. ноября 20
Ввиду реформирования армии назначен командиром 1-го армейского корпуса, в состав которого сведены все части Русской армии, кроме казаков	1920 г. ноября 21
Вместе с частями 1-го армейского корпуса прибыл из Галлиполи в Болгарию	1921 г. декабря 17
Болгарским правительством экстернирован за границу и через Грецию прибыл в Королевство СХС	1922 г. мая 15
Назначен помощником Главнокомандующего Русской армии	1922 г. ноября 8
Ввиду командирования в распоряжение Великого князя Николая Николаевича освобожден от должности помощника Главнокомандующего Русской армией	1924 г. марта 21
Назначен председателем Русского общевойскового союза	1928 г. апреля 29

В походах и делах находился:

1) В кампанию 1904–1905 гг. с	1904 г. сентября 30
по	1905 г. августа 12.
2) В кампанию 1914–1918 гг. с	1914 г. августа 1
по	1918 г. декабря 2.
3) Против большевиков с	1917 г. декабря 24.

Ранен:

- 1) В бою 20 августа 1914 г. при деревне Владиславовке Люблинской губернии ружейной пулей в ногу ниже колена с раздроблением кости.
- 2) В бою 30 марта 1915 г. при деревне Корытке Ломжинской губернии осколком снаряда в верхнюю часть правой ступни.
- 3) В бою 27 июля 1915 г. при деревне Петрилово Владовского уезда ружейной пулей в левый пах (рана рваная).

Имеет ордена и знаки отличия:

Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом; Святого Станислава 2-й степени с мечами; Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»; Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом; Святой Анны 2-й степени с мечами; Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом; Георгиевское оружие, Святого Георгия 4-й степени; Святого Николая Чудотворца 2-й степени и знак за участие в 1-м Кубанском походе 1-й степени.

Светло-бронзовые медали: «За участие в Русско-японской войне» на Александровско-Георгиевской ленте; «В память Полтавской битвы» на Андреевской ленте; «В память Отечественной войны» на Владимирской ленте; медаль «В память 300-летия Дома Романовых» на Романовской ленте; медаль «В память 200-летней годовщины Гангутской победы» на Андреевской ленте и медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года».

Знак в память пребывания Русской армии в Галлиполи в 1920–1921 гг.

Иностранные ордена: Германской короны 4-й степени с мечами на ленте Железного креста (за боевые отличия в Русско-японскую войну); шведский – Орден Короны; румынский – Орден Короны; черногорский – Данила 4-й степени; французская серебряная медаль в память приезда президента Лубе в Россию.

Представлен был к ордену Святого Георгия 3-й степени за бой 7 июля 1917 г. у Тарнополя.

В запасе, отставке, плену и без исполнения службы по роду оружия не был.

Под судом и следствием не состоял и не состоит.

А. П. КУТЕПОВ И ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914–1917 гг.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК*

ПРИКАЗ

№ 295

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
15 декабря 1914 г.⁶
город Рембков

Его Императорское Величество во время посещения Ивангородской крепости, обходя поле битвы, изволил молиться на братской могиле Преображенцев в Гтевошеевском лесу.

Молитва Царская по многим нашим доблестным товарищам да укрепит в нас всех еще больше беспредельную преданность Государю и Отечеству и да подвигнет нас на дальнейшую боевую службу. [...]

Командующий полком
полковник, граф
[Н. Н.] Игнатьев

ПРИКАЗ

№ 297

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
31 декабря 1914 г.⁷

[...]

§ 9

17 сего декабря на станции Гарвалин для встречи Его Императорского Величества был выставлен почетный караул в составе Государе-

* Лейб-гвардии Преображенский полк был для Императора Николая II родным. Еще будучи наследником Престола, он проходил в нем службу и командовал батальоном. Впоследствии, в повседневной жизни, Государь нередко носил форму Преображенского полка. Особые отношения полка и его шефа засвидетельствованы во многих приказах по полку, часть из которых мы приводим в этом разделе.

вой роты и музыкантского хора. Полк принимал участие в смотре на поле у станции Гарвалин. Государь Император изволил милостиво здороваться с полком, удостоил многих чинов полка Высокомилостивых вопросов, благодарил полк за боевую службу и собственноручно пожаловал: мне орден Святого Георгия 4-й степени и нижним чинам полка Георгиевские кресты и медали согласно прилагаемого списка. [...]

Командир полка,
флигель-адъютант, полковник, граф
[Н. Н.] Игнатъев

ПРИКАЗ

№ 200

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

12 августа 1915 г.⁸

§ 1

Государю Императору ко дню полкового праздника благоугодно было прислать полку следующую высокомилостивую телеграмму:

«Поздравляю свой родной полк с праздником и особенно горячо благодарю его за беззаветную верную и доблестную службу.

Николай»

Осчастливленные словами нашего Державного Шефа усугубим наши старания, чтобы оказаться и впредь достойными их.

Командир полка
Свиты его Величества генерал-майор, граф
[Н. Н.] Игнатъев

ПРИКАЗ

№ 318

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

16 декабря 1915 г.⁹

§ 1

Вчера полк в составе корпуса участвовал в Высочайшем смотре у местечка Подволочиск.

На станции Подволочиск был выстроен почетный караул – Его Величества рота с хором музыки.

Государь Император выразил свое удовольствие видеть полк в таком блестящем виде и изволил пожаловать Георгиевские кресты нижним чинам полка, список которых при сем прилагается. [...]

Командир полка
генерал-майор
[А. А.] Дрентельн

ТЕЛЕГРАММА

на имя Николая II, отправленная командиром Лейб-гвардии Преображенского полка генерал-майором А. А. Дрентельном
13 июня 1916 г. через штаб Гвардейского корпуса¹⁰

Ваше Императорское Величество, вполне сознавая дерзновенность своего обращения и готовый нести за него великую кару, священным верноподданническим долгом своим считаю доложить, что задача, ныне возложенная на большинство полков гвардейской пехоты, преступно обставленная вследствие бедности артиллерии и недостатка времени подготовки по условиям местности и единогласно признаваемая всеми высшими начальниками невыполненной, влечет за собой бесцельную гибель частей, с трудом успевших вернуть прежнюю мощь. Ваше Величество, не извольте сомневаться, что Гвардия готова лечь во славу и величие своего Государя и Родины, но сознание, что она теперь ляжет зря, лишая тем Престол своего верного оплота, и что никто из высшего начальства не решается открыть эту страшную правду, беру на себя смелость всеподданнейше доложить ее Вашему Императорскому Величеству.

Свиты Вашего Величества генерал-майор
[А. А.] Дрентельн

ТЕЛЕФОНОГРАММА

на имя Николая II с поздравлением с полковым праздником
Лейб-гвардии Преображенского полка¹¹
6 дня августа 1916 г.
1 ч 5 мин

Государю Императору
Повергая к стопам своего державного Шефа чувства безграничной преданности и непоколебимой верности, Преображенцы дерзают принести Нашему Императорскому Величеству свои всеподданнейшие поздравления с полковым праздником.

Свиты Вашего Величества генерал-майор
[А. А.] Дрентельн

ПРИКАЗ

№ 26

по 1-й Гвардейской дивизии

14 февраля 1917 г.¹²

Объявляю копию Высочайшей телеграммы, полученную Главнокомандующим*, сообщенную мне начальником штаба корпуса:

«Генерал-адъютанту Брусилову. Великий князь Георгий Михайлович доложил мне о своих отрядных впечатлениях об объезде армий Вашего фронта. Поручаю Вам передать всем начальствующим лицам и Моим молодецким войскам Мое глубокое удовольствие их блестящим видом и состоянием. Уверен, что они напрягут в свое время все силы для окончательного крушения наших противников.

Николай»

Доблестные гвардейцы наших славных полков и батарей, пусть новое милостивое внимание к Вашей службе нашего Державного Вождя Государя Императора внесет в Вас новые силы и бодрость в предстоящих нам боях.

Начальник дивизии
генерал-лейтенант
[В. В.] Нотбек

ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ В ОЦЕНКЕ РОЛИ ГВАРДИИ НА ФРОНТЕ

ПРИКАЗ

№ 360

Главногокомандующего армиями Юго-Западного фронта

генерала Н. И. Иванова

Декабрь 1914 г.¹³

16 минувшего августа повелением Верховного главнокомандующего в состав армий вверенного мне Юго-Западного фронта был включен Гвардейский корпус в составе 1-й и 2-й Гвардейских пехотных дивизий, Гвардейской стрелковой бригады, Лейб-гвардии мортирного дивизиона и Лейб-гвардии саперного батальона; отдельная Гвардейская кавалерийская бригада входила в состав фронта с начала войны.

Прибытие первых эшелонов Гвардии на театр действий армий фронта совпало с периодом наиболее тяжелых и упорных боев

* Главногокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

группы наших армий, сдерживавших стремительный натиск австрийцев, пытавшихся прорвать наше расположение у Люблина.

Тотчас по высадке из поездов части Гвардии были введены в бой в составе отряда генерала от артиллерии [И. И.] Мрозовского у Суходола против 10-го австрийского корпуса и содействовали полному разгрому его.

С этого времени началась боевая деятельность Гвардии плечом к плечу с корпусами 4-й, а затем 9-й армий – деятельность, отмеченная многими примерами доблести, стойкости и исполнения долга.

В августовские дни Гвардия приняла участие с остальными корпусами 4-й армии в разгроме стойкого врага, занимавшего прочно укрепленные позиции.

В сентябре, перейдя у Ивангорода через Вислу, Гвардия рука об руку с остальными корпусами 9-й армии сначала приняла на себя удар врага, пытавшегося сбросить нас за реку, а затем преследовала отхлынувших австрийцев, не дав им утвердиться в лесисто-гористом Келецком районе.

Наконец, в ноябре Гвардия была в числе тех войск, о которых в районе Кракова разбились все стройные атаки противника, скопившего здесь превосходные по числу войска.

Оглядываясь на эти славные дела, я с чувством глубокой благодарности расстался с Гвардейским корпусом и напутствую его пожеланием новой и новой славы его старым знаменам. [...]

Генерал-адъютант
[И. И.] Иванов

ПРИКАЗ

командующего 9-й армией генерала П. А. Лечицкого
Декабрь 1914 г.¹⁴

9 сентября Гвардейский корпус был включен в состав Высочайше вверенной мне 9-й армии, и в течение трех месяцев боевой службы войска Старой Императорской Гвардии вновь занесли в историю своих частей славные страницы беззаветного мужества и героизма.

Еще в период Люблинских боев части Гвардейского корпуса, входившие в состав 9-й армии – Гвардейская стрелковая и Отдельная Гвардейская кавалерийская бригады, – явили блестящий пример боевой работы Гвардии. Дружными и решительными усилиями совместно с прочими частями армии они сломали упорное сопротивление австрийцев и принудили их к отступлению, завершившемуся неотвязчивым и лихим преследованием.

В начавшемся с половины сентября новом периоде боев против австро-германцев принял участие в составе 9-й армии уже весь Гвардейский корпус. Упорнейшие бои на Висле в конце сентября и в начале октября, переправа через Вислу под Ивангородом с боями, окончившимися разгромом австро-германцев, стремительное преследование их, взятие Косогорской позиции, наконец, бои под Краковом, когда, начиная с 3 ноября, Гвардейский корпус сдерживал и жестоко отбивал в крайне тяжелых условиях бешеные атаки обрушившихся на него превосходных сил австрийцев, – вот тяжелый, но великий и победный путь Вашей боевой славы, войска Русской Императорской Гвардии, уже отмеченный Высокомилоستивыми наградами Обожаемого Вождя.

С сожалением расстаюсь ныне с Гвардейским корпусом, получающим новую боевую задачу, объявляю сердечную благодарность генералу от кавалерии [В. М.] Безобразову за его решительные, настойчивые и искусные действия, а также всем генералам, офицерам и молодцам нижним чинам Доблестной Гвардии за службу и самоотверженные подвиги, как отдельных людей, так и целых частей, которыми гордится Россия.

Геройский дух, беззаветная храбрость Гвардии и кровью запечатленная готовность каждого гвардейца служить Царю и Отечеству, не жалея сил и жизни, да послужат Вам и в будущем на славу, на новые победы над упорным врагом и на счастье Обожаемому Верховному Вождю и Родине. [...]

Генерал от инфантерии
[П. А.] Лечицкий

ПРИКАЗ

№ 1105

командующего 10-й армией генерала [Е. А.] Радкевича
28 сентября 1915 г.¹⁵

Повелением Главнокомандующего Гвардейский корпус изымается из состава вверенной мне армии и получает новое назначение.

Недолго пробыли славные войска Гвардии в составе 10-й армии, но зато были с ней в тяжелые минуты. Прибыв в состав армии, когда стремительный натиск врага после более чем двух недель ожесточенных боев был задержан доблестными войсками армии впереди Вильны, Гвардия приняла участие в ее наступлении, имевшем целью отбросить немцев за Вильно. Вскоре, затем, началась широко задуманная противником Вильненская операция, имевшая

целью окружение армии; судьба армии оценивалась в это время сторонними наблюдателями не только за границей, но и на Родине; безнадежное, но беззаветное мужество и незабываемая стойкость войск, в ряду которых стояла вся Гвардия, и нечеловеческие усилия их, противопоставленные стремительности зарвавшегося врага, сломили его и не только свели на нет всю долго подготавливавшуюся многообещающую, по мнению немцев, операцию, но и подорвали дух противника, убедившегося еще раз, что обойти русских – не значит их взять, угрожать тылу – не значит лишить их возможности спокойно маневрировать.

Примите сердечное спасибо от меня и войск армии, славные войска Гвардии, доблестные соратники тяжелых, но славных дней, примите лучшие сердечные наши пожелания дальнейшего процветания и новой славы для общей всем нам родной и дорогой Русской армии.

Командующий армией
генерал от инфантерии
[Е. А.] Радкевич

ПРИКАЗЫ ПО ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ ПОЛКУ ПОДВОДЯЩИЕ ИТОГИ БОЕВ ЛЕТА 1915 г., В КОТОРЫХ ОСОБО ОТЛИЧИЛСЯ ШТАБС-КАПИТАН А. П. КУТЕПОВ

ПРИКАЗ

№ 146

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

14 июня 1915 г.¹⁶

деревня Сенковичи

§ 1

Преображенцы!

Более четырех месяцев полку пришлось нести Цареву службу, охраняя и оберегая переправу через реку Нарев у города Ломжи. Однообразно долго тянулись дни, но дело свое мы сделали. Не решился враг идти на наши позиции, чуя, что за сила стоит перед ним.

Тяжела служба в окопах, да еще в такое время. Но все безропотно, с обычным усердием, всегда бодро и весело, от мала до велика, переносили все тяготы и опасности, выпадавшие на Вашу долю, являя пример, как должен нести всякую Государеву службу Преображенский солдат.

Приношу сердечную благодарность господам офицерам полка, как всегда подававшим блестящий пример вверенным им чинам своим образцовым исполнением обязанностей и постоянным о них попечением.

Благодарю всех начальствующих из нижних чинов за их неустанный труд и отличную службу.

Молодцам нижним чинам сердечное спасибо!

Теперь, пользуясь днями отдыха, нам надо пополнить наши изъязны, чтобы быть готовыми по первому зову исполнить свой долг перед Царем и Родиной и с Божьей помощью железной стеной снести врага, который дерзнет заступить нам на путь! [...]

Командир полка,
флигель-адъютант, полковник, граф
[Н. Н.] Игнатъев

ПРИКАЗ

№ 188

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

28 июля 1915 г.¹⁷

§ 1

Вчера весь день полк имел ожесточенный бой с 11-й Баварской дивизией. Обстрел позиций 1-го и 4-го батальонов достиг небывалого напряжения, причем на участке 3-й роты применялись снаряды с газами.

Благодаря громадным потерям 3-й роты, в правый участок ее окопа, лишенный всех защитников, ворвались германцы. Последовательно влиты в бой 5-я, 6-я и 7-я роты и 2-й батальон Лейб-гвардии Семеновского полка. К утру 28 июля часть окопа 3-й роты оставалась в руках у германцев. На позиции стоят 4-й батальон Лейб-гвардии Семеновского полка, 3-й батальон, 4-й батальон с 5-й ротой, 2-й батальон Лейб-гвардии Семеновского полка, 1-й батальон с 6-й ротой. [...]

Потери за сутки: убит прапорщик Гессе, ранены флигель-адъютант полковник [Е. М.] Казакевич, **штабс-капитан Кутепов** (выделено нами. – *Прим. сост.*), поручик [А. А.] Фрейганг, подпоручик [И. И.] Комаров, подпоручик Гриневич, подпоручик [В. В.] Розеншильд-Паулин, прапорщик [Ю. Д.] Литовченко, прапорщик Маровский (также контужен), тяжело контужен штабс-капитан [А. А.] Швецов, прапорщик [Н. А.] Ратьков-Рожков ранен тремя пулями и остался в строю.

Убыль нижних чинов выясняется, достигает ранеными, контуженными и пропавшими без вести – до 800 человек. [...]

Командир полка
Свиты его Величества генерал-майор, граф
[Н. Н.] Игнатъев

ПРИКАЗ

№ 194

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
3 августа 1915 г. Северо-западная окраина п. Тересполь¹⁸
[...]

§ 6

В бою 27 июля на линии Майдан – Кульчинский – Патрилов германцы под прикрытием губительнейшего огня тяжелой артиллерии прорвали стык 1-го и 4-го батальонов и заняли часть окопов, грозя охватить все расположение полка.

Исключительное мужество и дружные усилия рот 1-го батальона, 13-й, 16-й, 5-й, 6-й и 7-й [рот], понесших громадные потери, оставили в упорном бою натиск 11-й Баварской дивизии. Особенно благодаря капитана [В. Н.] Баранова, полковника графа [К. Н.] Литке, благодаря мудрому и энергичному управлению которых упрочено положение левого крыла нашей позиции, равно как и штабс-капитанов **Кутепова** (выделено нами. – *Прим. сост.*), [А. А.] Швецова, поручика [М. Н.] Моллера, подпоручиков [И. С.] Зыбина и [В. П.] Веревкина и младших офицеров вышеназванных рот – исключительным мужеством, смелостью и ясностью действий, способствовавших общему успеху, молодцам нижним чинам Преображенцам, за проявленную ими стойкость – горячее спасибо. [...]

Командир полка
Свиты его Величества генерал-майор, граф
[Н. Н.] Игнатъев

ПРИКАЗ

№ 197

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
5 августа 1915 г.¹⁹
1-й эшелон на пути железнодорожной станции Брест-Литовск № 4
[...]

§ 3

В конце июня наш полк в составе Гвардейского корпуса был послан на Южный фронт к городу Холму, чтобы помочь 3-й армии

сдержат натиск немцев, стремившихся отрезать и окружить наши армии, сражавшиеся на Висле.

Преображенцы, нам выпало много тяжелых испытаний, когда после трудных и упорных боев, видя отхлынувшего перед Вашей беззаветной доблестью врага, Вы, во исполнение приказов, должны были отходить назад, оставляя врагу только что политые кровью Ваших товарищей и не уступленные Вами позиции*. Лишь шаг за шагом, с большими потерями мог двигаться неприятель, и не удался ему его коварный замысел.

Постоянно проявляя непоколебимое свое мужество, Вы, как всегда, оказались достойными своего славного знамени и еще раз показали всем, как должен служить Преображенский солдат.

Теперь нас вновь требуют на подмогу на другой фронт, где противник ведет напряженное наступление.

Верю, что и там Бог нам поможет остановить грудью врага и тем послужить верой и правдой Царю и Родине. [...]

Командир полка
Свиты его Величества генерал-майор, граф
[Н. Н.] Игнатьев

ПРИКАЗ

№ 294

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
25 ноября 1915 г.²⁰

[...]

§ 2

Господа кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, Георгиевского оружия и Вы, славные сыны полка, кавалеры Георгиевского креста и медали!

Господь Вседержитель благословил оружие Ваше!

Ваша доблесть вплела новые лавры в победный венок полковой славы.

Окрыленные военным гением Вашего боевого командира полка, остриями Ваших штыков Вы вписали в длинный свиток побед

* О том, насколько большие потери понес Лейб-гвардии Преображенский полк в ходе августовских боев, дают представление данные о его численности на 21 августа 1915 года: в двух сводных батальонах полка (в них полк сведен из четырех из-за больших потерь) насчитывалось всего 1587 штыков (штатная численность полка на начало мировой войны не менее 2000 штыков) (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 955. Л. 26).

Российского оружия новые славные имена, великое значение которых оценит история.

Неисчислимы подвиги самоотвержения Вашего, и благоговейные потомки в бесконечном перечне их найдут неисчерпаемые силы для достойного продолжения Ваших славных дел.

Храбрейшие из храбрых запечатлели кровью ратный подвиг своего великого слежения.

В Ваш благородный поредевший строй вступили новые бойцы, жаждущие подвига.

Воспитанные, как и Вы, в заветах доблести и чести, впитавшие в стенах родного полка несокрушимый дух победоносных предков, овеянные славой содеянных Вами подвигов, они готовы совершить чудеса храбрости и самоотверженности, и в тот великий день, когда Государю Императору благоугодно будет призвать нас, ведите их по путям победы, нанося дерзновенному врагу всесокрушающие удары. [...]

Временно командующий полком

полковник

[Б. В.] Шульгин

ПРИКАЗ

№ 247

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

22 октября 1916 г.²¹

[...]

§ 3

Высочайшим приказом 26 сентября сего года утверждено пожалование – за отличие в делах против неприятеля, по удостоению местной Георгиевской кавалерской думы орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени [...] капитану Александру Кутепову, за то, что 27 июля 1915 г. в бою у деревни Петрилов, когда немцы после усиленной подготовки артиллерийским огнем тяжелых орудий захватили окопы одной из рот, он, находясь в частной поддержке, не имея возможности по условиям боя получить указаний, по собственной инициативе перешел в контратаку и, несмотря на значительные потери, выбил противника с нашей позиции и восстановил положение, причем хотя был тяжело ранен, продолжал руководить боем до вечера. [...]

Командир полка

генерал-майор

[А. А.] Дрентельн

**ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ
ПО ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ ПОЛКУ
ГЕНЕРАЛА Н. Н. ИГНАТЬЕВА**

ПРИКАЗ

№ 312

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

12 декабря 1915 г.²²

§ 1

Преображенцы!

С тяжелой грустью расстаюсь я с Вами! Лучшая пора моей жизни прошла в Ваших славных рядах. Вместе с полком Бог дал мне четверть века переживать и его горе, и его радости. Но как венец всему мне выпало на долю высокое счастье, о котором я даже мечтать не смел, вступая в ряды полка: Государю Императору благоугодно было вверить мне высокую честь – вести своих Преображенцев в бой.

За этот год войны я близко видел Вашу, как и всегда, беззаветную верную службу Царю и Родине, видел Ваш великий труд и безропотность, с которой Вы переносили все нужды солдатские, с гордостью следил за Вашими славными подвигами, о которых вспоминать будут потомки. От старшего офицера до рядового, каждый на своем месте с безграничным усердием делал свое дело, общими усилиями ревниво оберегая дорогое имя полка, приобщая своею кровью и своим бесспорным трудом новые лавры в вечно сияющий венец полковой славы.

От всей души приношу искреннюю благодарность господам офицерам и господам чиновникам, дружная помощь и поддержка которых тут, на театре военных действий, и там, в далеком Петрограде, на [нелегкой] но необходимой работе так была драгоценна и облегчала управление полком. Легко было работать при таких условиях. Сердечно благодарю всех начальников и нижних чинов, своей службой показывающих всегда, что помнят, в чьих славных руках они находятся. Спасибо молодецким нижним чинам, сердце, твердость и беспримерное мужество которых, как и встарь, пронесло на весь мир славное имя Преображенцев.

Прощаясь с Вами, желаю Вам еще много блестящих победных дел – на радость Царю и Родине и на славу родному полку. [...]

Командир полка
Свиты его Величества генерал-майор, граф
[Н. Н.] Игнатъев

**ПРИКАЗ ПО 1-й ГВАРДЕЙСКОЙ ДИВИЗИИ,
ПОДВОДЯЩИЙ ИТОГИ БОЯ НА ПОЗИЦИЯХ
В СВИНЮХИНСКОМ ЛЕСУ В СЕНТЯБРЕ 1916 г.,
В КОТОРОМ ОСОБО ОТЛИЧИЛСЯ
КАПИТАН А. П. КУТЕПОВ**

ПРИКАЗ

№ 113

по 1-й Гвардейской пехотной дивизии

24 сентября 1916 г.²³

Деревня Скурче

После тяжелых боев части вверенной мне дивизии на новом своем фронте пережили новый ряд трудных боевых испытаний.

3 сентября после короткой разведки и артиллерийской подготовки полки Лейб-гвардии Преображенский и Егерский атаковали противника по обе стороны Свиныхинского леса. [...] 7 сентября Лейб-гвардии Семеновский и Измайловский полки при тесной поддержке остальных двух полков дивизии одержали широкий тактический успех. [...]

Считаю долгом особенно подчеркнуть выдающуюся энергию и инициативу командующего 2-м батальоном Лейб-гвардии Преображенского полка капитана **Кутепова** (выделено нами. – *Прим. сост.*), благодаря которым так быстро организованы были и так твердо выполнены были распределение на позиции и удержание Свиныхинского леса. [...]

За период сентябрьских боев взято: пленных – 11 офицеров, 694 нижних чина, траншейных орудий – 2, пулеметов – 10 и много боевых припасов и предметов снаряжения.

В настоящее время дивизия стоит лицом к лицу с тем же врагом. Вся энергия наша должна быть направлена к подготовке нового удара, и с такими же доблестными частями, как наши, с Божьей помощью мы этого достигнем.

Начальник дивизии
генерал-лейтенант
[В. В.] Нотбек

**ПРИКАЗЫ ПО 1-МУ ГВАРДЕЙСКОМУ КОРПУСУ,
ПЕТРОВСКОЙ БРИГАДЕ И ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ
ПОЛКУ ОБ ИЮЛЬСКИХ БОЯХ 1917 Г., В УСПЕХЕ
КОТОРЫХ БОЛЬШУЮ РОЛЬ СЫГРАЛ
ПОЛКОВНИК А. П. КУТЕПОВ**

ПРИКАЗ

№ 03212

по 1-му Гвардейскому корпусу

[Июль] 1917 г.²⁴

§ 1

Обращаюсь к Вам, солдаты 1-го Гвардейского корпуса, от генерала до рядового.

Враги наши, пользуясь временем смуты после переворота, подлым образом внесли разруху в ряды Русской армии, пользуясь работой наших изменников. Теперь эти люди разоблачены и их постигнет кара – но злое дело их сделано: армия потеряла свою прежнюю стабильность.

Торжествующий враг сбивает наши расстроенные полки с одной позиции на другую. Теперь настал наш черед заслонить врагу дорогу в нашу родную землю. **Петровская бригада в боях последних дней покрыла себя славой, прибавив к бесконечной веренице славных дел еще новое блестящее дело.** Задерживая шаг за шагом противника, несмотря на всю тяжесть потерь и почти полное отсутствие поддержки от соседей, они дали время увезти нашу артиллерию. Теперь их зовут на новые подвиги, чтобы остановить противника на юге.

Пусть доблестная работа наших товарищей послужит нам примером той беззаветной службы, которой в грозный настоящий час ждет от нас наша Родина. [...]

Командующий корпусом
[генерал-майор
В. З. Май-Маевский]

ПРИКАЗ

№ 32

по Петровской бригаде

9 июля 1917 г.²⁵

Доблестные полки Петровской бригады!

По смене в ночь с 5 на 6 сего июля частями 5-го корпуса на позициях у Годова и Конюховского леса Петровская бригада уже ве-

чером 6 июля была двинута командующим армией в Ярговице для помощи 3-й пехотной дивизии, отошедшей под натиском противника со своих укрепленных позиций на линию Стрыпы – Ярговице. На рассвете 7 июля тяжелое положение 3-й дивизии потребовало ввода в боевую линию Петровской бригады.

Развернувшиеся на фронте Яуковцы – Мшаны – Волнувка полки Петровской бригады дали отпор зарвавшемуся противнику и заменили на этом фронте части 3-й пехотной дивизии.

Доблестные Преображенцы в беззаветном порыве перешли в контратаку и своим могучим ударом остановили врага. Семеновцы, обеспечивая левый фланг Преображенцев, до конца выполнили свой долг!

Не по вине Петровской бригады были отданы залитые кровью Преображенцев Яуковские холмы.

Верная помощь Семеновцев обеспечивала левый фланг Преображенцев, но бегство действовавших правее частей дало возможность противнику обойти Петровскую бригаду справа, что и вынудило начать отход.

Окруженные с трех сторон, брошенные соседями, отбиваясь шаг за шагом, отходили славные полки, памятуя, что от их доблести зависит судьба нашей артиллерии и обозов. Наконец, лишь на линии Цецары – Езерженское шоссе, соединившись с верными долгу полками 15-го армейского корпуса, полки отошли на реку Восушку.

Но уже тогда тяжелое положение нашей артиллерии потребовало выдвижения Петровской бригады в деревню Домаморыч на поддержку слабой своей малочисленностью 151-й пехотной дивизии. Семеновцы крепко заняли фронт от Должанки до Домаморыча. Доблесть Семеновцев не позволила противнику оттеснить 151-ю дивизию с ее позиций, и лишь удар во фланг со стороны Тарнопольского шоссе вновь окружил Петровскую бригаду с трех сторон.

Отрезанные от своего пути на Тарнополь, Семеновцы отступали, стремительными контратаками отбивая противника. Могучие удары Семеновцев, охваченных с флангов, спасли отход 151-й дивизии за Серет.

Чередуясь в беззаветной доблести с Преображенцами, Семеновцы за этот день вновь покрыли себя славой.

Но уже 10 июля угроза левому флангу нашей армии потребовала от Петровской бригады новых подвигов. Спешно выдвинутая на юг бригада заняла позицию у Прошова, Велька Леса и Сущинского леса, прикрывая мосты на реке Гневке и связывая части 5-го армейского и 5-го конного корпусов.

С утра 11 июля увлеченный успехом противник повел наступление, но разбился о стойкость славных Преображенцев и Семеновцев. Упорные атаки у Прошева, Вельки Леса и Цезарувки принесли противнику лишь тяжелые жертвы и не заставили Петровскую бригаду отступить ни на шаг.

Только по приказу свыше отошли полки Петровской бригады в ночь с 11 на 12 июля за реку Гневку, заняв позицию от Смоланки до Сущина. Но уже днем потребовалась помощь Петровской бригады, и полки ее стали сменять нашу конницу, растянув свой фронт до реки Воржувки.

Бой 13 июля не поколебал стойкости Преображенцев, и они в связи с 11-й кавалерийской дивизией дали противнику обычный отпор. И снова, лишь повинувшись приказу начальства, полки Петровской бригады отошли в ночь с 13 на 14 июля на укрепленную полосу Сколатских позиций.

С 11 июля полки Петровской бригады получили родную свою артиллерию и 2-й дивизион Лейб-гвардии артиллерийской бригады с 42-й линейной батареей Гвардейского тяжелого артиллерийского дивизиона, своей дружной и верной поддержкой еще более укрепивших грозную мощь Петровских полков.

Преображенцы и Семеновцы!

Не мне оценить Ваши подвиги. Доблесть Ваша отмечена Верховным главнокомандующим и стала известна Родине. Имена Ваши 12 июля в сообщении Ставки были прочтены с гордостью всей Россией.

Прошу всех офицеров и солдат принять мою самую глубокую и сердечную благодарность за славные бои с 6 по 13 июля, в которых полки Петровской бригады всюду поспевали на выручку и поддержку соседей, за все время 100-верстного отхода ни разу не отошли без приказанья и грудью отстаивали честь и достоинство Родины. [...]

Командир бригады
генерал-майор
[П. Э.] Тилло

ПРИКАЗ

№ 32

по Петровской бригаде

9 июля 1917 г.²⁶

Доблестные полки Петровской бригады!

Вашими славными действиями в последних беспримерных по тяжести и лишениям боях 7 и 8 июля Вы помогли спасти положение

ние и оправдали уверенность Главнокомандующего в Вашей непоколебимой доблести.

Ваш беззаветный порыв в контратаках под Мшанами, Яцковце и Домаморычем спас нашу тяжелую артиллерию, которую лишь благодаря пролитой Вами крови удалось вывезти из тесного кольца противника.

Все командиры армейских дивизий и корпусов, в состав которых включалась за эти дни Петровская бригада, единогласно признают действия бригады выше всяких похвал.

Славные Преображенцы и Семеновцы! Братья по происхождению и вместе пролитой крови, объединенные в славную Петровскую бригаду, я безумно горжусь выпавшей на мою долю честью командовать Вами в эти тяжелые для Родины дни.

Имя Петровской бригады еще раз прогремело, и она оправдала надежды Родины на старейшие ее полки.

Прошу всех офицеров и солдат принять мою глубокую благодарность за беззаветную доблесть в боях 7 и 8 июля. [...]

Командир бригады
генерал-майор
(П. Э.) Гилло

ПРИКАЗ

№ 116

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

от 9 июля 1917 г.²⁷

деревня Смыковце (Галиция)

§ 1

7-го сего числа полк был двинут в бой на крайнем правом фланге прорыва и сначала блестящей атакой, а затем стойким и планомерным отходом наступление противника было задержано. Командир бригады передал мне, что Вашими подвигами спасены артиллерия и обозы правого фланга армии.

Преображенцы, я горжусь тем, что я стою во главе полка, который в остановке небывалой еще трудности проявил свой истинный геройский дух и новой славой украсил свое знамя. От всего сердца благодарю Вас, офицеров и солдат, за Вашу беззаветную отвагу и твердость. Особенно низко кланяюсь тем, кто до самого конца боя не забывал долга своего перед Родиной, и пулеметчикам, пример коих не может быть превзойден.

Пусть наше презрение заклеит тех трусов, которые не наши в себе мужества разделить тяжесть боя со своими товарищами. [...]

Командующий полком
полковник
[А. П.] Кутепов

Ю. В. Зубов*

ПОСЛЕДНИЙ ШТЫКОВОЙ БОЙ ПРЕОБРАЖЕНЦЕВ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ²⁸

7 июля по старому стилю исполнилось ровно 12 лет, как вся Россия с замиранием сердца и с ужасом читала сообщение Ставки Верховного командования на этот день:

«На Юго-Западном фронте при малейшем артиллерийском обстреле наши войска, забыв долг и присягу перед Родиной, покидают свои позиции. На всем фронте только в районе Тарнополя полки Преображенский и Семеновский исполняют свой долг».

Сообщение это явилось результатом преобразования Керенским войск Российской армии в «самую свободную в мире». Эпилогом же разложения армии и явилось боевое дело на подступах к Езерно у деревни Мшаны 7 июля 1917 года.

...6 июля 1917 года к северо-западу от Зборова германцы, прогнав фронт, устремились в направлении Езерно. Германцы, по-видимому, поставили себе целью, захватив местечко Езерно, выйти в тыл 8-й армии, дабы поставить ее в тяжелое положение, заставить бросить всю тяжелую артиллерию, сосредоточенную на Тарнопольском плацдарме, и, наконец, захватить Езерно, где сосредоточены были фронтные запасы как артиллерийского, так и интендантского снабжения.

Контратаки 8-й армии за весь день 6 июля ни к чему не привели. Резервы армии не были в состоянии сдержать противника, прогнавшего фронт, не в силу своей многочисленности, а в силу того,

* **Зубов Юрий Владимирович** (1892–1970) Полковник. В Первую мировую войну – офицер Лейб-гвардии Преображенского полка. В Гражданскую войну в Добровольческой армии и ВСЮР, участник 1-го Кубанского похода; полковник. С 1920 г. в эмиграции, в Югославии; позднее во Франции.

что революционная демократия приложила все усилия по дезорганизации армии.

К 15 часам 6 июля вполне выяснилось, что части 8-й армии и ее резервы не в силах что-либо противопоставить дисциплинированным германским войскам, рвавшим фронт и углубляющим прорыв. Стало также ясным, что если события будут протекать таким образом, то к утру 7 июля противник займет Езерно с ее складами и выйдет на тыловые дороги 8-й армии.

Безнадежное положение фронта, нависшая угроза потери всей тяжелой артиллерии, медленно снимающейся со своих позиций, выход противника на Езерно побудили штаб Юго-Западного фронта отдать следующее приказание Петровской бригаде: «Полкам Гвардии Преображенскому и Семеновскому. Сегодня утром противник прорвал фронт к северо-западу от Тарнополя в районе Зборова и двигается в направлении Езерно. Попытки ликвидировать прорыв войсковыми частями фронта не привели ни к чему. Верховный главнокомандующий приказал для ликвидации прорыва направить из резерва фронта Петровскую бригаду. Верховный главнокомандующий надеется, что Петровская бригада вновь покроет себя славой и увенчает свои седые знамена новыми победными лаврами...»

В 17 часов вечера 6 июля в полковых штабах Петровской бригады с возмущением читали приказание фронта. Обращение от имени Керенского к бригаде и упоминание о седых знаменах и славе полков считалось в полках излишним. Но редакция приказа дала понять о размерах катастрофы в месте прорыва.

Во исполнение приказа Главного командующего Юго-Западным фронтом 6 июля, еще до темноты, колонны Петровской бригады стали вытягиваться из Тарнополя в северо-западном направлении. 7 июля на заре полки Лейб-гвардии, усталые, измокшие от ливня, шедшего целую ночь, быстро входили: Преображенский в деревню Мшаны, Семеновский в деревню Ядровце.

Распоряжением штаба армии бригада была передана в распоряжение командира 17-го армейского корпуса, занимающего район у Езерно.

Командиром Петровской бригады генералом [П. Э.] Тилло было отдано приказание, заняв указанные районы, встать по квартирам, дать людям высушиться, выспаться и ожидать дальнейших распоряжений. Затем указывалось, что, по сведениям штаба корпуса, фронт крепко занят частями 3-й и 176-й пехотных дивизий, выставивших в сторону противника сторожевое охранение.

Из дневника войны Преображенского полка:

«Полк входил в деревню. Здесь в деревне оказался штаб 3-й пехотной дивизии. Около штаба командующий полком, сидя на коне, пропускал полк, подбадривая отсталых, заболтавшихся, идущих не в ногу – «Федорой Ивановной»*. Эти магические слова быстро действовали – равняясь, давая ногу в грязи, весело смотря на своего командующего полком, шли роты за ротами.

– Спасибо, братцы, за переход!

– Рады стараться! – гремел веселый ответ».

Крепким сном в деревне Мшаны заснул Преображенский полк; также в деревне Ядровце располагался на отдых Семеновский полк со штабом бригады.

Штаб армии и корпуса предполагали атаковать наступающего противника 3-й и 176-й пехотными дивизиями, Петровскую бригаду думали пустить по мере развертывания событий. Начальник 3-й пехотной дивизии требовал Петровскую бригаду пустить первой и непременно на фронте его дивизии.

Командующий Лейб-гвардии Преображенским полком полковник Кутепов, считаясь с духом времени и всеми могущими быть неожиданностями, отдал приказание выслать разезды от команды конных разведчиков в расположение 3-й и 176-й пехотных дивизий, узнать и выяснить их фронты, подступы, что они из себя представляют, и дух их. Сам он, уставший и весь промокший за ночной переход, лег отдохнуть в хате неподалеку от штаба 3-й пехотной дивизии. Лег со спокойным сердцем. Наличие в деревне штаба дивизии и указание штаба на занятие впереди позиции частями 3-й и 176-й дивизий не давали возможности предположить что-либо дурное.

Из дневника войны Преображенского полка:

«Штабс-капитан [Н. А.] Ратьков-Рожнов быстро бежал к штабу полка. На бегу он кричал: “Братцы, в ружье!”, “Немцы в деревне!”, “Второй и третий выбивают штыками”... Не успел еще штабс-капитан Ратьков добежать до штаба полка, как могучее “Ура!” уже неслось со стороны третьего батальона полка... Ружейный германский огонь, останавливающий контратаку 3-го батальона, всколыхнул штаб полка. Вскочивший командующий полком полковник Кутепов выбежал на улицу... В эту минуту подбежал Ратьков, секунду спустя – два конных разведчика... Переведя дух, Ратьков докладывает: немцы ворвались

* «Федора Ивановна» – доброжелательное название А. П. Кутеповым офицеров, совершивших незначительную оплошность.

в деревню, 2-й и 3-й батальоны приняли их в штыки, конные разведчики сообщили, что, когда они выезжали по дороге из Мшаны, то заметили цепи, входившие в деревню, думая, что это части 3-й или 176-й пехотных дивизий. Подъехали ближе – оказались германцы...»

На запрос в штабе 3-й пехотной дивизии, где части 176-й дивизии, имеется ли связь, был ответ, что телефоны еще с ночи не действуют. Стало ясным, что под покровом темноты дивизия бросила фронт. Медлить было невозможно, поэтому командующим полком полковником Кутеповым отдается приказание: «2-му и 3-му батальону вверенного мне полка немедленно выбить противника из деревни. 3-му батальону атаковать противника фронтом на северо-запад по линии деревень Янковцы – Жуковец, 2-му батальону оборонять позицию, что на северо-запад от деревни Мшаны, прикрыть собой гать, что идет к высотам 302, 399, обеспечить фланг 2-го батальона. Капитану [А. А.] Левашеву немедленно с десятью пулеметами занять позицию на высотах, что к северу Мшан, и прикрыть правый фланг 3-го батальона».

В минуты отдачи приказания 1-му и 4-му батальонам доносившееся с северной стороны Мшан «ура» все крепчало. Прибывшая связь из 2-го батальона доложила полковнику Кутепову, что 2-й батальон успел по тревоге подняться, стоит на главной улице, и что, как только цепи противника подойдут к околице на 200 шагов, то командующий батальоном капитан [А. А.] Швецов их атакует. «Прекрасно», – был ответ полковника Кутепова. Через несколько минут «ура» сделалось громче и ближе, командующий полком ясно понял, что 2-й батальон бросился вперед.

Из дневника войны Преображенского полка:

«Противник встал во весь рост, и, косясь головами своими в сторону стрельбы и движения в направлении 3-го батальона, уверенно шел на нас, тысяча людей готовы также встретить его... Цепи идут одна за другой. Видны винтовки без штыков и темнеет в цепях краска его пулеметов... Построение батальона и все события продолжались секунды, быть может, минуты. Я торопил 5-ю роту и батальон... Вдруг подбегает батальонный штаб-горнист: “Ваше Высокоблагородь, в 3-м батальоне играют атаку – слышно, в ротах принимают – прикажите принять батальону?” Я к Швецову, быстрый ответ: “Теперь близко подпущены – прикажи принять...” Быстро выбежали горно-флейтисты в самую грязь на середину дороги... Затрубили горны батальона “Слушайте все”. Эхом отдалось “Слушайте все” в утреннем воздухе где-то на буграх, а быть может, и в серд-

цах цепей 8-го гренадерского имени Императора Александра I Баварского полка. Затем могучие звуки двенадцати горнов, прозвучали сигналы атаки... Послышались команды, затопала тысяча ног, задвигались... 7-я и 8-я роты бросились через заборы, плетни, через переулки вперед... Не выдержали. Раздалось могучее «Ура!» Подхватил весь батальон. Закричали на месте резервы и инстинктивно, помимо всякой команды, устремились туда же».

В минуту отдачи приказа капитану Левашеву с западной стороны фронта в деревню Мшаны стал входить 9-й Ингерманландский пехотный полк. На вопрос командующего полком «Куда идут?» и «Кто впереди?» был ответ: «Отходим», «Части дивизии еще ночью ушли», «Впереди нет никого». Полковник Кутепов, видя уходящий полк, был не в силах уговорить их остановиться. Быстро из деревни Мшаны уходили Ингерманландцы, бросая на произвол судьбы Преображенский полк. Полковник Кутепов, испытав на своих плечах демократические принципы, мог только наблюдать, как части 3-й пехотной дивизии, не успевшие уйти ночью, торопились уйти днем. Однако в минуту исполнения приказаний 1-м и 4-м батальонами о занятии позиции к командующему полком явились начальники пулеметных команд 10-го Новоингерманландского, 11-го Псковского, 12-го Великолуцкого пехотных полков, одного из полков 176-й дивизии и два командира батарей 35-й артиллерийской бригады, доложив, что команды и батареи уходить в тыл считают позором и будут драться. Всех их полковник Кутепов прикомандировал к полку, и они исполнили свой воинский долг до конца.

Быстро поднялся на выстрелы Лейб-гвардии Семеновский полк, выслав в сторону доносившейся стрельбы капитана [С. А.] Подчерткова с командой конных разведчиков. Двинувшаяся команда была встречена по пути огнем. Имея приказание достичь штаба Преображенского полка, команда, несмотря на появившегося на пути противника, сумела проникнуть в район Преображенского полка.

По приказанию командира Петровской бригады генерала Тилло Лейб-гвардии Семеновский полк немедленно занял позицию фронтом на деревню Волосовку. Лейб-гвардии Преображенскому полку, находившемуся вправо и впереди, приказано было начать отход на линию Семеновцев на высоты этого приказания, так как половина полка, батальоны полка 2-й и 3-й – продолжали вести яростные и успешные атаки, и их остановить не представлялось возможным. Сильный артиллерийский огонь по Мшанам и по гати затруднял все распоряжения. Командующий полком своим приме-

ром подбадривал полк, несмотря на то, что находившийся при нем пулеметный офицер подпоручик Мещеринов 4-й и семь Преображенских солдат были убиты.

Только к полудню было отдано приказание 2-м и 3-м батальонам, отбросившим противника на две, местами на две с половиной версты, остановить свои атаки, постараться подобрать своих раненых и начать отход. Положение к этому часу было таково: 2-й батальон отбросил противника в деревню Жуковец и залег в 30 шагах перед кладбищем этой деревни, 3-й отбросил противника к высоте 414, что у деревни Яковце. Ввиду того, что за отходящими цепями 2-й и 3-й батальоны, дабы не быть опрокинутыми, остановились и вновь перешли в атаку, то поэтому, по распоряжению командира Петровской бригады, переданный еще раньше полковнику Кутепову 2-й батальон Семеновцев был оставлен в деревню Мшаны, дабы принять на себя отходящие в тяжелой обстановке 2-й и 3-й батальоны Преображенцев. Переходя в контратаку, отходили батальоны, задерживаясь на каждом рубеже, дабы дать возможность увести раненых. Ожесточение достигло наивысшего предела, сильный и настойчивый противник старался опрокинуть цепи и на их плечах ворваться в деревню Мшаны. Удерживали его где прикладами, где гранатами. Ожесточение было таково, что в первый раз за всю свою боевую службу на германской войне Преображенцы принуждены были, донеся до церкви в деревне Мшаны, оставить у нее своих убитых офицеров капитана [А. Р.] Кондратенко, штабс-капитана [А. Н.] Висковского 1-го, подпоручиков Митрофанова, Арцимовича, Навроцкого 2-го.

К 15 часам 2-й и 3-й батальоны подошли к деревне Мшаны и заняли позицию, дав тем самым возможность батальону Семеновцев, находящемуся под командой капитана Смарчевского, отойти. Долго Семеновцы не хотели уходить, желая сменить остатки двух Преображенских батальонов и собой прикрыть дальнейший отход. Но находившийся в деревне командир 3-го Преображенского батальона, как старший, приказал немедленно оттягивать 2-й Семеновский батальон через гать.

В 15 часов 30 минут через гать отошел 3-й батальон Преображенцев под командой полковника [Н. Н.] Квашнина-Самарина, унося с собой последних оставшихся в деревне раненых.

В 16 часов остатки 2-го батальона, в последний раз перейдя в контратаку и отбросив наседающего противника и унося и прикрывая идущих раненых, под командой капитана Зубова медленно стали отходить за гать.

Противник, войдя в деревню, мог вперед броситься только через гать – где и был встречен огнем восьми пулеметов 2-го батальона. С высоко поднятыми головами проходили цепи 2-го батальона через позицию, занятую полком. Впереди окопавшегося полка стоял полковник Кутепов. Ни у него, ни у людей 2-го батальона, вышедших только что из тяжелого боя, не гнулись головы, когда неприятельские снаряды взрывались вокруг них и рвались по позиции. Слышно было: «Спасибо, братцы, 2-й батальон». «Рады стараться, Ваше Высокоблагородие», – на этот раз был ответ. «Господин полковник»* и Керенский были забыты.

Итоги боя 7 июля: действиями Петровской бригады 48 часов времени было вырвано из рук германцев, Езеро успели минировать и к вечеру этого же дня взорвать на воздух, части 8-й армии успели отойти на новые позиции, и большая часть тяжелой артиллерии была снята с позиций и отведена в тыл. К итогам надо также отнести и потери Петровской бригады. Из батальонов бригады 2-й батальон Преображенцев потерял около 600 нижних чинов, 3-й батальон Преображенцев – 400 нижних чинов, 1-й и 4-й батальоны Преображенцев – около 300 нижних чинов; 15 преображенских офицеров выбыло из строя; 5 преображенских офицеров, павших со славой, были донесены до церкви в деревне Мшаны, где артиллерийским огнем большая часть носильщиков была перебита. По приказанию они были внесены в церковь, и на груди каждоголожена была записка: «Полк, чин, фамилия, пал за Родину». За огромной убылью в людях вынести их с поля боя не удалось.

Тяжелой ценой, в дни «углубления революции», поддержана была старая слава и воинский долг батальонами Петровской бригады.

Ярким доказательством беспримерного поведения Петровской бригады в этом тяжелом и неожиданном бою может служить и то обстоятельство, что командующий Лейб-гвардии Преображенским полком полковник Кутепов, на долю которого выпала большая тяжесть, был представлен к ордену Святого Великомученика Георгия Победоносца 3-й степени. Но ни командующий Преображенцами, ни кто-либо из господ офицеров Петровской бригады за подвиги свои награждены быть не могли. Слишком быстрыми шагами шел развал и уничтожение России.

* С 8 марта 1917 г. титулования в Русской армии были заменены на обращения: «Господин...» (в зависимости от чина офицера). В данном случае к Кутепову обращаются согласно традиционно принятому в Русской армии обращению, несмотря на его фактическую отмену.

И только деревянные кресты могил нескольких сот Преображенских офицеров и солдат на Мшанских полях, поставленные германцами, продолжают служить нам воспоминаниями о беспримерном деле Петровской бригады на подступах к Езерно и беззаветно храбрых и отчаянных атаках под Мшанами и под Жуковцом 7 июля 1917 года 2-го и 3-го батальонов Лейб-гвардии Преображенского полка под командой своего командующего полком полковника Кутепова.

МАТЕРИАЛЫ НАГРАДНОГО ЛИСТА А. П. КУТЕПОВА НА ОРДЕН СВЯТОГО ГЕОРГИЯ 3-й СТЕПЕНИ²⁹

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Лейб-гвардии Преображенского полка
на командующего полком полковника Александра Кутепова*
Представлен при рапорте командующего 11-й армией
от 10/12 октября 1917 г. за № 34958
Н.Р. 81927/3927 16/Х

[...]

Мнения начальников по представлению

Командира бригады

К ордену Святого Георгия 3-й степени

За то, что в бою 7 июля сего года у деревни Мшана, когда Лейб-гвардии Преображенский полк был двинут в прорыв, совершенный противником на фронте 8-го армейского и 5-го Сибирско-

* Представление А. П. Кутепова к ордену Святого Георгия 3-й степени за бой 7 июля 1917 г. так и не было утверждено. Причиной тому стали революционные события, охватившие армию. Необходимые свидетельства старших начальников так и не были получены. В январе 1918 г., когда А. П. Кутепов уже воевал в рядах Добровольческой армии на Дону, из штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта в главный штаб писали: «Местонахождение бывшего командующего [11-й] армией генерала [И. Г.] Эрдели (находился в это время вместе с Кутеповым в Добровольческой армии. – *Прим. сост.*) и главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала [А. Е.] Гутора (находился в резерве чинов при штабе Московского военного округа, впоследствии служил в РККА. – *Прим. сост.*), по свидетельствованию которых необходимо, штабу фронта не известно» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27714. Л. 18).

го корпусов, сначала энергичной атакой отбросил от деревни Мшана обходивших правый фланг 3-й пехотной дивизии германцев, затем ввиду общего отхода соседних с Петровской бригадой, при охвате обоих флангов полка начал последовательный отход от рубежа к рубежу, отбивая настойчивые атаки превосходных сил противника.

Находясь лично все время в цепях своего полка, ободряя своим присутствием подчиненных и соображая свое движение с отходом на восток обозов и артиллерии, полковник Кутепов на крайнем фланге прорыва в обстановке чрезвычайной трудности своей непоколебимой твердостью обеспечил благополучный отход правого фланга армии.

§ 6 ст. 8 Статута.

Потери полка в бою 7 июля: офицеров 14 и солдат 563.

Командир Петровской бригады

генерал-майор

[П. Э.] Тылло

28 июля 1917 г.

Начальника дивизии

«Представляется»

Начальник 1-й Гвардейской пехотной дивизии,

генерал-лейтенант

[нрзб.]

Командира корпуса

«Ходатайствую»

Командир 1-го Гвардейского корпуса

генерал-майор

[В. З.] Май-Маевский

Командующего армией

«Ходатайствую»

[Командующий 11-й армией

генерал от инфантерии

И. Г. Эрдели]

19.10.1917

Описание боя Лейб-гвардии Преображенского полка

7 июля 1917 г. у деревни Мшана

Лейб-гвардии Преображенский полк в составе Петровской бригады, в силу полученных распоряжений, к 6 часам 7 июля прибыл в деревню Мшана с указанием расположиться в названной де-

ревне за правым флангом 3-й пехотной дивизии и с задачей, в случае надобности, контратаками обеспечить ее от обхода с востока.

Положение на фронте 3-й пехотной дивизии было совершенно не выяснено. Дивизия, усиленная двумя чехословацкими полками, занимала участок от деревни Жуковце до деревни Пресовце, отойдя накануне на эту линию после прорыва противником 17-го армейского и 5-го Сибирского корпусов. Линию эту дивизия занимала сторожевым охранением без артиллерии. В штабе 10-го пехотного полка (в деревне Мшана) не было точно известно расположение своего сторожевого охранения, и командир полка с рассвета производил разведку этой линии. Справа расстроенные части 156-й пехотной дивизии и сторожевые эскадроны 11-й кавалерийской постепенно отходили в тыл. Работа кавалерии заключалась, главным образом, в удерживании пехоты от окончательного бегства. Связи с этими частями, а также сведений о противнике у 10-го полка не было.

В 8 часов офицерской разведки Забайкальской казачьей дивизии донес командиру 10-го полка о наступлении противника на деревни Жуковце, Яцковце. Под давлением его, брошенные пехотой, спешенные части конницы постепенно отходили к югу. В деревне Даниловцы митинговали какие-то пехотные части, отказывавшиеся выступить на позицию и впоследствии (около 10 часов) ушедшие на местечко Езерно. В 8 часов 15 минут поступило донесение от высланной разведки Преображенцев о занятии противником деревень Жуковце – Яцковце, о его дальнейшем движении на юг и о начавшемся отходе сторожевых частей 10-го пехотного полка на свои заставы, оказывая лишь ничтожное сопротивление. Правый фланг сторожевого охранения оказался у отметки 385 южнее деревни Жуковце.

Принимая во внимание обстановку и имевшийся приказ по 3-й пехотной дивизии, командир Лейб-гвардии Преображенского полка полковник Кутепов отдал приказание 2-му и 3-му батальонам, развернувшись на северной окраине деревни Мшана, перейти в наступление в полосах: для 2-го батальона – от 385 до пунктирной дороги Мшана – Яцковце включительно и для 3-го – от этой дороги до западной окраины деревни Яцовце включительно, имея резервы за правым флангом, с задачей овладеть высотами у названных деревень. Одной роте 1-го батальона с семью пулеметами было приказано занять высоту у деревни Мшана для обеспечения от глубокого обхода справа.

В 8 часов 35 минут 2-й и 3-й батальоны Преображенцев перешли в наступление; противник уже переваливал через гребень в 1-й версте к северу от деревни Мшана, однако, заметив движение наших цепей, остановился и начал окапываться, прикрывая свои работы сильнейшим пулеметным огнем, обстреливая деревню Мшана интенсивным артиллерийским. Тем не менее, Преображенцы продолжали упорно продвигаться вперед и, сблизившись, бросились в атаку. Противник не принял удара и поспешно отступил на следующий гребень, куда заметно подтягивались его резервы. Преображенцы, преследуя врага, накопились в 50 шагах и дружным штыковым ударом опрокинули и погнали германцев. В 9 часов высоты у деревень Жуковце – Яцковце были нами прочно взяты и две сильных контратаки противника до 10 часов отбиты.

Между тем, и без того шаткое положение на флангах стало заметно портиться. Вследствие окончательного отхода соседей вправо и начавшегося отступления слева частей, примыкавших к деревне Волосувка, Преображенцы оказались охваченными с трех сторон. Для обеспечения флангов были выдвинуты два батальона Семеновцев уступом вправо и влево. Противник заметно усиливался и, пользуясь отсутствием у нас артиллерии и пересеченностью местности, безнаказанно подвозил свои резервы (по показанию пленного 8-го Лейб-гренадерского полка на фронте Кудыновце – Яцковце – Богданувка наступали 5-я и 6-я германские дивизии).

Начальник 3-й пехотной дивизии решил, обороняя участок Богданувка – Мшана – Волосувка Петровской бригадой, отвести остальные части дивизии к местечку Езерно, куда и сам переехал со своим штабом. После этого всякая связь с 3-й пехотной дивизией прекратилась. Таким образом, в разгар успеха Преображенцев перед бригадой была поставлена задача [отхода] при полном отсутствии связи с соседями и при движении противника с высоты «408 Высока гура», занятой им около 9 часов 30 минут в обход нашего правого фланга.

Приказание начать отход на новый рубеж дошло до командира Лейб-гвардии Преображенского полка в 9 часов 45 минут, причем приведение его в исполнение крайне затруднялось сближением с противником, доходившим местами до 50 шагов. Тем не менее, под угрозой окончательного обхода обоих флангов, полковник Кутепов начал в 10 часов отход, выдвинув из резерва 1-й ба-

таьлон влево от деревни Мшана и отведя 4-й на новый рубеж для заблаговременного занятия позиции. Под личным руководством своего командира Преображенцы в полном порядке, неся большие потери и сдерживая наседавшего врага, постепенно отошли на указанный им участок. Противник преследовал сильнейшим огнем. Отход затруднялся направлением отступления частей 3-й пехотной дивизии, уходивших на восток, тогда как полк отходил на юг и юго-восток.

По занятию Преображенцами нового рубежа положение на правом фланге приняло особенно угрожающий характер. Противник, заняв высоту «408» и деревню Богдановку, продолжал беспрепятственное движение к югу в направлении на деревню Даниловце, одновременно охватывая фланг и ведя настойчивые атаки трудно сбиваемым огнем; слева выдвинутые на линию Семеновцы также не имели связи с соседями, отошедшими с чрезмерной быстротой. Отсутствие артиллерии, снявшейся еще на рассвете, делало передвижение противника безнаказанным, отсутствие парков заставляло чрезвычайно бережливо тратить патроны (расход их в одном Преображенском полку достиг за день 220 000). Указанная обстановка заставила отдать приказание бригаде постепенно отходить на рубеж деревни Даниловце – отметки 388 южнее деревни Ярцевце.

Выделив в свой резерв остатки 2-го и 3-го батальонов, 2-х рот 4-го, ударной команды, команды пеших разведчиков и двух рот Семеновцев (на правом фланге), отходя перекатами от одного рубежа к другому, отбивая сильнейшие атаки превосходных сил противника, лично появляясь в самых опасных местах боя, ободряя присутствием и голосом усталых и терявших мужество, при виде картины общего развала подчиненных, отступая все время с последней цепью, командир Преображенцев, во исполнение отданных мною приказаний, последовательно отошел на линию железной дороги, шоссе и, далее, задерживаясь с боем на каждой складке местности, нанося противнику чувствительные потери, руководствуясь движением отходивших обозов и артиллерии 5-го армейского корпуса, к 17 часам занял фронт отметок 388, 394.

Прикрывая все время правый фланг бригады, а вместе с тем и начавшего в связи с нами отход 5-го армейского корпуса, под губительным огнем противника, примером личного мужества, заражая подчиненных, отбивая ряд яростных атак противника, полковник Кутепов в бою 7 июля проявил пример высокой воинской доблести

и своими твердыми действиями безусловно способствовал благополучному отходу всего фланга 11-й армии.

Потери полка 14 офицеров и 563 солдата.

Командир Петровской бригады
генерал-майор
[П. Э.] Тилло

Свидетельские показания офицеров и нижних чинов полка
1917 г. 25 дня июля месяца
13 часов 30 мин
№ 174. Клебанувка

В исключительном по своей тяжести бою 7 июля [у] деревни Мшаны, когда полк, покинутый большинством частей, обратившихся в паническое бегство, почти окруженный, лишенный связи, сначала энергичной атакой отбросил противника, а потом шаг за шагом отходил, прикрывая отход артиллерии и обозов, командующий полком полковник Кутепов выказал исключительное мужество и твердость духа. Обходя последние свои цепи под действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, являя примеры непоколебимого мужества и отваги, одним своим появлением останавливая волнения людей, видящих бегство слева и справа, полковник Кутепов удержал в арьергарде порядок и твердость.

Составляя с ротами вверенного мне батальона арьергард полка, я получил от полковника Кутепова ряд точных и определенных приказаний, давших мне возможность среди общего замешательства целого ряда дивизий вывести батальон перекатами из опасного положения.

Из числа офицеров и солдат, окружавших полковника Кутепова, – поручик Мещеринов убит, двое солдат тяжело ранены. Сам полковник Кутепов сбит с ног снарядом и контужен.

Считаю долгом свои удостоверить, что только исключительной силой духа, ясным распоряжениям и личным примером своего командира полка обязаны Преображенцы славному для них исходу боя, самого трудного по обстановке с начала кампании.

Командующий
1-м батальоном Преображенского полка
капитан
[Д. Д.] Зуев

Начальнику штаба Петровской бригады
1917 г. 25 дня июля месяца.
№ 456. Действующая армия

Исключительно тяжелые условия боя 7 июля сего года у деревни Мшаны, выпавшие на долю полка, делают этот бой, пожалуй, самым тяжелым из всех многочисленных боев, в которых полк участвовал за три года войны. Полное отсутствие связи, ориентации, непрерывная угроза охвата и даже окружения, отсутствие парков и артиллерии – отличительные признаки. Тем не менее, 8 часов 30 минут полк вел бой с превосходными силами противника и в благополучном исходе его главным образом обязан доблестному командиру полковнику Кутепову.

Перейдя сначала в наступление и отбросив противника на 1½ версты, затем вынужденный обстоятельствами к отходу при окружении полка с трех сторон, благодаря уходу соседей, полковник Кутепов твердыми и ясными распоряжениями не дал общей панике распространиться в полку, отошел в полном порядке, успешно отбивая настойчивые атаки германцев.

Появляясь в самых опасных участках боя, там, где замечалось ослабление духа, где огонь противника, нанося тяжелые потери, колебал мужество цепей, он вселял твердую уверенность в свои силы, надежду в нас, офицеров, стойкость в солдатах.

В этом беспримерном в летописи полка бою все его видели все время впереди, слышали его ободряющий голос и черпали от него силу духа, которая дала возможность полку честно и до конца выполнить свою боевую задачу и спасти отходившие артиллерию и обозы 5-го армейского корпуса.

Лейб-гвардии Преображенского полка,
капитан

[П. Н.] Малевский-Малевич

1917 г. 25 дня июля.

Свидетельское показание о бое 7 июля 1917 г.
у деревни Мшаны

7 июля у деревни Мшаны, после блестящей атаки 2-го и 3-го батальонов, когда отбитый со своей позиции противник повторными контратаками тщетно старался вырвать из наших рук достигнутый успех, обнаружилось, что правый фланг полка совершенно оголен, и соседи наши, не принимая боя, быстро отходят. Ввиду этого приказано было отойти на следующую линию обороны. В чрезвычайных

чайно трудных условиях начал полк свой отход от деревни Мшаны. Большая близость передовых батальонов к противнику не давала свободы маневрирования, и был момент, когда отступление, по примеру окружающих частей, могло обратиться в бегство. Командир полка полковник Кутепов, отходя все время с последними цепями, своим личным примером и энергичными распоряжениями заставил людей сохранить порядок и все время поддерживал в них бодрость духа, столь нужную в этой тяжелой обстановке. Когда противник сосредоточил огонь двух тяжелых батарей по ударной команде и правому флангу 7-й роты, что внесло известное расстройство в их ряды, полковник Кутепов пошел к ним. Словами и всем своим видом вселял он мужество в потерявших было бодрость духа людей. Несмотря на то, что сопровождавший его офицер поручик Мещеринов был убит, два близстоявших солдата тяжело ранены, а сам полковник Кутепов сшиблен с ног разорвавшимся снарядом, с полным презрением к опасности, рискуя ежеминутно своей жизнью, он продолжал делать свое офицерское дело. И медленно, шаг за шагом, сохраняя полный порядок, отходил Лейб-гвардии Преображенский полк, умело руководимый своим командиром, упорным сопротивлением спасая не успевшую еще уйти артиллерию и обозы. Вся тяжесть отхода 7 июля легла на полковника Кутепова; от начала до конца находился он с последними цепями полка, появляясь всюду, где требовалась его помощь, ободряя людей и отдавая распоряжения.

Начальник ударной команды
штаб-капитан
[Д. А.] Бутовский

1917 г. 25 дня июля месяца
д. Клембовка

По получении полком, ввиду постепенного отступления его флангов соседними армейскими частями и обхода противником, приказаний начать отход от деревни Мшаны, под резерв был выдвинут 1-й батальон, задачей которому командующим полка полковником Кутеповым было поставлено прикрывать собой отход других батальонов, задерживаясь последовательными перекатами на ряде гребней к юго-востоку от Мшан. В состав арьергарда входили еще команды ударная и пеших разведчиков и две роты 4-го батальона. Командир полка остался в арьергарде, который, пропустив остатки 2-го и 3-го батальонов, завязал бой с противником, энер-

гично сдерживая его напор. По нашим отходящим цепям был открыт сильный огонь двумя тяжелыми батареями противника, который, заняв деревню Мшаны, выдвинул несколько пулеметов на высоты, окружающие деревню, и пытался непрерывным огнем внести расстройство в ряды задерживавших его упорной обороной, последовательно занимавшихся ими рубежей Преображенцев.

Цепи германцев неоднократно пытались сбить, прикрываясь пулеметным и артиллерийским огнем, Преображенский арьергард с целью его смять, но каждый раз останавливались и бывали принуждены залегать и даже отходить несколько раз. Бой длился до 7 часов.

Командир полка полковник Кутепов в течение всего отхода находился при арьергарде, лично управляя им в самых тяжелых условиях боя, не покидая цепей; не только руководил под сильнейшим огнем действиями всех нас, но и примером личной отваги и доблести появлялся всюду, где положение становилось особенно тяжелым, воодушевлял офицеров и солдат, подбадривал и успокаивал волновавшихся.

В начале боя опрокинутый и ушибленный тяжелым снарядом полковник Кутепов ни на минуту не выбывал из цепи, и лишь благодаря его ясным указаниям и личному управлению, при высшей степени тяжелых условиях боя, Преображенский арьергард смог выполнить с честью поставленную ему задачу.

Лейб-гвардии Преображенского полка
поручик
[В. В.] Дейтрих-Белуха-Кохановский

Свидетельские показания фельдфебеля ударной команды Лейб-гвардии Преображенского полка 7-го июля в бою под деревней Мшаны наш командир полка полковник Кутепов лично руководил боем. После нескольких контратак полк начал отход. При отходе полка командир полка был самый последний из отходивших солдат. Он сам выносил раненых, подавал пример мужества и храбрости, ободряя усталых и малодушных, несмотря на то, что многие раненые остались не вынесенными, он был непоколебим, все время сам восстанавливал порядок и являлся на те места, где угрожала полку опасность.

Фельдфебель
Заловкин

1917 г. 25 дня июля месяца
Свидетельское показание командира
2-го взвода ударной команды
Лейб-гвардии Преображенского полка

7 июля от деревни Мшаны, по случаю отходивших с флангов частей 5-го армейского пехотной дивизии, нашему полку также было приказано сделать отход. С самого начала отхода среди солдат появился наш доблестный командир полка полковник Кутепов.

Он своим личным примером и энергичными словами восстанавливал порядок среди оставшихся после упорного боя солдат, появляясь в самых опасных местах, где артиллерия противника находила удачно точку попадания, он ободрял уставших и малодушных. Здесь полковник Кутепов залегал с винтовкой в руках, залегал в переднюю цепь и, как простой солдат, наравне со всеми отстреливался от дерзкого врага, превосходного в силах, следовавшего за нами по пятам.

По пути отхода полка полковник Кутепов с опасностью для жизни сам перевязывал и выносил тяжелораненых и тем спасал их от позорного плена.

И так, благодаря энергии и от важности полковника Кутепова, при отходе полка наблюдался образцовый порядок.

Старший унтер-офицер
Григорий Вагин

В ночь с 6 на 7 июля 1917 г. Лейб-гвардии Преображенский полк был вызван в прорыв, сделанный немцами накануне.

Став в деревне Мшаны, полк, ввиду появления противника, вынужден был перейти в наступление, но так как части, стоявшие правее и левее нас, под давлением противника стали отходить, то мы очутились охваченными в кольцо.

Получив приказание об отходе, командир полка полковник Кутепов, оставив 1-й батальон в арьергарде и сам оставшись при нем, примером личной храбрости поддерживал дух офицеров и солдат.

Под сильным пулеметным и шрапнельным огнем находился все время в цепи, в трудные минуты подавал свой голос и удерживал малодушных.

Арьергард отходил до наступления темноты, ведя непрерывный бой с наседавшим противником, в присутствии доблестного командира полка полковника Кутепова.

Лейб-гвардии Преображенского полка 1-й роты
Иван Лебедев

С глубоким чувством еще раз после многих боев шел бок о бок со своим бывшим ротным командиром, ныне командиром полка полковником Кутеповым, с последней цепью отступающего 1-го батальона арьергардом боя 7 [июля у] деревни Мшаны. Как и в 1914-м, 15-м, 16-м, так и теперь в 17-м году, в тяжкую минуту 7-го июля полковник Кутепов был душой полка и вносил бодрость каждому поучительным примером, несмотря на то, что несколько раз был засыпан и сшибаем с ног воздухом от вражеских снарядов.

Труды и беззаветная преданность Родине и родному полку, военная доблесть, мужество и храбрость должны быть достойно отмечены.

4-й роты младший унтер-офицер
Фалько

ПОСЛЕДНИЕ БОЕВЫЕ ПРИКАЗЫ ПО 1-МУ ГВАРДЕЙСКОМУ КОРПУСУ

ПРИКАЗ

№ 36

по 1-й Гвардейской пехотной дивизии
24 октября 1917 г.³⁰

Сегодня ночью во исполнение приказа свыше командой добровольцев 2-го и 4-го батальонов, ударной команды, пеших разведчиков Лейб-гвардии Преображенского полка, командой пеших разведчиков и первого батальона и командой ружей-пулеметов «Шоша» Лейб-гвардии Семеновского полка и командой подрывников Роты 18-го июня Лейб-гвардии Саперного полка произведен поиск на укрепленную и оплетенную проволокой высоту Гжималув Могила*.

Дружным внезапным ударом без всякой подготовки Гжималув Могила в 4 часа 10 минут была взята. На Гжималув Могиле захвачена застава 25-го резервного батальона 7-го Егерского полка 197-й

* Одна из последних успешных боевых разведок тем более показательна, что была проведена гвардейцами (в числе которых были и Преображенцы) непосредственно накануне Октябрьского переворота, когда боеспособность частей Русской армии, в том числе и гвардейских частей, была уже очень невысока

германской пехотной дивизии; большая часть заставы (свыше 10 человек) переколота и перебита нашими ручными гранатами и взят один контрольный пленный. Кроме заставы убиты находившиеся при ней, по-видимому, для связи, два улана 14-го уланского полка с лошадьми.

Из военной добычи нами захвачен большой аккумуляторный прожектор, много оружия и обмундирования.

Налет был настолько стремительным, что проволока была разбрана вручную, и не пришлось даже применить подготовленные для подрывов удлиненные пироксилиновые заряды.

На захваченной заставе все сооружения противника были подорваны и совершенно разрушены, на что было истрачено 4 пуда пироксилина. После уничтожения всех укреплений противника высота Гжималув Могила была нами оставлена.

Внезапность и сила нашего удара были таковы, что противник даже не пытался оказать поддержки с соседних застав и не открыл артиллерийского огня.

Особенно ценным в этом лихом налете считаю, что важная и трудная задача была выполнена малой кровью, так как наши потери более чем в четыре раза меньше таковых же противника – с нашей стороны лишь ранено трое. [...]

Приказываю срочно представить всех отличившихся и, безусловно, всех участников атаки Могилы к наградам, для чего срочно созвать для рассмотрения отличий наградные думы. Постановления дум для моего утверждения ожидаю в течение текущей недели.

Кроме того, приказываю всех достойных срочно представить за особые боевые отличия к производству в следующие звания. [...]

Начальник дивизии
генерал-лейтенант

[Г. А.] Лихачев

Временно исполняющий должность
начальника штаба

капитан

[А. А.] Зайцов

ПРИКАЗ

№ 65

по 1-му Гвардейскому корпусу

6 ноября 1917 г.³¹

За последнее время деятельность противника на нашем фронте заметно оживилась. Ночью противник вел усиленные работы против высоты 344 у Познанка Гнила, по звуку работа будто бы выносилась вперед.

Партия противника пыталась атаковать нашу заставу в Поповой долине, что южнее Суцьки.

На фронте соседних армий противник произвел уже ряд нападений на различных участках. Подобных нападений можно ожидать и у нас.

Противник старается использовать смуту, царящую у нас в тылу. Необходима особая бдительность и полный порядок в частях и при несении службы, дабы дать достойный отпор обнаглевшему врагу.

Наша Родина переживает действительно трудные минуты, и в этот момент я ожидаю от всех солдат и офицеров полной готовности к отражению врага. [...]

Командующий корпусом
генерал-майор

[В. З.] Май-Маевский

Начальник штаба

генерал-майор

[Л. А.] Дроздовский

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ А. П. КУТЕПОВА ПО ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ ПОЛКУ

ПРИКАЗ

№ 322

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

5 декабря 1917 г.³²

д. Лука-Мала

§ 2

[...] Подтверждаю к точному исполнению § 1 приказа по полку от 1-го сего декабря за № 320 об упразднении всякого рода служебных чинов и званий и приказываю впредь на всякого рода служеб-

ных бумагах чины и звания не писать. Также запрещается, ввиду отмены титулов и сословных подразделений, употреблять при подписях слова: барон, граф, князь и т. д. В обращениях должны быть сохранены только названия по должности; общепринятыми формами обращения могут быть только две: «гражданин» и «товарищ» (гражданин командир полка или товарищ командир полка и т. д.) [...]

Командир полка
[А. П.] Кутепов

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ ПО ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ ПОЛКУ, В КОТОРОМ УПОМИНАЕТСЯ А. П. КУТЕПОВ

ПРИКАЗ

№ 325

по Лейб-гвардии Преображенскому полку

7 декабря 1917 г.³³

д. Лука-Мала

§ 7

Преображенцы: Александр Кутепов, Николай Квашнин-Самарин, Николай Вансович и Глеб Чагин прикомандировываются: первые двое к хозяйственному отделению и последний к строевому отделению полковой канцелярии для письменных занятий впредь до особых распоряжений.

Командир полка
[капитан]
И. [С.] Зыбин

А. П. КУТЕПОВ И ПРЕОБРАЖЕНЦЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

А. П. Кутепов ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ³⁴

*Отрывок из воспоминаний,
написанных генералом Кутеповым в 1926 году*

В первых числах января 1917 года командир полка свиты Его Величества генерал-майор [А. А.] Дрентельн уехал в отпуск, а через несколько дней вступивший во временное командование полком полковник [П. А.] Веденяпин тоже уехал, и тогда я вступил во временное командование Лейб-гвардии Преображенским полком.

Полк стоял на позициях вблизи деревень Свинюхи и Корытница у леса «Сапог». Положение на фронте было вполне спокойное: рыли лисьи норы, усиливали проволочные заграждения, копали ходы сообщения и вели легкую перестрелку с противником. Каждый офицер отлично понимал, что с наступлением весны начнутся решительные бои, которые должны привести к окончанию войны. За это говорила огромная работа в тылу: формировалось очень много новых дивизий, усиливалась тяжелая артиллерия, заготавливались артиллерийские склады и т. д., поэтому каждый офицер старался воспользоваться временным затишьем и поехать в отпуск. В период боев у нас в полку считалось неудобным уезжать.

По возвращении генерала Дрентельна из отпуска я уехал на три недели в Петроград, куда прибыл в двадцатых числах февраля. В первый же момент приезда я был поражен тем нервным настроением, которое царило там тогда – на вокзалах, в Гостином дворе, в Пассаже можно было видеть солдат в караульной амуниции, по улицам ходили толпы рабочих, каждый день происходили манифестации. В собрании нашего запасного полка на Миллионной улице, во время завтрака, я был удивлен тем разговором, который вели некоторые наши офицеры; так, например, капитан [А. П.] Приклонский и поручик [В. З.] Макшеев говорили, что необходимо дать ответственное правительство, дать большие права Государственной Думе и т. п. Приходилось с ними спорить и говорить, что когда ра-

бочие уже вышли на улицу, то надо сперва навести порядок, а не говорить о каких-то уступках и реформах; что необходимо, прежде всего, помнить, что каждый русский человек, а тем более офицер, должен поддерживать правительство, а не критиковать его. При этом я высказывал свое мнение, что так действовать, как действуют наши запасные полки, выведенные для охраны порядка, нельзя. Я видел на нескольких местах разомкнутые на один шаг друг от друга полуроты под начальством молодых офицеров, в большинстве не бывших на войне; эти заставы должны были не пропускать в известные районы публику, но это, конечно, не выполнялось, да и выполнять это было нельзя, так как районы не закрывались со всех сторон, вследствие чего публика набиралась с обеих сторон; она ругалась и кричала, и, в конце концов, всех пропускали. В результате ронялся авторитет офицеров в глазах солдат, разбалтывалась дисциплина, а толпа приучалась не выполнять распоряжений начальства. Поэтому мне казалось, что войска надо убрать и вызывать только в том случае, когда надо действовать оружием. Я эту точку зрения высказывал в присутствии полковника [В. И.] Павленкова, который был помощником генерала [А. Н.] Чебыкина*.

Павленков, совсем больной, учитывая серьезность положения в эти дни, решил вступить в исполнение своих обязанностей. Он, так же как и я, возмущался мнениями, высказываемыми Приклонским и компанией.

В Петрограде я остановился у своих сестер, на Васильевском острове. 27-го февраля в девятом часу утра меня вызвали к телефону. Так как я еще не встал, то просил сестру пойти переговорить. Она мне сказала, что поручик Макшеев просит меня спешно приехать на Миллионную. Предвидя что-то недоброе, я быстро оделся и, сев на извозчика, приехал в собрание на Миллионную, где поручик Макшеев мне сообщил, что в казармах Гвардейской конной артиллерии взбунтовалась часть Лейб-гвардии Волынского запасного полка и его учебная команда, что взбунтовавшиеся Волынцы ворвались в казармы нашей нестроевой роты, заставили присоединиться к себе солдат Лейб-гвардии Преображенского полка, а когда

* **Чебыкин Александр Нестерович** (1857–1920). Генерал-лейтенант свиты Его Императорского Величества. В 1916 – феврале 1917 г. – начальник всех запасных гвардейских батальонов и войсковой охраны Петрограда. С января 1917 г. – в отпуске по болезни, уволен от службы по болезни в мае 1917 г.

находившийся там, числящийся по общей армии, заведующий полковой швальней полковник Богданов хотел выгнать Волынцев со двора, то был там же ими заколот.

В первую очередь я спросил, где командир нашего запасного полка полковник князь [К. Д.] Аргутинский-Долгоруков, на что Макшев ответил, что он вызван к командующему войсками. В это время я увидел штабс-капитана [Л. Ф.] Эллиота старшего и других офицеров, служивших, как я помнил, на Кирочной. Я приказал им всем немедленно отправиться к своим ротам и находиться со своими солдатами. Одновременно с этим мне доложили, что из Градоначальства за мною прислали автомобиль, на котором командующий войсками генерал [С. С.] Хабалов приказал мне немедленно туда приехать.

Внизу в Градоначальстве меня встретил жандармский ротмистр, сказавший мне, что он ждет меня, так как ему приказано провести меня прямо к генералу Хабалову. Придя наверх, я нашел в довольно большой комнате генерала Хабалова, градоначальника генерала [А. П.] Балка, полковника Павленкова, кажется, генерала [М. И.] Тяжелникова – начальника штаба Петроградского военного округа и еще двух жандармских штабс-офицеров – все они были сильно растеряны и расстроены. Я заметил, что у генерала Хабалова во время разговора дрожала нижняя челюсть.

Как только я вошел, генерал Хабалов спросил меня: «Вы полковник Кутепов?» Я тотчас же ему явился, и он поспешил мне заявить: «Я назначаю Вас начальником карательного отряда». На это я ему ответил, что я готов исполнить всякое приказание, но что, к сожалению, нашего Лейб-гвардии Преображенского полка здесь нет, что я нахожусь в отпуске, никакого отношения к запасному полку не имею, и что, мне кажется, в этом случае надо назначить лицо, более известное в Петроградском гарнизоне. Генерал Хабалов довольно твердо мне сказал: «Все отпускные мне подчиняются, и я Вас назначаю начальником карательного отряда». На это я ему ответил: «Слушаю, прошу указать мне задачу и дать соответствующий отряд». Генерал Хабалов заявил: «Приказываю Вам оцепить район от Литейного моста до Николаевского вокзала и все, что будет в этом районе, загнать к Неве и там привести в порядок». Я ему сказал, что не остановлюсь перед расстрелом всей этой толпы, но что для оцепления ее мне надо не менее бригады. Тогда генерал Хабалов раздраженно сказал: «Дадим то, что есть под руками. Возьмите роту (из 48 рядов) Лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка с одним пулеметом, которая стоит против градоначальства, и идите

с ней по Невскому проспекту; в Гостином дворе возьмите роту Лейб-гвардии Преображенского запасного полка (в 32 ряда) и в Пассаже другую роту того же полка, того же состава. Сейчас от Николаевского вокзала сюда к Градоначальству идет пулеметная рота в 24 пулемета, возьмите из них 12 пулеметов себе, а остальные 12 пришлите нам». Я спросил генерала Хабалова: «А будет ли эта пулеметная рота стрелять?» Генерал Хабалов ответил, что, по его сведениям, это хорошая часть. Затем он прибавил, что дополнительно придет все, что возможно, и что сейчас уже отдано распоряжение роте Лейб-гвардии Егерского запасного полка двигаться к Литейному проспекту, чтобы поступить в мое распоряжение, и приказал мне идти выполнять возложенное на меня поручение.

Выйдя из Градоначальства, я увидел очень подтянутую роту Лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка с одним пулеметом. Рота произвела на меня хорошее впечатление, и я приказал вести ее по Невскому к Литейному проспекту. Около Гостиного двора ко мне присоединилась рота Лейб-гвардии Преображенского запасного полка под командой поручика Сафонова и из Пассажа рота поручика [А. А.] Брауна того же полка с прапорщиком [Н. В.] Кисловским. Поздоровавшись с ротами, я спросил ротных командиров, в каком состоянии находятся роты. Они мне ответили, что роты хорошие, но, к сожалению, они вчера не получили ужина и до сего времени ничего не ели. Я приказал им при первой же остановке купить ситного хлеба и колбасы и накормить людей.

На Невском проспекте, у Александрійского театра около магазина Елисеева, я встретил пулеметную роту, идущую к Градоначальству. Пулеметы и ленты люди несли на себе. Когда я поздоровался с ротой, то ответило только несколько голосов. В роте уже имелось распоряжение, что 12 пулеметов поступают ко мне. Когда я обратился к командиру полуроты, штабс-капитану, фамилии его не помню, и спросил, могут ли они открыть огонь по первому приказанию, то он очень смущенно мне заявил, что у них нет совсем масла и воды в козюхах. Я приказал ему послать за всем необходимым и на первой же остановке немедленно изготовить пулеметы к бою.

По виду Невского проспекта было уже около одиннадцати часов утра, но нельзя было ничего сказать, что что-либо происходит в Петрограде. Городовые стояли на местах, и только народу было меньше, чем обыкновенно.

Дойдя до угла Литейного и Невского проспектов, я приказал отряду остановиться, а сам пошел узнать у городского, не проходи-

да ли здесь рота Лейб-гвардии Егерского запасного полка. Городовой ответил, что никаких рот он не видал здесь. В это время на извозчике сюда подъехал командир Лейб-гвардии Преображенского запасного полка полковник князь Аргутинский-Долгоруков. Быстро соскочив с извозчика и заплетаясь в николаевской шинели, он бежал ко мне. Я пошел к нему навстречу. Он, волнуясь, сказал мне, что взбунтовавшаяся толпа солдат и рабочих подожгла Окружной суд и идет к Зимнему дворцу, и что генерал Хабалов приказал мне немедленно вернуться обратно. На это я ему ответил: «Неужели у вас, во всем Петрограде, только и имеется что мой так называемый карательный отряд? Значит, генерал Хабалов этим распоряжением, передаваемым через тебя, отменяет свое первое распоряжение?» Князь Аргутинский-Долгоруков на это ответил: «Прошу тебя поспешить идти к Зимнему Дворцу». Я возразил: «Идти обратно по Невскому нецелесообразно. Передай генералу Хабалову, что я пойду по Литейному проспекту, затем по Симионовской улице к цирку Чинизелли и выйду на Марсово поле, где, вероятно, я и увижу эту самую толпу». Сказав это, я приказал отряду двигаться за мной по Литейному проспекту.

Двигались в таком порядке: рота Лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка, пулеметная полурота, затем две роты Лейб-гвардии Преображенского запасного полка. Я шел впереди. Подходя к казармам Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады, на углу Литейного проспекта и Артиллерийского переулка я заметил группу офицеров Лейб-гвардии Литовского запасного полка. Далее было видно, как в казармах в это время били стекла, разбивали рамы и выбегали отдельные солдаты. Я остановил мой маленький отряд, и ко мне подошел полковник Лейб-гвардии Литовского полка, который, как я понял из разговора, оказался командиром своего запасного полка. Он мне рассказал, что по Басковой улице к казармам подошла предводительствуемая штатскими толпа солдат его же запасного полка и Лейб-гвардии Волынского запасного полка и что, ворвавшись в казармы во двор, эта толпа стала требовать от солдат, находившихся в казармах, присоединения к ней. Я спросил его, какие же меры он принял, на что он мне ответил, что сделать ничего не мог и что солдаты в казармах перешли на сторону взбунтовавшихся.

В это время был виден пожар Окружного суда, и оттуда слышались отдельные выстрелы и редкая пулеметная стрельба в нашем направлении: вдоль Литейного свистели отдельные пули.

Видя серьезность положения в этом месте, я решил, что не могу уйти отсюда для выполнения приказа генерала Хабалова, переданного мне через полковника князя Аргутинского-Долгорукова, и послал подпоручика Скосырского по телефону передать в Градоначальство обстановку всего происходящего в районе казарм Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады и предупредить, что я принял решение остаться и действовать в этом районе. Затем я сейчас же разомкнул роту Кексгольмцев на три шага во взводной колонне и выдвинул ее к дому князя Мурузи, откуда, как мне доложили, обстреливали пулеметами, и приказал выяснить обстановку в районе Преображенского собора, Собрания армии и флота, Киричной улицы и у Орудийного завода и, в случае сопротивления и действия бунтующих, немедленно открыть по ним огонь. Одну роту Лейб-гвардии Преображенского запасного полка с поручиком Сафоновым, выделив в его распоряжение четыре пулемета от пулеметной роты, я отправил закрыть Бассейную улицу со стороны Надеждинской, а также Баскову улицу, выходящую на Бассейную. Одновременно я отдал приказание в случае движения толпы в направлении роты немедленно открывать огонь. Одним взводом с пулеметом из роты поручика Брауна закрыть Артиллерийский переулок, выходящий на Литейный проспект.

Во время отдачи этих приказаний я заметил, что много солдат Литовцев, в большинстве своем с винтовками и в караульной амуниции, выскакивают из окон и выходят на Литейный, собираясь кучками на тротуаре. Видя также, что офицеры Литовского запасного полка продолжают стоять группой и никаких распоряжений солдатам не отдают, я через своего Преображенского унтер-офицера приказал им прийти ко мне. Все они отчетливо явились, а один из них заявил мне, что в казармах поднялась такая суматоха, что они не знают, что делать. Я приказал на Литейном проспекте открыть два двора в ближайших домах и отдал распоряжение командиру Лейб-гвардии Литовского запасного полка приказать своим офицерам собрать всех этих солдат и приводить их там в порядок.

Вслед за этим, подойдя к пулемету, стоящему у Артиллерийского переулка и направленному на Баскову улицу, я был удивлен, найдя его не заряженным. Когда я приказал его зарядить, то командир полуроты, стоявший здесь, сказал, что у них в кожухах нет воды и глицерина, а также нет смазки, и что пулемет не может быть изготовлен к бою. В это время мне доложили, что толпа солдат, заполнявшая Баскову улицу, совершенно мирно и спокойно стоит, и

что унтер-офицер Лейб-гвардии Вольнского запасного полка просит прийти туда кого-либо из господ офицеров. Я немедленно послал к нему старшего унтер-офицера Лейб-гвардии Преображенского запасного полка Маслова, который быстро ко мне возвратился и доложил, что солдаты очень хотели бы построиться и пойти в свои казармы, но боятся, что их будут судить и расстреливать, и поэтому они просят прийти кого-либо из господ офицеров, чтобы их успокоить и построить.

Выслушав Маслова, я подошел к углу Артиллерийского переулка и, увидев, что там, главным образом, находятся солдаты Лейб-гвардии Литовского запасного полка, предложил их командиру пойти построить их и привести сюда ко мне, на что он наотрез отказался. Тогда я ему сказал: «Удивляюсь, что Вы боитесь своих солдат. Вы должны исполнить Ваш последний долг перед ними. Если Вы боитесь пойти, то пойду я». И я сам пошел к ним.

Когда я подходил к углу Басковой улицы и Артиллерийского переулка, то ко мне, отделившись от толпы солдат, подошел очень отчетливый офицер Лейб-гвардии Вольнского запасного полка. Держа все время руку под козырек, он доложил, что солдаты хотели бы пойти в свои казармы, но боятся, что за все, что произошло, их будут расстреливать. Тогда я, идя по направлению к толпе солдат, громко сказал: «Всякий, кто построится и кого я приведу, расстрелян не будет». Услышав это, передние солдаты с радостными лицами схватили меня, подняли на руки и просили, чтобы я громко повторил это всем.

На руках у солдат я увидел всю улицу, заполненную стоящими солдатами (главным образом Литовского и Вольнского запасных полков), среди которых было несколько штатских, а также писарей Главного штаба и солдат в артиллерийской форме. Я сказал громким голосом: «Те лица, которые сейчас толкают вас на преступление перед Государем и Родиной, делают это на пользу нашим врагам-немцам, с которыми мы воюем. Не будьте мерзавцами и предателями, а останьтесь честными русскими солдатами».

В ответ на мои слова раздалось несколько голосов: «Мы боимся – нас расстреляют». А два-три других голоса крикнули: «Товарищи! Он врет, вас расстреляют». Я опять заявил громко: «Приказываю вам построиться. Я полковник Лейб-гвардии Преображенского полка Кутепов, только что приехавший с фронта. Если я вас приведу, то никто из вас расстрелян не будет. Я этого не допущу». И, приказав спустить меня на землю, отдал распоряжение унтер-офицерам строить всех своих солдат.

Сейчас же унтер-офицеры начали кричать: «Литовцы, Волинцы такой-то роты, строиться сюда!». Вся толпа зашевелилась, но через некоторое время несколько унтер-офицеров подошли ко мне и доложили, отчетливо держа руку у козырька: «Ваше Высокоблагородие, разрешите строиться по названию казарм, так как очень перепутались, и у некоторых рот нет унтер-офицеров». А затем знакомый мне уже унтер-офицер Лейб-гвардии Волинского запасного полка доложил, что как раз их две роты помещаются в казармах напротив, и что он просит разрешения всех Волинцев этих рот прямо увести на двор этих казарм. Я ему разрешил.

В это время, когда я говорил с унтер-офицерами, из шапочной мастерской, на углу Басковой улицы и Артиллерийского переулка, выскочило около десятка штатских и несколько писарей. У одного из них я заметил револьвер на поясе.

Унтер-офицер Лейб-гвардии Волинского запасного полка, громко крича: «Волинцы таких-то рот, за мной!», шел по направлению к воротам, и Волинцы, видно было, отделялись от толпы и шли за ним. В другой части толпы слышались команды – «строиться по казармам» – и одновременно возгласы – «нас расстреляют», «бей его!». Часть солдат толпой бросилась бежать по направлению к Преображенскому собору, другая же часть разбежалась по казармам. Около меня осталось человек двадцать солдат Литовского запасного полка, которые вместе со мною пошли к роте Лейб-гвардии Преображенского запасного полка поручика Сафонова. Я приказал ему – немедленно одним взводом с пулеметом закрыть Басков переулок и ворота, где во дворе были уже построены две роты Волинского запасного полка, распустить их по казармам и никого оттуда не выпускать, а также передать унтер-офицеру мою благодарность и сказать ему, что я его назначаю временно командовать этими двумя ротами.

В это время Кексгольмцев начали обстреливать со стороны Оружейного завода, где бегали отдельные люди, но толпы не было видно. Я приказал немедленно роте Кексгольмцев открыть огонь, обстрелять Литейный проспект и Орудийный завод и, двигаясь вперед, занять одной полуротой Кировскую улицу по направлению к Суворовскому проспекту; если же там будет толпа, открыть по ней огонь; другой же полуроте занять направление к Орудийному заводу, проверить караул в казначействе и усилить его одним пулеметом. Роте Лейб-гвардии Преображенского запасного полка с поручиком Брауном я приказал двигаться по Басковой улице и, вый-

дя к Преображенскому собору, очистить Саперный переулок и другие прилегающие сюда улицы.

Вслед за этим все офицеры мне заявили, что необходимо накормить людей, так как их роты не обедали, а Преображенцы даже и не ужинали. Ввиду этого я срочно послал штабс-капитана Преображенского полка [Ф. А.] Головина, случайно здесь находившегося, к генералу Хабалову, чтобы просить его сделать распоряжение о доставке пищи для солдат, а также объяснить ему все происходящее здесь и просить прислать более боеспособную команду пулеметчиков. По телефону дозвониться в Градоначальство мы уже не могли.

Когда я отдавал все эти распоряжения, ко мне подошла команда человек в пятьдесят под начальством офицера, который доложил мне, что он прибыл из Царского Села в мое распоряжение с командой разведчиков Лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества запасного полка. Мне очень не понравился вид этой команды. Когда я с ней поздоровался, она ответила довольно вяло, и сейчас же после ответа раздалось из строя: «Мы еще сегодня не обедали!». Я приказал начальнику команды немедленно узнать, кто это сказал, и, отведя команду в ближайший двор, привести ее там в порядок.

Почти одновременно с этой командой прибыл в мое распоряжение эскадрон Гвардейского Кавалерийского запасного полка. Не успел я отдать ротмистру приказание, как он заявил мне, что лошади плохо кованы, люди не ели и устали от большого перехода, и что им надо дать отдых. Довольно громким голосом я сказал ротмистру, что удивляюсь, как при такой обстановке он просит у меня дать отдых. Отрешив его от командования, я назначил поручика временно командующим эскадроном и приказал ему двигаться с эскадроном к цирку Чинзелли, выяснить обстановку в районе Марсова поля и действовать там, в случае надобности, решительно. Это приказание я отдал во исполнение приказания генерала Хабалова, отмены которого до сих пор не было.

Затем я отправился к Собранию армии и флота и подошел к роте Кексгольмцев, полурота которых под начальством штабс-капитана (по-видимому, призванного из запаса) находилась на Литейном проспекте. Ротный командир этой роты был на Кировной улице, где около церкви Лейб-гвардии Саперного батальона собралась толпа, которая разбивала окна и старалась проникнуть в казармы Жандармского дивизиона. Взвод Кексгольмцев, открыв огонь, разогнал эту толпу.

В это время со стороны Литейного орудийного завода и с колокольни Сергиевского всей артиллерии собора открыли огонь по полуроте Лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка и по мне. Несколько человек были ранено легко и четверо тяжело.

Солдаты, не бывавшие под огнем, бросились под ворота и в Собрание армии и флота. Я немедленно приказал подобрать раненых и отнести их в дом графа Мусина-Пушкина, где помещалось Управление Красного креста Северного фронта. Там я попросил организовать перевязочный пункт и принять всех раненых. Одновременно принесли двух раненых Лейб-гвардии Преображенского запасного полка с площади Преображенского собора. Приказав поставить под воротами дежурное отделение и изготовить пулемет, чтобы обстрелять перекрестным огнем Оружейный завод и угол Сергиевской улицы, я послал подтверждение поручику Брауну действовать более решительно в районе Лейб-гвардии Саперного запасного полка.

Вслед за этим мне донесли, что со стороны Марсова поля к Пантелеймоновской улице движется толпа, направляющаяся к Литейному проспекту, и в то же время ко мне прибыла из Царского Села рота Лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии запасного полка под командой штабс-капитана [Д. С.] Розенбаха. Я приказал ему вместе с ротой встать на углу Пантелеймоновской и Моховой улиц и встретить толпу огнем, а сам пошел посмотреть раненых в доме графа Мусина-Пушкина. Едва я успел войти в дом, как мне сообщили, что на Сергиевской улице собирается много автомобилей и, когда я подошел к углу Кирочной и Литейного и приказал полуроте Кексгольмцев изготовиться и разогнать эти автомобили, из-за угла Сергиевской улицы вылетело несколько машин, облепленных рабочими с красными тряпками и винтовками. Беспорядочно стреляя, они направились по Литейному проспекту. Немедленно был открыт огонь, и все машины, кроме одной, были брошены вместе с убитыми на Литейном проспекте, часть же людей убежала. Одна из машин продолжала быстро двигаться по Литейному; рабочие, облепившие автомобиль, падали на мостовую, но шофер, как видно раненый, все же на полном ходу повернул машину и уехал обратно. Вся эта машина была прострелена пулями, а стекла ее были разбиты. Я приказал собрать всех убитых и перенести их в пустой каретный сарай одного из домов на Литейном проспекте. От всех убитых рабочих сильно пахло спиртом. В это время ко мне прибежал штабс-капитан Розенбах, бледный, с обор-

ванным погоном, и доложил, что, выйдя на угол Пантелеймоновской и Моховой улиц, солдаты его роты смешались с толпой, пытавшейся его избить и оторвавшей у него шашку.

Я немедленно пошел сам на Пантелеймоновскую улицу и по дороге встретился с шедшей ко мне ротой Лейб-гвардии Семеновского запасного полка с двумя офицерами прапорщиками [Н. К.] Соловьевым и [С. А.] Эссеном IV. Почти одновременно с Семеновцами подошла и рота Лейб-гвардии Егерского запасного полка, которая должна была прийти еще утром. Этой роте я приказал оставаться впредь до моего распоряжения около казарм Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады. Здесь же мне было доложено, что прапорщик Кисловский, идя с докладом ко мне от поручика Брауна, был убит. Когда я сам выводил роту Семеновцев на Пантелеймоновскую улицу, то толпа, увидев роту, очистила эту улицу. Я приказал прапорщику Соловьеву встать с ротой на Пантелеймоновской улице и, в случае нового появления толпы, открыть по ней огонь. Услышав же со стороны полуроты Кексгольмцев крики – «не стреляй!» – я поспешил туда и увидел офицера, идущего по Литейному проспекту от Артиллерийских казарм и делающего Кексгольмцам знаки, чтобы они не стреляли. Заметив на груди у этого офицера большой красный бант, я приказал открыть по нему огонь. Он сначала быстро побежал, но вскоре упал. Здесь же доложили мне, что с центральной телефонной станции отвечают, и что возможно переговорить с Градоначальством. Я пошел к телефону в доме графа Мусина-Пушкина. В это время уже смеркалось. Все прилегающие к моему району улицы были насыщены толпами рабочих. Когда я подошел к телефону, то с центральной станции мне сказали, что «из Градоначальства никто не отвечает уже с полудня». После выяснилось, что генерал Хабалов с градоначальником и со всем штабом перешел в Адмиралтейство, но так как меня об этом никто не предупредил, то все мои попытки связаться с ним ни к чему не привели. Генерал Хабалов не потрудился ни разу выслать ко мне кого-либо из офицеров для ознакомления с обстановкой. На центральной станции о переходе генерала Хабалова в Адмиралтейство известно не было.

В момент моего разговора по телефону я увидел, как в подъезд дома, в котором я находился, вбегали солдаты Лейб-гвардии Семеновского запасного полка, неся смертельно раненых прапорщиков Соловьева и Эссена IV. За ними бежали солдаты Лейб-гвардии Преображенского запасного полка – все были с винтовками, и в течение пяти минут весь дом был заполнен вооруженными солдатами.

Когда я вышел на улицу, то уже было темно, и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая, хлынув из всех переулков, с криками тушила и разбивала фонари. Среди криков я слышал свою фамилию, сопровождаемую площадной бранью. Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может. Я вошел в дом и, приказав закрыть двери, отдал распоряжение накормить людей заготовленными для них ситным хлебом и колбасой. Ни одна часть своим людям обеда не выслала.

Образовавшийся в доме графа Мусина-Пушкина лазарет был довольно большой – свыше трех процентов Лейб-гвардии Преображенского и Лейб-гвардии Кексгольмского запасных полков лежало ранеными, и тут же среди них были умирающие прапорщики Соловьев и Эссен IV, вскоре оба скончавшиеся. Труп прапорщика Кисловского сюда не был принесен.

Управление и администрация временного лазарета просили меня вывести из дома здоровых солдат. Тогда я поблагодарил последних за честное до конца исполнение своего долга и приказал им, сложив винтовки и патроны на чердак, разделиться на небольшие группы под начальством своих унтер-офицеров и идти по казармам.

Хозяева дома, видя вокруг него возмущенную и кричащую по моему адресу угрожающие возгласы толпу и боясь за свой дом, предлагали мне переодеться в штатское и уйти, но я наотрез от этого отказался и, сказав, что я при первой возможности оставлю их дом, послал своих двух унтер-офицеров посмотреть, где я могу выйти из дома. Вскоре вернулся старший унтер-офицер Маслов и сказал, что ко всем возможным выходам из дома поставлены вооруженные команды рабочих, которые ждут моего выхода, и что мне выйти совершенно невозможно. Тогда я отпустил этих двух унтер-офицеров и остался один.

Поздно ночью ко мне пробрался ефрейтор учебной команды Лейб-гвардии Преображенского запасного полка, с которым фельдфебель учебной команды прапорщик Лисов прислал мне солдатское обмундирование, чтобы я, передевшись, мог выйти из своего заточения, но мне был противен какой-либо маскарад, и я от этого отказался.

Проснувшись утром 28 февраля довольно поздно и напившись чаю, который мне дали во временном лазарете, я подошел к окну «своей» маленькой гостиной и увидел Литейный проспект, сад Собрании армии и флота и угол Кирочной улицы – всюду бродили

вооруженные рабочие, не спускавшие глаз с окон дома графа Мусина-Пушкина. В это время из-за угла Кирочной улицы выехали две броневые машины и два грузовика. Все они были наполнены вооруженными рабочими, среди которых было несколько солдат. Машины остановились посреди Литейного проспекта, и рабочие, соскочив с них, начали галдеть, все время показывая на окна. В этом приняли участие и гуляющие по Литейному рабочие. Затем, направив пулеметы на окна верхнего этажа дома, все они пошли к подъезду.

В это время в мою гостиную вбежала сестра милосердия и стала уговаривать меня надеть халат санитаря, так как, по ее словам, приехали рабочие и солдаты, чтобы убить меня. Попросив ее оставить меня одного в гостиной, я сел на маленький диванчик в углу и стал ждать прихода представителей новой власти.

Гостиная, бывшая длиной меньше восьми шагов и шириной шагов пять, имела две двери – одни вели в ряд комнат, идущих вдоль Литейного проспекта, другие, обращенные к окнам, выходили на площадку вестибюля. Напротив первых дверей было большое зеркало в стене, напротив вторых – также зеркало между окнами. Сидя в углу, я видел, как по комнатам бежали двое рабочих с револьверами в руках. Случилось так, что на порогах обеих дверей моей комнаты одновременно появились рабочие с револьверами в руках. Посмотрев друг на друга и, увидев, вероятно, в зеркалах только самих себя, они повернулись и ушли, не заметив меня.

Все в доме, как и я, были очень удивлены, что я не был арестован этими вооруженными рабочими.

Найдя на чердаке сложенные там винтовки и патроны, рабочие снесли их в грузовики и, не тронув раненых, уехали по Кирочной улице, вероятно, в Государственную Думу.

Я подошел к окну и увидел печальную для себя картину – в строю, по отделениям и с оркестром музыки, шли по Литейному проспекту солдаты Лейб-гвардии Преображенского запасного полка, потом они повернули на Кирочную улицу. Впереди них шли четыре подпрапорщика. Одного я отлично помню – это был подпрапорщик Умрилов.

Было тяжело смотреть на эту картину и не хотелось верить, что все уже кончено. Зная настроение и состояние частей на фронте, я верил, что в ближайшее время будут присланы части, которые наведут порядок в Петрограде.

После отъезда рабочих «моя разведка» донесла, что наблюдение за домом прекращено, но я решил до вечера никуда не уходить.

Хозяева дома после его осмотра рабочими отнеслись к моему присутствию спокойно.

Около четырех часов дня меня вызвал к телефону поручик Макшеев и сказал мне, что все офицеры нашего запасного полка, собравшись и обсудив положение, решили признать новую власть, и спросил мое мнение. На это я ему ответил: «Не позорьте имени полка! Я не думаю, что все уже кончено. Достаточно того позора, который я видел сегодня утром в окно, когда Преображенцы, хоть и запасного полка, но все же Преображенцы, шли в Государственную Думу».

Вечером я попросил доставить меня на Миллионную улицу в наше собрание на одном из санитарных автомобилей. Около восьми часов вечера во двор был подан санитарный автомобиль, и я, оставив оружие в Управлении Красного креста Северного фронта, сел между шофером и врачом. Мне было дано удостоверение, что я начальник санитарной колонны. Быстро выехав со двора на Литейный проспект, мы повернули затем на Набережную, откуда проехали прямо на Миллионную. По дороге нас несколько раз останавливали, но доктор очень бойко говорил: «Товарищи, мы вызваны подобрать раненых в Павловское училище, там только что был бой. Прошу вас не задерживать нас». И нас пропускали. Таким образом, я благополучно добрался до нашего собрания на Миллионной улице.

В собрании меня встретили наши офицеры. Все они были сильно расстроены, и у многих был подавленный вид. Капитаны [Б. В.] Скрипицын и Приклонский, а также поручик Макшеев рассказали мне, как роты Лейб-гвардии Преображенского запасного полка были построены на Дворцовой площади в полном порядке, но начальство никуда не решилось их двинуть. Они просили меня пройти по казармам и побеседовать с отдельными солдатами для того, чтобы внушить им необходимость порядка и исполнения долга.

Я обошел все роты. Везде был полный порядок. Дежурные являлись, люди шли пить чай, и только в нескольких местах громко о чем-то спорили, но при моем появлении становились смирно (это было после вечерней переключки). Только двух солдат Государевой роты я встретил выпившими. Должен сказать, что я не ожидал увидеть в таком хорошем состоянии роты запасного полка. Но, несмотря на этот порядок, все же чувствовалось среди солдат напряженное настроение.

Вернувшись в собрание, я поделился с офицерами своими впечатлениями и посоветовал им на следующий день занять солдат чем-нибудь до обеда, а также увеличить число дневальных, после

же обеда отпустить всех желающих в отпуск, соблюдая все правила увольнения.

В течение этого времени для меня был приготовлен автомобиль и пропуск за подписью председателя Государственной Думы, и я, в сопровождении двух кадровых унтер-офицеров, поехал на Васильевский остров к моим сестрам, находившимся в сильном беспокойстве за мою участь.

Когда, прощаясь, я поблагодарил унтер-офицеров, то они меня спросили: «Что же будет дальше, Ваше Высокоблагородие?» Я им ответил, что нам надо до конца оставаться Преображенцами и выразил надежду, что порядок в конце концов будет восстановлен.

На следующий день, 1 марта, я пошел завтракать на Миллионную улицу в собрание. Там капитаны Скрипицын и [Ю. И.] Холодовский сообщили мне, что одну из главных ролей в Государственной Думе играет Генерального штаба полковник князь [Г. Н.] Туманов, командовавший у нас в полку для ценза 16-й ротой, и, зная мои хорошие с ним отношения, просили меня поехать к нему и сказать, что так дальше продолжаться не может и что надо теперь же спасать положение. Сначала я не хотел ехать, но потом, видя царивший всюду хаос, согласился.

Приехав вместе с Холодовским в Государственную Думу, я был возмущен всем тем беспорядком, который увидел там. Я стал спрашивать, где находится полковник князь Туманов, но никто не мог мне этого сказать. Тогда я сам стал входить во все комнаты и залы, у дверей которых стояли часовые Лейб-гвардии Преображенского запасного полка. Им было вменено в обязанность никого не пропускать, но меня никто нигде не задерживал.

Войдя в одну из комнат, я увидел человек сорок общественных деятелей, вероятно, членов Государственной Думы, и среди них несколько офицеров. Все они обсуждали вопрос: что лучше, монархия или республика? Перебив какого-то оратора, я первый раз в жизни выступил с речью и сказал им, что удивляюсь их пустым разговорам, когда надо говорить только о том, как навести порядок, чтобы спасти положение. Я сказал также, что если не сделать этого сейчас, то потом будет уже поздно, и что все они будут стерты толпой с лица земли.

Хлопнув дверью, я ушел и, войдя в Большой зал, наткнулся на полковника [Б. А.] Энгельгардта. Зная, что он состоит комендантом Государственной Думы, я обратился к нему с вопросом, какие он намерен принять меры для водворения порядка? Он мне ответил, что только что назначен Градоначальником города Петрограда

доктор медицины Юрьевич, который и наведет все порядки. На это я ему сказал, что надо теперь же поставить вместо городских тех солдат, которые в продолжение почти двух лет стояли вместе с городскими на остановках трамваев и на углах улиц для поддержания порядка, и имели в то еще время красные комендантские повязки на рукавах, и, что если эти солдаты будут нести знакомые им обязанности городских, то толпа сразу почувствует, что есть на улице какая-то власть. На это полковник Энгельгардт мне ответил: «Прошу вас не учить». Тогда я ему сказал: «Да я не только учить, но даже разговаривать с вами не желаю, но помните, что никакие доктора вас не спасут». Повернувшись от него, я вышел из Думы.

На подъезде я встретил толпу, несущую [М. В.] Родзянко, окруженного красными флагами. Другая толпа в это время разбирала сложенные в вестибюле пулеметы и патроны и уносила их из Государственной Думы.

Расстроенный всей этой картиной, я пошел пешком на Васильевский остров и решил, прекратив свой отпуск, ехать скорее на фронт, в полк.

2-го марта я пошел на Миллионную улицу, чтобы попрощаться с офицерами и заявить им о своем отъезде на фронт.

Подходя к Миллионной, я увидел стоящую против наших казарм цепь с винтовками и, когда хотел пройти в подъезд, один из солдат очень смущенно меня остановил, сказав тихим голосом, что приказано никого не пропускать в собрание. Тогда я приказал этому солдату вызвать ко мне караульного начальника, что он немедленно и исполнил, и ко мне явился маленького роста ефрейтор с офицерской шашкой и револьвером, который довольно развязно, не беря руки под козырек, спросил меня: «Что вам надо?». В свою очередь, указывая рукой на цепь, я его тоже спросил: «Что все это значит?». В ответ он мне заявил, что все солдаты ушли на Кирочную улицу выбирать командира полка, а все офицеры полка арестованы в собрании, и прибавил: «А кто вы будете?». На это я, улыбаясь, сказал ему: «Имею честь служить Лейб-гвардии в Преображенском полку», на что он сказал: «В таком случае я вас должен арестовать». Резким голосом я ему ответил: «Вот когда ты повоюешь в рядах нашего полка столько, сколько я, и будешь знать всех господ офицеров, тогда мы с тобой поговорим». Сказал это и пошел по направлению к Зимнему дворцу.

На Дворцовой площади я увидел Преображенца, стоявшего на посту у подъезда Штаба округа. Войдя в подъезд, я встретил кара-

ульного начальника штабс-капитана [Н. Н.] Квашнина-Самарина. Он заявил мне, что караул находится двое суток без смены, и он не знает, что делать дальше. Он обратился ко мне с просьбой пройти в помещение караула и поблагодарить солдат за хорошее несение службы.

С построенным караулом я поздоровался, поблагодарил за службу и сказал, что ввиду несения третий день службы считать караул как команду, высланную для охраны Штаба округа, и часовых перевести на положение дневальных, которым разрешено днем сидеть на постах, а также обещал принять меры к скорейшей смене. Затем, вызвав заведующего зданием, я попросил его лучше кормить людей, на что он выразил полную готовность. Действительно, он выдал солдатам горы ситного хлеба, колбасы, чаю, сахару и проч. Солдаты были вполне довольны.

Из Штаба округа я направился в Зимний дворец, где также бессменно стоял караул от учебной команды Лейб-гвардии Преображенского запасного полка. Караульным начальником был, насколько мне помнится, поручик [В. И.] Огнев. Пройдя в караульное помещение и разговаривая там с караульным начальником и караульным унтер-офицером, я узнал от них, что караул несколько раз не допускал во двор дворца рабочих и матросов, и что все время к часовым на постах подходят отдельные люди, старающиеся их распропагандировать. Они меня просили скорее устроить смену караула другой частью.

Поздоровавшись с построенным караулом и поблагодарив его, я так же, как и в Штабе округа, разрешил ему считаться с этого момента командой. Некоторые наружные посты распорядился снять и поставить парных дневальных у ворот дворца. После этого я послал караульного унтер-офицера к подпрапорщику Лисову с тем, чтобы он распорядился выслать новый караул.

Вызвав к телефону помощника заведующего Зимним дворцом, я попросил его выдавать караулу побольше сахару, хлеба и вообще обставить солдат как можно лучше. Я был весьма удивлен, услышав от него ответ, что ему трудно будет исполнить мою просьбу, так как все возможное уже сделано, и выдача сахара уже увеличена на четверть золотника на человека.

После такого ответа я прекратил разговор с этим господином и стал звонить в Гвардейский экипаж, который, по слухам, был единственной частью, находившейся в полном порядке. На мою просьбу выслать караул в Зимний дворец дежурный по Экипажу заявил,

что даже и думать об этом не приходится. Тогда я позвонил в Лейб-гвардии Павловский запасной полк (от встреченного на Миллионной унтер-офицера этого полка я знал, что у них уже выбрали командира полка). К телефону подошел сам новый «командир полка» – какой-то штабс-капитан, сказавший мне, что, к несчастью, он действительно выбран новым командиром Лейб-гвардии Павловского запасного полка, но что он не знает, где находятся его люди, не знает даже количества винтовок у себя в полку и, кроме того, сомневается, будут ли исполняться какие-либо его приказания, и что ввиду этого он никакого караула выслать не может.

Подпрапорщик Лисов прислал сказать, что все люди ушли на Кирочную улицу выбирать командира полка, поэтому смену караулу он выслать не может. Приказав караульному начальнику написать письмо адъютанту нашего полка о необходимости принятия им мер к смене караулов в Зимнем дворце и Штабе округа, а также в Адмиралтействе, я вышел из дворца и направился к себе домой.

Часто приходилось слышать, что Преображенцы запасного полка изменили своему долгу, но, зная, как они действовали на Литейном проспекте, как построенные роты на площади Зимнего дворца не присоединились к восставшим и находились в полном распоряжении генерала Хабалова и как караулы Преображенцев несли свою службу в течение трех суток без смены, я думаю, что все эти обвинения должны отпасть.

Конечно, в дальнейшем и Преображенцы запасного полка были увлечены общей революционной волной, и менее устойчивые чины его присоединились к общему течению, но большинство чинов нашего запасного полка честно выполняло свой долг до тех пор, пока существовала власть в Петрограде.

На Николаевском мосту я встретил одного из моих братьев и младшую сестру, ждавших меня, чтобы предупредить, что мне необходимо немедленно уехать из Петрограда, так как после моего ухода из дому три раза приходили матросы, чтобы арестовать меня. Я вместе с ними пошел домой. Не доходя до дома, мы выслали мою сестру «на разведку» – не ждут ли меня на квартире «товарищи-матросы».

Дома я застал в полной панике нашу старую прислугу Захаровну, умолявшую меня сейчас же уехать из Петрограда. Она все время приговаривала: «Ведь одне рожи-то их чего стоят. Отца родного убьют – не пожалеют, а уж вас и подавно». Особенно она была в претензии на одного матроса, укравшего у нее во время обыска пятнадцать фунтов сахара.

Ввиду столь настойчивых визитов «товарищей-матросов» я решил немедленно уехать из Петрограда. Взяв с собой маленький саквояж и уложив в него самые необходимые вещи и свой наган, я отправился в сопровождении своего брата на Царскосельский вокзал. На вокзале, запруженном солдатами, мне сказали, что поезда по Царскосельской линии не ходят, и неизвестно, когда еще пойдут. Тогда я пошел пешком на Николаевский вокзал с тем, чтобы ехать в полк кружным путем через Москву, Воронеж, Киев. На Николаевском вокзале брат взял билет, и я, сев в первый попавшийся поезд, выехал из Петрограда около семи часов вечера 2-го марта.

* * *

В купе, где я сидел, всю ночь шли разговоры о республике и монархии, о преимуществах Великого князя Михаила Александровича перед Государем и т. п. Все это слушать было тошно, и я ехал, притворяясь спящим, но не мог заснуть всю ночь.

Железнодорожное движение было сильно нарушено, и поезда шли с большим опозданием, так как «товарищи-железнодорожники» тоже праздновали революцию. На рассвете, на станции Тверь, поезд остановился на десять минут.

Выйдя на платформу и прогуливаясь вдоль поезда, я обратил внимание на двух солдат, которые стремительно шли, направляясь ко мне. Оба были с револьверами в руках.

Подойдя ко мне, один из них крикнул: «Руки вверх!» Я, не поднимая рук, спросил: «В чем дело? – и прибавил. – Вероятно, вы думаете, что у меня есть оружие, но после постоянных обысков и осмотров, я полагаю, что ни у одного офицера не осталось револьвера». На это один из солдат заявил: «Здесь в поезде говорят, что вы расстреливали народ в Петрограде». Не успел я ему сказать – «не всякому слуху верь», как раздался третий звонок, и мои собеседники-«товарищи», оставив меня, бросились в вагон.

Я быстро вошел в купе своего вагона, взял саквояж и на ходу выскочил из поезда.

Сделав остановку у начальника станции и спокойно позавтракав, я сел на прямой вагон «Петроград – Москва – Воронеж» скорого поезда и продолжил дальше свое путешествие.

Почти не выходя из вагона, я добрался до Воронежа, где сейчас же перешел в другой поезд и через Киев приехал на фронт в свой полк. Там я спокойно вздохнул, так как обстановка в полку была почти без изменения. Солдаты прекрасно несли службу, был полный порядок и чинопочитание.

Шли только разговоры об организации полкового комитета.

Кругом, в нашем полку, и особенно среди офицеров, чувствовалось тяжелое настроение и волнение за судьбу России, Государя Императора и всея Его Семьи...

ОТВЕТ А. П. КУТЕПОВА НА ДОКЛАД БЫВШЕГО ПЕТРОГРАДСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА А. П. БАЛКА ОБ УЧАСТИИ ПРЕОБРАЖЕННОГО ПОЛКА В ПОДАВЛЕНИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Письмо в редакцию³⁵

В издаваемой вами газете «Новое Время» 1-го сего августа помещен отчет г. Рэне Санса о докладе, прочитанном в Белграде бывшим градоначальником Балком.

В этом докладе градоначальник Балк будто бы сказал, что «во время беспорядков в столицу был вызван отряд Преображенского полка, под командой полковника Кутепова (ныне генерал от инфантерии). Этот отряд и расставлял пулеметы на крышах. Полиции было приказано, как это всегда делается – оказать содействие. Впечатление создалось, что действовала полиция».

Считаю своим долгом указать:

Лейб-гвардии Преображенский полк все время находился в действующей армии, к сожалению, с фронта не был вызван и вследствие этого не мог принять участия в подавлении Февральской революции.

Сам я в конце февраля приехал с фронта в Петроград в отпуск, и утром 27 февраля был вызван в градоначальство генералом [С. С.] Хабаловым. Генерал приказал мне принять командование над сборным отрядом из гвардейских запасных батальонов, всего численностью до 500 штыков. Этот отряд был из молодых и не бывших на фронте солдат, действовал он в районе Бассейной, Кирочной и Литейной улиц. Здесь отряд был несколько раз обстрелян из пулеметов, расставленных на крышах, отчего главным образом и были понесены потери – 3 офицера и 10 солдат убитыми и до 30 солдат ранеными. Некоторые из этих пулеметов отрядом были захвачены, причем оказалось, что при них рабочие орудийного артиллерийского завода и Выборгского района, а при одном было два человека, плохо говоривших по-русски, и которые при опросе пока-

зали, что они будто бы финны. Никаких пулеметов, обслуживаемых полицией на крышах домов, и самой полиции в назначенном мне районе я не видал, равно как не расставляли пулеметы на крышах и чины моего отряда. Отряд все время энергично применял оружие только на самих улицах.

1 августа 1923 г.

г. Белград

Генерал

[А. П.] Кутепов

ПОКАЗАНИЯ ПОДПОРУЧИКА [В. В.] ЛЫЩИНСКОГО-ТРОЕКУРОВА О ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЯХ В ПЕТРОГРАДЕ³⁶

Приблизительное изложение показаний подпоручика [В. В.] Лыщинского-Троекурова* в ночь с 6 на 7 марта 1917 года**

Подпоручик Лыщинский-Троекуров производит впечатление совершенно сумасшедшего и лишившегося какого-либо самообладания человека.

Официальная должность – младший офицер 4-й роты запасного батальона [Лейб-гвардии Преображенского полка].

Дни 24-го, 25-го и отчасти 26 февраля прошли в непрерывных нарядах и караулах, согласно плану охраны и приказов по батальону. В батальоны начали прибывать новобранцы, точного количества которых подпоручик Лыщинский-Троекуров не помнит.

* **Лыщинский-Троекуров Владимир Владимирович** (?–1968). Князь, поручик Лейб-гвардии Преображенского полка. После революции в распоряжении русского военного агента во Франции, помощник начальника Междусоюзного бюро в Париже. В эмиграции проживал во Франции.

** Изложение событий Февральской революции со слов подпоручика Лыщинского-Троекурова представляет особый интерес в сравнении с приведенными ранее воспоминаниями о февральских событиях А. П. Кутепова. Записанные всего через несколько дней после отъезда Лыщинского-Троекурова из Петрограда на фронт, они, несмотря на некоторую сумбурность, дают наглядную картину настроений офицерства в запасном батальоне Лейб-гвардии Преображенского полка и других войсковых частях, расквартированных в городе. Очевидно, что полного понимания и осмысления событий, произошедших в столице, в начале марта на фронте еще не было. В приказах по Преображенскому полку, отдававшихся, как и в дру-

На 27 февраля он был назначен наблюдателем в Таврических казармах. Утром, не заступив еще в наряд, он был вызван по телефону дежурным своей роты, который доложил, что в Таврические казармы проникнуть нельзя, так как они окружены взбунтовавшимися толпами Литовцев и Волынцев. Наряд дежурства был отменен, и вследствие сего подпоручик Лыщинский-Троекуров принял участие в движении отряда полковника Кутепова в район Литейной улицы.

Первоначально рота поручика Сафонова, где подпоручик Лыщинский-Троекуров командовал взводом, имея офицерами прапорщика Княжовского 2-го и поручика [А. А.] Брауна, действовала в районе Бассейной и даже перешла к Саперным казармам по Преображенской улице. Роты оружием не действовали согласно указанию поручика Брауна, передавшего подпоручику Лыщинскому-Троекурову, что на собрании офицеров решено оружием не действовать.

гих воинских частях, ежедневно, в первые дни марта наблюдается трехдневный перерыв (с 28 февраля по 4 марта), что свидетельствует о растерянности командования. Не случайно, что стенографировавший показания Лыщинского-Троекурова офицер характеризовал его как человека, испытывавшего глубокий нервный срыв, и явно сумасшедшего.

В февральские дни, в отсутствие какого-либо четкого и внятного руководства со стороны высшего командования и паралича гражданской власти в Петрограде, почти никто из офицеров, включая командира запасного батальона, не решился взять на себя ответственность по наведению порядка в городе. Обращает на себя внимание требование, высказанное батальоном на совещании с думским депутатом: «Подчинить войска одному, всеми уважаемому лицу и восстановить порядок на улицах». Однако это требование осталось лишь пожеланием: гражданские власти контроль над ситуацией стремительно теряли, а среди военного руководства фигуры, способной взять на себя смелость действовать самостоятельно и решительно, также не нашлось.

Офицеры, которые в обстановке уже разросшихся в столице беспорядков пытались восстановить дисциплину в подчиненных им частях и порядок на улицах, были убиты. Большая же часть офицерства, не желая брать на себя ответственность, избегая кровопролития, выжидая дальнейшего развития событий и открыто опасаясь за свою жизнь, по сути уклонилась от участия в событиях. Многие из офицеров, полностью потеряв контроль над ситуацией, вольно или невольно участвовали в революционных событиях в Петрограде, принимая назначения новой революционной власти. В этом свете действия по наведению порядка фронтовика А. П. Кутепова, случайно оказавшегося в Петрограде и не обладавшего никакой реальной властью, выглядят исключением на общем фоне происходившего в те дни в столице.

Было часов свыше 12, по городу слышна редкая пальба, толпу удавалось разгонять довольно легко. Из района Саперных казарм рота была обстреляна пулеметным огнем от крыши. Согласно переданному приказанию взводы начали стягиваться к полковому собору, все время пробиваясь сквозь толпу. Рота поручика Брауна была в это время между собором и Знаменной.

Около 15 часов взвод был в районе дома [нрзб.] со стороны Литейного проспекта и Симеоновской улицы, была слышна стрельба роты, при коей был полковник Кутепов.

В то же время со стороны Пантелеймоновской появилась большая, частью вооруженная толпа, состоящая наполовину из солдат, особенно Семеновского полка. Получив приказание остановить ее движение, подпоручик Лыщинский-Троекуров со своим взводом [двинулся] вперед, но из 16 рядовых многие начали [разворачиваться], заходя во дворы, прячась, особенно старался команды связки младший унтер-офицер Маслов.

С оставшимися 10 нижними чинами и прапорщиком Княловским 2-м он пытался остановить толпу, что ему уже почти будто бы удалось, когда в группе, окружившей прапорщика Княловского, загорелся спор, и Княловский, вынув револьвер, стал его заряжать. В него в упор выстрелили... Прапорщик Княловский упал, и его начали живого и мертвого колоть штыками, причем кололи и наши люди. Нижние чины после сего окончательно разбежались, к ним присоединился и подпоручик Лыщинский-Троекуров, убежавший под беспорядочным обстрелом толпы. С одиночными людьми ему удалось достигнуть роты поручика Брауна, находившегося в районе полкового собора. К роте несколько раз выходил генерал [В. С.] Гадон, узнававший о положении дела.

Роты продолжали таять, разбежались также и люди, бывшие при полковнике Кутепове. Тогда, по рассказам, он один пошел в толпу и так с ней говорил, что его долго качали и несли на руках. Крики «Ура!» слышны были подпоручику Лыщинскому-Троекурову лично.

Во время присоединения к поручику Брауну к ним подошла часть Кексгольмцев при офицерах. Они были очень возмущены, почему наши не начали стрелять, но с утра нижние чины дали понять, что стрелять не будут, почему и приказание о начале стрельбы отдано не было. Дабы не дать окончательно разбежаться людям, по совещанию с поручиком Брауном решено [было] ввести нижних чинов в помещение Преображенской читальни, где роты и находи-

лись до позднего вечера, когда поодиночке вернулись на Миллионную. Согласно приказанию [батальонного] адъютанта [офицеры] шли без оружия, дабы свободно пройти по улицам.

Вечером в собрании на Миллионной было много офицеров, причем было отдельное совещание, в котором приняли участие полковник [К. Д.] Аргутинский-Долгоруков*, полковник Дворжицкий, капитаны [А. П.] Приклонский, [Б. В.] Скрипицын, [С. А.] Мещеринов, [Ю. И.] Холодовский, штабс-капитан [Н. Д.] Нелидов, поручики [В. З.] Макшеев, Головин, и, может быть, еще кто-либо, и один из депутатов Государственной Думы, по-видимому, [А. Ф.] Керенский. Прибыл ли он сам или был вызван – подпоручик Лыщинский-Троекуров не знает. От батальона было поставлено требование: подчинить войска одному, всеми уважаемому лицу и восстановить порядок на улицах – депутат уехал, дав обещание скоро вернуться с ответом.

Из разговоров подпоручик Лыщинский-Троекуров слышал, что 1-я рота признана ненадежной, но что учебная и пулеметная команды в руках, и на них можно положиться. В совещании, происходившем в кабинете за билльярдной, хотел принять участие капитан Лейб-гвардии 3-го стрелкового полка, который стоял ротой неподалеку, но его не пустили.

В ночь на 28-е в Зимнем дворце состоялось совещание высших военных чинов, и были части [гвардии] и артиллерии. Для выяснения туда были отправлены прапорщик барон [В. Г.] Розен, а по его возвращении решено, что на совещание отправятся полковник князь Аргутинский-Долгоруков, что он и сделал, сопровождаемый прапорщиком бароном Розеном. По возвращении князя Аргутинского-Долгорукова из дворца было совещание в адъютантской комнате, на котором были князь Аргутинский-Долгоруков, Дворжицкий, Приклонский, Макшеев, Скрипицын, возможно Холодовский, и может быть Мещеринов и [В. Н.] Тимченко-[Рубан]. Что говорилось на совещании, неизвестно, но слышны были слова, сказанные князем Аргутинским-Долгоруковым, что стрелять нельзя, что люди нас [разорвут] если мы отдадим этот приказ, и поэтому во дворце ответа не давать, а ждать конца переговоров с Думой. Разговоры

* Командир запасного батальона, полковник князь К. Д. Аргутинский-Долгоруков еще в июле 1916 года был командиром 2-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка. Именно у него принял командование батальоном 30 июня капитан А. П. Кутепов (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1151. Л. 3).

с различными депутатами шли все время, причем к телефону подходили то Макшеев, то Приклонский, то Скрипицын.

Все офицеры ночевали на Миллионной, частью в собрании, частью в [нрзб.] Так как подпоручик Лыщинский-Троекуров не спал, то подошел к телефону, когда ночью звонил адъютант управления Гвардейских запасных частей штабс-капитан Толстой, просивший к телефону командира батальона. Князь Аргутинский-Долгоруков приказал передать, что его нет, а потому Лыщинский-Троекуров записал телефонограмму с приказанием [нрзб.] во что бы то ни стало 1/2 роты Егерей и донести, на сколько дней хватит в батальоне припасов. Телефонограмма эта утром отослана по приказанию полковника князя Аргутинского-Долгорукова полковнику Дворжицкому. Вторично была телефонограмма из Главного штаба с просьбой о высылке роты на помощь, так как толпа, разгромив Управление казачьих войск на Караванной, шла к штабу. Полковник князь Аргутинский-Долгоруков вновь приказал ответить, что он неизвестно где.

В течение той же ночи поступило требование Думы арестовать Совет министров, заседавший в Адмиралтействе – дает ответ не категорический, а что батальон не желает играть в политику, а после нескольких минут сообщил, что разведка выяснила присутствие при Адмиралтействе множества артиллерии, полуроты пехоты [нрзб.] и конницы, а потому батальон вообще бесцелен против такого отряда.

Поздней ночью из Думы сообщили, что Петропавловская крепость с утра будет громить Зимний дворец и Адмиралтейство. Несмотря на предложение [нрзб.] это сделано не было.

28 февраля

С утра, от 7–8 часов, двор казармы на Миллионной начал наполняться нашими нижними чинами – частью с винтовками, частью без, причем раздавался шум и крик. По улицам в это время начали двигаться толпы. Видя необходимость успокоить людей, полковник князь Аргутинский-Долгоруков, Макшеев, [В. В.] Розеншильд-[Паулин], Приклонский, он (Лыщинский-Троекуров. – *Прим. сост.*) и другие вошли на плац и тотчас были окружены. Капитаны Скрипицын и Мещеринов на дворе не были. Люди начали настойчиво требовать выдачи арестованных, и подпоручик Лыщинский-Троекуров советовал командиру батальона это выполнить. Князь Аргутинский-Долгоруков прошел с большим трудом к караульному помещению, принял рапорт от бывшего в наряде караула офицера и чинов Его Величества роты (из состава 1-й роты),

а арестованных не освободил, толпа же нижних чинов в это время начала выходить на Миллионную. Нижние чины говорили, что [нрзб.] выгоняли взводные командиры. Когда главная масса нижних чинов вытекла на улицу, господа офицеры вернулись в собрание, причем высказывалось мнение между ними поручика Макшеева, что единственным способом успокоить людей явится построение батальона и движение его к Государственной Думе. В это время как со стороны улицы, так и со стороны двора открылась беспорядочная стрельба, причем было выбито пулями два-три стекла. Тогда по инициативе командира батальона господа офицеры вышли на улицу, а капитан Приклонский – в учебную команду.

Толпа нижних чинов была в полном беспорядке, частью вооружена, полковник князь Аргутинский-Долгоруков приказал ему (Лыщинскому-Троекурову. – *Прим. сост.*) распоряжаться и приводить людей в порядок. Во время тщетных своих попыток подпоручик Лыщинский-Троекуров увидел батальонного адъютанта, который, поручив ему продолжать распоряжаться, сам отправился вызывать учебную команду, куда уже ушел капитан Приклонский со своим младшим офицером. На улице появился оркестр, очевидно, вызванный батальонным адъютантом, и толпа стихийно, но в полном беспорядке повалила к Марсову полю.

Первое время на Миллионной улице шел командир батальона и кое-кто из господ офицеров. Помнит он прапорщика [Д. С.] Татищева и помнит, что прапорщик [М. Г.] Муханов не пошел. Новые попытки устроить порядок на Марсовом поле были тщетны, хотя сами нижние чины достали верховую лошадь, которую и предложили для удобства подпоручику Лыщинскому-Троекурову. На Марсово поле [пришли] уже все офицеры, а на Садовую попал он один, причем шедшие толпы другие, также наполовину из солдат, кричали: «Ура офицеру, который идет с нами в Думу!», «Молодцы Преображенцы, что идут в Думу!». Толпа нижних чинов, окончательно смешавшись, с выстрелами и т. п. шла по Садовой, Невскому, Литейному и Сергиевской, где смешалась с толпой Семеновцев. Все время лошадь под Лыщинским-Троекуровым была окружена вооруженными чинами.

По улицам нередко выстреливала пулеметная и ружейная пальба с крыш. К Таврическому дворцу подошла толпа в таком беспорядке, что нельзя было ее никак привести в стройный вид, и можно было только разобрать часть 1-й роты и специальной команды. Подпоручик Лыщинский-Троекуров пошел искать депутатов и, найдя

кого следует, доложил, что привел Преображенцев. Кто-то обещал выйти, но долго никого не было, а в это время подпоручика Лыщинского-Троекурова нашел один из нижних чинов 4-й роты запасного батальона и доложил, что ротный командир штабс-капитан [Л. Ф.] Эллиот неизвестно где, а что рота [стоит] на Таврической улице и рота [нрзб.] и что просят прийти его, так как его любят.

Покинув первую толпу, подпоручик Лыщинский-Троекуров отправился на Таврическую, где в полном порядке был встречен ротой, дружно ответившей на приветствие и кричавшей «Ура!». Подождав обещанного депутата и не дождавшись, подпоручик Лыщинский-Троекуров уговорил роту идти обедать в манеже академии, что и было исполнено. После обеда люди начали волноваться и требовать, чтобы их вели в Думу. Почти одновременно неизвестно от кого пришло приказание – роте немедленно идти занимать караулы в Таврическом дворце. Подпоручик Лыщинский-Троекуров повел роту и в два-три [часа] дня был в Думе, где встретил штабс-капитана Эллиота, оказавшегося начальником охраны Думы, и стал его помощником, расставляя караулы. Там были поручик Макшеев, обязанности которого на Миллионной исполнял барон Розен. По-видимому, командир батальона в это время тоже был там же.

Никто к пришедшим ротам не выходил и не здоровался, но там он уже слышал, что [М. В.] Родзянко с кем-то говорил. В помещении Думы был большой беспорядок, а специальные караулы все время сдерживали толпу... В это же время [он] видел в Думе поручика Брауна и поручика Старовича, который имел первый из всех [красную] повязку на левом рукаве. Днем какая-то настолько дикая толпа ворвалась в Думу, что было штабс-капитаном Эллиотом приказано стрелять, но люди стрелять не стали, и тогда, чтобы уйти от напора толпы, были высажены окна, и он [выскочил] со многими через окно в сад и добрался до манежа 4-й роты. В манеже ему сказали, что люди 2-й и 3-й рот уже третий день сидят без офицеров и требуют себе офицера. Он отправился в расположение 2-й роты, имея при себе пропуск от кого-то из членов Думы, назначавшего его командиром 4-й роты запасного батальона. При входе во 2-ю роту был встречен угрожающими криками – «чего два и три дня не были» и т. п. Приведя помещение [нрзб.] роты в повышенный порядок, [он] стал спускаться по лестнице, когда снизу шли подпоручики [В. С.] Радкович и [Г. А.] Небольсин, причем они сильно на него накричали, что он ввязывается не в свое дело, а подпоручик Радкевич разорвал в клочья выданный ему приказ.

Видя ссору офицеров, нижние чины стали вокруг них толпиться, когда откуда-то появился неизвестный прапорщик, весьма грубый, который сразу сильно накричал на людей, покрыл их отборной матерщиной и сразу навел окончательный порядок, после чего приказал собрать совещание при подпрапорщиках и выборных от взводов. Пока все проходило – стемнело; появился вооруженный автомобиль, который увез поручиков Радковича и Небольсина в Думу; его же неизвестный прапорщик вывел из казармы и предложил убираться, после чего подпоручик Лыщинский-Троекуров отправился в Думу. Ночь прошла в содержании караулов и сдерживании толпы. Совещания шли в кабинете Родзянко, равно появились и рабочие, которые начали вести анархическую пропаганду.

Ночью в Думе были Мартынов, Браун и Арцимович.

1 марта

Утро прошло спокойно, по городу одиночная стрельба. [...] По возвращении в роту ему было доложено, что рота переизбрала себе новое начальство, фельдфебелем был выбран Воронков. Рота признала штабс-капитана Эллиота командиром, а штабс-капитана [Н. К.] Логрена, Трусова и Лыщинского-Троекурова – командирами литерных рот. В присутствии Лыщинского-Троекурова новый фельдфебель скомандовал смирно и сказал, что ротный командир просит доложить следующее объявление: «Бывший Государь, после отречения Романов, задержан на станции Бологое, но скрылся и бежал в Германию. Железная дорога отказалась вести его в Германию и забастовала, а потому – Ура!»

В роте началось собрание, а потому штабс-капитану Логрену и подпоручику Лыщинскому-Троекурову сказали, что они мешают и могут идти домой, а если будут нужны, то их вызовут по телефону. Отправившись домой, Лыщинский-Троекуров провел часть времени дома, а когда в самом доме началась стрельба и грабёж квартиры Пиллар фон Пильхац, они ушли черным ходом и пробрались часам к трем-четырем дня на Миллионную. На Миллионной – работа по нарядам. В карауле адъютант [нрзб.] прапорщик барон Розен, предложивший идти в караул. Командир батальона резко заметил штабс-капитану Логрену и подпоручику Лыщинскому-Троекурову, что они должны быть на местах в своих ротах. Так как в роту идти было нельзя, то Лыщинский-Троекуров пошел в Думу.

В Думе происходили прения у рабочих и депутатов из рот разных частей. Лыщинский-Троекуров вызвал на спор одного из рабо-

чих, доказывая, что Преображенцы пришли только для поддержания порядка. К вечеру беспорядки увеличились, и Лыщинский-Троекуров слышал, как рабочие исполнительного комитета (громадный процент жидов) науськивали солдат на своих офицеров и на Исполнительный комитет Думы, который ими приговорен к смерти. Появилось много пьяных. Видел прапорщика Стаховича в совершенно невменяемом состоянии. Разновременно арестовывались и едва не были расстреляны штабс-капитан Эллиот, поручик Макшеев и прапорщик Мартынов. К ночи был приведен к полковнику [Б. А.] Энгельгардту арестованный четырьмя пьяными нижними чинами полковник князь Аргутинский-Долгоруков, обвиняемый в том, что будто бы лежал на крыше бани с пулеметом и стрелял. Только заступничество штабс-капитана Эллиота спасло князя Аргутинского-Долгорукова от ареста.

Остаток ночи проведен в Думе.

День 2 марта

С утра полное отсутствие порядка. Нижние чины перестали оказывать какое-либо подчинение и требовали, чтобы для контроля при каждом офицере было по два нижних чина. Ввиду прежнего своего желания и говоря в Думе, что больше работать он не в силах, подпоручик Лыщинский-Троекуров получил распоряжение штабс-капитана Эллиота устроить себе через второго помощника коменданта прилагаемое при сем удостоверение, причем выехал [нрзб.] домой уже под выстрелами, хотя ехал в думском автомобиле. Написал дома свидетельство и, вернувшись в Таврический дворец, отправился в военный комитет, где председательствовал генерал [А. С.] Потапов. Там видел полковника Мансурова и полковника [В. И.] Павленкова. В Думе были Аргутинский-Долгоруков, поручик Стахович и подпоручик Небольсин – в красных повязках, причем Стахович ему (Лыщинскому-Троекурову) сказал, что хотя у него повязка, но его все равно убьют, ибо он приговорен. Вышеперечисленные офицеры возмущались, почему Лыщинский-Троекуров [едет] и спрашивали, как он достал разрешение, на что Лыщинский-Троекуров отвечал, что его здесь все знают и потому дали бумагу.

В этот день было много выборов начальствующих лиц, будто бы выбрали командиром запасного батальона подпрапорщика Белоковаленко. Говорили, что во многих запасных батальонах убито много офицеров. Вернувшись домой на автомобиле, подпоручик Лыщинский-Троекуров прибыл на вокзал, причем потребовал себе

место на основании думского бланка, каковой предъявил при контроле, пересадках и начальнику поезда. В пути же познакомился с генералом [Б. Г.] Гартманом и Уланского Его Величества полка полковником [Г. К.] Дворжицким. Генерал Гартман был очень любезен, усадил в свое купе. При отъезде на вокзале группа нижних чинов навеселе попыталась было произвести обыск, но подпоручиком Лыщинским-Троекуровым была остановлена. [...]

По прибытии в Киев подпоручик Лыщинский-Троекуров купил шашку и объехал два-три части, желая встретить (наших) офицеров, едущих в Петроград, и предупредить их о положении. В Ровно была попытка уехать на автомобиле, но не удалась, и он прибыл в Луцк под вечер. В вагоне он был заперт, вышел дежурный офицер и, проводив [нрзб.] Лыщинского-Троекурова, сразу его арестовал, шашка была взята [нрзб.] и он был отправлен прямо к генералу [Д. И.] Гурко. Сначала Гурко [нрзб.] накричал, грозил отдать под полевой суд, если он что-либо будет рассказывать у себя в полку. Потом генерал Гурко расспросил подробности и даже подал руку. [...]

На мои вопросы подпоручик Лыщинский-Троекуров говорит, что в дороге вообще рассказывают о петроградских делах, и говорит, что едет из Думы в Преображенский полк. В Думе было множество офицеров Гвардии... [...]

Приложение: Удостоверение и предписание № 61.

По сведениям, полученным в пути, Государь Николай Александрович находится в Могилеве.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ФРОНТЕ

ТЕЛЕГРАММА

Верховного главнокомандующего

[5 марта] 1917 г.³⁷

Повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли Русского народа, и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь Родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе.

Верховный главнокомандующий
генерал-адъютант

Николай

ПРИКАЗ

№ 56

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
10 марта 1917 г.³⁸

[...]

§ 3

Согласно приказу по корпусу от 8 сего марта за № 35* приказываю: 1) отменить наименование «нижний чин», в надлежащих случаях заменить его названием «солдат»; 2) отменить титулования, заменив таковое формой обращения «господин генерал», «господин полковник», «господин штабс-ротмистр», «господин хорунжий», «господин врач», «господин унтер-офицер», или по должности «господин отделенный»; 3) при обращении ко всем солдатам как по службе, так и вне ее, говорить им «Вы»; 4) отменить все ограничения, установленные для воинских чинов ст. 99, 100, 101, 102, 104 «Устава внутренней службы», воспреещающими курение на улицах и в общественных местах, посещение клубов и собраний, езду внутри трамвая, участие в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью и проч. [...]

Командир полка
Свиты Его Величества генерал майор
*[А. А.] Дрентельн***

ПРИКАЗ

№ 57

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
11 марта 1917 г.³⁹

[...]

§ 2

Согласно полученному повелению Верховного главнокомандующего привести войска к присяге, предписываю полковому священнику, ввиду нахождения полка на позиции, привести Преобра-

* Приказ по корпусу повторяет ряд положений знаменитого приказа № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по частям Петроградского военного округа, с которого началась «демократизация» Русской армии, приведшая через несколько месяцев к ее развалу.

** Известный своими монархическими взглядами командир Преображенского полка А. А. Дрентельн, спустя несколько дней после февральских событий, продолжал подписывать приказы по полку как «Свиты Его Величества генерал-майор».

женцев к присяге во время нахождения батальонов в дивизионном резерве*.

Католики, лютеране и магометане будут приведены к присяге распоряжением дивизионного комитета.

§ 3

Роте Его Величества отныне именоваться 1-й ротой. [...]

Командир полка
генерал майор
[А. А.] Дрентельн

ПРИКАЗ

№ 63

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
19 марта 1917 г.⁴⁰

[...]

§ 3

Завтра в 14 часов в районе расположения дивизионного резерва состоится присяга, на которую прибыть всем еще не присягавшим Преображенцам.

Форма одежды: господам офицерам при полном снаряжении, солдатам при караульной амуниции с винтовками. [...]

Командир полка
генерал-майор
[А. А.] Дрентельн

ПРИКАЗ

№ 70

по Лейб-гвардии Преображенскому полку
27 марта 1917 г.⁴¹

[...]

§ 4

Завтра, 27 марта в 14 часов в дивизионном резерве состоится присяга для еще не присягавших Преображенцев, совместно с которыми будет присягать и делегация от запасного батальона.

Командир полка
генерал-майор
[А. А.] Дрентельн

* Согласно приказам по полку, приведение находившихся на фронте Преображенцев к присяге Временному правительству проходило без каких-либо эксцессов и растянулось почти на весь март. В отсутствие в первые недели революции политической борьбы на фронте и наличия по-

ПРИКАЗ

по 1-й Гвардейской пехотной дивизии⁴²

№ 73

от 30 марта 1917 г.

село Садово

Утверждено постановлением дивизионного комитета от 25 и 29 марта 1917 г. послать делегацию к Временному правительству со следующим единогласно принятым обращением:

«1-я Гвардейская пехотная дивизия, стоящая на страже народных интересов, с восторгом приняла присягу на верность Родине и с чувством искренней радости подчиняется Временному правительству, держащему в своих руках власть до созыва Учредительного собрания.

Как один человек, все чины дивизии считают, что светлая заря свободы над Святой Русью может засиять только после полной победы над врагом, смотрят как на изменников делу освобождения на помышляющих лишь о скорейшем конце [войны]. Мы должны кончить войну, восстановив попранные права, обеспечив себе самостоятельность во всех областях жизни и уничтожив на будущее время возможность кровопролития. Теперь же единение внутри, единение с союзниками, все силы и умение и весь порыв для победы, а за ней – дни счастья Великой России.

Мы полагаем потому, что можем требовать от наших запасных батальонов, чтобы они напрягли все силы исключительно для пополнения хорошо обученными бойцами рядов родных полков. В минуты всеобщего подъема не страшна реакция – победа закрепит навсегда великие идеалы человечества.

В трудную минуту правительство приняло власть.

Старая разруха создала условия, при которых от правительства требуется исключительный государственный ум, свобода действий и железная твердость.

Никакие посторонние влияния не должны оказывать на него давления. Только при полном доверии к представителям лучших людей Земли Русской и поддержкой их усиленной работой, каждо-

следнего приказа Государя как Верховного главнокомандующего по армии, в котором содержался призыв к продолжению войны и подчинению армии Временному правительству, приказов нового Главнокомандующего, Великого князя Николая Николаевича, принятие присяги прошло, по сути, незаметно, о чем говорит и публикуемое ниже обращение 1-й Гвардейской дивизии к Временному правительству Преображенцы приводились к присяге партиями, во время нахождения в дивизионном резерве

го на своем деле, Россия победит и получит новое бытие. С сильным волнением мы следим из окопов за событиями в Петрограде и видим слишком много странности, слов и скороспелых решений.

Мы считаем, что в условиях военного времени это тормозит созидательную работу правительства.

Пожар страстей может расшатать власть.

А тогда грозной тучей повиснет чудовищный призрак анархии, и в ней погибнут лучшие чаяния русского народа – свобода и победа.

1-я Гвардейская пехотная дивизия просит Временное правительство верить, что с легким сердцем и твердой, ничем незыблемой решимостью, готова поддерживать и защищать от посягательств на его власть, откуда бы они ни исходили, в уверенности, что оно будет править на основах возвешенной им программы».

Временно командующий дивизией
генерал-майор
[В. А.] Круглевский

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

к Преображенскому полку его командира генерал-майора
А. А. Дрентельна, с объяснением причин ухода в отставку⁴³

Дорогие, родные друзья мои!*

С чувством особой сердечной боли обращаюсь я к Вам, прося выслушать меня, понять великую скорбь, которую я переживаю, и, поняв все, простить.

С первых же тяжелых для меня дней февральских событий Вы выказали мне так много трогательного участия, и если не всякий мне открыто говорил, что понимает, насколько тяжка моя душевная рана, то я и здесь чувствовал на себе соболезнование.

* Генерал-майор А. А. Дрентельн был уволен в отставку по прошению с мундиром и пенсией приказом по армии и флоту от 27 апреля 1917 года (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1278. Л. 14). Согласно воспоминаниям В. В. Свечина (*Свечин В. Генерал Кутепов // Генерал Кутепов. Сборник статей. Новосибирск, 2005. С. 181*) и В. В. Дейтриха (*Дейтрих В. Преображенского полка последний командир // Там же. С. 201*) Дрентельн был отправлен в отставку военным и морским министром временного правительства А. И. Гучковым за близость к Николаю II. Вполне вероятно, что, несмотря на публикуемое письмо с объяснением причин ухода из полка по болезни, генерал-майор Дрентельн, не скрывавший своих монархических взглядов, после февраля 1917 года вынужден был уйти в отставку, как и многие другие высшие офицеры Русской армии. Преемником Дрентельна по посту командира полка стал полковник А. П. Кутепов.

Я не находил и не нахожу слов, чтобы выразить Вам за это проявление чутких и добрых сердец Ваших моей самой глубокой благодарности. Верьте, Дорогие Друзья, что только оно, это иногда даже бессловесное участие, как подтверждение Ваших так бесконечно мною ценимых отношений к своему командиру с первых дней нашей совместной службы, и любовь к Вам удержали меня расстаться с Вами при первом же известии об отречении Государя, не быть рядом с которым в такие тяжкие минуты – самое тяжелое испытанное мною доселе душевное горе. Вы знали о моей преданности к Нему и поймете, что я был бы счастлив остаток дней моих и сил отдать теперь Ему, всеми оставленному. Вы поймете также, что в мои года изменить своим верованиям невозможно, и нельзя сжиться с новым укладом жизни тому, для которого все умерло, что было с детства свято, во что веровал, чему молился. Не будь войны, я бы ни минуты не колебался, но общая и святая обязанность во имя цельности дорогой нашей Родины победить во что бы то ни стало сильного и упорного врага удержала меня, невзирая на все ухудшающееся состояние моей больной ноги, оставаться во главе дорогого полка и не покидать свою родную семью до конца войны. Узнав, что раньше начала мая никаких активных действий на нашем фронте не предвидится, я решил на хотя бы короткое лечение, чтобы затем вернуться, разделить с полком его боевую службу. Но, видно, не суждено этому осуществиться – доктора предписывают долгое и непрерывное лечение. Приходится склониться перед волею судьбы и, поборов свою безграничную печаль, расстаться с Вами.

Дорогие друзья, не в состоянии выразить Вам мою самую душевную благодарность за то счастливое время для меня, когда я, стоя во главе родного полка, гордился как этой высокой выпавшей на мою долю честью, так и счастливым сознанием Вашего ко мне доверия и расположения. Благодарю Вас от всего горячо любящего Вас сердца и благословляю на новые подвиги под сенью нашей полковой святыни. Я прошу простить мне, если невольно чем-либо кого обидел или огорчил, и в моем будущем страшном без Вас одиночестве не оставить Вашего бывшего командира и старшего товарища теми же добрыми отношениями, которыми Вы меня наградили.

Да хранит Вас Господь и да даст он Вам сил исполнить свой долг перед Родиной в наших доблестных и славных боевых рядах.

От всей души, как люблю Вас, обнимаю.

Александр Дрентельн
30 апреля 1917 г.

ЗАПАСНОЙ БАТАЛЬОН ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА: ОТ ЛУЧШЕЙ ЗАПАСНОЙ ЧАСТИ К ГВАДИИ РЕВОЛЮЦИИ*

ОБРАЩЕНИЕ

выбранного солдатами командира батальона
к солдатам своего батальона⁴⁴

3 марта 1917 г.

Вчера на общем собрании выборных от солдат батальона (по пять человек от каждой литерной роты) солдаты постановили избрать:

Командиром батальона подпоручика Заринга, батальонным адъютантом поручика [В. З.] Макшеева, начальником хозяйственной части штабс-капитана [Л. Ф.] Эллиота, делопроизводителем хозяйственной части зауряд-военного чиновника Кромкина и батальонным казначеем старшего унтер-офицера Рыболова.

Поименованные офицеры уверены, что им солдатами будет оказано полное доверие, а сами обещают с ними работать дружно и заодно.

* Запасной батальон Лейб-гвардии Преображенского полка, комплектовавший один из старейших полков Русской Императорской армии, традиционно был одним из лучших в войсках. Большую роль в высоком уровне подготовке кадров в Преображенском полку сыграл накануне войны штабс-капитан А. П. Кутепов, командовавший продолжительное время учебной командой и отправившийся на фронт с началом Великой войны. Его опыт в военной подготовке неоднократно использовался и на фронте. Так, в феврале 1916 года Кутепов был назначен председателем комиссии Преображенского полка по выявлению степени подготовки нижних чинов, прошедших месячный курс в команде для теоретической подготовки унтер-офицеров (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1146. Л. 11).

Большие потери Гвардии на фронте делали вопросы быстрой и качественной подготовки пополнения основных полков еще более важными. Однако находившиеся в тылу запасные части, привлекаемые к охране порядка, в первую очередь подвергались воздействию настроений населения и революционной пропаганде, что не столько снижало уровень их боевой готовности, сколько делало политически неблагонадежными. В результате находившиеся в Петрограде запасные батальоны гвардейских полков с началом в феврале 1917 года революционных беспорядков, по мере проявления нерешительности и бессилия властей в городе, не только не ликвидировали их, а постепенно втянулись в них, сыграв важную роль в установлении новой власти. По выражению А. П. Кутепова, наблюдавшего развитие событий, «Преображенцы запасного полка были увлечены общей револю-

Желание офицеров и солдат едино – восстановить полный порядок, дабы начать новую светлую жизнь нашей любимой, ныне СВОБОДНОЙ РОССИИ.

Первым делом надо с честью и славой окончить войну – это желание народа, желание войска.

Новое народное правительство, избранное Исполнительным комитетом Государственной Думы и Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с князем Львовым, победило внутренних врагов – старое несостоявшееся правительство – к нему возврата нет – ныне оно поведет нашу Родину к скорой и славной победе над внешним врагом.

В этом не сомневается народ, не сомневается армия. Но, чтобы новое правительство могло плодотворно работать, необходимо спокойствие внутри страны, нужен порядок в войсках. Вот к достижению этого порядка и должны теперь стремиться офицеры и солдаты в совместной работе.

ционной волной, и менее устойчивые чины его присоединились к общему течению, но большинство чинов [...] честно выполняло свой долг до тех пор, пока существовала власть в Петрограде».

Проведение в армии в дальнейшем начал «демократизации», в соответствии с приказом № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, отразилось, прежде всего, на расквартированных в Петрограде запасных частях. Первыми выборными командирами в батальонах стали офицеры, проявившие либо полный нейтралитет в ходе февральских событий, либо, наоборот, сыгравшие в них активную роль. Так, фактическим командиром запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка на несколько дней стал унтер-офицер Т. И. Кирпичников, сыгравший большую роль в выступлении батальона на стороне сил революции, смещенный затем выбранным 1 марта личным составом батальона прапорщиком Кониченко (Ф. 7733. Оп. 1. Д. 14). Командиром запасного батальона Преображенского полка уже 3 марта был выбран подпоручик Заринг. При этом запасные части не только выбирали себе командиров, но и отстаивали свой выбор. Так, запасной батальон Волынского полка, в ответ на требование командующего Петроградским военным округом генерала Л. Г. Корнилова выбрать командиром батальона офицера более высокого чина, просил оставить на посту прапорщика Кониченко с соответствующим производством его в чин (Ф. 7733. Оп. 1. Д. 16).

Одновременно с выбором всего командного состава из запасных частей удалялись офицеры, вызывавшие подозрения в своей благонадежности: часть из них просто исключалась из списков частей («удалялась»), часть арестовывалась. Так, согласно только одному приказу от 3 марта в запасном батальоне Преображенского полка арестовывались бывший командир батальона полковник К. Д. Аргутинский-Долгоруков, полковник Дворжицкий, по-

Чтобы был порядок в войсках, нужно прежде всего восстановить его внутри батальона, так и оценило это собрание выборных солдат, высказавшись за полное подчинение всех офицеров и солдат на службе своим начальникам.

С другой же стороны, вне исполнения служебных обязанностей, офицерам предлагаю помнить, что солдаты с ними равны: те и другие одинаково полноправные граждане нашей ВЕЛИКОЙ ОТЧИЗНЫ.

Сегодня же к делу: офицеры и солдаты, введем порядок в нашей ВЕЛИКОЙ ОТЧИЗНЕ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕПОБЕДИМАЯ, СВОБОДНАЯ РОССИЯ.

Командир
Преображенского [запасного] батальона
подпоручик
Зарин

ручки Сафонов и К. М. Шидловский; исключались из полка полковник Г. Г. Ден, капитаны Д. П. Папе, А. П. Приклонский и С. А. Мещеринов, штаб-капитаны Д. С. Татищев, Б. И. Кульнев и Н. К. Логрен, подпоручики В. С. Радкович, К. И. Грюнман, В. В. Лышинский-Троекуров и В. Г. Розен, прапорщики Стакельберг и Ганн (РГВИА. Ф. 2571. Оп. 2. Д. 2. Лл. 8–8 об.). Согласно письму неизвестного офицера, написанному в мае 1917 года, попытка расправы за «контрреволюционность» могла быть предпринята и в отношении А. П. Кутепова. По его словам, «депутаты или делегаты от запасного батальона [Преображенского] полка требуют суда над полковником Кутеповым. Говорят, что этот вопрос будет разбираться на днях» (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1288. Лл. 7–7 об.). Но к тому времени Кутепов находился на фронте во главе полка, авторитет в котором у него был очень высок.

Закрепило превращение гвардейских запасных батальонов в своеобразную гвардию революции переформирование их в мае 1917 года в резервные полки и создание 1-й Гвардейской запасной пехотной бригады, в которую вошли запасные полки Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского полков. И хотя формально основной задачей этих и других запасных частей оставалось комплектование основных полков в действующей армии, фактически они должны были стать опорой революционной власти и поддерживать порядок в столице, благодаря чему им не грозила отправка на фронт. Гвардейцы не раз участвовали в подавлении беспорядков, в том числе и организованных 3–4 июля большевиками, когда ими был взят под охрану Таврический дворец. Во время Корниловского выступления части бригады в полной боевой готовности вышли на позиции под Петроградом для его защиты от наступления контрреволюции. Однако с падением авторитета Временного правительства и ослаблением его власти падала и благонадежность запасных частей, которые перед угрозой отправки на фронт в октябре 1917 года либо сохранили нейтралитет, либо поддержали большевиков.

ПРИКАЗАНИЕ

№ 6

по Преображенскому запасному батальону

17 марта 1917 г.⁴⁵

Петроград

§ 1

В субботу 18-го сего марта батальон представится главнокомандующему Петроградского военного округа генерал-лейтенанту [Л. Г.] Корнилову, после чего пройдет к Думе для выражения своих чувств в первые дни создания Нового строя своей Великой Родины. [...]

Надписи на плакатах:

- 1) Преображенцы.
- 2) Война до почетного мира, достойного Свободной России.
- 3) Солдаты в окопе – рабочие к станку.
- 4) В единении сила.
- 5) Земля и Воля.
- 6) Да здравствует Народная республика.
- 7) Да здравствует Учредительное собрание и воля народа.

Батальонный адъютант

поручик

[В. З.] Макшеев

ОБРАЩЕНИЕ

запасного батальона к Лейб-гвардии Преображенскому полку⁴⁶

[Март 1917 г.]

В великие и светлые дни переустройства жизни освобожденного Русского Народа первая мысль всех чинов запасного батальона Гвардейского Преображенского полка – горячо приветствовать свой родной боевой полк.

Вам, верным защитникам необъятной земли Русской, наш низкий поклон.

Дорогие братья Преображенцы! В то время, когда Вы своей могучею грудью сдерживаете натиск коварных врагов, и на нашу долю выпали дни борьбы с нашим прежним правительством, душившим все проявления народных чувств и свободы, едва не доведших страну до позора поражения и в ослеплении своем хотевшим в последней схватке с возмущенным и восставшим народом послать нас на братоубийство. Ныне эта борьба увенчалась полным успехом и каждый солдат – свободный гражданин Великой

России – теперь может быть спокоен за свое светлое будущее. На страже завоеванной свободы мы бодро стоим здесь заодно со своими офицерами, твердо верим им и знаем, что мысли и желания у нас с ними одни.

Минувшие события – резкий перелом в жизни воинской – нарушил усиленную работу солдата, его подготовку к великому делу защиты отныне навеки Свободной Родины. Теперь все наши помыслы будут направлены к тому, чтобы восполнить пробел в нашей работе и скорее оказаться достойными стать в ряды родного и славнейшего из боевых полков Русской Гвардии.

Дорогие братья Преображенцы! Помните, что сзади Вас созревает новое поколение воинов, могучее своей верой за будущее нашей Святой Руси. Когда придет час, оно, как и Вы, руководимое нашим Новым, Мудрым, Русским Народным Правительством, без размышления прольет свою кровь за Святую веру Отцов и свое Отечество, подобно тому, как в минувшие дни залило своей кровью улицы столицы за Великое Русское Освобождение.

Да поможет Вам Господь в героической брани с грозным врагом. Мы знаем, что день ото дня неудержимо падают его силы, и это укрепляет нашу веру в славный исход великой борьбы за правду Свободного Русского Народа. Вы стоите на страже России – мы бережем ее свободу, и да не дерзнет враг усомниться в вечной бодрости духа ее сынов.

Командир
Преображенского запасного батальона
подпоручик
Заринг

ОБРАЩЕНИЕ

Лейб-гвардии Преображенского полка к запасному батальону⁴⁷
[Март 1917 г.]

В Великие, но вместе с тем и тяжелые дни, переживаемые Россией, когда только что народилась заря новой жизни и когда грозный враг стоит перед нами во всеоружии, готовый затопить нас стягиваемыми отовсюду подкреплениями, Преображенцы все так же непоколебимо стоят на своем посту и поклялись Временному правительству не дать на поругание родной земли и Русской чести.

В эти дни мы обращаемся к запасному батальону, доставлявшему нам славных бойцов, с призывом – объединиться с нами в од-

ной мысли, в одном желании и стремлении – отдать все для блага Родины, пожертвовать для нее своей жизнью*.

В единении сила. Пусть Временное правительство, вышедшее из среды народных избранников, сплотит вокруг себя всю необъятную силу народа Русского. Пусть свободное от каких-либо давлений, откуда они бы ни шли, оно ведет нас к победе над врагами и к тому радостному часу, когда волей народа в Учредительном собрании будет установлен строй Свободной России. Пусть распри и ссоры забудутся в единомышленном и всепоглощающем порыве любви к Отечеству.

На нас, воинов, Россия возлагает свои надежды. Наш долг оправдать это доверие, доказать на деле, что мы сумеем постоять за себя и не дадим торжествовать вероломному врагу, поправшему все законы Божеские и человеческие.

Мы, выдавшие его лицом к лицу в тяжелых боях, понимаем, что только оружием можно заставить его склониться перед нашей волей и заставить уважать нашу свободу. Чего достигла та крайняя партия, которая из глубины тыла, через наши головы, через могилы павших героев, через поля, орошенные потоками Русской крови, протянула руку примирения врагу? В ответ противник стал стягивать все свободные силы на наш фронт, чтобы воспользоваться временным нашим замешательством, приняв этот ошибочный шаг за признак нашей слабости. И мы повторяем со всеми любящими Отечество: «Солдаты в окопы, рабочие к станкам».

Армия должна быть сильна духом, высоким пониманием своего святого долга, твердой дисциплиной и могучей поддержкой всей страны. Без этих условий враг легко восторжествует и кровавой рукой сметет все чистое, доброе и святое на Руси.

Мы этого допустить не можем. Встанем же крепко вокруг Временного правительства, единомышленно поддержим его полной верой

* При ознакомлении с публикуемыми обращениями запасного батальона и основного Преображенского полка обращает на себя внимание разница в их основных посылах. Если чины запасного батальона, прежде всего, заверяют фронтовиков, что, пока они стоят на страже завоеваний революции («мы бережем ее свободу»), те могут спокойно исполнять свой долг перед Родиной («да поможет Вам Господь в геройской брани с грозным врагом»), то в обращении Преображенского полка неоднократно повторяется мысль о необходимости скорейшего пополнения полка («дабы обученные и дисциплинированные молодые Преображенцы широкой волной влились в наши поредевшие ряды») и единении тыла и фронта для достижения победы.

в его мудрое водительство и всей грозной мощью своих штыков и будем помнить, что только на полях сражений мы можем отстоять свободное счастье нашей Родины и Великого народа, положивших на нас свою надежду.

Мы ждем от Вас, товарищи, непрерывной, дружной и твердой работы, дабы обученные и дисциплинированные молодые Преображенцы широкой волной влились в наши поредевшие ряды, укрепили их и доставили старым, испытанным бойцам отрядные чувства уверенности в том, что их заместители не посрамят имени Преображенца и яркой боевой славы и доблести первого полка необъятного Русского войска. Помните, что пополнение нам требуется немедленно, чтобы сломить упорство врага, прогнать его из наших пределов и, в тесном единении с нашими доблестными союзниками, лишить его возможности в будущем покушаться на наши жизнь и покой. Передайте наше слово всем. Это слово полка, почти три года несущего бремя войны. Память павших товарищей еще более укрепляет нас в решимости довести войну до победного конца.

Мы просим передать рабочим, что чрезвычайные условия их необходимы. Каждый пропущенный в работе на оборону день затягивает войну и служит к пролитию лишней Русской крови, и дай Бог, чтобы никто не мог сказать, что сами Русские люди в ней виноваты.

Враг не дремлет. Мы Вас призываем к дружной работе и верим, что Вы всем сердцем откликнитесь на наш призыв.

Командир полка
генерал-майор
[А. А.] Дрентельн
Полковой адъютант
штабс-капитан
[П. Н.] Малевский-Малевич

ПРИКАЗ

№ 2

по Гвардейскому Преображенскому резервному полку

1 июля 1917 г.⁴⁸

Петроград

§ 2

От души старого солдата сердечно приветствую своих боевых товарищей Преображенцев, вышедших в основное ядро резервного полка.

Уверен, что 1-я рота, сформированная на началах, введенных в армию Революцией, сразу станет на должную высоту и что отныне каждый чин полка на деле докажет свое сознательное отношение

к тем обязанностям, которые налагают на него достигнутые права солдата и гражданина.

К трем целям стремится революция: Свободе, Равенству и Братству, но эти три понятия неразрывно связаны между собой – без наличия хотя бы одного из них невозможно достижение других. Поэтому действительно осуществить Свободу и Равенство мы можем только в братском единении, и мы исполним свой долг перед Революцией – мы достигнем полного единения всех Преображенцев.

Я не сомневаюсь, что братскими будут отношения нашего молодого полка к славному боевому Преображенскому полку, источником живой силы которого мы служим. Я не сомневаюсь, что мы все без различия положения, чинов и званий будем братьями и сумеем доказать на деле это, дружно работая, не жалея своих сил, а если потребуется, не пощады и жизни на благо Родины и закрепления ее свободной мощи.

Братской помощи и достойного во всем примера я жду от Вас, Преображенцы!

[Командир полка]
капитан
[Б. А.] Шоманский

ПРИКАЗ

№ 8

по Гвардейскому Преображенскому резервному полку

7 июля 1917 г.⁴⁹

Петроград

[...]

§ 2

С первых дней революции в наиболее тяжелое время, пережитое батальоном со дня сформирования по мобилизации, во время молниеносного крушения старого порядка и крайне трудного созидания нового, соответствующего требованиям жизни, подпоручик Заринг стоял во главе батальона, без колебаний приняв на себя обязанности командира революционного батальона, сумел возродить батальон стойким и мощным на новых началах. В самые серьезные минуты, при неустойчивости настроений в городе, постоянных волнениях, иной раз превращающихся в грозящие гибелью государства восстания, батальон без уклонений шел по дороге исполнения долга перед страной и с честью выходил из всех положений. По первому требованию народной власти шел батальон туда, где надо было восстановить порядок, силой оружия отстоять органы народного представительства

ва и лишить возможности преступные элементы анархическими действиями наводить ужас и наносить вред гражданам столицы.

Горячо любимый солдатами и истинно уважаемый офицерами, подпоручик Заринг всегда и везде был там, где чины батальона находились в наиболее тяжелых условиях и в самых ответственных местах. С чувством глубокого удовлетворения говорю я спасибо старого Преображенца подпоручику Зарингу, сумевшему пойти с молодым поколением по пути, достойному предков, всегда бывших оплотом своей Родины.

§ 3

Преображенцы! Сегодня, вследствие реформирования батальона в полк, Вы все перешли в мое подчинение. С того дня, что я находился при батальоне, я видел Вашу службу. В особенности в последние дни Вы доказали, насколько Вы сознательно относитесь к своим обязанностям. Тем из Вас, кто, рискуя жизнью, принимал непосредственное участие в восстановлении порядка, я выражаю свою сердечную благодарность. Не сомневаюсь, что и все те, кому не пришлось участвовать в последних событиях, столь же отважно и смело исполнили [бы] свой долг. Меня особенно радует, что в нашей семье нет разногласий, и мы все, офицеры и солдаты, единодушны в наших стремлениях и поступках. Мы никому не позволим посягнуть на свободу нашей страны. Я горжусь Вами – как на фронте, так и в тылу. Никакая опасность не заставит Преображенца не отстоять России. [...]

[Командир полка]
капитан
[Б. А.] Шоманский

ПРИКАЗ

№ 27

по 1-й Гвардейской запасной пехотной бригаде

25 июля 1917 г.⁵⁰

Петроград

§ 1

Доблестные офицеры и солдаты 1-й Гвардейской резервной дивизии!

Ныне, в час тяжелых испытаний, когда вся страна в тревоге и опасении за свое будущее озирается и ищет поддержки и заступничества, обращаюсь к Вам, мои испытанные товарищи по революционному и воинскому делу. Вы за весь четырехмесячный период ре-

волюционной страды явили доказательство большого гражданского сознания и мужества, выдержки и стойкости, достойных славных предков Ваших и учителей Преображенцев, Семеновцев, Измайловцев и Егерей.

Везде, на бурных улицах Петрограда, кварталах рабочих, на фабриках и заводах, исполняя дело охраны и защиты или манифестируя свои чувства и настроения – Вы были всегда теми, кто мог похвастать, что не только в себе, но и в других умели уважать борца и гражданские права.

Первое и опасное дело освобождения от авантюристов на Ивановской улице типографии «Русская воля», с достоинством и выдержкой проведенное Семеновцами и Егерями, явило доказательство Вашей смелости и стойкости.

Живое, непосредственное участие Преображенцев в очищении, Семеновцев в охране дачи «Дурново» от анархистов, когда с опасностью для жизни, карабкаясь через окна, пришлось ликвидировать незаконный захват, Вы явили мужество и доблестное спокойствие.

А в последние дни смуты, когда вооруженные полки и команды, разъезжая на автомобилях и подступая к Таврическому дворцу, угрожали высшему руководящему органу **Российской революционной демократии** – Советам солдатских и рабочих депутатов, и ежечасно подстрекали и возбуждали Вас на злое дело вооруженного восстания, Вы с выдержкой старых бойцов и сознательных граждан ждали распоряжений и приказов, памятуя, что оружие, которое Вы получили от народа в памятные дни 26-го и 27-го февраля, может быть употреблено только по **Его** воле, выраженной через уполномоченные и пользующиеся **Его** доверием органы.

И по первому зову главнокомандующего Петроградскими войсками в ночь с 3 на 4 июля Вы, подвергаясь обстрелам и ежеминутно рискуя жизнью, во главе с Измайловцами, явились в Таврический дворец, чтобы охранить его от посягательства кучки безумцев.

Спасибо Вам, дорогие Преображенцы, Семеновцы, Измайловцы и Егеря.

Вы на деле оправдали преданность и уважение к революции и к народной свободе и указали безумцам, что демократия в Петрограде имеет достойных защитников и охранителей.

Благодарю Вас за деятельное участие в ликвидации вооруженной авантюры, разоружение автомобилей, полков и захваченных домов.

Вы сделали большое дело.

Однако, офицеры и солдаты, не призываю Вас к отдыху и покою.

Еще не время отдыхать. Страна нуждается в нашей кипучей работе и содействии, полки на фронте в поддержке, революция в защите, а мы все в создании стройной и могучей воинской организации.

Ныне все батальоны бригады переформированы в полки.

Усилиями командиров полков, офицеров, комитетов и солдат старые, малоподвижные батальоны развернуты в гибкие и стройные полки.

Перед лицом нового главнокомандующего Петроградским военным округом генерала [О. П.] Васильковского, избранника военного министра А. Ф. Керенского, этого борца и выразителя воли русского народа, прошли во время смотра все четыре полка дивизии.

И тут Вы оказались на высоте.

Молодецкий бодрый вид, выправка, твердый шаг, смелый взгляд – вот что я видел и чему я радовался.

Продолжайте же несокрушимо твердо и уверенно начатую творческую работу, укрепляйте дух силы и стойкости, чтобы по первому зову наших вождей явить обновленной стране стальную мощь и неуклонный порыв.

За работу же, старые испытанные полки. [...]

[Временно командующий бригадой]

полковник

[С. И.] Назимов

ПРИКАЗ

№ 36

по 1-й Гвардейской запасной пехотной бригаде

2 сентября 1917 г.⁵¹

Петроград

Доблестные Преображенцы, Семеновцы, Измайловцы и Егеря! В ночь на 29 августа по приказу Временного правительства в полной боевой готовности Вы выступили на указанные Вам под Петроградом позиции.

Своим служебным долгом я почитаю отметить Ваше быстрое выступление, блестящий вид и строгий порядок при исполнении возложенной на Вас задачи.

В Ваших руках было полное согласие между офицерами и солдатами, и тесное их единение способствовало блестящему выполнению возложенного на Вас ответственного поручения.

От души благодарю всех офицеров и солдат, одинаково ревностно исполнивших свой долг.

Благодарю всех членов бригадного и полкового комитетов за их дружную работу на пользу общего дела.

Этот опыт боевой подготовки, это единение офицеров и солдат послужат надежной опорой нашей пострадавшей Родине. [...]

Временно командующий бригадой

полковник

[С. И.] Назимов

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ФРОНТЕ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОТОКОЛА

объединенного заседания полкового, ротных и командного комитетов Лейб-гвардии Преображенского полка⁵²

28 октября 1917 г.

[...] 1) Оглашается ряд воззваний и телеграмм о последних событиях в стране.

[...] 5) По подсчету голосов выяснилось: за передачу власти Всероссийскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – 18 рот и команд и остались нейтральными 14 рот и команд.

6) После недолгих прений собрание вынесло следующую резолюцию: «Общее собрание ротных и командных комитетов Лейб-гвардии Преображенского полка, ознакомившись с текущим моментом, постановило: никакой поддержки Временному правительству не оказывать». Собрание высказалось за передачу всей власти Всероссийскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и выразило решительный протест против отзыва войск с Северного фронта для умирения Петроградского гарнизона и рабочих. В полном сознании серьезности положения на фронте собрание единогласно заявило, что Преображенцы, как всегда, исполняют свой воинский долг перед Родиной. [...]

Председатель
полкового комитета

Осипов

Секретарь

Барановский

А. П. КУТЕПОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1918–1920 гг.

ПРИКАЗЫ ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ О НАЗНАЧЕНИЯХ И ПРОИЗВОДСТВЕ А. П. КУТЕПОВА. 1919–1920 гг.

ПРИКАЗ

№ 72

Главнокомандующего ВСЮР

13 января 1919 г.⁵³

г. Екатеринодар

Увольняется от службы согласно прошению по болезни по Генеральному штабу: числящийся по генеральному штабу командир 1-го армейского корпуса генерал-лейтенант [И. Б.] Казанович.

Назначается по пехоте: Черноморский военный губернатор генерал-майор Кутепов – командиром 1-го армейского корпуса.

Подлинный подписал:

генерал-лейтенант

[А. И.] Деникин

Верно:

начальник инспекторского отделения полковник

[П. Г.] Дирин

ПРИКАЗ

№ 1347

Главнокомандующего ВСЮР

23 июня 1919 г.⁵⁴

г. Белгород

Производится за боевые отличия:

Из генерал-майоров в генерал-лейтенанты:

По пехоте:

Командир 1-го армейского корпуса Кутепов Александр.

Подлинный подписал:

генерал-лейтенант

[А. И.] Деникин

С подлинным верно:

начальник наградного отделения полковник

Яковлев

ПРИКАЗ

№ 1442

Главногокомандующего ВСЮР

5 июля 1919 г.⁵⁵

г. Екатеринодар

По ходатайству господ офицеров Корниловского ударного, 1-го Офицерского генерала Маркова и 2-го Офицерского генерала Дроздовского полков зачислить меня в списки названных полков.

Начальника штаба Главногокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта [И. П.] Романовского, командира Добровольческой армии генерал-лейтенанта [В. З.] Май-Маевского, командира 1-го армейского корпуса генерал-лейтенанта [А. П.] Кутепова зачислить в списки Корниловского ударного полка и 1-го Офицерского генерала Маркова полков.

Подлинный подписал:

генерал-лейтенант

[А. И.] Деникин

Верно:

начальник инспекционного отделения полковник

[П. Г.] Дирин

ПРИКАЗ

№ 3127

Главногокомандующего ВСЮР

2 мая 1920 г.⁵⁶

г. Севастополь

На основании приказа моего от 30 минувшего апреля за № 3089 назначаю:

1) В орденскую следственную комиссию ордена Святителя Николая Чудотворца: председателем генерал-лейтенанта [А. А.] Павлова.

2) В Кавалерскую думу ордена Святителя Николая Чудотворца: председателем генерала от кавалерии [А. М.] Драгомирова; членами: генерал-лейтенантов: [А. А.] Павлова, [А. П.] Кутепова, генерал-майора [Г. Б.] Ангуладзе и вице-адмирала [Д. В.] Ненюкова, а временно, до приезда последнего, контр-адмирала [С. В.] Евдокимова.

Подписал:

Главногокомандующий генерал-лейтенант

[П. Н.] Врангель

Скрепил:
временно исполняющий должность
начальника военного управления генерал-майор
[В. П.] Никольский

ОТЧЕТ ЧЕРНОМОРСКОГО ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА А. П. КУТЕПОВА О ПОПЫТКАХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ УСТАНОВИТЬ КОНТАКТЫ С КОМАНДОВАНИЕМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ⁵⁷

13 августа 1918 г. я прибыл в Новороссийск. И, согласно приказу командующего армией, вступил в исполнение обязанностей Черноморского военного губернатора. В этот же день я заметил, что на рейде стоит германский миноносец, командир которого сразу же явился ко мне с приветствием по случаю моего прибытия. Встреченный мной очень сухо, он скоро уехал. В этот же вечер мне доложили, что германский миноносец приказал наливному судну с полным грузом керосина и нефти отправиться в Севастополь.

Узнав, что это судно русское, я послал к командиру миноносца офицера передать, что, не имея никаких препятствий к уходу из порта германского миноносца, я вместе с тем против выхода русского наливного судна, так как, во-первых, я не знаю, кому из русских владельцев принадлежит это судно, а, во-вторых, город сам нуждается в керосине и нефти. И без них остановится городская электрическая станция.

Одновременно я сделал распоряжение поставить на мол трехдюймовое орудие и не выпускать из гавани без разрешения командира порта ни одного судна, кроме иностранных военных. Об этом распоряжении был уведомлен и командир миноносца. На следующее утро миноносец снялся с якоря и ушел в море.

Через несколько дней он вернулся обратно. Ко мне опять явился командир миноносца, но уже в сопровождении русского капитана 1-го ранга по фамилии, кажется, князь Ливен.

Через этого офицера командир просил разрешения поговорить с генералами Алексеевым и Деникиным. Но мною еще раньше была получена инструкция, по которой я должен был принимать немецких и австрийских чинов, но ни в какие разговоры с ними не

вступать. И каждый раз давать понять, что главное командование уклоняется от каких бы то ни было переговоров. Командир миноносца стал тогда говорить о наливном судне и доказывать, что нефть и керосин, находящиеся на нем, куплены им у торговцев. Предоставить документов он не мог, но указывал на свидетелей состоявшейся сделки.

Мы тогда договорились, что одна треть груза будет отдана немцам, две трети оставлено городу, а само судно будет возвращено владельцу.

После ухода командира миноносца капитан 1-го ранга, оставшись у меня, стал мне говорить, что немцы хотят войти в соглашение с Добровольческой армией, причем он всячески убеждал меня быть посредником между нашим командиром и немцами.

Вскоре миноносец ушел, но быстро вернулся и опять с тем же русским моряком. Последний на этот раз привез различные предложения, как, например, получить для Добровольческой армии разные медикаменты и перевязочные материалы. Я понял, что это только предлог для того, чтобы завязать с нашим командованием переговоры, но, все-таки, запросил Екатеринодар, и мне было разрешено дать этому моряку пропуск для проезда в Ставку.

Через несколько дней он вернулся, видимо, не добившись никаких результатов.

Миноносец все эти дни поджидал возвращения капитана. За это время произошел один инцидент с немецким матросом, который на берегу напился и стал буянить. Его арестовали и дали знать на миноносец. Командир его немедленно ко мне приехал и извинился. Миноносец еще несколько раз заходил и возвращался и однажды прибыл с одним очень напыщенным немецким ротмистром, который стал у меня добиваться разрешения проехать в Екатеринодар, где ему, по его словам, поручено лично переговорить со Ставкой о взаимоотношениях на случай каких-либо недоразумений, могущих возникнуть между русскими и немцами, высадившимися на берег.

Я уклонился от всяческих политических разговоров с этим ротмистром, за неимением полномочий, и обещал запросить по поводу его предложения Екатеринодар. Не получив от меня в течение двух дней никакого ответа, ротмистр догадался, что Ставка его не принимает, и уехал.

В середине сентября ко мне приехали из Одессы пять человек, которым были выданы австрийским командованием, находящимся в Одессе, удостоверения, что эти лица являются представителями

торговых фирм и что им просят оказывать всяческое содействие. Они рекомендовались бывшими офицерами – участниками войны, и говорили, что некоторые из них были у нас в плену.

Один из них, действительно, хорошо говорил по-русски. Эти люди предполагали наладить доставку для Добровольческой армии обмундирования, мыла и кожи. Я запросил Екатеринодар, но он отказался вступать с этими людьми в какие-либо переговоры. Эти бывшие офицеры были представителями австрийского командования в Одессе.

Выяснилось это таким образом. Большевики перед своим падением в Новороссийске послали в Одессу пароход с шампанским Абрау-Дюрсо. Австрийцы этот пароход задержали, и ко мне обратился управляющий удельным имением за содействием или вернуть захваченное вино, или же получить за него деньги.

По этому поводу пришлось обратиться в Одессу к австрийскому командованию, но оно с моим посланным не пожелало разговаривать, объясняя свой отказ тем, что я сам не вступил в переговоры с представителями австрийского командования, приезжавшими ко мне в Новороссийск.

Н. Н. Брешко-Брешковский* **ГЕРОЙ ХАРЬКОВА И КУРСКА**⁵⁸

Если вы были в Мадриде и были в картинной галерее Музея Прадо, помните, не можете не помнить – один портрет кисти Веласкеса. Изображен жгучий и смуглый, с матовым лицом и черной волнистой бородою, отважный человек лет тридцати пяти.

Смелый, решительный взгляд, то вспыхивающий, то погасающий жуткой силой. Резкая линия губ. Это Хозе Альварado – конкистадор. Этот офицер, во славу короны испанских Бурбонов и Габсбургов, завоевал в Новом Свете целые страны. Завоевал с горстью таких же, как и он сам храбрецов и дерзких искателей буйных, романтических приключений.

* **Брешко-Брешковский Николай Николаевич** (1974–1943). Русский писатель, журналист, художественный критик; сын одной из основательниц партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковской. С 1920 г. в эмиграции в Польше, позднее во Франции. В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами. Печатался в газете «Новое слово». Погиб во время бомбардировки Берлина британской авиацией.

Герой Харькова и Курска молодой генерал-лейтенант Кутепов внешностью своей весьма и весьма напоминает увековеченного историей и гением Веласкеса конкистадора. Да и не только внешностью... Но Хозе Альварато находилась куда в более лучших условиях, нежели генерал Кутепов. Закованный в стальные латы, испанец громил плохо вооруженных индейцев, на которых пушечный и ружейный огонь производил впечатление грома небесного. Генералу Кутепову с его Корниловцами, Марковцами, Дроздовцами и Алексеевцами приходится иметь дело с латышами, китайцами и коммунистами, вооруженными до зубов, дерущимися с бешенством отчаяния и ведомыми целой фалангой опытных офицеров Генерального штаба.

О численном превосходстве и говорить нечего. На любой линии фронта, на любом участке красноармейцев по крайней мере вчетверо больше, чем Добровольцев.

И, несмотря на это, несмотря на целые хаосы проволочных заграждений, которыми, как паутиною, оплетаются красные, всюду, где лишь наступают Кутеповцы, их сопровождает успех.

Один за другим ошеломляющие, нанесенные с неотразимой мощностью удары... Что-то стихийное в этом безудержном стремлении первого армейского корпуса, стремлении на Москву.

Один видный генерал, прошумевший конник (генерал-лейтенант К. К. Мамантов. – *Прим. сост.*) полушутя сказал генералу Кутепову:

– А ведь, я, пожалуй, ворвусь со своим корпусом раньше вас в Москву...

– Что же, – ответил с ясной улыбкой Кутепов, я буду только искренно вас приветствовать... Для меня, как для русского человека, важнее всего, чтоб Москва была возможно скорее очищена от красной погани. А кто войдет в Белокаменную первый, это не важно... Важен самый факт...

В этом благородном ответе генерал Кутепов – как на ладони весь с его прямоотой и глубоким непоказанным патриотизмом. Он чужд тщеславия, он не ищет внешних почестей. Ему дорога, безумно дорога Россия и только Россия. В этом отношении что-то корниловское у генерала Кутепова. Недаром он первый командовал Корниловским полком, недаром сам Антон Иванович Деникин при торжественной обстановке назвал его «старейшим офицером – участником легендарного Ледяного похода».

Старый корниловец генерал Кутепов носит корниловскую форму, но это не мешает ему появляться и в форме Преображенца, ибо он коренной Преображенец и в рядах старейшего гвардейского полка в эпоху Великой войны украсил свою широкую богатырскую грудь Георгиевским крестом, вслед за этим получив золотое оружие.

Генерал Кутепов не только блестящий вождь, но и талантливый администратор. В завоеванных губерниях он мудро правит твердой, не знающей колебаний рукой. Он энергично борется с большевизмом, – откуда бы ни исходил этот большевизм – справа или же слева.

Воспитанный в гвардейских традициях славной Петровской бригады, генерал Кутепов, как истинный рыцарь, чуток до щепетильности к чести офицерского мундира. Он требует и умеет властно подкрепить свое требование – чтобы каждый офицер его корпуса был рыцарем без страха и упрека и с достоинством носил и свой мундир, и свои погоны.

Удел неисчерпаемых сил и вдумчивой работоспособности отпущен генералу Кутепову Господом Богом. Кутепов успевает все-сторонне обдумывать операционные задачи вместе со своим начальником штаба, даровитым, широко образованным генералом Достоваловым, успевает объезжать фронт, посещает завоеванные города, успевает уделять много времени гражданскому созиданию во вновь присоединенных губерниях.

И не мудрено, что всюду он приобрел в населении громкую, завидную популярность. Стоит появиться ему где-нибудь на общественном вечере или в кинематографе, на концерте агитационного поезда, повсюду благодарная толпа дружным «ура» встречает его избавителя от тяжелой неволи красных палачей и убийц.

Таков и внешний, и духовный портрет одного из лучших, самых героических вождей Добровольческой армии, идущего с железным корпусом своим по большой московской дороге, чтобы освободить Иверские святыни от кощунственно загрязнившей их красной сволочи...

**РАПОРТ А. П. КУТЕПОВА
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ РУССКОЙ
АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛУ П. Н. ВРАНГЕЛЮ
С ОЦЕНКОЙ СИТУАЦИИ В СВЯЗИ
С ПРЕДПОЛАГАЕМЫМ НАСТУПЛЕНИЕМ
ВЕСНОЙ–ЛЕТОМ 1920 г. И ПРЕДПОЛАГАЕМЫМИ
МЕРАМИ ДЛЯ ЕГО УСПЕХА⁵⁹**

Главкому

В связи с возможностью нашего перехода в наступление я получил от начальников дивизий ряд рапортов, в которых строевые начальники указывают причины, которые необходимо теперь же устранить, дабы наше наступление было успешно. Единогласно указывается одной из главных причин наших поражений под Орлом и Курском отсутствие своевременных пополнений, сведших на нет все сделанное героизмом офицеров и солдат Добровольческой армии. Несмотря на настойчивые просьбы к решительному моменту, у нас не оказалось в тылу ни одной свежей части, ни обученного пополнения. Малочисленные добровольческие полки, не получая пополнения, истекли кровью, уложили свои лучшие кадры и принуждены были, задавленные массой, отдать врагу все результаты своих сверхчеловеческих усилий. Необходимо, чтобы эта ошибка не повторилась в будущем. Нынешняя обстановка не исключает возможности повторения прошлого. Например, Дроздовская дивизия, потерявшая во время десантной операции более 600 человек убитыми и ранеными и более 300 человек за время пребывания в Крыму больными, получила всего пополнений из переданных расформированных частей вместе с бригадой 12-й дивизии 350 человек. Если придут Самурцы и Смоленцы, то все же с ними дивизия будет иметь меньше штыков, чем то число, которое она имела по приходу из Новороссийска.

Таким образом, части за время пребывания в Крыму не только не пополнились и не подготовили себе обученного пополнения, но даже уменьшились в числе и с трудом поддерживают состав, в котором пришли из Новороссийска. Ввиду отсутствия в дивизии лошадей и повозок начдив Дроздовской доносит, что дивизия к активным действиям пока не способна. Ввиду малочисленности штыков в первых же боях при атаке укрепленных позиций нужно ожидать больших потерь лучших оставшихся последних кадров, а затем, заняв укрепленную позицию при продвижении вперед, нам нечего будет противопоставить стянутым свежим резервам противника.

Благодаря отсутствию обученного пополнения поредевшим кадрам трудно будет передать прибывающим пополнениям, если их и удастся впоследствии собрать, свой дух и качество этих пополнений, и стойкость их будут значительно слабее. Но строевые начальники думают, и я разделяю их мнение, что вообще при отсутствии подготовленных и значительных пополнений вся наша операция не может носить серьезный характер и будет иметь тяжелые жертвы и пагубные последствия для всего нашего дела. Наше наступление должно быть обставлено так, чтобы ему был не только гарантирован первоначальный безусловный успех, но и возможность развивать его дальше. Исходя из этого, дабы не повторились причины, приведшие нас к поражению под Орлом и Курском, прошу:

ПЕРВОЕ. О производстве немедленной мобилизации или о передаче мне уже готового пополнения в количестве не менее 6000 [человек] теперь же, чтобы я мог их поставить в строй и в ближайшие дни, и передаче мне не менее 6000 обученного, вполне одетого и снаряженного пополнения к моменту достижения корпусом линии Никополь – Мелитополь. Необходимо немедленно получить лошадей, коих только для пехотных дивизий не менее 3000.

ВТОРОЕ. Помочь мне теперь же, к моменту наступления, сформировать полковые и дивизионные обозы, на что таврический губернатор охотно идет, обещая в кратчайшее время собрать со всей территории Крыма необходимое для меня количество обывательских подвод. Чтобы корпус мог маневрировать, мне нужно не менее 900 повозок для корпуса.

ТРЕТЬЕ. Снабдить меня достаточным количеством реквизиционных станций, дабы предупредить саму возможность грабежей на территории, по которой пройдет корпус. При этом докладываю мое глубокое убеждение, что для того, чтобы укрепить ту ненависть, которую вызывали к себе в населении войска Добровольческих армий своими грабежами и насилиями, необходимо в корне устранить те причины, которые порождали эти печальные явления, так как иначе население перенесет свою ненависть на нашу армию, под какими бы новыми лозунгами или новыми названиями она ни выступала. Перед готовящимся наступлением необходимо снабдить войска всем необходимым для жизни, похода и боя.

Токульчак
30 апреля 1920 г.
Нр. 2762
[А. П.] Кутенов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. П. КУТЕПОВА В ЭМИГРАЦИИ

И. О. Левин*

БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛОМ А. П. КУТЕПОВЫМ.

1922 г.⁶⁰

Прибывший в Берлин командир 1-го корпуса армии Врангеля генерал А. П. Кутепов в беседе со мною заявил, что он прибыл в Берлин исключительно по личному делу.

На вопрос о положении Русской армии генерал Кутепов ответил:

Некоторая часть Русской армии, а именно кавалерийская дивизия и казацкие части находятся в Сербии. Большая половина армии, в том числе части, находящиеся под моим командованием, т. е. переведенные из Галлиполи, а также казаки генерала [Ф. Ф.] Абрамова находятся в Болгарии. Все военные части превращены в рабочие артели и трудовые дружины. Положение некоторых очень тяжелое. Многие уже несколько лет оторваны от Родины, нетрудоспособные больные нуждаются в отдыхе и находятся на иждивении или в лазаретах. Все они содержатся из особых средств, предоставленных нам генералом Врангелем, принимающим все меры для улучшения быта русских воинов. Люди в поте лица своего зарабатывают на жизнь. Работают одинаково и солдаты, и офицеры, и нет никакой розни между начальником и подчиненным. Спайка между частями поразительная. Есть офицеры и солдаты, которым предоставляется возможность жить в лучших условиях, но они не желают покинуть армию, а те, у которых необходимость покинуть свою часть, уезжая, не покидают армию генерала Врангеля, ибо берут только отпуск на сроки от шести месяцев до года. Поэтому никакого недоброжелательства по отношению к тем чинам армии, которые оказались в других странах, армия Врангеля не питает. Одним из доказательств единения между солдатами и офицерами является такой факт: когда болгарскими властями были арестованы офице-

* Левин И. О. Публицист, один из авторов сборника статей «Россия и евреи», вышедшего в 1924 г. в Берлине, в котором была предпринята попытка осмысления роли еврейской интеллигенции в революционных событиях в России.

ры, то солдаты из заработанных ими трудовых денег послали офицерам продовольствие, так как арестованных не кормили.

На вопрос о политических настроениях в армии генерал Кутепов ответил:

Большевистского течения в армии абсолютно нет. Нет и того, что называется сменовеховством*. Правда, тяга на Родину сильно ощущается, и из различных лагерей, главным образом, через Варну, уехало около 2000 человек. Но это большей частью люди, не принадлежащие к армии генерала Врангеля. Большевистские агенты пускают в ход всевозможные средства, чтобы разложить последние остатки российского воинства. Они вместе с болгарскими коммунистами в этом направлении сделали все возможное. Но безуспешно. Для этой агитации нет почвы. Конечно, отдельные единицы могут пойти на эту удочку, но разрушить, расслоить армию генерала Врангеля не удастся. Все военачальники, следуя указаниям генерала Врангеля, считают, что армия должна быть вне политики. И если в нашей армии большинство офицеров и солдат монархисты, и если Великий князь Николай Николаевич пользуется большим авторитетом в войсках, армия генерала Врангеля признает только одно знамя – национальный русский флаг. Конечно, в интересах очень многих противников распускать самые нелепые слухи, повторяю, у нас нет партийного ярлыка, и национально мыслящие люди нас очень хорошо понимают. А те, кому мы не выгодны, представляют нас в различном свете.

На вопрос об антисемитизме в армии мой собеседник ответил:

Прежде всего, в армии есть и солдаты, и офицеры, и военные врачи евреи. Конечно, есть и офицеры, и солдаты юдофобски настроенные, но это отдельные единицы. Никакой ненависти к какой-либо определенной национальности, в частности к евреям, в армии в целом нет. Для того чтобы искоренить различные предрассудки, связанные с антисемитизмом, мне приходилось прибегать к серьезным мерам. По моему приказанию были изъяты из обращения огромные листки, антисемитские издания и брошюры. Те, кто знако-

* Сменовеховство – идейно-политическое течение, возникшее в 1920-е гг в русской эмиграции. Получило название по сборнику статей «Смена вех», вышедшему в 1921 г. (Прага), в котором были сформулированы основные идеи этого течения. Сменовеховцы выступали за примирение и сотрудничество с Советской Россией, объясняя свою позицию «перерождением» советской власти и ее действиями в интересах национальной России.

мы с моей деятельностью, хорошо знают, что там, где я был, погромов никогда не было. Теперь скажу Вам, что там, где я буду, никогда погромов быть не может. Для предотвращения кровопролития и погромов нужна, прежде всего, дисциплинированная армия, которую надо всячески поддерживать.

Меры против большевиков же, принятые мною во времена Добрармии, почему-то связывают с еврейским вопросом. Если, действительно, мною были утверждены смертные приговоры нескольким евреям-большевикам, членам раскрытой организации, то ведь и из этой компании по моему приказу были повешены несколько офицеров и православных людей. Когда в Ростове несколько офицеров и солдат стали грабить еврейский квартал, они по моему приказу были повешены.

У нас русским считается всякий, кто стремится к восстановлению России, и предателем и врагом России всякий тот, кто словом или делом подтачивает святое дело возрождения нашей Родины, независимо от того, кто он – гвардейский офицер-большевик или еврей-большевик.

Мы понимаем разницу между Слащевым*, Щегловым и другими предателями и тем известным раввином, который спас от большевистского террора много русских людей. Мы охотно принимали в наши ряды из Красной армии солдат и офицеров, но те из них, которые перешли, чтобы деморализовать армию, были жестоко наказаны, ибо в эпоху Гражданской войны активным коммунистам, как врагам отечества, пощады быть не может.

На вопрос о положении в Болгарии генерал Кутепов ответил:

Правительство Стамболийского старается опираться на крестьян и в этом направлении дошло до крайности, раздав сельчанам и крестьянам – членам земледельческой партии оружие. Конечно, это вызвало оппозицию со стороны остальных партий. Часто происходят вспышки. Правительство, чтобы иметь большинство в парламенте, прибегло к крайнему средству – к союзу с болгарскими коммунистами, полагая их использовать для укрепления своего влияния в стране. Но получилось обратное: болгарские коммунисты получили влияние, которого они раньше не имели. После Генуэзской конференции положение болгарских коммунистов еще более укрепилось, и теперь, подстрекаемые советским правительством, они натравливают

* Речь идет о возвращении в Советскую Россию генерала Я. А. Слащева в 1921 г. и его службе в РККА.

против нас общественное мнение и правительство, которое прибегает к различным самым нелепым мерам, вплоть до провокации и подлога документов, чтобы уничтожить нашу армию. Все слухи о том, что армия генерала Врангеля вошла в контакт с той или иной политической группой или партией, чтобы свергнуть болгарское правительство, ни на чем абсолютно не основаны и являются сплошной провокацией и черной неблагодарностью по отношению к братскому русскому народу за пролитую кровь в деле создания Болгарии. Русские военачальники в Болгарии, следуя указаниям генерала Врангеля, держат себя настолько корректно, что избегают посещать болгарские празднества и банкеты, дабы их не могли обвинить в симпатиях или антипатиях к той или иной болгарской партии.

Все слухи о том, что генерал Врангель вошел в какие-то отношения с Румынией, Польшей и другими державами для организации интервенции, ни на чем не основаны и являются плодом досужего домысла, как и тот знаменитый документ о мифической конференции, который был представлен на Генуэзской конференции Чичериним.

Наша задача – закончил генерал Кутепов – сохранение организованных кадров офицеров и солдат для будущей России.

ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА К Б. А. ШТЕЙФОНУ 1926–1929 гг.⁶¹

2 октября 1926 г.

Глубокоуважаемый Борис Александрович!

С большим интересом прочитал оба Ваши последних письма, которые ознакомили меня с обстановкой в наших воинских кругах. Буду очень благодарен, если Вы и в будущем будете держать меня в курсе сербской военной среды.

Лично я держусь вдали от всяких зарубежных военных вопросов, поэтому и помочь в затронутом Вами вопросе не имею возможности. Мне кажется, что генерал барон Врангель очень легко может устранить всякого генерала, если он мешает нашему общему делу*.

* Примечание Б. А. Штейфона к письму А. П. Кутепова от 2 октября 1926 г.: «Это письмо было послано генералом Кутеповым в ответ на резкие упреки по поводу равнодушия Александра Павловича к военным делам РОВСа. Упреки сильно задела генерала Кутепова. Обычно в своих письмах

От галлиполийских дел я отошел еще в 1924 году – после известного Вам приказа Главнокомандующего. Бываю в родной мне галлиполийской семье только тогда, когда получаю приглашения!

За всем наблюдаю со стороны и учусь! Должен сказать, что прохожу науку, очень полезную для будущей жизни и службы.

Лидия Давыдовна и Павлик шлют Вам привет.

От души желаю всего лучшего.

Ваш А. П. Кутенов

25 октября 1926 г.

Дорогой Борис Александрович!

Большое Вам спасибо за поздравление и пожелания ко дню моего Ангела.

Наши дела подвигаются, события разворачиваются, работа внутренних сил идет успешно, но, конечно, все это происходит не так быстро, как мы бы все хотели. Надо ждать еще года два! Коммунизм в России пережил себя, руководители потеряли почву под ногами, поэтому они заметались и ищут выхода. Разлад в большевистской партии очень сильно углубляется, оппозиция, потеряв часть своих «вождей», продолжает свою работу.

Борис* все еще живет в Гамбурге в очень тяжелых условиях, проходит тяжелую школу офицера – работает. [...]

Генерал Витковский представлялся Великому князю на общих основаниях, был у Великого князя не более 5–10 минут и только! Теперь он переехал в Ниццу, где все деньги (экономия штаба корпуса) и себя устроил на постройку дома. С фермой у него ничего не вышло.

Лидия Давыдовна, Павлик и я шлем Вам привет.

Ваш А. Кутенов

15 декабря 1926 г.

Глубокоуважаемый Борис Александрович!

Получил Ваш рапорт вместе с письмом 19 ноября, но я остаюсь при своем решении и не собираюсь вмешиваться в галлиполийские дела, продолжаю быть почетным галлиполийцем и только! Здесь

Александр Павлович называл Главнокомандующего по имени – “П. Н.”. Выражение “генерал барон Врангель” знаменует высшую степень раздражения против Главнокомандующего. Это письмо относится ко времени, когда отношения между Врангелем и Кутеповым были окончательно испорчены».

* Брат А. П. Кутепова – Борис Павлович Кутепов.

такая масса галлиполийского начальства, что и без меня достаточно; все равно из всякого моего распоряжения сделают гласный скандал, а это только помешает делу и организации. Вы, вероятно, не учитываете всей обстановки? Поэтому Ваш рапорт я направил Главнокомандующему.

Отвечаю на поставленные Вами вопросы:

1) Первый раз ездил в Константинополь с докладом о невозможных отношениях с французами и урегулировании продовольственного вопроса, а также многих других. Второй раз ездил на Русский совет (открытие). После этого я ездил еще два раза.

2) Первый раз юнкера были вызваны летом на пристани, когда [прибыл] пароход с товарищем Серебровским, чтобы везти в Россию; я заявил тогда, что поедут только те, которым я разрешу, и т. д.

Второй раз, когда я потребовал отдать лиц, посаженных уже на миноносец, двух наших предателей, оба были сняты и переданы в комендантское управление.

3) Приказы о моем назначении помощником Главнокомандующего были отданы в первых числах октября, но были отменены. В Болгарии все войска должны были подчиняться через генерала [Ф. Ф.] Абрамова, а в Сербии прямо через начальников дивизий.

4) Генерал [Э. В.] Экк был командир отдела.

5) Карикатур было много. Смотр в 1954 году и т. д.

6) Как называли Девиденко, не помню.

Фамилия дамы – Гибнерг; этот обыск был произведен на основании рапорта полковника Чевати.

Из последнего Вашего письма вижу, что Вы подробно обо всем переговорили с Главнокомандующим, поэтому, я думаю, все Ваши мысли и пожелания будут им учтены.

Не знаете ли, куда делось галлиполийское дело?

Не могу его разыскать.

Напишите, пожалуйста, мне, какого числа Вы были назначены комендантом г. Галлиполи после начальника штаба корпуса?

Лидия Давыдовна и я шлем Вам привет.

Ваш А. П. Кутенов

14 июня 1927 г.

г. Париж

Глубокоуважаемый Борис Александрович!

Вашу просьбу исполнил; через генерала [А. А.] Лампе от Н. Н. Котляревского получил два Ваших кольца, которые передал

м-ше Бекаревич, о чем расписка хранится у меня. Вероятно, все это уже Вам известно!

В Ваших краях, повторю, теперь слухов пускается масса. Хотя до нашего возвращения еще далеко, но, во всяком случае, наш русский вопрос с мертвой точки сильно сдвинулся. Советская звезда стала закатываться, а на далеком горизонте появились признаки нашей родной зари.

Был здесь П. Н. (Врангель. – *Прим. сост.*); всюду бывал, много говорил, но мало кого убедил, что он единственное лицо, которое сможет вывести русский народ на его исторический путь, и т. д. В Галлиполийском собрании устроили, конечно, банкет по случаю его приезда. Прошел банкет очень кисло, поэтому даже в печати решили ничего не помещать. Он страшно боится попасть в число «бывших людей»; до сих пор не может понять, что надвигаются такие огромные события, которые произведут полную переоценку всех ценностей.

Лидия Давыдовна и Павлик переехали на скромную дачку, куда я езжу почти каждый день. Все мы шлем Вам привет.

Ваш А. Кутепов

P.S. Работа разворачивается очень интересно.

3 августа 1927 г.

г. Париж

Глубокоуважаемый Борис Александрович!

Лидия Давыдовна и я сердечно поздравляем Вас с днем Ангела, от всей души; от всей души желаем Вам всяких благополучий, в этой тяжелой жизни не унывать.

Здесь новостей мало – одни сплетни.

Вероятно, и в Ваших краях распространяются слухи о болезни, даже смерти Великого князя. Конечно, все это вздор!

Мне Париж сейчас напоминает город глубокого тыла во время войны.

Мешают работать и очень часто даже вредят успеху дела.

Лидия Давыдовна с Павликом живут в Belle, куда я езжу почти каждый день; теперь к нам переехал и Борис, который остался в Гамбурге совсем без работы; стараюсь куда-нибудь его устроить.

Пишите, как поживаете.

Храни Вас Господь!

Ваш А. Кутепов

28 декабря 1927 г.
г. Париж

Дорогой Борис Александрович!

Лидия Давыдовна и я поздравляем Вас с праздником Рождества Христова и наступающим Новом годом, от души желаем всяких благополучий.

Очень жаль, что мне не удалось повидать Вас в Белграде и побеседовать.

В Сербии я не предполагал оставаться, но в Софии я получил ряд писем с просьбой остановиться, после чего решил заехать на два дня. За такой короткий срок не успел как следует осмотреться, хотя в обстановке разобрался вполне. «Низы» всюду встречали очень радушно и сердечно, хотя этому я не придал значения, но из этого я заключал, что выступления П. Н. (Врангеля. – *Прим. сост.*) против меня не произвели впечатления*. Он старается всячески подорвать мой авторитет, даже в своей информации выступил против меня, но пока результаты в серьезных кругах получились обратные.

Лично я удивлен сам себе, что так спокойно все это принимаю! Мое спокойствие, кажется, еще больше раздражает П. Н., и он поэтому делает ряд новых бестактностей. Видно, что он теряет почву под ногами.

Пишите, как поживаете. Не сердитесь за долгое молчание.

Ваш А. Кутепов

* Примечание Б. А. Штейфона к письму А. П. Кутепова от 28 декабря 1927 г.: «Письмо ярко характеризует ту нездоровую атмосферу, в какой находился генерал Кутепов. Его отношения к генералу Врангелю окончательно испорчены. Хотя А. П. Кутепов и подчеркивает свое спокойствие, но в действительности спокойствия не было. Александр Павлович часто осуждал генерала Врангеля без всяких к тому оснований. Не перенося Главнокомандующего, он готов был в каждом слове и поступке генерала Врангеля видеть “интригу” или умышленный против себя выпад. Генерал Врангель осуждал, главным образом, методы и результаты закордонной работы генерала Кутепова, что было вполне справедливо. В этой печальной вражде двух старших генералов немалую роль играло окружение обоих, а в особенности окружение Великого князя Николая Николаевича».

28 января 1928 г.

г. Париж

Глубокоуважаемый Борис Александрович!

Должен сказать, что неудачно Вы выбрали меня передатчиком в газету «Возрождение» статьи в защиту «Русской Правды»*. Лично я стою на той точке зрения, что необходимо поддерживать всякую организацию, которая активно борется с большевиками. Но, к сожалению, само «Братство русской правды» принимает все меры, чтобы помешать моей работе; у меня имеются подлинные распоряжения этой организации, в которых сделаны подобные указания. Этой организацией пользуется для интриг против меня П. Н. (Врангель. – *Прим. сост.*). В одной из полученных информации П. Н. выставляет эту организацию, как противовес моей и т. д. Мне кажется, что эту статью Вам посоветовали писать из Берлина. Лучше всего будет, если Вы эту статью исправите в «Возрождении» через Н. Н. Львова, тогда она скорее появится в печати. Николай Николаевич легко может Вас устроить и сотрудником газеты.

Желаю Вас всяких благополучий.

* Примечание Б. А. Штейфона к письму А. П. Кутепова от 28 января 1928 г.: «В начале января 1928 г. генерал Штейфон, сотрудничавший во многих эмигрантских газетах и журналах, написал статью, призывавшую помогать работе “Братства русской правды”. Свою статью он переслал генералу Кутепову, прося последнего передать для напечатания в газету “Возрождение”. По поводу этой просьбы и отвечает Александр Павлович. Тон ответного письма и необычное обращение (“Глубокоуважаемый”) свидетельствует, что просьба генерала Штейфона была очень неприятна генералу Кутепову. Обвинения “Братства” и генерала Врангеля в “интригах” свидетельствуют о том, как болезненно воспринимал А. П. Кутепов всякую, даже доброжелательную критику, касающуюся его работы в Советской России. Свои неудачи в этой работе (частые провалы) он неизменно объяснял не собственными ошибками, а “интригами”, что не соответствовало истине. Генералу Штейфону было понятно (по прочтении письма от 28 января 1928 г.), что его статья была воспринята генералом Кутеповым как выпад против него. Решение, будто статья написана по совету “из Берлина”, совершенно неосновательное. В общем, это письмо, как и многие, доказывает, каким подозрительным, никому не доверяющим стал генерал Кутепов. Подозрительность и недоверие сыграли роковую роль в психологической и фактической обстановке, сопровождавшей трагический конец Александра Павловича. Отдалившись от всех, полагаясь только на свои силы, он и пал жертвой переоценки своих сил».

Лидия Давыдовна, Павлик и я шлем Вам наш сердечный привет.

Искренне уважающий Вас

А. П. Кутепов

P.S. Борис приезжал ко мне на праздник. Он работает простым рабочим на бумажной фабрике на юге Франции.

9 апреля 1928 г.

г. Париж

Христос Воскресе!

Дорогой Борис Александрович!

Лидия Давыдовна, Павлик и я поздравляем Вас с праздником Светлой Пасхи и шлем лучшие поздравления.

Лидия Давыдовна благодарит за поздравление ко дню Ангела. Уже сделал распоряжение отправить Вам первую же удачную фотографию Павлика.

Здесь новостей много; эмиграция продолжает разваливаться. Наша армейская организация тоже переживает трудное время; большинство уходит. Остается только небольшая группа старших, которая старается поддержать связь с начальством. Очень сильно помогли отходу два случая: 1) это выступление главного командования против генерала [А. И.] Деникина во время десятилетия 1-го Кубанского похода; 2) то же генералов [А. С.] Лукомского, [П. Н.] Шатилова, [П. Н.] Краснова и других. У меня получилось такое впечатление, что «голова отделилась от туловища». За последнее время сильно пошатнулся авторитет главного командования. Лично я после всех этих дрызг еще больше отошел в сторону*.

* Примечание Б. А. Штейфона к письму А. П. Кутепова от 9 апреля 1928 г.: «Весьма важное письмо, свидетельствующее о том, как оценивал генерал Кутепов положение Русского общевоинского союза за три недели до своего назначения (после смерти генерала Врангеля) председателем этого союза. Назначение генерала Кутепова председателем РОВС состоялось 29 апреля 1928 г. (приказ Великого князя Николая Николаевича). Вражда, какая существовала между генералом Врангелем и генералом Деникиным еще с 1919 г., особенно остро вспыхнула после выступления генерала Деникина зимой 1928 г., когда А. И. Деникин говорил и писал о положении Красной армии (письма “туда” и “оттуда”). Стремление генерала Деникина рассматривать Красную армию как Русскую армию, глубоко волновало уже умирающего генерала Врангеля. За несколько дней до

Барон Врангель заболел; как говорят, у него обострился желудок; это очень длинная история; ничего опасного нет, но он нервничает, как истерическая барышня. «Извел всех окружающих» – это слова Шатилова.

Пишите, как поживаете?

Шлем Вам наш общий привет.

Ваши А. П. Кутепов

26 июня 1928 г.

г. Париж

Дорогой Борис Александрович!

Очень хорошо сделали, что не поздравили меня с новым назначением; сам я отношусь к нему вполне спокойно, так как отлично сознаю, что при данной обстановке, когда нет ни власти, ни денег, трудно что-либо сделать. К сожалению, наша военная организация еще до смерти П. Н. (Врангеля. – *Прим. сост.*) переживала кризис; поэтому после его смерти еще трудно будет поддерживать порядок и дух в зарубежном воинстве.

Относительно назначения П. Н. шефом Ингерманландского гусарского полка Великий князь высказался отрицательно. Он считает, что давать ордена и назначать шефов теперь нельзя!

Буду очень Вам благодарен, если Вы будете высказывать Ваше мнение относительно различных мер, которые было бы необходимо принять для улучшения зарубежного воинства*.

смерти, уже не способный писать, П. Н. Врангель продиктовал своей супруге – Ольге Михайловне письмо генералу Штейфону. В этом письме он высказывал свое глубокое удовлетворение по поводу статьи генерала Штейфона, утверждавшего, что Красная армия отнюдь не Русская армия. Диктуя это письмо, уже умиравший и сильно страдавший Врангель был, несомненно, искренен. Поэтому генерал Кутепов явно заблуждался, подозревая генерала Врангеля в интригах. Заблуждался генерал Кутепов и относительно болезни Главнокомандующего. В письме от 9 апреля он писал «ничего особенного нет», а 25 апреля генерал Врангель скончался после длительных и тяжких страданий».

* Примечание Б. А. Штейфона к письму А. П. Кутепова от 26 июня 1928 г.: «После назначения генерала Кутепова председателем Русского общевойскаского союза генерал Штейфон писал ему, что, желая сил и успеха в новой деятельности, сознательно не поздравляет с новым назначением, ибо это назначение принесет Александру Павловичу много огорчений, обид и разочарований. На это письмо Штейфона и отвечает Александр Павлович. После кончины генерала Врангеля Штейфон писал

Как обстоят дела с Вашей новой книгой?

Лидия Давыдовна посылает Вам две последние фотографии Павлика. На лето сняли две комнаты под Парижем... поэтому Павлик весь день на воздухе.

Шлем приветы. Пишите.

В это воскресенье чины бывшего моего штаба (1-го армейского корпуса) делают мне «обед». Все это время «обедаю».

Ваш А. Кутепов

5 ноября 1928 г.
г. Париж

Борис Александрович!

Очень благодарю Вас, что Вы пользовались таким успехом на съезде писателей и журналистов. Всеми военно-научными вопросами ведаёт генерал Головин, которому отпускается некоторая сумма на «военное дело», поэтому я не имею права выдвигать другое лицо. Советую Вам написать ему и принять участие в этой большой и ответственной работе.

У меня тоже имеется масса хороших мыслей, но, к сожалению, я не имею возможности провести их в жизнь.

«Пульс армейский» я отлично угадываю, но, к сожалению, не имею возможности поставить на свое место некоторых генералов, которые своими «разговорами» разрушают нашу организацию*.

В настоящее время необходимо, как никогда, сохранить военную организацию, так как иностранцы теперь интересуются нами!

Лидия Давыдовна, Павлик и я шлем Вам привет.

Ваш А. Кутепов

А. П. Кутепову, что было бы справедливо и благородно убедить Великого князя Николая Николаевича назначить генерала Врангеля шефом Ингерманландского гусарского полка, форму которого имел покойный Главнокомандующий».

* Примечание Б. А. Штейфона к письму А. П. Кутепова от 5 ноября 1928 г.: «Ответ на письмо генерала Штейфона, упрекавшего генерала Кутепова в том, что он отошел от дел РОВСа и, по-видимому, не угадывает армейского пульса, т. е. настроений и желаний военной эмиграции. Письмо генерала Штейфона задело и весьма сильно генерала Кутепова. Когда Кутепов чувствовал себя обиженным упреками Штейфона, он обычно ссылался на отсутствие «возможностей»».

29 января 1929 г.

г. Париж

Дорогой Борис Александрович!

С некоторыми мыслями Вашего письма я был бы вполне согласен, если бы только Вы приняли во внимание, что во всякой сложной организации, а в особенности воинской, коренная ломка и переустройство должны идти исподволь.

Конечно, очень прискорбно, что многие лица не соответствуют своему назначению, и еще прискорбнее, если на местах в воинском союзе творятся, как Вы говорите, беззакония, но Вы забываете, что, не имея возможности лично общаться с воинскими организациями, рассеянными по всему свету, мне приходится мириться со многим, так как нет ни одного лица, про которого другие не говорили бы плохо.

Во всяком случае, спасибо Вам за Ваши добрые пожелания.

Напоминаю Вам несколько раз повторяемую мою просьбу – пришлите мне справку, какого числа и за каким номером приказа Вы были назначены мною комендантом города Галлиполи и начальником штаба.

Лидия Давыдовна благодарит Вас за память.

Искренне уважающий

Вас А. Кутенов

**СТАТЬИ ИЗ НОМЕРА
ЖУРНАЛА «ЧАСОВОЙ»,
ВЫШЕДШЕГО ВСКОРЕ ПОСЛЕ
ИЗВЕСТИЯ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ
ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА⁶²**

В. В. Орехов*
MERCI

Нас всегда бесконечно огорчало непонимание иностранцами цели нашей борьбы с большевизмом. Им казалось, что мы слишком тяжело переносим разлуку с Родиной и преувеличиваем то мировое зло и подлость, которые несет на своих знаменах коммунизм.

Лучшие из наших друзей французов платонически сочувствовали нам, но продолжали до последних дней считать, что большевизм – это чисто русское дело.

Теперь, кажется, завеса спала... Последнее злодеяние, направленное против достойного из достойных русских людей, имело своим последствием бурю возмущения всех французских патриотов.

«Вон красных убийц!» – так кричат заголовки газет, так начинают говорить в кулуарах палаты, так требует средний француз... «Честь страны требует от французского правительства порвать с вертепом разбойников и убийц!»

Вчера я говорил с одним из талантливых французских журналистов – он мне сказал: «Дело генерала Кутепова будет началом

* **Орехов Василий Васильевич** (1896–1990). Военный и общественный деятель. С началом Первой мировой войны, будучи несовершеннолетним, ушел добровольцем на фронт, подпоручик. С лета 1918 г. воевал в Южно-Русском добровольческом отряде. В 1920 г. – в Русской армии генерала П. Н. Врангеля, капитан. Галлиполиец. В эмиграции активно включился в работу Русского общевоинского союза; один из основателей Галлиполийского союза во Франции. В январе 1929 г. в Париже под покровительством РОВСа стал издавать журнал «Часовой». В 1936 г. участвовал в гражданской войне в Испании; из-за симпатий к Франко вынужден был переехать в Бельгию. До ее оккупации германскими войсками продолжал издавать журнал «Часовой». Возобновил его издание после окончания войны. Скончался в Брюсселе.

крестового похода против большевиков. Цивилизованный мир дальше терпеть не может! Честь Франции обязывает нас выгнать из нашей страны мерзких бандитов».

Мы верим в то, что наш Главнокомандующий будет вновь среди нас, но так или иначе его доблестное имя, несомненно, положит начало нашей победе, к которой он так мужественно и доблестно нас вел.

В эти же тяжелые дни наше горе облегчается тем сочувствием, которым дарят нас наши друзья-французы – патриоты, не забывшие России и тех жертв, которые принесла во имя общего дела Русская армия, Вождь которой так подло и предательски выведен из строя.

Друзьям нашим в несчастье – спасибо!

Е. В. Тарусский*

ПРИКАЗАНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Наш Главнокомандующий в плену. По военной терминологии он должен считаться «без вести пропавшим на поле битвы».

И это так действительно и есть. Наша зарубежная армия, стоящая отдельными гарнизонами по странам всего мира, – армия, небывалая еще в истории народов. Она стоит готовая к бою, ожидая приказа своего Вождя, безликая и многочисленная. Она как бы отведена в резерв вне линии обстрела, а впереди нее на открытом месте, под ураганным огнем врага, во весь рост стоит ее Главнокомандующий, как ее символ, как ее живое олицетворение.

Он стоит на своем славном боевом посту, и вся ярость, весь гнев, вся ненависть врага устремлены на него.

Уже десять лет стоим и мы, полные бескрайней ненависти, на рубежах плененной России. Сотни тысяч наших глаз гипнотизируют палачей России и мешают им спокойно продолжать свое гнусное дело.

Наш Главнокомандующий в плену.

* **Тарусский Евгений Викторович (Рышков-Тарусский) (?–1945).** Писатель, поэт, редактор журнала «Часовой». Во время Второй мировой войны служил при атамане П. Н. Краснове. 28 мая 1945 г. в Лиенце (Австрия) перед выдачей органам НКВД покончил с собой.

Он пленен не в честном открытом бою и не великодушными рыцарями-врагами. Он пленен подлыми и бесчестными негодяями, мировыми бандитами, которые дерзко и нагло вышли для разбоя и злодеяния на широкие, проезжие европейские дороги.

В самой жестокой и беспощадной войне, к великой радости своих соратников, «без вести пропавшие» порой избегают плена и возвращаются под родные знамена. Все русские люди неустанно молят Бога «о благополучном возвращении» генерала А. П. Кутепова. Надежда эта теплится во всех наших сердцах и да спасет Господь драгоценную для России и для русского воинства жизнь Главнокомандующего.

Наш Главнокомандующий в плену.

И вот, накануне дня своего пленения, – он велел капитану Орехову и мне (бывшим у него утром в субботу 25 января) передать на страницах «Часового» всему зарубежному воинству следующее:

«Мне стало известным, что на Общевоинский союз, в частности, на его председателя, в самом ближайшем будущем будут предприняты отчаянные нападения заграничного ГПУ. Будут пущены все средства. Как известно, в средствах большевики не разбираются, и среди этих средств главную роль будет играть провокация. Мы должны быть готовы к этому натиску – мы должны предупредить всех наших офицеров, всех членов Общевоинского союза.

Напишите об этом, предупредите освоенное зарубежье. В такие минуты, как никогда, нужны выдержка, спокойствие, дисциплина и связь со своими ближайшими начальниками».

Мы исполняем волю Главнокомандующего и передаем его устное приказание.

Как всегда, он думал о нас, о всех русских офицерах и солдатах, матросах и казаках. Он думал об Общевоинском союзе и сам, оставаясь на своем славном посту, подал своим соратникам команду:

– Сомкни ряды!

Н. Н. Чебышев* ЧЕМУ УЧИТ СЛУЧИВШЕЕСЯ?

Открытое письмо Общевоинскому союзу

Всякую партию можно выиграть;
нельзя только выиграть партии брошенной.
Замечание шахматиста

Прямой расчет подходить к оценке поражения, свалившегося на голову белым, – хладнокровно. Гневаться можно, часто неизбежно, но бесполезно и вредно. Гнев, владеющий нами, слабость. Идет война...

Большевики могут торжествовать. Но они будут торжествовать вдвойне, если, изъяв главу воинской среды, они внесут в нее смятение. Они тройне возликуют, если она потеряет рассудок...

Потерпевшая поражение организация находится всегда в большей или меньшей опасности, идущей из ее недр. Выступают живчики распада.

Может начаться внутренняя грызня. Раздражение обращается, прежде всего, на ближайшее соседство, на товарищей по несчастью. Начинаются взаимные попреки. Тут подливают масла в огонь и те, кто по духу очень далек от организации: «Не доглядели за Кутеповым...» Я не берусь вникать сейчас в праздный вопрос, насколько можно следить насильственно за человеком, нуждающимся в полной свободе.

Генерал Кутепов нес опасное бремя и приносил делу ежедневно большие жертвы, но приходится все-таки заметить, что можно сомневаться в целесообразности совмещения личной непосредствен-

* **Чебышев Николай Николаевич** (1865–1937). Юрист, журналист, участник Белого движения. С 1890 г. служил по ведомству Министерства юстиции. После февраля 1917 г. – сенатор уголовно-кассационного департамента Сената. В 1919 г. возглавлял Управление внутренних дел Вооруженных сил Юга России, входил в состав Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. Осенью 1919 г. покинул пост и вступил в монархический Совет государственного объединения России. В 1920 г. входил в состав редакции газеты «Великая Россия», отражавшей официальную позицию генерала П. Н. Врангеля. В эмиграции жил в Константинополе, позднее в Болгарии. Занимал должность политического консультанта при военном представителе Врангеля в Берлине генерале А. А. Лампе, позднее занимал пост начальника гражданской части канцелярии Главнокомандующего. С 1926 г. жил во Франции, работал в газете «Возрождение», входил в состав правления Союза русских литераторов и журналистов в Париже.

ной работы с нахождением на самом видном месте во главе организации. Генерал Кутепов, наверное, на эти сомнения бы ответил. Но и сейчас можно сказать: такова была его природа – быть всегда впереди и впереди всех идти под пули.

* * *

Случилось несчастье.

Но посмотрите, что от него уже ведет начало. Зарубежное воинство вострепелось, на общей боли ощутило общность свою и связь. Я убежден, что под громopodobным ударом воинский союз в целом свете ожил.

Обнаружилась резче связь воинства с эмиграцией. С так называемой эмиграционной массой, пребывающей вне партии и общественных группировок. Жадно следят за событиями, церкви полны, стоят на улице. Беженство охвачено одним напряжением. Страстным желанием помочь воинскому союзу. Помогают розыску, несут деньги.

Весь свет осведомится о российской зарубежной воинской громаде. Знают, что такое воинский союз, вырисовывающейся во всеобщем сознании как лицо национальной России.

Накануне вы едва ли нашли бы в Париже десятка два иностранцев, осведомленных о существовании нашей военной организации.

Теперь нет уголка на земном шаре, где не знали бы о ней. Воинский союз это те, кто дрался с немцами. А похитили генерала предатели, заключившие с ними мир в Брест-Литовске.

Сила эта значительна, настолько значительна, что советская власть решается даже на разбойный увоз человека, силой этой распорядившегося. На похищение его живьем с чужой территории.

Такова оценка союза врагом. Врагом расчетливым, не расходуемым на лишние жесты. Подобные отчаянные действия направляют только против того, кого страшатся.

И я вам скажу, почему страшатся и что им нужно.

* * *

Страшились не одной работы генерала Кутепова. Страшились и страшатся всего Союза. В нем заложены, в нем отслоились, в нем спаслись, окопались от врагов, от собственной, внутренней, столь легко прокладывающей себе путь в эмигрантских условиях порчи – мысль и душа российской национальной государственности, единение, действие и жертва, мечта о широком просторе раскрепощенной Родной Земли, память о тех, кто за нее лег, и вера в час ее воскресения.

Вы остров, на котором мы собираем прибитые к европейскому берегу обломки и сушим ризы после кораблекрушения.

И пока это убежище есть – от него бегут, несутся волны утра-щения тем, кто изо дня в день, из часа в час, из минуты в минуту ра-ботает, вытравляя разум и красоту, истребляя чудесный образ великой, единой, осеняющей крылом своим все племена России!..

Поймите же, что лежит на вашей совести, как надо беречь вашу целостность и единство, воплотившиеся так счастливо, скажем прямо, гениально в союзе... Ведь он не артель взаимопомощи, а сама Рос-сия, отступившая в пределы Вселенной, несущая в трудном, длин-ном походе, в пустыне голода и нужды, на раменах скинию заветов, изгнанные порабитителями, но спасенные святыни...

* * *

Я вам скажу, что врагам нужно.

Им нужно, чтобы вы перессорились за выбытием вашего гла-вы, чтобы клевета бередила ваши нервы, чтобы последняя камен-ная кладка, необходимая для основы будущего здания, дала трещи-ны и обратилась в пыль.

Будьте стойки, будьте мудры, опыта у вас много и много вы пе-ренесли. Стойте рядом, плечом к плечу, тесно друг около друга, подчиняйтесь уставу, слушайте тех, кто поставлен над вами, за-будьте себя, повседневные счёты, помните о России!..

Гадать о сроках не дано, но кто знает, не кроется ли в том, что случилось, самый убедительный за последние годы знак близкого крушения врага?..

А. П. Ливен* **БУДЕМ ГОТОВЫ!..**

Тяжелым ударом судьбы для Общевоинского союза и для всей русской эмиграции было исчезновение генерала Кутепова в воскресе-нье 26 января 1930 года. Если в данную минуту еще не потеряна последняя надежда на освобождение генерала, то нельзя не считать-

* **Ливен Анатолий Павлович** (1878–1937). Князь, полковник. У частник Первой мировой войны в рядах Кавалергардского полка, ротмистр. В 1918 г. участник организации добровольческих частей в Прибалтике. В январе 1919 г. сформировал и возглавил Либавский добровольческий стрелковый

ся с тем, что он пал жертвой на поле брани. Происшествие это, случившееся среди белого дня на улице великой столицы, заставило даже близоруких и слепых понять, что борьба с третьим интернационалом и для западноевропейца не пустой звук, а сугубая действительность. Угроза войны, о которой всегда широковещательно будут говорить красные главари, – войны классовой и беспощадной – переходит в военные действия с целью уничтожения противника. Фронта сейчас еще нет, и военные действия начались с разложения и уничтожения тыла противника. Работа эта основана на подкупе, на измене, на отравлении и физическом уничтожении противника, начиная с головки. Исполнителями этой боевой программы могут только быть международные преступники, находящиеся в странах, признавших советское правительство, под защиту СССРовских полпредств, пользующихся дипломатическим иммунитетом.

«Буржуи» сами предоставили разбойникам неприступные крепости в собственных столицах, откуда агенты красного интернационала ведут свою разрушительную работу против этих же им благодетельных буржуев.

Вот безотрадная картина в большинстве капиталистических стран, которая способна привести даже ярых оптимистов в безнадежное отчаяние. Но нет худа без добра. Малодушные пусть впадут в отчаяние, пусть забывают о Родине, но те, кто еще любит свою Родину, кто понимает всю дьявольскую силу антихристианского коммунизма, кто верит в Бога и в конечное торжество правды и света, те – все – в такие дни испытания только сомкнут теснее свои поредевшие ряды и объединятся вокруг своих вождей, в которых они верят.

Мы, живущие на границах Советской России, ни на минуту не забываем, что война продолжается – мы ощущаем ее на каждом своем шагу. И то, что с коммунистической наглостью большевики применили свои преступные приемы на территории культурнейшего государства, – только доказывает всем нам еще и еще раз, что они ведут войну с нами на всем необъятном мировом фронте. Тыла в этой войне нет.

Преступное похищение генерала Кутепова агентами советской власти только доказывает, что она чего-то боится, ибо не чувствует

отряд; позднее – командующий Либавской добровольческой группой, соединившейся с Северо-Западной армией; с лета до конца 1919 г. – начальник 5-й пехотной дивизии, полковник. В эмиграции жил во Франции, затем в Латвии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда (1921).

под собой твердой почвы. Она считает Общевоинский союз и его главу для себя опасными, и изъятием главы думает внести в ряды союза дезорганизацию. Не допустить этого есть главнейшая, священная обязанность каждого рядового члена союза. Строжайшая дисциплина, не внешняя только, а внутренняя, нравственная и сознательная, вот что может сохранить внутреннюю силу союзу до того, Бог даст, недалекого дня, когда члены союза в составе своих воинских частей смогут на территории России помочь крестьянству и всему населению освободиться от кабалы преступного третьего интернационала. А до тех пор каждый в отдельности, применяя кавалерийское выражение, «должен держать себя в шенкелях».

А. П. Богаевский* ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ

Прошло три недели, а о генерале А. П. Кутепове – ничего нового... Среди бела дня, чуть не в центре мирового города – бесследно исчез здоровый, полный сил и бодрости человек, русский генерал, всем известный, – и никакие усилия образцовой французской полиции, поиски сотен опытных сыщиков и русских людей – до сих пор не дали ничего определенного и ясного, даже представления о том, жив ли еще он.

Чисто сделала свое подлое дело гнусная советская власть!

Но надежда еще не потеряна! Розыски упорно продолжаются и, нужно думать, – не останутся совершенно безрезультатными. Никто, конечно, не сомневается, что все это похищение устроено чекистами

* **Богаевский Африкан Петрович** (1872–1934). Генерал-лейтенант, войсковой атаман Всевеликого Войска Донского. Участник Первой мировой войны; в 1917 г. командир 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, с августа – заместитель начальника штаба 4-го кавалерийского корпуса, генерал-майор. В Добровольческой армии с самого начала. Участник 1-го Кубанского похода, командир Партизанского полка, затем 2-й бригады. С мая 1918 г. – председатель Донского правительства, генерал-лейтенант. В феврале 1919 г. избран Войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского вместо генерала П. Н. Краснова (оставался Донским атаманом до конца жизни). В январе 1920 г. он был назначен генералом А. И. Деникиным председателем Южно-Русского правительства. В 1920 г. находился в Крыму при генерале П. Н. Врангеле до эвакуации. В Константинополе создал Объединенный совет Дона, Кубани и Терека. В эмиграции проживал в Болгарии, Югославии; в 1923 г. переехал Париж, где активно сотрудничал с руководством РОВСа.

с ведома, если не при участии советского посольства в Париже, и недаром там поднялась теперь такая тревога! Ведь вся эта история, при дальнейшем своем развитии, – грозит большевикам немалыми затруднениями, может быть, даже закрытием посольства, а кому же из них, служащих там, хочется вернуться в милое советское отечество?

Но нужно быть готовым ко всему... Одного за другим призывает Господь к Себе видных русских людей, вождей белой армии, как и многих рядовых ее бойцов. Но их место бестрепетно занимают другие, готовые немедленно взять в руки оружие для борьбы с врагами Родины.

Война с проклятой советской властью еще не кончена! Пусть пока победа не на нашей стороне. Но это – временно. Русский народ, сбитый с толку, обманутый большевиками, – хорошо видит теперь, куда они ведут его... И недаром Сталин и его приспешники потоками крови стараются потушить ненависть, которая растет против них в народе.

Но они видят, что кровавым террором не достигают цели. И вот – новая попытка справиться со страшной волной, которая грозит им: обезглавить крепко спаянные кадры будущей Русской национальной армии. Попытка хорошо подготовленная, но и безумно глупая: еще крепче сомкнутся ряды непримиримых врагов советской власти под главенством нового вождя, а европейцы, уже начинающие разбираться в том, какую змею пригревают у себя, – получают новое яркое доказательство того, что наш враг – общий с ними. Едва ли большевикам приятен весь этот шум около дерзкого похищения генерала Кутепова. Ведь это грозит серьезными дипломатическими осложнениями, ухудшающими и без того тяжелое положение советской власти.

* * *

Мы, казаки, соратники генерала Кутепова по Ледяному походу, упорной борьбе с большевиками в степях Дона, равнинах и горах Кубани и Терека, Крыма и Таврии, – шлем Русскому общевосточному союзу искреннее пожелание благополучного возвращения его доблестного вождя на свой почетный, хотя и опасный пост. Личный свидетель его блестящей храбрости во многих боях Ледяного похода, хочу верить, что Господь поможет ему с честью выйти из гнусной ловушки своих злейших врагов, и наши общие усилия спасти его – не будут напрасными. Дай Бог!

А. Югорский **ЦЕЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПОХИЩЕНИЯ** **ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА**

Большевики имели в виду:

Нанести физический удар по организованной эмигрантской силе, имеющей вполне определенное устремление. Здесь характерен способ устранения главы русских комбатантов – не открытое убийство, а тайное похищение.

Этот способ нанесения физического удара был вызван второй задачей чисто чекистского размаха – нанесение удара морального.

Моральный удар должен был повлечь, по мысли организаторов, во-первых, – паническое расстройство в эмигрантской среде как следствие длительной неизвестности судьбы генерала Кутепова. Затем возможность на том же основании – разлагающей пропаганды и провокационной деятельности в самой эмигрантской среде. В этом направлении большевикам открывалось широкое поле деятельности: прежде всего – дискредитирование личности самого генерала (слухи о бегстве на романтической подкладке, с кассой, по примеру Слащева). Затем – инсинуации о возможном предательстве ближайших сотрудников и высших чинов. Наконец, подрыв доверия всех друг к другу.

Большевики рассматривают РОВС как грозную для них потенциальную силу. В настоящее же время РОВС, возглавлявшийся своим председателем А. П. Кутеповым, является лишь объединением бывших военнослужащих, преследующих цели взаимной материальной и моральной поддержки. Но в случае, если бы коммунистическая власть не только бы пала, но лишь зашаталась – удельный вес союза возрос бы во много раз сам собой и просто, по естественному ходу вещей, стал бы мощным политическим фактором.

СПРАВКА,
разосланная при циркуляре председателя
Русского общевоинского союза старшим начальникам
26 февраля 1930 г. за № 12

Из внушающего доверие секретного источника известно, что, организуя похищение генерала Кутепова, большевики преследовали несколько целей:

1. Устранить врага, которого они считали в настоящее время наиболее для себя опасным среди всей эмиграции.

2. Внести раскол в ряды эмиграции и, особенно, в ряды Русско-го общевойскового союза по вопросу возглавления союза.

3. Внести в ряды Русского общевойскового союза деморализацию путем распространения ложных слухов.

В зависимости от обстановки большевики решили распространять слухи либо об измене генерала Кутепова и переходе его на сторону большевиков, либо о его бегстве с присвоением общественных сумм, либо о похищении его одной из эмигрантских группировок. Наконец, в случае обнаружения, что генерал Кутепов стал жертвой большевистского заговора, коммунисты рассчитывали, что это будет терроризировать виднейших представителей противобольшевистских организаций.

4. Провоцировать эмиграцию на незаконные действия против представителей и агентов СССР за границей. Такие действия, по мнению большевиков, могли бы [остановить] волну нарастающего против них заграничного общественного мнения.

26-го февраля 1930 года

г. Париж

ИЗ ИНФОРМАЦИИ ГЕНЕРАЛА П. Н. ШАТИЛОВА

Поездка генерала Кутепова в Берлин происходила при следующих обстоятельствах: в начале января к генералу Кутепову явились генерал [П. П.] Дьяконов и генерал [Г. Г.] Корганов, которые и раньше его изредка посещали, и заявили ему, что они уже некоторое время состоят в связи с сильной контрреволюционной организацией Красной армии и что от ее имени предлагают генералу Кутепову встретиться с представителями этой организации для связи действий по свержению в России советской власти.

Генерал Кутепов, не отказываясь от связи с прибывшими из России лицами, однако, сам в Берлин ехать не пожелал, а командировал туда полковника Зайцова.

Встреча полковника Зайцова с представителями, прибывшими из России, состоялась 16 января, причем, к своему удивлению, в одном из них полковник Зайцов увидел бывшего полковника де Роберти, печальная история которого на Юге России известна многим. Другим лицом был уже известный некоторым организациям в Париже бывший полковник Попов.

Прибывшие из России бывшие офицеры заявили, что они не уполномочены говорить с кем-либо, помимо генерала Кутепова, что и вызвало посылку полковником Зайцовым соответствующей телеграммы генералу. В результате этой телеграммы генерал Кутепов выехал в Берлин.

Первая встреча произошла в гостинице, где остановились де Роберти и Попов. Что касается Попова, то связь с ним поддерживалась уже сравнительно давно некоторыми эмигрантскими политическими организациями, и он там пользовался определенным доверием. Так, при его посредстве отправлялись в Россию изготовленные для пропагандных целей листовки и другие издания.

Как потом было выяснено, свидание происходило при таких условиях, что в соседней комнате сидело какое-то неизвестное лицо и имело возможность слышать весь разговор, который касался сообщения генерала Кутепова сущности будто бы имеющейся организации и тех мер, которые ожидаются от генерала Кутепова для оказания помощи намечаемому восстанию.

Следующая встреча происходила уже в другом месте и при обстановке, при которой постороннего наблюдателя не было. При новых встречах генерал Кутепов уже имел возможность составить себе определенное представление, что приехавшие из России лица являются агентами ГПУ и что никакой контрреволюционной организации, от имени которой они говорили, вообще не существует.

Закончив переговоры, генерал Кутепов выехал обратно в Париж. Следует отметить, что неизвестно по каким причинам, но генералу Кутепову одним из прибывших из России лицом было сообщено, что весной на него должно быть совершено покушение.

О своих впечатлениях по поводу встреченных лиц генерал Кутепов поделился с полковником Зайцовым и сообщил ему о том, что, по заявлению одного из прибывших, на него весной надо ожидать покушения, о чем было своевременно сообщено агенту связи с французской полицией.

Естественно, что при обследовании обстоятельств покушения было обращено внимание на возможность прибытия из Берлина в Париж оставшихся там собеседников генерала, прибывших из России, с целью заманить его на улицу Удино. Однако собранные данные определенно указывали, что они до 8 февраля оставались безвыездно в Берлине.

В. Х. Даватц ПОЗОР

Среди бела дня, в мировом центре, исчезает вождь Русской армии, генерал Кутепов.

Какой позор, какой несмываемый стыд – что методы самого отдаленного востока, методы Марокко, Тибета, Абиссинии переносятся в Париж! И это делается при явном равнодушии – ибо там же, рядом, на рю Гренель, засели «неприкосновенные» разбойники. Это все знают, до последнего ажана, все понимают – и все делают вид, что «все обстоит благополучно»...

Когда умер Врангель – стоустая молва говорила, что он отравлен. Как-то не вмещалось в сознании, что сгорел, как свеча, человек, полный сил и энергии. Но улик не было. Если он и погиб насильственной смертью, дело было сделано «чисто».

Теперь же, при исчезновении генерала Кутепова, нет ни малейшего сомнения, чья это рука, чье это дело. Не нужно догадываться. Здесь нет «убийц из-за угла». Перед тем, как «хлопнуть дверью», большевики решили не стесняться и быть нахальными. С циничной откровенностью, еще до чаемой «мировой революции», они хотят насадить и действительно насаждают в Европе свои порядки...

А Европа молчит – и не выгонит патентованных жуликов, убийц, растлителей человеческой морали и добрых нравов из насиженных неприкосновенных мест!..

* * *

Дай Бог, чтобы мы опять увидели в своих рядах доблестного генерала: слабая надежда удерживает нас от того, чтобы писать некролог.

Но из этого ужасного преступления мы сделаем выводы, которые нам должны быть полезны.

Белое дело не умерло – и Русская армия жива! Это первый и главный вывод. Ибо решиться на такой скандал могли они только потому, что воинская организация, которую столько раз хоронили, жива, и не только жива, но и опасна. Только против живой и опасной организации можно было решиться предпринять такие шаги.

Второй вывод, который особенно будет нам полезен, если судьба даст нам счастье вновь обрести А. П. Кутепова, – это персональная ценность генерала Кутепова для антибольшевистской борьбы.

Не только в лагере политических противников, но и в нашей среде находились люди, которые скептически смотрели на то дело, которое взвалил на свои плечи доблестный генерал. «Мы ничего не знаем, что он делает», – вот был лейтмотив этих сомневающихся, и слова А. П. Кутепова, что нужно личное доверие к возглавляющему национальное дело – их не удовлетворяло.

Ну что же, господа скептики, вы получили теперь это доказательство?

* * *

Трудно негодовать на большевиков: не только исчерпаны уже все слова, но и все чувства. Но нужно негодовать на русское болото, не умеющее ценить лучших своих людей, отравляющее их жизнь и их работу интригами и сомнениями...

Только их смерть, только трагическая катастрофа в их жизни – способна всколыхнуть эти души, способна заставить их призадуматься и оценить тех, кого в обычной жизни мы не умеем ни ценить, ни любить...

И. Г. Эрдели* **А МЫ ИМ КУТЕПОВА НЕ ЗАБУДЕМ...**

Способом подлым и низким, путем провокации и обмана агенты ГПУ выхватили в Париже среди бела дня главу РОВСа генерала Кутепова.

Решимость прибегнуть к подобному крайнему средству, несомненно, указывает на то, что большевики в данное время чувствуют себя у себя дома очень неуверенно, а с другой стороны, совер-

* Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939). Генерал от кавалерии. Участник Первой мировой войны; в 1917 г. – командир 18-го армейского корпуса, в июне – командующий 11-й армией, в июле – командующий Особой армией на Юго-Западном фронте. Арестован Временным правительством в августе 1917 г. за поддержку генерала Л. Г. Корнилова, заключен в Быховскую тюрьму. В Добровольческой армии с самого начала. Участник 1-го Кубанского похода, командир Отдельной конной бригады. Позднее – начальник 1-й конной дивизии. С апреля 1919 г. – главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края; с июля – главноначальствующий на Северном Кавказе. В 1920 г. Русской армии генерала П. Н. Врангеля в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции жил в Париже; с 1934 г. – начальник 1-го отдела РОВСа.

шенно ясным становится то исключительное значение, которое они придавали недюжинной личности председателя РОВС, а также каким мощным организмом и серьезным врагом является в их глазах сам союз.

Цель большевиков, наметивших генерала Кутепова как свою жертву – ясна: поразить главу РОВСа в расчете, чтобы этой мерой внести в союз разнь, возбудить в нем противоположные течения, подорвать дух и расшатать основательно эту воинскую организацию, к идеалам и стремлениям которой все больше и больше стали прислушиваться там, в России.

Однако, если первый шаг, в смысле нанесения удара главе РОВС, удался большевикам, то вероятно ли, что и дальнейшие их расчеты могут оказаться осуществимыми?

Разберемся в этом вопросе.

В течение ряда лет, на чужбине, трудами и руководством наших вождей выковался воинский союз. Генерал Врангель, Великий князь Николай Николаевич, генерал Кутепов вложили свои силы, чтобы насаждать и поддерживать в союзе воинский дух, укреплять взаимное единение и стойкое служение национальной идее, вместе с готовностью к непримиримой борьбе против поработителей России.

За все время своего существования РОВСа пришлось и встретить, и перенести много нападок, упреков, много клеветы и травли с разных сторон и, в довершение всего, один за другим сошли в могилу вожди союза: сначала генерал Врангель, и затем Великий князь Николай Николаевич.

Обе эти смерти явились тяжкими ударами и огромным испытанием. Но союз не пошатнулся, выдержал эти удары с честью и, затаив в душе горе, горячо откликнулся год тому назад на призыв к единению и к продолжению борьбы генерала Кутепова, заменившего почившего Великого князя.

И этот последний год, в течение которого генерал Кутепов находился во главе РОВСа, ясно определил, что все минувшие удары и испытания, через которые прошел союз, не ослабили его, а, наоборот, послужили к тому, чтоб закалить дух союза, закрепить его стойкость и твердость для служения национальной идее.

Авторитет РОВСа возростал, значение его как самостоятельной, независимой организации увеличивалось, а прочность нравственных, идейных основ союза становилась все крепче и взаимное единение теснее. Идеалы, вложенные в задачи и цели союза его во-

ждями, постепенно входили в плоть и кровь Союза, и живучесть этих идеалов не раз подтвердилась уже самой жизнью.

Так, постепенно, РОВС вырос, возмужал, окреп и успел стяжать себе доброе и честное имя не только среди русской эмиграции, но и среди иностранных государств.

И потому теперь, когда союз стоит прочно на своих ногах – когда судьбой послано ему новое, исключительно тяжелое испытание, – не может быть опасения за прочность и живучесть союза: у него найдется достаточно сил, чтобы выдержать это испытание и не только даже выдержать, но и достойно ответить на него, смело принимая вызов, брошенный ему большевиками.

И лицо союза после совершенного ГПУ злодеяния осталось ясным и определенным: внезапно обезглавленный большевиками союз остается неизменно той же сплоченной воинской организацией, коей он и был, и он будет преследовать непоколебимо те же цели непримиримой борьбы, что и ранее, объединяясь вокруг того лица, которое заменяет генерала Кутепова. Если же Господь Бог в Своих неисповедимых путях возвратит нам генерала Кутепова здоровым и невредимым, то генерал Кутепов займет свое место во главе РОВСа. И в том и другом случае союз представляет из себя единый фронт, готовый не только к встрече и к отражению врага, но и к наступлению.

В эти дни нам необходимо твердо помнить, что всякое уныние, равнодушие, упадок духа – вообще всякая слабость нравственная – это именно то, что в нас нужно большевикам и для достижения чего они не брезгают никакими средствами; теперь они атаковали именно генерала Кутепова, олицетворявшего собой энергию, волю и дух борца и бойца.

И потому, кто смугится дурной [душой] – прибегайте открытым сердцем и без ложного стеснения и стыда к старшим, к более сильным и ищите в них бодрости и поддержки. А все, кто старше, кто крепче духом, кому минувшая борьба во время Великой и Гражданской войн дала и авторитет, и опыт – должны почитать своей святой обязанностью откликнуться на подобные призывы и независимо от этого самостоятельно стремиться всегда утверждать и поддерживать высокий дух среди чинов союза.

Никому не ведомо, когда подойдут сроки последней и решительной схватки, но, видимо, грозные признаки борьбы не на живот, а на смерть с большевиками приближаются, и РОВСу надо быть готовым всегда на борьбу, ибо РОВС – это русское воинство, а чины союза – русские воины.

Предназначение же наше – русских воинов за рубежом – сохранить незапятнанным стяг Белого движения до той поры, когда придет час действительной борьбы.

В выполнении этого предназначения – долг чести РОВСа, и порукой выполнения долга является символ веры союза: единение, дисциплина, служение национальной идее и борьбе против большевиков до конца.

В этих идеалах сила союза, его живучесть и, опираясь на них, союзу не страшны козни большевиков и наносимые ими удары.

И в ответ на злодейское похищение любимого начальника союз смело заявляет большевикам: «Мы живы, мы хотим и будем жить, а генерала Кутепова вам не забудем».

В. Е. Рейнбот*
ЗАПИСКА ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ
ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА⁶³

В газете «Ami du Peuple» от 4 июля мне встретились замечания по делу о похищении генерала Кутепова о том, что розыскные власти были умышленно увлечены агентами большевистского полпредства на ложный нормандский путь. Замечание это заставило меня вспомнить и надуманные мною более двух лет назад [мысли] о ложности самого отправного пункта начальных розысков.

Проживая тогда в Варшаве, я, конечно, мог воспользоваться очень неточной информацией одной или нескольких русских газет. Мнение мое тогда сложилось и не изменилось теперь: похищение будто бы Кутепова в автомобиле с угла Удино и Русселе – инсценировка.

Нет более обеспечивающего способа провалить розыски, как с первых шагов быть уверенным в раскрытии тайны момента, места и обстановки обследуемого преступления. Такая уверенность привязывает розыск к одной точке и дает направление только одной ленте.

* **Рейнбот Виктор Евгеньевич** (?–1956). Судебный деятель. В годы Первой мировой войны председатель Петроградского окружного суда. В 1918 г., после прихода к власти на Украине гетмана П. П. Скоропадского – товарищ министра внутренних дел в его правительстве, с ноября – министр юстиции в правительстве С. Н. Гербея. В эмиграции проживал во Франции, в Ницце.

Стоит преступлению совершиться в действительности в иной момент и в ином месте, и привязанный к своей уверенности розыск обречен на непременную, беспощадную неудачу. У розыска в данном случае непоколебимой отправной точкой с первого же дня было взято положение: Кутепов похищен в зеленом автомобиле, сопровождаемом красным, с улицы Удино Русселе в 10 часов 15 минут.

Почему утверждалась такая уверенность? Основой для нее послужило случайное (?) открытие газетным сотрудником свидетеля – очевидца всей обстановки совершенного похищения генерала Кутепова, подтверждавшееся еще свидетельницей, которая у моста *Alma* видела через широкое заднее стекло автомобиля человека с ватной маской на лице.

Дальнейшие свидетельства пути автомобилей несут характер миражных видений, внушенных самим себе свидетелями после увлекательного чтения репортажа.

Если большинство свидетельств – миражи самовнушений, то основное свидетельство служителя больницы *Стеймеца* не мираж. Хоть именно в силу его значения и определенности необходима была бы его тщательная проверка. Действительно ли случайность натолкнула газетного сотрудника, или имело место наведение сотрудника на этого свидетеля кем-либо другим и кем именно? Не нашел ли сам свидетель сотрудника, чтобы сообщить ему сообщение непосредственно розыскной власти? Выяснена ли личность, судя по фамилии, не француза, *Стеймеца*? Выяснены ли его знакомства, связи? Не могло ли быть у него стремления направить следствие на ложный путь? Установлены ли знакомства *Стеймеца* вне служебного персонала больницы? Действительно ли свидетель случайно видел из окна картину похищения или, быть может, он знал и ждал, чтобы увидеть и запечатлеть для будущего показания точную обстановку посадки человека с бородкой в зеленый автомобиль? Не странно ли, что больничный служитель вытряхивает ковры из окна или с балкона так поздно, после 10 часов? Допускалось ли это порядками больницы?

Если все вопросы обследованы, и показание очевидца в правдивости и искренности не может вызвать подозрения, то тогда надо исследовать, было ли виданное действительным похищением генерала Кутепова, или, может быть, искусной инсценировкой с помощью лица, загримированного под Кутепова, тогда как настоящий Кутепов был убит в другом месте Парижа, в конспиративной комнате другими членами шайки.

Поставьте вопрос, сколько шансов было у преступников искусного похищения в обстановке, устанавливаемой очевидцем? Думается, что не более десяти на сто.

Надо было, чтобы Кутепов вышел из квартиры в определенный час; надо было, чтобы его никто не сопровождал; надо было, чтобы на улицах в данный час не было никого из знавших Кутепова, надо было предвидеть, что к этому времени не подъедет обычный шофер, надо было, чтобы собиравшийся куда-то поехать на трамвае или автобусе Кутепов согласился отказаться от поездки и последовал добровольно за двумя неизвестными; надо было, чтобы Кутепов был совершенно наивен и поверил, что настоящие агенты полиции зовут его в комиссариат либо в префектуру не из его постоянной квартиры по ордеру, а с перекрестка улиц. Надо было, чтобы Кутепов, физически очень сильный, внутри автомобиля не оказал схватившим его за руки, наложившим маску наркоза на лицо мнимым полицейским, ни малейшего сопротивления, заметного сквозь стекла с четырех сторон автомобиля; надо было, чтобы наркотическая маска подействовала в несколько секунд (или и тут Кутепов агнцем подчинился авторитету формы?). Надо было, чтобы два неразлучных автомобиля на своем пути не зажались где-нибудь в заторы и не привлекли внимания ни случайной публики, ни постового ажана необычайностью происходящего в автомобиле; надо было, чтобы поиски Кутепова задержались на сутки, и нельзя было вовремя дать знать о похищении по всем автомобильным дорогам Франции с точным и ярким указанием окраски машины, увозившей из Парижа жертву.

Допустимо ли, чтобы преступники бросились в злодеяния с безумным расчетом на стечение только одних благоприятных их плану обстоятельств?

Должно задать вопрос, были ли соблюдены какие-либо предосторожности при осуществлении похищения, чтобы избегнуть обнаружения? Избраны ли автомобили наиболее распространенного типа такси наименее заметной окраски? Приняты ли были меры, чтобы происходящая посадка в автомобиль не привлекла внимания прохожих, приняты ли были меры, чтобы происходящее внутри автомобиля было скрыто от любопытного взгляда? Приняты ли были меры к тому, чтобы лицо ажана фальшивого появилось впервые при самом похищении, а не сделалось уже известным ранее? Не являлось ли явной небрежностью оставить воротник ажана без номерного знака?

На все далеко не исчерпывающие вопросы ответ будет следующий: мер для обозначения успеха принято не было; но при отвлекающей инсценировке их принимать и не требовалось. Напротив, чем лучше запечатлевалось происходящее и чем больше о том свидетелей, тем верней увлечение розыска по неверному пути. Риска никакого при инсценировке, ибо все проходит по заранее подготовленному актерами сценарию.

Автомобилей зачем-то было два; окрашены в яркие различные цвета; сзади автомобиля широкое не затянутое шторой стекло, приглашающее любезно посмотреть и заметить, что двое мужчин держат крепко за руки третьего, а четвертый последнему наложил и удерживает ватную маску на лице. Два различных цветных автомобиля, везущих жертву и шайку преступников, которые, вопреки здравой тактике бандитизма, не разъезжаются по разным направлениям от места злодеяния, чтобы съехаться потом далеко в условленном месте, а напротив того, во все время пути держатся неразлучно; точно говорят: «Запомните нас, один зеленый, другой красный, мы всегда вместе, не забудьте же».

Путь из Парижа ведь должен был быть избранным заранее по наименее загруженным ездой улицам, здесь же нарочно избирается путь через исправляющийся мост, чтобы без промаха попасть в затор.

Еще один вопрос, допустимо ли, чтобы Кутепов был вовлечен в автомобиль на углу Удино и Русселя своими секретными сотрудниками, предавшими его затем? Ответ и здесь отрицательный. Кутепов отлично знал, что за ним около его квартиры имеется постоянная слежка из ближайшего кафе, и конечно, никаких встреч со своими тайными агентами здесь он допустить не мог.

Но если налицо инсценировка, то куда же должны были направиться внимание и усилия розыска?

Прежде всего, надо было выяснить характер и привычки Кутепова и степень участия его в конспиративной, противобольшевистской работе. Все это устанавливается быстро: генерал Кутепов решителен, смел, но вдумчив; аккуратен и точен до педантичности; главную, важнейшую конспиративную работу ведет самолично. Кутепов аккуратно ведет записи в карманной книжке исполняемому, надлежащему исполнению и всем расходам.

Далее, в связи с выясненным должно внимательно вдуматься в бесспорно установленные факты рокового времени. Кутепов в 12 1/2 часов дня похищения должен был быть в церкви недалеко от своей квартиры. Кутепов накануне вечером отказался от приезда

к нему утром дежурного шофера. Кутепов вышел из дому около 10 часов утра и прошел к месту остановки Levres Invalide l'm panlacle. Очевидно, Кутепов имел в виду поездку по этим линиям, и поездку крайне конспиративную, иначе он не отказал бы накануне шоферу.

Кутепов до начала панихиды в церкви мог располагать двумя с чем-то часами. Имея в своем распоряжении это время, он, очевидно, не мог уделить на поездку более часа, считая в оба пути. Если бы встреча была назначена ближе такого пути, то генерал – отличный ходок, сделал бы дорогу пешком. Да и трудно предположить, чтобы конспиративное место встречи с важным агентом было близко к дому генерала.

Теперь остается взять карту сообщений по Парижу. По ней можно определить, что за время около получаса и даже менее – за 20 минут можно было доехать до местностей на трамвае № 43 до porte Maillul и place Perrire и на автобусе до A.G. Palais Royal, Bougs. Около этих мест следует предполагать, находилось место конспиративной встречи.

Нельзя обойти молчанием двух странных совпадений. Одно – на Palais Royal, Bougs находится Hotel Lecueq'm замешанного в деле похищения Агабекова в Румынии, в комнате этого отеля проживал короткое время Кутепов. Второе – около Perrire, по словам арестанта (фамилия выпала из памяти), в какой-то квартире было совершено убийство генерала и оттуда вывезено в Founteinebleau.

Третье разительное совпадение: сведения об убийстве Кутепова арестант получил от танцовщицы, которую он назвал первоначально Канжер или Кангер. По его словам она была из России, но не русская, а полька, либо литвинка, либо латышка. В Петроградском окружном суде был следователь с такой фамилией. Это был латыш со скрытым озлобленным характером. Февральскую революцию принял с восторгом, находя ее недостаток в медленном углублении. Октябрьский переворот встретил приветственно и вскоре поступил на службу Петроградского совдепа в розыскной отдел. Это был первый позорный случай поступления к большевикам русского судьи, тем более позорный поступок, что совершен он был не по принуждению, а добровольно. Кангер был сильным, не его ли дочь таинственная танцовщица?

Вернемся от совпадений к самому генералу Кутепову. Кутепов вел лично главную работу конспирации. Это обуславливало и то, что некоторые свои конспиративные действия первостепенной

важности, свидания с лицами крупного калибра из советских кругов он скрывал даже от ближайших друзей и своих сотрудников. Таковы ведь всегда бывали и бывают неумолимые требования ко встречам с внутренними сотрудниками-осведомителями, состоящими видными членами вражеской организации.

Начальники высшей государственной охраны никогда и никогда не посвящали в тайны подобных свиданий. Не только не осведомлялись о том подчиненные, но и адреса мест свиданий и имена осведомителей были скрыты от непосредственного высшего начальства.

Риск и опасность таких свиданий для ведущих конспиративную работу огромны. Они были, конечно, достаточно хорошо известны и понятны Кутепову. Он знал, что спастись от предательского кинжала, пули или бомбы тут невозможно, что обезопасить жизнь ничем нельзя. Что наличие при себе оружия бесполезно, его употребить не удастся из-за внезапности вражеского удара; и оружие лишь будет служить для симуляции самоубийства.

Из старого русского времени Кутепову были, несомненно, памятны два случая гибели начальников высшей охраны: в 1883 году был убит Судейкин* его осведомителем террористом Дегаевым**, и лет 30 спустя в Петербурге же был взорван бомбой тоже осведомителя-террориста начальник охраны Карнов. И в том и в другом случае о местонахождении конспиративных свиданий до совершения там убийств никому не было известно.

Смелый характер генерала Кутепова не остановил его от решительных действий при крайней опасности. На свидания генерал должен был идти, как и другие, без оружия и без каких-либо документов, которые, попав в руки предателя, могли бы дать какие-либо сведения вредным третьим лицам. Оставление генералом при

* **Судейкин Георгий Порфирьевич** (1850 – 1883) Один из руководителей политического сыска в России, жандармский подполковник, инспектор секретной полиции (1882), организатор политической провокации Убит народовольцами при содействии своего главного осведомителя С. П. Дегаева

** **Дегаев Сергей Петрович** (1857–1920) Член организации «Народная воля», провокатор Осенью 1882 г вошел в состав исполнительного комитета «Народной воли» Был завербован секретной полицией, выдал властям большую группу революционеров, в том числе В Н Фигнер После признания в 1883 г в предательстве приговорен народовольцами к изгнанию, умер в Америке.

уходе из квартиры револьвера и записной книжки, которую он всегда носил с собой, объясняется указанными причинами. Случайности, при его педантичной аккуратности, быть не могло.

Нельзя сомневаться, что ушедший из дому и ожидавший трамвая или автобуса у их остановки генерал Кутепов должен был ехать на какое-то деловое свидание, назначенное на определенный час. Аккуратный всегда генерал на свидание не прибыл; как же на это должен был реагировать тот, с кем свидание было назначено? Естественно, это лицо должно было, прежде всего, запросить генерала по телефону в его квартире, и, во всяком случае, когда Кутепов исчез, то сообщить розыскным властям о неприбытии к такому-то часу на место встречи генерала. Если лицо это себя не обнаружило, то тому были непреодолимые препятствия: лицо это было большевистским провокатором и не могло себя выдать.

Основываясь на этих соображениях, розыски следовало направить в указанные выше районы, где все дома надлежало проверить по жильцам и особенно тщательно обследовать отели и меблированные комнаты, сдаваемые в наем.

Записные книжки генерала могли бы послужить ключом ко многому. Должно просмотреть записи пункт по пункту, в особенности пункты расходов, периодичность одной и той же цифры расхода и однородность наименования расходов, которое могло быть условным. Цифра расхода могла указывать на однодневную уплату за комнату или месячную плату. По числам расхода однодневной оплаты комнаты, скрытой под условным наименованием, можно было бы определить, когда имели место и часто ли были свидания. В связи с расспросами близких генерала, быть может, записная книжка могла многое осветить.

Зеленый и красный автомобили сослужили главную службу. Они увели розыски за пределы Парижа, тогда как генерал Кутепов был уверенно и без труда убит на конспиративном свидании в самом Париже. Скрыть труп, конечно, большого труда не составило.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 44051. П/с. 378–865. Лл. 1–14 об.
- 2 РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 915. Лл. 1–1 об.
- 3 Там же. Д. 1887. Лл. 16–24.
- 4 РГВИА. Ф. 2148. Оп. 2. Д. 252. Лл. 55–56. Документ предоставлен А. А. Маровым (г. Череповец).
- 5 Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934. С. 179–185.
- 6 РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 827. Л. 45.
- 7 Там же. Д. 830. Л. 4.
- 8 Там же. Д. 955. Л. 11.
- 9 Там же. Д. 959. Л. 22.
- 10 Там же. Д. 1887. Лл. 11–11 об.
- 11 Там же. Д. 1887. Л. 3.
- 12 Там же. Д. 1275. Л. 23.
- 13 Там же. Д. 830. Лл. 101–102.
- 14 Там же. Д. 827. Лл. 44–44 об.
- 15 Там же. Д. 957. Лл. 7–7 об.
- 16 Там же. Д. 953. Л. 15.
- 17 Там же. Д. 954. Л. 29.
- 18 Там же. Д. 955. Лл. 2–2 об.
- 19 Там же. Д. 955. Л. 8.
- 20 Там же. Д. 958. Лл. 23–23 об.
- 21 Там же. Д. 1157. Л. 226.
- 22 Там же. Д. 959. Л. 14.
- 23 Там же. Д. 1153. Лл. 23–23 об.
- 24 Там же. Д. 1280. Л. 21.
- 25 Там же. Д. 1280. Лл. 27–27 об.
- 26 Там же. Д. 1280. Л. 14.
- 27 Там же. Д. 1280. Л. 13 а.
- 28 Часовой. 1929. № 13–14. С. 11–14.
- 29 РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27714.
- 30 РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1285. Л. 40.
- 31 Там же. Д. 1286. Л. 12.

- 32 Там же. Д. 1287. Лл. 13–14.
- 33 Там же. Д. 1287. Л. 20 об.
- 34 Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934. С. 159–178.
- 35 Новое Время. Белград. 1923. 4 августа. № 680.
- 36 РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1288. Лл. 24–30 об.
- 37 Там же. Д. 1276. Л. 9.
- 38 Там же. Д. 1276. Л. 14.
- 39 Там же. Д. 1276. Л. 15.
- 40 Там же. Д. 1276. Лл. 24–24 об.
- 41 Там же. Д. 1276. Л. 39.
- 42 Там же. Д. 1277. Л. 3.
- 43 Там же. Д. 1887. Лл. 26–27 об.
- 44 РГВИА. Ф. 2571. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.
- 45 Там же. Д. 1. Л. 8.
- 46 Там же. Д. 2. Л. 29.
- 47 Там же. Д. 2. Л. 52.
- 48 Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- 49 Там же. Д. 1. Лл. 26–26 об.
- 50 Там же. Д. 1. Л. 86 об.
- 51 Там же. Д. 5. Лл. 168–168 об.
- 52 РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 1283. Л. 14 об.
- 53 Российский государственный военный архив (РГВА).
Ф. 39540. Оп. 1. Д. 128. Л. 76. Документ предоставлен А. А. Маровым (г. Череповец).
- 54 Там же. Д. 133. Л. 65. Документ предоставлен А. А. Маровым (г. Череповец).
- 55 Там же. Д. 133. Л. 158. Документ предоставлен А. А. Маровым (г. Череповец).
- 56 Там же. Д. 128. Л. 123. Документ предоставлен А. А. Маровым (г. Череповец).
- 57 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Ф. 5827. Оп. 1. Д. 177. Лл. 1–5.
- 58 На досуге. Харьков. 1919. № 3. 1 ноября. С. 7–10.
- 59 РГВА. Ф. 39686. Оп. 1. Д. 12. Лл. 3–3 об.
- 60 Руль. Берлин. 1922. № 557. 28 сентября. С. 5. Документ предоставлен А. С. Пученковым (г. Санкт-Петербург).
- 61 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 187. Лл. 41–68.
- 62 Часовой. Париж, 1930. № 25. 15 февраля.
- 63 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 445.

часть вторая

**СУДЬБА
ГЕНЕРАЛА
КУТЕПОВА**

ПОХИЩЕНИЕ И УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Обстоятельства похищения и гибели генерала Александра Павловича Кутепова и по прошествии 79 лет относятся к числу малоизученных вопросов отечественной истории. Причиной этому служит не только то, что операция по его убийству была глубоко законспирирована и проведена с помощью нелегальной резидентуры Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), но и то, что по сей день архивная информация, раскрывающая обстоятельства этого дела, остается закрытой. В 1930 году советская пресса и официальные представители Народного комиссариата иностранных дел неоднократно делали заявления о полной непричастности СССР к исчезновению и возможной гибели А. П. Кутепова. Обвинения же со стороны западной прессы и общественности о причастности к этому делу Советского Союза были отнесены к категории «оголтелой антисоветской пропаганды».

В советское время в отечественной исторической литературе убийство генерала Кутепова обходилось молчанием, хотя его деятельность в ходе Гражданской войны и во главе Русского общевосточного союза (РОВСа) обстоятельно комментировались [1]. В напечатанном в 1971 году сборнике «КГБ № 1» (ссылка на него дается в книге «История советских органов государственной безопасности» (М., 1977), размещенной на сайте Гарвардского университета), в статье «50-летие советской внешней разведки» достаточно образно упоминается, что «в создании условий, приведших к уходу генерала Кутепова с политической арены, принимала участие советская разведка». Появившееся в конце 1980 – начале 1990-х годов публикации не внесли, как можно было ожидать, полной ясности в историю похищения и убийства генерала Кутепова.

Первая публикация в советской прессе, непосредственно освещавшая похищение и смерть генерала Кутепова, озаглавленная «Неизвестные страницы истории советской разведки», появилась в 1989 году [2]. Особый интерес эта публикация вызывает тем, что она начинается обращением к читателям главного редактора издания, известного в то время партийного функционера и журналиста Виталия Александровича Сырокомского. В этом обращении Сырокомский написал следующее: «В рамках программы “КГБ и гласность” читателям “Недели” предлагается очерк, подготовленный авторами на основе подлинных документов Комитета государственной безопасности СССР».

В статьях, появившихся в «Неделе» (приложения к органу ЦК КПСС газете «Известия») и подписанных неким Леонидом Михайловым, описывалась деятельность в интересах ОГПУ семейной четы Скоблин – Плевицкая. Но, несмотря на то, что отправной точкой в этой чекистской работе называется якобы проведенная в сентябре 1930 года их вербовка агентом ОГПУ Ковалевским, в середине статьи («Неделя», 1989, № 49) вставлено описание событий, происходивших 26 января 1930 года и приведших к исчезновению Кутепова. Обстоятельства похищения представлены таким образом. К Кутепову, прогуливавшемуся по улице, подошли два сотрудника ОГПУ и, назвавшись французскими полицейскими, предложили проехать в префектуру. Кутепов согласился. Уже в автомобиле сотрудники ОГПУ представились, и машина отправилась напрямиком в Марсель. В Марселе Кутепова под видом старшего механика машинного отделения провели на борт советского судна.

«На пароходе Кутепов впал в глубокую депрессию, отказывался от еды, не отвечал на вопросы. Выйдя из Марселя, корабль взял курс на Новороссийск. Весь рейс Кутепов провел в состоянии странного оцепенения, и лишь когда судно приблизилось к Дарданеллам и Галлиполийскому полуострову, где после эвакуации из Крыма в 1920 году размещалась в лагерях разбитая врангелевская армия, которой он командовал, Кутепов пришел в себя» [2].

Впрочем, по мнению автора статьи в «Неделе», состояние генерала было настолько тяжелым, что он вскоре умер на борту парохода.

«Но генерал Кутепов не предстал перед народным судом. Это путешествие во времени и пространстве оказалось невыносимым для него испытанием. Он умер от сердечного приступа прямо на судне. До Новороссийска оставалось 100 миль...» [2].

С тех пор ряд исследователей и комментаторов высказывали на страницах печати разные толкования событий, произошедших в Париже зимой 1930 года. Так или иначе, но во всех серьезных публикациях «официальная» версия похищения ставилась под сомнение.

И, надо признать, для этого есть все основания. Помимо того, что ни до выхода этой статьи, ни после нее на страницах печати и в литературе, посвященной деятельности спецслужб, автор по имени Леонид Михайлов не появлялся (скорее всего, это псевдоним сына Сырокомского, журналиста Л. М. Млечина, написавшего вскоре книги «Сеть Москва – ОГПУ – Париж» и «“Фермер” сообщает из Парижа», в которых воспроизводятся материалы статьи 1989 года), над самой статьёй поработали цензоры. Отрывки якобы из документации ОГПУ приведены без дат и в купированном виде. Также автор допустил несколько фактических ошибок, запутавшись в парижских улицах, ценах на недвижимость и фамилиях помещиков Кутепова.

Уже в 1990 году вышла статья Н. Н. Рутыча [3], отметившего многочисленные нестыковки и неточности в статье, появившейся в «Неделе». В основном эти замечания имели отношение к несоответствию представленной «Неделей» версии и показаний опрошенных парижской полицией свидетелей. В книге С. Ю. Рыбаса приводится иное описание событий [4]. По мнению писателя, Кутепов оказал ожесточенное сопротивление и был убит чекистами прямо в машине. В этот же день убийцы отвезли труп Кутепова в пригород Парижа и похоронили в гараже одного из участвовавших в акции французов-нелегалов. При этом Рыбас ссылается на рассказ французского историка Жана Элленстайна, записавшего со слов своего соотечественника Мориса Онеля рассказ о похищении Кутепова, в котором участвовали сам Онель и его брат, бывшие в то время нелегальными агентами ОГПУ и членами французской компартии. К сожалению, Рыбас также не дал ссылок на печатные или архивные источники.

На сегодняшний день это две наиболее часто встречающиеся и цитируемые в отечественной литературе версии гибели генерала А. П. Кутепова. Показательно, что обе они рождены творчеством журналистов и литераторов, а не историков. И в материалах Михайлова, и в материалах Рыбаса нет никаких архивных ссылок, позволяющих проверить истинность утверждений. Туманные же намеки авторов на имеющуюся у них возможность держать иногда

в руках «некоторые секретные папки» [5] серьезно компрометируют подобного рода источники. В последние годы вышел ряд статей, посвященных истории ОГПУ – НКВД, в которых так или иначе комментируется похищение и гибель Кутепова. В основном это биографические очерки, посвященные тем или иным чекистам, причастным к планированию и проведению операции «по изъятию» генерала Кутепова. Факты и оценки в этих материалах разнятся, и, к сожалению, как правило, полностью отсутствуют ссылки на источники приводимой информации.

Заграничные источники включают в себя как газетные публикации и беллетристику (Марина Деникина), так и настоящие попытки расследования (Жан Делаж, Владимир Бурцев, Борис Прянишников, Даниель Бон-Грей). Оценки и соображения по поводу обстоятельств исчезновения Кутепова встречаются в мемуарной литературе и даже в опубликованных материалах расследований, предпринимавшихся иностранными правительствами [6].

Исчезновение генерала Кутепова стало одной из самых обсуждаемых новостей 1930 года. Французская и мировая пресса посвятили этому событию сотни статей и репортажей. Анализом материалов, собранных следствием, и построением гипотез относительно судьбы А. П. Кутепова занимались как русские эмигранты, так и французские журналисты. Значительная часть этих полемики и предположений нашла свое отражение в книге Бориса Прянишникова [7].

Прянишников, анализируя материалы открытой печати и циркулировавшие в среде русской эмиграции оценки происходящего, сделал вывод, что к организации похищения Кутепова была причастна целая группа агентов, завербованных ОГПУ в среде русской военной эмиграции, в том числе из состава самого РОВСа. Им приводятся интересные факты из жизни русских во Франции, в том числе так или иначе имевших отношение к событиям января 1930 года. Собственную, но ни на чем не основанную гипотезу приводит в своей книге сбежавший в Англию офицер КГБ Олег Гордиевский [8]. В частности, он совершенно безосновательно обвиняет в причастности к похищению Кутепова генерала Б. А. Штейфона*.

* Эндрю и Гордиевский ссылаются на некий доклад Robert M. Slusser, приуроченный к 88-й ежегодной встрече Американской исторической ассоциации. Источник, по меньшей мере, сомнительный и, скорее всего, цитирующий статьи В. Л. Бурцева.

Среди западных публикаций особняком стоит работа Даниель Бон-Грей, вышедшая в 1998 году [9]. На основе полученных из России фондов «Сюрте Женераль», Префектуры полиции и 2-го бюро Генштаба Франции она проводит анализ французского следствия, а также приводит ряд фактов и материалов, неизвестных до этого.

Учитывая полную закрытость отечественных архивных фондов, относящихся к деятельности ОГПУ по линии Иностранного отдела и непосредственно по операции «изъятия и ликвидации» генерала Кутепова, мы сосредоточимся на анализе материалов расследования, предпринятого французскими властями (они доступны для исследования в фондах Российского государственного военного архива (РГВА)), а также на сведениях, собранных русскими эмигрантами во Франции. Собранные данные в определенной степени дополняют публикации, появившиеся в последние годы на ведомственных сайтах российских спецслужб.

Основной массив информации, освещающей обстоятельства похищения А. П. Кутепова и доступный для исследования, собран в РГВА. Это фонды Главного управления общественной безопасности Франции («Surete generale»), 2-го бюро Генштаба Франции («2e Bureau Etat-major de L'Armee») и Префектуры полиции («Prefecture de Police»). Эти собрания документов попали в СССР в 1945 году в качестве трофеев, захваченных советскими войсками на территории Чехословакии. Туда они были вывезены нацистскими властями еще в 1940 году и хранились в деревне Оберлибах, близ города Ческа-Лица. Необходимо отметить, что уже в 1945 году фонды этих французских спецслужб были неполными. При эвакуации их из Парижа французами были практически полностью уничтожены агентурные дела и часть оперативной документации. Затем, уже в СССР, после тщательного отбора французские архивные материалы были разделены между несколькими ведомственными архивами.

Основной массив документов после 1957 года хранился в специально созданном для этого Центральном государственном особом архиве (ЦГОА) СССР. Часть документов, представлявших интерес для советских спецслужб, осела в архивах КГБ. В начале 1990-х годов российское руководство уступило просьбам французской стороны, и основной массив документов французского происхождения, находившийся в РГВА (унаследовавшего фонды ЦГОА), был передан во Францию. При этом было произведено частичное фильмокопирование этих фондов.

В результате на сегодня для исследования в России доступна лишь часть информации, собранной французскими спецслужбами по делу о похищении генерала А. П. Кутепова. Она включает в себя переписку между Префектурой полиции Парижа, ведущей само следственное дело, и заинтересованными службами «Сюрте Женераль» и 2-го бюро Генштаба французской армии. Кроме официальных бумаг, во французских фондах собран большой объем информации из газет и журналов того времени, активно освещавших ход следствия и общественную реакцию на похищение Кутепова [10], а также ряд писем французских граждан, направленных в полицию и «Сюрте Женераль». При этом самого следственного дела Полиции префектуры Парижа по похищению Кутепова в доступных для исследования архивных фондах до сих пор не найдено.

НАКАНУНЕ ПОХИЩЕНИЯ

В конце 1920-х годов установившаяся после окончания Первой мировой войны Версальская система начала давать первые трещины. Нерешительная и непоследовательная политика стран Антанты по отношению к Советской России, а также усилия стран-победительниц по созданию нежизнеспособной конструкции «малых восточноевропейских стран», делали всю систему послевоенного мироустройства достаточно нестабильной. Так и не решившись на силовое свержение большевистского режима в удобный для этого момент, Великобритания и Франция заняли выжидательную позицию. Этот политический курс на протяжении 1920-х годов в определенной степени характеризовался игнорированием самого факта существования СССР и отсутствием попыток со стороны западной дипломатии найти «компромиссные» решения в нормализации отношений. Бытовавшее в определенных политических кругах мнение, что большевики не продержатся у власти и десяти лет, к концу 1920-х годов сменилось мнением, что установление рабочих отношений с советским правительством является единственно возможным в данном случае решением.

Малые страны, еще совсем недавно бывшие западными губерниями Российской империи, не смогли выполнить возложенную на них роль «антикоминтерновского щита». Тем более, что советская дипломатия предпринимала в этот период неоднократные

попытки нормализовать отношения с Польшей и Прибалтикой. Сближение СССР и Германии к концу 1920-х годов, в свою очередь, свело на нет все усилия западной дипломатии сделать немец главным противовесом для Советского Союза. Нерешительная политика стран Антанты по поддержке белых правительств и других антибольшевистских центров в период Гражданской войны сменилась на еще более хаотичную и неорганизованную политику поддержки антибольшевистских центров в среде русской эмиграции, волею судеб оказавшихся на территории Западной Европы.

Но надеждам, что «проблема большевиков» решится сама собой или с помощью русских эмигрантов, было не суждено сбыться.

Укрепление советской власти, установившей полный контроль над жизнью граждан внутри СССР, а также последовательные неудачи самых организованных и активных русских эмигрантских объединений (организация Б. В. Савинкова, а позже РОВС) в попытках дестабилизировать ситуацию в Советском Союзе, наряду с активной советской дипломатией, привели к тому, что в 1924 году Великобритания, а вслед за ней Италия и Французская Республика установили с СССР дипломатические и экономические отношения.

Выстраивание этих отношений, тем не менее, не всегда проходило гладко и сопровождалось многочисленными политическими скандалами. В 1927 году французская контрразведка арестовала большую группу «французских коммунистов-коминтерновцев», занимавшихся под руководством советской агентуры сбором секретной информации военного назначения. В этом же году был выслан из Франции советский полпред Х. Г. Раковский. Похожие эксцессы происходили и по другую сторону Ла-Манша. Дело даже дошло до разрыва недавно установленных дипломатических отношений между Великобританией и СССР. Тем не менее, руководствуясь «соображениями высшего порядка», французские политики продолжали линию на постепенное сворачивание затянувшейся конфронтации. 24 мая 1927 г. состоялась встреча народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина с министром иностранных дел Франции Аристидом Брианом. Касаясь англо-советского конфликта, Чичерин подчеркнул, что «Франции теперь принадлежит умиротворяющая роль и что английская оффензива создает очень тревожное всеобщее положение». Бриан в ответ на это категорически заявил, что «Франция

ничем не связана, имеет свою собственную русскую политику, не присоединится в этом конфликте к Англии и будет заботиться о сохранении мира» [11]. 17 сентября 1927 г. Совет министров Франции принял решение, в котором говорилось, что «в настоящее время ничто не оправдывает разрыва дипломатических отношений» с СССР [12].

Чуть позже Г. В. Чичерин писал, что «французы предложили формулу “veilleuse de nuit” (“ночной лампы”). Раковский же действовал при ярком свете дня. Его преемнику придется действовать по принципу “veilleuse de nuit”, как передают нам по многим каналам. Официальная и официозная позиция Франции гласила: Франции не резон присоединяться к Англии в разрыве с СССР, пока у нее не появятся для этого собственные причины. “Камень в кармане”, – говорили мы между собой. Из лучших источников нам было известно, что отзыва Раковского домогались реакционеры, опасавшиеся, что он сможет помочь коммунистам и радикал-социалистам прийти к соглашению о совместных действиях на выборах. Такое соглашение означало бы катастрофу для реакции» [13].

На вторую половину 1929 года приходится знаковое событие. После политического демарша 1927 года Великобритания восстанавливает ранее прерванные с СССР дипломатические отношения. 3 октября 1929 г. был подписан протокол о возобновлении дипломатических отношений между СССР и Англией и об урегулировании спорных вопросов уже после обмена послами. Для Франции этот шаг основного союзника и внешнеполитического партнера не мог пройти незамеченным. Именно во Франции обосновалась основная и многочисленная группа русской эмиграции.

Здесь с начала 1920-х годов находились и все основные центры антибольшевистского сопротивления. Французские правительства, сменявшие друг друга в этот период, так или иначе поддерживали антибольшевистскую деятельность русского сопротивления. Французское общественное мнение также в целом было на стороне русской эмиграции. Этому способствовали не только многочисленные описания творимых большевиками преступлений, но и агрессивная политика Коминтерна по продвижению коммунистических идей в Западную Европу и непосредственно во Францию.

К 1929 году французское правительство оказалось в достаточно трудном положении. Политика Французской Республики на советском направлении уже не соответствовала новым реалиям. Курс

на политическую изоляцию СССР и поддержку всех форм сопротивления в среде русской эмиграции делал невозможным установление с Советским Союзом рабочих отношений. Набирала силу и собственно французская партия общественных деятелей, так или иначе солидаризирующихся с советским режимом, в том числе и коммунистическая партия Франции. Важным фактором постепенно становилось и экономическое сотрудничество*.

В среде самой русской эмиграции с самого начала исхода из России не было ни согласия, ни политического единства. За десять лет нахождения на чужбине эти центробежные явления лишь усилились. Русская диаспора во Франции была представлена всем спектром политических партий и направлений, как существовавших в Российской империи, так и появившихся уже в период революции и Гражданской войны. Монархисты могли жить на одной лестничной площадке с кадетами и анархистами, а этажом выше мог проживать вчерашний коммунист, бежавший вслед за своими соседями из СССР.

В Париже выходило несколько русскоязычных газет самой разной политической окраски. Существовали разнообразные объединения политической, религиозной и национальной направленности. Постепенно набирала силу партия так называемых «возвращенцев в Советскую Россию», разочаровавшихся во вчерашних идеалах и неспособных устроить свою жизнь за рубежом. В 1924 году по инициативе ОГПУ в Париже был создан «Союз возвращения на Родину», занимавшийся просоветской агитацией и объединявший вокруг себя симпатизирующих советскому режиму эмигрантов.

На фоне этой политической дезорганизации и беспорядка с самого момента своего образования выделялось лишь одно объединение русских эмигрантов – Русский общевоинский союз (РОВС). Нахождение во главе его кадровых офицеров Русской императорской армии, прошедших Первую мировую и Гражданскую войны, цементировало организацию. Изначальная направленность РОВСа на организацию жизни соотечественников, разбросанных по миру, устройство их быта привлекала в объединение все новых и новых членов.

* К 1930 году экспорт нефти во Францию составлял 600 000 тонн сырой нефти, что покрывало 2/3 потребностей французского флота (Известия. 1930. 27 февраля).

Боевое крыло РОВСа занимало активную позицию, направленную на борьбу с большевистским режимом. Эта борьба выражалась в налаживании связей и выявлении советских граждан, оппозиционно настроенных к власти и способных на подрывную деятельность внутри СССР. Общая концепция действий боевого крыла РОВСа основывалась на твердом убеждении, что накопившееся внутри России политическое напряжение необходимо катализировать извне, с помощью пропаганды и публичных акций возмездия, направленных против советской партийной номенклатуры и карательных органов. Как следствие такой позиции, практически с момента своего создания РОВС становится основным объектом внимания как Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, так и Контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ, занимавшегося контрразведывательной работой внутри страны.

В планировании борьбы с русскими белоэмигрантскими организациями чекистское руководство в полной мере использовало опыт царской полиции и жандармского управления, полученный ими во время борьбы в конце XIX – начале XX в. с леворадикальными организациями, окопавшимися в Европе. Большая помощь чекистам была оказана В. Ф. Джунковским, бывшим шефом Отдельного корпуса жандармов. Арестованный еще в 1918 году, Джунковский согласился на сотрудничество с чекистами и долгое время консультировал руководство ОГПУ по вопросам агентурного противодействия антибольшевистскому подполью [14, 15].

Консультировал, в том числе, и в рамках начатой в 1922 году КРО ОГПУ операции «Трест» [16]. В формировании закордонной агентурной сети активно участвовали другие бывшие сотрудники русской военной разведки, А. А. Игнатъев и П. П. Дьяконов, руководившие в годы Первой мировой войны русской военной разведывательной сетью в Европе [17, 18].

Похищение и убийство А. П. Кутепова стало итогом долгой и многоходовой агентурной операции, проводившейся чекистами в рамках борьбы с РОВСом. Организация работы ИНО ОГПУ, направленная на противодействие боевому крылу РОВСа, становилась с каждым годом все изощренней и разнообразней. В деятельности ИНО преобладающими стали нелегальные формы и методы. Если до начала 1930 года активные мероприятия ОГПУ ограничивались оперативной игрой по вскрытию каналов заброски боевиков РОВСа и ликвидации этих групп непосредственно

на территории СССР (в рамках дел «Трест», «Д-7», «Синдикат-4», «Заморское», «М-8» и других), то в январе 1930 года ИНО ОГПУ проводит боевую операцию по политическому убийству лидера русской эмиграции на территории Французской Республики. Причин для столь радикальной, даже для чекистов, акции было несколько.

Помимо того, что организация, возглавляемая А. П. Кутеповым, вела последовательную борьбу против большевистской партийной системы и непосредственно против ОГПУ, с определенного момента РОВС стал лидирующей в среде русской эмиграции силой, объединившей на жесткой антибольшевистской платформе самые разные слои эмигрантов. Немалую роль в этом играла личность самого генерала Кутепова. Герой Великой войны, человек безукоризненной чести и отваги обладал качеством, обязательным для русского национального лидера: он был принципиален и последователен не только в своих суждениях, но и в своих делах и поступках. Вступив на тяжелый и казавшийся многим безнадежным путь борьбы с большевизмом, Кутепов никогда не ставил под сомнение, что он останется на этой дороге до конца. И этот человек, так явственно показавший способность вести за собой, был опасен для ОГПУ вдвойне. В конце 1920-х годов ОГПУ добилось определенных успехов по агентурному обеспечению своих действий за рубежами СССР. Установление дипломатических отношений с рядом европейских стран позволило иметь легальную сеть резидентов, осуществлявших координацию действий, сбор информации и прикрытие оперативных мероприятий. У чекистов появились силы и средства для активного проникновения во все сферы государственной и общественной жизни иностранных государств и эмигрантских объединений. В этой работе выделялись два основных направления. Вербовка и использование иностранных граждан, симпатизирующих коммунистическим идеям как по линии Коминтерна, так и по линии иных общественных организаций. Вторым и самым эффективным методом проникновения стала работа по привлечению на свою сторону лиц из числа непосредственно самой русской эмиграции. Поначалу выход на интересующих ОГПУ лиц осуществлялся по «родственной линии». На контакт с объектом разработки выходил приехавший из СССР сотрудник, который сообщал новости об оставшихся в Советском Союзе родственниках и близких людях вербуемого, и предлагал, как правило, передать

письмо или иную личную информацию. Следующим шагом в вербовке был шантаж. Угрозы расправы над родственниками сопровождались обещанием выпустить их за рубеж либо дать полную амнистию самому объекту вербовки с возможностью вернуться обратно в Советскую Россию, устроиться по специальности, принести пользу родине и т. д. На фоне растущей разочарованности русской эмиграции и массовой бытовой неустроенности эти вербовки имели определенный успех. Постепенно чекисты перешли и к более универсальной форме работы с агентами, основанной не на политической солидарности или шантаже, а на банальной оплате услуг. Объектами разработки в этом случае становились, как правило, лица, потерявшие в связи с эмиграцией свой имущественный статус либо сталкивающиеся с серьезными материальными трудностями. Именно так были завербованы один из основных агентов ОГПУ – НКВД в среде русской эмиграции С. Н. Третьяков, а также генерал Н. В. Скоблин и генерал П. П. Дьяконов.

Похищение и убийство главы РОВСа А. П. Кутепова было поручено советским руководством специальной оперативной группе. Группой руководил Яков Исаакович Серебрянский (Бергман). Он был известен своей деятельностью в рядах боевой еврейской организации до 1914 года* и был командирован ОГПУ в 1923 году в Палестину для установления связей с еврейским националистическим подпольем на подмандатной Великобритании территории и вербовки сети нелегальной агентуры. Итогом двухгодичного пребывания Серебрянского на Ближнем Востоке стало формирование им глубоко законспирированной группы из числа еврейской эмиграции, осевшей в Палестине в период Первой мировой войны и последующей революционной смуты [20].

Группа Серебрянского была необычным явлением в истории советских разведывательных структур. К 1930 году она состояла примерно из 80 агентов, живущих на нелегальном положении, преимущественно в странах Европы. В каждой стране действовала своя нелегальная резидентура, подчиненная руководству группы. Оперативное руководство, как правило, выезжало для координации выполнения задания с территории СССР, а сотрудники каж-

* Перед Первой мировой войной Серебрянский проходил по делу убийства начальника Минской тюрьмы. Был арестован и провел в тюрьме более года.

дой резидентуры действовали как нелегалы, постоянно проживающие в определенной стране. Знание нескольких языков и способность «быть своим» сразу в нескольких странах делало боевиков Серебрянского универсальными и трудноуловимыми агентами*.

В нескольких источниках, размещенных на сайте Службы внешней разведки Российской Федерации (СВР РФ), время принятия решения на ликвидацию Кутепова определяется как лето 1929 года [19, 20]. Точно утверждать о сроках принятия этого решения пока невозможно. Анализ доступных документов Политбюро Центрального комитета ВКП(б) не дает ответа на этот вопрос. Впрочем, решение могло быть принято и вне протокола, а далее быть оформлено приказом по ИНО ОГПУ [21]. Летом 1929 года ИНО ОГПУ имел уже несколько своих агентов, близких к руководству РОВСа и выходивших на контакт с Кутеповым. На официальном сайте СВР РФ, в разделе история, перечислены 135 самых известных разведчиков [22], в основном относящихся к советскому периоду. В этом списке особо выделяется Сергей Николаевич Третьяков. В биографической справке, посвященной ему, указывается, что активная работа на ОГПУ была им начата в 1929 году, и основным направлением стало агентурное проникновение в РОВС. Бывший министр иностранных дел правительства адмирала А. В. Колчака жил в Париже уже несколько лет. Тяжелая финансовая ситуация, пристрастие к алкоголю стали отличной почвой для его вербовки чекистами. Должность заместителя председателя Российского торгово-промышленного и финансового союза позволяла Третьякову вести активную агентурную работу как по сбору информации, так и по содействию активным мероприятиям ИНО во Франции. Другим важным опорным звеном в высокопоставленной агентуре уже несколько лет был бывший генерал-майор Русской армии Павел Павлович Дьяконов [23].

Приведем один из документов французской контрразведки, посвященный П. П. Дьяконову [24].

* Характерно, что к 1930 году практически все руководство Иностранного отдела ОГПУ и многие его сотрудники, привлекаемые для активной агентурной работы за рубежом (как резиденты, так и нелегалы), были выходцами из ортодоксальной еврейской среды, и многие из них в молодости участвовали в деятельности еврейского подполья самых разных политических направлений.

11.12.37

Не передавать

Ф.О.7

Париж, 9 декабря 1937 г.

ДОНЕСЕНИЕ

Сведения о генерале Дьяконове*

Надежный источник сообщает следующие сведения о личности русского генерала Павла Дьяконова, проживающего в Париже на ул. Плюме, 14.

Близкий друг генералов Игнатьева, Носкова, Достовалова (перешли на сторону Советов с 1921 года).

Генерал Дьяконов родился в 1878 году, окончил Высшую военную школу в Санкт-Петербурге, где он учился одновременно с генералами Игнатьевым, Носковым и Достоваловым (бывший начальник штаба А. П. Кутепова. – В. Г.).

Он остался их близким другом, и вся его военная карьера была связана с их карьерой.

* Последним местом службы П. П. Дьяконова в Русской Императорской армии была должность военного атташе в Великобритании. Можно предположить, что находящийся на постоянной связи с А. А. Игнатьевым, он был завербован советской разведкой с его помощью. Обязательство П. П. Дьяконова о сотрудничестве с советской разведкой опубликовано в книге: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2: 1917–1933 гг. М., 2006:

«Обязательство. Настоящим заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Желая доказать свою преданность советскому правительству, я добровольно и сознательно беру на себя обязательство быть секретным осведомителем советского правительства о деятельности правых (антисоветских) партий. Равным образом обязуюсь сообщать своевременно о всех прочих контрреволюционных группах, что мне станет известно о их деятельности. Все директивы, мной полученные в связи с моей осведомительской работой, обязуюсь исполнять точно и своевременно. О своей деятельности и получаемых мной заданиях обязуюсь хранить полное молчание. Лондон 26 мая 1924 г. Павел Павлович Дьяконов. Все свои сообщения буду подписывать “Виноградов”».

Работа Дьяконова на советскую разведку не была секретом для французской стороны примерно с 1931–1932 гг. В своем донесении от 7 декабря 1937 года агент французской контрразведки сообщал: «По возвращении из Испании генерал Дьяконов отправляется в Виши, где он встречается с генералом графом Игнатьевым. Тот только что был назначен инспектором военных заведений в СССР и собирался возвращаться в Москву. Во Франции его место занимает генерал Дьяконов».

Как известно, с 1921 года эти три генерала поменяли свое общественное мировоззрение. Генералы Носков и Достовалов обеспечивали в Берлине связь Рейхсвера с Красной армией. Генерал граф Игнатьев оставался в Париже, где он оказывал многочисленные услуги Советам. Единственный из четверых, генерал Дьяконов официально остался в эмиграции, но не порвал отношений со своими друзьями. В 1923 году после пребывания в Берлине у генерала Носкова генерал Дьяконов отправляется в Лондон, где встречается с неким Аврановым, болгарским коммунистом, руководившим в то время службами ЧК в Западной Европе. С этого момента он поступает на службу к Советам и обновляется в Париже, где помогает генералу Игнатьеву. Он вступает в монархистскую организацию Великого князя Кирилла, где ему удается занять важный пост. Он поддерживает связь с советскими агентами Кеппом и Рашевским, которых ему даже удается внедрить к Великому князю Андрею. В то же время с помощью генералов Кандырина, Жармукина, Хорвата и Крупенского он старается проникнуть в окружение генерала Кутепова. Он вступает в ВРНО (Внутренняя Российская национальная организация. – В. Г.), официально антисоветскую организацию, на самом деле инспирируемую ГПУ (Государственным политическим управлением. – В. Г.), и ему удается привлечь генерала Кутепова. Эта организация, которая в принципе должна была вести антисоветскую террористическую борьбу непосредственно на территории СССР, на самом деле была предназначена для того, чтобы привлечь наиболее воинственных представителей эмиграции и поместить их под наблюдение ГПУ. Агенты ГПУ внутри ВРНО, А. Попов, де Роберти и Потапов, были на связи с генералом Дьяконовым. Генералу Корганову, другу и сотруднику генерала Дьяконова, удалось вступить в отношения с генералом Кутеповым и вызвать его интерес к ВРНО. Через некоторое время генерал Кутепов, попавший в ловушку, исчез.

В начале 1930 года благодаря г-ну Бурцеву, доверие которого ему удалось завоевать, генерал Дьяконов вступает в отношения с французской и бельгийской полицией.

Но, начиная с 1933 года, эти ведомства начинают испытывать к нему недоверие и перестают принимать его...

Третьяков и Дьяконов самым настойчивым образом устанавливали новые контакты в Париже, проникая в самые разнообразные структуры и организации, став, к примеру [25], членами двух влиятельных масонских лож. Дьяконов на протяжении 1927, 1928 и 1929 годов активно искал выхода на общение с генералом Кутеповым и близкими к нему лицами. Параллельно с ним на Кутепова «заходил» другой советский агент, бывший полковник царской армии Александр Николаевич Попов (оперативный псевдоним «Чернявский»), приехавший в Париж из Москвы весной 1927 года и ле-

том 1928 года как представитель якобы существующей в СССР антисоветской организации «Внутренняя Российская национальная организация» (ВРНО). В очередной после операции «Трест» раз чекисты решили имитировать существование некой подпольной структуры, искавшей сотрудничества с РОВСом и лично А. П. Кутеповым. Существование ВРНО легендировалась центральным аппаратом ОГПУ в рамках оперативной игры под названием «Синдикат-4», начатой еще в 1924 году. Помимо Дьяконова и Попова в этой провокации активное участие принял еще один представитель военной эмиграции, генерал-майор Гавриил Григорьевич Корганов (он же Габлиэл Корганян), ставший в это время ближайшим помощником Дьяконова и взявший на себя расшифровку и передачу в РОВС сообщений, якобы приходящих из Москвы от ВРНО.

Последним и самым важным звеном в агентурной комбинации ИНО стал сослуживец и подчиненный генерала А. П. Кутепова. А именно Николай Владимирович Скоблин, последний командир Корниловской ударной дивизии, прошедший вместе с Кутеповым войну, Галлиполи и приехавший за ним во Францию. Часто в отношении генерала Скоблина следует упоминание, что работать на ОГПУ он начал только с сентября 1930 года [26].

Основным источником по этому вопросу служит расписка Скоблина, направленная в Москву в январе 1931 года, с обязательством исправно служить. Но внимательный анализ источников позволяет предположить, что Скоблин и его жена Надежда Васильевна Плевницкая начали сотрудничество с советскими структурами еще до сентября 1930 года. Уже в 1923 году финансовую помощь чете Скоблин – Плевницкая начинает оказывать известный психиатр и коммерсант Макс Ефимович (Марк Яковлевич) Эйтингон [27]. Важным в этой связи является тот факт, что упомянутый психиатр приходился двоюродным братом известному руководителю нелегальной агентуры ИНО, Науму Исааковичу Эйтингону [28]. Эта дружба длилась 14 лет, ровно до 20 сентября 1937 года, когда М. Эйтингон срочно выехал из Парижа в Италию, а затем в Палестину [7], откуда никогда уже не выезжал. А через два дня произошло похищение генерала Е. К. Миллера, участие в котором сделало Н. В. Скоблина «героem советской разведки».

Во время гастролей в Соединенных Штатах, проходивших в октябре 1926 года, Н. В. Плевницкая серьезно скомпрометировала себя в глазах русской эмиграции, участвуя в концертах для работ-

ников советских представительств в Америке. На концерт приглашались служащие советского представительства «Амторг» (под крышей этой организации действовала резидентура ИНО ОГПУ в США), советской торговой организации, активно распродававшей тогда в Америке русские художественные и культурные ценности, закуповавшей трактора и одновременно выполнявшей консульские функции. В ответ на критику Плевицкая заявляла: «Я артистка и пою для всех. Я вне политики». Но ее муж не мог быть «вне политики». В 1927 году генерал П. Н. Врангель на правах главы РОВСа отстранил Н. В. Скоблина от командования (символического) Корниловским ударным полком и подверг его поведение резкой критике. Лишь после смерти Врангеля, благодаря заступничеству Кутепова, Скоблин был восстановлен в своей должности Великим князем Николаем Николаевичем.

В материалах французского следствия прямо указывалось, что Н. В. Скоблин ответственен за похищение генерала Кутепова [29], и в обвинительном заключении по делу Н. В. Плевицкой эти формулировки также были сохранены. В материалах французской военной контрразведки (2-го бюро Генштаба французской армии) есть упоминания, что Скоблин находился в постоянном контакте с П. П. Дьяконовым. В донесении, посвященном деятельности Дьяконова, указывалась даже явочная квартира: «Встречи со Скоблиным проходят на квартире у некоего Фаркаса» [24].

Дававший свидетельские показания на суде над Плевицкой бывший исполняющий дела полномочного представителя СССР во Франции Григорий Зиновьевич Беседовский* показал, что:

«В полпредстве аппаратом ГПУ ведал чекист Янович**, официально занимавший должность архивариуса. От него я случайно узнал, что деятельность белых организаций освещается изнутри. Главный осведомитель – близкий к Кутепову человек. Его фамилию Янович не назвал. Сказал только, что это генерал, женатый на певице. Тогда я не знал ни генералов, ни певиц».

* Г. З. Беседовский бежал из советского полпредства и попросил убежища во Франции в октябре 1929 года, за четыре месяца до похищения и убийства А. П. Кутепова.

** Янович Владимир Борисович (Волович Захар Ильич). Резидент ИНО ОГПУ во Франции. Предположительный координатор действий группы Якова Серебрянского в Париже. Информация французской военной контрразведки о нем содержится в деле: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6860 (2).

Исчезновение Кутепова

Во всех источниках, так или иначе освещающих похищение генерала А. П. Кутепова [30, 31, 32] упоминается слежка, сопровождавшая его проживание в Париже и передвижения по стране. Все без исключения авторы не сомневаются, что Кутепов был окружен плотным кольцом агентов ГПУ. «В течение нескольких месяцев ГПУ окружало генерала кольцом своего шпионажа, слежки и провокации. Это кольцо сжималось все теснее и теснее» [32]. Так ли это? Возможно. Но, исследуя обстановку, в которой Кутепов жил и действовал во Франции, нельзя исключить, что слежка за ним велась не только агентурой ИНО ОГПУ, но как ни странно, и «Сюрте Женераль», и парижской полицией.

В советское время деятельность РОВС и самого Кутепова обычно тесно увязывалась с якобы руководившими им, его финансирующими и ставившими ему задачи французскими и английскими спецслужбами [1]. Исследование документации французских спецслужб, посвященных пребыванию генерала А. П. Кутепова на территории Франции, позволяет сделать вывод, что, во всяком случае, в период руководства Кутеповым, РОВС не был связан в своей работе с французской разведкой, как не был связан с французскими и английскими разведывательными службами сам Александр Павлович. Более того, характеристики Кутепова, обнаруженные во французских фондах [24, 9], прямо указывают, что французской контрразведке были практически неизвестны точные детали деятельности Кутепова и РОВСа, направленные на антисоветскую борьбу и, в частности, на агентурное проникновение в СССР.

В секретной характеристике, подготовленной в «Сюрте Женераль» генеральным контролером службы юридических расследований для 2-го бюро Генерального штаба французской армии и составленной в 1927 году, написано следующее [24]:

Донесение отправляется
по поводу генерала Кутепова Александра

В одном экземпляре.

Подготовлено по запросу № 1266,
2-й подсекции Секции централизации сведений,
2-го бюро Генштаба от 5 апреля 1927 г.

Отправлено 1 июня 1927 г.

Секция централизации
9 июня 1927 г. № 4680

Секретно. Париж, 31 мая 1927 г.

ДОНЕСЕНИЕ

Кутепов Александр родился 16 сентября 1882 года в Новгороде (Россия), отец Павел, мать Пресотова Ольга (данные о биографии А. П. Кутепова приводятся с ошибками и большими неточностями. – В. Г.).

Женился в 1917 году в Екатеринодаре (Россия) на некоей Кутт Лидии (Лидии Кют. – В. Г.), рожденной 25 марта 1888 года в Риге, отец Давид, мать Августа Нейгарт. В этом браке рожден ребенок.

Объект прибыл во Францию в марте 1923 года с русским паспортом № 1000, выданным в Софии 15 мая 1922 года, с визой Французской миссии в Белграде от 26 февраля 1923 года. В качестве рекомендуемых лиц были названы: г-да Штрандтман, посол России в Белграде, генерал-лейтенант Хольмсен, улица Гренель, 79 (Посольство России), и Мишель Гийе, посол России в Риме, в настоящее время проживающий на улице Гренель, 79.

Супруги Кутеповы с марта 1923 по апрель 1924 года проживали на улице Ришелье, 23 бис, с апреля 1924 года они проживают на улице Русселе, 26, в Париже (7-й округ), где занимают меблированную квартиру с платой за наем около 600 франков в месяц.

Бывший начальник полиции в Петрограде, бывший командующий 1-го пехотного полка Российской императорской гвардии, затем командир корпуса в Крыму, генерал Кутепов сыграл большую роль во время попытки подавления большевистского государственного переворота.

Затем он служил под командованием генералов Деникина и Врангеля. После разгрома белой армии он бежал на Балканы.

Этот иностранец очень хорошо известен в кругах русских беженцев за границу своей преданностью делу прежнего государственного строя. Кроме того, он поддерживает постоянную обширную переписку.

Говорят, что в своей надежде вновь играть в России военную роль он прилагает все усилия, чтобы обеспечить себя документами о политическом и экономическом положении этой страны, внимательно следит за информацией, которая поступает на этот счет в Париж через иностранную прессу. Очень часто он даже ездит в Латвию, Сербию, Болгарию и Швейцарию, очевидно, чтобы встретиться там с корреспондентами.

Тем не менее, природа собираемой Кутеповым информации не совсем ясна, и ничто не дает повода думать, что он занимается шпионажем против Советской России, как это утверждают различные газеты, в частности, «Юманите», «Пти Паризьен», «Котидьен» и т. д. в статьях, опубликованных 21 апреля (со ссылкой на информацию агентства ТАСС), согласно которым был якобы раскрыт монархистский заговор, возглавляемый бывшим генералом белой армии Кутеповым.

Один факт, однако, является установленным: он располагает очень скромными ресурсами, представляющими собой остатки его бывшего состояния.

Если верить его многочисленным старым друзьям, генерал Кутепов просто ограничивается сбором чисто документальной информации о современной России.

Резюмируя, генерал Кутепов очень известен своими монархистскими взглядами, является большим другом Великого князя Николая [Николаевича], с которым он поддерживает постоянные отношения в его имении, в замке Шуаньи.

У себя дома, улица Русселе, 26, генерал Кутепов соблюдает большую скромность. Свою корреспонденцию он просит присылать на улицу де Карм, 20, в квартиру своего друга, г-на Асмолова Василия, род. 28 июля 1885 г. в Ростове (Россия), русского монархиста. В картотеке правонарушений не значится.

Как видно из этого документа, Кутепов тщательно конспировал деятельность боевого крыла РОВСа не только от возможного интереса со стороны ОГПУ, но и от внимания французской разведки и контрразведки. С другой стороны, сам факт наличия такой характеристики и анализа действий Кутепова во Франции подчеркивает вполне определенный интерес к его персоне со стороны французских контрразведчиков.

Личность А. П. Кутепова интересовала не только французские спецслужбы, но и их коллег по другую сторону пролива Ла-Манш. Как ни удивительно, но английская разведка также ничего не знала о деятельности Кутепова во главе антибольшевистского движения русской эмиграции. В марте 1927 года из Великобритании поступил запрос на имя руководителя 2-го бюро Генерального штаба французской армии полковника Лэней по поводу генерала Кутепова. Из этого документа нетрудно понять, что англичане знали о Кутепове крайне мало. Настолько мало, что совершенно необоснованно подозревали его в работе на немцев. В приводимом ниже документе фигурирует так называемое «Бюро Нунция». Эта отдельная разведывательная служба была создана в Германии еще в 1916 году на средства крупных германских промышленников и продолжила свою работу даже после окончания Первой мировой войны. В задачи этой службы входил промышленный шпионаж, сбор военной информации, и действовала она вплоть до 1935 года. Надо отметить, что подозрения англичан были абсолютно беспочвенны, особенно с учетом боевого прошлого Кутепова и его откровенно антигерманских настроений.

В фондах немецких спецслужб, находящихся на хранении в РГВА, все упоминания о Кутепове носят общий характер, пересказывая в основном информацию из открытой печати.

Учитывая все сказанное, можно сделать вывод, что часто упоминаемое в советских источниках планомерное сотрудничество Кутепова с «иностранными разведками» является не более чем вымыслом. Напротив, деятельность Кутепова и РОВСа была настолько законспирированная и легендирована от посторонних глаз, что англичанам, французам и немцам приходилось лишь строить догадки о личности генерала.

Перевод
Секретно
С.Х. 10311
9 3.27
211

Мой дорогой Лэней,

Недавно я получил донесение, сообщавшее мне, что некто Кутепов является представителем «Бюро Нунция» в Париже, хотя большая часть его деятельности связана с интригами русских большевиков и монархистов.

Вам известен этот человек?

Искренне преданный Вам,

Подпись: Мензи

P. S. Пока я диктовал вышеизложенное, я кое-что нашел в своих записях, и в приложении Вы найдете краткое изложение нашей информации

[...]

Генерал Кутепов, активный русский монархист, – впервые мы услышали о нем в 1920 году, в то время, когда он интриговал при Правительстве Крыма (Белая Россия). Затем он играл роль первого плана в кампании генерала Врангеля против большевиков, а после бегства из России остатков армии Врангеля активно способствовал их реорганизации в Болгарии, откуда был выслан со своим штабом болгарским правительством весной 1922 года. В октябре 1923 года он возвратился на несколько недель в Софию и снова попытался организовать находящиеся там русских эмигрантов. Последний раз мы слышали о нем в сентябре 1924 года, когда он жил в имении Великого князя Николая [Николаевича] под Парижем. Он снискал большое влияние и авторитет в организации Великого князя и занимался всей организационной работой и связями с Россией и остальной Европой.

[...] Он известен? (подпись от руки французского сотрудника.)

Нельзя исключить, что французы отслеживали официальную переписку Кутепова и проводили негласные обыски его квартир. Тем более нельзя исключить, что за Кутеповым французами устанавливалось и наружное наблюдение.

С учетом того, что Александр Павлович не часто менял места жительства и посещал общественные мероприятия, для профессиональных филеров отследить его передвижения по Парижу не составляло особого труда (будь то чекисты или французские полицейские). Это значительно облегчало подготовку операции по похищению Кутепова. Но вместе с тем подобная операция, проводившаяся в центре огромного города, требовала сложной агентурной комбинации. Внимание к Кутепову со стороны «Сюрте» повышало риск провала и противодействия французских спецслужб и, наряду с возможными действиями членов РОВСа, вынуждало чекистов задействовать в операции человека из ближнего к Кутепову круга.

Кто же это был?!

Анализ событий, последовавших за похищением и смертью А. П. Кутепова, а также исследование дальнейших биографий окружавших генерала друзей и соратников, позволяет предположить одну единственную фамилию – Скоблин. Из всех установленных на сегодня агентов ОГПУ – НКВД, внедренных в РОВС, только он имел возможность лично и близко общаться с А. П. Кутеповым. Общение носило не только служебный, но и дружеский характер. Соответственно, только Скоблин мог оказать содействие сложному заданию по агентурному обеспечению похищения Кутепова. Дальнейший жизненный путь Николая Владимировича Скоблина показывает, что он был способен на крайние формы авантюризма и предательства. Возможно, что именно участие в похищении Кутепова стало отправной точкой активного участия Скоблина в операциях Закордонной части Иностранного отдела. Борис Прянишников, комментируя предательство Скоблина, отмечает, что именно весной 1930 года, вскоре после исчезновения Кутепова, у четы Скоблин – Плевницкая появились значительные денежные средства. В частности, они потратили свыше 120 000 франков на покупку дома в пригороде Парижа Озуар-ля-Феррьер и нового автомобиля. Это притом, что Н. В. Плевницкая в то время уже не имела постоянных оплачиваемых ангажементов, а генерал Н. В. Скоблин не работал вообще. Подобные денежные траты характерны для агентуры, продающей себя, и история шпионажа только подтверждает это.

Тем не менее, сказать, как именно Скоблин участвовал в похищении Кутепова, сейчас довольно сложно. Судить о его причастности можно лишь по косвенным фактам, и руководствуясь методом исключения*.

* * *

17 января 1930 года Кутепов прибыл в Берлин и остановился в отеле «StadtKohn». На встречу с ним еще в начале января 1930 года, под видом «крупных специалистов лесной промышленности», из Москвы прибыли представители легендарной организации ВРНО и по совместительству агенты ОГПУ Александр Николаевич Попов и Николай Александрович де Роберти. За неделю до приезда Кутепова, 9 января в Берлин прибыл его помощник, полковник Арсений Александрович Зайцов**. Встреча должна была носить характер совещания по выработке дальнейших мер сотрудничества между РОВС и ВРНО. В ряде советских источников по

* Материалы ОГПУ – НКВД по Н. В. Скоблину и Н. В. Плевичкоя рассекречены лишь отрывочно и без указаний на архивное хранение. Соответствующие материалы ИНО ОГПУ по А. П. Кутепову и операции по его похищению, находящиеся в ведомственных архивах, в свою очередь, полностью закрыты для ознакомления.

** Префектура полиции в апреле 1933 года давала Зайцову следующую характеристику: «Некий Зайцов Арсений, род. 16 октября 1889 г. в Петрограде, женился 23 сентября 1923 г. в Белграде на Бороздиной Нине, род. 11 ноября 1899 г. в Пскове, развелся с ней и вновь женился в августе 1931 г. в Севре на своей соотечественнице Энгельгардт Татьяне, род. 4 мая 1894 г. в Смоленске, которая также разведена в Москве с Зубовым Николаем, с которым они вступили в брак в 1919 г. в Новочеркасске. Детей не имеет. Приехав в Париж со своей первой женой в 1924 году, с русским удостоверением личности № 151 с визой нашего консульства в Софии от 26 августа прошлого года, он зарегистрировался в соответствии с правилами пребывания иностранцев в нашей стране. 27 мая 1931 г. в Префектуре полиции ему было выдано новое удостоверение личности за № 461.360. Этот документ был выдан ему взамен удостоверения за № 480.516, обладателем которого он был с 26 августа 1919 г. По прибытии в Париж Зайцов с женой остановились на ул. де Севр, 137. Затем они оба поселились на ул. Пеплие, 28, в Буа-Коломб. После развода Зайцов жил один на ул. Вожирар, 153, где занимал комнату с арендной платой 500 франков в месяц. Проживая здесь, он познакомился со своей второй женой, которая, приехав из Ниццы, жила с 4 августа 1931 г. на бульв. Пастера, 28. Поженившись, этот иностранец и его супруга жили на ул. Севри, 24, где они занимали квартиру с годовой арендной платой 8500 франков, затем с

истории внешней разведки инициатором этой встречи называется сам Кутепов, якобы передавший руководству ВРНО просьбу приехать в Берлин через своих агентов Огарева и Цветкова, нелегально прибывших в СССР, для установления реальности существования этой организации. Присутствие одного Зайцова не удовлетворило эмиссаров из СССР и, пользуясь связью, установленной с РОВСом через Дьяконова и Корганова, они настояли на прибытии в Берлин самого Кутепова. 11 января через Корганова Кутепов получил повторное приглашение на встречу в Берлине. После недолгих раздумий Кутепов отправил Зайцову телеграмму:

«Дорогой Арсений Александрович, после вашего отъезда К. получил письмо, в котором сказано, что друзья обязательно хотят видеть меня, поэтому свидание назначено на 16, 17 и 18» [7].

Но по ходу общения в Берлине произошло интересное и труднообъяснимое событие. Прибывший вместе с Поповым де Роберти, завтракая утром 18 января совместно с Кутеповым, дождался, когда его спутник Попов отойдет от стола, и сообщил Кутепову, что нет никакой организации ВРНО, их встреча является частью очередной операции ОГПУ, и самое главное... на Кутепова готовится покушение. На следующий день в отеле «Reichskranz», в котором остановились Попов и де Роберти, состоялась рабочая встреча, на которой Кутепову было еще раз предложено активизировать контакты с ВРНО. Вернувшись в Париж, 20 января Кутепов обсудил итоги поездки со своими помощниками, князем С. Е. Трубецким и М. А. Критским. В частности упомянул о возможности покушения:

– Довольны ли Вы поездкой в Берлин? – спросил Критский.

– Меня опять хотят втянуть в «Трест». Знаю, когда я стану опасен для большевиков, они меня уберут [7].

15 января по 10 октября 1932 г. на ул. Конвантъон, 11, где платили за аренду 7000 франков в год. Покидая этот дом, они заявили, что уезжают в Ла Талмуз, через Крепи ан Валуа (Уаза). С тех пор их пребывание в столице не отмечалось. Зайцов, бывший русский полковник и бывший сотрудник генерала Кутепова, член Ассоциации бывших русских военнослужащих, возглавляемой генералом Миллером. Представленный в русских кругах столицы как ценный военный специалист, во время своего пребывания в парижском регионе он занялся написанием статей для газеты русских ветеранов. С этой целью и для пополнения личной документации он обращался в военные журналы различных стран и, в частности, в германский издательский дом Айзеншмидт. Сведения, собранные о Зайцове, имеют благоприятный характер».

Предупреждение де Роберти не привело к усилению охраны Кутепова или повышению бдительности самого Александра Павловича. Возможно, он не отнесся серьезно к этому разговору либо не считал ситуацию критической. Субботу 25 января Александр Павлович провел, работая и посещая с семьей друзей. Был в гостях у своего секретаря Критского, затем посетил генерал-лейтенанта М. И. Репьева. Вечером Кутепов отправился на вечер Объединения офицеров Гренадерского полка. Отвозившему его домой таксисту Фортунатову Кутепов сообщил, что дежурство на следующий день не понадобится*.

В воскресенье 26 января 1930 года Александр Павлович Кутепов вышел из своей квартиры в доме № 26 по улице Русселе примерно в 10-30 утра. В планах генерала было посещение русской часовни Союза Галлиполийцев на улице Мадемуазель, дом 81**. Там примерно в 11-30 должна была состояться панихида по умершему год назад генералу А. В. Каульбарсу. От дома генерала до церкви было 20 минут неспешной ходьбы, но что-то заставило Кутепова выйти из дома на 40 минут раньше.

В обзорах, посвященных похищению Кутепова [2, 33], упоминается, что накануне похищения (либо 25 января, либо 26 января рано утром) генерал получил некую записку с предложением о срочной встрече и планировал провести ее до посещения церкви на улице Мадемуазель***. Косвенным подтверждением, что генерал на самом деле встречался или планировал некую встречу, может служить маршрут, по которому он шел утром 26 января, и известным нам сейчас по показаниям свидетелей.

* Из позднейших публикаций и сообщений можно сделать вывод, что непосредственным сопровождением и охраной Кутепова в его поездках по Парижу занималась бригада таксистов из числа бывших офицеров ветеранов Гражданской войны, ныне состоящих в РОВС и сменяющих друг друга каждый день. Всего в бригаде было до 33 человек, с учетом дней в каждом месяце и резервных машин.

** Выходя из дома, Кутепов сказал жене, что идет именно в церковь. Там его ждал генерал М. И. Репьев, о чем договаривались у него в гостях 25 января.

*** К примеру, в статье Н. Шварева «Охота за генералами» (Родина. 2006. № 6) без всяких ссылок на источник этой информации (впрочем, очень похожей на данные из статьи Л. Михайлова в газете «Неделя», 1989 год) упоминается: «25 января 1930 года Кутепов получил короткую записку с предложением о встрече (ее подготовил генерал П. П. Дьяконов).

Чтобы понять некую нелогичность движения Кутепова сообразно с известным нам планом посетить церковь на улице Мадемуазель и, наоборот (см. схему 1), совершенно логичное и точное расположение засады чекистов по пути следования Кутепова обратно в сторону своего дома, надо внимательно ознакомиться с картой 7-го района Парижа (см. схему 2).

Если советские агенты были полностью уверены в том, что Кутепов обязательно пройдет через перекресток улиц Удино и Русселе, то либо инспирированная ими встреча была назначена в непосредственной близости от засады, либо засада находилась на единственно возможном маршруте движения Кутепова. Почему Кутепов решил еще раз зайти домой? На этот счет есть три предположения. Либо ему передали что-то, что он хотел оставить дома, либо кто-то сопровождал Кутепова, и им вместе требовалось посетить квартиру Александра Павловича, либо Кутепов срочно хотел укрыться дома от некоей опасности. Судя по маршруту, Кутепов двигался со стороны бульвара Инвалидов, совершая тем самым круговой обход своего квартала, и сам пришел прямо к месту засады. Но все эти обстоятельства стали проясняться лишь спустя дни и недели после похищения, в ходе следствия

Непосредственно 26 января постепенно растущее беспокойство по поводу отсутствия Кутепова на панихиде и дома проявилось у его близких и друзей только после 15-00. Генерал Репьев не дождался Кутепова у церкви на улице Мадемуазель и известил об этом помощников Кутепова. Начала беспокоиться супруга генерала Л. Д. Кутепова, решив в определенный момент поставить в известность парижскую полицию (полицейский чин из префектуры прибыл домой к Кутеповым в 18-30), приступившую к поискам Александра Павловича. И лишь в 23-00 полицией был признан факт исчезновения генерала и приняты меры к его административному розыску. Допуская возможность, что Кутепов похищен агентами иностранной спецслужбы, полиция отправила ориентировки на Кутепова в полицейские управления по стране и пограничные посты.

Встреча была назначена на трамвайной остановке, на улице Севр. «Прибыв на место в точно обусловленное время, он, однако, никого не обнаружил. Прождав 15 минут, Кутепов отправился домой». Подобные предположения можно встретить и в других работах. Но ни их авторы, ни тем более французское следствие не смогли установить не только предполагаемого автора приглашения, но и подтвердить сам его факт

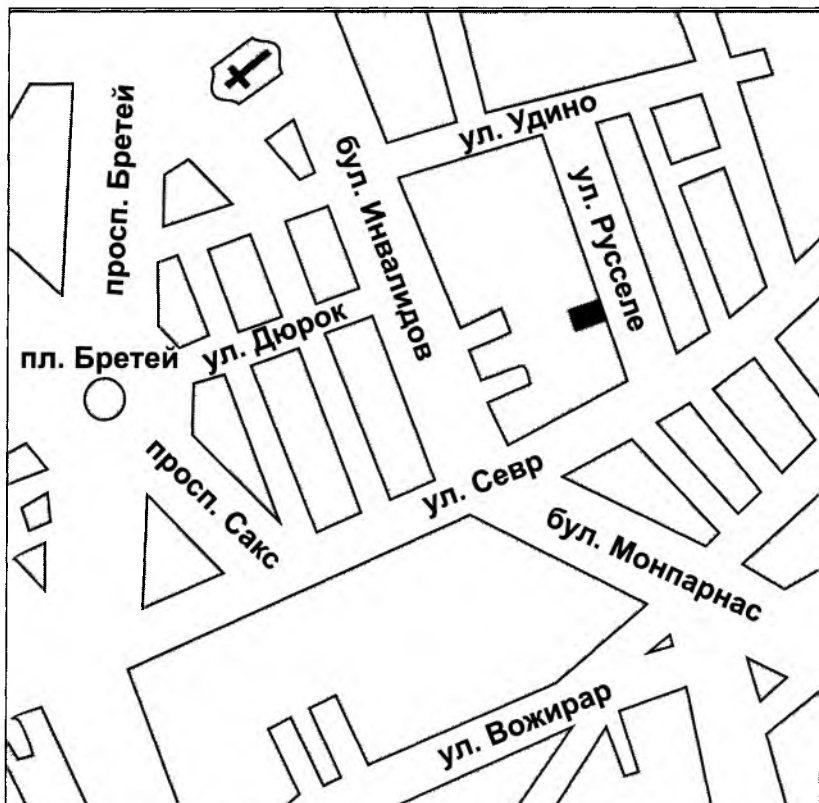

Схема 2. Общий план 7-го района Парижа

РОВС мобилизовал все возможности организации для поиска Кутепова. В его отсутствие Евгений Карлович Миллер был вынужден взять руководство союзом на себя. Вечером 27 января генерал Миллер подписал приказ по РОВСу [32]:

ПРИКАЗ

по Русскому общевоинскому союзу
27 января 1930 года

26 января генерал Кутепов в 10 ¹/₂ часов утра вышел из дому и более не возвращался к себе. Ввиду неизвестного отсутствия председателя Общевоинского союза генерала от инфантерии Кутепова я, как старший заместитель его, вступил в должность председателя Русского общевоинского союза.

Генерал-лейтенант
Миллер

28 января Лидия Давыдовна Кутепова подала официальную жалобу прокурору Французской Республики. В ней категорически отвергалась возможность бегства или самоубийства генерала Кутепова. Жалоба требовала возбудить дело «против неизвестного» по обвинению в насильственном похищении А. П. Кутепова и облегчала работу полиции, получавшей таким образом поддержку прокуратуры и производила нужные обыски и аресты на основании распоряжений судебных властей [32].

Между тем возмущение в среде русской эмиграции продолжало нарастать. Главная тема, обсуждаемая русскими в Париже, это тема о похищении генерала. В приемных редакций толпятся десятки возбужденных посетителей, в эмигрантских организациях проходят экстренные совещания. Русская общественность электризуется, желая скорейшего действия. С первых же дней после исчезновения Кутепова начинают звучать призывы разорвать отношения между Францией и СССР, изгнать персонал советских учреждений и даже разгромить немедленно представительство СССР на улице Гренель.

Понимая, что любой эксцесс, в котором будут задействованы русские эмигранты, может лишь повредить следствию, руководители русских воинских организаций провели срочное заседание. Оно состоялось 29 января в помещении Союза Галлиполийцев.

В книге Б. Бажанова и Н. Алексева это совещание описывается так [32]:

После вступительной речи генерала [Е. К.] Миллера генерал [П. Н.] Шатилов информировал собравшихся о ходе розысков и указал на необходимость полного спокойствия и выдержки, которую должны проявить члены союза, воздерживаясь от самочинных выступлений, которые могут только помешать делу. К этому же призывали и выступавшие затем генералы Хольмсен и Ливен. Военная эмиграция подчинилась этим призывам и, не скрывая своего возмущения преступлением, подчеркнула свою дисциплинированность.

Эмиграция сказала: «Мы верим во французское правосудие. Но мы ждем, чтобы оно было свершено».

ПРЕССА О ПОХИЩЕНИИ

Утром 28 января русская эмиграция узнала о похищении Кутепова. Парижские русскоязычные газеты «Возрождение» и «Последние новости» посвятили похищению и хронике следствия свои передовицы. В этом своем номере «Возрождение» обратилась

с просьбой ко всем возможным свидетелям помочь полиции в розыске и расследовании. В своей редакционной статье газета «Возрождение» указывала, что каждая деталь, подмеченная случайным свидетелем и имеющая любое отношение к расследованию, каким бы незначительным оно ни показалось лицу, им располагающему, может в итоге оказаться весьма ценным для следствия. Редакция просила всех, кто имел какие-либо данные подобного характера, немедленно сообщать их редакции, где была организована их проверка и быстрая передача в полицию.

Тот объем информации, которым располагала печать в первые дни после исчезновения Кутепова, можно проследить по статье Жана Делажа*, появившейся в газете «Эко де Пари» 29 января 1930 года [24].

Генерал Кутепов, лидер антибольшевиков, похищен посреди Парижа

Вчера мы сообщили о странном исчезновении генерала Кутепова, унаследовавшего от Великого князя Николая [Николаевича] руководство всеми русскими антибольшевистскими силами во всем мире. Генерал Кутепов неожиданно исчез в воскресенье утром посреди Парижа. Есть все основания предполагать, что он стал жертвой большевиков, которые, дело Беседовского** это в достаточной степени доказало, орудут у нас, как у себя дома. Вот детали этого трагического дела:

Генерал Кутепов, портрет и жизненный путь которого я нарисовал в ходе своего исследования русской эмиграции [34], пользовался огромной популярностью среди находящихся в изгнании русских военных. Генерал жил очень скромно с женой и пятилетним сыном, в маленькой квартире на третьем этаже на улице Русселе, 26. В субботу вечером он должен был присутствовать на заупокойной службе по генералу Каульбарсу в русской церкви на улице Дарю. Генерал Кутепов задержался по своим делам и не смог туда пойти, но пообещал прийти на следующий день, в воскресенье, на заупокойный молебен, объявленный в часовне Галлиполийского союза на улице Мадемуазель в

* **Делаж Жан** (1892–1992). Известный французский журналист и общественный деятель, писатель, исполнитель песен. Основатель ассоциации слепых ветеранов Первой мировой войны. В момент похищения А. П. Кутепова работал в газете «Echo de Paris». Активно интересовался жизнью русской эмиграции во Франции, о которой написал две книги. «La Russie en exil» (Париж, 1930) и «Koutepoff» (Париж, 1931).

** Делаж ссылается на активно обсуждавшееся во французской прессе бегство Г. З. Беседовского, сотрудника советского полпредства во Франции.

11 часов. Я уже рассказывал, что генерал Кутепов имел в своем распоряжении русских шоферов такси, бывших офицеров, каждый из них был в его распоряжении один раз в месяц, не желая получать за это ни малейшей платы. Их было 33, по одному на каждый день месяца, и еще три – на замену. В субботу вечером генерал сказал своему шоферу: «Завтра мне такси не понадобится, я пойду из дома в часовню Галлиполийского союза». На следующее утро он вышел из дома в 10 часов 30 минут. Улица Русселе – это маленькая улочка, с которой начинается улица де Севр. Она идет параллельно бульвару Инвалидов и заканчивается улицей Удино. Чтобы попасть на улицу Мадемуазель, где находится Галлиполийский союз, генерал должен был пересечь бульвар Инвалидов, пройти по улице де Севр, затем улице Лекурб и, наконец, по улице Мадемуазель; пешая прогулка продолжительностью около 20 минут. Если всегда он выходил в сопровождении кого-то, в воскресенье утром он вышел один. Его жена была обеспокоена тем, что он не пришел к обеду, но решила, что он задержался у кого-то из друзей. Наконец к 17 часам она узнала, что он не пришел на улицу Мадемуазель. На коротком промежутке пути, отделяющем его дом от Галлиполийского союза, генерал Кутепов исчез.

Политическая месть.

Ни тени сомнения не оставляет это дело. Генерал Кутепов был похищен большевистскими агентами ГПУ. Один факт позволяет предположить, что похищение произошло очень близко от его дома. На самом деле один из таксистов генерала, его приверженец, бывший полковник Корниловского полка, несмотря на приказание и предполагая, что его шеф мог передумать, в воскресенье утром остановился на своей машине в ожидании генерала. Шофер оставался там с десяти часов до без десяти одиннадцать, так и не дождавшись Кутепова. А ведь последний, выйдя из дома в 10-30, должен был бы появиться там через несколько минут. Значит, его остановили (задержали), по-видимому, раньше.

Жан Делаж

Помимо «Эко де Пари» похищение Кутепова активно обсуждалось во всех ведущих печатных изданиях Франции. Крупнейшие газеты – «Матэн», «Пти Паризьен», «Либерте», «Аксион Франсэз», «Ами дю Пепль», «Журнал», помещают подробные хроники о событии. Тон статей не оставляет сомнений. Французская пресса заказчиком и исполнителем похищения видит советские спецслужбы. Эхом отдаются публикации в английской печати.

«Морнинг Пост», давая солидную информацию о событии, высказывала сожаление о том, что советское полпредство в Париже пользуется дипломатической неприкосновенностью, и подчеркивала: «Это единственное место, где, может быть, находится разгадка

тайны». «Таймс» также не сомневается в политическом характере преступления. «Дейли Телеграф» указывала, что, по общему мнению, генерал Кутепов стал жертвой «французской секции ЧК» [32].

Советская пресса отмалчивалась несколько дней. Первые короткие заметки появились 30 января. Когда стало ясно, что похищение прошло успешно и были получены соответствующие инструкции, газета «Известия» вышла 3 февраля 1930 года, украшенная редакционной статьей директора Института В. И. Ленина, Максимилиана Александровича Савельева, под названием «Где правительство г. Тардьё?»

Статья по праву стала одним из образцов пропаганды на общегосударственном уровне и классическим примером «информационной войны» в советском исполнении. Настраивая определенным образом общественное мнение, автор статьи одновременно апеллировал к французским властям, предлагая выбирать, какое партнерство для них важнее:

...«Таинственное исчезновение» Кутепова послужило сигналом для совершенно неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как дело рук «Чека», агенты которой якобы «похитили» Кутепова среди бела дня на улицах Парижа. Измышляются басни, одна другой нелепее, находятся «очевидцы», которые якобы видели Кутепова, влекомого «чекистами» в здание полпредства и т. д. и т. п. Белогвардейские и французские реакционные и фашистские газеты не отстают друг от друга, извергая потоки площадной брани и угроз по адресу нашего полпредства... Советская общественность не может дальше терпеть этой неслыханно дикой свистопляски, продолжение которой неизбежно грозит самыми худшими эксцессами и далеко идущими последствиями. Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза невольно создает впечатление, что правительство Тардьё поддается на провокации русской белогвардейщины и действует по ее указке... Мы вынуждены со всей серьезностью поставить перед правительством Тардьё – Бриана вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией?..

Одновременно с редакционной статьей на передовице «Известий» разместились статья «собственного корреспондента в Амстердаме А. Миллера», озаглавленная «Таинственная история

с Кутеповым проясняется». Статья содержала дезинформацию по поводу исчезновения Кутепова, открыв тем самым начало целой серии подобных «экслюзивов». Статья заканчивалась предположением, что:

«...Кутепов давно уже готовил дело своего ухода. Наконец, получив помощь со стороны ближайших своих друзей, он 26 января выехал в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму».

Чуть ранее пропагандистскую кампанию прикрытия начали французские газеты, так или иначе связанные с СССР. Еще 7 октября 1929 года французская военная контрразведывательная служба SCR подготовила список изданий, подконтрольных и финансируемых СССР [35].

В этом документе помимо сумм, выделяемых на содержание изданий, и планов на дальнейшее сотрудничество, было отмечено, что за финансирование и работу с этими изданиями отвечает советник советского полпредства И. Л. Аренс. В список вошли шесть изданий: «La Volonte», «Le Soir», «Paris Soir», «La Presse», «Le Monde» и «L'Humanite». Спустя несколько месяцев, в январе–феврале 1930 года, именно эти газеты стали транслировать «советский взгляд» на похищение Кутепова. Уже 30 и 31 января «L'Humanite»* вышла со статьями о «провокации контрреволюции». А газета «La Volonte»** напечатала редакционную статью под названием «Скандалная компания». В статье, в частности, писалось:

«Пользуясь инцидентом из хроники происшествий, ряд реакционных газет в грубейшем тоне нападает на полпредство и полпреда, требуя, чтобы он был объявлен ответственным за исчезновение Кутепова, хотя причастность к этому советских агентов абсолютно ничем не доказана. Этой скандальной компании необходимо положить конец».

* По мнению французской контрразведки, это была самая «дорогая» из газет, субсидируемых советской стороной. Каждый месяц газета получала 100 000 франков. Статьи «L'Humanite» 30 и 31 января 1930 года хранятся: РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1587 (7).

** В списке французских изданий, субсидируемых СССР, указывается, что газета «La Volonte» каждый месяц получала из советского посольства в Париже 10 000 франков.

СЛЕДСТВИЕ

Призыв русских и французских печатных изданий к возможным свидетелям похищения вызвал целую волну разнообразных сообщений. От Мадрида до Харбина самые разные корреспонденты сообщали прессе и следствию свои наблюдения. Чаще всего эти данные либо не имели никакого отношения к делу, либо носили характер дезинформации. Все это чрезвычайно тормозило следствие, ибо приходилось проверять и давать оценки всем поступающим сигналам.

Вот только часть следственной документации Префектуры полиции [24], с указанием поступающей информации по делу Кутепова:

[...] 22. Информация № 1181 от 3 февраля о пребывании Кутепова в Люцерне.

23. Письмо, датированное 5 февраля, подписанное Симоном Линдшицем, заявившим, что он видел генерала в Бельгии.

24. Анонимное письмо от 5 февраля о неких разговорах, услышанных 14 февраля между 22 и 23 часами на углу улиц Робера Флери и Мадемуазель.

25. Донесение № 1233, датированное 3 февраля 1930 года, относительно информации, опубликованной вечерними газетами «Эн-транзижанс» и «Ами дю пепль», об аресте агента ГПУ (Селезнев Александр, высланный, появившийся в русской газете «Возрождение»).

26. Донесение № 1176 от 5 февраля. О некоей Александре Янович и ее муже Янович, он же Виленский (Владимир Борисович), упоминавшихся в прессе в качестве лиц, могущих иметь отношение к исчезновению генерала Кутепова.

27. Телеграмма, адресованная г-же Кутеповой на улицу Русселе «Союзом Глуховацова».

28. Рапорт № 1266 от 4 февраля с. г. Заявление князя Сергея Романовского, князя Лихтенбергского, зятя Великого князя Николая [Николаевича], проживающего в Париже, улица Франсуа I, 52.

29. Донесение № 103 специального комиссара в Дине от 4 февраля 1930 года о пребывании в этом городе некоей дамы Нозоревской Екатерины, супруги Кутепова, муж которой, бывший русский офицер, проживает в Монруже, на проспекте Верден, 27.

30. Рапорт комиссара полиции в Сен-Жермен от 5 февраля 1930 года о расследовании, проведенном как службой общей разведки, так и г-ном Кере (Победоносцева, Немиров и Алексей Игнатьев).

31. Донесение № 225 специального комиссара Булони-сюр-Мер от 6 февраля. О советских кораблях, находящихся в порту Булони.

32. Донесение комиссара полиции Аннеси № 351 от 5 февраля относительно доноса некоего Саломона на русских Ермолаева, Владимира и Яколенко, Коломейчук Марию, супругу Ермолаева.

33. Письмо, адресованное 10 февраля в Управление и подписанное Бютом, проживающим в Париже, улица де Пти Шан, 80. О подозрительных русских, проживающих в этом доме.

34. Письмо № 1311 от 6 февраля в Префектуру полиции и сопроводительная записка к протоколу заявления, сделанного неким Малашкиным, заведующим лабораторией в приюте Вильжюиф.

35. Итоги расследования, проведенного в департаменте Эр, по анонимному доносу, касающемуся исчезновения генерала Кутепова.

36. Письмо министра иностранных дел от 8 февраля с. г. об отправке нашим Генеральным консулом в Женеве письма и почтовой открытки, имеющих отношение к делу генерала Кутепова. Некий Мелик Эльчиза, упоминающийся в этой открытке, является объектом многочисленной переписки Департамента иностранных дел. Последнее от 28 января 1930 года (2-е бюро – Полиция по охране общественного порядка). [...]

Аналогичные по своей фантастичности и разбросу фактов сообщения поступали и по каналам военной разведки. Информация по делу А. П. Кутепова собиралась и анализировалась в секции 2-го бюро Генштаба французской армии – «SCR» («Section de Centralization de Renseignements» – Секция централизации сведений). Эта секция (управление) занималась исключительно контрразведывательной работой и централизацией контрразведывательных сведений, собранных за границей, а также организацией своей агентуры за границей.

Приведу некоторые из сообщений:

Бухарест, 9 февраля 1930 г.

Кутепов

Секция централизации

38461 14 февраля 1930 г.

№ 1488

Подтверждение шифротелеграммы № 67

от 7 февраля 1930 г.

Об исчезновении генерала Кутепова

Имею честь доложить, что 6 февраля перед моим отъездом из Кишинева ко мне пришел г-н Хузареску, начальник службы безопасности Бессарабии, со следующим заявлением:

«Один из моих информаторов вчера целый день искал меня для того, чтобы поговорить со мной. Наконец, встретившись со мной вечером, он умолял меня отправить телеграмму в Париж, чтобы освободить генерала Кутепова. Согласно сведениям, полученным от друга информатора, вернувшегося из Парижа, генерала захватили и мучили – несомненно, чтобы заставить заговорить, в лесном заброшенном

домике, в лесу в 25 км к югу от Парижа. Я сказал ему, что как раз сейчас в Кишиневе находится французский офицер, и что я могу связать его с Вами. Плача, он попросил меня не делать этого, поскольку доверяет только мне и боится репрессий большевиков. Он не мог назвать других деталей, кроме этих, записанных под его диктовку: Направление: улица де ля Виктуар, проезжаем мост и едем по дороге 20 км, поворачиваем налево на проселочную дорогу, в 5 км от этой дороги расположен заброшенный лесной дом, где находится генерал Кутепов. Мой информатор не захотел мне сказать, откуда его друг имеет такую информацию. Несомненно, он был искренен.

Хотя эти сведения показались мне очень неясными, я счел необходимым по моему возвращению в Бухарест отправить вам шифротелеграмму № 67 от 7 февраля 1930 г.

Печать: Французская миссия в Румынии, Военный отдел.

Секретно

Кутепов

Шифротелеграмма, полученная из Праги

17 февраля 1930 г.

№ 49

Полиция Праги просит нас сообщить вам, что свидетель, некий Алекс Изимеин, русский эмигрант, заявляет, что генерала Кутепова заманили под предлогом сдачи в аренду офиса в дом № 12 по проспекту де Пеплие и убили там в погребе. Его труп был вывезен на расстояние полутора часов езды от Парижа. Заявитель просит сохранить полное инкогнито.

Секция централизации

19 февраля 1930 г. № 1671

Распределить: Подполковнику Лорену 1

Секция централизации 1

Секция Е (Россия) 1

38461/5

№ 354 Ви от 14 апреля 1930

Кутепов

г-н Бернуа г-ну Лефранку

Ул. Де л' Университе, 75 Париж

О деле Кутепова

Секция централизации

23 апреля 1930 г.

№ 4150

Начальник югославской контрразведки рассказывает мне следующий случай, который я излагаю с оговоркой, поскольку личности этого полицейского и особенно его собеседника мне абсолютно незнакомы.

Начальнику югославской контрразведки недавно позвонил по телефону некто и попросил о тайной встрече; но отправился туда и оказался там лицом к лицу с агентом ГПУ (из советской дипломатической миссии в Вене). Тот предложил ему доставить на пароходе Сербской навигационной компании на Дунае усыпленного на 24 часа хлороформом хорватского коммуниста, беженца в Австрии, которому Советы хотят отомстить.

Агент ГПУ добавил: «Мы сделаем то же самое, что сделали с генералом Кутеповым...»

Начальник югославской контрразведки громко воскликнул: «Это не вы (ГПУ) сделали дело Кутепова...»

Русский агент продолжил свою речь.

Сербский полицейский спросил его: «И вы его убили?»

Тот ответил: «Нет, он жив и находится у нас!..»

Сербский полицейский еще сказал ему: «Но у вас будут серьезные осложнения и неприятности с этим делом».

Агент ГПУ возразил: «Нет, мы все уладили, мы устроили дело таким образом, что у него не будет последствий».

Кроме того, начальник югославской контрразведки сказал мне, что предложение русского по поводу хорватского коммуниста не было проведено в жизнь.

Помимо Префектуры полиции и военной контрразведки, сбором и анализом информации приходилось заниматься сотрудникам Главного управления общественной безопасности Франции – «Surete generale».

Вот некоторые из документов этого ведомства:

Министерство внутренних дел
Поступило: 01.05.1930

Господин начальник,

Думаю, вас заинтересует следующее:

Некий Виктор Бахвалов, подручный парикмахера, проживающий в Пюто, на улице Мари Жакоте, 12, недавно в разговоре имел неосторожность сказать, что он многое знает об исчезновении и смерти генерала, очень известного руководителя партии, исчезновение которого наделало много шума и которое до сих пор покрыто тайной.

Бахвалов якобы является секретным агентом ГПУ.

С другой стороны, помимо своей профессии, которая служит ему прикрытием, он достаточно осторожно приторговывает героином.

Подозрительная личность, хотя внешне создает впечатление спокойного человека, что позволило ему до сих пор оставаться незамеченным.

А 11. 854

О Бахвалове Викторе
Париж, 20 мая 1933 г.

Некий Бахвалов Виктор, указанный в анонимном письме как секретный агент ГПУ, возможно, принимавший участие в похищении генерала Кутелова и занимавшийся торговлей наркотиков, родился 11 ноября 1900 г. в Москве, отец – Сергей, мать – Мотова Мария.

Прибыв во Францию в конце октября 1925 года и имея при себе паспорт № 009552, выданный 20 числа того же месяца Консульством Польши, Бахвалов сначала отправился в Мондевилль (Кальвадос), где в течение двух месяцев служил в Сосьете Металлуржик. На 2 февраля 1926 г. он числится рабочим, специализирующимся на формовке вело- и мотоциклов, у Гучинсона, набережная Насьональ, в Пюто. В это время он проживает в данном населенном пункте по улице Колен, 9, затем меняет местожительство и получает удостоверение личности в Службе иностранцев Префектуры полиции после благоприятного отзыва Службы иностранной рабочей силы Министерства труда. Для получения этого документа он представляет рекомендации Александра и Эдуарда Шумахеров, проживающих по адресу: улица Республики, 112, Пюто. Вследствие экономического кризиса Дом Гучинсонов вынужден уволить часть своего персонала, и тогда Бахвалов, денежное положение которого было наиболее шатким, учится ремеслу парикмахера и становится помощником мастера. В настоящее время объект служит в Доме Рюэй, без уточнений, и проживает на улице Морис Жакоте, 13, где снимает маленькую квартиру с годовой арендной платой 1500 франков. По этому адресу он характеризуется как серьезный, пунктуальный и работающий молодой человек, совсем не интересующийся политикой. Имея в понедельник выходной, он принимает у себя дома в этот день клиентов, найденных через знакомых, возможно, это вызвало живую зависть некоторых владельцев парикмахерских Пюто и спровоцировало отправку анонимного письма. До сего дня Бахвалов Виктор никогда не привлекал внимания различных служб полиции.

Министерство внутренних дел
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Управление общественной безопасности
ГАВР, 10 ИЮЛЯ 1930 г.

Специальный комиссариат Гавра
Г-ну директору Управления общественной безопасности
(Контроль административной полиции)
№ 3029

О некоем Адаме Луи

В ответ на Ваше конфиденциальное донесение № 7. 23 от 3 числа текущего месяца, касающееся г-на Адама, который направил г-ну председателю Совета, министру внутренних дел письмо, о котором

вы соизволили меня информировать, имею честь сообщить ниже собранные о нем сведения.

Г-н Адам Луи, 70 лет, проживающий на улице Эмиля Рену, 32, неуравновешенный одинокий человек, не имеющий ни друзей, ни знакомых. Все, кто знает его, считают его абсолютно безобидным маньяком, страдающим манией писать письма властям.

Он уже направлял письма г-ну Пуанкаре, г-ну министру юстиции и т. д.

Кроме того, он не владеет какой-либо профессией, но в моменты просветления практикует ремесло общественного писаря, получая за это мизерное вознаграждение, что позволяет ему обеспечить себе хоть какие-то средства к существованию.

Адам, более известный под именем «Брат Адам» или также «Бук», слывет в своем квартале безобидным чудаком.

Специальный комиссар

Намного больше полезной информации следствие смогло получить из опроса свидетелей на месте. Уже в первые дни расследования были установлены три человека, видевшие Кутепова по выходе последнего из дома. Последовательно каждый из них встречал генерала, шедшего по улице Русселе в сторону улицы Севр, а затем по улице Севр до угла с бульваром Инвалидов. На улице Русселе Кутепова видел француз, торговец красками, на улице Севр Кутепов поздоровался с хозяином располагавшегося там же кинотеатра «Севр-Палас» Лионом Сирочкиным и, наконец, на углу с бульваром Инвалидов Кутепова видел некий русский офицер.

А 30 января был найден главный свидетель похищения. Найден он был, как ни странно, не полицией и не русскими добровольными помощниками. Отличился все тот же неутомимый журналист газеты «Эко де Пари» Жан Делаж. В четверг 30 января 1930 года с господином Делаж связался управляющий клиникой «Святого Иоанна», что разместились на углу улиц Русселе и Удино, и сообщил, что один из его работников, судя по всему, стал свидетелем похищения.

Вот как описаны показания этого свидетеля в книге «Похищение генерала А. П. Кутепова большевиками: Следственные и политические материалы» [32]:

30 января монах, управляющий лечебницей, прочтя в газетах об исчезновении генерала Кутепова, сообщил сотруднику «Эко де Пари», Жану Делаж, что уборщик клиники Огюст Стеймец видел из окна сцену похищения. Господин Делаж отправился в лечебницу и в присутствии свидетелей допросил Стеймеца. Уборщик показал следующее.

«В воскресенье утром я вытряхивал белье на улице Русселе. Тот, кто это был точно час, я не помню, но так как мой коллега, который обыкновенно сменяет меня около 11-ти, был уже на месте, я думаю, что это было или за несколько минут до 11-ти, или немного позже.

Выглянув в окно, я увидел рядом с нашим домом, в нескольких шагах от тротуара большой серо-зеленый, кажется, с внутренним управлением, собственный автомобиль. Автомобиль был повернут в сторону улицы Удино. Невдалеке, среди самой улицы Удино, против улицы Русселе стояло красное такси, повернутое в сторону бульвара Инвалидов и стоявшее посередине улицы, как бы загромождая проезд. Тут же рядом на углу стоял постовой полицейский.

Рядом с серо-зеленым автомобилем стояли два здоровенных человека в желтых пальто. На вид им было по 40–45 лет. Наружности их я хорошо не помню, но заметил лишь, что оба они были без бороды. В тот момент, когда вытряхивал ковер, я увидел, как на улицу Русселе свернул с улицы Удино, идя со стороны бульвара Инвалидов, господин средних лет в черном пальто и черной мягкой шляпе. Он был среднего роста, и я ясно видел его черные усы и небольшую черную бороду. Я плохо понимаю по-французски и потому почти не читаю французских газет. Но вчера я увидел случайно вечернюю газету и в ней портрет, в котором я сразу признал этого господина.

Когда господин поравнялся с серо-зеленым автомобилем, оба человека, стоявшие рядом с машиной, подошли к нему и повели с ним какой-то спор. Один из них схватил его за левую руку, другой за правую. Тот локтем ударил одного из нападавших, пытаясь освободиться. Борьба была короткая. Нападавшие силой толкнули бородатого господина в автомобиль.

Полицейский, как только увидел свернувшего на улицу Русселе господина, подошел к автомобилю и наблюдал за схваткой совершенно спокойно, держа руки за спиной. Как только господин оказался в автомобиле, полицейский, быстро оглянувшись направо и налево и посмотрев вдоль улицы Русселе, вскочил тоже в автомобиль, который в ту же секунду двинулся с места и свернул за угол налево на улицу Удино. Полицейский сидел рядом с шофером. Сейчас же вслед за первой машиной двинулось красное такси и умчалось также по направлению бульвара Инвалидов».

Наблюдая все это, Огюст Стеймец не сомневался, что переодетые сыщики при помощи полицейского в форме арестовывают преступника. Видя такую картину ареста в Париже в первый раз, он отворил дверь в палату и крикнул своему товарищу: «Иди, смотри, кого-то арестовали!». Товарищ подбежал к окну, но успел увидеть только красное такси, исчезавшее за углом, вслед за серо-зеленой машиной.

Показание уборщика было немедленно сообщено в полицию и ею проверено. О самом Стеймце сведения оказались самые благоприятные. Это эльзасец, лет 25-ти, плохо понимающий по-француз-

ски и обычно говорящий по-немецки. В Париже он всего три месяца. При допросе он производил самое хорошее впечатление своей искренностью и точностью показаний. Товарищ его полностью подтвердил слова Стеймца о том, что уборщик позвал его посмотреть на картину ареста.

Особое внимание полиции привлек описанный Стеймцем постовой полицейский. По произведенной проверке полиция установила с абсолютной точностью, что на углу улиц Русселе и Удино полицейского поста не было, и никогда ни один полицейский не посылался дежурить на этом тихом и пустынном перекрестке. Но из показаний хозяина и лакаera углового быстро и из показаний других окрестных жителей было сейчас же с полной несомненностью установлено, что этот полицейский дежурил на перекрестке каждое воскресенье в течение последних четырех-пяти недель. В будние дни полицейского здесь не было, но по воскресеньям он аккуратно появлялся на посту, расхаживал по мостовой и оставался здесь до вечера.

Итак, было ясно, что это был фальшивый полицейский. Но мог ли несколько воскресений подряд стоять на том же месте человек, переодетый полицейским и не быть обнаруженным полицией? Сначала полиция отвергла эту возможность. Но затем должна была согласиться, что это возможно при условии, что на некотором расстоянии от лжеполицейского находились другие большевистские агенты, которые и давали ему знать о приближении полицейского комиссара. После такого предупреждения фальшивый полицейский мог делать вид, что просто проходит по улице, и комиссар не остановил бы его, приняв его за полицейского другого участка. Все же вначале целый ряд мелочей заставлял относиться к показанию скептически. Прежде всего, казалось странным, почему уборщик вытряхивает в 11 часов дня ковер в окно на виду у полицейского, рискуя при этом штрафом. Затем, казалось странным, почему бы генерал Кутепов, вышедший из дому в половине одиннадцатого, захотел бы вернуться домой полчаса спустя и с противоположной стороны. Наконец, если бы генерал все же по каким-то непредвиденным обстоятельствам это сделал, то непонятно, каким образом преступники знали об этом заранее. Но когда второй служитель клиники Летексье категорически подтвердил показания Стеймца в относящейся к нему части и когда по наведенным справкам выяснилось, что никакого ареста в этом районе полиция не производила, то стало чрезвычайно вероятным, что похищение генерала под видом инсценированного ареста произошло именно здесь, а завлечен он сюда был обманным путем. Теперь следствие могло опереться на этот отправной факт.

Тут необходимо отметить, что расследование обстоятельств исчезновения Кутепова началось в сложной и противоречивой обстановке. Практически с самого начала следствия французский

МИД занял двойственную позицию. Курс на сотрудничество с СССР не предполагал со стороны внешнеполитического ведомства Франции резких реакций и заявлений. Даже если советские агенты перестали действовать, как писал Чичерин, при свете «veilleuse de nuit».

Пока на причастность к похищению Кутепова непосредственно советскими спецслужбами ничего не указывало, французские дипломаты заняли достаточно нейтральную позицию. Характерен разговор, состоявшийся между министром иностранных дел Франции Аристидом Брианом и полномочным представителем СССР во Франции В. С. Довгалевским 25 марта 1930 года [36].

Бриан постарался заверить Довгалевского, прибывшего к нему на прием с опасениями, что толпа белоэмигрантов может разгромить полпредство, что относится к ситуации с похищением Кутепова крайне несерьезно: «Скажите мне, пожалуйста, что Вы делали с генералом? Как Вам удавалось похитить такого важного человека в середине Парижа? Все это было устроено для съемок кинокартины?»

Визиты Довгалевского с жалобами на невнимание французских властей к эскалации напряженности вокруг советского представительства были регулярными. Довгалевский обращал внимание не только на возможные акции со стороны русской эмиграции, но и на резкие высказывания французских журналистов. 4 февраля 1930 года советский полпред просит аудиенции у г-на Андре Тардые, чтобы выразить недовольство нападками газет. Тардые в ответ замечает, что французская пресса свободна, и поэтому он не сможет вмешаться.

Интересен документ, отправленный префектом полиции Парижа Жаном Шиапом в секретариат министра иностранных дел.

Префектура полиции
Париж
28 мая 1930 г.

В Вашем письме за № 5365 от 24 мая 1930 года Вы просили меня сообщить Вам о результатах расследования, проводимого моим ведомством, по делу Кутепова, чтобы дать Вам возможность информировать об этом деле г-на министра иностранных дел.

Имею честь сообщить Вам, что на данный момент мне нечего добавить к показаниям, которые я лично представил по этому поводу в своей речи 4 апреля сего года, на трибуне Муниципального совета Парижа.

Добавлю, что расследование продолжается, и я был бы Вам благодарен, если бы Вы, информируя министра иностранных дел, указали ему на то, что он мог бы быть очень полезен нашим службам, если

бы держал нас в курсе информации, которая может поступить ему самому по этому делу от наших представителей за границей.

Несмотря на усердие и энергию, проявленную личным составом парижской полиции, следственные действия, порученные ей, сталкивались с определенными трудностями ведомственного характера. Хотя следствие и было поручено опытным сотрудникам, специальному комиссару Фо-Па Биде* и комиссару Делале, с самого начала оно было практически обречено на неудачу. Чтобы понять это, надо разобраться, что представляли собой спецслужбы Французской Республики в 1930 году и как они действовали.

Весь объем контрразведывательной информации и все усилия по вскрытию враждебной агентуры были сосредоточены в «Сюрте Женераль» и 2-м бюро Генштаба французской армии. В мирное время контрразведка на территории Франции и в колониях осуществлялась органами МВД, а за границей органами Военного министерства.

Главное управление общественной безопасности Франции «Сюрте Женераль» было высшим полицейским органом страны и занимало ведущее положение в Министерстве внутренних дел. Согласно декрету президента Франции Гастона Думерга от 29 декабря 1929 года, структурно «Сюрте Женераль» состояло из четырех бюро и пяти вспомогательных полицейских служб с самостоятельными задачами**.

* **Фо-Па Биде** (Чарльз Адольф). Сотрудник Префектуры полиции. За время своей карьеры служил в военной разведке, в «Сюрте Женераль» и в Префектуре полиции. Арестовывал и допрашивал Л. Д. Троцкого. Будучи в служебной командировке в России, сам был арестован и допрашивался Троцким, который упоминает его в своих работах. Был выслан из Советской России. Имел многочисленную агентуру в русской эмигрантской среде. На 1930 год был специальным комиссаром Префектуры полиции, возглавлял один из отделов. Специализировался на борьбе с левацким подпольем и русской преступностью во Франции. Ушел со службы в 1937 году. В этом же году опубликовал свои мемуары в газете «Ла Матен».

** Организационное деление «Сюрте Женераль» на несколько бюро, секций и несколько вспомогательных служб аналогично делению советских спецслужб на управления и отделы. В конце апреля 1934 года Главное управление общественной безопасности Франции («Сюрте Женераль») было реорганизовано и переименовано в Главное управление национальной безопасности Франции («Сюрте Националь»).

В задачи «Сюрте Женераль» входил контроль за деятельностью и комплектованием кадров полиции*, экономической и финансовой деятельностью внутри страны, мобилизацией в случае войны, охрана границ, контроль за периодической печатью, игорными заведениями, скачками, оборотом оружия и, конечно же, борьба со шпионажем. В рамках контрразведывательных функций «Сюрте Женераль» осуществляло контроль за соблюдением правил пребывания иностранных граждан на территории Франции, за деятельностью иностранных ассоциаций, а также ведало вопросами принятия иностранцев во французское гражданство, выдачи разрешений на въезд во Францию и высылкой, в случае необходимости, нежелательных элементов из страны. «Сюрте Женераль» подчинялась воздушная и почтовая полиция, под ее контролем также находились вопросы голубеводства. Ведомственными инструкциями «Сюрте Женераль» было разрешено вербовать агентуру как из числа граждан Франции, так и из числа иностранцев.

Параллельно с «Сюрте» контрразведывательные функции были возложены на 2-е бюро Генштаба французской армии. В его общие задачи** входил сбор сведений об иностранных государствах и их армиях, а также сведений о деятельности противника на территории Франции в области военного и экономического шпионажа, диверсий и пропаганды. Под контролем военной разведки находились также вопросы военной контрабанды и иной торговой деятельности противника. Розыск сведений осуществлялся с помощью зарубежной агентуры, а также с помощью контроля за телеграфным и почтовым сообщением. Внимательно изучалась зарубежная и отечественная пресса. Организационно 2-е бюро состояло из семи секций. Для улучшения руководства деятельностью агентуры на территории ряда иностранных госу-

* Французская полиция делилась на государственную и муниципальную. Государственная полиция находилась на государственном бюджете и управлялась госструктурами. Муниципальная полиция находилась на бюджете местных органов самоуправления. Все служащие муниципальной полиции (за исключением комиссаров) назначались мэрами.

** В документах Генерального штаба французской армии цели и задачи 2-го бюро сформулированы тремя основными функциями: розыск, контроль и передача сведений.

дарств и пограничных областей самой Франции были созданы несколько постов*.

Деятельность двух контрразведывательных структур в составе МВД и Военного министерства регламентировалась межминистерской инструкцией военного министра и министра внутренних дел от 1 октября 1924 года [37]. Инструкцией четко определялись разграничительные критерии и методы совместной работы. В частности, указывалось, что борьба с вражеской агентурой, проникшей на территорию Франции, осуществляется «Сюрте Женераль», а противодействие и наблюдение за иностранной агентурой за рубежом страны возлагается на 2-е бюро Генштаба.

Как видно из приведенного описания, следствие по делу об исчезновении генерала Кутепова велось структурой (Префектура полиции г. Париж), не обладавшей всей полнотой информации о деятельности советской агентуры во Франции**.

Пока у следствия не появилось четких указаний на причастность к похищению генерала некой иностранной службы, содействие со стороны «Сюрте Женераль» ограничивалось анализом поступавшей из полиции информации и мониторингом публикаций в прессе.

В свою очередь позиция, занятая МИДом Франции, недвусмысленно показывает, что задачи найти в похищении Кутепова «советский след» правительством Франции не ставилось. Реакция была скорее выжидательной, с расчетом на поступление новой информации. Эта выжидательная позиция определенным образом подчеркивает, что расследование похищения Кутепова было для французского правительства «политически бесперспективным».

Указаний на то, что существовало некое политическое противодействие расследованию, нет. Но нет также и указаний, что французское правительство задействовало все ресурсы спецслужб для раскрытия этого преступления. Расследовалось резонансное, но не «шпионско-политическое», а именно уголовное преступление.

Привлечение к делу «Сюрте Женераль», по профилю которого должно было проходить расследование похищения Кутепова, огра-

* «Посты 2-го бюро» – аналог советских разведывательных резидентур. За рубежом Франции ими руководили, как правило, военные атташе посольств.

** Префектура полиции Парижа – старейшая префектура полиции во Франции. Создана Наполеоном Бонапартом В 1930 году ее возглавлял Жан Шиап, бывший в прошлом директором «Сюрте Женераль».

ничилось повышением бдительности на границе и координацией расследования, ведшегося Префектурой полиции Парижа с территориальными полицейскими структурами в провинции. Сбор и анализ поступающей агентурной информации в рамках «Сюрте Женераль» велся на низком уровне и временами напоминал сбор сплетен. Внимательно исследуя документы «Сюрте Женераль», датированные концом 1920 – началом 1930-х годов, можно сделать вывод, что деятельность советской разведки на территории Франции не была первоочередным интересом для французской спецслужбы. Агентура из числа русских эмигрантов отличалась низким качеством поставляемых сведений, а французские офицеры – крайне низкими знаниями русского языка, истории, географии и русских традиций*.

Жан Делаж так описывает в своем дневнике ситуацию [38]:

10 февраля. Ничего нового. Полиция действует вяло, без добровольных свидетелей была бы пустота. Русская и французская общественность сильно раздражена.

Кашен и Дорио объявляют интерpellацию и митинг в защиту советских товарищей.

12 февраля. Жан Ибарнегарей, депутат Нижних Пиренеев, только что сделал запрос (в парламент) о неуместности и опасности нахождения советского посольства в Париже и о серьезных мотивах, диктующих немедленный разрыв наших дипломатических отношений с большевистским правительством.

Начиная с 6 марта, от полиции больше не поступает никаких сообщений.

1 апреля. Сэр Генри Детердинг прибывает в Париж специальным самолетом для беседы с господином Тардьё. Ходят слухи, что на ней идет речь о деле Кутепова.

4 апреля. Г-жа Янович покинула советское посольство в автомобиле г-на Довгалева (посол СССР в Париже). На улице Гренель царит паника. Часть персонала посольства отправлена в Москву.

5 апреля. Дело Кутепова является предметом обсуждения в Муниципальном совете. Г-н Шарль дез Иснар резко выступил против действий СССР. Г-н Шиап, префект полиции, заявляет, что он убежден в похищении и вывозе Кутепова. Однако он признает, что нет ни-

* Характерно, что французской контрразведке так и не удалось вскрыть советскую разведывательную сеть во Франции вплоть до лета 1940 года. Но с захватом Северной Франции Вермахтом советская агентура понесла тяжелые потери. Немцами был арестован ряд советских нелегалов, том числе С. Н. Третьяков и П. П. Дьяконов.

какой уверенности в том, кто является исполнителем преступления, хотя неоспоримо известны подстрекатели: Советы*.

К концу весны 1930 года следствие по делу о похищении неизвестными лицами генерала А. П. Кутепова окончательно застопорилось. Единственным достижением полиции** стали показания Огюста Стеймеца, подтвержденные показаниями жителей окрестных домов и его сослуживцами.

В мае 1930 офицер 2-го бюро Генштаба французской армии составил отчет, в котором подвел некоторые итоги полицейского следствия [35].

Секция централизации сведений

Капитан [нрзб.]

16.05.1930

Беседа с господином Фо-Па Биде
из Префектуры полиции

Дело Кутепова

1. Отношения генерала с англичанами.

Вскоре после похищения генерал Кутепов был объявлен газетам, получающими жалование в советском посольстве, в том числе Юманите и Суар, агентом Детердинга***.

В действительности, говорит Фо-Па Биде, генерал Кутепов опасался британскую разведку.

Тем не менее, во время расследования стало известно, что генерал Кутепов поддерживал отношения (неизвестно какого рода, может быть, просто любовные) с г-жой Рейлли, проживавшей в Париже, вдовой капитана Рейлли из британской разведки, убитого большевиками в 1923 году. Эта г-жа Рейлли якобы была единственным человеком, знавшим от самого Кутепова об отношениях, которые его связывали с Префектурой полиции и Фо-Па Биде.

* В интервью итальянской газете «Ла Stampa» Шиап выразился еще откровеннее, подчеркнув, что не сомневается в причастности к похищению Кутепова советских агентов. Но через несколько дней он выступил с опровержением, сообщив, что его «не правильно поняли».

** Важно отметить, что ключевого свидетеля нашел не полицейский дознаватель, а парижский журналист.

*** Лорд **Генри Детердинг** (1866–1939), крупный английский нефтепромышленник, голландец по происхождению, глава Совета директоров компаний «Англо-саксон петролеум», «Датч-Шелл» и других. Был женат на Лидии Павловне Кудояровой. Поддерживал отношения с русской эмиграцией. В частности, выделял средства на обучение русских студентов, финансировал работу русской гимназии в Париже, принимал на работу представителей русской эмиграции и т. п.

2. Что стало с самим делом?

Г-н Фо-Па Биде говорит, что в дело, приостановленное сейчас, смогут внести ясность только спонтанные признания, которые рано или поздно сделает какой-нибудь агент ГПУ, принимавший участие в похищении или его подготовке. Г-н Фо-Па Биде постарается спровоцировать это признание. Для этого он вступил в отношения с Литвиновым [нрзб.], братом советского дипломата, и, возможно, он вскоре встретится с ним в Льеже. Он думает, что Литвинов привезет ему туда из Берлина агента ГПУ, который, может быть, и сделает признания.

Подпись [нрзб.]

Фо-Па Биде так и не привез из Берлина перебежчика, как впрочем, и не появились агенты ГПУ, делающие «спонтанные признания». Следствие зашло в тупик. Было件нятно, что непосредственные исполнители преступления скрылись из Франции уже в конце января. Как мы уже отмечали, поступающие во французские спецслужбы агентурные сведения отличались крайней неправдоподобностью, а зачастую были явной дезинформацией. Нельзя исключить, что в ходе операции прикрытия ИНО ОГПУ вбрасывал ряд материалов, призванных запутать и ввести в заблуждение французскую полицию. В числе прочих агентурных сообщений приведем два сообщения [35], отличающиеся определенными совпадениями с современными данными по советской агентуре во Франции. К сожалению, автор этих писем неизвестен. Для текста характерно упоминание множества фамилий, мелких деталей и определенная театральность повествования. Письма направлялись либо префекту полиции Шиапу, либо комиссару Фо-Па Биде.

Господин*,

В качестве дополнения к моему первому письму сообщаю Вам следующие детали.

После того, как Кутепов был доставлен на машине 4097 АД З Ф на нормандское побережье, чтобы быть погруженным на советский пароход, похитители были уверены, что он уже мертв (отравлен хлороформом). Поэтому его тело было доставлено не в Москву, как Вы ошибочно думаете, а в Сен-Жермен, где он был сожжен. Присутствующие лица составили акт – тот самый, который Ваш информатор видел в Москве. Я должен добавить к этому, что после первых свидетельских показаний полиция взяла правильный след: это была вилла в Сен-Жермен, где было сожжено тело Кутепова, был произведен тщатель-

* Письмо написано на простой бумаге, от руки, без каких-либо указаний точного авторства

ный обыск: в печи нашли обожженные останки, которые были спрятаны лицом, временно руководившим расследованием и назвавшим себя одним из соучастников преступления. Мои сведения могут быть подтверждены агентами, принимавшими участие в обыске (4 февраля, вечер). Не забудьте, что Кутепова предал и заманил в западню на улицу Удино Алексей Величко, бывший его агентом-связником в отношениях с префектурой.

Все эти сведения могут быть преданы огласке только после их проверки полицией, но только не официальной полицией. Было бы даже предпочтительнее, чтобы эта работа была поручена английским агентам. Не сомневайтесь в результатах, в особенности не обращайтесь внимания на то, что большевики будут первыми обвинять полицию в этом преступлении. Это ловкий маневр с их стороны. Что касается г-на Алексеева (газета «Возрождение»), могу заявить, что этот тип давно работает на ГПУ и что он принимал участие в сокрытии следов в деле Кутепова. Г-н Алексеев – близкий друг г-жи Гиршфельд («дамы в бежевом пальто»), сообщницы Величко и подруги (или кузины) г-жи Волович (Янович). Г-жа Гиршфельд проживает в Париже, ее муж – военный разведчик и агент ГПУ. Нынешний второй муж г-жи Гиршфельд – русский морской офицер. Его фамилия Бунимович.

Действуйте и храните в тайне.

С приветом,
Мадемуазель

Р. S. Владелец автомобиля 4097 АД 3 Ф – резидент (нелегал) ГПУ в Париже, его русского шофера зовут Жильбер, также близкий друг г-жи Бунимович (Гершфельд) и всей ее семьи, которая работает на ГПУ, где работает отец Гершфельд. Третья дама, которая принимала участие в этом преступлении, была г-жа Чобан Победоносцева, любовница Алексеева и Величко...

Господин*,

Прочитав Ваши последние заявления по делу генерала Кутепова, считаю себя обязанной написать вам еще раз, чтобы проинформировать Вас, что похищение генерала Кутепова было организовано следующим образом.

После того, как генерал Кутепов был предупрежден, что готовится его похищение, он обратился в Префектуру полиции с просьбой защитить его. Но человек, которому поручили организацию охраны, был арестован большевиками. За 15 дней до похищения настоящая охрана была подменена и заменена частично агентами ГПУ, частично членами Союза русских репатриантов.

* Письмо того же корреспондента, рукопись, без ссылок

26 января генерал Кутепов отправился обычной дорогой на заупокойную службу в церковь на улице Мадемуазель, но на углу улицы де Севр и бульвара Монпарнас он был остановлен двумя мужчинами, один из которых был ему знаком, будучи его охраной – французской – настоящий агент полиции – пожилой человек, вторым был Евсей Гольденштейн*. Изменив свою внешность и одинаково одетые во все черное, эти два господина отсоветовали генералу идти обычной дорогой под предлогом, что там преступниками готовится покушение и предлагаемый захват.

После этого предупреждения и по совету официальных представителей префектуры генерал хотел поехать на трамвае, но, увидев приближающийся трамвай, к нему снова подошел агент и сказал, что единственной безопасной дорогой для генерала является бульвар Инвалидов, Кутепов послушал его и отправился по бульвару.

По дороге, на пересечении бульвара Инвалидов и улицы Удино, его догнал Алексей Величко – начальник его охраны, осуществлявший его связь с Префектурой полиции – и сказал ему: Господин начальник настоятельно просит генерала немедленно вернуться домой кратчайшей дорогой, так как преступникам удалось обмануть бдительность полиции и обойти цепь наблюдения.

После чего генерал свернул на ул. Удино, где как раз и была приготовлена засада и стояли два автомобиля. Когда он поравнялся с одним из них серо-зеленого цвета, мощным американским автомобилем, двое крепких мужчин высокого роста, за которыми следовал подставной полицейский (французский коммунист, прошедший специальную подготовку в Москве), остановили генерала Кутепова под предлогом того, что это загримированный под Кутепова агент ГПУ, и, надев ему на руки наручники, затолкали его в эту машину. В это время вторая машина, красное такси, управляемая русским шофером Демиденко (агент ГПУ), развернулась, перегораживая дорогу на случай побега и прикрывая эту сцену от прохожих.

Лица, которые находились в такси, были супруги Янович.

Кутепов, взволнованный ошибкой глупых и неловких агентов, поверил в эту «ошибку» по причине принятых мер предосторожности и присутствия «агента», севшего в машину напротив генерала. Уверенный в том, что это недоразумение скоро выяснится в префектуре, Кутепов не сопротивлялся и не кричал. Но, когда автомобиль, проехав

* Это имя часто встречается в других французских документах, относящихся к делу А. П. Кутепова. В частности, указывается, что этот человек возглавлял в берлинской резидентуре ИНО ОГПУ группу «ликвидаторов». Очевидно, что упоминается Е. С. Гольденштейн (1882–1938), сотрудник ИНО ОГПУ и коллега Я. И. Серебрянского по работе на Ближнем Востоке. В 1930 году – секретарь полпредства СССР в Германии.

улицу Удино, вместо того, чтобы свернуть к префектуре, пересек бульвар Инвалидов и, следуя по улице Дюкен и проспекту де ля Мотт-Пике, взял направление на Порт Майо, чтобы выехать из Парижа, генерал понял, что попал в ловушку, и начал вырываться и кричать. Тогда агент, сидевший напротив него, затолкал ему в рот резиновую грушу. Удерживаемый людьми гораздо крепче него, в наручниках и с «грушей» во рту, Кутепов был вывезен из Парижа и по дороге усыплен хлороформом. Что произошло дальше, Вы знаете из моих предыдущих писем, но я добавлю еще одну довольно важную деталь.

За машиной, увозившей генерала, устремилось, имитируя погоню, красное такси Демиденко с г-ном и г-жой Янович, в которую на углу бульвара Инвалидов сели Алексей Величко и начальник охраны генерала Кутепова, якобы в последний момент заметившие похищение и вынужденные сесть в первое попавшееся такси – даже с пассажирами, – чтобы догнать нападавших.

В действительности они своим присутствием хотели гарантировать успех предприятия и при непредвиденных обстоятельствах они должны были бы соблюсти приличия и обеспечить успех дела до побережья Нормандии. Зовут его Андре Бенуа, в этом деле у него было два сообщника – его помощники – два старых инспектора полиции.

Кроме того, там находились еще два автомобиля, также принимавших участие в этом деле, красное такси с шофером Елизаровым (бывший русский офицер, член Союза русских репатриантов в Париже и агент ГПУ) и еще серо-зеленая машина 3290 Z1 L. Их целью было запутать дело и замести следы настоящих похитителей (для этого обе машины сначала ехали той же дорогой, но вскоре поменяли направление на противоположное).

Вот чистая правда.

Надеюсь, что теперь Вы поняли, что один из ваших информаторов – Фехнер – или скорее Думбадзе, лгали Вам (по приказу Москвы, чтобы скрыть настоящий след). Проведите расследование сами с помощью частных агентов полиции, еще лучше английских агентов. По окончании расследования – я приду на помощь.

Примите, господин, мои пожелания мужества и успеха.

Мадемуазель

В делах «Сюрте Женераль» [39], имеющих отношение к делу о похищении Кутепова, сохранилась вырезка из парижской газеты «Журнал» от 23 января 1932 года, в которой частично излагается еще одна из версий.

Андре Колен вновь дает показания и вносит уточнения своему адвокату в свои прежние показания по делу Кутепова.

Любопытное совпадение: в то время, когда пытаются установить, были ли замешаны лица, арестованные румынской полицией в Кон-

станции*, в деле Кутепова, Андре Колен, в настоящее время заключенный тюрьмы Пуасси, только что возобновил и уточнил своему адвокату, наконец получившему необходимое разрешение, свои прежние показания, касающиеся исчезновения русского генерала. Нам удалось вчера встретиться с господином Анрике** после его возвращения из Пуасси.

Мой клиент, сказал он нам, считает, что расследование, которое было проведено, осуществлялось в плохих условиях, и он хотел бы, чтобы оно было проведено вновь, но на этот раз в хорошую погоду и днем. Если удовлетворяют его просьбу, он ручается, что на этот раз он отыщет подлинный дом Мюллера.

Относительно смерти генерала он уточняет, что она наступила внезапно в доме, расположенном недалеко от ворот Шамперре, куда заманили Кутепова. У него потребовали подписать некие документы. Он отказался, произошла потасовка, в ходе которой Мюллер был ранен в руку. В конечном итоге генерала привязали к стулу, заткнули ему рот, в результате чего он умер от удушья или обморока.

Вскоре после этой трагической сцены Соня Котцефф, которая была любовницей Колена, попросила его отвезти в Фонтенбло машину Мюллера, который, будучи ранен в руку, был недееспособен. Мой клиент, не располагая необходимым временем, отказался.

Спустя три недели Соня рассказала своему любовнику, при каких обстоятельствах труп был перевезен и зарыт в погребке Мюллера. Мюллер после этого якобы уехал из Франции в Константинополь.

Эти уточнения показались мне интересными, сказал нам напоследок господин Анрике. Поэтому я посоветовал Колену направить прокурору Республики просьбу о новой даче показаний судебному следователю, занимающемуся этим делом.

* Возможно, речь идет именно о Якове Серебрянском и его ассистентах. Известно [19], что он был арестован в 1931 году в Румынии, но в начале 1932 года был уже на свободе. Румынская военная разведка запрашивала своих коллег во Франции по поводу некой группы арестованных, подозревавшихся в работе на ОГПУ, и даже отправляла в Париж ориентировки на задержанных (в том числе с фотографиями). Данные об этом сохранились в деле 2-го бюро Генштаба французской армии и в делах «Сюрте» (РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1587; Ф. 7 Оп. 1. Д. 395; Ф. 1. Оп. 27. Д. 13249). Если это был Серебрянский, то можно говорить о том, что в этот момент французское следствие было как никогда близко от главного преступника, но не придало информации из Румынии должного значения.

** Известный в то время парижский адвокат

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Александр Павлович Кутепов исчез 26 января 1930 года. Мы не знаем, как именно он встретил смерть и где нашел свое последнее пристанище. Поиск ответа на эти вопросы занимал умы нескольких поколений русской эмиграции во Франции. На сегодня ясно только одно, что Кутепов был похищен и убит в результате тщательно спланированной операции, проведенной силами Иностранного отдела ОГПУ. Кутепов, как и полагается солдату, погиб в своем последнем, неравном бою. Довольно сомнительной представляется версия, что целью этой операции была доставка Кутепова в СССР для дачи неких показаний или демонстративного процесса. Вполне возможная на тот момент расконспирация подобной операции могла нанести непоправимый вред репутации СССР на внешнеполитической арене и отбросить советско-французские отношения на уровень десятилетней давности.

Скорее всего, план операции изначально предполагал более простое по исполнению похищение и последующее убийство Кутепова прямо на французской земле. Главной целью чекистов была именно ликвидация Кутепова. При этом часто упоминаемый в самых разных источниках «хлороформ» мог изначально быть не средством «усыпления», а оружием убийства.

Александр Орлов (Лев Лазаревич Фельдбин), работавший до 1928 года в парижской резидентуре ИНО ОГПУ, а в 1930 году в Берлинской резидентуре, дал для своей биографии [6] такой отрывок:

26 января 1930 года ОГПУ выкрало белогвардейского генерала и стойкого антикоммуниста Александра Кутепова. Спустя месяц после исчезновения и убийства Кутепова Орлов на несколько дней уехал из Берлина в Москву. До этого ему ничего не было известно о деле генерала. Он завершил свою работу в Берлине в 1931 году, вернулся снова в Москву, где его попросили немедленно возвратиться в Европу и заняться продажей царских драгоценностей. Ему удалось отказаться. Однажды Орлов был у Артура Христиановича Артузова, главы Иностранного отдела ОГПУ, когда Артузову из телефонного разговора стало известно, что тот, кто выкрал Кутепова, некий Яша (Яков) Серебрянский арестован в Румынии во время совершения там подобного же преступления. Артузов испугался, что Серебрянский расскажет, как в действительности было покончено с генералом Кутеповым, и укажет место его захоронения. Таким образом, Орлову впервые стало известно о существовании в ОГПУ особой группы, которой было поручено

чено проведение незаконных акций по уничтожению (похищению и убийству), ныне известных как «мокрые дела», и что генерал Кутепов, погибший затем от остановки сердца во время операции, был похищен по приказу Сталина Генрихом Григорьевичем Ягодой, позже ставшим главой НКВД.

Судьба участников тех давних событий сложилась по-разному.

Жена А. П. Кутепова – Лидия Давыдовна, переехала жить вместе с сыном Павлом в Югославию. Русские эмигранты передали ей часть денежного фонда, собранного для поисков мужа. Павел Кутепов учился в русском кадетском корпусе. Там его и застало начало Второй мировой войны. По рассказам одноклассников, Павел верил, что его отец жив и находится в СССР. С приближением советских войск к границам Югославии в 1944 году младший Кутепов решил перейти линию фронта и двинулся навстречу Красной армии. Уже в расположении советских войск он был арестован и почти 10 лет содержался в тюрьме. После освобождения долгие годы работал переводчиком в Московской патриархии. Умер в Москве, где ныне живут его сыновья.

Лидия Давыдовна больше никогда не видела сына Павла и ничего не знала о его судьбе. Уже тяжело больным человеком она вернулась в Париж, где и умерла в 1954 году.

Сменивший Кутепова на посту начальника РОВСа генерал Евгений Карлович Миллер был похищен советскими агентами при помощи генерала Н. В. Скоблина в 1937 году и привезен в СССР. Несколько месяцев допрашивался, подвергался пыткам и издевательствам. Убит чекистами в 1939 году.

Арсений Александрович Зайцов после исчезновения Кутепова отошел от дел в РОВСе. Написал ряд интересных работ по военной истории: «Германский Генеральный штаб» (Белград, 1931), «Очерки новейшей военной истории» (Париж, 1932), «Высшая тактика» (Париж, 1934), «1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны» (Париж, 1934) и др. Умер в Париже в 1954 году.

Яков Исаакович Серебрянский еще несколько лет возглавлял собранную им диверсионную группу. Был арестован в 1938 году и приговорен в июле 1941 года к высшей мере наказания. Его не расстреляли, но основной состав его группы этой участи не избежал и был уничтожен. Руководство ИНО ОГПУ, занимавшееся в 1930 году планированием и осуществлением операции по убийству Кутепова, практически в полном составе было уничтожено в ходе чисток 1937–1938 годов. Были расстреляны как враги народа А. Х. Ар-

гузов, С. А. Мессинг, В. Б. Янович, Г. Г. Ягода и другие. Серебрянский был освобожден из заключения в августе 1941 года и прошел всю войну. После смерти Сталина Серебрянский был вновь арестован и умер в тюрьме в 1956 году на допросе.

Советские агенты из числа бывших офицеров и эмигрантов, задействованные в операции по убийству Кутепова, погибли в разное время. Н. В. Скоблин исчез и, скорее всего, был убит чекистами в 1937 или 1938 году. П. П. Дьяконов был арестован немцами сразу после оккупации ими Парижа. После демарша советского посольства он был освобожден и переправлен в СССР, где вновь был арестован вместе с дочерью, буквально через три недели после возвращения. С началом Второй мировой войны он был освобожден и умер в поезде по дороге из лагеря. А. Н. Попов и Н. А. де Роберти, по мнению ряда исследователей, были расстреляны тогда же, в 1930 году, как ненужные свидетели. Но утверждать однозначно, что они были устранены, нельзя. После похищения и убийства Кутепова агентурная игра «Синдикат-4» была свернута, а участвовавшие в ней агенты ОГПУ выведены и законспирированы. Во всяком случае, в отношении Попова распространялись слухи, что он «скрылся от ареста». В фондах французской и польской разведки, находящихся в РГВА, встречаются упоминание фамилии де Роберти (как советского агента в Прибалтике) в документах, датированных 1936 годом. Никаких упоминаний в открытых отечественных источниках после 1930 года по этим людям нет.

Префект полиции Парижа Шиап в 1934 году ушел со своего поста, но продолжил служить во французских спецслужбах. После поражения Франции в 1940 году, в ходе немецкого вторжения, Шиап остался в новой администрации и был отправлен в командировку в Сирию. По пути на Ближний Восток самолет, на котором летел Шиап, перехватили и якобы по ошибке сбили итальянские истребители.

Журналист Жан Делаж, проявивший столько энергии в расследовании похищения Кутепова, прожил длинную жизнь. В конце 1950-х годов он переехал из Франции в Марокко, где много лет работал на радио и писал книги. Умер в 1992 году, немного не дожив до векового юбилея.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Минаев В.* Подрывная работа иностранных разведок в СССР. Ч. 1. М., 1940;
Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. М., 1964.
- [2] *Михайлов Л.* Неделя. 1989. № 48, 49, 50.
- [3] *Рутыч Н.* Русская жизнь. 1990. Февраль.
- [4] *Рыбас С. Ю.* Генерал Кутепов. М., 2000.
- [5] Интервью Л. Млечина // Русский базар. 2008. 29 февраля.
- [6] «Наследие Александра Орлова». Подготовлено Подкомиссией по наблюдению за исполнением закона о внутренней безопасности и прочих актов, касающихся внутренней безопасности, Юридической комиссии Сената Соединенных Штатов Америки. Вашингтон, 1973.
- [7] *Прянишников Б.* Незримая паутина. ОГПУ – НКВД против белой эмиграции. М., 2004.
- [8] *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.
- [9] *Beaune Danielle.* L'enlèvement Du General Koutiepoff: Documents Et Commentaires. Publications de l'Université de Provence, 1998.
- [10] К примеру, дело № 38461 2-го бюро Генштаба Французской армии, посвященное похищению Кутепова, состоит из двух разделов. Первый озаглавлен «Разные учетные документы», второй – «Статьи из прессы».
- [11] Документы внешней политики СССР. Т. 10. М., 1976.
- [12] *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения. 1924–1945 гг. М., 1964.
- [13] L. Fisher Papers, Yale University Library, Correspondence, box 1.
- [14] *Голицын С.* Записки уцелевшего. М., 1990.
- [15] *Семкин А. Н.* «Зачислить за ВЧК впредь до особого распоряжения». Дело В. Ф. Джунковского в московской Таганской тюрьме // Отечественные архивы. 2002. № 5.
- [16] *Мария Карих.* Немцы умеют хранить свои секреты, но ничего невозможного нет // Военно-промышленный курьер. 2005.

- 31 августа. Статья размещена на официальном сайте Службы внешней разведки Российской Федерации (<http://svr.gov.ru/smi/2005/vpkurjer20050831.htm>).
- [17] *Игнатьев П. А.* Моя миссия в Париже. М., 1999.
- [18] *Ганин А. В.* Любимые женщины братьев Игнатьевых. Во что они обошлись России? // Родина. 2007. № 3.
- [19] *Старосадский В.* Карающий меч разведки // Новости разведки и контрразведки. 2005. 18 декабря. Материал размещен на официальном сайте Службы внешней разведки Российской Федерации (<http://svr.gov.ru/smi/2005/nov-r-kr20051118.htm>). Также на этом сайте упоминается название оперативной игры («Заморские») по похищению Кутепова в биографической справке на С. В. Пузицкого: «Он непосредственный участник и другой операции чекистов “Заморские” по аресту генерала Кутепова» (<http://svr.gov.ru/history/puz.html>). Оперативная игра по делу «Заморские» велась Полномочным представительством ОГПУ по Северо-Кавказскому краю с 1929 по 1932 год. Началась с вербовки заброшенного РОВС в СССР Иваницкого (оперативный псевдоним «Ватсон»). В рамках этой игры на территории СССР побывал генерал Б. А. Штейфон.
- [20] *Капчинский О.* Командарм нелегальной армии // Независимое военное обозрение. 2002. 15 февраля (<http://svr.gov.ru/smi/2002/nvo20020215.htm>). Статья размещена на официальном сайте СВР.
- [21] *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930 гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. 1928–1934. М., 2000.
- [22] Сайт Службы внешней разведки Российской Федерации (<http://svr.gov.ru/history/person.htm>).
- [23] О его участии в похищении Кутепова пишет Мария Карих: ОГПУ: беспощадная война с террором // Военно-промышленный курьер. 2005. 20 июля (<http://svr.gov.ru/smi/2005/vpkurjer20050720.htm>).
- [24] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1587.
- [25] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 730. Оп. 1. Д. 66. С. Н. Третьяков был членом «Великой ложки Франции», а П. П. Дьяконов членом ложки «Меркурий».
- [26] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2: 1917–1933 гг. М., 2006.

- [27] *Черкасов-Георгиевский В.* Генерал барон П. Н. Врангель - последний рыцарь Российской Империи. М., 2004.
- [28] *Шарапов Э. П.* Наум Эйтингон – карающий меч Сталина. СПб., 2003.
- [29] *Maurice Ribet.* L'enlèvement du General de Miller par le General Skoblina. Paris, 1939.
- [30] Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934.
- [31] *Бурицев В. Л.* Большевистские гангстеры в Париже. Похищение генерала Миллера и генерала Кутепова Париж, 1939.
- [32] Похищение генерала А. П. Кутепова большевиками: Следственные и политические материалы: В 2-х выпусках. Вып. 1 / Под ред. Б. Бажанова, Н. Алексеева. Париж, 1930.
- [33] Шварев Н. Охота за генералами // Родина. 2006. № 6.
- [34] 21 декабря 1929 года Жан Делаж опубликовал в «Эко де Пари» большую статью, посвященную А. П. Кутепову. РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1587 (7).
- [35] РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 6860 (3).
- [36] Архив Внешней политики Российской Федерации. Ф. 136. Д. 585.
- [37] РГВА. Ф. 1. Оп. 35. Д. 5
- [38] *Delage J.* Koutiepoiff. Paris, 1931.
- [39] РГВА. Ф. 1. Оп. 27. Д. 13249.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абрамов Ф. Ф. – 190, 457, 462
Аврамов – 511
Агабеков – 490
Агапеев В. П. – 36
Адлерберг А. А. – 207
Александр II – 154
Александр III – 154, 291
Алексеев М. В. 20–21, 24, 34, 193, 450
Алексеев Н. – 525, 545, 554
Ангуладзе Г. Б. – 449
Анрике – 548
Антоний (А. П. Храповицкий) – 88, 103–104, 215
Аргутинский-Долгоруков К. Д. – 403, 405, 406, 424–426, 429, 437
Аренс И. Л. – 529
Аристофан – 281
Артузов А. Х. – 549, 551
Архангельский А. П. – 171, 224
Арцимович – 385, 428
Асмолов В. – 516
- Багратион П. И. – 39
Бажанов Б. – 525, 554
Балк А. П. – 19, 20, 403, 420
Баранов В. Н. – 250, 371
Барановский – 447
- Барбович И. Г.** – 119, 184, 215, 218, 225
Бауман Н. Э. – 120
Бахвалов В. – 533, 534
Бахметьев (Бахметев) Б. А. – 120–121, 122
Безобразов В. М. – 368
Бейлис М. – 120
Бекаревич – 463
Бенуа А. – 547
Бернацкий М. В. – 121–122
Бернуа – 532
Берголо Ф. – 223
Беседовский Г. З. – 513, 526
Бикерман И. М. – 307
Бисмарк О. – 272
Блок А. А. – 329
Богаевский А. П. – 477
Боговой И. – 254
Болмасов А. Б. – 331
де Бон – 67, 76
Бон-Грей Д. – 500, 501
Борис III – 160
Бороздина Н. – 519
Браун А. А. – 404, 406, 408, 410, 411, 422, 423, 427, 428
Бредов Н. Э. – 66
Брешко-Брешковская Е. К. – 452

* Фамилии персоналий, которым в тексте книги посвящены краткие биографии, а также номера страниц на которых они расположены, выделены полужирным

- Брешко-Брешковский Н. Н.** – 198, 202, 204–206, 208, 217, 222, 452
- Бриан А.** – 91, 93, 215, 503, 528, 538
- Брусиллов А. А. – 242, 256, 366
- Буйон Ф. – 117
- Бунимович – 545
- Бурцев В. Л. – 500, 511, 554
- Бутовский Д. А. – 394
- Бют – 531
- Вагин Г. – 396
- Вансович Н. Н. – 259, 400
- Васильковский О. П. – 446
- Веденяпин П. А. – 254, 401
- Вейлер – 56, 74–76
- Веласкес Д. – 452, 453
- Величко А. – 545–547
- Вениамин (И. А. Федченко)** – 97, 103, 157, 158
- Веревкин В. П. – 371
- Вертинский А. Н. – 329
- Вильгельм II – 358
- Виноградов Н. – 315
- Виноградский – 212
- Висковский А. Н. – 385
- Витковский В. К.** – 72, 73, 108, 118, 119, 164, 171, 173, 176, 177, 180, 461,
- Витте С. Ю. – 222
- Воровский В. В. – 97
- Воронков – 428
- Воронов В. М. – 227, 228
- Врангель П. Н.** – 24, 33–34, 37, 38, 40–49, 51, 53, 54, 58, 60, 61, 67, 74, 75, 88–91, 94–96, 103, 114, 115, 118, 120, 122–124, 128, 135, 136, 138, 144, 147, 148, 150, 156–158, 166–173, 176–178, 181–183, 186–190, 191, 195, 197,
- 198, 202, 204–206, 208, 217, 222, 224, 263, 272, 276, 292–294, 312, 313, 316, 331, 338, 449, 455, 457, 458, 460, 461, 463–468, 470, 473, 477, 482–484, 513, 515, 517, 554
- Вуич В. – 253
- Вязьмитинов В. Е.** – 157
- Гадон В. С. – 423
- Ганн – 438
- Гартман Б. Г. – 430
- Георгий Михайлович – 366
- Гербель С. Н. – 486
- Гессе – 370
- Гибнерг – 462
- Гийе М. – 515
- Гирс М. Н.** – 120, 122
- Гиршфельд – 545
- Головин Н. Н.** – 199, 227, 468
- Головин Ф. А. – 409
- Головин – 424
- Гольденштейн Е. С. – 546
- Горбач А. И. – 180
- Гордиевский О. – 500, 552
- Греков А. – 160
- Гриневич – 370
- Грюнман К. И. – 438
- Гуревич Я. С. – 97
- Гурко В. И. – 22
- Гурко Д. И. – 430
- Гутор А. Е. – 387
- Гучков А. И. – 253, 434
- Даватц В. Х.** – 83, 273, 292, 293, 482
- Дворжицкий Г. К. – 430
- Дворжицкий – 424, 425, 437
- Девиденко – 462
- Дегаев С. П.** – 491
- Дейтрих (Дейтрих-Белуха-**

- Кохановский) В. В. – 247, 395, 434
 Делаж Ж. – 500, 526, 527, 535, 542, 551, 554
 Делале – 539
 Демиденко – 546, 547
 Ден Г. Г. – 438
 Деникин А. И. – 23–24, 25, 29, 33, 34, 38, 40–42, 45, 48, 122, 150, 172, 195, 448–450, 453, 466, 477, 515
 Деникина М. – 500
 Детердинг Г. – 542, 543
 Джунковский В. Ф. – 506, 552
 Дзевалтовский И. Л. – 254
 Дишин П. Г. – 448, 449
 Довгалевский В. С. – 538, 542
 Долгоруков П. Д. – 82, 125
 Дорио Ж. – 542
 Достовалов Е. И. – 35, 37, 54, 65, 96–98, 108, 454, 510, 511
 Достоевский Ф. М. – 159
 Драгомиров А. М. – 40, 196, 449
 Драгомиров В. М. – 231
 Дрентельн А. А. – 18, 232, 245, 253, 356, 364, 365, 373, 401, 431, 432, 434, 435, 442
 Дроздовский Л. А. – 399
 Дроздовский М. Г. – 24, 34, 73, 108, 327, 449, 455
 Думбадзе – 547
 Думерг Г. – 222, 223, 539
 Дьяконов П. П. – 480, 506, 508–513, 520, 521, 542, 551, 553
 Дэвидсон – 61, 77
 Евдокимов С. В. – 449
 Елизаров – 547
 Ермолаев – 531
 Жармукин – 511
 Жлоба Д. П. – 46
 Зайончковский А. М. – 231
 Зайцов А. А. – 201, 202, 309, 398, 480, 481, 519, 520, 550
 Заловкин – 395
 Залобовский В. А. – 260
 Заринг – 436–438, 440, 443, 444
 Захарченко-Шульц М. В. – 204, 316, 322, 331
 Звягин М. А. – 62, 63, 65, 71, 72, 79
 Зегелов А. А. – 210, 218
 Зубов Н. – 519
 Зубов Ю. В. – 380, 385
 Зуев Д. Д. – 392
 Зыбин И. С. – 18, 371, 400
 Ибарнегарей Ж. – 542
 Иваницкий Ф. И. – 130
 Иванов Н. И. – 366, 367
 Игнатъев А. А. – 506, 510, 511, 530
 Игнатъев Н. Н. – 232, 250, 363, 364, 370–372, 374
 Игнатъев П. А. – 553
 Изимеин А. – 532
 Иллирийская Лидия – 144
 Иснар Ш. – 542
 Казакевич Е. М. – 370
 Казанович И. Б. – 360, 448
 Казьмин Н. А. – 180
 Каледин А. М. – 43
 Кандырин (Кондырин) Н. И. – 511
 Канжер (Кангер) – 490
 Карташев А. В. – 128, 129, 226
 Каталитский Александр – 144

- Каульбарс А. В. – 521, 526
 Кашен М. – 542
 Квашнин-Самарин Н. Н. – 251, 385, 400, 417
Кельчевский А. К. – 43
 Кемаль-паша (Мустафа Кемаль Ататюрк) – 60, 116, 117
 Кепп – 511
 Кере – 530
 Керенский А. Ф. – 23, 27, 233, 245, 246, 254, 380, 381, 386, 424, 446
 Кириенко И. К. – 73
 Кирилл Владимирович – 153, 154, 181, 193, 204, 511
Кирпичников Т. И. – 26, 27, 28, 437
 Кисловский Н. В. – 404, 411, 412
 Княловский – 422, 423
 Ковалев А. – 356
 Ковалевский – 498
Коковцов В. Н. – 222
 Колен А. – 547, 548
 Коленберг Л. – 43
 Коломейчук – 531
 Колчак А. В. – 23, 52, 121–123, 129, 183, 509
 Комаров И. И. – 370
Кондзеровский П. К. – 205, 211
 Кондратенко А. Р. – 385
 Конищенко – 26, 27, 437
Конради М. М. – 96–97
 Константин I – 60
 Константин – 77
 Корганов Г. Г. – 480, 511, 512, 520
Корнилов Л. Г. – 22–23, 24, 26, 27, 34, 51, 53, 73, 131, 183, 233, 327, 360, 437, 439, 483
 Котляревский Н. Н. – 462
 Котцефф С. – 548
 Краевич – 126
Крамарж К. П. – 123–124
 Краснов П. Н. – 466, 471, 477
Критский М. А. – 132, 520, 521
 Кромкин – 436
де Круа К. Е. – 233
 Круглевский В. А. – 434
 Крупенский М. Е. – 511
 Ксеркс I – 281
 Кудоярова Л. П. – 543
 Кузьмин М. А. – 329
Кузьмин-Караваев В. Д. – 130, 286
 Кульнев Б. И. – 438
Кусонский П. А. – 137, 188, 221
 Кутепов Б. П. – 153, 163, 461
 Кутепов П. А. – 550
 Кутепова (Кют) Л. Д. – 32, 144, 164, 522, 525, 530, 550
 Кутузов М. И. – 39, 194
Лампе А. А. – 224, 462, 473
 Лашкевич И. С. – 28
 Лебедев И. – 396
 Левашев А. А. – 383, 384
Левин И. О. – 457
 Лейхтенбергский Н. Н. – 250, 251
 Ленин В. И. – 129, 148, 528, 552
 Лефранк – 532
 Лечицкий П. А. – 367, 368
Ливен А. П. – 475
 Ливен – 450, 525
 Линдшиц С. – 530
 Лисица П. – 356
 Лисов – 412, 417, 418
 Литвинов – 544
 Литке К. Н. – 250, 371
 Литовченко Ю. Д. – 370
 Лихачев Г. А. – 398

- Логрен Н. К. – 428, 438
 Ломоносов М. В. – 334
 Лорен – 532
 Лубе Э. – 362
 Луи А. – 534, 535
Лукаш И. С. – 278, 336
 Лукомский А. С. – 466
Лыщинский-Троекуров В. В. – 338, 421–422, 423–430, 438
Львов Г. Е. – 123, 437
 Львов Н. Н. – 83, 465
 Лэней – 516, 517

Май-Маевский В. З. – 32–33, 34, 35, 37, 357, 376, 388, 399, 449
Маклаков В. А. – 120–121, 122
 Макшеев В. З. – 401–403, 414, 424–427, 429, 436, 439
Малевский-Малевиц П. Н. – 239, 254, 258, 393, 442
 Мамантов К. К. – 453
 Мансуров – 429
 Манштейн В. В. – 73
 Мария Федоровна – 134
 Марков Н. Е. II – 134
 Марков С. Л. – 22, 34, 273, 327, 360, 449
 Маровский – 370
 Мартынов – 428, 429
 Маслов – 407, 412, 423
 Мацьлев С. А. – 180, 191
 Мензи – 517
 Мессинг С. А. – 551
 Мещеринов С. Н. – 258, 385, 392, 394, 424, 425, 438
Миллер Е. К. – 114, 169, 171, 174, 175, 221, 222, 512, 520, 524, 525, 550, 554
Мильеран А. – 47
 Милюков П. Н. – 83, 125, 133

 Митрофанов – 385
 Михаил Александрович – 154, 419
 Михайлов Л. – 498, 499, 521, 552
 Михневич С. – 295
 Млечин Л. М. – 499, 552
 Моллер М. Н. – 371
Монкевиц Н. А. – 200, 201, 203
Мономахов Д. – 322
 Мотова М. – 534
 Мрозовский И. И. – 367
 Муравьев – 174, 175
 Мурузи А. А. – 406
 Мусин-Пушкин – 410–413
 Муханов М. Г. – 426
 Мюллер – 548

 Набоков К. Д. – 122
 Навроцкий 2-й – 385
 Назимов С. И. – 446, 447
 Наполеон I – 208, 541
 Небольсин Г. А. – 427–429
Неженцев М. О. – 22, 360
 Нелидов Н. Д. – 424
 Немиров – 530
 Ненюков Д. В. – 449
 Николай I – 193
 Николай II – 12, 21, 22, 154, 193, 205, 230, 337, 363, 365, 434
 Николай Николаевич (старший) – 193
Николай Николаевич – 33, 122, 126, 134, 153, 154, 181, 182, 187, 195, 197, 201, 202, 205, 208, 264, 306, 313, 329, 361, 433, 458, 464, 466, 468, 484, 513, 516, 517, 526, 530
 Никольский В. П. – 450
 Никон – 88
 Нозоревская Е. – 530

- Носков – 510, 511
 Нотбек В. В. – 366, 375
 Огнев В. И. – 417
 Ольденбургский А. П. – 239
 Онеля М. – 499
Орехов В. В. – 180, 470, 473
 Орлов А. (Фельдбин Л. Л.) – 549, 552
 Осипов – 447
 Павел I – 154
 Павленков В. И. – 402, 403, 429
 Павлов А. А. – 449
 Папе Д. П. – 438
 Патронов И. Ф. – 64
Пашич Н. П. – 158
Петерс Ю. С. – 331
Пешня М. А. – 180, 268
 Плеве В. К. – 142
 Плевицкая Н. В. – 88, 498, 512, 513, 518, 519
 Победоносцева Ч. – 530, 545
 Подчертков С. А. – 384
 Полунин А. П. – 97
 Попов А. Н. – 480, 481, 511, 512, 519, 520, 551
 Потапов – 511
 Потапов А. С. – 429
 Пресотова О. – 515
 Приклонский А. П. – 401, 402, 414, 424–426, 438
 Прянишников Б. – 98, 500, 518, 552
 Пуанкаре Р. – 535
 Пузицкий С. В. – 553
 Пушкин А. С. – 314, 334
 Пученков А. С. – 494
 Пфейфер – 102
 Радкевич Е. А. – 368, 369, 427
Радкович (Радкевич-Шульц) Г. Н. – 316, 322, 331
 Радкович В. С. – 427, 428, 438
 Раковский Х. Г. – 503, 504
 Ратенау В. – 161
 Ратьков-Рожнов Н. А. – 370, 382
 Рашевский – 511
Резниченко С. В. – 126, 131, 289
 Рейлли – 543
Рейнбот В. Е. – 486
Репьев М. И. – 118, 119, 120, 180, 521, 522
 Родзянко М. В. – 416, 427, 428
де Роберти Н. А. – 30, 31, 35, 223, 224, 237, 480, 481, 511, 519, 520, 521, 551
 Розен В. Г. – 424, 427, 428, 438
 Розенбах Д. С. – 410
 Розеншильд-Паулин В. В. – 370, 425
 Романовский И. П. – 449
 Ронжин И. А. – 160
 Рутыч Н. Н. – 499, 552
 Рыбас С. Ю. – 499, 552
 Рыболов – 436
 Рябушинский П. П. – 120
 Рябцев К. И. – 28
 Савельев М. А. – 528
 Савинков Б. В. – 224
 Савич Н. В. – 186
 Сазонов С. Д. – 122
 Саломон – 531
 Самохвалов – 175
 Санс Р. – 420
 Сафонов – 404, 406, 408, 422, 438
Свечин В. В. – 230, 336, 434
 Селезнев А. – 530

- Сергий (Н. И. Страгородский) – 384, 388, 392
 103, 104
 Серебровский – 93, 462
 Серебрянский (Бергман) Я. И. – 508, 509, 513, 546, 548–551
Сидорин В. И. – 42
 Сирочкин Л. – 535
 Скабичевский П. Я. – 136
Скоблин Н. В. – 114, 498, 508, 512, 513, 518, 519, 550, 551
 Скоропадский П. П. – 232, 486
 Скосырский – 406
 Скрипицын Б. В. – 414, 415, 424, 425
Слащев Я. А. – 43, 459, 479
 Смачевский – 385
 Соловьев Н. К. – 411, 412
Соловьев С. В. – 331
 Сологуб Ф. К. – 329
Сольский А. А. – 331
 Стакельберг – 438
 Сталин И. В. – 478, 550, 551, 554
 Стамболийский (Стамбулинский) А. – 151, 152, 154–157, 160, 166–168, 178, 312, 459
 Старович – 427
 Стахович – 429
 Стеймец О. – 487, 535–537, 543
Стогов Н. Н. – 211, 212, 213
 Столыпин П. А. – 121, 142, 222
 Струве П. Б. – 180, 330
Судейкин Г. П. – 491
 Сурин – 126
 Сырокомский В. А. – 498, 499

 Тардье А. – 528, 538, 542
Тарусский (Рышков-Тарусский) Е. В. – 471
 Татищев Д. С. – 426, 438
 Тилло П. Э. – 357, 378, 379, 381, 384, 388, 392
 Тимченко-Рубан В. Н. – 424
 Толстой – 425
 Томассен – 75, 76, 89, 90, 118
 Тополужников – 156, 163, 166
 Трейман – 61
 Третьяков С. Н. – 508, 509, 511, 542, 553
 Троцкий Л. Д. – 148, 539
 Трубецкой Е. Н. – 229
Трубецкой С. Е. – 229, 520
 Трусов – 428
 Туманов Г. Н. – 415
 Тургенев И. С. – 88
Туркул А. В. – 73, 85, 86, 96, 118
 Тухачевский М. Н. – 185, 186
 Тяжельников М. И. – 403

 Умрилов – 413
 Усов А. С. – 44

 Фалько – 397
 Фехнер – 547
 Фигнер В. Н. – 491
 Фок А. В. – 180
Фо-Па Биде Ч. А. – 539, 543, 544
 Фортунатов – 521
 Фрейганг А. А. – 370

Хабалов С. С. – 19, 20, 403–406, 409, 411, 418, 420
 Холодовский Ю. И. – 251, 415, 424
 Хольмсен И. А. – 515, 525
 Хорват Д. Л. – 511
Хрипунов А. С. – 131, 132, 133
 Хузареску – 531
 Цанков А. – 160, 178

- Цветков – 520
 Цветков В. Ж. – 28
Цуриков Н. А. – 328
- Чагин Г. – 400
Чебыкин А. Н. – 402
Чебышев Н. Н. – 473
 Чевати – 462
 Чернявский А. А. – 250
 Чичерин Г. В. – 160, 161, 460, 503, 504, 538
Чудновский Г. И. – 245, 311
- Шарпи – 89, 90–92
Шатилов П. Н. – 53, 151, 161, 163–165, 169, 172, 176, 219, 221, 223, 261, 266, 467, 525
 Шварев Н. – 521, 554
 Швецов А. А. – 370, 371, 383
 Шиап Ж. – 538, 541, 542–544, 551
 Шидловский К. М. – 438
 Шиллинг Н. Н. – 256
 Шкуро А. Г. – 43, 235
 Шоманский Б. А. – 443, 444
Штейфон Б. А. – 9, 10, 28, 34, 66, 67–70, 72, 73, 76–81, 84–90, 98–102, 104, 107, 109, 111, 113, 115, 116, 118–120, 129, 133–137, 139–142, 146, 148, 149, 153, 156, 161–163, 166, 168–177, 179, 180, 182–189, 191, 192, 194–199, 203, 204, 206, 209–226, 297, 338, 460, 464–468, 500, 553
 Штрандтман В. Н. – 515
- Шульгин Б. В. – 373
 Шульгин В. В. – 71, 275
 Шумахер А. – 534
 Шумахер Э. – 534
- Щеглов В. П. – 269, 459
- Эйтингон М. Е. – 512
 Эйтингон Н. И. – 512, 554
Экк Э. В. – 203, 207, 218, 462
 Элленстайн Ж. – 499
 Эллиот Л. Ф. – 403, 427–429, 436
 Эльчиза М. – 531
 Энгельгардт Б. А. – 415, 416, 429
 Энгельгардт Т. – 519
 Эндрю К. – 500, 552
Эрдели И. Г. – 387, 388, 483
 Эссен С. А. – 411, 412
- Югорский А. – 479
 Юденич Н. Н. – 66, 78, 128, 130, 194, 201, 205
 Юзефович Я. Д. – 42
Юренив П. П. – 131
 Юрьевич – 416
- Ягода Г. Г. – 322, 550, 551
 Яковлев – 448
 Яколенко – 531
 Янович (Волович) А. – 530, 542, 545–547
Янович В. Б. (Волович З. И.) – 513, 546, 551
 Ястржемский – 141

ПРОЕКТ «БЕЛЫЕ ВОИНЫ»: ДЕСЯТЫЙ ГОД РАБОТЫ

А. Н. Алекаев
«НАШ ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРИМЕРОМ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ»

Интервью с руководителем проекта «Белые войны»

– Александр Николаевич, в 2009 году проекту «Белые войны», которым Вы руководите, исполняется 10 лет. Расскажите, пожалуйста, об истории этого проекта. Как все начиналось, какова история его возникновения?

– Проект «Белые войны» зародился в конце прошлого века. Все началось с того, что в Спасском храме в Подольском благочинии, куда я стал ходить на службы, настоятель протоиерей Александр Шумаев в заупокойных службах и на Литургии поминал героев Белого движения: генерала В. О. Каппеля, адмирала А. В. Колчака, генерала С. Л. Маркова. Где-то в то же время ко мне в офис пришли незнакомые мне люди и подарили книгу, которая называлась «Белый Свет России». Какое-то время она лежала у меня на полке, все не было времени ее прочитать, но однажды мой взор упал на нее, стало как-то неловко, что люди

А. Н. Алекаев

подарили книгу, а я ее даже не пролистал, и я взялся за чтение. Книга оказалась посвященной Белому движению и, в том числе, в ней была информация о генерале С. Л. Маркове и марковцах. Я заинтересовался колоритной фигурой Маркова, про которого раньше говорили только то, что он якобы отличался особой жестокостью и был карателем, но подробной информации о нем нигде не было. Но еще до чтения книги фотография этого человека, его образ, убедили меня совсем в другом. Мне показалось, что такой благородный человек, Георгиевский кавалер с аксельбантами Генерального штаба, просто не может быть ни карателем, ни душегубом. Потом, когда я стал изучать биографию генерала Маркова, я только укрепился в первоначальном впечатлении. И как потом я выяснил, Марков был одним из самых храбрых офицеров Русской Императорской армии, одним из самых молодых генералов, получившим генеральские погоны от Государя Императора, одним из самых талантливых преподавателей Академии Генерального штаба. Так у меня зародилась мысль рассказать людям правду об этом герое. Вскоре я познакомился с профессиональным историком Русланом Гагкуевым, который с институтской скамьи занимался Марковым и марковцами, и мы решили совместными усилиями, по благословению отца Александра Шумаева, выпустить правдивую книгу об этом Белом генерале. Так родилась книга «Марков и марковцы».

– И с этой книги началась целая книжная серия, столь хорошо сегодня знакомая каждому, кто интересуется историей Русской армии...

– Именно так. Благословение отца Александра, неизвестные мне добрые люди, подарившие книгу, встреча с Русланом Гагкуевым и историком Василием Цветковым, появление контакта с издательством «Посев» привели в итоге к выходу большого труда о генерале С. Л. Маркове, а затем и к изданию других книг серии. Вот так все неожиданно сошлось в единую линию, и родился проект «Белые воины», в рамках которого, помимо работы о Маркове, уже вышли книги «Каппель и каппелевцы» (два издания), «Генерал Дитерихс», «Дроздовский и дроздовцы», «Граф Келлер», «Верная Гвардия». При этом подчеркну, что все книги мы издаем за свой счет, не преследуя никаких коммерческих интересов, с единственной целью – донести читателю правду о великих сынах нашего Отечества.

– **Надо признать, что книжная серия получилась очень интересной и самобытной. Причем привлекает она читателя не только красивой строгостью своего художественного оформления и качеством издания, но и, в первую очередь, уникальными материалами, присущими каждому тому. Знаю, что многие с нетерпением ждут выхода новых книг серии, поэтому сразу же спрошу Вас, что планируется еще издать в рамках проекта?**

– В самое ближайшее время выходит в свет книга «Генерал Кутепов», которая будет уникальна тем, что в ней проведено специальное расследование похищения в Париже известного генерала. Кроме того, в этом году выйдет значительно переработанное и дополненное новыми материалами переиздание книги о генерале С. Л. Маркове, поскольку первое издание уже давно распродано. Также ведется работа над книгой о генерале М. Д. Скобелеве. Конечно, он не имеет прямого отношения к Белому движению, но давайте вспомним, что за любовь к белому мундиру и белому коню современники прозвали этого выдающегося русского полководца «Белым генералом». Кроме того, генерал С. Л. Марков в своих работах, заметках и разговорах часто отмечал, что считает себя учеником Скобелева. Так что и в этом случае мы не отошли от темы «Белых воинов», преемственность присутствует.

– **Персонажи для книг Вашей серии всегда тщательно и старательно отбираются. Каков же критерий отбора? Ведь далеко не все видные вожди Белого движения оказались охвачены Вами. По какому же принципу формируется книжная серия?**

– Критерии отбора действительно существуют. Когда мы рассматриваем потенциального героя для будущей книги, мы исходим из того, что персонаж этот должен быть человеком безупречным с точки зрения воинской чести, иметь незапятнанную репутацию. Он должен быть верным присяге, Государю, исповедовать монархические принципы, быть нравственным человеком. То есть наш герой обязательно должен быть в чем-то примером для читателя.

– **Помимо книжной серии Ваш проект ассоциируется и с другими общественными инициативами, не могли бы Вы немного рассказать и о них?**

– Действительно, сегодня, помимо выпуска книг, нам удалось реализовать целый ряд других проектов. Так, например, после выхода книги о С. Л. Маркове мы решили создать в память о нем красивый киот с иконой преподобного Сергия Радонежского – небес-

ного покровителя генерала, который передали Свято-Вознесенскому кафедральному собору г. Новочеркасска. Затем там же, на Донской земле (г. Сальск, ст. Торговая) на месте гибели генерала нам удалось установить памятник С. Л. Маркову, ставший первым в России памятником вождю Белого движения. После выхода книги о генерале В. О. Каппеле мы заказали киот с иконой его покровителя – равноапостольного князя Владимира, который передали в дар Казанскому кафедральному собору г. Читы, в которой Каппель был первоначально захоронен. А потом состоялись экспедиция по обретению останков генерала Каппеля в Харбине и их перезахоронение на кладбище Донского монастыря в Москве, что широко освещалось российскими СМИ. Как результат, сегодня могилу легендарного генерала украшает красивый надгробный памятник в виде каменного православного креста, точно воспроизводящий уничтоженный китайскими властями памятник в Харбине. Не осталась без дальнейших «последствий» и книга о генерале М. К. Дитерихсе. Сегодня мы располагаем завещанием генерала, в котором он говорит о необходимости возвращения Абалакской иконы Божией Матери из Австралии в Россию, в Тобольск. Это та самая икона, перед которой молился Государь Император незадолго до своей трагической гибели, гибели всей Царской семьи. В наших планах – вернуть эту икону в Россию, передав в австралийский приход точный ее список. Так что каждый книжный проект нашей серии переходит со временем в какую-то практическую плоскость. Особо стоит сказать и о небесных покровителях наших героев. В каждой книге присутствует фотография почитаемой иконы ангелов-хранителей вышеперечисленных генералов. И образ каждого из них остался у меня в сердце.

– В 2008 году в кинотеатрах страны прошел вызвавший широкий зрительский интерес фильм «Адмираль», посвященный А. В. Колчаку. Критика, как художественная, так и научная, поразному отнеслась к этой картине, но практически все отметили высокую достоверность образа генерала В. О. Каппеля, роль которого исполнил актер Сергей Безруков. В чем секрет успеха в воплощении этого исторического образа? Связан ли он как-нибудь с влиянием изданной Вами книги о Каппеле?

– Когда я попал на премьерный показ фильма «Адмираль» в Москве, я был приятно удивлен тем, что Сергей Безруков не только хорошо вжился в роль Каппеля, но и произносит в картине под-

линные слова генерала. Я был также поражен тем, насколько четко изображены в фильме некоторые малоизвестные факты из жизни Каппеля. А несколько позже я узнал, откуда взялась эта документальная точность. Оказалось, что Сергей Безруков внимательно проштудировал нашу книгу «Каппель и каппелевцы», внося в первоначальный сценарий существенные изменения. Об этом мне рассказали создатели фильма, да и сам Безруков не раз говорил об этом в своих интервью. Мы разыскали актера и передали ему подписанный экземпляр нашей книги, получив от него в ответ слова благодарности. И еще об одном фильме. Как-то в международном аэропорту Шереметьево я увидел человека, читающего книгу нашей серии «Дроздовский и дроздовцы». Это был режиссер 1-го канала Российского телевидения Андрей Киришенко. Мы с ним стали хорошими друзьями. Так вот, его документальный фильм «Последняя тайна генерала Каппеля» получил приз зрительских симпатий на Международном фестивале документального кино в Екатеринбурге осенью 2008 г.

– В этом году в рамках серии «Белые войны» вышел красиво изданный календарь, посвященный Георгиевским кавалерам, планируете ли Вы продолжить это начинание?

– Календарь появился благодаря следующим обстоятельствам. К каждой книге нашей серии мы специально заказывали художнику портрет главного героя, поскольку нам хотелось, чтобы читатель имел возможность увидеть качественно выполненный образ персонажа книги. Таким образом, у нас образовалась целая галерея портретов, которую мы решили объединить в календарь. В этом году по благословению Патриарха Алексия II нами планировалось возродить Георгиевский праздник, и к нему был приурочен выпуск календаря. Но в связи с кончиной Патриарха празднование не состоялось – как раз в день Георгиевских кавалеров, 9 декабря, Святейшего отпевали. Поэтому все задуманные нами ранее мероприятия, которые поддержал Совет Федерации в лице А. П. Торшина (выставка в Храме Христа Спасителя, праздничные мероприятия и награждение современных Георгиевских кавалеров), мы переносим на этот, 2009 год. Думаю, что в этом году мы выпустим ограниченное число этих календарей для награждения Георгиевских кавалеров

– А идея восстановления памятника генералу М. Д. Скобелеву в Москве, разрушенного большевиками, тоже инициатива проекта «Белые войны»?

– Это совместный проект «Белых воинов» и Скобелевского комитета. Напомню, что в деле увековечивания памяти знаменитого русского генерала, которого современники считали «Суворову равным», мы принимаем участие не первый год. Мы участвовали в создании и установке в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга мемориальной доски-барельефа в честь Скобелева; нашими усилиями из ценных пород дерева был изготовлен уникальный иконостас для Спасо-Преображенского храма в селе Заборово, где покоится прах генерала и его отца; мы отстаивали точку зрения, что в Москве должен быть восстановлен памятник М. Д. Скобелева работы П. А. Самонова. Но правительство Москвы, согласившись с важностью установки памятника «Белому генералу» в столице, решило не восстанавливать исторический монумент, а заказать новый скульптору Рукавишникову. Поэтому теперь мы предполагаем убедить власти Северной столицы в необходимости восстановления и установки дореволюционного памятника Скобелеву в Санкт-Петербурге, ведь в этом городе он родился, провел всю свою молодость, закончил Николаевскую академию Генерального штаба.

– **Большое спасибо за интервью, Александр Николаевич! В заключение позволю задать такой вопрос: удовлетворены ли Вы итогами десятилетней работы «Белых воинов»? Ощущаете ли отдачу от проекта?**

– На мой взгляд, результат получился огромный, учитывая те небольшие силы, которые были привлечены к проекту. В конце прошлого века, когда мы только начинали, многое из того, что нам удалось осуществить, и представить себе было невозможно. Ведь, к примеру, мало тогда кто верил, что возможно установить памятник белому воину. А теперь у нас стоят памятники белым вождям С. Л. Маркову и А. В. Колчаку, устанавливаются мемориальные доски, памятные кресты в честь русских воинов, издаются многочисленные книги, вышел широкоформатный фильм «Адмиралъ», который произвел огромное впечатление на современную молодежь, по-другому взглянувшую на события Гражданской войны. И думаю, что в этом есть и наша заслуга – правда об исторической России, Русской армии и белых воинах, которую мы старались донести до людей, распространяется, постепенно вытесняя внедряющуюся десятилетиями ложь о нашем великом прошлом

Беседовал Андрей Иванов

А. А. Маров

**СИТУАЦИЯ С УВЕКОВЕЧЕНИЕМ ПАМЯТИ
ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА В РОДНОМ ГОРОДЕ**

В 1990-е годы, после развала Советского Союза и образования Российской Федерации, власть продекларировала политику «согласия и примирения», в соответствии с которой решено было прекратить деление общества на «красных» и «белых». Справедливости ради следует отметить, что определенные шаги в этом направлении были сделаны: реабилитация и возрождение казачества, реабилитация участников Кронштадтского восстания 1921 года, согласие с фактом канонизации Русской Православной Церковью Московского патриархата убиенной Царской семьи и сонма новомучеников российских, убитых в годы Гражданской войны и советской власти.

В городе Череповце Вологодской области, на родине генерала А. П. Кутепова, изначально против политики согласия и примирения тоже вроде бы никто из представителей городской администрации не возражал, соглашался с официальной позицией руководства страны, но... пока что больше на словах. А на деле многие улицы и площади Череповца (как и других городов России) до сих пор сохраняют названия, символизирующие большевистское прошлое: площадь Революции, проспекты Советский и Октябрьский, улицы Коммунистов, Социалистическая, Ленина, Свердлова, Луначарского, Карла Маркса, К. Либкнехта, Р. Люксембург, Володарского, Дзержинского и другие. И очень мало названий улиц, отражающих историческое прошлое города, как будто история Череповца началась только в 1917 году.

Между тем о некоторых уроженцах нашего города, известных всей России, до сих пор нет практически никаких упоминаний. И здесь, прежде всего, речь идет о нашем земляке, генерале Русской Императорской армии, участнике Белого движения Александре Павловиче Кутепове – герое трех войн, Георгиевском кавалере, человеке, до конца сохранившем верность присяге и не изменившем своим убеждениям. Он последовательно продолжал непримиримую борьбу с большевизмом, даже оказавшись за границей, и погиб от рук чекистских агентов в Париже 26 января 1930 года. Имя А. П. Кутепова до сих пор никак не увековечено в его родном городе, публикации в газетах до недавнего времени были крайне редки,

а большинство череповчан его или не знали, или не подозревали о том, что генерал Кутепов их земляк. Те единицы жителей города, которые слышали об Александре Павловиче, как правило, придерживались о нем мнения, существовавшего еще в советское время: Кутепов – царский, белогвардейский генерал, кровавый палач, пособник буржуев и империалистов, и все... Но с такой его оценкой многие в городе не только не были согласны, но и не собирались мириться.

В 2004 году некоторыми городскими общественными организациями при поддержке казаков Вологодского отдела Союза казаков России (СКР) началась работа по сбору информации об этом доблестном генерале и подготовка общественного мнения к позитивному восприятию образа А. П. Кутепова. В декабре 2005 года в Череповце силами активистов этих организаций была создана Комиссия по увековечению памяти А. П. Кутепова. В ее состав вошли И. В. Ваганов, А. А. Маров и С. Н. Веселов. В планах комиссии были установка памятной мраморной доски, издание книги, присвоение имени генерала одной из городских улиц, а в последующем, при благоприятном развитии событий, установка памятника генералу Кутепову. На первом этапе намечалось изготовить и установить памятную мраморную доску, выполнив это не позднее ноября 2006 года. Некоторые местные предприниматели с одобрением отнеслись к подобному начинанию. Один из них – В. В. Лебедев – выразил готовность безвозмездно ее изготовить. Был также начат сбор пожертвований среди череповчан. О генерале Кутепове заговорили в культурных кругах города.

Организаторы этого благородного дела не просили какой-либо материальной поддержки от городской и областной администрации, они хотели только одного: чтобы им не мешали и не запрещали. Тем более что все мероприятия по увековечению памяти русского генерала планировалось проводить строго в соответствии с действующим законодательством и в соответствии с политикой «согласия и примирения». Со своей стороны они также были готовы на любой конструктивный диалог с городскими и областными властями.

19 января 2006 года атаманом Вологодского отдела СКР войсковым старшиной И. В. Поплавским от имени казаков отдела и других общественных организаций, участвующих в деле увековечения памяти генерала, мэру города Череповца М. С. Ставров-

скому и депутатам Городской думы были направлены обращения, в которых обосновывалась необходимость увековечения памяти А. П. Кутепова в родном городе и звучал призыв объединить усилия в этом деле. В апреле того же года из мэрии и Городской думы на его имя пришел пакет документов с ответом на сделанный запрос.

Ответ был написан советником мэра по вопросам безопасности Н. В. Паликовым. Он был составлен в виде рекомендаций по сбору необходимых документов, а также пожеланий, высказанных мэрией на основе суждений Череповецкой казачьей станицы (надо полагать, Вологодского отдела Волжского казачьего общества). Сам по себе ответ – логически продуман и со всех сторон обоснован в соответствии с постановлением Череповецкой городской думы от 26 октября 1999 года о порядке увековечения памяти установкой мемориальных досок и т. д. Казалось бы, чего еще надо, собирайте материал и ждите, когда вопрос об увековечении станет актуальным.

Но было несколько «но»...

Обращение по вопросу увековечения памяти генерала А. П. Кутепова и установки ему памятной доски от имени атамана и казаков Вологодского казачьего отдела было направлено на имя мэра города Череповца М. С. Ставровского. Полученный же ответ пришел от советника по вопросам безопасности. Возник вопрос: знаком ли мэр города с данным обращением, и каково все же его мнение? Даже если мэр нашего города и поручил составить ответ своим помощникам, то более актуальным был бы ответ от лиц, занимающихся вопросами внешних связей или охраной памятников культуры и искусства. Складывалось впечатление, что личность столь прославленного офицера Русской Императорской армии и белого генерала вызывала у властей серьезное опасение и боязнь огласки правды о героях своего народа.

Мэрия города Череповца для возбуждения вопроса об увековечении памяти А. П. Кутепова просила предоставить ей ходатайство граждан или общественных организаций численностью не менее 1 тысячи человек. На вопрос, а как должно выглядеть данное ходатайство, никто не смог дать вразумительного ответа. Было лишь сказано: «Делайте, как вам вздумается, а мы посмотрим». Данный ответ, конечно же, в будущем оставлял за городской администрацией право любого решения, но даже с такой формулировкой сбор подписей среди горожан начался.

Также мэрия просила предоставить ей на обсуждение историческую или историко-библиографическую справку, отражающую наличие признанных достижений в той или иной сфере деятельности, принесших пользу городу и Отечеству. Как к тому времени показали исследования Комиссии по увековечению памяти (и представители мэрии были об этом проинформированы в обращении), заслуги Александра Павловича Кутепова перед Отечеством оказались огромными. Этот человек – герой трех войн; офицер, Георгиевский кавалер, который с оружием в руках защищал Государеву власть на улицах Петрограда в феврале 1917 года от разнузданной революционной толпы (а ведь в это время шла Первая мировая война, и всякая революция была удобна лишь явным врагам Русского государства). Кутепов был человеком, который встал на путь непримиримой борьбы с безбожным коммунизмом и в конце Белой борьбы на Юге России спас десятки тысяч русских воинов и гражданских беженцев от неминуемой голодной смерти и произвола бывших союзников по Антанте в лагере Галлиполи. Во многом благодаря его решительным действиям был сохранен костяк Русской армии за границей для продолжения священной борьбы русского народа с явно антинародной интернациональной советской властью.

Знали ли об этом власти города? Скорее да, потому что читали обращение, содержащее результаты проведенных исследований. Генерал Кутепов родился в городе Череповце и жил в нем до семилетнего возраста. Как наш земляк и настоящий патриот, он по праву заслужил глубокое уважение и признание своих заслуг со стороны горожан, пусть даже и не имея заслуг непосредственно перед самим городом. Но можно задать вопрос, а какие заслуги перед Череповцом имеют пламенные коммунисты-революционеры Ленин, Луначарский, Энгельс, Карл Маркс, Карл Либкнехт и другие? В их честь названы улицы города, стоят бюсты (Луначарскому) и памятники (Ленину), в то время как кроме вреда они ничего русскому народу не дали. После таких аргументов организаторам дела увековечения памяти генерала Кутепова, несмотря ни на что, все же хотелось верить, что городские власти будут следовать проводимой на государственном уровне политики согласия и примирения.

Другие рекомендации мэрии в той или иной степени были признаны приемлемыми, разве что неожиданно удивила просьба предоставить выписку из домово́й книги, и при этом не учитывались дру-

гие документы, неоспоримо доказывающие проживание генерала Кутепова в Череповце.

Непонятным оказалось другое, а именно – решение о преждевременности увековечения памяти Александра Павловича Кутепова и предложение отложить рассмотрение этого вопроса на 5–10 лет. Постановление это было сформулировано на основе служебной записки Череповецкой казачьей станицы (ЧКС) Вологодского отдела (именуемого своим руководством Северным казачьим округом) Волжского казачьего общества. Мнение, высказанное в записке, вызвало среди заинтересованных в деле увековечения памяти генерала Кутепова лиц недоумение и возмущение. Оно говорило о явной некомпетентности ее авторов (так, А. П. Кутепов в ней был назван казачьим генералом).

Администрация Президента РФ
Управление Президента РФ по
вопросам казачества

СЕВЕРНЫЙ КАЗАЧИЙ ОКРУГ

162600, РОССИЯ, ЧЕРЕПОВЕЦ
Пр. Строителей, д. 16а
Т/факс (8202) 57-37-02,
8-921-733-64-32

Служебная записка

По поводу Вашего запроса об увековечивании памяти казачьего генерала Кутепова путем установления мемориальной доски считаем следующее :

В настоящее время, когда еще живет поколение, участвовавшее в революционных событиях 1917-18гг. и неоднозначно воспринимающее революцию, установление данной мемориальной доски считаем преждевременным . Предлагаем не вносить раскол в общество в настоящие дни и решение данного вопроса отложить на 5-10 лет .

С уважением атаман ЧКС
сотник

[Handwritten signature]
/ Лаптанов А.С. /

При более внимательном изучении служебной записки обнаружилось, что ее автор не только не знает генерала А. П. Кутепова, но и не имеет даже элементарных представлений о ходе революционных событий 1917 года. Помимо этого атаман ЧКС А. С. Лапатапов сетовал, что еще живо поколение, участвовавшее в этих событиях и неоднозначно воспринимающее революцию. Утверждение это весьма спорно: едва ли в России и за ее пределами живы непосредственные участники революции 1917 года и Гражданской войны. Тем не менее, атаман ЧКС просил не вносить раскол в общество. Кроме указанных документов, Городской думой была представлена выписка из протокола заседания постоянных комиссий от 14 марта 2006 года. Мнение народных представителей по данному вопросу, конечно же, представляет особый интерес.

Как видно из выписки протокола, председателем Городской думы А. П. Баданиной в разделе «Об обращениях» было зачитано обращение «Вологодского Союза казаков России» (печатается без изменений из выписки) депутатам по поводу увековечения памяти нашего земляка генерала А. П. Кутепова. По данному обращению со стороны депутатов выступили Ю. В. Бочаров и А. В. Чернов, которые высказали мнение, что следует увековечить память не отдельных граждан, а всех жертв Гражданской войны. Мэрии г. Череповца было предложено подготовить ответы на обращение с учетом мнения депутатов и направить их заявителям, а информацию признать к сведению.

Такой ответ депутатов Череповецкой городской думы среди представителей общественных организаций и казаков Вологодского отдела тоже вызвал удивление. Организаторы дела по увековечению памяти генерала А. П. Кутепова были согласны с ними, что не следует забывать всех ужасов, репрессий и массовых убийств, происходивших в то страшное время. Десятки миллионов людей были принесены в жертву во имя «идеалов революции». Хотелось лишь задать вопрос, как следует увековечить память всех жертв Гражданской войны? Как это можно сделать? Здесь, к сожалению, четкого ответа не прозвучало. Да и по силам ли кому-то из нас такое большое дело – увековечить память всех жертв? Ведь в нашем обращении поднимался вопрос об увековечении памяти вполне конкретного человека. Но именно по этому вопросу ответа как раз и не прозвучало.

Исходя из представленных мэрией Череповца и местных народных избранников ответов, Комиссия по увековечению памяти

генерала А. П. Кутепова вынуждена была прийти к неутешительному выводу. Местные власти, к сожалению, не имеют достаточного представления о личности генерала А. П. Кутепова и продолжают судить о нем по шаблонам советской эпохи. И самое главное – они не заинтересованы на данный момент в увековечении его памяти в родном городе. В силу такого поворота событий на очередном заседании комиссии был поставлен вопрос: какие действия должна предпринять общественность, чтобы городские и областные власти стали считаться с ее мнением? Решение вопроса все видели только в одном: дальнейшее формирование положительного общественного мнения с привлечением местных СМИ, организация выставок и семинаров, посвященных А. П. Кутепову, создание ситуации, при которой местная и областная администрация были бы вынуждены считаться с мнением общественных организаций, жителей города и области.

Решение было принято, и в городе началась планомерная работа. Председателем комиссии по увековечению памяти генерала А. П. Кутепова И. В. Вагановым в 2006 и 2007 годах на основании его исследований неоднократно печатались статьи и заметки в городских и областных газетах и журналах о личности генерала и о ситуации по делу увековечения его памяти. Его статьи были размещены в городской газете «Курьер», областной «Русский Север», областном историко-краеведческом журнале «Пятницкий бульвар». Эти материалы вызвали неподдельный интерес у жителей области. Еще ранее, в сентябре 2005 года И. В. Ваганов издал книгу по истории казачества «Без памяти мы грязь», в которой автор в помещенной им статье «Голгофа генерала Кутепова» впервые в области рассказал об Александре Павловиче Кутепове.

Кстати, его статья, помещенная в газете «Русский Север», стала своеобразным ответом на решение организаторов семинара писателей области, проводимого Союзом писателей России в октябре 2006 года в Вологде. На нем И. В. Ваганов выдвинул предложение оказать содействие в деле увековечения памяти генерала, на что руководство дало ему следующий ответ: «Не для того мы делали революцию, чтобы реабилитировать белых генералов»...

3 июня 2006 года в Череповце прошел учредительный круг Череповецкой станицы Отдельного Северо-Западного казачьего округа, на котором казаками станицы единогласно было принято решение назвать станицу «Череповецкая имени генерала А. П. Ку-

тепова». Круг также принял постановление «всецело поддерживать начинания в городе по увековечению памяти доблестного генерала». Усилиями казаков этой станицы (под руководством И. В. Ваганова, А. А. Марова, Н. А. Кузнецова и А. А. Ткачева) с 2006 года в области регулярно стал выходить ежегодный военно-патриотический и литературно-художественный альманах «Ермак», на страницах которого регулярно публиковалась информация по ситуации вокруг увековечивания памяти А. П. Кутепова в родном городе.

С декабря 2006 года Комиссией по увековечению памяти генерала А. П. Кутепова при содействии атамана Вологодского казачьего отдела И. В. Поплавского и Исторического музея Череповецкого музейного объединения О. Г. Павловой была начата работа по подготовке и проведению выставки «Рыцарь Белой идеи», посвященной генералу А. П. Кутепову. Фотодокументы, архивные материалы, часть экспонатов были безвозмездно переданы на время работы выставки Комиссией по увековечению памяти; значительную финансовую помощь для закупки необходимых материалов и экспонатов оказал генеральный директор ООО «Дорожник» В. Н. Завьялов.

Открытие выставки неоднократно переносилось, но все же совместными усилиями 13 апреля 2007 года она начала свою работу в помещении Исторического музея (Советский проспект, 30-а). В торжественной части приняли участие пресса, телевидение, казаки Череповецкой станицы имени генерала А. П. Кутепова, представители Союза писателей России. На открытии присутствовали также и представители местной и областной администрации, вынужденные уже к тому времени считаться с мнением общественности. Информация по открытию выставки «Рыцарь Белой идеи» в тот же вечер появилась в новостях вологодского телевидения, а в последующем в городских газетах «Речь» и «Голос Череповца». Организаторами выставки был выпущен буклет с краткой биографией генерала А. П. Кутепова. Многие жители Череповца и Вологодской области, представители общественных организаций и структур власти посетили эту выставку и смогли открыть для себя русского генерала Александра Павловича Кутепова как достойного человека и офицера. С переездом Исторического музея в новое здание было решено при оборудовании выставочных залов создать постоянную экспозицию, посвященную Александру Павловичу.

В октябре 2007 года в десятом номере общественно-политического журнала «Посев» И. В. Вагановым и А. А. Маровым при содействии В. Ж. Цветкова была опубликована статья «Увековечение памяти генерала Кутепова. Власти: слова и реальность», освещавшая действительное положение дел по увековечению памяти Александра Павловича в Череповце. Главной задачей статьи было рассказать читателям в России и Русском зарубежье о проблемах по увековечению памяти А. П. Кутепова, привлечь внимание видных общественных и политических деятелей к этому вопросу.

В 2008 году силами городской Общественной палаты (О. П. Федорова и Е. Ю. Манушиной) и казаков Вологодского отдела ОСЗКО было решено провести очередную выставку, получившую название «Два генерала». Она была посвящена двум известным уроженцам нашего города, находившимся по разные стороны фронтов в годы Гражданской войны: генералу Александру Павловичу Кутепову и командарму Ивану Панфиловичу Белову. Фото-документы, различные экспонаты, архивные и другие материалы для этой выставки, как и для предыдущей, были предоставлены Комиссией по увековечению памяти генерала А. П. Кутепова, а также казаками отдела и представителями общественных организаций. Финансирование выставки полностью взяла на себя городская Общественная палата. Выставка «Два генерала» начала свою работу в начале мая 2008 года на базе библиотеки ОАО «Северсталь» и завершилась в конце июня этого же года.

В 2008 году новый мэр Череповца О. С. Кувшинников в прямом эфире по местному телеканалу «Провинция» начал проводить серию бесед под названием «От первого лица», на которых отвечал на вопросы жителей города. В одной из таких передач атаман Вологодского отдела И. В. Поплавский задал ему вопрос: как наша местная администрация и сам мэр относятся к идее увековечения памяти генерала А. П. Кутепова в родном городе и можно ли от них ожидать в этом деле какой-либо помощи? Ответ О. С. Кувшинникова шокировал. Он предложил И. В. Поплавскому подготовить пакет документов по биографии генерала Кутепова с обращением на его имя, и если он посчитает, что этот генерал заслуживает, чтобы его увековечили в родном городе, то после ознакомления с документами даст соответствующее распоряжение своим заместителям.

С чего начинали, к тому и пришли...

Но даже при таком ответе Комиссия по увековечению памяти генерала А. П. Кутепова решила, что следует воспользоваться и такой возможностью, чтобы еще раз высказать свое мнение и поставить местную власть в известность о желании общественности и жителей города увековечить память знаменитого генерала. На данный момент готовится очередной пакет документов для обращения в мэрию, и организаторы надеются, что с привлечением внимания к возникшим проблемам со стороны многих известных деятелей России и Зарубежья им удастся решить их и воздать должное заслугам своего земляка.

Как показали последние события, на уровне области с мнением общественности представители власти стали все же считаться. В декабре 2008 года по заказу правительства Вологодской области при поддержке губернатора В. Е. Позгалева к 300-летию Белозерского пехотного полка вышла книга В. В. Дементьева «Слово о полку Белозерском». Хотя сама книга содержит много исторических ошибок и на две трети состоит из материала, ничего общего не имеющего с историей этого славного полка, но в ней в числе знаменитых генералов, уроженцев Вологодской области, присутствует фигура Александра Павловича с указанием, что он родился в городе Череповце. Значит, что-то все-таки начало меняться в сознании представителей областной и, возможно, городской администрации, если белый генерал все же вошел в список знаменитых людей области.

В настоящее время решается вопрос с начальником Череповецкого железнодорожного вокзала А. П. Ахоткиным об установке памятной доски, посвященной генералу А. П. Кутепову, на здании железнодорожного вокзала.

Работа по увековечению памяти генерала Александра Павловича Кутепова в его родном городе продолжается...

Апрель 2009 года

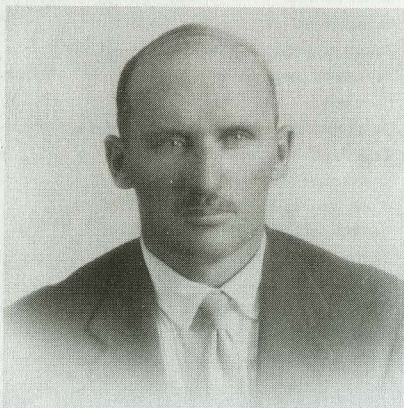
«КАППЕЛЬ И КАППЕЛЕВЦЫ»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПОЛКОВНИК ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ ВЫРЫПАЕВ

Полковник Василий Осипович Вырыпаев (1891–1977) известен, прежде всего, как ближайший сподвижник генерала В. О. Каппеля, воевавший со знаменитым героем Белого движения на Волге и в Сибири, совершивший с ним легендарный Сибирский Ледяной поход. Его воспоминания составили основу книги «Каппель и каппелевцы», дополненное и исправленное издание которой вышло в 2007 году.

Родившийся в Самаре, Василий Осипович окончил Самарское юнкерское училище и Московский коммерческий институт. На фронт Великой войны он вышел вольноопределяющимся, в 1914 году был награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. Служил в 5-м конно-артиллерийском дивизионе, к 1917 году был произведен в штабс-капитаны. После прихода к власти большевиков и возвращения с фронта в Самару он вошел в состав офицерской подпольной организации, а после занятия в июне города частями Чехословацкого корпуса был назначен командиром 1-й Волжской отдельной конной батареи Народной армии, а вскоре произведен в капитаны.

В. О. Вырыпаев. 1920-е гг. Австралия.
Фото предоставлено
Ольгой Вырыпаевой

Весь его дальнейший боевой путь связан с именем В. О. Каптеля. Василий Осипович принимал участие во всех операциях 1-го Волжского «каптелевского» корпуса и группы войск, в 1919 году был произведен в полковники. Во время Сибирского Ледяного похода он до последней минуты находился рядом с генералом Каптелем, а после его смерти 26 января 1920 года проделал оставшуюся часть похода с гробом, в котором лежало тело любимого шефа.

ПОЛКОВНИК
Василій Осиповичъ
ВЫРПАЕВЪ.

Родился 18-го Января 1891 г. православный, вдовецъ. Получилъ образование въ Коммерческомъ Институтѣ. Съ объявленіемъ войны поступилъ добровольцемъ въ одинъ опредѣляющимся въ 9-ую Конно Артиллерійскую батарею 5-го конно-артиллерійскаго дивизиона 5-ой кавалерійской дивизіи. Съ начала Августа 1914-го года до Декабря 1917 г. находился въ дѣйствующей Арміи. Въ Ноябрь 1914 г. за боевыя отличія былъ произведенъ въ чинъ Прапорщика съ годомъ старшинства.

Въ Іюль 1915 г. ведя огонь 6-ти орудійной 9-ой батарееи былъ тяжело раненъ около м.Вышнцы, разрывомъ бризантной гранаты, получивъ 8 раненій. Во время войны получилъ производства въ чинахъ послѣдовательно до чина Штабскапитана, а такъ же за боевыя отличія былъ награжденъ орденомъ Св.Анны 4-ой степени и всѣми очередными наградами до ордена Св.Владимира 4-ой степени съ мечами и бантомъ.

Весной 1918 года, съ расформированіемъ Арміи, состоялъ въ противобольшевицкой организаціи въ городѣ Самарѣ. Послѣ сверженія большевиковъ 6-го Іюня 1918 г. командовалъ 1-ой Конно-артиллерійской батарееи Народной Арміи въ первомъ Самарскомъ отрядѣ, возглавляемомъ тогда Подполковникомъ Каптелемъ.

Послѣ реформирования воинскихъ частей продолжалъ командовать той-же батарееи переименованной въ 1-ую Отдѣльную Волжскую Конно-артиллерійскую батарею.

Во время гражданской войны былъ произведенъ ставкой Верховнаго Правителя Адмирала Колчака въ чинъ Капитана и Подполковника. Отъ предложенія быть произведеннымъ за Волжскіе бои въ чинъ Генерала отказался, такъ же какъ и за производство за ледяной походъ черезъ о.Байналь.

Съ 24-го Января 1931 г. Василій Осиповичъ состоялъ въ Обществѣ Русскихъ Ветерановъ Великой Войны, входящій въ составъ Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ.

Продолжительная и тяжелая болѣзнь 26-го Февраля 1977 года свела доблестнаго Русскаго Офицера, всѣми уважаемаго Василя Осиповича въ могилу.

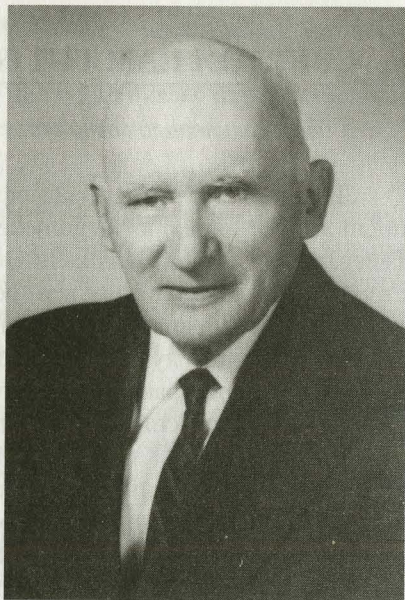
Похороны состоялись на Сербскомъ кладбищѣ 28-го Февраля.

ДА УПОКОИТЬ ГОСПОДЬ ЕГО ДУШУ ВЪ ЦАРСТВІИ НЕБЕСНОМЪ.

Некролог В. О. Вырпаева

С 1922 года В. О. Вырыпаев находился в эмиграции в Китае, с 1923 – в Австралии, а с 1929 года – в США (Сан-Франциско). Работал сотрудником журнала «Военная быль». Скончался Василий Осипович в феврале 1977 года.

Сегодня, благодаря помощи заведующего архивом и библиотекой Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско С. Н. Забелина, любезно предоставившего Информационному агентству «Белые воины» некролог В. О. Вырыпаева и его фотографии, мы впервые публикуем эти интересные документы. Фотография могилы В. О. Вырыпаева предоставлена для публикации Л. Ю. Тремсиной.

В. О. Вырыпаев. 1970-е гг.

Могила
В. О. Вырыпаева
в Сан-Франциско

М. Рокотов СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ*

К двадцатилетию возникновения Белого движения на Волге

Двадцать лет тому назад офицерская организация в Самаре подняла восстание против большевиков, и возглавил его полковник Генерального штаба Владимир Оскарович Каппель. Восстание быстро разрасталось, и вскоре вся средняя Волга была уже в руках каппелевцев. Большевикам пришлось бросать огромные массы красноармейцев, послать лучших своих военачальников, чтобы сперва остановить распространение Белого движения на запад, к Москве, а затем начать оттеснять численно слабые силы Каппеля на восток.

Там полковник Каппель был произведен в генерал-майоры, потом в генерал-лейтенанты, стал командующим третьей армией у адмирала Колчака, а вскоре, после оставления Омска – Главнокомандующим фронтом – фронтом, откатывающимся на восток.

Пишущему эти строки довелось близко узнать генерала Каппеля в «Великом Ледяном походе» по Сибири. Узнать и проникнуться к нему не только величайшим уважением и глубокой любовью, но и каким-то трепетным обожанием. Эти чувства генерал Каппель неизменно завоевывал у всех, кому выпадало счастье лично познакомиться с ним.

Этот человек был призван стать вождем. Его боготворили, ему верили, ему беспрекословно повиновались. Он владел исключительным даром пленять сердца. Он был прост, доступен, не терпел интриг. Превосходный стратег, он обладал большой личной смелостью и гражданским мужеством и никогда не боялся брать на себя ответственность за принимаемые решения.

Помню первое впечатление, когда фронт откатывался к Омску, и на той стороне Иртыша, на станции Куломзино стоял уже поезд командующего 3-й армией. Меня командировали из Омска в штаб этой армии с каким-то поручением. Вошел в вагон, где помещалось оперативное отделение штаба, беседую... В это время легкой быстрой походкой входит очень моложавый генерал. Светлые глаза, русая бородка и усы, вьющиеся светлые волосы... Сразу и в голову не

* Рубеж. Харбин. 1938. 30 июля. Материал предоставлен С. А. Жилиным (г. Ижевск).

пришло, что это – Каппель – привык, что командующие армиями выглядят и держатся совсем иначе.

Подошел, спросил по какому делу, дал тут же ответ, направил к кому следовало, и обратился к карте...

* * *

Незадолго до Красноярска генерал Каппель выделил из нашей части (артиллерия, погрузившая орудия и двигавшаяся дальше в конном строю), тридцать всадников в качестве своего личного конвоя. С ним обошел Красноярск и в Есаульской принял решение дальше двигаться сперва на север, а затем – по Кану, в обход сильного красноярского гарнизона.

К Кану выступил от деревни Подпорожной. До реки – семь верст тайгой, покрывавшей сопки, а дальше – около 95 верст по реке. Свыше ста верст зимой, совершенно без дорог и без жилых пунктов на этом пути.

Сам генерал Каппель с конвоем отправился почти в голове колонны. Путь был жуткий: девственный снег головным частям приходилось утаптывать своими ногами – *сто верст!* Местами, где в быстром Кане бьют теплые ключи, он недостаточно замерз, и лед проваливался под лошадьми и санями. И при всем этом все время перехода температура держалась на сорока градусах ниже нуля.

В каждом трудном месте являлся генерал Каппель и лично подбодрял изнемогающих от усталости, отчаявшихся людей.

И вот – провалился одной ногой под лед. А был он в легких бурковых сапогах... Ногу вытащил, но и другая уже промокла, и на морозе бурки тотчас же превратились в твердую ледяную кору. Возок, в котором ехал генерал Каппель, провалился под воду и лошади погибли.

Тогда он сел вторым на лошадь старшего разведчика своего конвоя, вольноопределяющегося Круковского, инженера по образованию, и дальнейший путь они совершили вместе.

Вскоре ноги стали болеть, стало больно ступать. Но генерал Каппель старался не подавать виду, скрывал недомогание.

Около деревни Аманат, близ Канска, узнав, что солдаты конвоя, бывшие артиллеристы, не знают артиллерийской службы, генерал Каппель остановил конвойный эскадрон и занялся с ним конным ученьем, объясняя солдатам сам, как надо выполнять команды.

С каждым днем ему становилось хуже. Ему уже трудно было ездить верхом – ехал лежа на снях. Врач, встретившийся на ночле-

ге части, определил, что подошвы ног отморожены и началась гангрена. Сделал операцию, срезав часть кожи...

И вот... – никогда не забуду!.. Ежедневно по утрам, перед отправлением в следующий этап похода, мы, конвойцы, выстраивались перед занимаемым им домом. Командир эскадрона, завидя движение в дверях, командовал «Смирно!» – и из дома выходил генерал Каппель. Не выходил, – его выносили, держа под мышки, два офицера его штаба. Лицо его дергалось от боли... И каждый раз, несмотря на возражения и мольбы офицеров, он заставлял их пустить его стать на ноги. И, став во весь рост, – на обнаженные от кожного покрова и пораженные гангреной ступни! – он, выпрямившись, прикладывал руку к головному убору и бодрым голосом здоровался с нами: «Здорово, конвойцы!»

Мы дружно отвечали и со слезами на глазах наблюдали, как зеленело от нестерпимой боли лицо любимого генерала, и он, теряя сознание, весь поникал, подхватываемый под руки офицерами. И так – в течение нескольких дней!..

Наконец, встретили еще врача – С. Н. Казем-Бека, двоюродного брата харбинского «добротного доктора» Б. А. Казем-Бека, и тот, осмотрев генерала, заявил категорически, что у него, кроме гангрены, – сильнейшее воспаление легких, и что его совершенно необходимо срочно погрузить в поезд.

Накануне погрузки – это было, кажется, на станции Худо-Еланской, уже недалеко от Иркутска, вечером генерал Каппель вызвал в свою комнату нашего командира эскадрона, полковника Романова, попрощался с ним и передал ему около 40 000 рублей сибирскими деньгами.

– Это все, что у меня осталось, – тихо сказал он. – Пожалуйста, передайте солдатам мою благодарность и раздайте им эти деньги.

Когда мы совершили очередной перегон, нам сказали, что генерал Каппель, погруженный в какой-то проходивший мимо эшелон румынских войск, умер в поезде.

Последний раз, воспаленными от жара глазами (я был уже в сыпном тифе), видел я генерала Каппеля в гробу в церкви на Мысовой, уже на восточном берегу Байкала, где служилась по нему панихида. Маленькая церковь была переполнена суровыми людьми, только что совершившими неслыханный по трудности поход. И все эти люди горячо молились, и по их обветренным, заросшим бородами лицам, катились слезы...

Изумительный был человек и начальник! Мир его душе.

ЗАПИСЬ КРАЕВЕДА В. А. АФЕРЕНКО О ПЕРЕХОДЕ АРМИИ ВО ГЛАВЕ С В. О. КАПЕЛЕМ ЧЕРЕЗ РЕКУ КАН*

Рассказал Щукин Пантелей Игнатъевич, 1894 года рождения

Прокопий Холофеевич Цыганков согласился быть проводником за хорошую плату, которую обещали (серебром), керенки были бумагой.

Он вернулся через неделю и сильно заболел. Вспоминать про тот поход не любил, рассказывал только подвыпивши. И всегда плакал. Кое-что я запомнил.

Он ехал с охраной впереди на санях на своей лошаденке. Капель тоже сначала ехал в кошеве. На Поливном пороге остановились из-за воды, искали обход. Стояли. Полозья примерзли, лошади сдвинуть не могли и цугом. Капель пересел в седло. Я тоже поехал верхом без седла. В одном месте за островком Капель отъехал за островок, за кусты, и провалился там. Вижу, что ноги мерзнут. Слезал с коня, шел, бил бурки друг о друга. Я сказал ему: «Товарищ генерал, Вы возьмите у кого-нибудь валенки, переобуйтесь». Он ответил, что я ему не товарищ. И ехал, пока не упал с седла. Его завернули в тулуп и довели до Барги.

У Прокопия жила родня там по жене. Он отогрелся, и когда все части прошли, вернулся назад. Прихватил с собой топор, вырубил свои сани и еще одни – чужие сзади привязал, довел до дому.

За санями, за сбруей, за одеждой крестьяне ездили на Кан часто в ту зиму, особо Подпорожские. Людей там погибло много. Трупы выносило все лето.

Балчуг, 16 августа 1967 года

* Материал предоставлен В В Черниковым (г Красноярск)

II. Прибыльский МОГИЛА КАППЕЛЯ*

Два года тому назад в Сибирской тайге, в станционном домике на разъезде Урей умер от крупозного воспаления легких вождь каппелевцев генерал-лейтенант В. О. Каппель.

Остатки Русской армии привезли дорогое тело в Забайкалье и похоронили в Чите.

А когда пришлось оставлять и Читу – прах Каппеля был вырыт из могилы и отправлен в Харбин, где и покоится сейчас на русском кладбище.

Покоится временно, до тех пор, когда можно будет прах вождя русского национального движения возвратить родной земле.

До тех пор даже мертвому нет заслуженного покоя. Мы знаем, что даже над трупом покойника могут быть издевательства, какие были над трупом генерала Корнилова, вырытого из могилы и отданного на глумление дикой толпе.

До тех пор даже не можем сказать обычной фразы, которую говорят над могилой.

Не можем сказать – мир праху твоему.

Такова доля смертников нашего лагеря. Бушующая красная толпа не терпит даже их могил. На своем крестном пути Русская армия оставила тысячи могил. И все эти могилы без имени, все это курганы, на которых даже последней награды, последнего утешения – креста нельзя поставить.

Эти бескрестные могилы символизируют нашу несчастную, бескрестную эпоху.

Но мы верим, что освободившийся от большевизма народ создаст братскую могилу своим лучшим сынам...

В свободной России будет братская могила каппелевцев.

Свободная Россия создаст и монумент на возвращенной с чужбины могиле Каппеля.

И тогда мы, оставшиеся в живых, сможем сказать над могилой нашего вождя:

– Мир праху твоему, наш Национальный вождь.

* Русская армия. Владивосток 27 января 1922 № 85

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Ж. Цветков
ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА
5

часть первая
БОРЬБА ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА
7

Б. А. Штейфон
ГЕНЕРАЛ А. П. КУТЕПОВ
9

ВОСПОМИНАНИЯ
227

Н. Н. Головин
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЮНКЕРЕ А. КУТЕПОВЕ
227

В. В. Свечин
ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ
230

П. Н. Малевский-Малевич
А. П. КУТЕПОВ В ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОМ
ПОЛКУ
239

В. В. Дейтрих
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА ПОСЛЕДНИЙ КОМАНДИР
247

В. А. Залобовский

КУТЕПОВ

260

П. Н. Шатилов

МОИ ВСТРЕЧИ С ГЕНЕРАЛОМ КУТЕПОВЫМ

261

М. А. Пешня

ПЕРВЫЙ МАРКОВЕЦ

268

В. Х. Даватц

ОДИН ИЗ БЕЖЕНЦЕВ

273

И. С. Лукаш

КУТЕП-ПАША

278

С. Михневич

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ О ГЕНЕРАЛЕ КУТЕПОВЕ

295

С. Е. Трубецкой

ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ

299

А. А. Зайцов

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕНЕРАЛЕ КУТЕПОВЕ

309

Н. Виноградов

БОРЬБА ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА

315

Н. А. Цуриков

СЛУГА РОССИИ

328

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

337

**ДОКУМЕНТЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА**

339

**А. П. КУТЕПОВ И ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
ПОЛК НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. 1914–1917 гг.**

363

**А. П. КУТЕПОВ И ПРЕОБРАЖЕНЦЫ
В РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**

401

А. П. КУТЕПОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ. 1918–1920 гг.

448

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. П. КУТЕПОВА В ЭМИГРАЦИИ

457

**СТАТЬИ ИЗ НОМЕРА ЖУРНАЛА «ЧАСОВОЙ»,
ВЫШЕДШЕГО ВСКОРЕ ПОСЛЕ ИЗВЕСТИЯ
ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА**

470

часть вторая

СУДЬБА ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА

495

В. В. Голицын

ПОХИЩЕНИЕ И УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА

497

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

555

**ПРОЕКТ «БЕЛЫЕ ВОИНЫ»:
ДЕСЯТЫЙ ГОД РАБОТЫ**

563

А. Н. Алекаев

«НАШ ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРИМЕРОМ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ»

569

А. А. Маров

СИТУАЦИЯ С УВЕКОВЕЧЕНИЕМ ПАМЯТИ
ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА В РОДНОМ ГОРОДЕ

563

«КАППЕЛЬ И КАППЕЛЕВЦЫ».
ПОСЛЕСЛОВИЕ

579

Военно-историческая серия «Белые Воины»

КАППЕЛЬ и каппелевцы

Вторая книга серии «Белые воины», выдержавшая уже два издания, посвящена известному генералу – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. В основу книги легли архивные документы и воспоминания, дневники офицеров частей Волжского корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В. О. Вырыпаева.

Отдельную часть книги составили работы современных историков, посвященные истории Народной армии Самарского Комуча, частей 1-го Волжского корпуса армии Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и др. Приведены данные о социальном составе каппелевцев, специфике комплектования белых армий, особенностях боевых действий на Восточном фронте Гражданской войны.

Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива кинофотодокументов, Российского государственного военного архива, а также из частных коллекций.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В. Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

ДРОЗДОВСКИЙ И ДРОЗДОВЦЫ

Четвертая книга серии «Белые Воины» рассказывает об истории одной из самых доблестных частей Добровольческой армии – Дроздовской стрелковой дивизии и ее легендарном шефе – генерал-майоре Михаиле Гордеевиче Дроздовском. В книге опубликованы материалы о формировании и начале боевого пути 1-й бригады русских добровольцев, ее героическом переходе с Румынского фронта на Дон, на соединение с Добровольческой армией. Приведены воспоминания об участии дроздовцев во 2-м Кубанском походе, боях 1919–1920 гг. Биографический очерк о генерале Дроздовском показывает непростую судьбу русского офицера, не изменившего присяге и Отечеству в годы тяжелых испытаний русской смуты. Интересны материалы о судьбах дроздовцев в Зарубежье. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также из коллекций А. Соколовского (Париж) и В. Чичерюкина-Мейнгардта.

Научный редактор
серии – кандидат исторических наук
В. Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

ВЕРНАЯ ГВАРДИЯ

Шестая книга военно-исторической серии «Белые воины» посвящена трем полковникам-монархистам: Ф. В. Винбергу, Ф. Н. Безаку и А. С. Гершельману. Этим людей объединяет много общего: все они происходили из известных генеральских семейств, служили в гвардейских полках Русской Императорской армии, принимали активное участие в деятельности монархических организаций.

Основу книги составили недоступные ранее широкому читателю дневники и воспоминания этих офицеров, рассказывающие о Русской смуте: революции 1917 года и Гражданской войне, а также первых годах жизни в эмиграции. Это изданный в Киеве в 1918 году и ставший раритетом тюремный дневник Ф. В. Винберга «В плену у “обезьян”. Записки “контрреволюционера”»; мемуары видного русского националиста полковника Ф. Н. Безака «Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте»; воспоминания белого офицера А. С. Гершельмана «Эмиграция», посвященные Рейхенгалльскому монархическому съезду и работе Высшего монархического совета, секретарем которого он являлся.

Тексты мемуаров предваряют обстоятельные биографические очерки, написанные историками А. А. Ивановым и С. Г. Зириным, которые впервые, на недоступном ранее материале, дают развернутое представление о судьбах и взглядах героев книги. Книга богато иллюстрирована фотографиями из раритетных эмигрантских изданий, частных коллекций и семейных архивов, значительная часть которых публикуется впервые.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В. Ж. Цветков.

Генерал Кутепов

Верстка текстовой части

В Н Карпухин

Компьютерные работы для иллюстративной части

В Н Карпухин

Корректор

Л Б Казьмина

Формат 60x90/16 Объем 37 п.л. Гарнитура «Петербург» Тираж 2000 экз
Печать ОАО «Типография <Новости>
Москва 105005 ул. Фрунзенская 46